

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ/

STEPS

Т.10. № 3 2024

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

Основан в мае 2015 г.

Издается четыре раза в год



ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Москва
2024

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES

SHAGI/

STEPS

Vol.10. No.3 2024

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

Established in May 2015
Issued quarterly



PRESIDENTIAL
ACADEMY

MOSCOW
2024

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2412–9410 (print)
ISSN 2782–1765 (online)
Рецензируемый журнал открытого доступа
Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов — д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

Редакция (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия)

М. В. Ахметова — канд. филол. наук, зам. главного редактора

М. В. Гаврилова — канд. филол. наук, ответственный секретарь

Н. П. Гринцер — д-р филол. наук, куратор направления «Античная культура»

Д. Е. Давыдова — (технический специалист),

И. В. Ершова — д-р филол. наук, куратор направления «Историко-литературные исследования»

И. А. Женин — канд. ист. наук, куратор направления «История»

М. С. Неклюдова — PhD, куратор направления «Культурология»

Н. В. Петров — канд. филол. наук, куратор направления «Теоретическая фольклористика»

А. В. Хохлова — (технический специалист)

Д. А. Худяков — канд. филол. наук, куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание»

Редакционная коллегия

Х. Баран — PhD, Университет Олбани, США

Н. Б. Вахтин — д-р филол. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Л. М. Ермакова — д-р филол. наук, Университет иностранных языков города Кобе, Япония

А. Л. Зорин — д-р филол. наук, Оксфордский университет, Великобритания; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

С. Э. Зуев — канд. искусствоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

С. А. Иванов — д-р ист. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия

К. Келли — PhD, Оксфордский университет, Великобритания

А. А. Кибрик — д-р филол. наук, Институт языкознания РАН, Россия

А. С. Корндорф — д-р искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Россия

М. А. Кронгауз — д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия

- С. Ловелл* — PhD, Лондонский университет, Кингс Колледж, Великобритания
- А. В. Майоров* — д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
- В. А. Мау* — д-р эконом. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия
- А. Б. Мороз* — д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия
- С. Ю. Павлова* — д-р филол. наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия
- Ю. Л. Слёзкин* — PhD, Калифорнийский университет в Беркли, США
- В. Ф. Спиридонов* — д-р психол. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия
- К. А. Учитель* — д-р искусствоведения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия
- А. А. Фаустов* — д-р филол. наук, Воронежский государственный университет, Россия
- О. Б. Христофорова* — д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Россия
- Т. В. Черниговская* — д-р филол. наук, д-р биол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
- А. Шёнле* — PhD, Лондонский университет королевы Марии, Великобритания

Куратор номера: *М. В. Ахметова*

Приглашенный редактор: *М. В. Гаврилова*

Научный редактор: *М. В. Ахметова*

Редакторы английского текста: *Х. Баран, К. С. Данилочкина*

Корректор: *Н. В. Сайкина*

Верстка, дизайн: *В. Ф. Лурье*

Веб-сайт: <https://steps.ranepa.ru>

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

Адрес редакции: Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 9

Тел.: +7 (499) 956-96-47

Индексация: Scopus, ERIHPLUS, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI, CNKI, Научная электронная библиотека (Elibrary.ru), РИНЦ, Cyberleninka, ЭБС «Лань».

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (верстка, дизайн, макет), 2024

© Авторы, 2024



ISSN 2412–9410 (print)
ISSN 2782–1765 (online)
Open Access peer-reviewed journal
Shagi / Steps. Vol. 10. No. 3. 2024

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Nekliudov — Dr. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Russia; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Editorial Team (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

Maria V. Akhmetova — Cand. Sci. (Philology), Deputy Editor-in-Chief

Daria E. Davydova — (Technical Specialist)

Irina V. Ershova — Dr. Sci. (Philology), Responsible for Historical-Literary Section

Maria V. Gavrilova — Cand. Sci. (Philology), Secretary

Nikolai P. Grintser — Dr. Sci. (Philology), Responsible for Classical Studies Section

Alyona V. Khokhlova — (Technical Specialist)

Dmitry A. Khudiakov — Cand. Sci. (Philology), Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistic Section

Maria S. Neklyudova — PhD, Responsible for Cultural Studies Section

Nikita V. Petrov — Cand. Sci. (Philology), Responsible for Theoretical Folklore Studies Section

Ilya A. Zhenin — Cand. Sci. (History), Responsible for Historical Section

Editorial Board

Henryk Baran — PhD, University at Albany, State University of New York, USA

Tatiana V. Chernigovskaya — Dr. Sci. (Philology, Biology), Saint Petersburg State University, Russia

Liudmila M. Ermakova — Dr. Sci. (Philology), Kobe City University of Foreign Studies, Japan

Andrei A. Faustov — Dr. Sci. (Philology), Voronezh State University, Russia

Sergei A. Ivanov — Dr. Sci. (History), National Research University Higher School of Economy, Russia

Catriona Kelly — PhD, University of Oxford, Great Britain

Andrei A. Kibrik — Dr. Sci. (Philology), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia

Olga B. Khristoforova — Dr. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Russia

Anna S. Korndorf — Dr. Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Russia

Maxim A. Krongauz — Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia

Stephen Lovell — PhD, University of London, King's College, Great Britain

Alexander V. Maiorov — Dr. Sci. (History), Saint Petersburg State University, Russia

Vladimir A. Mau — Dr. Sci. (Economy), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Andrey B. Moroz — Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia

Svetlana Yu. Pavlova — Dr. Sci. (Philology), Saratov State University, Russia

Andreas Schönle — PhD, Queen Mary University of London, Great Britain

Yuri Slezkine — PhD, The University of California, Berkeley, USA

Vladimir F. Spiridonov — Dr. Sci. (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Konstantin A. Uchitel — Dr. Sci. (Art Studies), European University at St. Petersburg, Russia

Nikolai B. Vakhtin — Dr. Sci. (Philology), European University at St. Petersburg, Russia

Andrei L. Zorin — Dr. Sci. (Philology), University of Oxford, Great Britain; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Sergei E. Zuev — Cand. Sci. (Art Studies), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Responsible for the issue: *Maria V. Akhmetova*

Guest Editor: *Maria V. Gavrilova*

Academic Editor: *Maria V. Akhmetova*

English Language Editors: *Henryk Baran, Ksenia S. Danilochkina*

Copy Editor: *Natalia V. Saikina*

Layout Editor, Designer: *Vadim F. Lurie*

Website: <https://steps.ranepa.ru>

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

Editorial office postal address: Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, Corpus 9

Tel.: +7 (499) 956 96-47

Indexing and archiving: Scopus, ERIH PLUS, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI, CNKI, RISC, Elibrary.ru, Cyberleninka, E.lanbook.com.

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (layout, design), 2024

© Authors, 2024



СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	11
-------------------	----

СТАТЬИ

Память об оккупации и Холокосте: устная история, фольклор, ложные воспоминания

Е. А. Закревская. Устные рассказы о спасении евреев во время Холокоста: реальность, фольклор и медиазаимствования	14
А. А. Кирзюк. «Хватают всех подряд»: газвагены в краснодарских нарративах об оккупации	36
М. В. Гаврилова. Память о Мусе Пинкензоне: между наивной литературой, фольклором и ложными воспоминаниями	58
Е. А. Закревская, С. В. Белянин. «Индустрия воспоминаний»: публичное воспроизведение и производство рассказов о Великой Отечественной войне	85

Культурное поле текста

Е. Р. Сквайрс. «Цензурный эллипсис» в печатных книгах в эпоху религиозных преобразований Англии XV–XVI вв.: лингвистический и исторический аспекты	108
С. Ю. Королёва, М. А. Тихонова. Духовные стихи в рукописных поминальных тетрадах (традиция русско-коми-пермяцкого пограничья)	128
Г. Г. Гиздатов. Игровое поле текста в художественной практике «последнего авангардиста» Сергея Маслова	163

Цифровые исследования литературных текстов

Е. И. Вожик, Р. А. Лисюков. Тематика фельетонов о Новом Поэте и ее диахронические трансформации	178
Ф. Н. Двинятин, Б. В. Ковалев. «Сирин не уступает Леонову»: метод Delta для стилеметрического анализа русских романов межвоенного периода	207

Имя в языке: миф — контекст — коннотации

Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова. Deus ex nomine: еще раз о языковом мифе и наивной религии	230
В. А. Коршунков. Лесков и латынь	266
И. В. Тресорукова. Прометей, Геракл, Икар и другие: прецедентность мифонимов в новогреческом языке	286

ПЕРЕВОДЫ

Т. Н. Гончарова. «Стенька Разин» Проспера Мериме: комментированный перевод третьей главы	300
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

- Е. Н. Строганова. Неопубликованные стихотворения Н. Д. Хвощинской
из альбома Н. П. Алябьевой320
- В. А. Бондарев, О. И. Рудая. «Многоуважаемый Рейхсканцлер господин
Гитлер»: об антисоветских настроениях в немецких колониях СССР
в 1932–1933 гг.346
- В. А. Бондарев, Ю. А. Булыгин. «На предложение вступить в партизанский
отряд райпрокурор т. Онушко ответил отказом...»353

РЕЦЕНЗИИ

- С. В. Алпатов, В. В. Нагорных. «Самостоянье человека»: актуальные
проблемы коммуникативно-семиотической интерпретации феноменов
языка и смеха364

CONTENTS

EDITORIAL NOTE	11
----------------------	----

ARTICLES

Memory about the Nazi occupation and the Holocaust: Oral history, folklore, false memory

E. A. ZAKREVSKAYA. Oral stories about the rescue of Jews during the Holocaust: Folklore, reality and media	14
A. A. KIRZIUK. “They grab everyone”: <i>Gaswagens</i> in Krasnodar narratives about the Nazi occupation	36
M. V. GAVRILOVA. Remembering Musya Pinkenzon: Between naïve literature, folklore and false memories	58
E. A. ZAKREVSKAYA, & S. V. BELYANIN. “The memory industry”: Reproduction and production of public stories about the Great Patriotic War	85

Cultural field of text

C. R. SQUIRES. ‘The censor’s ellipsis’ in printed books of the time of religious reform in 15 th –16 th century England: Linguistic and historical aspects	108
S. YU. KOROLYOVA, & M. A. TIKHONOVA. Spiritual verses in handwritten memorial notebooks (tradition of the Russian-Komi-Permyak borderland)	128
G. G. GIZDATOV. The playing field of the text in the art-practice of the “last avant-garde artist”, Sergei Maslov	163

Digital studies of literature

E. I. VOZHIK, & R. A. LISIUKOV. Thematic repertoire of feuilletons about the New Poet and its diachronic transformations	178
F. N. DVINIATIN, & B. V. KOVALEV. “Sirin is not inferior to Leonov”: Burrows’s Delta for stylometric analysis of Russian novels of the interwar period	207

Name in language: Myth — context — connotation

E. L. BEREZOVICH, & O. D. SURIKOVA. Deus ex nomine: Once more on the language myth and naïve religion	230
V. A. KORSHUNKOV. Leskov and Latin	266
I. V. TRESORUKOVA. Prometheus, Hercules, Icarus, etc.: About precedent nouns-mythonyms in the modern Greek language	286

TRANSLATIONS

T. N. GONCHAROVA. “Stenka Razin” by Prosper Mérimée: A commented translation of the third chapter	300
--	-----

PUBLICATIONS OF SOURCES

- E. N. STROGANOVA. Unpublished poems by N. D. Khvoshchinskaya
from an album of the Alyabyev family320
- V. A. BONDAREV, & O. I. RUDAYA. “Dear Reich Chancellor Mr. Hitler”:
About anti-Soviet sentiments in German colonies in the USSR
in 1932–1933346
- V. A. BONDAREV, & YU. A. BULYGIN. “When asked to join the partisan detachment,
the district prosecutor, comrade Onushko, refused...”353

BOOK REVIEWS

- S. V. ALPATOV, & V. V. NAGORNYKH. “Human self-grounding”:
Key problems of communicative-semiotic interpretation the phenomena
of language and laughter364

ОТ РЕДАКЦИИ

Открывающая этот номер журнала рубрика «Память об оккупации и Холокосте: устная история, фольклор, ложные воспоминания» состоит из четырех статей, основанных на материалах, которые были собраны авторами на бывших оккупированных территориях в 2020–2024 гг. Сквозная тема подборки — механизмы фольклоризации, благодаря которым одни события выпадают из коллективной памяти, а другие задерживаются в ней надолго, обрастая деталями, заимствованными из фольклора, литературы, кинематографа и публикаций в СМИ. Согласно исследованиям психологов, фольклористов и специалистов по устной истории, индивидуальные воспоминания постоянно корректируются под влиянием политики памяти, медийного фона и прагматики мемуариста, что приводит к искажениям исторической реальности. Если же речь идет о событиях, удаленных во времени, но находящихся в центре государственной исторической политики, то возможно появление целиком ложных воспоминаний. Авторы вошедших в рубрику статей прослеживают, как воспоминания о событиях военного времени трансформируются при переходе от их очевидцев к носителям *п о с т п а м я т и* (М. Хирш). Особое внимание уделяется социальным и психологическим функциям рассказов об этих событиях. Нарративы *постпамяти* позволяют найти приемлемое объяснение трагедиям прошлого и справиться с чувством вины из-за гибели невинных людей. Некоторые из этих историй помогают сформировать локальное мемориальное сообщество, а рассказчики благодаря им получают внимание аудитории и повышают свой социальный статус. В статье **А. А. Кирзюк** показано, как на содержание устных рассказов об оккупации влияют государственная политика памяти, мемориальный ландшафт и устойчивые фольклорные мотивы. **М. В. Гаврилова**, а также **С. В. Белянин** и **Е. А. Закревская** в совместной статье исследуют процесс замещения личного опыта рассказчика ложными воспоминаниями о военном времени, составленными из фольклорных, литературных и медийных сюжетов, а также анализируют причины такого замещения. **Е. А. Закревская** в отдельной статье показывает, как происходит отбор сюжетов в устную традицию рассказов об оккупации, и анализирует механизмы этого отбора.

В статьях следующей рубрики, «Культурное поле текста», анализируются практики, связанные с функционированием текста и слова (в широком смысле) в различных культурных контекстах, от деятельности цензоров раннего Нового времени до актуального искусства рубежа XX–XXI вв. **Е. Р. Сквайрс** рассматривает в историко-лингвистическом аспекте феномен «апостериорной» правки изданных книг, когда в Англии в эпоху Реформации в печатных изданиях *постфактум* вымарывались упоминания римского папы. **С. Ю. Королёва** и **М. А. Тихонова** обращаются к материалу рукописных поминальных тетрадей, бытующих в Коми-Пер-

мяцком округе Пермского края среди русских и коми-пермяков. В их статье характеризуются представления носителей традиции о жанре текстов, рассматриваются происхождение и состав поминальных тетрадей, а также отражаемая текстами связь устной и письменной поминальных традиций, бытующих в регионе. Предметом исследования **Г. Г. Гиздатов** стало творчество казахстанского авангардиста рубежа XX–XXI вв. Сергея Маслова, использовавшего в своей художественной практике игру с различными формами и жанрами текстов, таких как книга, личное письмо, аннотация к выставке, гороскоп, инструкция, газетный репортаж и т. д.

Авторы статей, опубликованных в рубрике «Цифровые исследования литературных текстов», сосредоточивают свое внимание не столько на материале, сколько на методе его исследования. В статье **Е. И. Вожик** и **Р. А. Лисюкова** это метод структурного тематического моделирования, позволяющий выделить в фельетонах И. И. Панаева и других авторов середины XIX в., объединенных темой Нового Поэта, предметно-семантические поля и показать их тематическое разнообразие. **Ф. Н. Двинягин** и **Б. В. Ковалев** демонстрируют возможности метода Delta Дж. Бёрроуза для стилеметрического анализа творчества писателей межвоенного периода (Б. Зайцева, Г. Газданова, А. Гайдара, А. Грина, М. Зощенко, В. Катаева, Л. Леонова, В. Набокова, Ю. Олеши, Б. Пильняка, А. Н. Толстого и И. Шмелева) и установления связей между данными авторами.

Рубрика «Имя в языке: миф — контекст — коннотации» посвящена ономастической проблематике. На диалектном материале основана статья **Е. Л. Березович** и **О. Д. Суриковой**, которые показывают, как в восточнославянской (преимущественно русской) культурно-языковой традиции происходит «рождение» мифологических персонажей из языковых знаков (например, обозначение детского припадка *родимчик* мотивирует появление в запугиваниях персонажа по имени *Родька*) или текстовых фрагментов (формул проклятия, песенных припевов, звукоподражаний и т. д.). **В. А. Коршунов** поднимает проблему использования латинизмов в творчестве Н. С. Лескова и приходит к выводу, что если при создании «искусственных» священнических фамилий писатель действительно обращался к латинскому материалу (но зная язык поверхностно, он конструировал такие фамилии с ошибками), то в других случаях едва ли речь может идти о скрытых латинизмах. Например, выклик «Регла!» в описании языческого обряда (роман «На ножах») автор статьи предлагает возводить не к лат. *regula*, а к теониму *Регл* — части имени славянского божества Семаргла (Симаргла) в записях некоторых древнерусских книжников. Наконец, **И. В. Тресорукова** рассматривает использование в новогреческом языке прецедентных имен античных божеств и мифологических персонажей. В современных текстах такие онимы указывают на характерные особенности и прецедентные ситуации, связанные с этими персонажами (так, мать-детоубийца именуется «современной Медеей», а человек, обладающий физической силой, — Антеем), и зачастую переходят в разряд имен нарицательных.

В разделе «Переводы» вниманию читателей предлагается русскоязычная версия третьей главы исторического очерка Проспера Мериме «Стенька Разин», который долгое время считался сокращенным переводом одноименного труда Н. И. Костомарова, однако, как показано в комментарии **Т. Н. Гончаровой**, очерк Мериме фактически представляет собой самостоятельное литературное произведение.

В разделе «Публикации источников» представлены архивные материалы, один из которых тематически перекликается с представленной в разделе «Статьи» литературной проблематикой, а еще два — с проблематикой исторической. В первой публикации, подготовленной **Е. Н. Строгановой**, содержится подборка стихотворений Н. Д. Хвошинской, более известной в середине XIX в. как прозаик. Эти тексты были записаны в альбом семейства Алябьевых, с которыми Хвошинская состояла в родстве; нюансы взаимоотношений между нею и кузинами Алябьевыми подробно характеризуются в предисловии к публикации. Наконец, **В. И. Бондарев** публикует два документа — один в соавторстве с **О. И. Рудой**, другой — с **Ю. А. Булыгиным**. Первый документ — письмо Гитлеру, написанное в период массового голода начала 1930-х годов советским немцем, свидетельствующее об антисоветских настроениях в среде немецких колонистов. Вторым документом демонстрирует частный казус времен Великой Отечественной войны, связанный с конфликтными отношениями в кругах локальных политических элит.

Е. А. Закревская^{ab}

<https://orcid.org/0009-0002-7872-5020>

✉ eazakrevskaya@gmail.com

^a Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)

^b Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О СПАСЕНИИ ЕВРЕЕВ ВО ВРЕМЯ ХОЛОКОСТА: РЕАЛЬНОСТЬ, ФОЛЬКЛОР И МЕДИАЗАИМСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, каким образом устные истории о прошлом «отбираются» в традицию. Показаны механизмы их закрепления в традиции на материале записанного в 2000–2023 гг. корпуса устных рассказов о Холокосте и о спасении евреев на оккупированных советских территориях. Согласно гипотезе автора, истории, способные закрепиться в традиции, могут пройти ряд «фильтров». Они должны отвечать представлениям, сформированным советскими, постсоветскими и западными медиа и идеологией (т. е. вписываться в социальные рамки памяти о Холокосте), а также иметь понятную и запоминающуюся структуру, свойственную фольклорным фабулам и меморатам; кроме того, в таких рассказах особым образом проговариваются травматические переживания и детали сцен насилия. Истории, которые не проходят эти «фильтры», не могут закрепиться в традиции, их можно записать только от очевидцев событий; те же истории, которые имеют описанные выше признаки, бытуют не только среди очевидцев, но и среди представителей последующих поколений, становятся частью семейной и локальной памяти и появляются на страницах краеведческих блогов и произведений наивной литературы.

Ключевые слова: устная история, исследования памяти, Холокост, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, квазиисторический фольклор, праведники мира, глубинное интервью, космополитическая память

Благодарности. Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00796, <https://rscf.ru/project/23-28-00796>.

Для цитирования: Закревская Е. А. Устные рассказы о спасении евреев во время Холокоста: реальность, фольклор и медиазаимствования // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 14–35.

Поступило 3 июня 2023 г.; принято 4 июня 2024 г.

E. A. Zakrevskaya^{ab}

<https://orcid.org/0009-0002-7872-5020>

✉ eazakrevskaya@gmail.com

^a Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

^b Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

ORAL STORIES ABOUT THE RESCUE OF JEWS DURING THE HOLOCAUST: FOLKLORE, REALITY AND MEDIA

Abstract. How are oral histories about the past “selected” into tradition? In this article the mechanisms of this selection are discussed using in-depth interviews collected in 2000–2023. The topic of the stories is the Holocaust in the occupied part of the Soviet Union and the saving of Jews by other Soviet citizens. According to our hypothesis, stories that can gain a foothold in tradition may pass through some special “filters”. They must correspond to the worldview formed by Soviet, post-Soviet and Western media and ideology (in other words they need to fit into the social framework of memory of the Holocaust). They must also have an understandable and memorable structure similar to folk fables and memorates. In addition, when remembering the Holocaust people often talk about traumatic experiences and violence, so there is a specific way to talk about these complicated topics. Stories that do not pass through these “filters” usually cannot gain a foothold in tradition — so they may be told only by eyewitnesses. On the other hand, stories that have the features described above are being told not only among eyewitnesses of events, but also among young people. They become part of family memory and of local memory.

Keywords: oral history, memory studies, Holocaust, quasi-historical folklore, cosmopolitan memory, The Second World War, The Great Patriotic War, in-depth interview, Righteous Among the Nations

Acknowledgements. Project supported by Russian Science Foundation, grant no. 23-28-00796, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00796>.

To cite this article: Zakrevskaya, E. A. (2024). Oral stories about the rescue of Jews during the Holocaust: Folklore, reality and media. *Shagi / Steps*, 10(3), 14–35. (In Russian).

Received 3 June 3, 2023; accepted June 4, 2024

Современные исследования устных рассказов междисциплинарны: их рассматривают, прибегая к концептуальным находкам исследований памяти, травмы или медиа, фольклористики, литературоведения, когнитивной психологии, социальной антропологии. В этой статье я предприму попытку такого всестороннего анализа и подробно разберу несколько устойчивых сюжетов устных рассказов о спасении евреев во время Великой Отечественной войны.

Мой основной источник — это 523 интервью, собранных в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы». Участники проекта с 2020 г. собирают интервью у жителей бывших оккупированных территорий — у детей войны и их детей, у активистов памяти, краеведов, а также у людей, в чьи профессиональные обязанности входит сохранение памяти о Холокосте, — чиновников, учителей, библиотекарей, музейных сотрудников и т. д. Кроме того, при проведении исследования я опиралась на наивную литературу, краеведческие и журналистские тексты, посты и комментарии в социальных сетях, а также на собранные с 2010-х годов до наших дней интервью из полевого архива АНО Центр «Сэфер»: на момент написания статьи мною было просмотрено около 500 интервью из России, Беларуси, Молдовы. В тексте содержатся прямые цитаты девяти информантов; их список дан в приложении.

Содержательные особенности рассказов о спасении. Региональные отличия

Имеющиеся в нашем распоряжении устные рассказы о спасении евреев во время Холокоста содержат в себе ряд устойчивых сюжетов.

1. Жители оккупированных территорий прячут евреев у себя дома.
2. Евреев выдают за инфекционных больных.
3. Жители оккупированных территорий помогают еврею выдать себя за нееврея.
4. Жители оккупированных территорий помогают еврею скрыться с места расстрела.
5. Бездетная женщина / бездетная пара принимает в семью еврейского ребенка.

Эти тексты мы собираем в каталог устных рассказов об оккупации и Холокосте. Составление каталогов — это метод, которым фольклористы начиная с XIX в. пользуются для хранения, сортировки и типологического анализа записанных текстов¹; мы применяем его не к традиционному фольклору, а к нарративам о войне и Холокосте. На сегодняшний день фрагмент каталога опубликован как составная часть статьи об устных рас-

¹ Первым каталогом фольклорных текстов стал вышедший в 1910 г. сборник сказочных сюжетов финского фольклориста Антти Аарне. Система, заложенная Аарне, послужила образцом для создания всех последующих указателей [Неклюдов 2001].

сказах на тему оккупации Брянской области [Закревская 2023], а полная версия каталога все еще дополняется и готовится к публикации.

Несложно заметить, что этот перечень устойчивых сюжетов имеет много общего со списком поступков, за которые мемориальный музей Холокоста Яд ва-Шем дает звание праведника народов мира²:

1. Предоставление убежища в собственном доме либо укрытие в таком общественном или религиозном учреждении, которое могло обеспечить <...> укрытие.
2. Обеспечение еврею возможности выдать себя за нееврея посредством предоставления ему фальшивого удостоверения личности или свидетельства о крещении.
3. Помощь еврею в осуществлении бегства в безопасное место или за границу <...>
4. Временное усыновление (удочерение) еврейских детей в период войны [Розенблат 2011: 73].

Белорусский историк Е. С. Розенблат, описывая практики спасения евреев, предложил еще несколько значимых вариантов помощи, не входящих в официальный перечень:

1. Временное укрытие еврейского имущества
2. Помощь продуктами питания, медикаментами, одеждой, предметами первой необходимости <...>
4. Заступничество перед нападавшими на евреев (свидетельство, что жертва не имеет отношения к евреям <...>).
5. Осознанное принятие на работу евреев, обладавших поддельными «арийскими» документами... [Розенблат 2011: 73–75].

Вероятно, в случае рассказов о спасении евреев устная традиция действительно сохранила информацию о способах спасения евреев — хотя некоторые события в устных рассказах трансформируются до неузнаваемости³. При этом важно отметить, что многие документы, на которые опирается Яд ва-Шем, создаются на основе личных свидетельств — к примеру, это листы свидетельских показаний⁴ или письма с описаниями спасения⁵. Рассказы о спасении в устном бытовании значительно отлича-

² Праведник народов мира — это звание, которое Яд ва-Шем присуждает людям, спасавшим евреев во время войны. Подробнее о критериях внесения в список праведников народов мира см.: [Часто задаваемые вопросы б. д.].

³ Например, так произошло с историями об акции Холокоста на Змиёвской балке (см.: [Белянин, Закревская 2023]).

⁴ Листы свидетельских показаний — это особые анкеты, содержащие данные о людях, погибших во время Холокоста. Подробнее о них см.: [Что такое «Листы» б. д.]. Сами листы заполняются определенным формализованным способом, однако, работая с архивом Еврейской национально-культурной автономии Свердловской области (Екатеринбург), я не раз обнаруживала записанные на обороте листа развернутые рассказы о том, как погиб герой анкеты.

⁵ Акты Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК), на которые опираются историки, чтобы воссоздать происходившее на оккупированных советских террито-

ются от сжатых и формализованных описаний, используемых в таких документах, однако содержательно они похожи. Структуры и повествовательные клише, которые употребляются в устной речи, и будут разобраны в этой статье.

Помимо описанных выше универсальных сюжетов существуют и специфически региональные. Рассказы, записанные в Брянской и Смоленской областях, чаще всего повествуют о взаимоотношениях в локальном сообществе во время оккупации. Местные жители много и охотно рассказывают как о мародерстве, коллаборационизме и доносительстве, так и о взаимопомощи между соседями, помощи партизанам и спасении евреев. Такие рассказы служат способом выяснения отношений внутри сообщества — наши информанты утверждали, что до сих пор знают, чьи предки работали на немцев, а чьи отказались выдать партизан. Не факт, что это действительно так, но такие истории создают социальный капитал (или, наоборот, стигму), поэтому они пользуются популярностью⁶.

Тексты, записанные в Ростове-на-Дону, часто связаны с расстрелом в Змиёвской балке — самой масштабной акцией Холокоста в РСФСР. Расстрел является эпизодом конфликтной памяти — наши информанты иногда отмечают, что были убиты не только евреи, но и пленные красноармейцы или цыгане. Эти рассказы можно рассматривать как рефлекс мемориального конфликта, который начался в советское время и продолжается до сих пор. Так, установка памятной доски в Змиёвской балке в 2012 г. сопровождалась широкой общественной дискуссией на тему того, кому ее следует посвятить — евреям или «мирным советским гражданам»⁷.

В Краснодарском крае рассказы о Холокосте содержат не только описания того, как местные жители укрывали евреев, но и устойчивый сюжет о душегубках, в которых уничтожали всех жителей города без разбора (в реальности уничтожению подвергались евреи, коммунисты и пациенты психиатрических больниц). Популярность этого сюжета можно связать с низкой информированностью населения о том, что такое Холокост⁸, а также с нежеланием горожан «уступать» статус главных жертв оккупации евреям⁹.

риях, тоже создавались на основании свидетельских показаний, т. е. устных рассказов. Сравнительный анализ нарративов об оккупации из актов ЧГК и нарративов, описывающих те же события, но записанных в 2020–2021 гг., см.: [Белянин, Закревская 2023].

⁶ Примеры такой «инструментализации» памяти об оккупации мы разобрали в отдельной статье, однако в ней не затрагивается память о Холокосте, речь идет только об использовании памяти о мародерстве и коллаборационизме как оружия в соседских конфликтах [Белянин, Закревская 2022].

⁷ О мемориальном конфликте на Змиёвской балке см. лекции Анны Кирзюк «Память о Холокосте сегодня: мемориальные войны и мемориальный активизм» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9NBkqVxsXI4>) и «Змиевская Балка: место памяти о жертвах Холокоста vs военный мемориал» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7ajjy9fzaGg>), прочитанные на вебинарах Центра «Сэфер» соответственно 24 октября 2021 г. и 11 мая 2024 г.

⁸ О том, что жители Краснодарского края плохо информированы о Холокосте, писала Ирина Реброва [Rebrova 2020].

⁹ См. статью А. А. Кирзюк в этом номере журнала.

Наконец, истории о Холокосте на Северном Кавказе часто повествуют о нацистской комиссии, которая должна была определить, являются ли горские евреи евреями. Горские евреи — это субэтническая группа, проживающая в основном на Северном и Восточном Кавказе. Они исповедуют иудаизм, но их быт схож с бытом остальных горских народов. В годы оккупации горские евреи пытались, пользуясь этим сходством, выдать себя за мусульман (в случае попытки «индивидуального» спасения) или доказать, что все горские евреи в целом являются татами — народом, который исповедует иудаизм, но этнически к евреям не относится [Дымшиц, Бегун 1999: 15–18, 88–94].

Социальные рамки памяти и медийный контекст, в котором появляются нарративы о спасении

Двадцать второго июня 1941 года объявили войну. Через неделю после объявления войны начались бомбежки, и родителей мобилизовали в армию <...> Прошло немного времени, объявили эвакуацию <...>, и нас эвакуировали в Новосибирскую область, станция Татарка <...> И там, в Татарском военкомате, в армию я был призван. Там кавалерийский полк стоял. Отправили нас дальше в кавалерийское училище, там проходили занятия по обороне, и тоже принимали меры к обороне, тоже стали бомбить, но я попал в училище краснознаменное имени Первой конной армии и там проходил учебу в числе других. Мы с минометами сами направляли ракеты, ну, и обеспечивали, на лошадях мы были <...> И вот наступил счастливый день, когда война закончилась, в Тамбове уже нас застали, когда демобилизовали [Инф. 1].

Такую историю мне рассказал М. И. (1924 г. р.), у которого я брала интервью в Новозыбкове (Брянская область). У меня было две причины обратиться к нему: помимо того, что он был свидетелем и участником войны, он был знаком с Анной Исакович — еврейкой, спасенной во время акции Холокоста в лесу близ деревни Карховка¹⁰. Однако мой собеседник начал рассказ со своего фронтового пути, и было заметно, что он привык выбирать для разговора о Великой Отечественной войне именно этот сюжет — его рассказ изобилует датами, географическими названиями и канцелярскими речевыми оборотами. Как рассказчик отметил позднее, он не раз посещал различные мемориальные мероприятия, где говорил именно о своей фронтовой биографии, а не о своем еврействе и не о судьбе других евреев города.

¹⁰ Уже будучи пожилой женщиной, Анна Исакович стала работать над внесением своей спасительницы в список праведников мира — она писала в Яд ва-Шем письма с подробным описанием своего спасения. Это по каким-то причинам не удалось, однако копия записей Исакович по сей день хранится в одном из школьных музеев Новозыбкова и доступна посетителям.

Такой способ выстраивания нарратива о войне достаточно типичен для человека, который регулярно принимает участие в официальных мероприятиях. М. И. привык вписывать свои рассказы в государственный мемориальный канон, который строится вокруг фронта и тыла [Копосов 2011]. Это происходит в силу того, что коллективная память лучше удерживает какие-либо события в тех случаях, когда это социально санкционировано, — такая память востребована и поддерживается общественным мнением или институциями [Хальбвакс 2007], а рассказы свидетелей или представителей поколения «постпамяти» подстраиваются под общественный запрос.

Известно, что попытки говорить о массовых убийствах евреев на оккупированных советских территориях как о части Холокоста долгое время были под запретом [Мицель 2007]. Привычная нам сейчас атрибуция Холокоста как выдающейся и ни с чем не сравнимой трагедии¹¹ была распространена только в группах еврейских активистов [Костырченко 2020: 206–217], однако у широкой публики тоже сформировался свой язык разговора о нем. Говорить и писать на эту тему следовало, не выделяя трагедию еврейства среди других преступлений, совершенных нацистами [Zeltser 2018]. Нельзя сказать, что в Советском Союзе никто не был знаком с западной мемориальной культурой, — к примеру, дневник Анны Франк в СССР был впервые опубликован в 1965 г., — но память «по западному образцу» была достоянием узкого круга интеллигенции¹².

Советский дискурс о Холокосте апеллировал к интернационализму — осуждать Холокост предполагалось не как акцию, направленную против евреев, а как преступление против человечества в целом и советских граждан в частности. Поэтому помощь, оказываемая евреям нееврейским населением, в советском мемориальном каноне показывалась как массовая и бескорыстная — это был один из признаков единства советского народа перед лицом врага¹³. Риторические клише, описывающие коллективизм советских людей, были широко представлены в официальных советских текстах о войне, например, в песне «Если завтра война» («Как один человек, весь советский народ / За свободную Родину встанет»). Рассказы людей, которые в сознательном возрасте застали советскую эпоху, зачастую несут на себе отпечаток этого дискурса — например, Н. К., подростком заставшая оккупацию Краснодара, рассказала нам такую историю:

¹¹ Об этом см. подробнее, например: [Zombory 2020].

¹² К примеру, поэма «Бабий Яр» Евгения Евтушенко или роман «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана были приняты в среде интеллигенции, но в официальной публичной сфере подвергались критике. См.: [Бит-Юнан 2020; Костырченко 2012: 325–345, 251–370].

¹³ Впрочем, историки отмечают, что воспитание в соответствии с ценностями интернационализма было одной из причин, по которой жители оккупированных территорий могли решиться помогать евреям, — наряду с благодарностью за какие-то услуги, оказанные им в прошлом, хорошими межличностными отношениями или возможностью извлечь из этой помощи выгоду [Розенблат 2011: 80].

Инф. 2: У нас во дворе одна женщина жила <...> И она евреечка была — Ида. И мы ее прятали. Да, Иду, мы ее прятали. Потом нам говорят — вы что, в самом-то деле, делаете? Ну как, мы же давно жили, вместе жили, в самом-то деле, это, как ее не прятать. Мы ее прятали <...> В шифоньер или, это... Под кровать, вот так вот, чтобы не это... И не в одной комнате все время прятали, а в разных местах <...>

Соб.: А не было облав, не донес на вас никто?

Инф. 2: Нет, потому что мы так же делали осторожно, не в одной квартире. У нас же было сколько, 24 квартиры [нрзб.]. То в одной она побудет, там где-то запрячут, то в другой квартире запрячут ее <...>

Соб.: То есть, получается, весь дом ее спасал?

Инф. 2: Да, весь дом.

Наша собеседница сделала акцент на том, что в спасении еврейки Иды принимали участие все жители многоквартирного дома, и никто не донес и не отказался взять на себя такой риск. Другой наш собеседник рассказал о том, как жители Мариуполя, где он провел детство, собирали подписи в защиту детей-полукровок. При этом он отметил, что спасение было принято коллективно:

В двадцать восьмом или двадцать девятом году он [друг родителей информанта] женился на еврейке. И эта еврейка родила ему двоих детей — девочку Донночку и мальчика Бориса <...> Родились они, а в тридцать седьмом году умирает жена этого Суховалова, умирает еврейка. Ну, мужик остался один с двумя детьми, долго не это, в тридцать девятом году женился. И женился на еврейке опять! И у этой еврейки девочка, понимаешь, дочка. И когда [нацисты] объявили регистрацию, они пошли регистрироваться, и то ли с испуга, то ли с чего-то, это я уже не знаю. Взяли всех детей, взяли Донночку и Бориса — от первой жены — и взяла свою девочку тоже. И их всех сразу в гетто и на расстрел <...> Как мы спасали: ходили в гестапо, собирали списки, что они не еврейки, мать у них была армянка, обманули гестаповцев <...> там было человек двадцать [участвовали]. Подписали, там и моя в том числе бабушка <...> что мы, значит, жители города Мариуполя, знаем семью Суховалов... Не удалось спасти жену вторую и девочку [ее дочь], потому что знали, что они еврейки. А вот этих решили спасти и написали, что Донночка и Борис — не [от] еврейки, они от армянки, которая умерла в сорок втором году, умерла уже. Мы их забрали уже из гетто и побежали домой скорей, чтоб нас не остановили [Инф. 3].

После распада Советского Союза общий для всей западной мемориальной культуры нарратив о Холокосте как главной трагедии войны [Levy, Sznajder 2002] начал проникать в Россию. На этот процесс повлияли не только появление темы Холокоста в медиа, но и регистрация нескольких еврейских организаций (Федерация еврейских общин России — 1999 г.,

Российский еврейский конгресс — 1996 г.) и появление возможности путешествовать и репатриироваться в Израиль. Многие наши информанты узнали о Холокосте, побывав в Израиле и ознакомившись с экспозицией мемориального комплекса Яд ва-Шем. Появление социальных рамок памяти о Холокосте сделало востребованными рассказы о нем. Так, от одной из наших информанток мы записали следующую историю о том, как она спасла еврейскую девочку:

Как евреев расстреливали? Видела, я ж там стояла <...> отец был нерусский, еврей. А мать русская. А Соня [у которой отец был еврей] — моя подружка была <...> побежала мать искать, когда их арестовали. А их всех у клуб, у клуб заперли, евреев. Я туда пришла, и Соня там моя <...> Их туда согнали всех и из клуба погнали по Ломоносова туда-туда-туда, на это [в Карховский лес]. А мы вслед бежали. Вслед бежали, так подружка моя, ее арестовали. Прибежали туда, мать кинулась к немцам у ноги, понесла... Мы же мать нашли, на базаре она была <...> И мать прибежала туда уже, это, кинулась немцу в ноги, а мы стоим у кустиках <...> [говорит:] «мои дети», паспорт показывает. Соня, Роза и Вовочка, трое детей было <...> В общем, забрала она их, да [Инф. 4].

Несмотря на то что эта история достаточно правдоподобная и вполне могла иметь место в реальности, другая наша информантка заподозрила рассказчицу во лжи, когда мы в ходе неформальной беседы после интервью пересказали ей эту историю:

Соб.: А нам вчера рассказали еще одну историю — про девочку, которую спасла ее подружка. Что ее спасла Н., 93 года <...>

Инф. 5: Нет. Я знаю эту женщину <...> Она эту историю стала рассказывать совсем недавно <...> Она лично, вот когда мы это все [выставку в школьном музее — информантка работает учительницей] делали, мы с ней встречались, записывали видео-интервью, с детьми мы к ней ходили, она рассказывала, что она работала на железнодорожном вокзале <...> Ей было то ли шестнадцать, то ли семнадцать лет, она рассказывала очень красочно про бомбежку <...>

Соб.: То есть раньше она рассказывала только про бомбежку?

Инф. 5: Да <...>

Соб.: А когда начала рассказывать [про спасение еврейской девочки]?

Инф. 5: Ну, может быть, год назад. Я, честно сказать, не верю.

Такая ситуация (я имею в виду не только предполагаемую ложь, но и сам факт подозрений во лжи) вполне может быть связана с тем, что в советское время истории о спасении евреев были не столь востребованы, но ситуация изменилась, когда память о Холокосте обрела институциональную поддержку и «перестроилась» по западному образцу. Последнее стало возможно, так как в условиях глобализации нарративы памяти получили возможность проникать через границы государств и создавать «космопо-

литическую память» — представления и коммеморативные практики, разделяемые людьми более чем в одной стране [Levy, Sznajder 2002].

Распространенный в Европе и США нарратив о Холокосте проник в Россию преимущественно через культовые художественные произведения: многие россияне читали дневник Анны Франк, смотрели фильмы «Пианист», «Список Шиндлера» или «Мальчик в полосатой пижаме». Из-за того, что в СССР Холокост на советских оккупированных территориях долгое время замалчивался, а на Западе, напротив, активно освещался в медиа, кино и литературе, для некоторых россиян он стал ассоциироваться именно с лагерями смерти¹⁴. К примеру, в Екатеринбурге мы беседовали с руководительницей школьного театрального кружка, которая на день памяти Холокоста поставила спектакль «Мальчик в полосатой пижаме», а старшеклассницы подготовили выставку, посвященную опыту женщин — заключенных Освенцима. При этом в Екатеринбурге существуют две еврейских общины — однако вместо того, чтобы обратиться к ним и узнать факты или семейные истории о Холокосте на оккупированных советских территориях, наша собеседница выбрала обращение к западному медийному канону.

Можно предположить, что такое широкое распространение этого канона не только потеснило коммуникативную память об оккупации (как в примере выше), но и повлияло на нее содержательно. В перечисленных выше фильмах люди, спасавшие евреев, действовали бескорыстно и героически — рассказы о спасителях в западной мемориальной традиции стали такой же неотъемлемой частью памяти о Холокосте, как и рассказы выживших¹⁵. В качестве примера проникновения языка западной поп-культуры в российскую память о Холокосте можно привести медиатизацию подвига партизанского отряда Николая Киселева. В 1942 г. партизаны под руководством Киселева спасли 270 уцелевших после ликвидации гетто евреев из местечка Долгиново (БССР). Их вывели по лесам с оккупированной территории через Суражские ворота — разрыв в линии фронта [Герасимова 2016]. Предисловие к книге Инны Герасимовой, из которой широкой публике стало известно об этом событии, озаглавлено «Суражские ворота, или Список Герасимовой», а в 2008 г. по мотивам этих событий был снят документальный фильм «Список Киселева» (реж. Юрий Малюгин) — эти названия очевидно является отсылкой к «Списку Шиндлера». Мы не можем точно знать, в какой степени нарративы запад-

¹⁴ Нужно отметить, что на оккупированных советских территориях Холокост осуществлялся не так, как в Европе. В некоторых городах гетто существовали, но значительно отличались от европейских. Последние представляли собой отдельные районы и были надежно отгорожены от остального города. В Орловской области гетто были похожи скорее на концентрационные лагеря (с той разницей, что в заключении находились только евреи или евреи и цыгане), а иногда бывали с ними совмещены. В некоторых местах гетто вовсе не было — евреев собирали под обманным предлогом, например выселения, и сразу расстреливали. Таким образом были организованы акции Холокоста в Змиёвской балке или в Карховском лесу.

¹⁵ К примеру, женщина, укрывавшая семью Франк, написала книгу об этих событиях [Гиз 2019].

ной мемориальной культуры повлияли на российскую память о Холокосте, однако, как я покажу ниже, в устных рассказах о спасении евреев мотивация спасителей чаще всего тоже изображается как сугубо гуманистическая. Вероятно, такие представления являются сплавом советского интернационализма и западных нарративов о героических бескорыстных спасителях.

Морфология устного рассказа: устойчивые сюжеты и клише в рассказах о спасении евреев

Жизнь на оккупированных территориях для советского мемориального канона оказалась в «серой зоне» — так, люди, которые не эвакуировались, привыкли скрывать этот факт своей биографии [Exeler 2016: 830–831; Bernstein 2019: 4]. Вероятно, ощущение того, что рассказывать об этом на публику нежелательно, сохранилось и по сей день — особенно у пожилых людей. Темы бытовой жизни в оккупации, Холокоста на советских территориях или коллаборационизма нельзя назвать полностью табуированными, однако при их обсуждении неизбежно возникают фигуры умолчания или устойчивые риторические ходы, призванные «сгладить» впечатление от рассказа.

В условиях, когда память о Холокосте еще не приобрела институциональную поддержку, а публичные разговоры о жизни на оккупированных территориях могли бросить на человека тень, рассказы о Холокосте были частью «тайного знания», которое передавалось устно и в неформальной обстановке. Из-за этого на них сильно повлияли закономерности устной традиции — со временем они стали строиться как устойчивые фольклорные мемораты и фабулаты¹⁶. Говоря о войне и оккупации, рассказчики «собирают» текст из известных им структурных элементов¹⁷ — это позволяет исследователям применять методы фольклористики для структурного анализа рассказов о прошлом¹⁸.

В записанных нами историях о Холокосте мы регулярно встречали фольклорные клише — устойчивые короткие фразы или словосочетания. Примером таких клише является хорошо известный специалистам по устной истории способ описания акций Холокоста — «земля [на месте захоронения убитых] дышала три дня» (в некоторых случаях один день или неделю) или «земля плакала» [Розенблат, Еленская 2009:

¹⁶ О том, что рассказы о табуированном в публичном поле опыте фольклоризируются сильно и быстро, так как передаются только устно, писали финские исследовательницы Анне Хеймо и Улла-Майя Пелтонен, которые изучали устную историю гражданской войны в Финляндии. Они отметили, что рассказы представителей проигравшей стороны (красных) изобилуют фольклорными меморатами — например, об осквернении сакрального объекта (братской могилы) или об особенной жестокости белых [Heimo, Peltonen 2017].

¹⁷ Механика этого процесса описана на примере эпических сказаний, см.: [Лорд 1994].

¹⁸ Например, Анна Штерншиш выделяла пропповские структуры в нарративах евреев — ветеранов войны [Shternshis 2017].

167; Белова 2013: 233]. Некоторые клише призваны отразить переживания свидетелей Холокоста и выживших — персонажи таких историй могут сесть или потерять способность говорить. Известно, что появление седины занимает долгое время — оно, как правило, не может произойти за один день. Однако в устной традиции быстрое поседение является именно признаком пережитого стресса¹⁹. Наш собеседник, рассказывая об акции Холокоста на Змиёвской балке, использовал оба упомянутых клише:

Рассказывают, что к вечеру 11 августа сорок второго года расстрелы закончились, земля шевелилась. Местные жители говорят — просто шевелилась. Вот, и в этот же вечер один человек точно вылез. Молодой человек, наверное, меньше тридцати лет, еврей. В армию его не взяли, видимо по каким-то дефектам физическим, может быть, поэтому. Он вылез и прошел домой, вот. И когда они его увидели, он был весь седой, поседел там. Молодой человек, темноволосый, и вот, попав в эту яму вместе с трупами, увидев эти расстрелы, он там поседел [Инф. б].

Важно подчеркнуть, что, называя используемые в этих рассказах модели и клише фольклорными, я не хочу сказать, что они вымышленные. Истории о реальных событиях тоже строятся по существующим в традиции нарративным шаблонам из-за того, что любой нарратив укладывается в заданную культурой и когнитивными механизмами форму²⁰. К примеру, в рассказах о спасении еврейских детей нередко фигурирует мотив спасения бездетной женщиной или бездетной парой. Такой троп присутствует в рассказе, записанном нами в селе Богдановка (Ставропольский край), где осенью 1942 г. произошла акция Холокоста, рассказ о спасении еврейских детей бездетной женщиной:

У нас же не все были расстреляны... У нас одна была девочка, которая спаслась. Как раз эта девочка к нам приезжала и рассказывала эту историю <...> Когда фашисты вошли в наше село, они сказали, что будут все мирное население переселять на Украину. Ну, как бы выселять отсюда из села. Однако все мужское население собрали, сказали: «Нужно восстановить колодец». Нужно восстановить колодец за селом, который был разрушен, вот. [Мужчин] собрали, повели туда, женщинам сказали все самое ценное собрать с собой, и будем переселяться. Ну, уже как бы женщины понимали, что это не будет переселением. Они слышали, что творят фашисты, и поэтому они уже чувствовали, что это будет не переселение. И когда их везли в сторону, где

¹⁹ Описание стресса через внезапное появление седины интернационально: например, согласно легенде, Мария Антуанетта поседела за ночь перед казнью.

²⁰ Примеры такого обращения к устойчивым нарративным структурам исследователи отмечали и ранее. Так, Е. Е. Левкиевская описала клишированные крестьянские рассказы о наказании коммуниста-святоотатца, который осквернил церковь и вследствие этого погиб позорной или преждевременной смертью [Левкиевская 1997].

ихние мужчины находятся, они прекрасно понимали, что это на погибель. Вот, и мать этой девочки, она выбросила в траву [девочку]. Ну, как бы до этого сказав: «Ползи к русским... Ползи к русским, они тебя спасут». И девочка действительно доползла до русской семьи, и женщина ее спасла <...> хотя немцы пытались ее несколько раз забрать, но ее русская женщина говорила: «Это моя дочь, это моя дочь». Ну, видимо, и метрику там сделали, чтобы действительно подтвердить, что это ее дочь [Инф. 7].

Мотив заполучения ребенка бездетной парой (создания, усыновления ребенка или субститута ребенка — взрослого или животного и т. д.) известен нашим информантам из культурных текстов — к примеру, по нему строится ряд широко известных сказок [Закревская 2023: 75–76]. Похожая модель повествования также встречается в рассказах об исторических личностях или о личном опыте. К примеру, записанные в Новозыбкове рассказы о спасении Анны Исакович зачастую построены таким же образом:

Аня Исакович, она, это... Знаю ее хорошо, она замужем была за моим двоюродным братом. Ее мать, это, казнили... Прямо живьем бросали, ямы, рыли ямы, и живьем евреев бросали туда, и закапывали. И вот подвели к Карховке, тут Карховка есть такая. Подвели туда к яме евреи, а там, это, тетя Таня была такая, Аню эту с матерью туда привели тоже в числе других. Мать ее погибла так же. А тетя Таня — прямо уже яма, в яму бросили Аню тоже, ребенком была. А тетя Таня схватила Аню прямо с ямы, говорит: «Это ж моя дочка, моя доченька!» Ее это, приняла и спасла, воспитывала ее <...> Я знаком был с тетей Таней. Ей Анечка была как дочь, она очень дорожила ей. Когда дядя Павел, там был такой, женился на тете Тане, так он ставил вопрос, чтобы удочерить ее даже [Инф. 1].

Когда память о Холокосте обрела институциональную поддержку и стала востребованной, нарративные модели устных рассказов не только не исчезли, но вышли в публичное поле — в интернет, на краеведческие сайты и районные порталы. В 2014 г. на городском сайте Новозыбкова был опубликован написанный журналистом и писателем Яковом Раскиным рассказ о спасении Исакович. По версии Раскина Аню, которую не задело пулями по случайности, выкопали из расстрельной ямы мародеры. Татьяна Суханова, нашедшая девочку в лесу, забрала ее домой:

Татьяна уложила её на санки и, воспользовавшись наступившей темнотой, никем не замеченная, привезла девочку домой. Пришёл с работы муж — Александр <...> Когда, наконец, им удалось привести её в чувство, узнали, что её зовут Аня Лифшиц, что она, как потом оказалось, единственная, кто осталась в живых после карховской трагедии <...> Отогрев и накормив Аню, они постелили ей в погребе, где она и провела несколько суток. Лишь с наступлением темноты, погасив керосиновую лампу, Аня выходила из погреба. Своих детей у Сухановых не было и, может, поэтому они отдали ей всю теплоту родительской любви. Татьяна

удочерила Аню, дала ей свою фамилию. В родительский дом она никогда не заходила. Александр был призван в армию и в 44-м погиб где-то под Варшавой. Через несколько лет Аня Суханова (Лифшиц) вышла замуж за Анатолия Исаковича, но, зная своё еврейское происхождение, до самой смерти Бордовской (девичья фамилия Татьяна Сухановой — Е. З.) считала её своей мамой [Раскин 2014].

Как автор отмечает в комментариях к публикации, этот рассказ он решил написать после встречи с Анатолием Исаковичем. Текст Раскина, несмотря на художественную обработку, сохраняет многие элементы устной истории, из которой он вырос, — в частности, узнаваемый мотив удочерения.

Принципы отбора нарративов в традицию

Конечно, наши информанты обращаются к таким полусказочным тропам не специально — трансформация нарративов происходит невольно, под воздействием множества пересказов. Для того чтобы проследить ее траекторию, сравним приведенные выше истории, которые мы записали у людей, не являющихся свидетелями событий войны, с историями очевидцев. Одна из наших информанток — М. В., родом из Польши. Во время войны ее родители погибли в Освенциме, а она была спасена польской семьей, которая позднее переехала на Украину. Там ее приемный отец познакомился с еврейской семьей из Омска и передал им девочку:

Когда к ним [соседям-евреям] родственники эти приезжали отсюда, из Омска, ну, они ездили, у них был ребенок-инвалид, ДЦП у него было, и они его возили все время в Трускавец, а Трускавец около Дрогобыча [где жила информантка с приемным отцом] <...> А они искали ребенка, ну как, няньку для ребенка. Ну и когда они в один прекрасный день приехали, и эти им рассказали родственники, что вот так и так, есть ребенок, никому не нужна, ничего. Ну, я училась в школе. Они переписали, как вот... Отец этот мой приемный, да? Вроде как есть бумага, что меня передали, он меня передал им. Они вроде как на воспитание взяли меня, и вот в пятьдесят шестом году они меня оттуда увезли сюда. Вот так вот я попала в Россию [Инф. 8].

Новая семья удочерила М. В. для того, чтобы она ухаживала за их родным ребенком с инвалидностью. Вероятно, при множестве пересказов эта история превратилась бы в рассказ о том, как еврейскую девочку приняли в семью, — и ее действительно приняли, но в обмен на тяжелый труд по уходу за названным братом.

Другой фольклоризированный мотив, который мы регулярно записывали на бывших в оккупации территориях, — это спасение еврея из-за каких-либо его талантов или умений, например:

...их [евреев] попрятали по домам, когда в городе появилось гестапо. Их попрятали по домам, то Володю забрала одна из бабушек, у которой сын был <...> на фронте. И прям рядышком с комендатурой. И тогда стали облавы, стали искать, куда же деваются вот эти люди... Значит, и он говорит: «Однажды мы видели, как к дому, где жил Володя, подскочили два немца с автоматами. Остановились. Постояли-постояли, и он в глубине двора. Развернулись и ушли». Только потом узнали, что он, оказывается, хорошо знал немецкий, и старинным готическим шрифтом немецким, буквами, он написал вот такую вот бумажечку: «Здесь квартирует немецкий офицер — прошу не беспокоить» [Инф. 9].

Этот рассказ опирается на этнический стереотип о законопослушности немцев — но не только. Такие рассказы, вероятно, выросли из историй о том, как евреев спасали из-за каких-либо их способностей. Сравним приведенный выше рассказ с записанным Центром «Сэфер» в 2013 г. рассказом К. А. Во время войны она, будучи ребенком, вместе с матерью спаслась от акции Холокоста в Шклове (БССР). Им удалось смешаться с местными жителями, которых, по воспоминаниям К. А., согнали наблюдать расстрел, и затеряться в толпе. После того как толпа разошлась, они отправились в соседнее село Ганцевичи, где их приютила местная жительница:

И вот в Ганцевичах мы прожили с лета и до глубокой осени, снега еще не было, но уже было холодно. Значит, мама умела шить, и там одна женщина разрешила вот все эти погреба <...> и вот она нам дала эту погребню²¹, и в мы в этой погребне в соломе там находились, а на ночь она пускала нас в дом. Мама ночь шила, а я на печи лежала. И вот как только рано утром, она уже меня будит, чтобы [пока] никто не видит, нам перейти со двора в эту погребню, и там соломой закрывались, и в этой соломе жили. Но кормить она нас не кормила, и нужно было где-то еду добывать. И вот иногда она меня брала за руку, и мы шли в другую деревню и просили кусочек хлеба, кто что даст. То, что мама насобирает, то мы и это, питались этим [Инф. 10].

В этом нарративе есть важная деталь, которая отличает рассказ свидетеля от историй, которые можно записать в наши дни, когда многие очевидцы событий ушли из жизни, — рассказчица отметила, что жительница Ганцевичей приютила ее мать не бескорыстно, а в обмен на услугу — шитье («Мама ночь шила...»). Когда мать К. А. погибла, девочка оказалась на улице, так как сама шить не умела:

Но вот в один прекрасный день было холодно, я осталась на погребне, [мать] сказала — сиди, жди пока я приду, а сама пошла в другую деревню, это... Хлеба просить. Вот она шла, днем шла, а в

²¹ «Погребня» — по всей видимости, русифицированная версия слова белорус. *па-грабня* (см.: [Луныкова 2020: 54]).

этом время с обеда ехали полицейские <...> В общем, они, это, ее стали бить на дороге, они ее убили, раздели ее и там убили и бросили. Вот я ее ждала, ждала-ждала, и день и ночь, она не пришла. А там еще был какой-то в конце деревни мужчина, он работал у папы, он его знал, и он пришел к хозяйке и сказал, что там мать валяется на дороге <...> Он сообщил, что ее нету, да, и собаки ее тело поели, и могилы нету, ничего. И как этот мужчина сказал, так она меня и выгнала [Инф. 10].

Как отмечают исследователи устной истории, рассказы о корыстных мотивах спасителя или о сложностях во взаимоотношениях со спасителем в устной традиции встречаются редко [Розенблат, Еленская 2009: 174]. Это можно объяснить тем, что они не проходят «цензуру коллектива»²² — не отвечают представлениям, которые есть у слушателя. Как уже было сказано, представления о мотивации спасителей основаны и на советском интернациональном воспитании, и на глобальной, общеевропейской памяти о Холокосте, которая рисует образы спасителей как героические и альтруистические.

Лишившись матери и приюта в Ганцевичах, К. А. стала бродяжничать. Ее подобрала жительница соседнего села Борисковичи Мария Дубовская. Она заботилась о девочке, и, вероятно, любила — по крайней мере по окончании войны К. А. не хотела с ней расставаться, и ее отец, который вернулся с фронта и смог найти дочь, по ее просьбе взял Марию к себе домой. Однако взрослые сыновья и муж Марии Дубовской относились к еврейской девочке холодно:

У бабки этой [Марии Дубовской] было два сына, и был муж, вот. Они все били, все кричали, все выгоняли. Все это... Ногами меня пинали, вся в синяках была <...> Если меня побьют, она потом с ними ругается, она их... Я уже даже и не вставала с печки, была вся побитая, она мне туда бросала, на печку [еду] [Инф. 10].

Вероятно, члены семей, укрывавших евреев, могли иметь разные мнения насчет того, стоит ли так рисковать, — однако записать такие истории собирателям удастся крайне редко. Рассказ К. А. в этом плане является исключением даже среди историй, записанных у очевидцев войны. При передаче историй о спасении через поколения такие сюжеты вымываются из традиции почти полностью. Происходит скорее обратный процесс — с ходом времени молодое поколение начинает приписывать предкам героическое спасение евреев [Welzer 2010: 10]. Записанные нами в 2020–2023 гг. истории, как правило, заканчивались тем, что спасенный еврей стал членом семьи для своих спасителей и всю жизнь был им благодарен.

²² «Цензура коллектива» — термин, предложенный П. Г. Богатыревым и Романом Якобсоном для описания одного из механизмов складывания фольклорной традиции: чтобы закрепиться в ней, текст должен проходить цензуру коллектива — отвечать запросам и представлениям о мире этого коллектива [Богатырев, Якобсон 1971].

К примеру, история спасения Ани Исакович, приведенная выше, заканчивается таким образом:

Ей Анечка была как дочь, она очень дорожила ей. Когда дядя Павел, там был такой, женился на тете Тане, так он ставил вопрос, чтобы удочерить ее даже. И вот эта тетя Таня, тетя Таня удочерила ее официально как дочку свою. Очень хорошо обращалась с ней. Но и когда тетя Таня постарела совсем, Аня большое внимание уделяла ей, как родному человеку [Инф. 1].

Заключение

Устные истории о Великой Отечественной войне и Холокосте «отбираются» в традицию сложным образом. С одной стороны, значимое влияние на подобные рассказы оказывают социальные рамки памяти — государственная политика, публичный дискурс, образы, отраженные в искусстве. При этом важными оказываются не только социальные рамки, которые существуют внутри отдельной страны: в условиях глобализации западные нарративы памяти и способы коммеморации проникают через границы государств и оказывают влияние на то, как о Холокосте помнят за пределами европейского региона. Различные типы памятования и говорения о Холокосте смешиваются, и память о нем современных россиян оказывается обусловленной влиянием одновременно и советской идеологии, и современного российского официального нарратива о войне, и западного мемориального канона, пришедшего в русскоязычное медиапространство в 1990–2000-е годы. На то, как устные рассказы «отбираются» в традицию, влияют не только социальные и культурные обстоятельства их появления. В первые послевоенные десятилетия рассказы о Холокосте бытовали в устной среде. Для того чтобы лучше запоминаться, они приобрели устойчивые структуры и сюжеты, а моменты, которые сложно описать (к примеру, акции Холокоста и эмоции свидетелей и выживших), стали передаваться через устойчивые тропы и клише.

Таким образом, истории о Холокосте и о спасении его жертв, которые можно записать в наши дни, прошли ряд «фильтров». Они особым образом структурированы, имеют набор устойчивых сюжетов и клише и содержательно нацелены на то, чтобы изображать действующих лиц и рассказчика комплиментарно в свете советских, постсоветских и западных представлений о войне и Холокосте. Некоторые фрагменты реальности не проходят эти «фильтры» и встречаются только в рассказах очевидцев (к примеру, истории о плохих отношениях спасенного со спасителем или о корыстных мотивах спасителя), а некоторые проходят сквозь поколения и даже начинают бытовать письменно, появляясь в литературе, журналистских и краеведческих текстах.

Список информантов

- Инф. 1 — М. И., 1924 г. р., род. в г. Новозыбкове Брянской обл.; зап. в Новозыбкове в 2020 г.
- Инф. 2 — Н. К., 1926 г. р., род. в станице Пензенской Краснодарского края; зап. в Краснодаре в 2022 г.
- Инф. 3 — С. Ш., 1935 г. р., род. в г. Мариуполе УССР; зап. в Ростове-на-Дону в 2021 г.
- Инф. 4 — Н. Б., 1927 г. р., род. в г. Новозыбкове Брянской обл.; зап. в Новозыбкове в 2020 г.
- Инф. 5 — Г. В., 1961 г. р., род. в г. Новозыбкове Брянской обл.; зап. в Новозыбкове в 2020 г.
- Инф. 6 — Т. К., 1953 г. р., род. в Ростове-на-Дону; зап. в Ростове-на-Дону в 2021 г.
- Инф. 7 — К. Т., 1985 г. р., род. в с. Богдановка Ставропольского края; зап. в с. Богдановка в 2021 г.
- Инф. 8 — М. В., 1941 г. р., место рождения неизвестно; зап. в Омске в 2022 г.
- Инф. 9 — Т. А., 1959 г. р., род. в г. Сальске Ростовской обл.; зап. в Сальске, 2021 г.
- Инф. 10 — К. А., 1934 г.р., род. в г. Шклове БССР; зап. в Могилёве (Республика Беларусь) в 2013 г.

Источники

- Гиз 2019 — Гиз М. Я прятала Анну Франк: история женщины, которая пыталась спасти семью Франк от нацистов / В соавт. с Э. Л. Голд; [Пер. с англ. Т. Новиковой]. М.: Бомбора, 2019.
- Раскин 2014 — Раскин Я. Феникс из Карховки // Новозыбков.Ru. 2014. 23 сент. URL: <http://www.novozybkov.ru/retroscope/archives/599>.
- Часто задаваемые вопросы б. д. — Часто задаваемые вопросы о праведниках народов мира // Яд Вашем. Мемориальный комплекс истории Холокоста. [Б. д.]. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/righteous/faq.html#:~:text=Кто%20такие%20Праведники%20народов%20мира,спасения%20евреев%20в%20период%20Холокоста>.
- Что такое «Листы» б. д. — Что такое листы свидетельских показаний // Яд Вашем. Мемориальный комплекс истории Холокоста. [Б. д.]. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/archive/hall-of-names/pages-of-testimony.html#:~:text=%22Листы%20свидетельских%20показаний%22%20—%20это,выжившие%20родственники%2C%20друзья%20или%20знакомые>.

Литература

- Белова 2012 — Белова О. В. Легенды о войне. Архетипы в современных фольклорных нарративах // Проблемы истории России. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: [б. и.], 2012. С. 227–235.
- Белянин, Закревская 2022 — Белянин С. В., Закревская Е. А. «Ты будешь хлеб брать, а я буду палкой бить»: социальные функции нарративов о мародерстве // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4 (2). С. 236–257. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>.
- Белянин, Закревская 2023 — Белянин С. В., Закревская Е. А. Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации в рассказах о войне и Холокосте // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 6. № 3. 2023. С. 61–87. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87>.

- Бит-Юнан 2020 — *Бит-Юнан Ю. Г.* Роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в оценке консервативной отечественной критики 1980-х гг. // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 6. С. 12–25. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-6-12-25>.
- Богатырев, Якобсон 1971 — *Богатырев П. Г., Якобсон Р. О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
- Герасимова 2016 — *Герасимова И.* Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев. М.: Corpus (АСТ), 2016.
- Дымшиц, Бегун 1999 — Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и науч. ред. В. Дымшиц; под общ. ред. И. Бегуна. Иерусалим: ДААТ; М.: Знание, 1999.
- Закревская 2023 — *Закревская Е. А.* Фольклорные модели в устных историях об оккупации: сценарии нарративизации и способы комбинации мотивов // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 6. № 2. 2023. С. 69–96. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-2-69-96>.
- Копосов 2011 — *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- Костырченко 2012 — *Костырченко Г. В.* Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Междунар. отношения, 2012.
- Костырченко 2020 — *Костырченко Г. В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. Ч. 1: Власть — Еврейский вопрос — Интеллигенция. М.: Междунар. отношения, 2020.
- Левкиевская 1997 — *Левкиевская Е. Е.* Народ безмолвствует? Советское богоборчество глазами русского крестьянина // Родина. 1997. № 8. С. 96–101.
- Лорд 1994 — *Лорд А.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1994.
- Лунькова 2020 — *Лунькова Е. С.* Русско-белорусские диалектные соответствия (на материале смоленских, витебских и могилевских говоров) // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 21–22 / [Отв. ред. А. Ф. Журавлев]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 35–56.
- Мицель 2007 — *Мицель М.* Запрет на увековечение памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра // Голокост і суцасність. 2007. № 1. С. 9–30.
- Неклюдов 2001 — *Неклюдов С. Ю.* Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // Проблемы структурно-семантических указателей / Сост. А. В. Рафаева. М.: РГГУ, 2006. С. 31–37.
- Розенблат 2011 — *Розенблат Е.* Спасение евреев в Беларуси в годы Холокоста: праведники и праведные // Холокост: новые исследования и материалы: Материалы XVIII Междунар. ежегод. конф. по иудаике. Т. 4 / Отв. ред. В. В. Мочалова. М.: [Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»], 2011. С. 69–86.
- Розенблат, Еленская 2009 — *Розенблат Е., Еленская И.* Память о Холокосте в Западных областях Белоруссии // История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции / Отв. ред. О. В. Белова М.: [Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»], 2009. С. 153–179.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Нов. изд-во, 2007.
- Bernstein 2019 — *Bernstein S.* Ambiguous homecoming: Retribution, exploitation and social tensions during repatriation to the USSR, 1944–1946 // Past & Present. Vol. 242. No. 1. 2019. P. 193–226.

- Exeler 2016 — *Exeler F.* What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation // *Kritika*. Vol. 17. No. 4. 2016. P. 805–835. <https://doi.org/10.1353/kri.2016.0050>.
- Heimo, Peltonen 2017 — *Heimo A., Peltonen U. M.* Memories and histories, public and private: after the Finnish Civil War // *Memory, history, nation: Contested pasts* / Ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. New York: Routledge, 2017. P. 42–56.
- Levy, Sznajder 2002 — *Levy D., Sznajder N.* Memory unbound: The Holocaust and the formation of cosmopolitan memory // *European Journal of Social Theory*. Vol. 5. No. 1. 2002. P. 87–106.
- Rebrova 2020 — *Rebrova I.* Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2020.
- Shternshis 2017 — *Shternshis A.* When Sonia met Boris: An oral history of Jewish life under Stalin. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Welzer 2010 — *Welzer H.* Re-narrations: How pasts change in conversational remembering // *Memory Studies*. Vol. 3. No. 1. 2010. P. 5–17. <https://doi.org/10.1177/1750698009348279>.
- Zeltser 2018 — *Zeltser A.* Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union. Jerusalem: Yad Vashem, 2018.
- Zombory 2020 — *Zombory M.* The anti-communist moment: competitive victimhood in European politics // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2020. № 2–3. P. 21–54. <https://doi.org/10.3917/receo1.512.0021>.

References

- Belova, O. V. (2012). Legendy o voine. Arkhetipy v sovremennykh fol'klornykh narrativakh [Folk legends about the war. Archetypes in modern folk stories]. In D. A. Redin (Ed.). *Problemy istorii Rossii, Vol. 10: Istoricheskii istochnik i istoricheskii kontekst* (pp. 227–235) (n. p.). (In Russian).
- Belyanin S. V., & Zakrevskaya, E. A. (2022) “Ty budesh’ khleb brat’, a ia budu palkoi bit’”: sotsial’nye funktsii narrativov o maroderstve [“If you take the bread, I will beat you with a stick”: Social functions of narratives about looting]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 2022(4, no. 2), 236–257. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>. (In Russian).
- Belyanin S. V., & Zakrevskaya, E. A. (2023) Kak istoriia stanovitsia fol'klorom: mekhanizmy fol'klorizatsii v rasskazakh o voine i Kholokoste [How history becomes folklore: Folklorization mechanisms of war and Holocaust stories]. *Fol'klor: struktura, tipologiia, semiotika*, 6(3), 61–87. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87>. (In Russian).
- Bernstein, S. (2019). Ambiguous homecoming: Retribution, exploitation and social tensions during repatriation to the USSR, 1944–1946. *Past & Present*, 242(1), 193–226.
- Bit-Yunan, Yu. G. (2020). Roman V. S. Grossmana “Zhizn’ i sud’ba” v otsenke konservativnoi otechestvennoi kritiki 1980-kh gg. [V. Grossman’s novel “Life and Fate” reviewed by conservative Soviet critics in the 1980s] *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 2020(6), 12–25. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-6-12-25>. (In Russian).
- Bogatyrev, P. G., & Iakobson [= Jakobson], R. O. (1971). *Fol'klor kak osobaiia forma tvorchestva* [Folklore as a specific form of creativity]. In P. G. Bogatyrev. *Voprosy narodnogo tvorchestva* (pp. 369–383). Iskustvo. (In Russian).
- Dymshits, V., & Begun, I. (Eds.) (1999). *Gorskie evrei: Istoriia, etnografiia, kul'tura* [Mountain Jews: History, ethnography, culture]. DAAT; Znanie. (In Russian).
- Exeler, F. (2016). What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of Nazi occupation. *Kritika*, 17(4), 805–835. <https://doi.org/10.1353/kri.2016.0050>.

- Gerasimova, I. (2016). *Marsh zhizni. Kak spasali dolginovskikh evreev* [March of life. How the Jews from Dolginovo were saved]. Corpus (AST). (In Russian).
- Halbwachs, M. (1925). *Les cadres sociaux de la mémoire*. Librairie Félix Alcan.
- Heimo, A., & Peltonen, U. M. (2017). Memories and histories, public and private: After the Finnish Civil War. In K. Hodgkin, & S. Radstone (Eds.). *Memory, history, nation: Contested pasts* (pp. 42–56). Routledge.
- Koposov, N. (2011). *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii* [Memory of a strict regime: History and politics in Russia]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Kostyrchenko, G. V. (2012). *Tainaia politika Khrushcheva: vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros* [Khrushchev's secret policy: Power, Intelligentsia, Jewish question]. Mezhdunarodne otnosheniia. (In Russian).
- Kostyrchenko, G. V. (2020) *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva* [The secret policy from Brezhnev to Gorbachev], Pt. 1: *Vlast' — Evreiskii vopros — Intelligentsiia* [Power — Jewish question — Intelligentsia]. Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).
- Levkieskaia, E. E. (1997). Narod bezmolstvuet? Sovetskoe bogoborchestvo glazami russkogokrest'ianina [Are the people silent? Soviet theomachism through the eyes of a Russian peasant] *Rodina*, 1997(8), 96–101. (In Russian).
- Levy, D., & Sznajder, N. (2002). *Memory unbound: The Holocaust and the formation of cosmopolitan memory*. Sage Publication.
- Lord, A. B. (2000). *The singer of tales*. Harvard Univ. Press.
- Lun'kova, E. S. (2020). Russko-belorusskie dialektnye sootvetstviia (na materiale smolenskikh, vitebskikh i mogilevskikh govorov) [Russian-Belarusian dialect correspondences (on the material of Smolensk, Vitebsk and Mogilev dialects)]. In A. F. Zhuravlev (Ed.). *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* (Vol. 21–22, pp. 35–56). (In Russian).
- Mitsel', M. (2007). Zapret na uvekovechenie pamiaty kak sposob zamalchivaniia Kholokosta: praktika KPU v otnoshenii Bab'ego Iara [Ban on memorialization as a way to silence the memory of the Holocaust: The CPU practice of managing commemorative practices in Babi Yar]. *Golokost i suchastnist'*, 2007(1), 9–30. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2006). Ukazateli fol'klornykh siuzhetov i motivov: k voprosu o sovremennom sostoianii problemy [Indexes for motifs and types in folk stories today]. In A. V. Rafaeva (Ed.). *Problemy strukturno-semanticheskikh ukazatelei* (pp. 31–37). RGGU. (In Russian).
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter Oldenbourg.
- Rozenblat, E. (2011). Spasenie evreev v Belarusi v gody Kholokosta: pravedniki i pravednye [Saving the Jews during the Holocaust: Righteous Among the Nations and the righteous]. In V. V. Mochalova (Ed.). *Kholokost: novye issledovaniia i materialy: Materialy XVIII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike* (Vol. 4, pp. 69–86) (n. p.). (In Russian).
- Rozenblat E., & Elenskaia, I. (2009) *Pamiat' o Kholokoste v Zapadnykh oblastiakh Belorussii* [Memory about the Holocaust in the western regions of Belarus]. In O. V. Belova (Ed.). *Istoriia — mif — fol'klor v evreiskoi i slavianskoi kul'turnoi traditsii* (pp. 153–179) (n. p.). (In Russian).
- Shternshis, A. (2017). *When Sonia met Boris: An oral history of Jewish life under Stalin*. Oxford Univ. Press.
- Welzer, H. (2010). Re-narrations: How pasts change in conversational remembering. *Memory Studies*, 3(1), 5–17. <https://doi.org/10.1177/1750698009348279>.

Zakrevskaya, E. A. (2023). Fol'klornye modeli v ustnykh istoriiakh ob okkupatsii: stsenaarii narrativizatsii i sposoby kombinatsii motivov [Folk models in stories about the occupation during the Great Patriotic War. Narrativization scenarios and the ways of combining motifs]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 6(2), 69–96. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-2-69-96>. (In Russian).

Zeltser, A. (2018). *Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union*. Yad Vashem.

Zombory, M. (2020). The anti-communist moment: competitive victimhood in European politics. *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, 2020(2–3), 21–54. <https://doi.org/10.3917/receol.512.0021>.

* * *

Информация об авторе

Екатерина Алексеевна Закревская

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский
пр-т, д. 32А
аспирантка, Центр типологии
и семиотики фольклора, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл.,
д. 6
✉ eazakrevskaya@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Zakrevskaya

Junior Researcher, Institute of Slavic
Studies of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, Bld. 32A
Cand. Sci. Student, Centre
for Typological and Semiotic Folklore
Studies, Russian State University for the
Humanities
Russia, 125047, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
✉ eazakrevskaya@gmail.com

А. А. Кирзюк

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

✉ kirzuk@mail.ru

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

«ХВАТАЮТ ВСЕХ ПОДРЯД»: ГАЗВАГЕНЫ В КРАСНОДАРСКИХ НАРРАТИВАХ ОБ ОККУПАЦИИ

Аннотация. Сегодня многие краснодарцы рассказывают, что во время немецкой оккупации города нацисты устраивали облавы на жителей, используя газвагены (душегубки). Согласно этим рассказам, стать жертвой облавы и погибнуть в газвагене мог любой, вне зависимости от этнической принадлежности или политической благонадежности, тогда как в реальности жертвами душегубок становились определенные категории граждан. Статья посвящена причинам возникновения и популярности таких рассказов в Краснодаре. Сюжетная основа для рассказов о душегубках и беспорядочных облавах была создана советскими пропагандистскими текстами, появившимися сразу после освобождения города. В позднесоветское время этот сюжет стал частью культурной памяти (А. Ассман) благодаря надписи на главном военном мемориале города. Пропагандистский тезис о неизбирательных убийствах посредством газвагенов закрепился в устной традиции, поскольку в ней уже существовала готовая форма — сюжет об опасной черной машине, олицетворяющей государственный террор. Как и другие устные рассказы о далеком прошлом, истории о душегубках, преследующих «всех подряд», помогают рассказчикам поддерживать актуальную для них идентичность: подтверждают статус города как жертвы нацистов и тем самым позволяют компенсировать официальное непризнание его героических заслуг.

Ключевые слова: газваген, устная история, Краснодар, культурная память, память о Великой Отечественной войне, память об оккупации

Благодарности. Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

Для цитирования: Кирзюк А. А. «Хватают всех подряд»: газвагены в краснодарских нарративах об оккупации // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 36–57.

Поступило 19 ноября 2023 г.; принято 16 июня 2024 г.

A. A. Kirziuk

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

✉ kirziuk@mail.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia)

“THEY GRAB EVERYONE”: GASWAGENS IN KRASNODAR NARRATIVES ABOUT THE NAZI OCCUPATION

Abstract. Today, many Krasnodar residents say that during the German occupation of the city, the Nazis rounded up residents using *gaswagens* (mobile gas chambers, gas vans). According to these stories, anyone could become a victim of a raid and die in a *gaswagen*, regardless of ethnicity or political loyalty, while in reality specific categories of population became victims of gas vans. The article focuses on the reasons for the emergence and popularity of such stories in Krasnodar. The narrative basis for the stories of gas vans and indiscriminate raids was created by Soviet propaganda texts that appeared immediately after the liberation of the city. In late Soviet times, gas vans became a part of the cultural memory (A. Assmann) thanks to an inscription on the city's main war memorial. The propaganda thesis about indiscriminate killings by means of *gaswagens* became fixed in oral tradition, since there was a ready-made form for it — the story of a dangerous black car that personified state terror. Like other oral histories of the distant past, stories about gas vans that “grabbed everyone” help storytellers maintain an identity that is relevant for them: they confirm the city's status as a victim of the Nazis and thereby help compensate for the official lack of recognition of its heroic deeds.

Keywords: *gaswagen*, oral history, Krasnodar, cultural memory, memory of the Great Patriotic War, memory of the Nazi occupation

Acknowledgements. The research was conducted with support from the grant program of the Research Center of the Private Cultural Institution “Jewish Museum and Tolerance Center” (Moscow) with the financial support of A. I. Klyachin.

To cite this article: Kirziuk, A. A. (2024). “They grab everyone”: *Gaswagens* in Krasnodar narratives about the Nazi occupation. *Shagi / Steps*, 10(3), 36–57. (In Russian).

Received November 19, 2023; accepted June 16, 2024

Среди современных сюжетов, связанных с нацистской оккупацией Краснодара (август 1942 — февраль 1943 г.), выделяется повествовающий о том, как немцы, используя машины-газвагены (мобильные газовые камеры, называемые в просторечии душегубками), устраивали облавы на местное население. Согласно этим рассказам, людей хватали в случайном порядке на улицах, заталкивали в машины, а затем выгружали уже мертвые тела в противотанковые рвы. Вот как рассказывает об этом жительница Краснодара, ссылаясь на воспоминания своей бабушки:

Инф. 1: В Краснодаре впервые немцы применили душегубки. И они прямо сгоняли людей везде, на рынках... Два памятника, один, если вы поедете в Чистяковскую Рошу, жертвам фашизма. Туда вот людей сбрасывали. <...> Моя бабушка в какой-то день пошла на рынок, и людей начали сгонять в душегубки, она стояла... В общем, стали загонять, и она увидела в оцеплении фашиста, который у нее жил <...> Он ее схватил, грубо очень выхватил из толпы, сказал, что руссо партизано, и вывел за угол и сказал: «Шура, беги!» <...>

Соб.: А кого-то особенного собирали? Может, евреев или красноармейцев?

Инф. 1: Нет, ребят, просто жителей <...> именно всех.

Рассказчики историй о душегубках подчеркивают, что жертвой облавы мог стать любой, а целью было умерщвление местных жителей вне зависимости от их возраста, этнической принадлежности или политической благонадежности. Именно так пересказывает историю, услышанную от пожилой знакомой, другой житель Краснодара:

Инф. 2: Фактически просто подъезжала машина на улице, хватали, закидывали и увозили. Не спрашивая ни документов, ничего...

Соб.: Это так увозили на работу в Германию?

Инф. 2: В последний путь. <...> То есть они просто шли по улице... Не было ни возрастной, ни половой, ни какой-либо другой, ни идейной... Ничего абсолютно. Просто хватали.

Соб.: То есть просто так всех людей, идущих по улице, могли...

Инф. 2: Абсолютно.

Соб.: То есть, по ее рассказам, просто чтобы убить?

Инф. 2: Да.

Поскольку эти истории рассказываются с ссылкой на свидетельства очевидцев, неискушенный слушатель может счесть их отражением реальной практики. Однако историк и фольклорист, скорее всего, усомнится в точной достоверности таких историй. У историка может вызвать сомнение постулируемая рассказчиками неизбирательность и бесцельность этих облав: зачем нацистам было уничтожать трудоспособное население, которое служило важным ресурсом в экономике Третьего Рейха? Взгляд фольклориста привлечет знакомый фольклорный мотив, а именно сюжет

о страшной машине, которая «охотится» за людьми с целью похитить их и / или убить.

«Фольклорность» истории о душегубках не означает, что они являются целиком вымышленными и никак не соотносятся с исторической реальностью. За этими рассказами стояли определенные факты. Нацисты действительно использовали для умерщвления советских граждан на оккупированных территориях душегубки — мобильные газовые камеры, в которых жертвы отравлялись отработанным газом. Однако в реальной практике душегубки использовались для уничтожения определенных групп населения — прежде всего пациентов психиатрических больниц, евреев, а также узников гестапо, арестованных по подозрению в связях с советским подпольем. Оккупационные власти действительно устраивали периодические облавы на местных жителей. Но эти облавы имели иную цель, совершенно практическую — отправить трудоспособных граждан на принудительные работы в городе или вывезти на работы в Германию.

В современных нарративах о душегубках эти факты были довольно существенно образом переработаны. Облавы с целью отправки на работы превратились в облавы с целью бессмысленных с экономической и идеологической точки зрения убийств. Уничтожение с помощью душегубок определенных групп людей в определенных локусах превратилось в неизбежный террор на улицах города. Получившийся в результате нарратив стал одним из самых известных сюжетов краснодарской памяти об оккупации. Кроме того, он стал общеизвестным «фактом» и распространен из сферы устного бытования на историческую литературу. Так, составители сборника документов «Кубань в годы Великой отечественной войны» пишут: «...душегубки <...> загружались арестованными из подвалов гестапо, а также людьми, случайно схваченными на улицах при массовых облавах. Таким способом здесь было умерщвлено более 7000 человек» [Беляев, Бондарь 2005 (1): 462].

Хотя немцы использовали газвагены не только в Краснодаре, этот нарратив не встречался нам в других городах и регионах, переживших оккупацию. Помимо Краснодара, мы записывали рассказы об оккупации в разных частях Ставропольского края, в Ростове-на-Дону, в Кабардино-Балкарии и в Псковской области, но нигде больше не слышали рассказов о душегубках, при помощи которых убивали всех подряд.

Нацисты совершили множество массовых убийств на оккупированных советских территориях. Однако у этих убийств была своя, пусть и чудовищная, логика. Пациенты психиатрических больниц и специализированных детдомов подлежали «принудительной эвтаназии» как бесполезные для Рейха лишние рты; евреи и цыгане уничтожались в соответствии с расовой теорией; также массово уничтожались активисты советского сопротивления и люди, заподозренные в связях с партизанами и подпольщиками. Нарратив о душегубках, которые преследовали всех подряд, приписывает нацистам убийства бесцельные, не подчиненные никакой логике.

В этой статье мы разберем причины такой трансформации реальных фактов в современных рассказах об оккупации, а также попытаемся выяснить, почему истории о душегубках и беспорядочных облавах возникли и стали популярными именно в Краснодаре.

Статья основана на интервью, записанных в Краснодаре в апреле 2022 г. командой проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы». Также используются интервью с очевидцами оккупации, которые записывал на протяжении последних десяти лет местный активист В. К.

Историческая основа историй о душегубках

Как было сказано выше, один из реальных фактов, стоящих за рассказами об «охоте» душегубок на людей, — облавы на местное население, которые оккупационные власти устраивали с целью использовать его в качестве трудового ресурса. Для вербовки советских граждан на работы в Германии немцы сначала использовали средства пропаганды, в частности, показывали агитационные фильмы о том, как хорошо живут в Германии советские рабочие. Эта агитация оказалась не очень эффективной. Поэтому с весны 1942 г. (см.: [Как осты оказывались в Германии б. д.]) немцы начали практиковать облавы и принудительный угон трудоспособных граждан [Ивлев, Юденков 1988: 227–228]. Агитация против отъезда в Германию была отдельным направлением подпольной советской контрпропаганды на оккупированных территориях. На формирование интересующего нас сюжета мог повлиять один из приемов этой контрпропаганды: в листовках, которые распространялись подпольными райкомами партии в некоторых оккупированных городах, молодежь не только призывали прятаться от облав, но и рассказывали, что часть людей немцы уничтожают по дороге в Германию [Там же: 228].

Про облавы на рынках для угона на работы в Германию часто вспоминают бывшие остарбайтеры [Островская, Щербакова 2007: 78]. Именно страх перед тем, чтобы быть угнанными в Германию, заставлял жителей оккупированных советских городов бояться облав на рынках и проверок документов на улицах [Агеева 2022: 477]. Синхронные источники об оккупации также свидетельствуют об облавах для отправки на принудительные работы в городе; например, о них пишет в своем дневнике житель оккупированного Таганрога: «На базаре немцы делали облаву, мужчин забирали и проверяли документы и угоняли на работу по рытью окопов» (28 декабря 1941 г.) [Саенко б. д.]¹.

В ретроспективных источниках реальный факт таких облав (с целью отправки на работы) нередко дополняется более современным сюжетом об облавах с целью умерщвления в душегубке. Свидетельница оккупации

¹ Материал, на который приведена ссылка в настоящей работе, распространен иностранным агентом «Общество Мемориал», содержащимся в реестре иностранных агентов.

Краснодара в неопубликованных мемуарах, написанных в начале 2000-х годов, тоже вспоминает про облавы с целью отправки в Германию. Однако в ее воспоминаниях, хронологически весьма удаленных от 1942–1943 гг., этот факт дополняется сюжетом о бесцельных убийствах:

Ведь облавы устраивали, как мы потом узнали, для того, чтобы погрузить людей в автобус-газовую камеру и отвезти их за город, ко рву около рощи. Если не в газовую камеру, то на работу в Германию [AB].

Смешение этих двух сюжетов заметно и в другом мемуарном свидетельстве:

Инф. 3: Мне было 16 лет, 17-й шел. Ходила на биржу труда, убегала от душегубки, в окно выскакивала. Мы ж идем, молодежь, не один человек, а идет несколько человек. В случае чего один [нрзб.] стоит, а остальные... <...> Молодежь брали в душегубку, а потом, ну, как говорится, увозили за город, там траншеи были, их туда и швыряли.

Соб.: Именно молодежь?

Инф. 3: Да, да. Мне тоже один раз пришлось из окна выскакивать — хорошо, что окно было открыто, не это самое... Один там стоял на взводе, он крикнул «душе...». Только крикнул «душе...», и мы уже поняли, что там... И потом я уже не ходила [на биржу].

В интервью, записанном местным активистом, наша собеседница повторяет историю про побег с биржи труда и про «охоту» душегубок за молодежью. Из него мы также узнаем возможную мотивировку побега с биржи труда: будто бы собирая молодых людей для отправки на работы, немцы на самом деле уничтожали их в душегубках:

Инф. 3: А там приезжали душегубки — забирали молодежь <...> И мне с подружкой пришлось два раза в окно выскакивать.

Соб.: А кто-нибудь из этих душегубок возвращался потом?

Инф. 3: Никого не знаю <...> После того, как это... больше людей не видели <...> Они якобы брали знаете зачем? Окопы рыть. Но после окопов они там, говорят, и сбрасывали. После окопов этих никто не возвращался.

Сложно понять, был ли этот сюжет слухом времен оккупации или рассказчица узнала его позже и ретроспективно объяснила им свой отказ от походов на биржу. Такой слух мог появиться в результате советской контрпропаганды, призывающей жителей оккупированных территорий избегать работы на немцев. В воспоминаниях реальный факт (облава с целью отправки на работы) спустя несколько десятилетий замещается фольклорным сюжетом (облава для бесцельного умерщвления в газвагене). Не случайно рассказчица утверждает, что душегубка «охотилась» за молодежью: именно молодежь в первую очередь подлежала отправке в Германию или на принудительные работы в городе. Так же не случайно

местом действия ее рассказов становится биржа труда, где происходил рекрутинг рабочей силы.

Еще один исторический факт, лежащий в основе нашего сюжета, — использование нацистами душегубок для уничтожения евреев.

В Краснодаре евреи были расстреляны. Однако душегубки использовались для уничтожения евреев в некоторых населенных пунктах Краснодарского и Ставропольского краев [Макарова 2022: 297]. Эта практика нацистов — как и практика облав на уклоняющихся от трудовой повинности — в современных рассказах смешивается с сюжетом о душегубках и беспорядочных облавах:

В основном на Краснодаре немцы использовали машину-душегубку. Причем в душегубку попадали не только евреи. Они [душегубки] могли поехать на Сенной базар, туда, где люди приходили просто что-то купить и что-то продать или поменять <...> Вот они их хватали в душегубки эти и доезжали до этого места, где пересечение Российской улицы и Ростовского шоссе. Там <...> были глубокие ямы, глубокие рвы. И там они выбрасывали из этих душегубок <...> И была одна женщина <...> Старушка такая, я знаю, что ее звали Люба. И эта старушка, еврейка, она попала в эту облаву, попала в эту душегубку. И ее подвезли вместе с другими. И говорят, что можно как-то... своей мочой намочить [тряпку] и закрыть рот и нос <...> Так вот эта Люба каким-то образом осталась жива <...> Она — единственная среди евреев, которая попала в душегубку и осталась жива [Инф. 4].

Документы об оккупации Краснодара — сообщения и акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), материалы судебных процессов над нацистами и их пособниками — говорят о душегубках главным образом как об орудии уничтожения двух групп жертв — людей с ограниченными возможностями и узников гестапо.

В сообщении ЧГК «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Краснодаре и Краснодарском крае» сказано, что оккупанты «зверски истребили посредством отравляющих газов — окиси углерода — свыше 6700 советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, находившихся на излечении в больницах, диспансерах города Краснодара, а также арестованных, содержавшихся в тюрьме гестапо» [Документы 1945: 101]. В этом же документе сообщается, что многие тела, найденные в противотанковых рвах возле завода измерительных приборов, были опознаны родственниками «как находившиеся на излечении в больницах, или как арестованные гестапо» [Там же].

В показаниях обвиняемых и свидетелей на Первом (1943) и Втором (1963) краснодарских процессах над пособниками нацистов жертвами душегубок тоже выступают пациенты больниц и узники гестапо. Так, свидетель на Первом краснодарском процессе говорит о погрузке больных в душегубки во дворе Краснодарской краевой больницы [Кононенко 1943:

20]. Обвиняемые на обоих процессах говорят о погрузке в душегубки заключенных во дворе гестапо, например: «С сентября по октябрь 1942 г. в гор. Краснодаре дважды принимал участие в удушении советских граждан в машине “душегубка”, каждый раз по 60 человек, которых он, совместно с другими палачами, выводил из подвала, раздевал перед загрузкой доната» [Гинзбург 1967: 170]. Отметим, что в этих показаниях «работа» страшных машин привязана к определенным городским локусам — больнице и отделении гестапо. Ни свидетели, ни обвиняемые на процессах не рассказывали о душегубках, которые разъезжают по городу с целью убийства случайных людей.

Сюжет о беспорядочных облавах с помощью душегубок прозвучал на Первом краснодарском процессе в речи обвинителя: «В душегубках истреблялись не только арестованные, но и лица, случайно схваченные на улицах при массовых облавах» [Судебный процесс 1943: 6]. Это утверждение опиралось на «Акт Краснодарской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», где сказано, что 16 января 1943 г. нацистами «была произведена массовая облава и изъятие населения, не зарегистрированного на немецкой бирже труда, которая отправляла людей в рабство. В этот день было захвачено до 800 человек, которые затем были истреблены» [Беляев, Бондарь 2005 (2): 30]. В акте также упомянуто, что при раскопке противотанкового рва вместе с трупами было найдено «большое количество корзинок с остатками продуктов, бидонов с остатками молока, бутылок из-под масла», из чего составители делают логичный вывод, что «жертвы, попавшие в эту яму, [были] захвачены внезапно на улицах» [Там же: 30]. Однако объяснение мотивов убийства уже не выглядит таким логичным: если ловили тех, кто уклонялся от отправки в Германию, то почему пойманных уничтожили, а не отправили на работы? Отметим также, что отлов граждан, не зарегистрированных на бирже труда, вряд ли напоминал хватание случайных людей на улице, о котором говорит обвинитель на процессе и рассказывают краснодарцы сегодня: он должен был подразумевать по крайней мере предварительную идентификацию «уклонистов» через проверку документов.

Неизбирательные убийства в советском нарративе о войне

Разбираемый нарратив включает в себя два элемента: неизбирательные убийства и машину-душегубку как орудие этих убийств.

Представление о неизбирательном терроре нацистов сформировано советскими официальными текстами о войне и, как мы увидим дальше, поддерживается новейшими трендами в политике памяти.

Советская пропаганда, описывая нацистские репрессии против гражданского населения, чаще всего не выделяла конкретные группы жертв, обозначая их всех как «мирных советских граждан». Сегодня хорошо изучена практика замалчивания Холокоста, который в официальном дискурсе описывался как уничтожение «мирных советских граждан». Гораздо

менее известно, что советские авторы избегали также упоминания других групп, обреченных на уничтожение в рамках нацистской политики. Примечательно в этом отношении пропагандистское освещение убийства воспитанников детского дома в г. Ейске Краснодарского края, которое было произведено с помощью душегубок. В этом детдоме содержались дети с умственной отсталостью и инвалидностью. Именно поэтому они были уничтожены в рамках нацистской программы «принудительной эвтаназии». Однако в пропагандистской листовке, рассказывающей об этой трагедии краснофлотцам, о ментальных и физических особенностях детей ничего не сказано. Рассказ о «зверской расправе немецких палачей над детьми Ейского детдома» заканчивается призывом убить немца и «отомстить за кровь наших детей, слезы наших матерей» (цит. по: [Реброва 2019: 70]). Прагматика такого умолчания в данном тексте понятна: во-первых, дети с умственной отсталостью, возможно, вызвали бы меньше сочувствия у адресата; во-вторых, убийство детей просто ради убийства как нельзя лучше подходит для целей военной пропаганды — вызвать ненависть к врагу и желание мстить.

Представление о неизбирательных убийствах населения на оккупированных территориях формировалось у советских людей во многом благодаря подобным умолчаниям. Однако в некоторых официальных текстах начиная с военного времени идея тотального, неизбирательного террора высказывалась прямо. Так, в пропагандистской брошюре журналистки Елены Кононенко о Первом краснодарском процессе утверждается, что нацисты преследовали цель «истребить как можно больше советских людей» [Кононенко 1943: 10].

Современные представления краснодарцев о немецкой оккупации не противоречат этой идее. Знание об особой политике нацистов в отношении отдельных групп населения в Краснодаре распространено довольно слабо. Согласно данным Ирины Ребровой, в 2015 г. около 18% краснодарцев вообще не знали, что такое Холокост [Rebrova 2020: 142–143].

О том, насколько плохо горожане осведомлены о судьбе евреев во время оккупации, свидетельствует пост, появившийся 28 апреля 2021 г. на сайте «Съ любовью изъ ЕКАТЕРИНОДАРА — Привет из КРАСНОДАРА» (myekaterinodar.ru): «Шишман Семён Соломонович — великолепнейший человек, преподаватель русского и литературы, Завуч школы № 2, перенёсший оккупацию в Краснодаре и прятавший людей от Гестапо». У посетителей ресурса, посвященного истории города, рассказ о евреях, который во время оккупации прятал людей от гестапо, не вызвал сомнений. Между тем такие сомнения возникнут у всякого, кто хотя бы немного знаком с историей Холокоста и расовой политикой нацистов на оккупированных территориях. В соответствии с этой политикой евреев уничтожали или сгоняли в гетто в первые дни и недели оккупации. Поэтому даже если Семен Шишман действительно пережил оккупацию в Краснодаре (скорее всего, он выжил, уехав в эвакуацию), то он мог сделать это, только скрываясь от немецких властей при помощи знакомых, но никак не мог

сам прятать кого-то. Однако сюжет «еврей прячет людей от гестапо» не кажется неправдоподобным даже сотруднице краеведческого музея, которая рассказала нам, что такой еврей, заведовавший местной больницей, жил в г. Горячий Ключ [Инф. 5].

Сегодня о расовой политике нацистов не всегда знают даже свидетели оккупации. Так, жительница Краснодара, заставшая оккупацию подростком, предполагает, что мальчик, встреченный ею после ухода немцев в соседнем от здания гестапо дворе, мог быть евреем: «Смотрю, мальчишка ведро выливает, помои, наверное. Я говорю: “Ашотик, иди сюда”. А он откуда-то из Одессы эвакуированный. Еврей, наверное» [Инф. 6]. Мы не знаем, что подумала рассказчица о национальности мальчика в 1943 г., но во время записи интервью в 2016 г. она не видела ничего экстраординарного в фигуре еврея, пережившего оккупацию по соседству с гестапо.

Сформулированная еще в советское время идея неизбежного нацистского террора в последние годы становится все более заметной частью российского официального нарратива о Великой Отечественной войне. В 2019 г. был запущен проект «Без срока давности», который ставит своей целью доказать факт «геноцида советского народа» во время Второй мировой войны. С 2022 г. проект заработал с удвоенной интенсивностью. В июле 2022 г. в Краснодаре состоялся судебный процесс, на котором «преступления немецко-фашистских захватчиков, совершенные на территории Краснодарского края», были признаны «геноцидом населения и народов Советского Союза» [Старостин 2022]. Такие же судебные процессы прошли во многих других городах, переживших оккупацию. Их медийное освещение популяризирует идею неизбежного террора — ср., например, заголовок в калужском интернет-издании: «“Людей убивали просто так”: в Калуге продолжается судебный процесс по признанию геноцидом преступлений нацистов на нашей малой родине» [Фирсова 2023].

Поскольку представление о неизбежном терроре нацистов сформировано советской и поддерживается современной политикой памяти, о нем рассказывают и в других регионах, хотя и гораздо реже. Например, от посетительницы Змиёвской балки в Ростове-на-Дону — места самой крупной акции Холокоста на территории современной России — мы записали следующее суждение:

Инф. 7: Девочки, но здесь же действительно и русские, и армяне, все, кого ловили, сюда везли.

Соб.: А зачем, с какой целью ловили?

Инф. 7: Истребить русский народ.

Соб.: То есть они хотели все население истребить?

Инф. 7: Конечно, конечно. Поэтому, я думаю, они там особо не заглядывали в паспорта или в документы, что кто это, евреи или не евреи.

Специфика Краснодара заключается, во-первых, в особой популярности историй о неизбирательных убийствах, а во-вторых, в том, что орудием этих убийств выступает машина-душегубка.

Страшная машина как символ неизбирательного террора

Страшная машина, похищающая людей, — устойчивый сюжет в городском фольклоре разных стран. В позднесоветских легендах о черной «Волге» говорилось, что эта машина похищает детей и что, попадая в нее, дети исчезают навсегда. Эта машина воплощала собой государственную власть, а сюжет позднесоветской легенды основывался на памяти о Большом терроре [Кирзюк 2017]. Одним из символов сталинского террора стал черный автомобиль ГАЗ М-1, называемый также «черный ворон». Во время Большого террора сотни тысяч люди исчезли, будучи увезенными в такой машине сотрудниками НКВД.

Логично предположить, что немецкая душегубка встроилась в уже готовую структуру, где страшная машина («черный ворон») олицетворяла безжалостную власть и террор. На фольклорное родство этих двух машин указывает несколько деталей. Прежде всего, это одно из народных названий газвагена. Жители оккупированных территорий называли немецкую машину не только «душегубкой», но и «черным вороном» [Реброва 2019: 9]. Например, пожилая жительница села в Ставропольском крае именно так называет газваген, вспоминая о том, как вели на расстрел эвакуированных евреев:

Стильки было там слез, криков, и детского и взрослого крику было такого, что невыносимо. Даже наши люди плакали. По улице по Пугачева и по Терской [нрзб.] машина «черный ворон» сюда-туда. Одно бежит, одно бежит, «черный ворон» называли ее [Инф. 8].

Хотя такое название газвагена было распространено гораздо меньше, чем «душегубка», оно встречается даже в официальных документах. Так, в акте ЧГК об уничтожении пациентов Березанской психокolonии Краснодарского края газваген называется «машина черный ворон» (цит. по: [Реброва 2019: 57]). Есть также некоторое сходство в описаниях действий этих двух машин: попадая в газваген — как и попадая в машину, олицетворяющую советский террор, — люди исчезают: «...больше людей не видели <...> никто не возвращался» [Инф. 3].

Если отвлечься от образа страшной машины, то можно заметить сходство в рассказах о действиях НКВД эпохи Большого террора и о терроре нацистов. В частности, в документах об оккупации неоднократно говорится о массовых арестах, переполненных камерах и бессудных казнях. В материалах Первого краснодарского процесса читаем: «Вскоре после занятия Краснодара в результате систематических облав и массовых арестов мирных жителей подвалы гестапо были до отказа переполнены заключенными. Никакого “следствия” по делам этих сотен и тысяч ни в чем

не повинных людей не производилось» [Судебный процесс 1943: 4]. Описание тех же самых реалий — общее место в мемуарах о Большом терроре.

Хронологически террор немецких оккупантов следовал за периодом Большого террора, которому предшествовали массовые репрессии в отношении крестьян во время коллективизации. В памяти некоторых пожилых людей все эти волны репрессий, следующие одна за другой с начала 1930-х годов, могли смешаться в единый образ опасной власти, жертвой которой может стать каждый. Это предположение подтверждает интервью с очевидцем оккупации Краснодара. В ответ на настойчивые расспросы интервьюера о зверствах фашистов он неожиданно рассказывает историю совсем на другую тему — как его мать перед войной была арестована НКВД по обвинению в антисоветской деятельности. Хотя мать была неграмотной, ее обвинили в написании антисоветского лозунга на каком-то здании «и расстреляли бы, если бы немцы не пришли» [Инф. 9].

Появление в интервью того или иного смыслового блока, последовательность смысловых блоков, а также упоминание тех или иных реалий и обстоятельств не случайны [Воронина, Утехин 2006: 232]. Конечно, интервьюируемый мог не расслышать или не понять вопроса, хотя на протяжении всего интервью он демонстрировал прекрасное понимание его цели (сбор воспоминаний об оккупации). Скорее, причина появления этого рассказа в другом: репрессии советские и репрессии нацистов принадлежат для рассказчика к одному эмоционально-смысловому полю жестокости и произвола.

Опыт сталинского террора и сформированная этим опытом система образов обеспечили легкое усвоение сюжета о душегубке и способствовали его закреплению в устной истории оккупации. Но здесь возникает вопрос: почему разбираемый сюжет, стал популярным именно в Краснодаре? Опыт сталинских репрессий переживали все советские граждане, а газвагены использовались нацистами не только в Краснодаре; в частности, они активно использовались для уничтожения евреев и пациентов психбольниц на Ставрополье [Документы 1945: 131–132; Макарова 2022]. Однако в Ставропольском крае ни очевидцы оккупации, ни их потомки не рассказывают о душегубках. Такие истории специфичны именно для Краснодара, и одна из причин этого — устройство местной культурной памяти.

Культурная память об оккупации Краснодара

Термином «культурная память» Алейда Ассман обозначает память, отделенную от живых носителей и закрепленную на материальных носителях — в текстах, изображениях, мемориалах, музейных экспозициях и т. п. Такие материальные информационные носители функционируют как «подпорки» для памяти о событиях, значительно удаленных во времени, помогают сохранять воспоминания о них за пределами поколения непосредственных участников и свидетелей [Ассман 2014].

Используя эту терминологию, можно сказать, что воспоминания о некоторых аспектах немецкой оккупации не находят поддержки в культурной памяти Краснодара и потому забываются. В городе нет ни одного памятного знака, напоминающего о жертвах Холокоста или об уничтоженных нацистами пациентах психбольницы. Единственным артефактом культурной памяти о Холокосте являются несколько фотографий и документов в экспозиции краеведческого музея.

Что же говорят об оккупации артефакты местной культурной памяти? Главный памятник, рассказывающий о войне, — это мемориал «Жертвам фашизма», установленный в 1975 г. к 30-летию Победы в Первомайской (Чистяковской) роще. Роща популярна среди горожан и активно используется в качестве рекреационной зоны, а сам мемориал является местом официальных и неофициальных ритуалов, связанных с коммеморацией Великой Отечественной войны; также туда еще с советских времен приезжают свадебные кортежи. На мемориале выбит текст: «Гражданам Краснодара, замученным и истребленным в душегубках, зверски убитым гитлеровскими палачами». Информационная табличка сообщает, что мемориал посвящен «13 тысячам краснодарцев — жертвам фашистского террора». Эти надписи содержат два сообщения: о неизбежном уничтожении мирных граждан («граждан Краснодара») и о том, что орудием этого неизбежного террора были душегубки. Нетрудно заметить, что именно из них складывается разбираемый в данной статье сюжет.

О влиянии этого мемориала на коллективную память об оккупации свидетельствует не только популярность нарратива о душегубках и облавах, но и сюжет, который в устных рассказах нередко идет в паре с ним, — будто бы мертвые тела из машин сбрасывали на территории Первомайской рощи. В действительности мемориал «Жертвам фашизма» представляет собой кенотаф, а тела жертв закапывали в противотанковых рвах возле завода измерительных приборов и в нескольких других местах. Однако выбитая на мемориале надпись поддерживает горожан в убеждении, что именно здесь происходили массовые расстрелы и закапывались жертвы душегубок во время оккупации.

Таким образом, надпись на мемориале «Жертвам фашизма» (как и в целом устройство культурной памяти) существенно повлияла на то, что именно помнят сегодня краснодарцы об оккупации. Но возникает вопрос: почему на мемориале, воздвигнутом в 1975 г., вообще появилась надпись о душегубках? Представляется, что решающую роль здесь сыграли краснодарские процессы над нацистами и их пособниками, а в особенности первый процесс и его медийное освещение.

Первый процесс прошел в Краснодаре в июле 1943 г. На нем судили 11 советских граждан, служивших в зондеркоманде 10а. Советскими властями этот процесс рассматривался как важный пропагандистский ресурс. Высокопоставленные функционеры, включая Сталина, получали ежедневные сводки с процесса [Bourtman 2008: 256–257]. Он подробно освещался в местной и центральной прессе (в том числе в детской), для

чего в Краснодар были направлены из Москвы опытные советские журналисты [Тажидинова 2019]. Сразу после окончания процесса на экраны краснодарских, а затем и других советских кинотеатров вышел документальный фильм о нем под названием «Приговор народа» (1943).

Медиатизация Первого краснодарского процесса выполняла несколько задач, в числе которых было устрашение потенциальных коллаборантов, поднятие боевого духа красноармейцев и противостояние нацистской пропаганде. Вместе с материалами ЧГК материалы процесса использовались лекторами и агитаторами, перед которыми стояла задача «раскрыть правду о сути оккупационного режима» и «разоблачить демагогию фашистской пропаганды» [Беляев, Бондарь 2005 (2): 433–434]. Одним из главных инструментов советской контрпропаганды были рассказы о реальных и вымышленных зверствах оккупантов, в том числе о неизбирательных массовых убийствах. Агитационные группы в разных регионах СССР отчитывались о проведении с населением «бесед о зверствах фашистов» [Ивлев, Юденков 1988: 169]. Вызывая у слушателей сильные эмоции, такие рассказы позволяли эффективно воздействовать на население, которое, как отмечали советские идеологи, за время оккупации «подверглось интенсивному воздействию нацистской пропаганды» [Беляев, Бондарь 2005 (2): 433–434].

Все это объясняет, почему Первый краснодарский процесс, как отмечает историк Илья Буртман, был сфокусирован не столько на подсудимых и доказательстве их вины, сколько на описании зверств оккупантов. Особое место в описании этих зверств было отведено душегубкам, которые многократно упоминались как на самом процессе в речах обвинителя, так и в текстах о процессе [Bourtman 2008: 258].

Среди этих текстов следует выделить пропагандистскую брошюру московской журналистки Елены Кононенко «Приговор народа» [Кононенко 1943]. Фрагменты из нее неоднократно воспроизводились (часто без кавычек и ссылок) в более поздних текстах об оккупации Краснодара. Брошюра Кононенко начинается с главы «немецкая душегубка», где на первой же странице читателю сообщается, что с помощью душегубок «гестаповцы умертвили в Краснодаре около 7 тысяч мирных советских граждан» [Там же: 1]. Душегубка упоминается множество раз на протяжении всего текста.

В брошюре Кононенко также появляется мотив неизбирательных убийств. Там утверждается, что нацисты хватали «здоровых и больных, детей и взрослых, арестованных и неарестованных, русских и нерусских» [Кононенко 1943: 3]. Орудием этого неизбирательного террора Кононенко называет душегубку и даже утверждает, что машина была специально изобретена для того, чтобы истребить как можно больше советских граждан: «Главари гитлеровской Германии с первых дней войны разработали целую программу истребления советских людей. Вот откуда — эти механизированные могилы на колесах, эти автобусы смерти» [Там же: 37].

Основа для сюжета о тотальных облавах с помощью душегубок была задана текстами, появившимися сразу после освобождения города и имевшими пропагандистскую прагматику. Затем этот сюжет (возможно, уже существовавший в устной традиции в позднесоветское время) был закреплён в коллективной памяти благодаря надписи на мемориале «Жертвам фашизма».

Краснодарская память о войне: важность статуса жертвы

Можно выделить ещё один фактор, ответственный за популярность историй о душегубках и беспорядочных облавах — специфический вики-тимный фокус краснодарской памяти о войне.

Устройство культурной памяти — не только результат официальной политики памяти, в соответствии с которой пишутся авторитетные тексты и возводятся мемориалы. Акторы, действующие от лица государства, например чиновники, ответственные за памятники, часто руководствуются не столько официальными директивами, сколько собственными представлениями о том, кого и как следует помнить.

В этом отношении показательна история неудавшейся мемориализации жертв краснодарского Холокоста. Бывший руководитель еврейской общины Ю. Т. предпринял немало усилий для того, чтобы в городе появился памятник, напоминающий о расстрелянных в Краснодаре евреях. Однако все усилия оказались тщетными: «...после долгих проволочек было устно объявлено, что разрешения не будет, ибо установка памятника жертвам Холокоста может вызвать обострение межнациональной розни. Кроме того <...> убивали не только евреев, но и граждан других национальностей» [Тейтельбаум 2012]. Также чиновники рассказали Ю. Т., что после того, как он опубликовал в газете заметку о своём намерении, жители прислали в редакцию сотни писем, где возмущались перспективой установки «памятника евреям» [Инф. 10]. Таким образом, жители Краснодара выразили нежелание делить с евреями важный для них статус жертвы нацистов. О том, насколько этот статус важен для краснодарцев, также говорят некоторые сюжеты и общеизвестные «факты», составляющие локальную память об оккупации. Перечислим их.

Принятое в Краснодаре число жертв оккупации при ближайшем рассмотрении оказывается завышенным. Вадим Иванов справедливо замечает, что цифра 13 тыс. человек, выбитая на мемориале «Жертвам фашизма», имеет своим источником не расследованные кем-либо факты, а пропагандистскую брошюру «Зверства гитлеровцев на Кубани». Брошюра была сдана в набор 19 марта 1943 г., т. е. до того, как были созданы и начали работать комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (сформированные в конце апреля 1943 г.) [Иванов 2009]. В документе под названием «О зверских злодеяниях гитлеровских захватчиков», датированном 25 марта 1943 г., также утверждается, что нацисты «злодейски расстреляли, повесили, отравили в машинах смерти 13 тыс. советских людей — женщин, стариков, детей» [Докумен-

ты 1945: 107]. Хотя даже примерное число жертв среди гражданского населения до начала работы комиссии посчитать было невозможно, цифра 13 000 воспроизводится не только в надписи на мемориале, но и во многих публикациях об оккупационном периоде и его жертвах.

Среди краснодарцев распространено убеждение, что их город стал первым, где немцы использовали душегубки. Утверждения о «первенстве по душегубкам» мы неоднократно слышали в интервью. Они не соответствуют реальности, поскольку на территории СССР газвагены впервые были использованы в Полтаве в ноябре и в Харькове в декабре 1941 г., а еще раньше, в 1939–1940 гг., применялись в Польше [Душегубки б. д.].

В последнее десятилетие в Краснодаре появились два сюжета, связанных с бессмысленными зверствами, которые учиняли немцы при отступлении. В отличие от сюжета о «первенстве по душегубкам», они довольно маргинальны и продвигаются группой активистов — историков-любителей. Назовем их для простоты «сюжетами о зверствах».

Первый сюжет о зверствах утверждает, что при отступлении немцы сожгли заживо от 1 до 5 тыс. узников краснодарского лагеря для военнопленных. Промоутеры этой истории даже добивались на месте лагеря установки мемориальной доски, рассказывающей о сожжении пленных. Их оппоненты, профессиональные историки, сомневаются в этом факте, указывая на то, что сожжение военнопленных не упоминалось ни на Первом, ни на Втором краснодарском процессе и вообще не имеет никаких документальных подтверждений. Единственный источник, в котором оно упоминается, — художественный очерк писателя Константина Симонова, который в качестве военного корреспондента побывал в городе после освобождения [Симонов 1943]. Однако активистов эти аргументы не убеждают. Один из них в разговоре с нами заявил, что сомневаться в этой истории могут только те, кто «сами фашисты» [Инф. 11].

Второй сюжет о зверствах утверждает, будто бы при отступлении немцы вешали на главной улице Краснодара двух- и трехлетних детей. Этот сюжет также не имеет никаких документальных подтверждений. Историю о повешенных детях несколько лет назад «вспомнил» в интервью с местным активистом (и под влиянием наводящих вопросов с его стороны) житель Краснодара, который во время оккупации сам был ребенком [Инф. 12]).

Примечательно, что В. К., один из активистов памяти о таких не подтверждаемых источниками зверствах нацистов, также продвигает сюжет о неизбирательных убийствах. В 2010-е годы он записал несколько видеоподобных интервью со свидетелями оккупации. На одном из них В. К. прямо подталкивает свою собеседницу к тому, чтобы она вспомнила этот важный для него сюжет и тем самым подтвердила его истинность:

В. К.: Так, А. Г., февраль месяц. Немцы... не просто машины, наверное, туда-сюда, а хватают всех подряд? И возят на допрос, на расстрел.

Инф. 6: Да, всех подряд <...> Было шесть камер, и все шесть были [забиты], по сто человек примерно в каждой.

И перечисленные сюжеты о зверствах, и сюжет о «первенстве по душегубкам» не соответствуют исторической действительности. Харальд Вельцер полагает, что коллективные воспоминания отсылают не столько к исторической реальности, сколько к идентичности [Вельцер 2005]. Алессандро Портелли считает, что такие несоответствия устных нарративов историческим фактам важны для исследователя, поскольку именно они говорят об интересах и желаниях группы [Портелли 2003: 203–204]. О чем говорит распространенное среди краснодарцев убеждение, что именно в их городе душегубки использовались впервые? Воображаемое «первенство по душегубкам» выделяет Краснодар из других оккупированных городов, делает его не рядовой, а особой жертвой нацистов, дает городу особый статус. Так же как и истории о воображаемых зверствах, утверждения о «первенстве по душегубкам» свидетельствуют, что масштабы и характер нацистского террора важны для идентичности жителей.

Возможно, статус особой жертвы нацистов важен для Краснодара, поскольку его оборонительные заслуги не были признаны на официальном уровне. Он не получил ни звания города-героя, ни статуса города воинской славы. Характерно, что автор статьи в издании «МК на Кубани», называя такое положение дел «глубокой несправедливостью по отношению к Краснодару», указывает не на героические заслуги города, а на страдания его жителей во время оккупации, сильно преувеличивая при этом число жертв и используя уже знакомый нам сюжет о «первенстве по душегубкам»:

Да, на Кубани не было своей Брестской крепости или Сталинградского сражения. Но Краснодар не просто так вошел в десятку самых разрушенных городов во время Великой Отечественной войны <...> Разъяренные военными неудачами фашисты вымещали злобу на краснодарцах <...> На краснодарцах впервые в мировой истории было испытано страшное изобретение гитлеровцев — душегубки. Вдумайтесь, более 61 тысячи жителей кубанской столицы были умерщвлены в газовых камерах на колессах [Черепнина 2013].

Рассказы о зверствах фашистов и о бесцельных массовых убийствах (в том числе о душегубках и беспорядочных облавах) помогают компенсировать это непризнание героического статуса и встроить историю города в официально одобряемый нарратив о Великой Отечественной войне.

Заключение

История сюжета о душегубках и неизбирательных облавах представляет собой хорошую иллюстрацию того, как устройство культурной памяти о событии влияет на содержание устных рассказов о нем. Душегубки ис-

пользовались нацистами в разных оккупированных регионах, но сегодня о них вспоминают только в Краснодаре, рассказывая об оккупации. В советских текстах нередко говорилось о неизбежном истреблении жителей оккупированных территорий, но в Краснодаре этот тезис был популяризирован благодаря Первому краснодарскому процессу, который имел для властей большое пропагандистское значение и поэтому широко освещался СМИ. Благодаря медиатизации этот процесс сыграл важную роль в формировании местного «канона» воспоминаний об оккупации. Идея, что орудием неизбежного нацистского террора были душегубки, впервые прозвучала там, а в позднесоветское время была закреплена в надписи на мемориале «Жертвам фашизма».

Долгая жизнь разбираемого сюжета показывает, что официальные нарративы хорошо усваиваются в том случае, если они строятся по знакомым аудитории сюжетным моделям и используют знакомые ей образы. Утверждение о беспорядочном истреблении людей посредством душегубок, прозвучавшее на Первом краснодарском процессе, перешло в устную традицию, потому что в этой традиции для него существовала готовая форма — сюжет об опасной машине «черный ворон», жертвой которой может стать каждый. Немецкая душегубка легко встроилась в образный ряд машин, олицетворяющих террор.

Как и другие устные рассказы о далеком прошлом, истории о душегубках, которые преследовали «всех подряд», помогают рассказчикам поддерживать актуальную для них идентичность, подтверждают статус города как особой жертвы нацистов и тем самым позволяют компенсировать отсутствие официального признания его героических заслуг.

Поскольку в последние годы идея неизбежного нацистского террора становится все более заметной частью российского официального нарратива о Великой Отечественной войне, истории о душегубках обретают новую актуальность: существующие на уровне «народной» памяти истории о массовых бесцельных убийствах и официальная концепция «геноцида советского народа» подтверждают друг друга.

Источники

АВ — рукописные воспоминания Анны В., 1923 г. р. (личный архив Елены Деревщук-ковой, Краснодар).

Беляев, Бондарь 2005 — Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1942: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. / Сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. Краснодар: Диапазон-В, 2005.

Гинзбург 1967 — Гинзбург Л. Бездна: Повествование, основанное на документах. М.: Сов. писатель, 1967.

Документы 1945 — Документы обвиняют: Сб. документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып. 2. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1945.

- Душегубки б. д. — Душегубки // Яд Вашем: Мемориальный комплекс истории Холокоста. [Б. д.]. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/gas-wagons.html>.
- Ивлев, Юденков 1988 — *Ивлев И., Юденков А.* Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированных территории СССР, 1941–1944 гг. М.: Мысль, 1988.
- Как осты оказывались в Германии б. д. — Как осты оказывались в Германии // Та сторона: Устная история военнопленных и оstarбайтеров. [Б. д.]. URL: <http://tastorona.su/articles/educational/5>.
- Кононенко 1943 — *Кононенко Е.* Перед судом народа. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- Саенко б. д. — Военный дневник Николая Саенко // Общество Мемориал. URL: <https://memorial.notion.site/2c81c0ec702146289274cc6740f263b1>.
- Симонов 1943 — *Симонов К.* В Краснодаре // Красная звезда. 1943. 17 февр.
- Старостин 2022 — *Старостин А.* Суд признал преступления немецко-фашистских захватчиков на Кубани геноцидом // РИА Новости. 2022. 25 июля. URL: <https://ria.ru/20220725/genotsid-1804838624.html>.
- Судебный процесс 1943 — Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- Фирсова 2023 — *Фирсова С.* «Людей убивали просто так»: в Калуге продолжается судебный процесс по признанию геноцидом преступлений нацистов на нашей малой родине // KP 40. RU. 2023. 27 сент. URL: <https://www.kp40.ru/news/perekrestok/104907>.
- Черепнина 2013 — *Черепнина В.* Краснодар — город воинской славы // МК Кубань. 2013. 24 июля. URL: <https://kuban.mk.ru/articles/2013/07/24/888620-krasnodar-gorod-voinskoy-slavyi.html>.

Список информантов

- Инф. 1 — Н. Г., жен., 1976 г. р., зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская.
- Инф. 2 — В. В., муж., 1975 г. р., зап. М. В. Гаврилова, А. А. Кирзюк, И. В. Козлова.
- Инф. 3 — Н. К., жен., 1926 г. р., зап. М. В. Гаврилова, И. В. Козлова; В. К. (личный архив собирателя).
- Инф. 4 — М. Г., жен., 1933 г. р., зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская.
- Инф. 5 — М. С., жен., 1976 г. р., зап. А. А. Кирзюк, Б. С. Пейгин.
- Инф. 6 — А. Г., жен., 1929 г. р., зап. В. К. (личный архив собирателя).
- Инф. 7 — жен., ок. 45 лет, Ростов-на-Дону, зап. А. С. Архипова, Е. А. Закревская.
- Инф. 8 — М. Е., жен., 1935 г.р., с. Арзгир Ставропольского края, зап. А. Г. Карнаух.
- Инф. 9 — Б. М., муж., г. р. неизвестен, зап. В. К. (личный архив собирателя).
- Инф. 10 — Ю. Т., муж., 1935 г. р., зап. А. А. Кирзюк (интервью онлайн).
- Инф. 11 — Б. О., муж., 1949 г. р., зап. А. А. Кирзюк.
- Инф. 12 — А. И., муж. г. р. неизвестен, зап. В. К. (личный архив собирателя).

Литература

- Агеева 2022 — *Агеева В. А.* Использование жителей Таганрога на принудительных работах в Германии в 1942–1945 гг. (на материалах дневников, писем, устных источников) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-

- на-Дону, 30 июня — 1 июля 2022 г.) / [Отв. ред. Г. Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 476–483.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Вельцер 2005 — *Вельцер Х.* История, память и современное прошлое / Пер. с нем. К. Левинсона // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 28–35.
- Воронина, Утехин 2006 — *Воронина Т., Утехин И.* Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования / Под ред. М. Лоскутовой. СПб.: Нов. изд-во, 2006. С. 163–187.
- Иванов 2009 — *Иванов В.* Это нужно не мёртвым, это НУЖНО? живым... (О жертвах фашизма в Краснодаре и дальнейших судьбах массовых захоронений оккупационного периода) // Уроки истории. 2009. 6 июня. URL: https://urokiistorii.ru/school_competition/works/vadim-ivanov-jeto-nuzhno-ne-mjortvym-jetoj.
- Кирзюк 2017 — *Кирзюк А.* Три черных «Волги». Молчание и страх в советских городских легендах // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (143). С. 167–177.
- Макарова 2022 — *Макарова Е. А.* Малоизвестные страницы оккупации Ставропольского края (по материалам уголовного дела нацистского пособника А. Райха) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 30 июня — 1 июля 2022 г.) / [Отв. ред. Г. Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 295–303.
- Островская, Щербакова 2007 — *Островская И., Щербакова И.* Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших остарбайтеров // Устная история (oral history): теория и практика: Материалы Всерос. научного семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.) / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. С. 75–83.
- Портелли 2003 — *Портелли А.* Смерть Луиджи Трастулли. Память и событие / [Пер. с англ.] // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 202–230.
- Реброва 2019 — «Помни о нас...»: Каталог выставки, посвященной памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, убитых в период нацистской оккупации Северного Кавказа / Под ред. И. В. Ребровой. Краснодар: Тип. «Эдарт», 2019.
- Тажидинова 2019 — *Тажидинова И. Г.* Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.) // Наследие веков. 2019. № 3. С. 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf.
- Тейтельбаум 2012 — *Тейтельбаум Ю. М.* Мемориализация Холокоста в Краснодарском крае: опыт и проблемы // Память о Холокосте: проблемы мемориализации: Материалы 6-й Междунар. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия», Санкт-Петербург, 2–5 октября 2011 г. / Под ред. И. А. Альтмана. М.: Науч.-просв. центр «Холокост»; Фонд «Холокост»; АПАРТ, 2012. С. 53–59.
- Bourtman 2008 — *Bourtman I.* “Blood for blood, death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. Vol. 22. No. 2. 2008. P. 246–265.
- Rebrova 2020 — *Rebrova I.* Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus. Berlin: De Gruyter, 2020.

References

- Ageeva, V. A. (2022). Ispol'zovanie zhitelei Taganroga na prinuditel'nykh rabotakh v Germanii v 1942–1945 [The use of Taganrog residents for forced labor in Germany in 1942–1945]. In G. G. Matishov (Ed.). *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii: sobytiia, uchastniki, simvoly: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 30 iyunia — 1 iuliia 2022 g.)* (pp. 476–483). Izd-vo IuNTs RAN. (In Russian).
- Assmann, A. (2006). *Der Lange Schatten der Vergangenheit*. C. H. Beck.
- Bourtman, I. (2008). “Blood for blood, death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943. *Holocaust and Genocide Studies*, 22(2), 246–265.
- Ivanov, V. (2009, June 6). Eto nuzhno ne mertvym, eto NUZHNO? zhivym... O zhertvakh fashizma v Krasnodare i dal'neishikh sud'bakh massovykh zakhoroneniia okkupatsionnogo perioda [It is not the dead who need it but the living ones? About the victims of fascism in Krasnodar and the further fate of mass graves of the occupation period]. *Uroki istorii*. https://urokiistorii.ru/school_competition/works/vadim-ivanov-jeto-nuzhno-nemjortvym-jeto. (In Russian).
- Kirziuk, A. (2017). Tri chernykh “Volgi”. Molchanie i strakh v sovetskikh gorodskikh legendakh [Three black Volgas: Silence and fear in Soviet urban legends]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017(1, no. 143), 167–177. (In Russian).
- Makarova, E. A. (2022). Maloizvestnye stranitsy okkupatsii Stavropol'skogo kraia (po materialam ugovonnogo dela natsistskogo posobnika A. Raikha [Little-known chapters of occupation of the Stavropol Territory (Krai) (based on the materials of an archival criminal case of the Nazi accomplice, A. Reich)]. In G. G. Matishov (Ed.). *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii: sobytiia, uchastniki, simvoly: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 30 iyunia — 1 iuliia 2022 g.)* (pp. 295–303). Izdatel'stvo IuNTs RAN. (In Russian).
- Ostrovskaiia, I., & Shcherbakova, I. (2007). Opyt prinuditel'nogo truda v ustnykh svidetel'stvakh byvshikh ostarbaiterov [Experience of forced labor in oral testimonies of former ostarbeiters]. In T. K. Shcheglova (Ed.). *Usnaia istoriia (oral history): teoriia i praktika: Materialy Vserossiiskogo nauchnogo seminara (Barnaul, 25–26 sentiabria 2006 g.)* (pp. 75–83). Izd-vo BGPU. (In Russian).
- Portelli, A. (1991). The death of Luigi Trastulli: memory and the event. In A. Portelli. *The death of Luigi Trastulli, and other stories: Form and meaning in oral history* (pp. 1–28). State Univ. of New York Press.
- Rebrova, I. V. (Ed.) (2019). “Pomni o nas...”: Katalog vystavki, posviashchennoi pamiati patsientov psikhiatricheskikh klinik, detei-invalidov i vrachei-evreev, ubitykh v period natsistskoi okkupatsii Severnogo Kavkaza [“Remember us...”: Catalog of the exhibition dedicated to the memory of psychiatric patients, disabled children and Jewish doctors killed during the Nazi occupation of the North Caucasus]. Tipografiia “Edart”. (In Russian).
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter.
- Tazhidinova, I. G. (2019). Mediatizatsiia temy prestuplenii nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh posobnikov (na primere Krasnodarskogo protsessa, 1943) [Mediatization of the theme of crimes of the German-Fascist invaders and their accomplices (on the example of the Krasnodar Trial in 1943)]. *Nasledie vekov*, 2019(3), 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf. (In Russian).
- Teitel'baum Iu. M. (2012). Memorializatsiia Kholokosta v Krasnodarskom krae: opyt i problemy [Holocaust memorialization in the Krasnodar region: experience and problems]. In I. A. Al'tman (Ed.). *Pamiat' o Kholokoste: problemy memorializatsii: Materialy 6-i Mezhdunarodnoi konferentsii “Uroki Kholokosta i sovremennaia Rossiia”, Sankt-Peterburg*,

- 2–5 oktiabria 2011 g. (pp. 53–59). Nauchno-prosvetitel'skii tsentr “Kholokost”; Fond “Kholokost”; APART. (In Russian).
- Voronina, T., & Utekhin, I. (2006). Rekonstruktsiia smysla v analize interv'iu: tematich-eskie dominanty i skrytaia polemika [Reconstruction of meaning in interview analysis: Thematic dominants and hidden polemics]. In M. Loskutova (Ed.). *Pamiat' o blokade. Svidetel'stva ochevidtsev i istoricheskoe soznanie obshchestva: Materialy i issledovaniia* (pp. 163–187). Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Welzer, H. (2005). History, memory, and the presence of the past. *Osteuropa*, 55(4), 9–18.

* * *

Информация об авторе

Анна Андреевна Кирзюк

кандидат философских наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической фольклористики,
Школа актуальных гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
✉ kirzuk@mail.ru

Information about the author

Anna A. Kirziuk

Cand. Sci. (Philosophy)
Senior Research Fellow, Center
for Theoretical Folklore Studies, School
for Advanced Studies in the Humanities,
Institute for Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
✉ kirzuk@mail.ru

М. В. Гаврилова^{ab}

<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

^b Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)

ПАМЯТЬ О МУСЕ ПИНКЕНЗОНЕ: МЕЖДУ НАИВНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ, ФОЛЬКЛОРОМ И ЛОЖНЫМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ

Аннотация. В декабре 1942 г. в станице Усть-Лабинской Краснодарского края во время массового расстрела погиб 12-летний скрипач Муся Пинкензон. Согласно публикациям в прессе, которые начали появляться весной 1943 г., перед смертью он исполнил на скрипке «Интернационал». Хотя в достоверности этой версии есть сомнения, благодаря ей история Муси Пинкензона приобрела всесоюзную известность. В послевоенные годы в Усть-Лабинске вокруг фигуры этого пионера-героя сложилось сообщество, которое поддерживало память о нем в течение многих десятилетий. Материалом для исследования стали мемуары местных жителей о Мусе Пинкензоне, которые рассматриваются как часть определенной литературно-фольклорной традиции. Выясняется, что «официальная» версия обстоятельств расстрела, в основе которой лежит мотив «героическое музицирование на пороге смерти», отвечала общим запросам и поэтому вытеснила из памяти реальный опыт очевидцев. В статье анализируется содержание воспоминаний о Мусе Пинкензоне — в частности, прослеживаемые в них общие сюжетные элементы и риторические приемы. Выявляется, что одна их часть почерпнута из медиа, литературных источников, фольклора и воспоминаний предшественников, а другая выполняет «служебную» функцию — подтвердить право рассказчика на свидетельство и подчеркнуть его положительную роль в этой истории. Таким образом, историческое воспоминание — это продукт социально-политической, культурной, информационной среды и интересов самого рассказчика и его сообщества.

Ключевые слова: Холокост, устная историческая память, наивная литература, коммеморация, политика памяти

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Для цитирования: Гаврилова М. В. Память о Мусе Пинкензоне: между наивной литературой, фольклором и ложными воспоминаниями // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 58–84.

Поступило 26 января 2024 г.; принято 8 июня 2024 г.

M. V. Gavrilova^{ab}

<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>
✉ mariavl.gavrilova@gmail.com

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

REMEMBERING MUSYA PINKENZON: BETWEEN NAÏVE LITERATURE, FOLKLORE AND FALSE MEMORIES

Abstract. In December 1942, in the village of Ust-Labinskaya near the city of Krasnodar, a mass execution of Jews took place, during which 12-year-old violinist Musya Pinkenzon perished. According to press publications that began to appear in the spring of 1943, before his death he performed the communist anthem “The Internationale” on the violin. There are doubts about the reliability of this version, but thanks to it, the story of Musya Pinkenzon became known throughout the Soviet Union. After the war, a memorial community was formed in the city of Ust-Labinsk around Musya Pinkenzon. This community has been keeping alive the memory of this pioneer hero for many decades. Using the case of Musya Pinkenzon as an example, this article examines the question of how local oral historical memory is formed and what it consists of. The material for this study is 12 memoirs, most of which were obtained during two expeditions to Krasnodar and Ust-Labinsk, undertaken in 2022–2023 as part of the project “Jewish commemorative practices and the modern cult of Victory”, as well as observations and interviews with local residents. Memories of Musya Pinkenzon are considered part of a special literary and folklore tradition. It turns out that the “official” version of the circumstances of the shooting, which is based on the motif of “heroic music-making on the verge of death”, was more demanded by the local community and therefore it crowded out the real experience of eyewitnesses from memory. The article analyzes the content of the memoirs about Musya Pinkenzon — in particular, the general plot elements and rhetorical devices found in them. As a result, it turns out that one part of them is drawn from the media, literary sources, folklore and memories of predecessors, and the other performs a utilitarian function — it confirms the narrator’s right to testify and emphasize his positive role in this story. Thus, historical memory is a product of the socio-political, cultural, information environment and the interests of the narrator himself and his community.

Keywords: Holocaust, oral history, naïve literature, commemoration, memorial policy

Acknowledgements. The article is a part of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Gavrilova, M. V. (2024). Remembering Musya Pinkenzon: Between naïve literature, folklore and false memories. *Shagi/Steps*, 10(3), 58–84. (In Russian).

Received January 26, 2024; accepted June 8, 2024

В какой степени то, что мы знаем и помним, происходит из нашего жизненного опыта и принадлежит лично нам, а в какой взято из информационного фона и культурного багажа? Почему одни подробности попадают в наш рассказ о прошлом, а другие нет? Откуда мы черпаем средства, которые помогают нам облекать свои воспоминания в повествовательную форму? Эти вопросы встают перед психологами, социологами, историками, фольклористами¹. Моя статья посвящена событию, достаточно рядовому для своего времени (хотя это не делает его менее чудовищным), но оставившему о себе гораздо более долгую локальную память, чем аналогичные происшествия в других местах².

В августе 1942 г. немцы оккупировали станицу Усть-Лабинскую Краснодарского края. В декабре на высоком берегу реки Кубани, в районе остатков Краснофорштадтской крепости, возведенной во времена Александра Суворова, они устроили массовый расстрел. Согласно «Акту, фиксирующему зверства немецко-фашистских оккупантов в ст. Усть-Лабинской» [Игнатова 2023: 37], жертвами этого преступления стали 387 человек, из которых 300 были евреями, 35 — русскими, а 52 — «неустановленной национальности». Среди евреев, погибших в Усть-Лабинской, оказались представители трех поколений семьи Пинкензон: врач-хирург Владимир Пинкензон, его родители, жена и 12-летний сын Абрам, домашнее имя которого было Муся (от «Абрамуси»). Эта семья эвакуировалась из города Бельцы Молдавской ССР. В Усть-Лабинской доктор Пинкензон работал в военном госпитале, а его сын Муся учился в школе № 1 и часто играл на скрипке перед публикой.

Будучи одной из жертв «Холокоста от пуль», Муся Пинкензон после смерти получил совсем другую славу — славу пионера-героя. Еще в советские годы в Усть-Лабинске (в 1958 г. станица стала городом) вокруг него сложился культ. Коммеморативную активность охотно поддерживали местные власти, что было довольно необычно, учитывая тогдашнюю государственную политику «забвения» фактов геноцида евреев во время Великой

¹ См., например: [Loftus, Palmer 1974; Schacter 2001; Портелли 2005; Вельцер 2005; Blatz, Ross 2009].

² Во время оккупации в СССР было убито более 2,5 млн евреев, значительную часть жертв составляли дети [Альтман 2002: 200]. Однако в течение послевоенных десятилетий факты Холокоста замалчивались, а места захоронения жертв в советское время редко становились центрами коммеморативной активности, особенно со стороны неевреев (об этом см.: [Zeltser 2019, Rebrova 2020]).

Отечественной войны³. Усть-лабинская школа № 1 в 1968–2013 гг. носила имя Муси Пинкензона [Имени Героя б. д.], местные школьники под руководством педагогов занимались сбором материалов о расстреле и послевоенных публикаций о Мусе. На берегу Кубани стоит большой памятник юному скрипачу. В течение многих десятилетий возле него проходят мемориальные мероприятия — пионерские слеты, возложение «гирлянд памяти» и т. п.

Причина такого внимания — официальная версия обстоятельств гибели мальчика. Согласно ей, перед расстрелом Муся получил у немцев разрешение сыграть на скрипке и неожиданно исполнил «Интернационал» (до 1944 г. это был гимн СССР), что разозлило оккупантов и вдохновило устьлабинцев на сопротивление. Эта версия событий популярна по сей день. Она воспроизводится в том числе в работах историков, специализирующихся на теме Холокоста на территории СССР [Альтман 2002: 315; Rebrova 2020: 3–7], не говоря уже об изданиях, рассчитанных на массового читателя. История юного скрипача легла в основу немалого количества стихотворных и прозаических текстов⁴, сценария анимационного фильма⁵ и произведений наивного творчества.

В отличие от многих других советских пионеров-героев, образ Муси Пинкензона востребован и сегодня. С одной стороны, подвиг маленького скрипача находит отклик у самых разных людей, которые видят у себя нечто общее с ним: юный возраст, еврейское происхождение, любовь к музыке, приверженность идее ненасильственного сопротивления. С другой стороны, его история актуальна сегодня, когда Великая Отечественная война, и особенно связанная с ней героика, находится в центре государственной политики памяти⁶. И, конечно же, особое значение фигура Муси Пинкензона имеет для жителей Усть-Лабинска.

В этой статье речь пойдет об отражении истории гибели Муси Пинкензона в памяти людей, которые заявляли о личном знакомстве с ним. На примере этого случая будет интересно разобраться в том, как может быть устроена память об историческом событии, связанная с локальной идентичностью. Решить эту задачу мне поможет анализ текстов воспоминаний, дополненный антропологическим исследованием сообщества, продуктом чьего коллективного творчества они являются. Во-первых, я рассмотрю содержание рассказов о Мусе Пинкензоне: что в них говорится, а о чем умалчивается; в чем воспоминания разных людей совпадают друг с другом, а в чем расходятся. Во-вторых, я опишу общие для всех мемуаров сюжетные мотивы и риторические приемы. И, наконец, я постараюсь объяснить, чем обусловлены все эти особенности и какова функция подобных рассказов для их авторов и для локального сообщества. Материалом для исследования стали 12 мемуаров, большинство которых было

³ См. об этом, например: [Блюм 1996: 88–116; Альтман 2005].

⁴ Например: [Успенская 1943; Гусев 1948: 60–61; Виноградский 1951; Великанов 1962; Макаренко 1968; Каменкович 1970] и др.

⁵ Скрипка пионера (реж. Борис Степанцев, сценарий Юрия Яковлева, оператор Михаил Друян. Союзмультфильм, 1971. 8 мин.).

⁶ Об этом см.: [Копосов 2011: 162–168].

получено во время двух экспедиций в Краснодар и Усть-Лабинск, принятых в 2022–2023 гг. в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы»⁷, а также интервью с местными жителями и наблюдения.

Происхождение сюжета о Мусе Пинкензоне

Следует начать с того, что официальная версия гибели Муси Пинкензона вызывает сомнения. Версия с «Интернационалом» впервые была изложена в заметке «Как погиб Муся Пинкензон», опубликованной 8 мая 1943 г. в районной газете «Советская Кубань» [Кононенко 1943а]. Автор материала — Елена Викторовна Кононенко, советская писательница, которая во время войны работала военным корреспондентом газеты «Правда». Весной 1943 г. она приехала на Кубань, чтобы освещать Первый краснодарский процесс⁸. При этом свою заметку Кононенко подписала: «директор Усть-Лабинской средней школы № 1», что было неправдой⁹. Позже, в очерке «Слава советским детям!», который вышел в газете «Правда» в 1945 г., Кононенко призналась: «Я не была на этой площади, но я слышу, как играл ребенок этот гимн, я слышу это, и душа моя радуется и плачет!» [Кононенко 1945]. Почему журналистка выдала себя за директора школы? Скорее всего, ради создания у читателей впечатления, что автор знала Мусю лично и чуть ли не была свидетельницей расстрела¹⁰.

Описание расстрела в Усть-Лабинской также можно найти в актах нескольких чрезвычайных комиссий, призванных зафиксировать «зверства немецко-фашистских захватчиков» и нанесенный ими урон¹¹. Все они

⁷ В рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

⁸ Краснодарский процесс прошел 14–17 июля 1943 г. и стал первым в СССР открытым судебным процессом над пособниками немецких нацистов. На нем осудили 13 советских граждан, задействованных во вспомогательных частях зондеркоманды 10а. Кононенко была в числе журналистов, чья функция состояла в том, чтобы трансформировать ход и результаты процесса в пропагандистское высказывание (об этом см.: [Тажидинова 2019]). Кононенко — автор самого известного очерка о Первом краснодарском процессе, который сформировал представления о том, как проходила оккупация Краснодара [Кононенко 1943b].

⁹ В действительности директором школы № 1 во время войны была Галина Покровская.

¹⁰ Аналогичным образом рассказчики городских легенд для придания им большего правдоподобия часто передают их не как нечто случившееся с «другом моего друга», а от первого лица [Oring 2008].

¹¹ «Акт, фиксирующий зверства немецко-фашистских оккупантов в станице Усть-Лабинской» от 18 мая 1943 г. [Игнатова 2023: 37], «Акт о причиненных немецко-фашистскими оккупантами убытках и массовом истреблении мирных жителей Усть-Лабинского района» от 20 мая 1943 г. [Там же: 73], «Акт Усть-Лабинской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» [Беляев, Бондарь 2005 (1): 650] (дата составления документа в сборнике не указана) и «Акт Краснодарской краевой комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» от 30 июля 1943 г. [Бровко 2020: 50–52].

были составлены в мае — июне 1943 г., уже после выхода заметки Кононенко, причем в двух актах ее текст был использован в качестве источника, а в одном (от 18 мая 1943 г.) он воспроизводится дословно. Именно в этих документах рассказывается об исполнении Мусей Пинкензоном «Интернационала», в других же актах этой версии нет.

Четыре акта довольно существенно расходятся друг с другом в деталях преступления. Согласно документу от 18 мая, расстрел производился в течение нескольких дней: начиная с 15 декабря рано утром и поздно вечером людей вывозили на берег Кубани группами по 30–40 человек и там убивали. В акте от 20 мая называется только дата казни, а об обстоятельствах ничего не говорится. В двух остальных документах сообщается, что жертв расстреляли 15 декабря в 15 часов, выстроив двумя шеренгами по 200 человек. Расхождение в версиях, скорее всего, объясняется тем, что в их основе лежат устные рассказы, полученные из разных источников. Расстрел в Усть-Лабинской происходил в середине декабря 1942 г., а самые ранние зафиксированные сведения о нем появились лишь через полгода после случившегося — уже сама по себе длительность временного промежутка между событием и свидетельствами о нем ставит их достоверность под вопрос. За такой срок часть обстоятельств могла забыться, одни события могли быть перепутаны с другими, могли возникнуть слухи и домыслы¹².

Сейчас уже невозможно достоверно установить, действительно ли Муся Пинкензон играл перед смертью «Интернационал». Однако существует ряд аргументов в пользу обратного. Во-первых, в самой ранней публикации о расстреле в «Советской Кубани», которая вышла 4 апреля 1943 г., т. е. за месяц до заметки Кононенко, упомянута гибель «врача-хирурга Пинкензона Владимира Борисовича со всей семьей», но ничего не говорится ни о Мусе, ни об исполнении «Интернационала» [Южная 1943]. Это говорит о том, что до мая 1943 г. будущая «официальная» версия событий еще не сложилась.

Во-вторых, версия Кононенко противоречит стандартной практике айнзатцгрупп. Так, нацистам предписывалось при аресте конфисковывать у евреев все более или менее ценные вещи, включая музыкальные инструменты [Альтман 2002: 130–154] — маловероятно, что Мусе могли оставить скрипку. Далее, версия с исполнением «Интернационала» подразумевает, что казнь была публичной, как если бы речь шла о партизанах. В ином случае героический жест не имел бы аудитории, что лишает его смысла и ставит вопрос о том, кто же тогда был его свидетелем. Однако еще весной 1942 г. айнзатцгруппы получили приказ от командующих тылом групп армий Восточного фронта: при «ликвидации евреев <...> необходимо строжайшим образом обращать внимание на то, чтобы население не видело и не слышало про это» [Там же: 205].

¹² В актах от 18 и 20 мая, помимо прочего, пересказывается популярный фольклорный сюжет о том, что нацисты перед расстрелом травили детей, намазав им губы ядом. При этом 12-летнего Мусю, по их же версии, не отравили, а расстреляли.

Тайный характер расстрела в Усть-Лабинской подтверждают и рассказы очевидцев. В одном из актов приводятся свидетельства местных жителей, которые не видели убийства, но слышали крики жертв:

Перед расстрелом советские граждане подвергались избиению. Плач, стоны и крики были слышны живущим [неподалеку] гражданам Полушковой Н. И. и Прасоловой Н. Д., которые являются очевидцами этих злодеяний [Беляев, Бондарь 2005 (1): 650].

В 2010 г. для Мемориального музея Холокоста в США был записано интервью с Б. И. Новиковым, жителем Усть-Лабинска, 1930 г. р. Этот мужчина, будучи в 1942 г. подростком, случайно увидел, как трупы расстрелянных евреев сбрасывали в яму. Вот что он рассказывал о поведении гитлеровцев:

...мне кажется, они старались сделать так, чтоб свидетелей не было. Я удивляюсь, как они по нам очередь не пустили [Novikov 2010].

По словам И., сотрудницы Усть-Лабинского краеведческого музея, аналогичным образом в 2010-е годы высказывалась другая местная жительница (ныне покойная), чей дом находился рядом с местом расстрела. В разговоре с И. женщина упоминала, что слышала выстрелы, но не скрипку.

Если очевидцы событий не сообщали об исполнении «Интернационала», то откуда вообще это стало известно? Единственный источник этой версии — публикация Кононенко. При этом журналистка, во-первых, не была свидетелем сама и не ссылалась на очевидцев из числа местных жителей, а во-вторых, по меньшей мере один раз солгала в своей заметке — о том, что является директором школы. Все это заставляет подозревать, что перед нами один из примеров пропагандистского мифотворчества сталинской эпохи, а не рассказ о реальных событиях¹³. История об исполнении Мусей Пинкензоном «Интернационала» — это яркий героический сюжет, привлекающий внимание. Описание жестокого убийства невинного ребенка, и к тому же маленького патриота СССР, призвано возбудить у читателей возмущение и желание отомстить. Недаром заметка Кононенко заканчивается прямым призывом: «Пусть светлый образ Муси Пинкензона, невинно погибшего от рук немецких бандитов вселит еще большую ненависть к немецким кровопийцам. Все — на разгром фашизма!» [Кононенко 1943].

Героический жест перед казнью (выкрикивание лозунгов, стоическое спокойствие, мрачный юмор и т. д.) — мотив, очень широко распространенный в фольклоре и литературе. Подобное поведение приписывается

¹³ Самые известные примеры подобного мифотворчества — истории Павлика Морозова [Келли 2009] и Зои Космодемьянской [Harris 2011].

практически всем казнимым персонажам, историческим¹⁴ или вымышленным¹⁵. Пение/музицирование — один из видов такого поведения¹⁶. Во время Великой Отечественной войны мотив «героический жест перед казнью» воспроизводился очень часто: в газетных заметках, очерках и даже в актах и свидетельских показаниях. Например, согласно актам, воспитанники краснодарских заведений для детей-инвалидов при загрузке в машины-«душегубки» выкрикивали: «Будьте вы прокляты, изверги. Мы умрем за нашу Родину, умрем за нашего родного Сталина. Прощайте, товарищи» [Игнатова 2023: 41]. По-видимому, именно так, с точки зрения авторов, должна была выглядеть достойная гибель, даже если речь шла о маленьких детях с особенностями здоровья.

Заметке Кононенко о Мусе Пинкензоне предшествовала статья в «Известиях» о подвиге юного партизана Александра Чекалина — он тоже исполнял перед казнью «Интернационал»:

6 ноября <...> на площади города Лихвин немцы на глазах населения вешали Шуру Чекалина, бойца за родину. <...> В мрачной тишине площади раздался его громкий голос: «Всех нас не перевешаете, паразиты. Нас еще очень много! Победа будет за нами!» И он запел «Интернационал». Ветка перехватила горло героя и вместе со словами гимна оборвала его жизнь [Народный герой 1942].

Весьма вероятно, что именно история Александра Чекалина послужила источником вдохновения для Кононенко. В статье «Слава советским детям» она поставила его в один ряд с Мусей Пинкензоном¹⁷. Наряду с этим версия о том, что Муся погиб не как еврей, а как маленький патриот СССР¹⁸, соответствовала идеологической линии, выбранной советским

¹⁴ Например: Жанна д'Арк, по преданию, перед сожжением стыдила епископа Пьера Кошона, вызывая его на Божий суд; Томас Мор шутил, адресуясь к палачу; Стенька Разин терпеливо выносил истязания и ругал сообщников, просивших пощады; Мата Хари принарядилась и послала расстрельной команде воздушный поцелуй; Николай Гумилев на вопрос «Кто здесь поэт Гумилев?» ответил: «Здесь нет поэта Гумилева. Здесь есть офицер Гумилев» и т. д.

¹⁵ Подобные сцены можно найти, например, в «Тарасе Бульбе» Николая Гоголя, «Оводе» Этель Лилян Войнич, в балладах о разного рода бунтовщиках, повстанцах и революционерах, в житиях святых мучеников и многих других произведениях.

¹⁶ Например, в известной балладе Роберта Бёрнса легендарный шотландский разбойник Джейми Макферсон поет песню, сочиненную им накануне казни, сопровождая себя на скрипке: «He played a spring, / and danced it round / Below the gallows-tree» («Так весело, / Отчаянно / Шел к виселице он, / В последний час / В последний пляс / Пустился Макферсон» — пер. С. Я. Маршака, «Макферсон перед казнью»).

¹⁷ В том же ряду — майкопский пионер Женя Попов, который перед расстрелом «торжествующим, по-детски задорным голосом» кричит: «Да здравствует советская Родина!» [Кононенко 1945].

¹⁸ В этом есть сомнения, учитывая тот факт, что Бельцы были присоединены к СССР в результате подписания пакта Молотова — Риббентропа незадолго до начала Великой Отечественной войны. Кроме того, нет сведений о том, принимали ли Мусю Пинкензона в пионеры [Бровко 2020: 7]. Между тем Кононенко ставит его добродетели в заслугу советскому воспитанию: «...сколько радости и счастья было на лице этого

государством после Сталинградской битвы. Согласно этой линии, расовые причины преступлений нацистов на оккупированных территориях в СМИ не афишировались, не проводилось различие между террором против всего населения и геноцидом отдельных его групп (евреев, цыган, инвалидов и др.), и для всех жертв использовалось общее обозначение «мирные советские граждане» [Альтман 2005].

Воспоминания о Мусе Пинкензоне: происхождение и содержание текстов

Хотя история Муси Пинкензона легла в основу множества публикаций в СМИ и художественных произведений, самым большим вкладом в ее популяризацию стала книга кишиневского журналиста Саула Ицковича, опубликованная в 1967 г. в серии «Пионеры-герои» [Ицкович 1967]¹⁹. Ицкович дополнил сюжет об «Интернационале» подробностями о довоенной жизни семьи Пинкензон, о которых он узнал от их родственников, семьи Гендлер. Благодаря этому образ героя в его книге менее «плакатный» и более живой, чем в заметке Кононенко. Но как и она, Ицкович ни разу не использовал слово *еврей* и изъяс из истории какую-либо связь с Холокостом²⁰. Согласно его версии, Владимира Пинкензона убивают за отказ сотрудничать с немцами, а Мусю — потому что он его сын. Вместе с Пинкензонами погибают какие-то другие люди, но о причинах расправы над ними ничего не сообщается. На иллюстрациях они изображены не как «мирные жители» (согласно заметке Кононенко и актам комиссий, это были женщины, старики и дети), а как партизаны — взрослые мужчины со следами боевых ранений²¹. Казнь в книге подана как публичное мероприятие, и вслед за Мусей «Интернационал» подхватывают другие приговоренные к смерти.

В Усть-Лабинске и до 1967 г. помнили о Мусе Пинкензоне, рассказывали о нем школьникам, водили их к месту расстрела²², но после выхода книги Ицковича коммеморативная деятельность местных пионеров за-

маленького патриота советской родины! В нем был яркий отпечаток советского детства, без нужды и горя, которое проводят дети советской страны» [Кононенко 1943а].

¹⁹ Книга переиздавалась в 1968, 1974, 1980, 1981 и 1982 гг., была переведена на 16 языков народов СССР и стран соцлагеря.

²⁰ С одной стороны, канон биографий пионеров-героев не подразумевает упоминания их национальностей (благодарю за это замечание Светлану Маслинскую). С другой стороны, замалчивание того, что герой был евреем, могло также быть связано с политической обстановкой — Шестидневной войной 1967 г. и началом антисинионистской кампании в СССР. Поскольку автор и сам был евреем, он рисковал быть обвиненным в национализме.

²¹ Эта традиция была задана самым первым изображением казни Муси Пинкензона — рисунком Л. Смехова, который сопровождал очерк Е. Успенской «Сильные духом» [Успенская 1943]. Статья вышла в «Пионерской правде» к 1 сентября, через полгода после заметки Кононенко в «Советской Кубани». На рисунке мы видим мальчика, играющего на скрипке среди мужчин, похожих на бойцов.

²² Помимо того, что нам рассказывали об этом местные жители, сведения о почитании места расстрела также имеются в альбоме «История пионерской организации школы № 1 г. Усть-Лабинска» [История 1962].

метно активизировалась. В 1968 г. школе № 1 было присвоено имя Муси Пинкензона, и на ней была торжественно открыта мемориальная доска. В 1971 г. по инициативе усть-лабинских пионеров и на собранные ими средства на месте расстрела установили новый памятник со скульптурным изображением пионера-героя. В этот же период начался сбор материалов, документов и воспоминаний местных жителей о Мусе Пинкензоне — о чем пионеры отчитывались в машинописных документах, которые сейчас хранятся в Усть-Лабинском краеведческом музее [Работа 1971; 1975].

Авторы большинства воспоминаний о Мусе — устьлабинцы. Некоторые из них жили или живут в других местах, но так или иначе связаны с этим городом, будучи родом оттуда или из соседних населенных пунктов. В качестве дополнительного материала я привлекаю воспоминания Бориса Гендлера, двоюродного брата Муси Пинкензона (в советские годы он жил в Кишиневе, а затем переехал в Израиль) [ГБИ; Гендлер-Пинкензон 2006], и Н. Г. (уроженца Бельц, живущего в Израиле) [Инф. 1]. Большинство воспоминаний о Мусе Пинкензоне доступно только в письменном виде, однако с двумя мемуаристами нам все же посчастливилось поговорить лично [Инф. 1, 2]. Некоторые из устных мемуаров были получены не от самих авторов, а в пересказе других людей: Светлана Володина свидетельствовала о Мусе со слов своей матери Л. Г. Балунец [ВСИ], наш собеседник в Усть-Лабинске рассказывал о воспоминаниях своей школьной учительницы [Инф. 3], а израильтянин [Инф. 1] — о воспоминаниях бабушки и матери.

Доступные нам воспоминания о Мусе Пинкензоне можно разделить на две группы: «ранние», относящиеся к 1960–1970-м годам, и «поздние», 1980–2010-х годов. Обстоятельства получения тех и других различаются. «Ранние» воспоминания появлялись по запросу пионеров, причем мы не знаем, записывали их сами рассказчики или пионеры с их слов. Авторы воспоминаний 1980–2000-х годов делали их достоянием общественности по собственной инициативе: они публично заявляли о знакомстве с Мусей Пинкензоном, писали об этом письма в районную газету «Сельская новь»²³ или приходили в краеведческий музей. Местные журналисты брали у этих людей интервью для публикации в газете или для телесюжета либо они самостоятельно записывали свои воспоминания, и затем их печатали на страницах «Сельской нови».

Всего через полгода после расстрела версии событий уже заметно отличались. Те же воспоминания, о которых идет речь, отстоят от событий намного дальше — по меньшей мере на два десятилетия. С течением времени и в процессе многократного пересказа нарратив о реальном событии претерпевает изменения: история становится короче, и из нее пропадают периферийные детали, а то, что противоречит расхожим представлениям, меняется так, чтобы им соответствовать, — и в результате воспоминание оказывается похоже скорее на фабулат, *fictional story*, чем на свидетельство.

²³ Так с 1962 г. называется бывшая районная газета «Советская Кубань», ее редакция находится в Усть-Лабинске.

ские показания (см., например: [Blatz, Ross 2009: 226–228]). Часть мемуаров о Мусе можно классифицировать как наивную прозу, поскольку в них заметны следы структурной и стилистической обработки. Авторы воспоминаний часто упоминают, что они многократно выступали с ними публично:

...я стараюсь сейчас всем ребятам донести до сердца подвиг героя, его бесстрашие, смелость [БАИ].

Я часто выступаю перед пионерами школы, где я учился, где учился Муся, стараюсь донести смысл подвига до юных сердец [ЗВФ].

Своим ученикам я часто рассказываю о маленьком скрипаче, о его короткой, но яркой жизни [БНА].

...вижу, как загораются глаза детей, когда я рассказываю о семье Пинкензон [СЭИ].

Таким образом, перед нами мемуары с устоявшимся содержанием и риторически «обкатанной» формой. Некоторые из них являются литературными произведениями [Смотрова 1988; Гендлер-Пинкензон 2006].

В «ранних» и «поздних» воспоминаниях прослеживается ряд общих мотивов, речь о которых пойдет далее, однако они отличаются друг от друга содержательно и стилистически. Воспоминания 1960–1970-х годов, как правило, очень краткие. Их отличает крайняя событийная и описательная бедность — рассказчики практически не добавляют подробностей к тому, что говорилось у Кононенко и Ицковича. Это объяснимо: ко времени, когда были записаны первые мемуары, память очевидцев, которые были знакомы с Мусей давно и недолго, оказалась «отформатированной» многочисленными позднейшими пересказами сюжета о нем. Скудость на детали также можно объяснить жанровой прагматикой самих текстов: поскольку авторы воспоминаний выступали перед пионерами с мемориальными речами и дидактическими рассказами, от них и не требовалось выходить за пределы содержания «официальных источников», даже если они в действительности помнили больше²⁴.

Более поздние рассказчики, наоборот, выступали с длинными повествованиями, полными новых подробностей. Это можно объяснить тем, что они высказывались в других обстоятельствах, в других жанрах и адресовались к другим аудиториям. Среди читателей газетных публикаций 1980–2010-х годов и слушателей на вечерах памяти жертв Холокоста были востребованы скорее драматические сюжеты и детализированные описания, чем клишированные «пионерские» выступления. К тому же, чтобы доказать свою причастность к героической истории Муси Пинкензона, «поздним» рассказчикам требовалось предъявлять больше уникальных

²⁴ Аналогичным образом выступления фронтовиков перед школьниками могли сильно отличаться от рассказов в неофициальной обстановке.

сведений, чем «ранним», которым незачем было доказывать, что они действительно очевидцы, поскольку пионеры сами обращались к ним за свидетельствами.

К 1980–2010-м годам накопилось достаточно много произведений о Мусе Пинкензоне, откуда можно было черпать подробности, и одновременно в живых оставалось все меньше людей, которые могли бы поставить достоверность воспоминаний под сомнение. Иногда «поздние» авторы сами выступали с критикой предшественников, претендуя на то, что их сведения более достоверны:

...мне попала в руки книжечка «Муся Пинкензон». Книга нужная, но поверхностная. Я знаю намного больше. И вот к 40-летию Победы над фашистской Германией я решила написать свои воспоминания [СЭИ].

Почему-то нигде не упоминается, что у Муси была ещё младшая сестра [Григорьева 2014].

Далее я рассмотрю общие для сюжетов разных воспоминаний о Мусе элементы, постараюсь объяснить их происхождение, а также их психологические и социальные функции.

Рассказчик вписывает себя в историю

Большинство авторов воспоминаний — ровесники Муси Пинкензона, поэтому они первым делом сообщают о том, что они с ним вместе учились, жили на одной улице, дружили и играли. По меньшей мере двое из них претендуют на то, что они сидели с Мусей за одной партой. Об этом заявляла В. Н. Вартанова: «В школе мы сидели за партой возле окна» [Григорьева 2014], и, по словам нашего информанта, учительница музыки из адыгейской школы с противоположного берега Кубани:

...я задал ей вопрос: «А вы...», — ну, когда она про это рассказывала, про Мусю Пинкензона. <...> Я говорю: «Вы видели его, Мусю Пинкензона?» А она вот так глаза на меня вытаращила: «Да вы что!!! Я с ним за одной партой сидела!!!» Я так испугался, честное слово! Тишина такая в классе была [Инф. 3].

В книге Ицковича говорится о выступлениях Муси перед ранеными в госпитале, где работал его отец²⁵, — часть рассказчиков сообщает, что они тоже участвовали в концерте или слушали его игру на скрипке:

Я очень любила петь под аккомпанемент Муси, он очень умело играл [БНА].

...под скрипку Муси я танцевала вальс и польку перед ранеными в госпитале [СЭИ].

²⁵ Это подтверждается более ранней записью — в альбоме [История 1962].

Некоторые авторы также вспоминают о знакомстве с родственниками Муси:

Он жил на той же улице, что и я. После занятий мы часто играли вместе, я бывал у него дома, Муся у меня. Я хорошо знал его родных: бабушку, дедушку, отца и мать [ЗВФ].

Я очень хорошо помню их бабушку. Такая добрая, милая и аккуратная была старушка. Ей было уже за 80, волосы седые, почти белые. Она часто приходила к нашей маме, они подолгу беседовали [Григорьева 2014].

В двух мемуарах даже возникает сестра Муси, о которой отсутствуют какие-либо сведения в документах и воспоминаниях родственников (ее, скорее всего, не было):

Мне довелось в 3[-м] классе учиться с его сестренкой Леночкой (или Милочкой?) [СЭИ].

...кажется, ее звали Эля <...>. Очень хорошо её помню, чёрненькая, кудрявая, с двумя косами. Каждая коса — толщиной в три пальца. Она постоянно играла с нами, а по станице гуляла, крепко держась за Мусину руку [Григорьева 2014].

Функция подобных утверждений — подтвердить непосредственное участие рассказчика в важных событиях. Это дает ему право на свидетельство очевидца, наделяет его слова значимостью, а его самого — престижным статусом. С этой же целью Кононенко в заметке выдавала себя за директора школы, в которой учился Муся Пинкензон.

Описание Муси Пинкензона

Характеристика главного героя истории — не менее важный элемент воспоминания, чем объяснение его связи с рассказчиком. Задача описания Муси — продемонстрировать эксклюзивное знание.

В большинстве «ранних» воспоминаний Муся Пинкензон изображен крайне схематично — по сути, авторы просто констатировали, что это был идеальный мальчик, у которого была скрипка. При этом каждый приписывал Мусе те качества, которые сам считал наиболее достойными:

Муся отличался скромностью, аккуратностью. Он был жизнерадостным, любознательным [СЭП].

Ребята полюбили его за отзывчивость, справедливость и еще за умение играть на скрипке [БАИ].

Мальчик был всегда аккуратно одет, воспитан и вежлив [ВСИ].

Единственная, на первый взгляд, индивидуализированная деталь, о которой сообщают «ранние» рассказчики, — то, что Муся Пинкензон носил короткие брючки:

Запомнился он мне в коротких серых брюках, такого же цвета курточке, поверх которой развевался алый пионерский галстук [СЕП].

Мальчик небольшого роста, в светлой рубашке, в коротких штанишках [ЗВФ].

В различных изданиях книги Ицковича, а также в мультфильме «Скрипка пионера» (1971) Муся изображен в брюках с длинными штанинами. Но не исключено, что «короткие штанишки» ведут свое происхождение от иллюстрации Л. Смехова в «Пионерской правде», где Муся изображен именно так²⁶ [Успенская 1943].

То, как рассказчики описывают взаимоотношения Муси с музыкальным инструментом, по сути, является буквализацией выражения «не расставался со скрипкой». Эта идиома, которая встречается в заметке Кононенко, в обиходе скрипачей означает всего лишь усердные занятия²⁷. В воспоминаниях же Муся буквально повсюду носит инструмент с собой:

Я помню, как Муся был сдержан, не по возрасту серьезен. В руках у него постоянно была скрипка [БНА].

В школе мы сидели за партой возле окна. У Муси была привычка всегда брать с собой скрипку и на уроках класть футляр на подоконник. На перемене он доставал её и играл [Григорьева 2014].

М. С. Гулицкая в своих воспоминаниях наделила его «музыкальными» пальцами: «Он был худощавым темноволосым мальчиком с тонкими длинными пальцами рук. С ним постоянно была рядом скрипка» [Ермак 2003]. Это описание соответствует «народному» представлению о том, как должны выглядеть руки музыканта, в то время как в действительности для скрипачей длина пальцев не имеет значения, а «тонкость» и вовсе противопоказана — наоборот, важно, чтобы они были мускулистыми, с плотными подушечками.

Самое подробное воспоминание о Мусе Пинкензоне оставила учительница школы № 1 Е. П. Сахно. Среди рассказчиков лишь она была знакома с мальчиком, будучи уже взрослой, и от нее, казалось бы, можно было ожидать чуть более индивидуализированной характеристики. Но и ее описание представляет собой не изображение живого человека, а набор клише об идеальном пионере:

На уроках Муся работал с увлечением, всегда давал отличные ответы по всем предметам. <...> Муся охотно и постоянно помогал

²⁶ И вдобавок босиком, хотя расстрел происходил зимой.

²⁷ Благодарю Анну Кирзюк за информацию о практике скрипачей.

товарищам в учебе. Он принимал активное участие в экскурсиях, походах в окрестности станицы Усть-Лабинской <...> Муся участвовал в сборе металлолома и других общественных делах. <...> Муся — общественник, чуткий товарищ, талантливый музыкант, ученик-отличник [СЭП].

Мальчик интересует рассказчицу только в качестве примера для школьников, и свои воспоминания она заканчивает призывом: «Дорогие ребята! Желаю вам успехов в учебе, общественных делах. Высоко несите честь своей дружины, честь своей школы». Авторы «ранних» воспоминаний апеллируют к Мусе как к героическому символу, главная характеристика которого — совершённый им подвиг, поэтому в описании героя просто не остается места для человеческих черт.

В «поздних» воспоминаниях описание Муси Пинкензона намного более детально — поскольку их авторы стремились не столько следовать канону, сколько доказывать, что они знают о юном герое нечто особенное:

Он был плотного телосложения, всегда одетый в белую рубашку, серый пиджачок и короткие, за колена, штаны, слегка присборенные на манжете. Так никто в кубанской станице не одевался. Местные мальчишки и зимой, и летом носили длинные брюки. А Муся даже в морозные зимние дни носил легкое серое пальто, короткие штаны, гольфы и ботинки [Смотрова 1988].

Значит, каким я его запомнила? Не таким, как он здесь изображен на фотографии. Мне казалось, что он должен быть высокий, стройный, темноволосый. На фотографиях у него темно-русые волосы [Инф. 2].

Эти описания иногда противоречат друг другу: Муся то «плотного телосложения», то «высокий, стройный». У Смотровой «Мусю <...> за его скромность, мягкую уступчивость, готовность дружить с каждым, никогда не дразнили и не задевали» [Смотрова 1988], а у сестер Вартановых «местные мальчишки его постоянно дразнили и лезли драться», поскольку «он был очень робкий и стеснительный» [Григорьева 2014].

О реальных внешности и характере Муси Пинкензона известно довольно мало. Доступна всего одна прижизненная фотография 6–7-летнего Муси, которая была добыта и растиражирована усть-лабинскими пионерами лишь в 1970-е годы. Тогда же по инициативе пионеров были записаны воспоминания двоюродного брата Муси Бориса Гендлера, в которых мальчик предстает наиболее похожим на реального человека, однако они не были широко известны. Для большинства авторов воспоминаний образ Муси был «пустым» пространством, на которое они проецировали клише, бытовые стереотипы, буквализованные идиомы, сведения, почерпнутые в медиасреде, и, наконец, свои собственные представлениями о должном и правдоподобном.

Оказание услуг Мусе Пинкензону и /или его родственникам

Авторы «поздних» воспоминаний часто сообщают, что они помогали Мусе или членам его семьи — одалживали бабушке Муси соль и спички, носили Пинкензонам еду в тюремную камеру и т. п.:

...однажды папа на выходной приехал домой, сказал, что мальчик Муся хочет <...> посмотреть город Краснодар. <...> И мама сказала: «Если хотят, чтобы мы показали мальчику Краснодар, привози в Краснодар мальчика» [Инф. 2].

Так как мы учились в одном классе, а жили рядом, как-то раз к нам пришла мама Муси (Феня Моисеевна) и попросила меня, чтобы в школу и домой мы ходили вместе с её сыном. <...> Мне приходилось отбивать Мусю от хулиганов портфелем [Григорьева 2014].

Подобные утверждения усиливают связь между рассказчиком и героем: автор воспоминания оказывается в какой-то степени причастным к его подвигу. Помимо этого, рассказ об оказании услуги служит дополнительным подтверждением права рассказчика на свидетельство — например, если он заявляет, что Муся жил в его доме.

О месте жительства семьи Пинкензон в Усть-Лабинске известно, что оно находилось на улице Демьяна Бедного, но о номере дома версии разнятся. В пионерском альбоме сообщается, что это был дом № 210, и даже приводится его фотография [История 1962]. В книге Ицковича упоминается, что Пинкензоны жили в доме Полины Ивановны Калёновой. В пионерском отчете 1975 г. сообщается об установлении контакта с некой Коленовой, хозяйкой того самого дома [Работа 1975], Э. И. Смотровая пишет, что Муся жил в доме Федора и Петра Коленовых, а Л. Н. Вартанова в 2014 г. сообщала, что это был «дом, кажется, 169 [по ул. Демьяна Бедного], у дяди Пети Калёнова» [Григорьева 2014]. Скорее всего, речь идет об одних и тех же доме и семье. Тем не менее в 2018 г. в краеведческий музей пришла бывшая местная жительница С. И. Володина и, ссылаясь на свою мать Л. Г. Балунец, заявила, что Пинкензоны жили у нее в доме по другому адресу — ул. Демьяна Бедного, д. 180/2 [ВСИ].

Рассказ об услуге выполняет и компенсаторную функцию. Тот факт, что местные жители не смогли предотвратить гибель юного героя, вызывает у них желание рассказать по крайней мере о своей положительной роли в его истории. В пионерском альбоме 1962 г. говорится о просьбе устьлабинцев за Мусю Пинкензона перед оккупантами: «Когда группу советских людей вели на расстрел, жители просили немцев отпустить мальчика Мусю, но палачи не слушали никого» [История 1962]. Этот фрагмент повторяет эпизод с попыткой спасения мальчика из описания казни у Кононенко: «Отец стал просить жандармов не убивать его сына. Звероподобные полицейские стали смеяться и бить его палками...» [Кононенко 1943] — но намерение спасти Мусю приписывается станичникам.

Наконец, услуга Мусе может быть и посмертной: сестры Вартановы рассказывают о том, как они после войны бойкотировали полиция К., который, по их утверждению, сдал Пинкензонов немцам, — тем самым символически восстанавливая справедливость. Этот элемент воспоминания можно связать с другим популярным устным сюжетом о Холокосте — о сверхъестественном воздаянии коллаборационистам²⁸.

Отказ от спасения

В мемуарах о Мусе Пинкензоне встречается еще один распространенный сюжетный элемент — рассказ об отказе жертвы от спасения:

Всякий раз я предлагал Мусе уйти из станицы на хутор к знакомым. Но он отклонял мои просьбы и говорил: «Погибать так всем, всей семьей!» В последний раз я его видел в конце декабря, встретились мы на улице, и разговор наш был прежний, о его судьбе. Муся и на этот раз отказался от помощи [ЗВФ].

Когда немцы приближались, отцу сказали, что если он сдаст свою подводку, ему разрешат эвакуироваться. Уговаривал Пинкензонов эвакуироваться, но они отказались уйти, так как думали, что не все немцы фашисты. Привели в пример немецких поэтов и композиторов. Они хорошо устроились врачами, думали, что немцев тоже будут лечить [Инф. 2].

Похожие истории мы фиксировали практически на всех исследованных нами бывших оккупированных советских территориях [Каталог]. Рассказ об отказе от спасения расширяет и отчасти дублирует предыдущий сюжетный элемент, «оказание услуги», — поскольку здесь тоже речь идет о попытке рассказчика спасти жертву. Функция обеих этих историй — компенсация чувства вины рассказчика, который, в отличие от героя, выжил. Автору воспоминания важно показать, что он сам или его родственники предприняли все возможное, но жертва сама выбрала свою участь.

Наконец, история об отказе от спасения — еще один вариант реализации упомянутого ранее мотива «героический жест перед казнью»: герой разделяет участь с товарищами, подопечными и т. п., хотя имеет шанс спастись. Так же, например, поступает мальчик в стихотворении Виктора Гюго «Кровавая неделя» (*La Semaine sanglante*), который просит перед казнью разрешения отнести матери часы и возвращается, хотя его никто не ждал. Говоря об историях, связанных с Холокостом, следует упомянуть подвиг чешского педагога и писателя Януша Корчака, который добровольно разделил участь со своими воспитанниками из дома сирот.

²⁸ Бывшие полицаи подвергаются всеобщему ostracismu, сходят с ума, спиваются, умирают позорной и мучительной смертью, их потомки несчастны и т. д. [Каталог].

Рассказ о собственных бедах

Компенсирующую функцию также выполняют истории о том, как сам рассказчик или его родственники чудом избежали смерти. Так, некоторые авторы заявляли, что они сидели с Мусей Пинкензоном в одной тюремной камере:

Через некоторое время мы встретились с ним в тюремной камере, куда я попала вместе с родителями. Мы все были приговорены к расстрелу. <...> Мне с родителями чудом удалось спастись, а все остальные 378 граждан были расстреляны [БНА].

Причина, по которой рассказчица попала в тюрьму, и то, каким образом она спаслась, в мемуаре не описаны. Еще одно свидетельство о пребывании в тюрьме было процитировано в статье «Именем юного героя» пионервожатой школы № 1 В. Хариной²⁹:

«Здесь нас держали два-три дня. Дети плакали, просили пить. Среди арестованных была и семья Пинкензон. Мальчик, лет двенадцати, всегда бережно прижимал к груди скрипку», — вспоминает о тех страшных днях Е. А. Гольденберг, которой удалось спастись.

В воспоминаниях рассказчиков-евреев описывается их собственное бегство от оккупации, полное опасностей:

...моя бабушка, когда уходила в эвакуацию, она уходила в эвакуацию с ихней семьей. <...> когда немцы прорвали фронт, моя бабушка успела уехать, а его родители не успели уехать, потому что они были мобилизованы в Красную армию как врачи, и Муся остался вместе с ними [Инф. 1].

Дорога была очень сложная, очень тяжелая <...>. Мы ехали на подводе, потом в Сочи папа сдал подводу и лошадей, мы просидели в каком-то саду <...> Потом <...> мы доехали до Сухуми. Потом мы в Сухуми пересели, доехали до Баку. В Баку мы ждали корабля — через Каспийское море. Мы переехали через Каспийское море, оказались в Красноводске. Мы сели на поезд, доехали до города Чарджоу, областной центр в Туркмении, и там и высадились [Инф. 2].

Длинная вереница людей двигалась по дороге. Нехитрый скарб, узлы с вещами, небольшие чемоданы погрузили в единственную подводу, дети, как и взрослые, шли пешком, лишь на некоторое время их по очереди усаживали на подводу, чтобы они могли немного передохнуть. Палило жаркое июльское солнце, на бреющем полете пролетали немецкие самолеты и обстреливали

²⁹ Статья хранится в архиве усть-лабинской средней общеобразовательной школы № 1 в виде вырезки без указания даты и места публикации.

колонну беженцев, тогда мы немедленно разбегались в разные стороны и прятались в поле пшеницы или подсолнуха, которые тянулись по обе стороны от дороги [Гендлер-Пинкензон 2006].

Рассказ о своих бедах выполняет компенсаторную функцию иначе, чем предыдущие два: в этом случае автор воспоминания сообщает, что его семья и не могла спасти Мусю Пинкензона, поскольку они тоже были жертвами. Кроме того, это пробуждает у аудитории сочувствие не только герою истории, но и рассказчику.

Рассказ о расстреле

Расстрел — это ключевой эпизод истории Муси Пинкензона. Как было показано в начале статьи, версия о казни в присутствии местных жителей уязвима для критики. Впрочем, большинство авторов воспоминаний и не утверждало, что они своими глазами видели расстрел и/или слышали исполнение «Интернационала». Самое большее, что они описывают, — увод мальчика из дома: по словам М. Репешук, она видела из окна, как Мусю вместе со скрипкой сажают на подводу и увозят [РМ], а Л. Г. Балунец, со слов ее дочери С. И. Володиной, утверждала, что видела из окна, как ведут приговоренных к расстрелу, и Муся помахал ей рукой [ВСИ]. В данном случае речь могла идти о пути не к месту расстрела, а к месту сбора в тюрьме — согласно упомянутому выше интервью Б. И. Новикова, станичники не раз наблюдали, как евреев забирали из домов, сажая стариков и детей на подводы; их также приводили из соседних населенных пунктов и гнали по улицам колоннами [Novikov 2010]. Два «ранних» рассказчика прямо сообщали о том, что они узнали о расстреле уже постфактум:

В одну из страшных ночей был арестован Муся с семьей. Через некоторое время мы узнали о том страшном расстреле в крепости [БАИ].

Дней через 15 Муси не стало. Вся станица заговорила о стойкости и мужестве Муси, заигравшего «Интернационал» и не просившего пощады [ЗВФ].

Описание сцены самого расстрела стало появляться только в некоторых из «поздних» воспоминаний. В 1988 г. в «Сельской нови» был опубликован рассказ Э. И. Смотровой «На высоком берегу Кубани» — хотя редакция представила его читателям как воспоминания очевидца «кровавой расправы над советскими людьми», перед нами произведение с большой долей вымысла. Автор, которой во время оккупации было 9–10 лет, подробно описывала сцены, свидетельницей которых она быть не могла, — например, разговор доктора Пинкензона с немецким офицером в госпитале и пытки в комендатуре. При этом Смотровая описывает расстрел так, как будто сама была среди жертв или в расстрельной команде, — расска-

зывая об эмоциях участников событий, о том, как немец притоптывал в такт мелодии «Интернационала», пока не понял, что звучит, и даже о позе, в которой упал убитый герой:

Мальчик, вдруг, согнувшись, упал. Но даже мертвый, Муся, как бы оберегая звуки, держал скрипку над собой в неловко вывернутой руке [Смотрова 1988].

На статус свидетельниц расстрела также претендовали сестры Л. Н. и В. Н. Вартановы, интервью с которыми вышло в той же газете в 2014 г. Они утверждали, что не только видели, как Пинкензонов забирали на расстрел, но и слышали исполнение «Интернационала» [Григорьева 2014]. Однако, по словам главного редактора «Сельской нови» В. Н. Гостевой, после публикации этого материала в редакцию позвонил пожилой мужчина с обвинениями во лжи. По его словам, во время расстрела он, будучи подростком, прятался в кустах (возможно, это как раз был Б. И. Новиков, хотя его фамилию наша собеседница не назвала) — и никакого «Интернационала» не было. Еще одна наша собеседница, в прошлом возглавлявшая Усть-Лабинский краеведческий музей [Инф. 4], ссылаясь на воспоминание Б. И. Новикова как на доказательство того, что «Интернационал» был. При этом она трактовала слова Новикова совершенно противоположным образом — на самом деле он говорил, что ничего подобного не слышал.

Таким образом, мы видим, что чем позже записано воспоминание, тем более рассказчик уверен в том, что исполнение Мусей Пинкензоном «Интернационала» имело место, и тем охотнее он описывает подробности расстрела. Более того, свидетельство о героическом жесте Муси приписывается даже тому очевидцу, который в действительности утверждал обратное.

Итак, в воспоминаниях о Мусе Пинкензоне прослеживается шесть общих сюжетных элементов: 1) вписывание себя в историю; 2) описание внешности и характера героя; 3) оказание услуги герою; 4) отказ героя от спасения; 5) рассказ о собственных бедах и 6) описание расстрела. 1-й, 2-й, 6-й, а также отчасти 3-й элементы удостоверяют причастность рассказчика к важным событиям; 3-й, 4-й и 5-й выполняют компенсаторную функцию для рассказчика, которому важно подчеркнуть, что он и его родственники помогали герою, пытались спасти его, пусть и безуспешно, и что им самим удалось избежать гибели лишь благодаря случайности.

Анализ всех этих элементов, общих для сюжетов разных воспоминаний, показывает, что те из них, чья функция не является «служебной» (валидизирующей или компенсаторной), происходят из внешних источников — воспоминаний предшественников, фольклора, литературы и медиасреды. Основным содержанием мемуаров о Мусе Пинкензоне, таким образом, стал не столько личный опыт рассказчиков, сколько усвоенное ими «общее достояние». Если же в воспоминании появляется какая-то совершенно новая деталь или эпизод (наличие у Муси сестры, экскурсия по Краснодару и т. п.), они не подтверждаются другими источниками и выглядят как аберрация памяти или даже вымысел.

«Помнящее сообщество» и его интересы

В течение послевоенных десятилетий в Усть-Лабинске вокруг фигуры Муси Пинкензона сложилось нечто похожее на то, что Франческа Каппеллетто назвала «мнемоническим сообществом» [Cappeletto 2003]. Местные жители, в первую очередь пионеры и их педагоги, создавали и поддерживали его, собирая материалы о Мусе, проводя мемориальные митинги возле его памятника и пересказывая воспоминания о нем. По словам Каппеллетто, в «мнемоническом сообществе» воспоминания отдельных людей перемешиваются друг с другом, составляя ту картину представлений об историческом событии, которую они все разделяют [Cappeletto 2003: 245]. Память о Мусе Пинкензоне наряду с этим включает образы, почерпнутые в СМИ и литературе, расхожие представления о музыкантах, а также стремление рассказчиков предстать перед аудиторией в наилучшем свете.

Еще Морис Хальбвакс [2007] писал о том, что наши воспоминания суть социальный конструкт. Наша историческая память складывается под влиянием книг, фильмов, а также текущей политической обстановки и той картины мира, которую мы разделяем. Нет ничего удивительного в том, что авторы воспоминаний о Мусе Пинкензоне «помнили» только то, что, по общему убеждению, они должны были помнить, и конструировали содержание своих мемуаров из прочитанного и услышанного. В литературе по исторической памяти неоднократно был описан феномен ложных воспоминаний, которые бывают практически полностью сформированы информационной средой, хотя их носители убеждены в их реальности и испытывают в связи с ними сильные эмоции [Вельцер 2005; Портелли 2005; Ассман 2014].

Показательно, что половина авторов мемуаров о Мусе Пинкензоне — учителя³⁰. Именно они чаще других соприкасались со школьным патристическим дискурсом, частью которого была история этого пионера-героя, и участвовали в посвященных ему мемориальных практиках. Статус свидетеля и очевидца привлекает к рассказчику внимание и поднимает его авторитет³¹, поэтому не случайно учителя часто «вспоминали» о Мусе Пинкензоне, уже будучи на пенсии. Например, М. С. Гулицкая начала рассказывать о знакомстве с Мусей только в 2000-е годы во время посещения краснодарской еврейской общины руководителем центра «Холокост» И. А. Альтманом. Это позволило ей получить от окружающих то внимание, которого ей, вероятно, не доставало:

³⁰ Среди них Е. П. Сахно, Н. А. Банная из хутора Железного, Э. И. Смотровая из Челябинска, С. И. Володина из Москвы, М. С. Гулицкая из Краснодара, учительница нашего информанта Рашида из Адыгеи, а также израильтянин Н. Гринберг, который руководит кружком подростков, интересующихся военной тематикой.

³¹ Е. П. Сахно подписалась под своими воспоминаниями так: «Заслуженная учительница школы РСФСР, бывшая учительница пионера-героя Муси Пинкензона Сахно Елена Петровна» [СЭП]. Борис Иосифович Гендлер после переезда в Израиль поменял имя на *Бецальель Гендлер-Пинкензон*, прибавив к своей фамилии фамилию герцога двояродного брата.

И с тех пор пошла моя слава по городу, по краю и так далее. В конце концов узнали в Москве об этом и стали меня приглашать. В Краснодаре в школы накануне 27 января, раньше, позже и так далее [Инф. 2].

В то же время авторы воспоминаний о Мусе несомненно были искренними в убеждении, что все происходило именно так.

Потребность в появлении мемуаров о Мусе Пинкензоне возникла после того, как его история получила известность на всесоюзном уровне — после выхода в 1967 г. книги Ицковича. Иметь «своего» признанного пионера-героя было престижно и выгодно, в первую очередь для местного отделения пионерской организации [Леонтьева 2014: 256–259]³², но и для города тоже. Согласно Каппелетто, одна из целей «мнемонического сообщества» — утвердить «право собственности» на важное историческое событие и память о нем: члены группы стремятся продемонстрировать эксклюзивность своего знания и получить от внешней аудитории признание именно своей версии событий [Cappelletto 2003]. Исходя из интересов своего «помнящего сообщества», усть-лабинские пионеры обращались к авторам воспоминаний, чтобы те засвидетельствовали, что события были в точности такими, как написано у Кононенко и Ицковича, — ведь Усть-Лабинск и школа № 1 прославились благодаря именно этому нарративу.

Наряду с «канонической», существует и даже озвучивается публично «альтернативная» версия, согласно которой массовый расстрел имел место, а исполнения «Интернационала» не было. Но поскольку эта версия не востребована среди членов мемориального сообщества, они попросту не обращают на нее внимание. Более того, рассказ Б. И. Новикова о расстреле в их восприятии даже может менять свой смысл на противоположный.

Хотя устьлабинцы всегда знали, что в истории Муси Пинкензона речь идет о жертвах Холокоста, этот факт для них не значим. На памятнике Мусе и на информационном стенде рядом с ним по-прежнему ни разу не упоминается слово *еврей*, и это тоже, на мой взгляд, обусловлено интересами местного «помнящего сообщества», для которых евреи с их мемориальной культурой жертв Холокоста являются конкурентами.

Для устьлабинцев намного важнее, что Муся погиб «с оружием в руках», — клише «скрипка как оружие» повторяется во множестве произведений и публикаций о подвиге Муси Пинкензона. 387 человек, расстрелянных вместе с ним, остаются безликими и безымянными, при этом они считаются «жителями станицы», хотя подавляющее большинство было приезжими. Впрочем, милитаризованная слава Муси влияет и на то, как

³² Почитание пионеров-героев входило в обязательную программу работы пионерских отрядов, и если местного героя не было, приходилось искать объект поклонения «на стороне», доказывая свое право носить его имя. Наши информанты в Усть-Лабинске рассказывали нам о гордости за Мусю Пинкензона именно в качестве местного героя, а также о том, что они испытывали зависть к пионерам из школы № 1 из-за того, что их «право» на него было приоритетным.

воспринимают этих людей. Так, по словам учительницы из школы № 1, во время мероприятий ее ученики отдают дань памяти «похороненным там героям» [Инф. 5]. В 2022 и 2023 гг. мы видели на мемориале венки с надписями на траурных ленточках «Павшим воинам в ВОВ» и «Героям-освободителям».

Заключение

В этой статье мы на примере истории гибели Муси Пинкензона проследили, каким образом и под влиянием каких факторов могут складываться представления об историческом событии. Мы увидели, что версия, которая была создана с пропагандистскими целями московской журналисткой на основе фольклорно-литературного мотива «героическое музицирование на пороге смерти», практически полностью вытеснила реальный опыт очевидцев и даже вызвала к жизни ложные воспоминания. Это произошло благодаря тому, что «официальная» версия соответствовала интересам местного «помнящего сообщества», в то время как «альтернативная» версия — нет. Этому также способствовало то, что большинство вспоминающих о Мусе Пинкензоне — учителя, т. е. люди, которые дольше и интенсивнее, чем другие, взаимодействовали с материалами, транслирующими именно «официальную» версию.

Я рассматривала мемуары о Мусе Пинкензоне как часть определенной литературно-фольклорной традиции, отсылающей к левореволюционной героике. Подвергнув анализу содержание воспоминаний, я выделила ряд повторяющихся сюжетных элементов и при этом обнаружила, что многие из них служат личным интересам рассказчика: подтверждают его право на свидетельство о важном историческом событии, указывают на эксклюзивность его знания, подчеркивают его положительную роль в трагической истории, а также снимают с него или его родных ответственность за неспособность спасти героя от гибели. Немаловажно и то, что подобное свидетельство привлекает к автору мемуара внимание и поднимает его статус в сообществе.

Таким образом, мы видим, что историческое воспоминание — это сложный продукт, с одной стороны, социально-политической, культурной и информационной среды, а с другой — личных интересов рассказчика.

Источники

Опубликованные

Беляев, Бондарь 2005 — Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1942: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. / Сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. Краснодар: Диапазон-В, 2005.

- Бровко 2020 — *Бровко В. П.* Дети войны. Т. 2. [Б. м.]: ЛитРес; Самиздат, 2020.
URL: https://online-biblio.tk/bookid_51399284.
- Великанов 1962 — *Великанов В.* Раненая скрипка // Путь отважных: Рассказы / Сост. С. Баруздин. М.: Детгиз, 1962. С. 101–108.
- Виноградский 1951 — *Виноградский Ф.* Песня о юном скрипаче // Армавирская коммуна: [Газ.]. 1951. 6 апр.
- Гендлер-Пинкензон 2006 — *Гендлер-Пинкензон Б.* Дети войны // Бельцы: рассказы и воспоминания; сборник / Сост. А. Гойхман. Иерусалим: [б. и.], 2006. С. 63–76.
- Григорьева 2014 — *Григорьева И.* Жизнь и смерть семьи Пинкензон // Сельская новь: [Газ.; Усть-Лабинск]. 2014. 21 июня.
- Гусев 1948 — *Гусев А.* Три беседы. М.: Мол. гвардия, 1948.
- Ермак 2003 — *Ермак В.* Каким ты был, Муся? // Сельская новь: [Газ.; Усть-Лабинск]. 2003. 16 дек.
- Игнатова 2023 — Вспомним те горящие года: Лит.-ист. сб. / Под ред. Т. Н. Игнатовой. Краснодар: Книга, 2023.
- Имени Героя б. д. — Имени Героя будем достойны // МБОУ СОШ № 1 имени А. В. Суворова [Усть-Лабинск]. [Б. д.]. URL: http://school1ustlab.ucoz.ru/index/imeni_geroja_budem_dostojny/0-121.
- Ицкович 1967 — *Ицкович С.* Муся Пинкензон. М.: Малыш, 1967.
- Каменкович 1970 — *Каменкович И.* Ночь плачущих детей. Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1970. Кононенко 1943а — *Кононенко Е.* Как погиб Муся Пинкензон // Советская Кубань: [Газ.; Усть-Лабинская]. 1943. 9 мая.
- Каталог — Каталог устных рассказов об оккупации и Холокосте // Архив проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы».
- Кононенко 1943б — *Кононенко Е.* Перед судом народа. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- Кононенко 1945 — *Кононенко Е.* Слава советским детям! // Правда: [Газ.]. 1945. 21 мая.
- Народный герой 1942 — Народный герой Александр Чекалин // Известия: [Газ.]. 1942. 5 февр.
- Смотрова 1988 — *Смотрова Э. И.* На высоком берегу Кубани // Сельская новь: [Газ.; Усть-Лабинск]. 1988. 24 дек.
- Успенская 1943 — *Успенская Е.* Сильные духом: Перед казнью // Пионерская правда. 1943. 1 сент.
- Южная 1943 — *Южная Д.* Зверства гитлеровцев в Усть-Лабинском районе // Советская Кубань: [Газ.; Усть-Лабинская]. 1943. 4 апр.
- Novikov 2010 — Oral history interview with Boris Novikov [2010, May 13] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn45045>.

Архив Усть-лабинского краеведческого музея

- БАИ — *Бакиева Анна Ильинична.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- БНА — *Банная Надежда Алексеевна.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- ВСИ — *Володина Светлана Ивановна.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- ГБИ — *Гендлер Борис Иосифович.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- ЗВФ — *Забашта Владимир Федорович.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- История 1962 — История пионерской организации школы № 1 г. Усть-Лабинска: [Рукописный альбом]. 1962.

Работа 1971 — Работа вокруг имени героя: [Рукопись]. 1971.

Работа 1975 — Работа вокруг имени пионера-героя Кубани бывшего ученика нашей школы, Муси Пинкензон: [Рукопись]. 1975.

РМ — *Ренецук М.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.

СЕП — *Сахно Елена Петровна.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.

СЭИ — *Смотрова Эмма Ильинична.* Письмо от 13 октября 1984 г.

Список информантов

Инф. 1 — Г. Н., 1963 г. р., Ашдод (Израиль), зап. А. С. Архипова, И. Зислин в 2021 г.

Инф. 2 — Г. М. С., 1933 г. р., Краснодар, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская в 2022 г.

Инф. 3 — Р., ок. 1962 г. р., Усть-Лабинск, зап. М. В. Гаврилова, И. В. Козлова в 2023 г.

Инф. 4 — И. Т. Н., бывшая директор Усть-Лабинского краеведческого музея, Усть-Лабинск, зап. И. В. Козлова в 2023 г.

Инф. 5 — Б. И. А., 1981 г. р., Усть-Лабинск, зап. М. В. Гаврилова в 2023 г.

Литература

Альтман 2002 — *Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР: 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», 2002.

Альтман 2005 — *Альтман И.* Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. С. 509–530.

Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.

Блюм 1996 — *Блюм А. В.* Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917–1991. СПб.: Петерб. евр. ун-т, 1996.

Вельцер 2005 — *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы / Пер. с нем. К. Левинсона // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. С. 51–63.

Келли 2009 — *Келли К.* Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя / Пер. с англ. И. Смиренской. М.: Нов. лит. обозрение, 2009.

Копосов 2011 — *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.

Леонтьева 2014 — *Леонтьева С. Г.* Пионер — всем пример // Отечественные записки. 2014. № 3. С. 249–259.

Портелли 2005 — *Портелли А.* Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ / Пер. с англ. Е. Канищевой // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. С. 463–480.

Тажиудинова 2019 — *Тажиудинова И. Г.* Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.) // Наследие веков. 2019. № 3. С. 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf.

Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Нов. изд-во, 2007.

- Blatz, Ross 2009 — *Blatz C. W., Ross M.* Historical memories // *Memory in mind and culture* / Ed. by P. Boyer, J. V. Wertsch. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 223–237.
- Cappeletto 2003 — *Cappeletto F.* Long-term memory of extreme events: From autobiography to history // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 9. No. 2. 2003. P. 241–260.
- Harris 2011 — *Harris A. M.* The lives and deaths of a Soviet saint in the post-Soviet period: The case of Zoia Kosmodem'ianskaia // *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 53. No. 2–4. 2011. P. 273–304.
- Loftus, Palmer 1974 — *Loftus E. F., Palmer J. C.* Reconstruction of automobile destruction: An example of the interaction between language and memory // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. Vol. 13. No. 5. 1974. P. 585–589.
- Oring 2008 — *Oring E.* Legendry and the rhetoric of truth // *Journal of American Folklore*. Vol. 121. 2008. P. 127–166.
- Rebrova 2020 — *Rebrova I.* Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus. Berlin; Boston; Wien: De Gruyter Oldenbourg, 2020.
- Schacter 2001 — *Schacter D. L.* The seven sins of memory: How the mind forgets and remembers. Boston; New York: Houghton Mifflin, 2001.
- Zeltser 2019 — *Zeltser A.* Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union. Jerusalem: Yad Vashem, 2019.

References

- Al'tman I. A. (2002). *Zhertvy nenasivisti: Kholokost v SSSR: 1941–1945 gg.* [Victims of hate: The Holocaust in the USSR: 1941–1945]. Fond “Kovcheg”. (In Russian).
- Al'tman, I. A. (2005). Memorializatsiia Kholokosta v Rossii: istoriia, sovremennost', perspektivy [Memorialization of the Holocaust in Russia: history, modernity, prospects]. In M. Gabovich (Ed.). *Pamiat' o voine 60 let spustia: Rossiia, Germaniia, Evropa* (pp. 509–530) (2nd ed.). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C. H. Beck.
- Blatz, C. W., & Ross, M. (2009). Historical memories. In P. Boyer, & J. V. Wertsch (Eds.). *Memory in mind and culture* (pp. 223–237). Cambridge Univ. Press.
- Blium, A. V. (1996). *Evreiskii vopros pod sovetskoi tsenzuroi: 1917–1991* [The Jewish problem under Soviet censorship: 1917–1991]. Peterburgskii evreiskii universitet. (In Russian).
- Cappeletto F. (2003). Long-term memory of extreme events: From autobiography to history. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 9(2), 241–260.
- Halbwachs, M. (1994). *Les cadres sociaux de la mémoire*. Albin Michel.
- Harris, A. M. (2011). The lives and deaths of a Soviet saint in the post-Soviet period: The case of Zoia Kosmodem'ianskaia. *Canadian Slavonic Papers*, 53(2–4), 273–304.
- Kelly, C. (2005). *Comrade Pavlik: The rise and fall of a Soviet boy hero*. Granta Books.
- Koposov, N. E. (2011). *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii* [High security memory: History and politics in Russia]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Leont'eva, S. G. (2014). Pioneer — vsem primer [Pioneer is an example to everyone]. *Otechestvennye zapiski*, 2014(3), 249–259. (In Russian).
- Loftus, E. F., & Palmer, J. C. (1974). Reconstruction of automobile destruction: An example of the interaction between language and memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 13(5), 585–589.
- Oring, E. (2008). Legendry and the rhetoric of truth. *Journal of American Folklore*, 121, 127–166.

- Portelli, A. (2002). The massacre at the Fosse Ardeatine: history, myth, ritual, and symbol. In K. Hodgkin, & S. Radstone (Eds.). *Contested pasts: The politics of memory* (pp. 29–41). Routledge; Kegan Paul.
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter Oldenbourg.
- Schacter, D. L. (2001). *The seven sins of memory: How the mind forgets and remembers*. Houghton Mifflin.
- Tazhidinova, I. G. (2019). Mediatizatsiia temy prestuplenii nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh posobnikov (na primere Krasnodarskogo protsesssa, 1943) [Mediatization of the theme of crimes of the German-Fascist Invaders and their accomplices (on the example of the Krasnodar Trial in 1943)]. *Nasledie vekov*, 2019(3), 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf. (In Russian).
- Welzer, H. (2005). Die Gegenwart der Vergangenheit: geschichte als Arena der Politik. *Osteuropa*, 55(4/6), 9–18.
- Zeltser, A. (2019). *Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union*. Yad Vashem.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Мария Владимировна Гаврилова

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
научный сотрудник, Учебно-научный
центр типологии и семиотики
фольклора, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва,
Миусская пл., д. 6
✉ mariaavl.gavrilova@gmail.com

Maria V. Gavrilova

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center
for Theoretical Folklore Studies, School
for Advanced Studies in the Humanities,
Institute for Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Researcher, Centre for Typological and
Semiotic Folklore Studies, Russian
State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
✉ mariaavl.gavrilova@gmail.com

Е. А. Закревская^а<https://orcid.org/0009-0002-7872-5020>✉ eazakrevskaya@gmail.com**С. В. Белянин**^а<https://orcid.org/0000-0002-0809-1352>✉ sergey.belyanin10@gmail.com^а Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)

«ИНДУСТРИЯ ВОСПОМИНАНИЙ»: ПУБЛИЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО РАССКАЗОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Очевидцы Великой Отечественной войны и носители реальных воспоминаний о ней на протяжении последних десятилетий занимали важное место в сохранении исторической памяти. В наши дни эти люди уходят из жизни, поэтому в современной России возникает потребность в институтах сохранения и передачи памяти о войне — но роль рассказа о личном опыте при этом не падает. В статье описывается складывание своеобразной «индустрии воспоминаний»: способов воспроизведения, а в некоторых случаях производства историй о войне. Рассказы ветеранов публикуются в интернете, используются для создания вернакулярных и государственных музеев, к ним обращаются как к элементу патриотического воспитания. Такое широкое использование рассказов ветеранов и других взрослых очевидцев влияет и на поколение детей войны: их воспоминания, фрагментарные в силу особенностей возрастной психологии, дополняются извне.

Ключевые слова: исследования памяти, память о Холокосте, память о Великой Отечественной войне, устная история, публичная история, ложные воспоминания, «протезная память»

Благодарности. Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00796, <https://rscf.ru/project/23-28-00796>.

Авторы выражают благодарность исследовательскому центру Еврейского музея и Центра толерантности за помощь в осуществлении полевой работы.

Для цитирования: Закревская Е. А., Белянин С. В. «Индустрия воспоминаний»: публичное воспроизведение и производство рассказов о Великой Отечественной войне // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 85–107.

Поступило 24 ноября 2023 г.; принято 4 июля 2024 г.

E. A. Zakrevskaya ^a

<https://orcid.org/0009-0002-7872-5020>
✉ ezakrevskaya@gmail.com

S. V. Belyanin ^a

<https://orcid.org/0000-0002-0809-1352>
✉ sergey.belyanin10@gmail.com

^a *Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

“THE MEMORY INDUSTRY”: REPRODUCTION AND PRODUCTION OF PUBLIC STORIES ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. People who were eyewitnesses of the Great Patriotic War and have real memories have been playing an important role in preserving historical memory in USSR and Russia over the past decades. For instance, WWII veterans used to visit schools and tell children about their paths in the military. Nowadays, when the war is 80 years in our past, these people are passing away. However, the role of personal experience in war stories did not decrease due to the death of the eyewitnesses. In modern Russia there has grown a need for institutions for preserving and transmitting the memory of this war. In this article we will explore that “memory industry”. By that term we mean some institutionalized ways and practices aiming to reproduce — or even produce — personal stories about war. Nowadays veterans’ stories are published on the Internet, used to create vernacular or state museums, and as a base for patriotic upbringing of the youth. Such widespread use of personal stories from veterans and other adult eyewitnesses also affects stories told by the next generation: “the children of war”. Their memories cannot be substantive and in-depth due to their youth, so their stories often are unintentionally supplemented from the culture: folklore or media.

Keywords: memory studies, oral history, public history, Holocaust memory, memory of the Great Patriotic War, false memories, prosthetic memory

Acknowledgements. Project supported by Russian Science Foundation, grant no. 23-28-00796, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00796>.

We would like to thank the Research Center of the Jewish Museum and Tolerance Center.

To cite this article: Zakrevskaya, E. A., & Belyanin, S. V. (2024). “The memory industry”: Reproduction and production of public stories about the Great Patriotic War. *Shagi/Steps*, 10(3), 85–107. (In Russian).

Received November 24, 2023; accepted July 4, 2024



Введение

Интерес к личным историям и воспоминаниям очевидцев возник у историков в 1960-е годы, когда появляется такая дисциплина, как устная история. Использование устных рассказов как исторического источника уже тогда подвергалось критике — например, исследователи указывали на существование ложных воспоминаний [Вельцер 2005, Portelli 2003]. Однако популяризация обращения к рассказам очевидцев изменила практики «использования» личных историй не только для исследователей, но и для педагогов и сотрудников музеев. Практики публичной истории (обращение к рассказам очевидцев, а также к их опосредованным воспоминаниям в виде видеозаписей или дневников) стали неотъемлемым компонентом образовательной и просветительской деятельности. Методы публичной истории начали использовать при создании музейных экспозиций и подготовке коммеморативных мероприятий, в которых воспоминания участников исторических событий заняли центральное место. Например, видеопортреты с людьми, выжившими во время Холокоста, составляют важную часть экспозиции мемориального музея Яд ва-Шем и Вашингтонского музея Холокоста. В России видеозаписи с рассказами очевидцев используются в Музее истории ГУЛАГа и в Центральном музее Великой Отечественной войны (Музей Победы) на Поклонной горе.

Срок жизни нейронной (существующей в психике свидетеля) памяти о войне к началу XXI в. подошел к концу — обычно он составляет около 80 лет [Assmann, Czaplicka 1995: 125–133]. На месте, где раньше была фигура свидетеля — участника войны, начала зиять пустота [Курилла 2018: 1–2]. Это привело к трансформации памятных ритуалов — появлению новых перформативных практик [Титков 2019]. Нас интересует, как в контексте этого поколенческого перехода изменилась практика рассказывания историй о военном опыте. Как такие рассказы воспроизводятся в ситуации, когда носители этого опыта физически уходят из жизни? Кто или что приходит им на смену? Как эти процессы влияют на личные воспоминания тех немногих свидетелей войны, которые еще живы?

Сложившийся в современной России набор коммеморативных практик и мемориальных акторов, связанных с воспроизведением (и производством) рассказов о войне, мы предлагаем метафорически называть «индустрией воспоминаний». Задачей этой статьи является описание принципов ее работы. «Индустрия воспоминаний» вписывается в концепцию «протезной памяти» Элис Ландсберг и, как мы покажем далее, является частным случаем такого «протезирования». «Протезная память» — это создаваемая какими-либо мемориальными агентами эмоциональная и насыщенная память о событиях, свидетелем которых человек не был. Целью «протезирования» является в том числе влияние на политические взгляды людей через апелляцию к их эмпатии и пониманию опыта прошлых поколений [Landsberg 2004].

Говоря о рассказах детей войны — людей, которые были ее свидетелями, но не могут достоверно помнить ее из-за возрастных когнитивных особенностей, мы будем использовать распространенный в когнитивной психологии термин «ложные воспоминания». Важно подчеркнуть, что мы не подозреваем наших собеседников во лжи и не преследуем цель доказать недостоверность их свидетельств. Воспоминания, которые мы называем ложными, можно сравнить с документальным кино, которое, с одной стороны, фиксирует действительность, отражая реально произошедшие события, с другой — с помощью монтажа превращает ее в связный поэтический рассказ. В статье мы покажем приемы этого «монтажа» — способы конструирования рассказов о войне — и опишем социальные условия, которые делают появление и популяризацию таких рассказов возможными¹.

От ветерана к субституту: рассказы о войне и патриотическое воспитание

С 1980-х годов память о Великой Отечественной войне начала выдвигаться на первый план в советском мемориальном каноне. К 2000-м война стала пониматься как центральное событие советской / российской истории и главное основание для идентичности россиян [Копосов 2011: 162; Миллер 2012: 329; Danilova 2015]. При этом важно отметить, что память о Великой Отечественной войне для россиян не является навязанной идеологической конструкцией. Так, устные историки и исследователи памяти ежегодно записывают множество рассказов о войне в истории семьи или края, однако сюжеты этих рассказов зачастую никак не коррелируют с официальной идеологией и существуют только в устной традиции [Панченко 2013; Белянин, Закревская 2022]. События военного времени для жителей Восточной Европы становятся основным способом мыслить локальную историю [Энгелькинг 2018: 43–45], и это видение сложно назвать навязанным извне. Вероятно, низовой запрос граждан и их искренний интерес к памяти о войне частично совпал с нарративами государственной идеологии. Именно на пересечении «низовой» памяти и государственной политики памяти и родилась та «индустрия», о которой пойдет речь далее: множество мемориальных проектов, интернет-порталов, конкурсов, траурных и праздничных ритуалов, которые могут не только быть инспирированы властями, но и иметь «низовую» (grassroots) поддержку.

¹ Существенным ограничением нашего исследования является то, что в ряде случаев мы не можем установить, является ли тот или иной рассказ достоверным или сконструированным «индустрией воспоминаний». Мы лишь предполагаем это, подсвечивая социальные и политические обстоятельства, подталкивающие к появлению таких воспоминаний, и отмечаем составные части, из которых они, по нашему мнению, «собраны». Таким образом, здесь мы следуем подходу Шейлы Фицпатрик, которая, критикуя исследователей советской субъектности, отметила, что исследователь не может знать, о чем в действительности думал и как себя ощущал советский человек. Исследователю доступны лишь внешние проявления (письма, дневники, описания очевидцев), на основании которых можно предполагать, что двигало людьми [Фицпатрик 2011: 11–40].

В советском праздничном ритуале важную роль играли рассказы ветеранов. Обращение к свидетельству очевидца позволяло преподнести публике факты об историческом событии через призму личных переживаний и сделать информирование о войне более эмоциональным, что в теории давало слушателю возможность почувствовать свою сопричастность истории родной страны. Однако к середине 2010-х годов динамика поколений привела к тому, что ветераны постепенно перестали играть активную роль в праздничном сценарии, а передача историй о военном опыте была затруднена [Титков 2019]. В особенности серьезным этот вызов оказался для системы образования, сотрудники которой ранее нередко приглашали в школы ветеранов² [Руднев 1974: 42–54].

Наша собеседница И. Ш., директор еврейской школы в Омске, перестала приглашать в школу ветеранов после того, как во время праздника 9 Мая одному из пожилых гостей стало плохо:

Девятого мая 2008 года <...> раввин пригласил ветеранов, мы подготавливали литературно-музыкальную композицию <...> именно ветераны еврейской общины, участники войны <...> Но во время этого мероприятия у нас один дедушка потерял сознание, и мы думали, что он, не дай бог, умрет вот здесь <...> Мы вызвали «скорую помощь», она так долго ехала, я там шумела <...> Это было последнее мероприятие с участием большого количества ветеранов [Инф. 1].

И. Ш. больше не приглашала на мероприятия ветеранов, однако она не смогла отказаться от апелляции к личностям свидетелей войны. Это, по ее мнению, выполняет важную педагогическую функцию — герои войны становятся моральным ориентиром для школьников. Мероприятия на День Победы она переформатировала в работу над стендом, на котором сначала размещались семейные истории детей и учителей; позднее материалы, использованные для создания стенда, легли в основу школьного музея памяти.

У нас внизу, где я вас встретила, где сейчас картина «Стена плача», там была просто штора. И я на эту штору прикрепила свою фотографию, написала, как меня зовут <...> и от этой фотографии я протянула две георгиевские ленточки, на каждой написано «дедушка». И в конце каждой ленточки я прикрепила ксерокопию свидетельств, которые в моей семье хранятся <...> И я сказала детям другим: «Делайте то же самое. У себя дома спрашивайте,

² Впрочем, перед этим вызовом встали образовательные институции не только в России, но и за рубежом. Так, в Канаде для демонстрации школьникам был снят фильм «The Valour and the Horror» («Доблесть и ужас»), который позиционировался как замена рассказам уходящего поколения ветеранов. Фильм был раскритикован дожившими до премьеры ветеранами — см. подробнее: [Carr 2017]. В Австралии похожие дебаты произошли после премьеры сериала «Changi» (так называли заключенных японских концентрационных лагерей). Этот сериал не был снят специально для школьников, но вызвал у них горячий интерес [Hamilton 2010].

кто у вас в семье воевал...» Это чтобы они видели, сопоставляли фото. От каких людей я произошла. Это меня заставляет, по моему замыслу, быть достойным этих людей <...> Я, к сожалению, не могу помочь этим людям, их уже нет. Но меня как педагога волнует моя внутренняя работа душевная, мое духовное совершенствование [Инф. 1].

Несмотря на уход ветеранов из жизни, устные истории о войне продолжают рассказывать. Живой ветеран заменяется другими мемориальными агентами, к примеру, сайтами-агрегаторами, посвященными памяти о войне. Рассказы, размещенные в интернете, зачастую редактируются родственниками или модераторами сайта и обычно публикуются после смерти ветерана³.

Н. Ц., ответственный за патриотическое воспитание в одной из школ Краснодара, рассказал нам, что в преддверии 9 Мая он собирает у учеников биографии предков — участников Великой Отечественной войны. При этом на детей, которые не могут или не хотят принести в школу историю о воевавшем предке, оказывается моральное давление — Н. Ц. ставит под сомнение то, что узнать истории предков не получается, и рассказывает о своих воевавших родственниках. Сама практика рассказа личных историй о войне формально похожа на визиты ветеранов в школы, однако нарратив нашего собеседника имеет другую цель — он нужен, чтобы вызвать у школьников сильные чувства и заставить проявить интерес к истории:

Значит, мы проводим в классах урок в преддверии Дня Победы — «Бессмертный полк моего класса». На уроке, который мы Дню Победы посвящаем, каждый рассказал о своем родственнике. Но [я] столкнулся с тем, что многие дети мне заявляют, что их родственник не участвовал [в войне]. На что я детям говорю, что я в это не-ве-рю <...> Вот мои ближайшие родственники, мои ближайшие [показывает листок]. И только те, кто не вернулся с войны, это все погибли или пропали без вести! Это вот, например, дедушка моей супруги. Ему было посчитайте сколько лет, [18]90-го года. В [19]41-м году ему был 51 год, он был непризывного возраста <...> Оборонял Краснодар, потом отступали, и под станицей Белореченской попал в плен <...> И перед строем — это август [19]42-го был — перед строем воен-

³ В ходе полевой работы мы неоднократно сталкивались с публикациями, основанными на воспоминаниях. Воспоминания становились основой биографии участника войны из-за отсутствия иных источников. Апелляция к личным рассказам позволяет нашим собеседникам создать более эмоциональное повествование, которое будет выходить за рамки бюрократического языка. Это вписывается в отмеченную нами тенденцию на повсеместное использование устных рассказов. Например, наш собеседник из маленького города на Русском Севере восстановил и подготовил к публикации биографию двоюродного деда, которая включала в себя сведения с сайта «Подвиг народа», дополненные воспоминаниями бабушки автора о брате. Похожий текст создала координатор «Бессмертного полка» в Омске: она написала биографию прадеда на основе архивных документов и воспоминаний старших родственников.

нопленных [деда жены] положили на землю и переехали танком⁴.
Ну как можно не помнить?! [Инф. 2].

Память о прошлом в современной России является важным символическим ресурсом: обращение к ней как к инструменту объединения общества — устойчивый риторический прием, используемый российскими политиками [Малинова 2014]. Н. Ц., перенося эту риторику с экрана телевизора в школьный класс, ставит своих учеников в ситуацию, когда отсутствие воевавшего предка становится недопустимым и предосудительным. Наличие же предка — участника войны, в свою очередь, должно объединить школьников и заставить их испытать чувство гражданской солидарности.

Инструментализация свидетельства очевидца: рассказы о войне в мемориальных конфликтах

Рассказы очевидцев Великой Отечественной войны имеют высокий символический статус: из-за этого, как мы покажем далее, их часто воспринимают некритично и не пытаются верифицировать. Например, обращения ветеранов или детей войны заставили местные власти установить памятники жертвам Холокоста в Пскове и в Ставропольском крае без проведения какой-либо проверки. О таком случае нам рассказал председатель еврейской общины Пскова:

В [19]99-м году, в начале [19]99-го года пришла женщина, а может быть, это был [19]89-й год, но это детали. И сказала, что вот когда во время войны она с мамой в пригороде Пскова видела, как расстреливали. Я могу ошибиться, может, не она сказала. Но сказала, что вот там-то болото и там расстреливали евреев. И рассказывала не мне, были здесь старики, которые пережили войну. Они сразу загорелись, сказали — надо делать памятник. Собрали совет <...> сделали бумагу для администрации с просьбой о предоставлении территории в бессрочное пользование для установки мемориального знака <...> Сейчас ситуация созрела какая-то дурацкая. Появился новый администратор района <...> [Говорит]: «Докажите, что расстреливали именно здесь». Этим сейчас занимается директор Хэседа⁵, и последний раз мы с ней разговаривали недели полторы назад, она сказала — ну никак [не получается найти доказательства] [Инф. 3].

⁴ Одним из механизмов работы устной традиции является эмоциональный отбор — добавление в рассказ деталей, вызывающих сильные эмоции. В рассказах о военных конфликтах в качестве таких деталей часто выступают подробные описания жестокости. Так, сюжет о том, что людей заживо давят танками, — устойчивый элемент «военного» фольклора [Белянин, Закревская 2023].

⁵ Хэседы — еврейские благотворительные организации, входящие в Ассоциацию Хэседов («Идуд Хасадим»; см.: <https://hesed.ru>). Целью их деятельности является оказание помощи пожилым, одиноким и имеющим инвалидность членам еврейской общины.

Свидетельство участника или ребенка войны часто становится последним аргументом в мемориальных конфликтах. Так, в Краснодаре произошёл затронувший краеведческое сообщество города, а также городские и краевые власти «спор историков»⁶. В центре конфликта оказался пенсионер МВД и историк-любитель В. К., автор 27 любительских документальных фильмов, включающих в себя рассказы ветеранов Великой Отечественной войны. Он начал собирать эти рассказы в педагогических целях, чтобы показывать своим студентам. Рассказы ветеранов и детей войны В. К. дополнял демонстрацией карт военных действий, архивными фотографиями и музыкальным сопровождением — песнями военных лет.

Мы не знаем, как профессиональное сообщество реагировало на деятельность В. К. на ранних этапах его работы, но открытый конфликт начался в 2016 г. В это время он записал интервью с ребенком войны, который утверждал, что нацисты, отступая из Краснодара, сожгли лагерь временного пребывания Шталаг-132 вместе с пленными. Кроме того, в своих фильмах В. К. настаивает на реальности еще одной — скорее всего, недостоверной — истории: он говорит, что во время оккупации нацисты повесили 40 младенцев.

Настойчивое желание В. К. утвердить свою версию событий и установить памятник жертвам «сожжения» Шталага вызвало неприятие профессионального сообщества. Так, редакция газеты «Краснодарские известия» подготовила публикацию [За неповиновение 2021], в которой на материале архивных документов было показано, что лагерь не сжигали и что повешены нацистами были не младенцы, а партизаны (показательные расправы над подпольщиками действительно практиковались на оккупированных территориях)⁷. Среди историков, противостоящих В. К., была Н. К. — сотрудница краеведческого музея, которая отметила, что не существует никаких документов, подтверждающих его версию событий. В. К. рассказал нам свою версию спора с ней:

Н. К. нормальный человек, но у нее нет ни одной бумаги, которая бы опровергала это. Ну... А свидетельские показания, свидетельские показания, да? Они являются, значит, доказательством. Но она в этом деле, видно, не здорово соображает, что по свидетельским показаниям можно человека расстрелять или посадить. Не по документам! Если человек убил другого человека, я ищу свидетельскую базу. Я нахожу, соответственно, на основании этого выносится приговор, и человек идет к стенке [Инф. 4].

На первый взгляд кажется, что суть конфликта между историком-любителем и сотрудниками музея связана с тем, что они по-разному пони-

⁶ По соображениям этики некоторые инициалы упоминаемых в этом кейсе людей изменены.

⁷ Если рассказы о казни партизан в устном бытовании превратились в рассказы о казни младенцев, это можно объяснить при помощи упомянутого ранее механизма эмоционального отбора, который вытесняет из устной памяти менее эмоциональные варианты рассказа. См.: [Белянин, Закревская 2022].

мают методы исторического исследования. В. К., не будучи профессиональным историком, некритично опирается на устные рассказы, которые называет «свидетельскими показаниями» и использует так, как использовал бы такие показания следователь при оперативной работе. Он не делает разницы между свидетельскими показаниями, которые повествуют о недавних событиях, и рассказами о Великой Отечественной войне, поскольку уверен, что память сохраняется неизменной и спустя годы функционирует так же, как и ранее:

Я ж бывший работник милиции... Когда человек не врет, он может мельчайшие подробности сказать <...> то есть я был на месте преступления, вот, там сковорода на столе, картошка еще была горячая, и так далее. Человек говорит, что мы сидели, кушали. Вот так, понимаете, это должна быть привязка [Инф. 4].

Психолог-когнитивист Элизабет Лофтус, изучая протоколы допросов обвиняемых в сексуализированном насилии, обратила внимание на то, что следователи невольно заставляли обвиняемых «вспомнить» о действиях, которых они не совершали в реальности [Лофтус, Кетчем 2018]. В. К. с помощью наводящих вопросов и морального давления заставляет своих собеседников «вспомнить» события военного времени, которых они или не видели или не могли помнить в силу возраста⁸. К примеру, он буквально вынудил бывшего заключенного Шталага-132 С. М. подтвердить свое представление о «сожжении» лагеря, выстроив разговор таким образом, чтобы казалось, что если С. М. не согласится с В. К., он будет выглядеть как человек, не заинтересованный в сохранении исторической памяти:

В. К.: [Имя-отчество], как вы узнали, что тот лагерь, где вы были первоначально, немцы сожгли вместе с военнопленными?

С. М.: [Пауза.] Узнал, наверное, уже после войны, когда вернулся домой.

В. К.: А вот как вы считаете, в сегодняшнем дне. Сожгли наших солдат, которые попали в плен. Было бы правильно отметить место их гибели каким-то памятным знаком? Или вы считаете, что можно и забыть об этом?

С. М.: Нет, конечно <...>.

В. К.: То есть вы считаете, что если не забыть, если поставить доску и рассказывать последующим поколениям, что такое фашизм, это будет правильно?

С. М.: Это будет правильно.

Опираясь на приведенный выше разговор с бывшим военнопленным, он и другой историк-любитель настаивают на реальности своего предположения о сожжении лагеря. К примеру, второй историк так рассказывал об этом на канале «Кубань-24»:

⁸ В фильмах В. К. его собеседники называют год своего рождения. Большинство из них в годы войны были детьми или младшими подростками.

Амбары загорелись мгновенно. Крики тысяч военнопленных разносились по всей округе, они пытались выбить тяжелые двери, но сил не хватило. Вдалеке уже слышались советская артиллерия. Фашисты ушли из города, в горящем лагере охранять было уже некого [Наводничая 2021].

Н. К., которая отказалась от записи интервью и дословного цитирования своего рассказа, отметила, что основная сложность ведения дискуссии заключалась в том, что когда она ссылалась на архивные документы и дневниковые записи, В. К. отвечал ей, что оспаривать слова ветерана безнравственно. Это вынудило авторов упомянутой выше статьи в «Краснодарских известиях» также обратиться к свидетельствам очевидца. Кроме актов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и иных архивных документов, они приводят фрагмент интервью с очевидицей войны Н. Д. (1927 г. р.):

— Мы с мамой ходили в этот лагерь, — рассказала [Н. Д.]. — Искали там моего брата, Федора Чернова, призванного в армию перед оккупацией, думали, может, он в плен попал. Тогда туда много людей ходило — пленным через забор бросали хлеб и что у кого было съестного. Как потом оказалось, мой братишка погиб на Пашковской переправе, но мы не знали и надеялись, что он жив, в плен попал, тогда ведь никто ничего не знал. Пошли мы и после освобождения города, когда нам сказали, что пленные убегают. Думала, вдруг знакомые ребята туда попали, возможно, кто-то видел брата. Но никого из знакомых мы там не встретили, а те, кто был в силах, быстро разбежались <...> А все эти разговоры, что там кого-то сожгли, — неправда, ничего такого не было, — продолжает [Н. Д.]. — Улица Хакурате от нас недалеко, и, конечно, мы бы слышали и знали, что лагерь подожгли. Как это было, когда горели нефтезавод и завод Седина. Да и сами ребята, которые у нас жили (солдаты, которых Н. Д. с матерью подобрали у лагеря. — Е. З., С. Б.), никогда об этом не говорили. Они рассказывали, что сами родом с Кубани, что их морили голодом, били, пытали, но про пожар — ни слова. Потом на месте лагеря военнопленных организовали склад НКО — Народного комиссариата обороны, я там работала [За неповиновение 2021].

Спустя некоторое время в газете был выпущен еще один материал по мотивам разговора с Н. Д.: в нем она подробнее рассказала о том, как они с матерью подобрали возле лагеря двух раненых красноармейцев и выхостили их у себя дома [Аванесова 2022].

Н. Д. рассказала нам о визитах В. К., который хотел записать с ней интервью о «сожжении» лагеря, а получив отказ — приходил повторно, чтобы упрекнуть в нарушении своих планов:

...ко мне приходил тоже [В. К.]. Откуда он приезжал? Или здешний он... И говорил: «Вот, здесь был лагерь, и здесь пять тысяч сожгли». Я говорю: «Да нет, я с вами, это, не согласна». Потом еще Н. К. меня спрашивала: «Н. Д., а вы, вот так и так...» — «Нет, — говорю, — если бы сожгли... мы жили вот так — Хакурате, Северная, два-три квартала мы от этого жили. Да это мы задохнулись бы, если бы горели пять тысяч людей!» А то ничего нигде нет. Этот, нефтеперегонный завод, как его, горел, и взорвали его, вот тут действительно. Завод Седина — это мы слышали, и запах, и взрывы, а тут ничего нету. Потом он приходит и говорит: «Где вы взяли, Н. Д.? <...> Я уже, — говорит, — в Москву подал, а теперь приходится писать объяснение» <...> Я говорю: «Я этого не видела, а чего не видела, не буду наговаривать» [Инф. 6].

Через несколько лет борьбы В. К. удалось добиться установки небольшого монумента, который в 2021 г. был открыт на улице Коммунаров. Формулировка на памятнике компромиссная — в ней ничего не говорится о сожженном лагере, однако инициатором установки камня был именно В. К. Вероятно, ему удалось преодолеть сопротивление сотрудников краеведческого музея и топонимической комиссии за счет высокого символического статуса, которым наделяется личный опыт свидетелей войны. Апеллируя к морали («нельзя сомневаться в рассказе ветерана / ребенка войны»), он смог навязать профессиональному сообществу разговор на языке рассказов очевидцев, а не документов. При этом он не столько цитировал нарративы свидетелей, сколько использовал их наличие как индульгенцию для создания собственных беллетризованных версий. Руководствуясь своими представлениями об исторической правде, он невольно оказал на свидетелей моральное давление, противостоять которому, как Н. Д., может не каждый. Иногда подобное давление заставляет человека «вспоминать» события, которые не происходили в реальности или которые происходили без его участия. О причинах и механизмах такой фабрикации мы поговорим в следующем разделе.

Ложные воспоминания

Во время полевой работы нам не раз приходилось иметь дело с рассказами людей, которые жили во время переломных или травматических исторических событий, но не участвовали в них непосредственно — однако имели стойкое убеждение, что они были реальными очевидцами или даже участниками этих событий. Часто нашими собеседниками становились люди, родившиеся на рубеже 1930–1940-х годов. Они, без сомнения, являются очевидцами войны, но не могут иметь собственных воспоминаний о ней. Зачастую собеседники рассказывали от первого лица истории о войне, эвакуации или жизни в гетто, известные им по рассказам старших

родственников⁹. Например, Б. Л., родившийся в Винницком гетто в сентябре 1941 г., рассказал нам о своем опыте эвакуации:

Ближайшая станция железнодорожная была — двадцать пять километров от нас. Ну, что делать было? Была старшая сестра [19]36-го года рождения, брат [19]38-го года рождения, вот, и бабушка. И мы пошли пешком к станции двадцать пять километров. Мы прошли где-то километров пятнадцать... [Инф. 7].

Жена информанта поправила его, услышав этот рассказ: «“Мы прошли...” Он тогда еще был (т. е. не родился. — Е. З., С. Б.)!» [Инф. 8]. Действительно, в то время, о котором рассказывал Б. Л., он еще не родился. Его семье не удалось эвакуироваться — они были вынуждены вернуться домой и попали в гетто, где и появился на свет наш собеседник. Скорее всего, о неудачной эвакуации и последующей жизни в гетто он узнал в более взрослом возрасте от старших родственников, но это не мешает ему рассказывать об этих событиях так, как будто бы он был их свидетелем.

Иногда появление таких воспоминаний спровоцировано социокультурными факторами. К примеру, жительница Краснодара М. С. (1933 г. р.) утверждала, что ее сестра была знакома с Лидией Тимашук — инициатором «дела врачей»:

Сейчас скажу, даже покажу эту стерву, которая выдавала врача <...> хотите? Сейчас найду фотографию... Когда моя старшая сестра вернулась из армии, это было начало [19]46-го года, прошла по больницам... Значит, нету, негде работать <...> был тубинститут... В это время очень много было среди солдат, среди матросов ребят, болевших туберкулезом <...> значит, сестра сначала работала в этом тубинституте <...> А когда она, значит, там работала, к ним стала приезжать одна врач из Москвы, из московской Кремлевской больницы, такая Лидия Тимашук <...> Они собрались все вместе, сели на автобус и поехали в сторону Сочи, но до Сочи каждый раз не доезжали, потому что где-то останавливались, и купались, и делали эти любительские фотографии. И сфотографировались с этой стервой, которая потом оказалась Лидией Тимашук, — та мерзавка, которая потом оклеветала врачей, работавших... И вообще врачей, крупную профессуру, и тех врачей, которые работали с ней вместе в Кремлевской больнице [Инф. 5].

Вероятно, общая фотография (которую М. С. так и не смогла найти), наряду со знакомством ее сестры с Лидией Тимашук, является плодом воображения нашей собеседницы, которая воспринимает себя как челове-

⁹ Психолог Жан Пиаже, изучавший развитие памяти у детей, показал, что ребенок не способен систематизировать воспоминания и воспроизводить их в реальной хронологической последовательности. Пиаже пишет о «детской амнезии» — физиологической неспособности запомнить события, которые произошли с человеком до трех лет [Пиаже 1994: 6–14].

ка, владеющего ценным знанием. М. С. хотелось рассказать о личной сопричастности значимым событиям в истории советского еврейства. Она родилась в еврейской семье в 1933 г. и застала сталинскую антисемитскую кампанию в возрасте 20 лет, т. е. была знакома с официальными пропагандистскими текстами и слухами о «деле врачей». Кроме того, ее отец был аптекарем, а сестра со своим мужем — врачами.

Такие воспоминания, в которых смешаны реальные биографические факты и сведения, заимствованные из медиа, литературы и фольклора, психологи-когнитивисты называют ложными. Существование таких воспоминаний экспериментально доказала психолог-когнитивист Элизабет Лофтус. Исследовательница провела серию экспериментов, в которых с помощью наводящих вопросов и эмоционального давления ей удалось внушить испытуемым веру в то, что они были участниками никогда не происходивших в реальности событий [Лофтус, Кетчем 2018]. Ложные воспоминания могут появляться в том числе под воздействием вопросов интервьюера (например, в случае М. С. пристальный интерес собирателя к «делу врачей» мог спровоцировать появление воспоминаний о Лидии Тимашук). Это подтверждают исследования психологов: так, Дэниэл Шехтер попросил студентов описать, что они делали, когда узнали о крушении шаттла «Челленджер» (1986 г.), а затем дал им такое же задание через пять лет. Воспоминания, составленные спустя пять лет после катастрофы, были более детальными и содержали подробности трагедии, которые были неизвестны студентам на момент составления первого описания [Schacter 1996: 15–39].

Применительно к воспоминаниям об исторических событиях подобный феномен описала исследовательница памяти Алейда Ассман. В 1970-е годы, когда память о Холокосте заняла центральное место в европейской мемориальной культуре, появилось огромное количество мемориальных инициатив, фильмов и книг, посвященных опыту жертв нацизма. Одна из таких книг-свидетельств — мемуары Бенямина Вилкомирского, посвященные его опыту заключения в лагере смерти, куда он попал ребенком. Однако спустя несколько лет было опубликовано расследование, разоблачающее автора: выяснилось, что его детские воспоминания являются фикцией. По мнению Ассман, в случае «воспоминаний» Вилкомирского мы имеем дело не с намеренной ложью, а с образами-представлениями, сформировавшимися у него под впечатлениями от мемориальных поездок, чтения книг и участия в психотерапевтических группах для жертв Холокоста [Ассман 2014: 152–160].

Похожий феномен отметила Анна Штерншис, исследовавшая эмигрировавших из СССР в США и Канаду ветеранов Великой Отечественной войны. Они столкнулись с культурой памяти, существенно отличавшейся от советской: в СССР коммеморацией жертв Холокоста занимались лишь небольшие группы еврейских активистов и диссидентов [Костырченко 2020: 206–217], а в США и Канаде память о нем занимала центральное место в мемориальном каноне. Под давлением такой мемориальной куль-

туры ветераны — выходцы из Советского Союза начали рассказывать о своем участии в освобождении немецких лагерей смерти, при этом опираясь на фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» — единственный широко известный в Советском Союзе визуальный образ Холокоста [Shternshis 2017: 8–24].

Таким образом, свидетельства очевидцев можно рассматривать как своеобразную форму устной литературы, в которой факты переплетены с переживаниями рассказчика, а индивидуальный опыт — с групповым. Рассказы об исторических событиях часто являются некоторым фабрикатом, формирующимся под воздействием мемориального канона, который отбирает одни факты и замалчивает другие, и актуальных запросов группы, к которой принадлежит рассказчик. Задача таких рассказов — не сообщить факты об исторических событиях, а вписать себя в историю и выстроить связь между собственной автобиографией и глобальными историческими событиями [Williams, Conway 2009: 33–61].

Ложные воспоминания в контексте «культа» Муси Пинкензона

Упомянутая ранее М. С. рассказала нам о личном знакомстве с пионером-героем Мусей Пинкензоном. Подвиг еврейского мальчика заключался в том, что перед расстрелом он попросил у нациста разрешения в последний раз сыграть на скрипке и исполнил «Интернационал». Рассказы о знакомстве с Пинкензоном сделали М. С. известной в Краснодаре — ее приглашают рассказывать о Мусе школьникам и берут у нее интервью. В ответ на наши вопросы собеседница удивилась, что мы не читали ни одного из них:

Соб.: А что за историю вы рассказали Илье Александровичу [Альтману]¹⁰?

Инф. 5: Что я рассказала? Об этом всем известно! Или заново рассказывать?

Соб.: Расскажите еще раз, пожалуйста

Инф. 5: Я рассказываю еще раз о том, каким образом я узнала Мусю Пинкензона [Инф. 5].

По ряду причин нам кажется, что рассказ М. С. может быть ложным воспоминанием. Можно предположить, что нашей собеседнице был знаком «культ» Муси Пинкензона, который сформировался в Краснодаре и соседних станицах в 1970-е годы. В основе «культа» лежала книга Саула Ицковича «Муся Пинкензон», которая вышла в 1967 г. в серии «Пионеры-герои» [Ицкович 1980]. После публикации книги Ицковича в Усть-Лабинске (Краснодарский край), где погиб Муся, развернулись мероприятия по мемориализации героя — на месте предполагаемого расстрела

¹⁰ Илья Александрович Альтман — советский и российский историк, сопредседатель НПЦ «Холокост», вице-президент Межрегионального фонда «Холокост».

пионера поставили памятник, а пионерская дружина местной школы получила имя Муси Пинкензона¹¹.

Впервые М. С. «вспомнила» о знакомстве с Мусей во время собрания, посвященного памяти о Холокосте:

Дело в том что когда лет восемь, девять, десять тому назад в Краснодар приехал один товарищ из общества «Холокост» <...> Алтман, да. Так вот, он приехал, и меня позвали наши еврейки и сказали, что приехал человек из общества «Холокост» и будет рассказывать о том... О том, где гибли и как преследовались евреи в Краснодарском крае — приходи. Я пришла туда <...> и пришел, значит, Илья Александрович, его вывел наш раввин. Он поздоровался, познакомился и стал рассказывать о преследованиях евреев, о том, где они гибли. А потом рассказал о мальчике Мусе Пинкензоне, который с семьей оказался в Усть-Лабинске, и как он погиб. И тогда я подняла руку и сказала: «А я знала этого мальчика». И все наши евреи повернулись ко мне лицами: «Ты, М., знала этого мальчика? Но это же было так давно, ведь [19]42-й год». Я сказала: «Да, знала» [Инф. 5].

Наша собеседница оказалась в ситуации морального давления — она была одной из немногих жителей, заставших оккупацию Краснодара. Вероятно, она чувствовала, что собравшиеся чего-то ждут от нее как от очевидицы событий, которая имеет личные истории, связанные с войной. Можно предположить, что она невольно сконструировала воспоминания, которые состояли не только из личного опыта, но из фольклорных сюжетов и медиазаимствований.

Мне было девять лет, и я училась уже во втором классе <...> Это был уже [19]41-й год, конец, когда они оказались, эти евреи оказались в станице Усть-Лабинская... Однажды папа, приехав домой на выходной, сказал, что одна семья по фамилии Пинкензон зашла к нему в аптеку... Потому что им сказали, что заваптекой — еврей. Им же хотелось познакомиться с евреем на Кубани, и они познакомились... И папа сказал, что эта семья состоит из мамы, отца и тети — врачей, бабушки и мальчика, которому 12 лет и который учится в пятом классе, — это был конец [19]41-го года. Таким образом мы узнали, что есть евреи... Ну, кто в первую очередь бежали? Конечно, евреи, потому что знали, что евреев в первую очередь фашисты уничтожают [Инф. 5].

В приведенном выше фрагменте интервью М. С. рассказала, как ее отец познакомился с семьей Пинкензон, при этом смешала реальные детали своей биографии и факты, которые, вероятно, стали ей известны впоследствии: она с уверенностью рассказала о Холокосте, однако в то время узнать о тотальном геноциде евреев можно было только от беженцев из присоединенной к СССР части Польши или из газет на идише [Shternshis

¹¹ См. статью М. В. Гавриловой в этом номере журнала

2014: 493–497]. Далее наша собеседница рассказала подробности своего знакомства с Мусей:

Когда однажды папа на выходной приехал домой, сказал, что мальчик Муся хочет познакомиться, хочет узнать город Краснодар. И вот они приехали, папа привез этого мальчика. Значит, каким я его запомнила? Не таким, какой он здесь изображен на фотографии. Мне казалось, что он должен быть высокий, стройный, темноволосый... На фотографиях у него темно-русые волосы. Может, я не так запомнила... Мальчик играл на скрипке <...> Как он играл на скрипке, я не помню, но я очень хорошо запомнила, и всегда это буду помнить, как своими пальцами на стене <...> И на этой стене через этот свет он умел показать, как бегают зайцы, как лает собака, как летают птички. И вот это я запомнила — мне было девять лет всего-навсего. Я другого не могла запомнить, и как скрипача я не могла запомнить [Инф. 5].

Рассказывая о том, как семья Муси отказалась эвакуироваться из Усть-Лабинска, М. С. опирается на изложенные в книге Саула Ицковича основные даты и события биографии Муси и дополняет их широко известными на Юге России фольклоризованными нарративами о Холокосте. Так, на бывших оккупированных территориях часто записывались истории о евреях, которые не эвакуировались, поскольку им казалось, что немцы неспособны на массовые убийства [Закревская 2022: 12; Shternshis 2014: 493–497].

И папа потом нам рассказывал, что он уговаривал этих Пинкензонов, отца и маму Муси, уехать с нами. Папа, приходя домой, рассказывал, что он им говорил: «У вас, у меня, значит, теща, и у вас бабушка, и Миррочка маленькая — они будут сидеть на подводе. Мы, остальные, будем идти. Мы уйдем, если Бог даст, мы уйдем [плачет], если нет, то погибнем... Но мы будем беженцами, мы будем стараться уйти от немцев». Он их уговаривал... И он сказал, что они отказались, говоря, что не все немцы фашисты, и приводил в пример всех ученых, музыкантов, писателей, поэтов, которых вы знаете... Я тогда не знала... Они сказали: «Мы устали, нас хорошо приняли, мы лечили красноармейцев и станичников. Придут немцы — они тоже будут ранены, и мы их тоже будем лечить». Таким образом, мы уехали [Инф. 5].

В рассказах людей, заставших войну в сознательном возрасте, содержится широкий набор объяснений того, почему не все евреи эвакуировались, — к примеру, это организационные сложности, отсутствие централизованной эвакуации, нежелание разлучаться с членами семьи. В историях людей, не заставших войну, реальные исторические детали стираются, уступая место объяснению, основанному на неотрефлексированном «народном» представлении о том, что немцы — культурные люди [Закревская (в печати)]. В случае с М. С. важно, что она вряд ли могла иметь подлинные воспоминания, как и почему Пинкензоны приняли или

не приняли решение об эвакуации (и из-за описанных нами выше искажений памяти, и из-за того, что вряд ли кто-то стал бы обсуждать это с чужим маленьким ребенком). Поэтому она обратилась к популярному на Юге сюжету, который, вероятно, знала из чужих рассказов о войне.

Кроме того, даже если мы представим, что Пинкензоны рассказывали ей о своих мотивах и ее память сохранила этот разговор без изменений, в ее рассказе все равно есть несоответствие: в момент этого разговора семья Муси уже находилась в эвакуации в Краснодарском крае, куда они приехали из Бельц, оккупированных нацистами ранее. Можно предположить, что в реальности Пинкензоны уже были знакомы со слухами об уничтожении евреев, принимая решение об отъезде из Бельц.

В рассказе М. С. содержится еще один важный элемент, позволяющий говорить о том, что она опирается на фольклорную повествовательную модель: она отмечает, что Пинкензоны якобы собирались лечить раненых оккупантов. В книге Ицковича, когда нацисты предложили отцу Муси такую работу, он категорически отказался [Ицкович 1980: 19, 22]. Однако М. С. (вероятно, для того, чтобы мотивация героев рассказа была более связной) выбрала фольклорную объяснительную модель — представления о «культурных немцах». Несмотря на логические несостыковки, рассказ М. С. сделал ее известной в городе:

И с тех пор пошла моя слава по городу, по краю, по... И так далее, и в конце концов и в Москве узнали об этом и стали меня приглашать. В Краснодаре в школы и накануне 27 января¹² [Инф. 5].

После того как наша собеседница впервые рассказала о знакомстве с Мусей, она сделала своеобразную «карьеру»:

Это было года три тому назад, когда в нашем телевидение «Кубань-24», узнав о том, что есть такая еще дожившая и которая знала Мусю Пинкензона, и один из журналистов сделал фильм, и я с ними разговаривала [Инф. 5].

История дружбы с пионером-героем сделала М. С. постоянной посетительницей патриотических собраний в школах. На мероприятиях в честь Дня Победы она выступала в качестве субститута ветерана — носителя важных свидетельств о войне и оккупации. Таким образом, наша собеседница под давлением морального обязательства помнить о войне создала историю, состоящую из реальных воспоминаний о войне и фольклоризированных рассказов. Случай М. С. не уникален: в Усть-Лабинске, где находится мемориал Мусе Пинкензону, различные пожилые женщины регулярно утверждают, что были с ним знакомы. Зачастую в их рассказах фигурируют персонажи, не существовавшие в реальности, — например, сестра Муси Пинкензона¹³. Однако воспоминания М. С. имели

¹² 27 января — международный день памяти жертв Холокоста. В этот день во многих городах России проходят мемориальные мероприятия.

¹³ См. статью М. В. Гавриловой в этом номере журнала.

особенный успех не только из-за того, что она была талантливой рассказчицей, но и потому, что соответствовали ожиданиям публики и были восприняты некритично в контексте развитого в регионе «культа» Муси Пинкензона.

Заключение

В конце XX в. в устных рассказах, дневниках и письмах начали видеть «низовой», демократический и «освобождающий» способ написания истории. В науке такое представление достаточно быстро было раскритиковано и опровергнуто, но в активистской, образовательной и просветительской среде интерес к фигуре свидетеля важных исторических событий сохранился до сих пор.

Среди людей, обращающихся к рассказам очевидцев в рамках образовательных, развлекательных или мемориальных мероприятий, распространено представление о том, что существует значительная разница между свидетельством и художественным или обработанным текстом. Рассказ очевидца рассматривается как нечто, свободное от идеологической и эстетической составляющей и дающее непосредственный доступ к исторической реальности, которую человек наблюдал. Однако такие свидетельства являются проблематичным источником из-за когнитивных особенностей работы человеческой памяти, которые часто не до конца понимают работники школ и музеев, мемориальные активисты и даже в редких случаях профессиональные историки. Детали реальных событий утрачиваются памятью; рассказчики невольно дополняют их сюжетами из популярной литературы, кино, слухов и городских легенд. В условиях повышенного интереса к фигуре очевидца важных исторических событий некоторые люди делают карьеру «профессионального свидетеля»: они регулярно делятся воспоминаниями во время коммеморативных акций. Акт публичного воспоминания заставляет человека делать собственный рассказ понятным и занимательным для публики, поэтому в процессе многократных повторений индивидуальное свидетельство превращается из нарратива, правдиво описывающего прошлое, в художественный рассказ, отражающий ценности группы, к которой принадлежит рассказчик.

Подобные трансформации неизбежно претерпевают любые тексты, бытующие устно, и в том числе воспоминания о Великой Отечественной войне. Центральное место в коммеморации военных событий занимала фигура ветерана. Рассказывая о своем боевом пути, он выступал носителем ценностей, которые необходимо было передать будущим поколениям. В наши дни из-за смены поколения роль носителя памяти о войне «по наследству» перешла детям войны. В психике человека, который застал войну маленьким ребенком, в силу возрастных особенностей человеческой памяти (детской амнезии) реальные воспоминания смешиваются с образами, усвоенными от старших родственников и из культуры. Однако под давлением стандартной «драматургии» коммеморативных акций (приглашения свидетелей войны на мероприятия, записи видеопосланий

с их участием и т. д.) дети войны сталкиваются с серьезным моральным давлением, которое заставляет их рассказывать о событиях прошлого так, как ожидают слушатели. Нередко такие люди оказываются вовлечены в мемориальные конфликты, в которых каждый из акторов эксплуатирует свидетеля, стараясь склонить его на свою сторону.

Запрос на передачу историй о Великой Отечественной войне — одновременно и государственный, и низовой; люди, прошедшие ее, признаются нравственным эталоном. Именно поэтому при коммеморации войны невозможно отказаться от апелляции к опыту ее очевидцев. Место ветеранов занимают не только дети войны, но и — в некоторых случаях — иные мемориальные акторы (работники сферы образования, документальные и псевдодокументальные фильмы, интерактивные экспозиции музеев, онлайн-архивы). В таких случаях лежащее в основе свидетельство очевидца может подвергаться еще более сильной трансформации: передающиеся устно рассказы обрастают фольклорными деталями и медийными клише, мемуары обрабатываются перед публикацией и т. д.

Источники

Ицкович 1980 — *Ицкович С.* Муся Пинкензон. М.: Малыш, 1980.

За неповиновение 2021 — За неповиновение избивали палками: как выживали пленные в фашистских лагерях в годы оккупации Краснодара // Краснодарские известия. 2021. 10 авг. URL: <https://ki-news.ru/news/za-nepovinoenie-izbivali-palkami-kak-vyzhivali-plennye-v-fashistskikh-lageriakh-v-gody-okkupatsii-krasnodara>.

Аванесова 2022 — *Аванесова М.* Краснодарка рассказала, как помогала военнопленным во время оккупации // Краснодарские известия. 2022. 12 февр. URL: <https://ki-news.ru/news/krasnodarka-rasskazala-kak-pomogala-voennoplennym-vo-vremia-okkupatsii>.

Наводничая 2021 — *Наводничая А.* Следы Гитлера. Шталаг 132. Краснодарский край // Регнум. 2021. 5 июля. URL: <https://regnum.ru/article/3295603>.

Список информантов

Инф. 1 — И. Ш., ок. 1971 г. р., директор еврейского лицея, Омск, зап. И. В. Козлова, М. В. Гаврилова, Е. А. Закревская, С. В. Белянин в 2022 г.

Инф. 2 — Н. Ц., ок. 1960 г. р., завуч по воспитательной работе, Краснодар, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская в 2022 г.

Инф. 3 — Р. К., 1950 г. р., председатель еврейской общины, Псков, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская, И. В. Козлова в 2023 г.

Инф. 4 — В. К., 1948 г. р., историк-любитель, автор документальных фильмов, Краснодар, зап. Е. А. Закревская в 2022 г.

Инф. 5 — М. С., 1933 г. р., пенсионерка, Краснодар, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская в 2022 г.

Инф. 6 — Н. Д., 1926 г. р., пенсионерка, Краснодар, зап. И. В. Козлова, М. В. Гаврилова в 2022 г.

Инф. 7 — Б. Л., 1941 г. р., пенсионер, Великие Луки, зап. И. В. Козлова, Е. А. Закревская, С. В. Белянин в 2023 г.

Инф. 8 — А. Л., 1949 г.р., пенсионерка, Великие Луки, зап. И. В. Козлова, Е. А. Закревская, С. В. Белянин в 2023 г.

Литература

- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
- Белянин, Закревская 2022 — *Белянин С. В., Закревская Е. А.* «Ты будешь хлеб брать, а я буду палкой бить»: социальные функции нарративов о мародерстве // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4 (2). С. 236–257. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>.
- Белянин, Закревская 2023 — *Белянин С. В., Закревская Е. А.* Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации в рассказах о войне и Холокосте // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 6. № 3. 2023. С. 61–87. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87>.
- Вельцер 2005 — *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы / Пер. с нем. К. Левинсона // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 28–35.
- Закревская 2022 — *Закревская Е. А.* Отказ от эвакуации и неудавшаяся эвакуация: происхождение, разновидности и соотношение с реальностью в историях об оккупации // Текст и историческая реальность. Секция 2: Устная история и фольклор: Материалы Всерос. науч. конф. XIV Мелетинские чтения (Москва, РГГУ, 20–22 октября 2022 г.) / Сост. и ред. Е. А. Закревская, М. А. Гистер. М.: РГГУ, 2022. С. 28. URL: https://ctsf.ru/sites/default/files/2022-11/XIV%20Meletinskies%20chteniya_abstracts_0.pdf.
- Закревская (в печати) — *Закревская Е. А.* Сюжеты о добрых и «культурных» немцах в устных рассказах об оккупации // *Judaic-Slavic Journal*. [В печати].
- Копосов 2011 — *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- Костырченко 2020 — *Костырченко Г. В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. Ч. 1: Власть — Еврейский вопрос — Интеллигенция. М.: Междунар. отношения, 2020.
- Курилла 2018 — *Курилла И.* «Бессмертный полк»: «праздник со слезами на глазах», парад мертвецов или массовый протест? Споры о смысле и перспективах нового праздничного ритуала // *Контрапункт*. № 12. 2018. С. 1–11.
- Лофтус, Кетчем 2018 — *Лофтус Э., Кетчем К.* Миф об утраченных воспоминаниях: Как вспомнить то, чего не было / Пер. с англ. И. В. Никитиной. М.: Колибри; Азбука-Аркус, 2018.
- Малинова 2014 — *Малинова О. Ю.* Официальная риторика и конструирование национального прошлого: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.) // *Власть и элиты*. Т. 1. 2014. С. 224–246.
- Миллер 2012 — *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // *Историческая политика в XXI веке* / [Науч. ред. А. Миллер, М. Липман]. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 7–32.
- Панченко 2013 — *Панченко А.* Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне // *Русский политический фольклор: Исследования и публикации* / [Ред.-сост. А. Панченко]. М.: Нов. изд-во, 2013. С. 117–143.
- Пиаже 1994 — *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка / Сост., нов. ред., пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
- Руднев 1974 — *Руднев В. А.* Советские обычаи и обряды. Л.: Лениздат, 1974.

- Сафронова 2018 — Сафронова Ю. А. Третья волна *memory studies*: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>.
- Титков 2019 — Титков А. С. Новые практики для Победы: макросоциологическое объяснение // Фольклор и антропология города. Т. 2. № 1–2. 2019. С. 206–229.
- Фицпатрик 2011 — Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / [Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
- Энгелькинг 2018 — Энгелькинг А. Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй мировой войне // Славяноведение. 2018. № 6. С. 27–46. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0001763-2>.
- Assmann, Czaplicka 1995 — Assmann J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // *New German Critique*. № 65. 1995. P. 125–133.
- Hamilton 2010 — Hamilton P. A long wr: Public memory and the popular media // *Memory: Histories, theories, debates* / Ed. by S. Radstone, B. Schwarz. New York: Fordham University Press, 2010. P. 299–311.
- Carr 2017 — Carr G. War, history and the education of (Canadian) memory // *Memory, history, nation: Contested pasts* / Ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. New York: Routledge; Kegan Paul, 2017. P. 57–78.
- Landsberg 2004 — Landsberg A. Prosthetic memory: The transformation of American memory in the age of mass culture. New York: Columbia Univ. Press, 2004.
- Portelli 2003 — Portelli A. The massacre at the Fosse Ardeatine: history, myth, ritual, and symbol // *Memory, history, nation: Contested pasts* / Ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. New York: Routledge; Kegan Paul, 2003. P. 29–41.
- Danilova 2015 — Danilova N. The politics of war commemoration in the UK and Russia. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan, 2015.
- Schacter 1996 — Schacter D. Searching for memory: The brain, the mind, and the past. New York: Basic Books, 1996.
- Shternshis 2014 — Shternshis A. Between life and death: Why some Soviet Jews decided to leave and others to stay in 1941 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 15. No. 3. 2014. P. 477–504. <https://doi.org/10.1353/kri.2014.0036>.
- Shternshis 2017 — Shternshis A. When Sonia met Boris: An oral history of Jewish life under Stalin. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Williams, Conway 2009 — Williams H., Conway M. Networks of autobiographical memories // *Memory in mind and culture* / Ed. by P. Boyer, J. V. Wertsch. New York: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 33–61.

References

- Assmann, J., & Czaplicka, J. (1995). Collective memory and cultural identity. *New German Critique*, 65, 125–133.
- Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C. H. Beck.
- Belyanin S. V., & Zakrevskaya, E. A. (2022) “Ty budesh’ khleb brat’, a ia budu palkoi bit’”: sotsial’nye funktsii narrativov o maroderstve [“If you take the bread, I will beat you with a stick”: Social functions of narratives about looting]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul’turologiia*, 2022(4, no. 2), 236–257. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>.
- Belyanin S. V., & Zakrevskaya, E. A. (2023) Kak istoriia stanovitsia fol’klorom: mekhanizmy fol’klorizatsii v rasskazakh o voine i Kholokoste [How history becomes folklore: Folklor-

- ization mechanisms of war and Holocaust stories]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 6(3), 61–87. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87>. (In Russian).
- Carr, G. (2017). War, history and the education of (Canadian) memory. In K. Hodgkin, & S. Radstone (Eds.). *Contested pasts: The politics of memory* (pp. 57–78). Routledge; Kegan Paul.
- Danilova, N. (2015). *The politics of war commemoration in the UK and Russia*. Palgrave Macmillan.
- Engel'king [= Engelking], A. (2018). Skaz poleskogo sela, ili o fol'klorizatsii pamiati o Vtoroi mirovoi voine [The reminiscing narration of the Polesian countryside or folklorization of memory of the Second World War]. *Slavianovedenie*, 2018(6), 27–46. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0001763-2>. (In Russian).
- Fitzpatrick, Sh. (2005). *Tear off the masks!: Identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton Univ. Press.
- Hamilton, P. A. (2010). Long war: Public memory and the popular media. In S. Radstone, & B. Schwarz (Eds.). *Memory: Histories, theories, debates* (pp. 299–311). Fordham Univ. Press.
- Koposov, N. (2011). *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii* [Memory of a strict regime: History and politics in Russia]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Kostyrchenko, G. V. (2020) *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva* [The secret policy from Brezhnev to Gorbachev], Pt. 1: *Vlast' — Evreiskii vopros — Intelligentsiia* [Power — Jewish question — Intelligentsia]. Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).
- Kurilla, I. (2018). “Bessmertnyi polk”: “prazdnik so slezami na glazakh”, parad mertvetsov ili massovyi protest? Spory o smysle i perspektivakh novogo prazdnichnogo rituala [The “Immortal Regiment”: A “holiday through tears”, a parade of the dead, or a mass protest? Arguments over the meaning and future of a new holiday ritual]. *Kontrapunkt*, 12, 1–11. (In Russian).
- Landsberg, A. (2004). *Prosthetic memory: The transformation of American memory in the age of mass culture*. Columbia Univ. Press.
- Loftus, E., & Ketcham, K. (1994). *The myth of repressed memory: False memories and allegations of sexual abuse*. St. Martin's Griffin.
- Malinova, O. Iu. (2014). Ofitsial'naia ritorika i konstruirovaniye natsional'nogo proshlogo: analiz tematicheskogo repertuara pamiatnykh rechei prezidentov RF (2000–2013 gg.) [Official rhetoric and the construction of the national past: analysis of the thematic repertoire of memorable speeches of Russian presidents]. *Vlast' i elity*, 1, 224–246. (In Russian).
- Miller, A. (2012). Istoricheskaia politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21 century]. In A. Miller, & M. Lipman (Eds.). *Istoricheskaia politika v XXI veke* (pp. 7–32). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Panchenko, A. (2013). Begletsy i donoschiki: “voennye narrativy” v sovremennoi novgorodskoi derevne [Fugitives and informers: ‘military narratives’ in the modern Novgorod village]. In A. Panchenko (Ed.). *Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniia i publikatsii* (pp. 117–143). Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Piaget, J. (1923). Le langage et la pensée chez l'enfant. Etudes sur la logique de l'enfant. Delachaux et Niestlé.
- Portelli, A. (2002). The massacre at the Fosse Ardeatine: history, myth, ritual, and symbol. In K. Hodgkin, & S. Radstone (Eds.). *Contested pasts: The politics of memory* (pp. 29–41). Routledge; Kegan Paul.
- Rudnev, V. A. (1974). *Sovetskie obychai i obriady* [Soviet customs and rituals]. Lenizdat. (In Russian).

- Safronova, Ju. A. (2018). Tret'ia volna *memory studies*: Dvadsat' tri goda protiv shersti [The third wave of *memory studies*: Going against the grain for the twenty-three years]. *Politicheskaia nauka*, 2018(3), 12–31. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>. (In Russian).
- Schacter, D. (1996). *Searching for memory: The brain, the mind, and the past*. Basic Books.
- Shternshis, A. (2014). Between life and death: Why some Soviet Jews decided to leave and others to stay in 1941. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 15(3), 477–504. <https://doi.org/10.1353/kri.2014.0036>.
- Shternshis, A. (2017). *When Sonia met Boris: An oral history of Jewish life under Stalin*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1353/kri.2014.0036>.
- Titkov, A. S. (2019). Novye praktiki dlia Pobedy: makrosotsiologicheskoe ob"iasnenie [New celebration practices of Victory Day: Macrosociological explanation]. *Fol'klor i antropologiya goroda*, 2(1–2), 206–229. (In Russian).
- Welzer, H. (2005). Die Gegenwart der Vergangenheit: geschichte als Arena der Politik. *Osteuropa*, 55(4/6), 9–18.
- Williams, H., & Conway, M. (2009). Networks of autobiographical memories. In P. Boyer, & J. V. Wertsch (Eds.). *Memory in mind and culture* (pp. 33–61). Cambridge Univ. Press.
- Zakrevskaia, E. A. (2022). Otkaz ot evakuatsii i neudavshaiasia evakuatsiia: proiskhozhdenie, raznovidnosti i sootnoshenie s real'nost'iu v istoriiakh ob okkupatsii [Refusal to evacuate and failed evacuation: origin, varieties and reality in stories of occupation]. In E. A. Zakrevskaya, & M. A. Gister (Eds.). *Tekst i istoricheskaya real'nost'. Sektsiia 2: Ustnaia istoriia i fol'klor. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii XIV Meletinskie chteniia (Moskva, RGGU, 20–22 oktiabria 2022 g.)* (p. 28). RGGU. https://ctsfr.ru/sites/default/files/2022-11/XIV%20Meletinskie%20chteniya_abstracts_0.pdf. (In Russian).
- Zakrevskaya, E. A. (Forthcoming). Siuzhety o dobrykh i "kul'turnykh" nemtsakh v ustnykh rasskazakh ob okkupatsii [Folk tales about kind and "cultured" Germans in oral stories about the occupation]. *Judaic-Slavic Journal*. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Екатерина Алексеевна Закревская
младший научный сотрудник,
Центр славяно-иудаики, Институт
славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский
пр-т, д. 32А
✉ eazakrevskaya@gmail.com

Сергей Владимирович Белянин
исполнитель гранта РФФ № 23-
28-00796, Центр славяно-иудаики,
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский
пр-т, д. 32А
✉ sergey.belyanin10@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina A. Zakrevskaya
Junior Researcher, Center for Jewish and
Slavic Studies Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, Bld. 32A
✉ eazakrevskaya@gmail.com

Sergey V. Belyanin
Grant Executor (no. 23-28-00796), Center
for Jewish and Slavic Studies Institute
of Slavic Studies of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, Bld. 32A
✉ sergey.belyanin10@gmail.com

Е. Р. Сквайрс^{ab}<https://orcid.org/0000-0002-3030-9354>✉ skvayrs@gmail.com^a Российская государственная библиотека
(Россия, Москва)^b Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

«ЦЕНЗУРНЫЙ ЭЛЛИПСИС» В ПЕЧАТНЫХ КНИГАХ В ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ Англии XV–XVI вв.: лингвистический и исторический аспекты

Аннотация. Предлагаемая работа посвящена книжной цензуре времен Генриха VIII: задачей автора является дополнение общих представлений о политической цензуре конкретными данными о ее формах, методах и целях, характерных для отдаленной исторической эпохи и общественной ситуации. Взаимодействие между языковой формой, медиальным форматом и политической повесткой конкретного исторического момента изучено в статье при помощи сочетания лингвистического (в плане синтаксиса и грамматики), контекстного и книговедческого подходов на примере апостериорной цензуры, которая применяется постфактум к текстам, опубликованным значительное время тому назад. На материале английской инкунабулы из Российской государственной библиотеки — «Полихроникона» Ральфа Хигдена, издание В. де Ворда 1495 г.) — исследуется прием вымарывания (blotting out) в раннепечатных текстах. Обсуждаются датировка маргиналий и свидетельства провенанса экземпляра, подтверждается его местонахождение в Англии в эпоху церковных реформ Генриха. В теоретическом плане цензурный метод сопоставляется с языковым эллипсисом и на основе проведенного анализа оценивается в плане его цензурной эффективности. Показано, что этим методом не достигается надежное устранение информации из исторической памяти; предлагается альтернативное объяснение его мотивов и целей: не столько искоренение католических идей в жизни подданных, сколько принуждение к демонстрации послушания, воспитание покорности.

Ключевые слова: цензура, вымарывание, английская инкунабула, Генрих VIII, Реформация, лингвистический эллипсис, риторическая фигура умолчания, английский синтаксис XVI в., английская грамматика

Для цитирования: Сквайрс Е. Р. «Цензурный эллипсис» в печатных книгах в эпоху религиозных преобразований Англии XV–XVI вв.: лингвистический и исторический аспекты // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 108–127.

Поступило 27 июля 2023 г.; принято 23 июня 2024 г.



C. R. Squires^{ab}

<https://orcid.org/0000-0002-3030-9354>

✉ skvayrs@gmail.com

^a Russian State Library (Russia, Moscow)

^b Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

‘THE CENSOR’S ELLIPSIS’ IN PRINTED BOOKS OF THE TIME OF RELIGIOUS REFORM IN 15TH–16TH CENTURY ENGLAND: LINGUISTIC AND HISTORICAL ASPECTS

Abstract. In this study devoted to book censorship in the time of Henry VIII the author tries to supplement general knowledge about political censorship by analyzing its forms, methods, and aims characteristic of a specific historical period and situation. A combination of linguistic (syntactic, grammatical), contextual and bibliographical approaches is used to show the interrelation between political agenda, text semantics, language and text structure, and the forms of mediality present in a certain epoch, as manifested by post-factum censorship (that is, applied to texts made public long before). As source material, a valuable copy of Ranulph Higden’s *Polychronicon*, published by Wynkyn de Worde in 1495, now kept in the incunabula collection of the Russian State Library in Moscow, is presented and examined. It offers ample evidence of 16th century post-factum censorship carried out in an early printed book. The dating of marginal notes and questions of provenance are discussed in connection with the validity of the copy as a witness of 16th century England. The method of ‘blotting out’, introduced by Henry VIII to support his Protestant reforms (cf.: ‘cutte or blotte <...> in such wise, as they cannot be perceiued nor red’) concerned certain unwanted words (in the present case this was the lexeme ‘Pope’). Through linguistic and textological analysis the method of post-factum censorship by ‘blotting out’ is theoretically confronted with the concept of linguistic ellipsis. On this basis the blotting out technique is analyzed and its effectivity evaluated. It is shown that post-factum censorship by blotting out does not achieve efficient suppression of Catholic ideas in the historical memory; an alternative explanation for its employment would therefore be, that its aim is to enforce obedience and compliance with the current agenda.

Keywords: censorship, blotting out, English incunable, Henry VIII, Protestant Reformation, linguistic ellipsis, rhetoric omission, 16th century English syntax, English grammar

To cite this article: Squires, C. R. (2024). ‘The censor’s ellipsis’ in printed books of the time of religious reform in 15th–16th century England: Linguistic and historical aspects. *Shagi / Steps*, 10(3), 108–127. (In Russian).

Received July 27, 2023; accepted June 23, 2024

В различные исторические эпохи объектами цензурного вмешательства становились тексты, изображения и другие формы передачи и сохранения информации, подлежащей удалению по причине ее нежелательности для властей. Особый случай представляет цензура постфактум, так как устранению подвергается содержание, уже ставшее публичным, и обычные упреждающие меры (запреты, сокращения и замены) не всегда возможны. И все же в череде исторических перемен в политической жизни и борьбе идей нередко прибегали к цензуре постфактум, чтобы удалить информацию или идеи и представления предшествующих периодов: уничтожали целые тиражи книг, разрушали скульптуры, скрывали живописные изображения под поздними наслоениями.

Книгопечатание в эпоху Реформации

В сложных исторических, политических и культурных событиях Реформации в Европе важную роль сыграло изобретенное незадолго до нее книгопечатание. Оно предоставляло реформаторам небывалые возможности для тиражирования и широкого распространения переводов Библии и полемической литературы, но и их противники тоже осознавали опасность, которую новое медиальное средство представляло для устоев традиционной Церкви и для власти. Неудивительно поэтому, что борьба с влиянием протестантских идей Лютера нередко включала в качестве важной составной части установление контроля над печатным станком. В этом можно в полной мере убедиться на примере Англии. Вот что пишет в письме королю Генриху VIII Эдвард Ли (позднее — архиепископ Йоркский) в декабре 1525 г., предупреждая короля о двойной опасности, грозящей с континента:

Please it your highnesse morover to vnderstond, that I ame certainlie enformed as I passed in this contree, that an englishman your subiect at the sollicitacion and instaunce of Luther, with whome he is, hath translated the newe testament in to Englishe, and within four dayes entendethe to arrive with the same emprinted in England. I nede not to aduertise your grace, what infection and daunger maye ensue heerbie, if it bee not withstonded [Pollard 1911: 108–109].

Прошу также Вашу Милость благосклонно принять во внимание, что, путешествуя в этой стране, я получил надежные сведения о некоем англичанине, Вашем подданном, который, находясь под влиянием и наущением Лютера, с которым он близок, сделал перевод Нового Завета на английский язык, с каковым он, напечатав его, намеревается в ближайшие четыре дня прибыть в Англию. Ваша милость не нуждается в пояснениях насчет того, какие зараза и опасность могут от этого возникнуть, если не принять мер противодействия.

Упомянутый в письме английский подданный — это Уильям Тиндейл, протестантский реформатор и переводчик Библии. Не получив на роди-

не разрешения церковных властей на свою переводческую работу, он в 1524 г. бежал в Гамбург. «Заразой» первым назвал его деятельность Томас Мор, когда по поручению епископа Лондонского готовил заключение о труде Тиндейла и оценил его как вредоносный. Мор пишет о «чумной секте Лютера и Тиндейла: один из них начал свое дело в Саксонии, а другой вознамерился распространить его на Англию» (*the Pestilent Sect of Luther and Tyndale, by the One Begun in Saxony and by the Other Labored to Be Brought into England*)¹.

На континенте Тиндейл нашел и финансовую поддержку в купеческих кругах, и книгопечатников, согласных издать его труд. Об оттисках первой части перевода, сделанных в Кёльне в 1525 г. и готовых к перевозке в Англию, и пишет корреспондент Генриха VIII, находившийся в конце того же года в поездке по дипломатическим делам.

Преследованиям, однако, подвергался не только сам Тиндейл: зарубежные типографы также пострадали за попытки издать его текст. Кёльнский тираж 1525 г. был уничтожен (от него уцелел лишь один фрагмент, сегодня находящийся в Британской библиотеке), в 1526 г. в Антверпене работа книгопечатника была прервана местными властями, и лишь в 1531 и 1534 гг. другой антверпенский типограф сумел напечатать книгу [Pollard 1911: iv, vii; Juhász 2002: 107–108].

Реформация Генриха VIII и контроль над книгопечатанием

Религиозная политика Генриха VIII была непоследовательной, поэтому ее цели и направление репрессивных мер менялись на протяжении его правления (1509–1547). В период между 1529 и 1547 гг. король сам вводил в Англии протестантизм и боролся с властью Рима, а в 1539 г. полная английская версия Библии Тиндейла, доработанная его соратником Майлсом Ковердейлом, была даже издана с соизволения Генриха. Однако в середине 1520-х годов, когда было написано письмо Эдварда Ли, Тиндейл даже за рубежом подвергался преследованиям со стороны королевской власти; в результате предательства он был обнаружен, арестован и казнен — в 1536 г., т. е. незадолго до издания английской Библии [Pollard 1911: 19].

Помещение книгопечатания под контроль властей в основном связывают с распространением вольных типографий, однако это относится не ко всем регионам Европы. Так, в Германии начало цензурного преследования отсчитывают от кёльского процесса над религиозным мистиком Майстером Экхартом в 1327 г., т. е. задолго до книгопечатания. Однако с его изобретением острота проблемы возрастает и приходит осознание необходимости взять под контроль печатный станок. В XVI в. цензуру постепенно вводят по всей Западной Европе, включая и Англию [Mahler 1997: 15–16]. Тогда же цензура переходит в руки светской вла-

¹ Письмо Томаса Мора цитируется по изданию [MacKenzie 1999: 284–285].

сти и ее главные цели смещаются с противоборства религиозных идей на борьбу за политическую власть.

Если в начале эпохи инкунабул задача цензуры виделась в защите вероучения от вторжения крамольных идей и на этом этапе еще были эффективны упреждающие меры (предварительная цензура — *censura praevia*), то в XVI в. издания, вышедшие за первые десятилетия книгопечатания, но содержавшие информацию, позднее ставшую неуютной, подвергались цензурной чистке «задним числом» (апостериорная цензура). Поскольку к ним уже нельзя было принять оградительные меры и повернуть вспять распространение «заразы и опасности», делались различные усилия для удаления нежелательной информации постфактум. Ниже будет рассмотрен один из способов цензурной работы с книгами, изданными около 1500 г., но подвергшимся идеологической чистке значительно позднее, в эпоху церковных реформ Генриха VIII.

В отличие от предварительной цензуры, которая может использовать административные меры (упреждающий запрет издания) или технические способы (уничтожение тиража еще в типографии, как это случилось с кёльнским изданием Тиндейла), цензура постфактум имеет дело с уже состоявшимися, опубликованными тиражами, к тому же разошедшимися среди читателей во множестве экземпляров. Это цензурная правка законченного, цельного текста — по сути, вид редакторской работы, но только жестко ограниченной с точки зрения доступных ей возможных изменений, так как она призвана устранить элементы, содержащие нежелательную информацию, не разрушив при этом текста в целом. Понятно, что у подобной своеобразной редакторской работы есть свои специфические лингвистические аспекты, затрагивающие связи между языковой формой и семантикой. Выяснение приемов и методов этой языковой работы представляет очевидный интерес для понимания конкретных инструментов борьбы идей в различные исторические эпохи. Но не только этим полезно исследование апостериорной цензуры печатного текста; оно интересно и в теоретическом языковом плане: с точки зрения лингвистической оценки ее эффективности и выяснения ее реальных — а не предполагаемых, лежащих на поверхности — целей, мотивировок и механизмов воздействия.

«Вредные» книги

Жесткое политическое регулирование в вопросах веры и церковной и светской власти касалось не только Библии, но и других печатных произведений, в которых религиозные аспекты трактовались в неуютном властям свете. К числу книг, содержащих нежелательные упоминания или оценки, с которыми цензуре предстояло бороться много лет спустя после их издания, относились и классические, широко известные тогда труды по историографии. В Англии основополагающим трудом допечатной эпохи была историко-географическая энциклопедия «Полихроникон» (*Polychronicon*) Ральфа Хигдена (*Ranulphus Higden*), созданная им

до 1364 г., а в начале XV в. переведенная на английский язык Джоном де Тревизой. Это компилятивный труд на основе ряда предшествующих сочинений, в котором дана картина всемирной истории, в духе средневековых «Мировых хроник» начинающаяся от сотворения мира и первых людей и под пером Хигдена дошедшая до 1342 г. Первпечатник Англии Уильям Кэкстон дополнил текст «Полихроникона» частью о периоде до 1460 г. и в 1482 г. впервые напечатал его, а в 1495 г. вышло второе издание книги, в той же типографии, но уже при другом книгопечатнике, Винкине де Ворде².

Экземпляр этой книги будет представлен ниже в данной статье.

Немного позднее изложение мировых исторических событий, включая и историю Англии, данное в «Полихрониконе», послужило частичной основой для другого труда — «Хроники Англии» (*The descrypcyon of Englonde*), — написанного уже как история Британии, с рассказом о заселении Альбиона потомками троянского Энея и основании первой британской династии. Книга была напечатана в 1502 г., также Винкином де Вордом. Эти два английских издания вместе заложили основу для представлений англичан XVI в. о собственной национальной истории и ее месте среди других мировых событий. И, разумеется, в обеих книгах много рассказывалось о роли Католической церкви и деяниях римских пап.

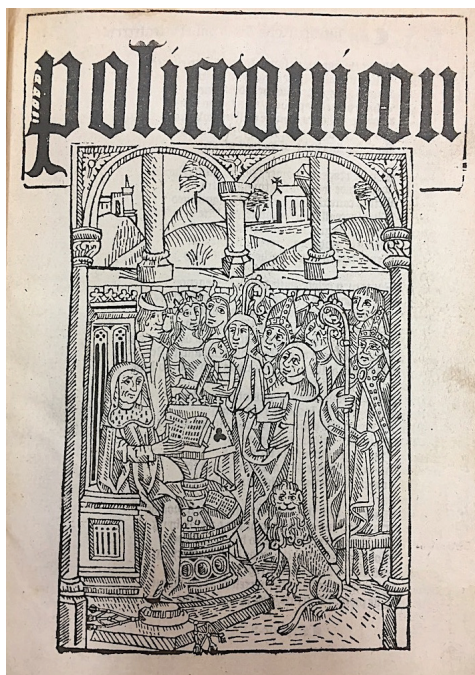
Английская инкунабула в РГБ: свидетель нескольких эпох

Прекрасно сохранившийся экземпляр «Полихроникона» 1495 г. издания имеется в Москве в собрании инкунабул Российской государственной библиотеки (РГБ)³ (ил. 1). Он находится в отличном состоянии (лишь с небольшими утратами) и в качестве свидетельств своего прежнего (домосковского) провенанса носит экслибрис Виктора фон Клемперера (*Victor von Klemperer*, 1876–1943), известного немецкого частного коллекционера и знатока раннего книгопечатания. В книге указан шифр хранения в личной библиотеке коллекционера (*Bücherei Nr 2265*) и номер в ее инвентарном списке инкунабул (*Inc # 109*), которые тоже идентифицируют ее как принадлежавшую Клемпереру⁴.

² *Ranulphus Higden. Polychronicon* / Trans. John Trevisa, ed. with a continuation 1358–1460 by William Caxton. Westminster: Wynkyn de Worde, 13 April 1495 (Duff 173, GW 12469 ISTC ih00268000, BMC XI, p. 195–196).

³ Шифр экземпляра в РГБ: НИОРК «Музей книги», МК К1/469; это издание де Ворда 1495 г. включено во все международные каталоги инкунабул (см. примеч. 2), однако московский экземпляр из РГБ в них до сих пор не указывается.

⁴ Те же шифры указаны в изданном каталоге инкунабул Клемперера [*Klemperer et al. 1927: 407*]. О Викторе фон Клемперере и судьбе его коллекции см.: [Squires (forthcoming)].



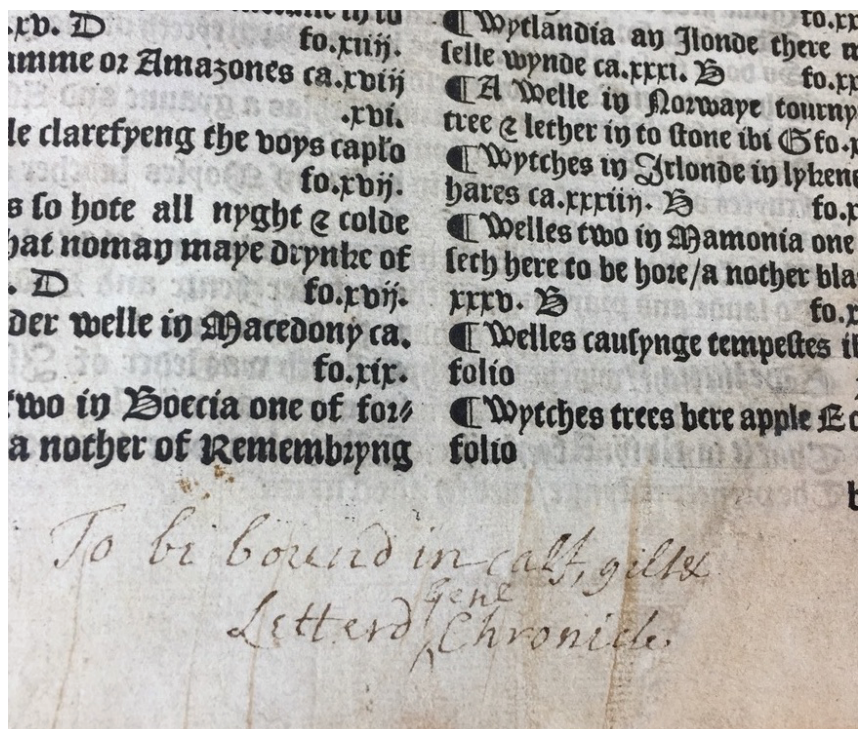
Ил. 1. Титульный лист издания: Higden R. *Polychronicon*
Westminster: Wynkyn de Worde, 1495. Экземпляр РГБ

Fig. 1. Higden R. *Polychronicon*. Westminster: Wynkyn de Worde, 1495
Title page of copy held by the Russian State Library

О судьбе и перемещениях книги до включения ее в коллекцию Клемперера можно судить по особенностям экземпляра. Так, на листе bb1^r в нижнем поле есть интересная запись на английском языке, которую можно понять как инструкцию переплетчику: «To be bound in calf, gilt & Letterd yere Chronicle («Переплести в телячью кожу, золотым тиснением: год, [слово] “Chronicle”»» (ил. 2). По некоторым признакам языка этой записи можно высказать предположение о ее возрасте: выражение *gilt & Letterd* и форма слова *yere* ‘год’ (соврем. англ. *year*) позволяют отнести запись к концу XVII — началу XVIII в.⁵ Стоит подчеркнуть, что эта маргиналия, как и ряд других в книге, написана по-английски. В ней вообще нет записей на каких-либо языках, кроме английского и латинского; значит, книга оставалась в Англии по крайней мере до рубежа XVII–XVIII вв.

⁵ Автор выражает сердечную благодарность профессору МГУ им. М. В. Ломоносова О. А. Смирницкой, крупнейшему специалисту по истории английского языка, за ценную консультацию и помощь в определении возраста данной маргинальной записи. Заметим, что если описанный в ней переплет и был выполнен, то он не сохранился, так как в настоящее время книга имеет уже другой переплет, изготовленный в XIX — начале XX в., о чем свидетельствует и указание в каталоге Клемперера: «*Moderner brauner Lederband*» («коричневый кожаный переплет нашего времени»).

Следует добавить, что ни немецких записей, ни каких-либо других указаний на немецкий провенанс до Виктора Клемперера в ней нет, что еще раз подтверждает: в эпоху религиозных реформ Генриха VIII книга находилась в Англии.



Ил. 2. Маргинальная запись для переплетчика:

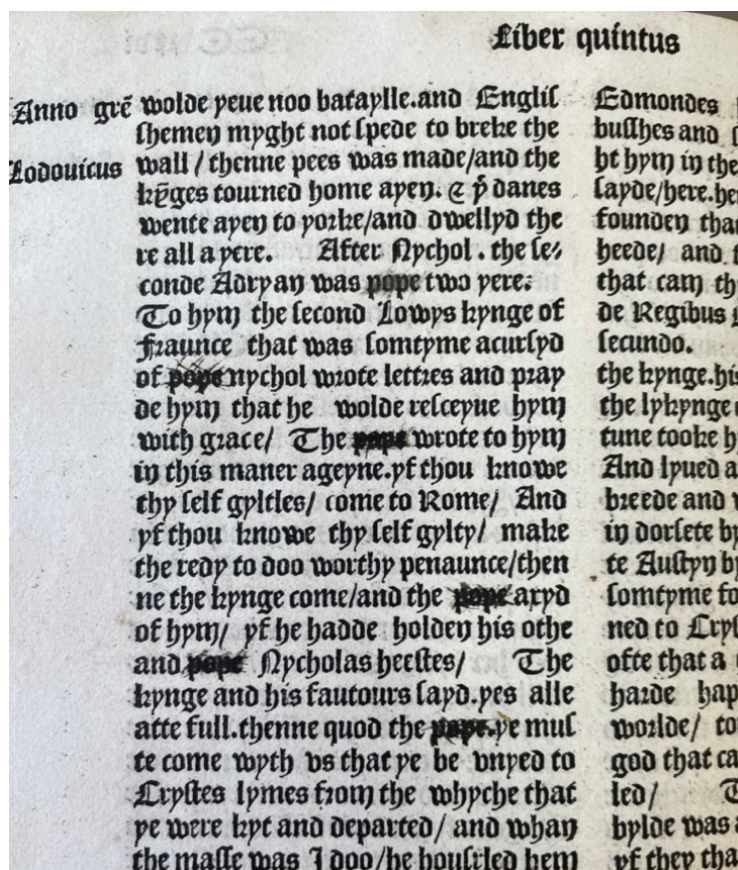
«To be bound in calf, gilt & Letterd yere Chronicle» («Переплести в телячью кожу, золотым тиснением: год, [слово] «Chronicle»»). Конец XVII — начало XVIII в.

Fig. 2. Instruction for the binder: 'To be bound in calf, gilt & Letterd yere Chronicle'
A marginal note, late 17th — early 18th century

«Меры противодействия»

Перелистывая инкунабулу из собрания РГБ, нельзя не обратить внимание еще на один тип поздних добавлений: на странную рукописную правку черными чернилами. Некоторые листы буквально испещрены черными полосками, которыми закрашены, плотно заштрихованы отдельные слова печатного текста (ил. 3). Аналогичные случаи отмечаются книговедами, а также и дилетантами — знатоками редких и старинных книг; экземпляр упомянутого выше издания де Ворда 1502 г. носит точно такие же правки, о чем сообщает в своем книговедческом блоге «Text!» известный филолог и книговед, профессор Оксфордского университета А. Смит [Smyth 2022]. Он пишет о подобной правке вымарыванием

(blotting out), которая встречается в многочисленных старых молитвенниках, хранящихся в отделах редких книг британских библиотек, отмечает ее цензурную функцию (удаление нежелательных упоминаний); однако в научном, особенно семантическом языковом аспекте это явление нигде не изучалось.



Ил. 3. Цензурная правка (вымарывание) на странице печатного текста

Fig. 3. Censorship by the blotting out technique on a page of the 'Polychronicon'

Вымарывание напоминает современную нам практику редактирования (в английском смысле слова *redact*, где одно из его значений — 'подготовить (юридический) документ перед его обнародованием, закрыв содержащуюся в нем конфиденциальную информацию'). Как метод идеологического цензурного вмешательства оно известно с первых лет протестантской реформации в Англии — в 1535 г. Генрих VIII утвердил статут, требующий от подданных вычеркнуть (замазать чернилами, вымарать) все упоминания папы римского в их молитвенниках:

All manner [of] ...books used in the churches, wherein the said Bishop of Rome is named of his presumptions and proud pomp and authority preferred, utterly to be abolished, eradicated, and erased out, and his name and memory to be nevermore (except contumely and in reproach) remembered, but perpetually suppressed and obscured [Smyth 2022].

Всякого рода книги, используемые в церкви, в которых упомянутый епископ римский изображен в его превосходстве, горделивой пышности и могуществе, должны быть запрещены, уничтожены и полностью вычищены, а его имя и мысли о нем впредь не должны быть поминаемы (кроме как для поношения и порицания), но [должны быть] беспрерывно угнетаемы и скрываются.

В приведенной цитате обращают на себя внимание два момента, которые очевидно представлялись составителям текста логически связанными: удаление имени папы должно было, по-видимому, обеспечить полное вытеснение его из исторической памяти и забвение.

Достигается ли таким образом цель (цензура содержания) в «Полихрониконе», одним из важнейших источников исторических знаний для англичан XVI в.? Достижима ли она в принципе для апостериорной цензуры? Можно ли ее средствами изменить представления нации о ее собственной истории? Поскольку речь идет о готовом, лексически и грамматически полностью оформленном тексте, изучение этой цензуры, по факту вторгающейся в связный текст значительного объема, требует привлечения методов анализа с позиций языковой системы и структуры текста. Для ответа на поставленный выше вопрос об эффективности такой цензуры обратимся к книге и рассмотрим контексты, подвергшиеся идеологической правке.

Вымарывания: как удалить папу римского?

Первичный просмотр этих контекстов выявил следующую картину: в результате рукописной правки в энциклопедии Хигдена намеренно скрытым от читателя (фактически для него пропущенным) оказывается одно и то же слово, обозначающее папу римского: англ. *pope*. В экземпляре вымараны практически все случаи его употребления (невymarанным оно осталось, очевидно случайно, только два раза). Все правки выглядят почти одинаково, различаются только два их варианта:

а) вымарывание длинной формы знака — на месте формы *pope*, например: *And the fyrst Vrban was xxxx after him .viii. yere* (fol. clxvi) — «А Урбан I был папой после него [в течение] 8 лет»;

б) пятизначное вымарывание (на месте формы *popes*), когда удалению подверглась:

— форма генетива: *Yn this xxxxx tyme...* (соврем. англ. «this pope's time») — «время этого папы»;

— форма плюралиса: *...he was the fyrste of all xxxxx that...* — «...он был первым из всех пап, который...».

Вымарываний других лексем или словосочетаний в книге не встречено.

Далее, при более детальном анализе мест текста, в которых произведено вымарывание, выясняется, что все многочисленные найденные в книге контексты можно разделить на 10 групп по типу синтаксических конструкций, в которых участвует удаленное слово (ниже для экономии места каждый тип представлен одним, при необходимости двумя примерами; в скобках после цитат из оригинала указана фолиация по изданию книги). Удаленное вымарыванием слово может стоять в следующих синтаксических позициях.

1. В позиции подлежащего в качестве одиночного обозначения папы: *Also the xxxx gaue the kyngdome of Scycile to Charles that was [the] ky[n]ges broder of Fraunce* (fol. cccvi) — «Также папа отдал королевство Сицилию Карлу, который был братом короля Франции».

В то же время одиночное упоминание личного имени папы остается невымаранным: *After that Sixtus was martred* (fol. clxviii) — «После этого Сикст был предан мученической смерти».

2. В составе подлежащего в сочетании с именем папы: *Xxxx Johan deyed / On hys tombe is wryten in meter* (fol. clxxxxii^v) — «Папа Иоанн скончался, и на его могиле написано стихами».

3. В составе подлежащего в распространенной конструкции: *the grete xxxxx Gregory* — «великий папа Григорий».

4. В качестве приложения при имени папы: *Therefore Eugenius the xxxx sayd that...* (fol. lvi) — «Поэтому папа Евгений сказал, что...».

Те же конструкции могут замещать место прямого дополнения.

5. Одиночная лексема в роли прямого дополнения: *...biseged Rome <...> and prysoned the xxxx* (fol. cclxv^v) — «...осадил Рим <...> и пленил папу»; ср. тип 1 с лексемой *pope* в позиции подлежащего.

6. Сочетание с именем в составе дополнения: *Constantius, great Constantin's sun <...> chaced crysten men and exiled Julius the xxxx fourteen yere* (fol. clxxiii) — «Констанций, сын Константина Великого <...> преследовал христиан и изгнал папу Юлия на 14 лет» (ср. тип 4 с таким же сочетанием в позиции подлежащего); *Pipinus axyd of the xxxx Zacharyas yf he shold be kynge* (fol. ccxviii^r) — «Пипин просил у папы Захария (соизволения) стать королем».

7. В группе дополнения в роли атрибута (приложения в постпозиции) при имени: *...he sente lettres to Elentherius the xxxx for to receyue crystendome* (fol. clxiii) — «...он послал письма папе Элентерию, чтобы получить христианство [т. е. быть посвященным в христианство]»; ср. тип 4: в позиции подлежащего.

8. Встречаются различные конструкции с артиклем:

— с нулевым артиклем: *...and xxxx Calyxtus came nygh to normandy* (fol. cclxxviii) — «...и папа Каликст подошел близко к Нормандии»;

— с определенным артиклем, см. типы 1, 6, 7.

9. В составе сказуемого с различными глаголами, например:

— с глаголом «быть»: ...[et] after hym *Lucius that was xxxx thre yere. After Lucius Stephen was xxxx thre yere...* (fol. clxvii^v) — «...а после него Луций был папой три года. После Луция папой три года был Стефан...»;

— с глагольным сочетанием «хотеть быть»: *for he wolde be xxxx h[ym]self...* (fol. clxxviii^v) — «потому что он сам хотел быть папой»;

— с глаголом *call* в форме *to be called* ‘зваться, именоваться’: ...*no xxxx was called Leon in Hyllarius tyme* (fol. clxxiiiⁱ) — «...ни один папа не звался Львом во времена Илария».

(Сочетания с другими глаголами указаны ниже среди контекстов, в которых папа изображен совершающим характерные действия, соответствующие его положению и обязанностям, см. раздел «Роль исторического контекста», пункты а — д.)

10. Пятизначные вымарывания более редки и могут быть объединены в один тип; они встречаются на месте:

— генетивных форм: *Fyll downe to the xxxxx fete and prayed* (fol. clxxxi) — «Пал ниц к ногам папы и молился»; *Whan the xxxxx Legat came in to Englonde and made a counseyle...* (fol. cclxii) — «Когда папский легат прибыл в Англию и держал совет...»;

— форм плюралиса: *In his tyme were fyue xxxxx / Theodorus. John. Benet. Leo (and) Cristofor* (fol. ccxxxi) — «В это время было пять пап: Феодор, Иоанн, Лев, Бенедикт и Христофор».

Результаты языкового анализа

Собранные данные синтаксиса, представленные выше в 10 типах конструкций, позволяют сделать следующие четыре наблюдения.

Прежде всего, оценивая визуальную узнаваемость вымаранных лексем, надо заметить, что, несмотря на разнообразие синтаксических типов, содержащих слово *pope*, они едва различаются по форме вымарывания. Одиночные четырехзначные упоминания папы (типы 1 и 5) и их пятизначные генетивные варианты (тип 10, первый пример) можно распознать по виду, но таких контекстов немного.

Гораздо больше случаев, относящихся к типам, сочетающим лексему *pope* с именем, в том числе стоящим в постпозиции (см. типы 2, 3 с артиклем при слове *pope* и тип 8 с нулевым артиклем) и в препозиции (с артиклем: типы 4; 6, первый пример; 7). Пятизначные варианты также могут сочетаться с именем (ср. тип 10, третий пример). Предикативные группы со словом *pope* тоже часто содержат имя папы; особенно частотны фразы типа «N был папой столько-то лет» (см. тип 9). Эти имена, сопровождающие, как показано, подавляющее большинство удаленных элементов, указывают на упоминаемое лицо, несмотря на скрытое слово *pope*. Напомним, что сами имена нигде не подвергались вымарыванию. Таким образом, в большинстве контекстов вымарывание не приводит к значительным семантическим потерям: в целом информация сохранена, деяния и роль римских пап в исторических событиях описаны, не указывается только титул упоминаемого лица.

Иначе обстоит дело с сохранением языковой формы — в результате удаления слова *popre* в большинстве типов их синтаксическая структура разрушается:

а) Предложения могут оказаться без подлежащего (см. тип 1), т. е. в отсутствие имени собственного получается, что в них не названо лицо, совершающее описанное действие. В примерах из типов 5, 6 и 7 вымарыванием удалено дополнение, и в результате тоже не назван важный участник события: так, в типе 5 (*prysoned the xxx*) непонятно, кто именно был пленен. В типе 9 удалена именная часть сказуемого, несущая информацию о том, какое действие совершено в описанной ситуации, т. е. и здесь тоже утрачивается важнейший в семантическом отношении член конструкции. Следовательно, в этих случаях налицо сочетанная утрата — и членов предложения, и важных частей информации, т. е. происходит разрушение синтаксиса и семантики предложения;

б) В двух случаях в результате удаления возникают содержательно понятные, но грамматически неправильные фразы; например, получается, что артикль относится к имени собственному (ср. *the xxx Zacharyas* в типе 6, второй пример; ср. также тип 4), что грамматически недопустимо. Надо сказать, что эти синтаксические аномалии, возникшие из-за стремления скрыть упоминание папы, на самом деле только привлекают большее внимание к неправильной фразе, вызывая вопрос о том, чего не хватает в высказывании и что скрыто за вымарыванием.

Наконец, в трех конструкциях, несмотря на утрату лексемы, в целом сохраняется правильная синтаксическая модель:

а) иногда отсутствие важной информационной части — упоминания титула папы — может, по-видимому, даже не ощущаться, как, например, в этих двух типах: *the grete xxx Gregory* — «великий Григорий», тип 3; *and xxx Calyxtus* «и Каликст» в типе 8;

б) тип 10 (*to the xxx fete* — «к ногам») иллюстрирует видимость синтаксической сохранности, но все же с удалением формы *popes* возникает ощутимая информационная недостаточность (к чьим ногам?).

Из изложенных наблюдений можно сделать следующий общий вывод о воздействии правки вымарыванием на синтаксический и семантический планы текста, а также о характере взаимосвязей между этими планами:

— в большинстве рассмотренных контекстов в результате удаления (вымарывания) слова *popre* несомненно пострадала, а часто разрушалась синтаксическая структура, так как утрачены подлежащее, дополнение или часть сказуемого;

— в семантическом плане это приводит к тому, что оказываются неназванными участники описанных событий, часто не указаны действия, о которых сообщается в контексте;

— вместе с тем анализ показал, что воздействие на синтаксис и степень семантической сохранности не всегда находятся в прямой зависимости друг от друга: грамматически неправильные фразы, получившиеся в результате правки (типы 4 и 6), могут не только оставаться понятными, но

даже повышать внимание и интерес к утрате, мотивируя усилия читателя догадаться, что скрыто за вымарыванием.

Роль исторического контекста

Помимо этих лингвистических выводов можно сделать важные наблюдения и о роли неязыковых, общесодержательных аспектов, которые влияют на понимание текста, подвергнутого цензурной правке. Так, следует обратить внимание на упоминания других исторических деятелей, которые наряду с именами римских пап заполняют страницы книги во множестве контекстов. Обилие имен собственных, в том числе географических названий, раскрывает общее содержание текста, создавая сюжетную рамку и служа материалом для восприятия внешнего исторического контекста. К роли, которую играет исторический контекст в условиях апостериорной цензуры, следует поэтому обратиться особо.

Дело в том, что при анализе цензурного вмешательства в текст нельзя было не заметить, что общий контекст и исторический нарратив удалены в нем далеко не полностью. К его маркерам в тексте Хигдена относятся, во-первых, имена пап, сопровождающие, как мы видели, большинство удаленных элементов. Во-вторых, контекст также поддерживается легко узнаваемым историографическим нарративом: встречаются описания известных исторических событий и процессов, упоминания других участников, стран и дат (см. выше типы 1, 2, 5, 6, 8). Так, в примере к типу 1 можно опознать папу по общей картине события: восшествию в 1266 г. на трон королевства Сицилия Карла I Анжуйского, брата французского короля Людовика IX, способствовал папа Урбан IV. Вдобавок на полях около этого пассажа есть печатное указание *Henrici tercii* («[время] Генриха III»), означающее, что события относятся к эпохе этого короля Англии (правление 1216–1272 гг.). Множество подобных исторических эпизодов, расположенных в хронологической последовательности и по географической системе, наполняют текст книги Хигдена, благодаря чему общее содержание остается понятным (для хотя бы относительно образованного читателя), несмотря на последовательное удаление запрещенной лексики.

Наконец, в-третьих, более узкие, конкретные контексты восстановимы на основе сочетаемости вымаранной лексики с другими словами высказывания. Так, нередко скрытое правкой лицо изображено совершающим действия, которые свойственны папе римскому. Этот персонаж

а) является избранным из числа прелатов: ...*[the one who] was fyrst ordeyned sholde be xxxx : or he that had the more party of the chesers to his elecc[i]on* (fol. clxxxvii) — «...[тот, кто] был рукоположен первым, должен стать папой, или же тот, кто наберет наибольшее число выборщиков в свою пользу»;

б) принимает важные церковные решения: *Also this xxxx ordeined that euery sondaye <...> Gloria in excelsis sholde be sayd att masse* (fol. clxxxvii) — «Также этот папа постановил, что каждое воскресенье во время мессы следует произносить “Gloria in excelsis”»;

в) коронует императоров: *And he was crowned att Rome of the fyfthe xxxxx Gregory* (fol. ccxli) — «И он был коронован в Риме папой Григорием V»;

г) издает папские буллы: *Also he was the fyrste of all xxxxx that called hymselfe and wrote in bulles: Seruus seruorum dei* (в книге вычеркнуто, но не вымарано) — «Он также был первым из всех пап, кто называл себя и писал (о себе. — E. C.) в буллах “*Seruus seruorum dei*”»; в этом примере указанием на папу служит специфический жанр юридического документа (папская булла) и хорошо известная в последующие эпохи формула самоназвания папы;

д) значится в папских регистрах: *This xxxxx is not rekned in the booke of popes* (fol. ccxxv^v–ccxxvi; вторая форма — *popes* — не вымарана) — «Этот папа не значится в книге пап»;

е) живет в папском дворце: *There is a nother sygne [and] token before [the] xxxxx palays an horse of bras [and] a man syttyng theron [and] holdeth his righte honde as though he spake to the peple [and] holdeth his brydell in his lyfte honde...* (fol. xxiii) — «Перед папским дворцом есть еще один символ и знак: бронзовый конь и человек, сидящий на нем с поднятой рукой, словно обращаясь к народу, а в левой руке держащий узду». В этом описании «символа и знака» имеется в виду бронзовая статуя императора Марка Аврелия, стоявшая тогда перед Латеранским дворцом в Риме, служившим с IV до начала XIV в. резиденцией римских пап.

В этих контекстах на папу римского указывает лексическая сочетаемость вымаранного слова с характерными глаголами (*to ordain / to be ordained* ‘посвящать / быть посвященным в сан’, *to crown* ‘короновать’), обозначениями атрибутов его статуса (*wrote in bulles* — «писал в буллах»; *not rekned in the booke of popes* — «не упомянут в списке пап»). Замалчиваемый персонаж даже изображается в месте своего постоянного пребывания — папском дворце (*palays*) — с указанием точных ориентиров.

Все это говорит о том, что, несмотря на цензурную правку, в тексте легко узнается исторический нарратив, в целом знакомые контексты исторических событий и процессов. Это сочетание общей историографической канвы и конкретных исторических эпизодов обычно рассматриваются как два контекстных уровня, исторический и ситуативный, благодаря которым возможно восстановление удаленной информации. Роли контекста в сохранении семантической информации при утрате элементов формы отводится важное место в лингвистической теории. Обратимся к некоторым ее положениям, касающимся темы данной работы.

Теория: эллипсис и цензура

Проблеме сохранности семантики высказывания (сообщаемой в нем информации) в зависимости от целостности или, напротив, усеченности его формы уделяется много внимания в лингвистике, где для описания подобных случаев используется понятие эллипсиса⁶. Существуют различ-

⁶ Из обширной научной литературы по теории эллипсиса см., например: [ЛЭС: 592 (ст. Ю. А. Бельчикова «Эллипсис»); Galperin 1977: 231–233; Ortnier 2012; Merchant 2019].

ные формы эллипсиса, но их общей чертой является опущение слова в высказывании⁷. В устной речи эллипсис возникает спонтанно и даже является ее нормой [Galperin 1977: 231–232], но в других случаях он может применяться намеренно и служить для устранения повторов, придания высказыванию динамичности, в качестве стилистического приема и т. д.

Согласно теории, утрата или опущение каких-то элементов в результате эллипсиса может не нарушать понимания всего высказывания. Напротив, пропущенный элемент легко восстанавливается, при этом в структурно-языковом плане для успешного восстановления необходимо наличие в тексте антецедента, на синтаксис которого и/или на содержащуюся в нем лексику опирается домысливание синтаксической и лексической формы пропущенного элемента [Williams 1995: 572]. Значит, эллипсис может быть намеренным, но его целью не является сокрытие содержания. Этим языковой эллипсис отличается от цензуры, призванной устранить информацию, в идеале сделав ее невозстановимой.

В подвергнутом правке тексте «Полихроникона», как мы видели, отсутствует лексический антецедент, так как лексема «папа» удалена везде (если не считать двух случайно пропущенных употреблений). Также затруднена и узнаваемость синтаксических характеристик вымаранного слова в силу отмеченного нами разрушения многих синтаксических конструкций, а также в силу общего состояния английской грамматики в данную эпоху. Дело в том, что свертывание флективных средств языка в это время уже достигло той степени, когда нельзя, например, быть уверенным, что вымаранное слово является существительным, а не прилагательным (см. типы 2, 3, 6, 8, 9, 10).

Однако в теории встречается и более расширенное понимание антецедента, когда вместо лексемы в качестве опоры для восстановления служит семантика в целом: восстановление пропущенной информации возможно и по семантическому сходству (а не обязательно по синтаксическому) [ЛЭС: 592 (ст. Ю. А. Бельчикова «Эллипсис»)]⁸. В этом случае речь идет о пропуске «компонента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста»; такой — контекстуальный — эллипсис [Там же] восстанавливается на основе общей, внеязыковой (экстралингвистической) информации. Цензурные пропуски, сделанные в «Полихрониконе»,

⁷ Понятие эллипсиса известно филологии и риторике с античных времен; в раннесредневековой науке определение этого явления можно встретить у Исидора Севильского: «Эллипсис (eclipsis) — это неполное выражение, в котором недостает необходимых слов» (Этимологии. Кн. I: О грамматике. XXXIV: О пороках речи, 10 [Исидор 2020: 299]). В аналогичном смысле эллипсис трактуется на протяжении уже многих столетий; в том числе и Западной Европе времен Генриха VIII (XV–XVI вв.) хорошо знакомо это риторическое явление.

⁸ Аналогично в западной теории, ср.: «...elided material (call it XP_E) must be identical <...> to some antecedent phrase (YPA), where the identity <...> may be semantic or syntactic, or some mix of the two» («...опущенный материал (назовем его X = фраза эллипсиса) должен быть идентичен <...> антецедентной фразе (Y = фраза антецедента), причем идентичность <...> возможна в плане семантики или синтаксиса, или же в сочетании того и другого») [Merchant 2019: 21].

тоже, как мы видели, не обеспечивают сокрытия информации: общее понимание текста возможно благодаря наличию внеязыковых семантических опор — общего исторического и конкретного ситуативного контекстов. Более того, опущение системного элемента рассматривается в языковой теории как значимое отсутствие, как определенный знак, ср. хотя бы название посвященной этому аспекту эллипсиса главы «Эллипсис как знак» (*Die Ellipse als Zeichen*) в книге Г. Ортнера [Ortner 2012: 86–130]. Значит, в случаях, когда в результате цензурного удаления возникают синтаксически аномальные сочетания, информация не оказывается полностью удаленной; напротив, такие аномалии, отмеченные и в «Полихрониконе», сигнализируют о значимой утрате, и читатель стремится угадать ее смысл.

Сопоставление этих положений теории эллипсиса с результатами анализа правок в тексте «Полихроникона», проведенного в структурном аспекте (анализ синтаксических конструкций и лексической сочетаемости), а также в тексто-семантическом (контекстном) аспекте, показало, что принятые в книге цензурные меры носят характер языкового эллипсиса. С ним их сближают, с одной стороны, намеренное сокрытие единиц текста и недостаточность информации. Цензурной правкой устранены лексические и синтаксические антецеденты, которые при эллипсисе послужили бы восстановлению утрат. С этой точки зрения расчет введенной Генрихом VIII цензурной меры кажется верным на первый взгляд: предписанное в статуте полное устранение всех упоминаний папы важно для ее эффективности.

С другой стороны, у вымарываний сохраняется важная характеристика эллипсиса, противоречащая цели цензуры: это восстанавливаемость содержания по контекстам разного уровня (от конкретно-ситуативного до общего исторического). В итоге цензурное вымарывание не обеспечивает полного сокрытия нежелательной информации: она, как можно было убедиться, вполне «прочитывается». Это говорит о том, что методом цензурного эллипсиса, примененного в экземпляре «Полихроникона» из РГБ, невозможно было добиться полного устранения нежелательной информации (упоминания папы римского), даже несмотря на то что удаление вымарыванием не оставило лексических элементов для восстановления пропущенного слова.

Цели и мотивы

На основе нашего исследования можно сделать предположение, что мишенью предпринятой цензуры методом blotting out была не столько историческая информация в целом, сколько упоминание одного церковного должностного лица. Однако, как показал анализ, этим методом не достигается и надежное устранение информации о папе римском. К нашим выводам можно добавить мнение упомянутых выше библиофилов, которые, оценивая оптический эффект вымарывания, отрицают его действенность как способа стереть факты из исторической памяти. Напротив, он «превращает само это вымарывание в имя, а удаления (в оригинале *redactions*. — *E. C.*) — в их противоположность, в способ выделения,

сама же книга становится местом не забвения, а сохранения его в памяти» [Fleming 2011: 76].

В то же время в указе Генриха VIII категорически требовались неукоснительное подчинение приказу и удаление в книгах всех упоминаний запрещенной лексики. Причем выполнение этого предписания должно было контролироваться, а выявленное непослушание караться штрафом. В эдикте приказано:

...that then euerie person or persons, hauinge anye bibles or newe testamentes with any such annotacions or preambles, shall before the sayd first day of Octobre, cutte or blotte the same, in such wise, as they cannot be perceiued nor red, vpon payne to lose and forfeite for euerie bible and newe testament that any person or persons shall have in their handes or custodie, after the sayd first daie of Octobre <...> contrary to this acte xls [Dore 1888: 130; Brewer, Gairdner 1885: 324 (Nr. 848 (1535. 9 une. The Pope))].

...чтобы всякий человек, имеющий у себя Библии или книги Нового Завета, содержащие подобные упоминания или вступительные пояснения, до наступления упомянутого первого дня октября вырезал или вымарал оные, таким образом, чтобы их невозможно было прочесть или понять, под угрозой наказания лишением за каждую Библию и каждый Новый Завет, находящийся в руках или на хранении у всякого человека, после упомянутого первого дня октября <...> в нарушение этого указа [в сумме] 40 шиллингов.

Если, как мы убедились, выполнение главного условия («чтобы их невозможно было прочесть или понять») было невозможным, то какой смысл имела эта цензурная кампания, как и все усилия по ее осуществлению? Очевидно, ее смыслом было само по себе требование короля: чтобы его подданные подтвердили свое послушание независимо от явной абсурдности главного условия. Принимая во внимание упоминавшуюся выше непоследовательность религиозных реформ Генриха VIII в сочетании с преобладавшими в XVI в. светскими, политическими мотивами властей, введивших цензурные меры, можно допустить, что настоящей целью цензурной техники вымарывания (blotting out) в отношении упоминаний папы римского было не столько искоренение католических идей и понятий в жизни подданных, сколько принуждение к демонстрации послушания, воспитание покорности в духе знаменитого романа, столетия спустя давшего формулировку этой стратегии подчинения двоемыслием, при которой «свобода — это рабство, незнание — сила»⁹.

⁹ Ср. там же: «...to be conscious of complete truthfulness while telling carefully constructed lies <...> To tell deliberate lies while genuinely believing in them, to forget whatever it was necessary to forget, then to draw it back into memory again at the moment when it was needed» [Orwell n. d. (Pt. 1, chap. 3; Pt. 2, chap. 9)] (в пер. В. П. Голышева: «...верить в свою правдивость, излагая обманную ложь <...> Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился»).

Источники

- Исидор 2020 — *Исидор Севильский*. Этимологии. Книга I: О грамматике / Пер. с лат. и примеч. А. Гараджи // ESSE: Философские и теологические исследования. Т. 5. № 1/2. 2020. С. 259–322.
- Brewer, Gairdner 1885 — Letters and papers, foreign and domestic, Henry VIII / Ed. by J. S. Brewer, J. Gairdner. Vol. 8: January — July 1535. London: Longmans, 1985. [Quoted from URL: <https://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol8/pp325-345>].
- Dore 1888 — *Dore J. R. Old Bibles: An account of the early versions of the English Bible*. [London]: Eyre and Spottiswoode, 1888.
- Orwell n. d. — *Orwell G. Nineteen Eighty-Four* // Orwell.ru. URL: <https://www.orwell.ru/library/novels/1984/english>.

Словари

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

References

- Fleming, J. (2011). *Graffiti and the writing arts of Early Modern England*. Reaktion Books.
- Galperin, I. R. (1977). *English stylistics*. Higher School.
- Juhász, G. (2002). Translating resurrection: The importance of the Sadducees' belief in the Tyndale-Joye controversy. In R. Bieringer, V. Koperski, & B. Lataire (Eds.). *Resurrection in the New Testament: Festschrift J. Lambrecht* (pp. 107–121). Leuven Univ. Press.
- Klemperer, V. von, Rath, E. von, & Haebler, K. (Eds.) (1927). *Frühdrucke aus der Bücherei Victor von Klemperer* (n. p.).
- Mahler, K. (1997). *Eduard Schmelzkopf und die Zensur: niederdeutsche Lyrik und politische Ausrichtung eines Braunschweiger Vormärzdichters*. Verlag für Regionalgeschichte.
- MacKenzie, C. A. (1999). Theology and the great tradition of English Bibles. *Concordia Theological Quarterly*, 63(4), 281–300.
- Merchant, J. (2019). Ellipsis: A survey of analytical approaches. In J. van Craenenbroeck, & T. Temmerman (Eds.). *The Oxford handbook of ellipsis* (pp. 19–45). Oxford Univ. Press.
- Ortner, H. (2012). *H. Die Ellipse: ein Problem der Sprachtheorie und der Grammatikschreibung*. Walter de Gruyter.
- Pollard, A. W. (Ed.) (1911). *Records of the English Bible, the documents relating to the translation and publication of the Bible in English, 1525–1611*. Oxford Univ. Press.
- Smyth A. (2022, June 2). Blotting out. *Text!* <https://adamsmyth.substack.com/p/blotting-out>.
- Squires, C. (forthcoming). English incunabula in the Russian State Library, Moscow, and their 20th-century history.
- Williams, E. (1995). *Indices and identity*. By Robert Fiengo and Robert May. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. Pp. 315. *Language*, 71(3), 572–576.

* * *

Информация об авторе

Екатерина Ричардовна Сквайрс

*доктор филологических наук
главный научный сотрудник, Музей
книги (Научно-исследовательский
отдел редких книг), Российская
государственная библиотека
Россия, 119019, Москва,
ул. Воздвиженка, д. 3/5
профессор, кафедра германской
и кельтской филологии,
филологический факультет,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Россия, ГСП-1, 119991, Москва,
Ленинские горы
✉ skvayrs@gmail.com*

Information about the author

Catherine R. Squires

*Dr. Sci. (Philology)
Principal Researcher, Museum of Book,
Russian State Library
Russia, 119019, Moscow, Vozdvizhenka
Str., 3/5
Professor, Chair for Germanic and Celtic
Philology, Philological Department,
Lomonosov Moscow State University
Russia, GSP-1, 119991, Moscow,
Leninskie Gory
✉ skvayrs@gmail.com*

С. Ю. Королёва^а

<https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

✉ petel@yandex.ru

М. А. Тихонова^а

<https://orcid.org/0000-0001-9198-2705>

✉ novatikho@gmail.com

^а Институт славяноведения РАН (Россия, Москва)

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В РУКОПИСНЫХ ПОМИНАЛЬНЫХ ТЕТРАДЯХ (ТРАДИЦИЯ РУССКО- КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ПОГРАНИЧЬЯ)

Аннотация. Духовные стихи нередко включаются в сферу похоронно-поминальной обрядности. Одна из тенденций их современного бытования — перевод «звучащих» произведений в письменную форму. Дискуссионным остается вопрос, могут ли поминальные тетради обладать таким выраженным своеобразием, которое позволяло бы говорить о наличии особых локальных или региональных рукописных традиций. В статье описываются современные рукописные сборники, функционирующие в зоне активных русско-коми-пермяцких контактов. Материалом послужили 29 собраний, из которых подробно анализируются пять. Специфика поминальных тетрадей проявляется в типичном наборе духовных стихов, сопутствующих жанрах, выборе заглавий, допустимых формах записи (в столбик / в строку). Большая часть сборников включает не только духовные стихи, но и молитвы, становясь своего рода вернакулярными молитвословами. В коми-пермяцких тетрадях чаще, чем в русских, происходит расширение традиционного набора стихов за счет новых и новейших. Типичные названия стихов включают указание на жанр, на место в обряде, на основных персонажей, на первую строчку или ее ключевое слово. Элементы письменной формы приобретают собственное дополнительное содержание, становятся конвенциональными и воспроизводятся внутри локальных сообществ.

Ключевые слова: Коми-Пермяцкий округ, славяно-неславянское пограничье, похоронно-поминальный обряд, духовные стихи, поминальная тетрадь, современная рукописная традиция

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, проект «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484>).

Для цитирования: Королёва С. Ю., Тихонова М. А. Духовные стихи в рукописных поминальных тетрадях (традиция русско-коми-пермяцкого пограничья) // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 128–162.

Поступило 23 ноября 2023 г.; принято 4 июня 2024 г.

S. Yu. Korolyova^a

<https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

✉ petel@yandex.ru

M. A. Tikhonova^a

<https://orcid.org/0000-0001-9198-2705>

✉ novatikho@gmail.com

^a *Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

SPIRITUAL VERSES IN HANDWRITTEN MEMORIAL NOTEBOOKS (TRADITION OF THE RUSSIAN-KOMI-PERMYAK BORDERLAND)

Abstract. Folk religious poetry is quite often included in the sphere of funeral and memorial rites. Singers of spiritual verses often write them down in special “memorial” notebooks, which they use during performances. There is a controversial issue that has not yet been resolved. Do written collections existing in different territories display such a noticeable originality that would allow us to assert the presence of special local or regional manuscript traditions? In this article, the author characterizes memorial notebooks that arose in the Middle Urals, in the zone of active Russian-Komi-Permyak contacts, where Russian-Yurlinians and Kochev Komi-Permyaks live. A collection of 29 manuscripts serves as our material, of which 5 are analyzed in detail. The specificity of memorial notebooks is manifested in a typical set of spiritual poems, accompanying genres, choice of titles, acceptable forms of writing (with or without division into poetic lines), etc. Most of these handwritten notebooks include not only spiritual verses, but also prayers, essentially becoming “vernacular prayer books”. Typical poem titles include a mention of genre; indicate a place in the ritual; name the main characters; repeat the first line or its keyword. In Komi-Permyak notebooks, more often than in Russian ones, the traditional set of poems is expanded by including new verses. The “horizontal” organization of the text here becomes one of two conventional ways of writing spiritual verses. Elements of the written form acquire additional content, they become conventional and are reproduced within the community.

Keywords: Komi-Permyak District, Slavic-non-Slavic borderland, funeral and memorial rites, spiritual verses, handwritten memorial notebook, contemporary manuscript tradition

Acknowledgements. This paper was financially supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00484, “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage” (<https://rscf.ru/project/22-18-00484>).

To cite this article: Korolyova, S. Yu., & Tikhonova, M. A. (2024). Spiritual verses in handwritten memorial notebooks (tradition of the Russian-Komi-Permyak borderland). *Shagi / Steps*, 10(3), 128–162. (In Russian).

Received November 23, 2023; accepted June 4 2024

Название «поминальная тетрадь» не является общепринятым, однако оно вполне понятно тем, кто занимается современной рукописной традицией. «Тетрадошки» с молитвами и текстами других жанров — важный атрибут ритуальных специалистов¹ (*читальщиц, читалок, богомолок, молелок, монашек, певчих, старушек, бабушек, попов* и т. п.) — пожилых людей, помогающих осуществлять похороны, поминовения и иные обряды [Данченкова 2003: 187–192; Пашина 2008: 40–41; Карвале́йру 2012: 599–601]. В подборках религиозных текстов, которые они для себя составляют, встречаются и духовные стихи.

Включение этого жанра в обрядовую сферу, связанную со смертью и поминовением, известно как минимум с XIX в., при этом постепенное расширение жанровых функций, по-видимому, началось еще раньше [Косятова 2012: 15–17; Мурашова 2020: 187–188, 225; Юровская 2022: 28]. Процесс активизировался в советское время, когда с помощью песен религиозного содержания компенсировались вынужденное отсутствие или значительная редукция собственно церковной составляющей в обряде. Исполнение духовных стихов во время похорон и поминовений зафиксировано во множестве регионов: в Поволжье [Сверлова 2006; Твердохлеб 2017: 116–177], на Урале [Никитина 1982: 119; 1993: 254; 2013: 47; Поздеева 2007: 26; Юровская 2017 и 2022], в Сибири [Жимулева 2008]². Во второй половине XX — начале XXI в. широкое распространение получили запись внебогослужебных духовных текстов и их пение в ходе обряда «по тетрадам». Такой способ сохранения и исполнения стихов известен коренному населению Полесья [Никитина 1993: 250, 254; 2013: 211–212; 2014: 58], жителям Смоленщины [Ивашина 2009; Панова, Теплова 2020: 5–6], калужско-брянского пограничья [Косятова 2012: 19–20, 27], Вологодской, Костромской [Кулев, Балакшина 2000: 5–9, 65–67; Кувшинская, Заикина 2022: 8, 11; 2023: 272–273, 284–288, 300], Владимирской, Саратовской, Нижегородской и Ульяновской областей [Ипполитова 2008:

¹ В научной литературе используются близкие понятия «сакральный специалист» и «религиозный специалист» [Левкиевская 2020: 215, 217], в англоязычной этнологии — «народный православный специалист» (folk Orthodox specialist) [Leete, Koosa 2023: 18]. С некоторыми оговорками можно говорить о фигуре ритуальных специалистов и применительно к старообрядческим общинам, прежде всего беспоповским, см. о таких личностях и их роли в сообществе: [Никитина 2013: 19, 27–29; Мурашова 2020: 146].

² По наблюдениям Е. В. Воронцовой, это чаще происходит на нестарообрядческих территориях и там, где старообрядческие традиции подверглись существенной эрозии [Воронцова 2015: 58].

82–83; Фадеева 2004: 372–373; Чадаева 2018: 148; Левкиевская 2018; 2023; Храмова 2008; Карвалейру 2012], Южного Урала [Рожкова 2012], Алтая [Сигарева 2018]. Практикуют его коми старообрядцы и православные на Верхней Вычегде, где народная религиозная лирика бытует на русском и коми языках [Чувьуров 2003; Прокуратова 2018: 459, 461]. Перевод звучащих произведений в рукописную форму является, таким образом, одной из ярко выраженных тенденций современного функционирования духовных стихов. На некоторых территориях этот процесс в разной степени продолжает традицию использования старинных рукописных и более поздних печатных стиховников (стихарников)³. Там же, где они отсутствовали, возникновение рукописных форм происходит как бы «с нуля» и, по-видимому, опирается на другие культурные модели. Перевод звучащего текста в письменный происходит тем естественнее, что духовный стих и по своей поэтике, и по функциям сохраняет тесную связь с церковно-книжными формами культуры. Это позволяет считать его одним из «полуписьменных» жанров [Косятова 2012: 20].

Обращаясь к современному письменному функционированию стихов (в том числе вне связи с похоронно-поминальным обрядом), исследователи отмечают его неравноценность звучащим произведениям. Записанные тексты неизбежно утрачивают такие параметры исполнения, как тембр, интонация, жесты, мимика и т. п. [Никитина 2014: 32; Сигарева 2018: 117–118]. В то же время рукописные формы содержат определенный «прирост» информации, однако касается она иных аспектов традиции. Записи, сделанные исполнителями для внутреннего использования, могут дать представление о постепенной трансформации языка старообрядческой письменности (в том числе в иноэтничном окружении [Потехина и др. 2010]); о составе рукописных собраний, где духовные стихи разных типов соседствуют с другими жанрами [Никитина 1993: 247–248; Ипполитова 2008; Воронцова 2015: 78–79, 84; Левкиевская 2018; Мороз 2022; Кувшинская, Заикина 2023: 284–299]; о принятом способе изготовления самодельных сборников [Сигарева 2018: 118–119] и их разновидностях [Мурашова 2005: 242]. Свою динамику имеет оформление рукописных стихарников, в частности характер рамочных элементов и наличие вставных жанров. Так, в первой трети XX в. на Русском Северо-Западе в сборниках духовных стихов обнаруживается влияние девичьих альбомов, которое затем сходит на нет [Мельников 2022]⁴. Очевидно, что принятые / допустимые в том или ином сообществе способы оформления письменных собраний песенного религиозного фольклора постепенно трансфор-

³ В разных регионах сборники духовных стихов могут называться как *стиховники*, так и *стихарники* [Никитина 2013: 100; Мурашова 2005: 241; Мельников 2022: 75]. Мы используем второе наименование, поскольку в традиции юрлинцев, о которой пойдет речь, есть лексемы *стихарничать*, *стихарить* — см. далее.

⁴ Единичные рифмованные концовочные формулы и шуточные приписки встречаются в рукописных сборниках псалмов и духовных стихов уже в середине XVIII в. [Бахтин 1996: 152].

мируются. Однако этот аспект лишь сравнительно недавно попал в поле зрения исследователей.

В соотношении устного и письменного функционирования духовных стихов есть и другие не вполне проясненные моменты. К их числу относится вопрос о том, могут ли письменные собрания, бытующие на определенных территориях, обладать таким выраженным своеобразием, которое позволяло бы говорить о наличии особых локальных или региональных рукописных традиций. Авторитетный исследователь духовных стихов С. Е. Никитина в работе 1993 г. высказывает предположение, что «письменная форма <...> не переходит в письменную традицию», поскольку трансмиссия духовных стихов продолжает осуществляться устным путем («записывают “для памяти”, но учат “с голоса”») [Никитина 2014: 32]). Там, где сохраняется устное исполнение народной религиозной поэзии, ее письменные формы, действительно, функционируют как дополнительные⁵. Однако на территориях с интенсивным бытованием рукописных поминальных «тетрадошек» эти дополнительные и/или вторичные формы могут приобретать ряд характерных особенностей, отличающих их от рукописных сборников других регионов. В таких случаях локальные / региональные традиции будут различаться не только «звучащими» духовными стихами, но и их письменными репрезентациями.

Параметры, по которым исследователи могут сопоставлять рукописную составляющую разных традиций, нуждаются в уточнении. Очевидно, что специфика «тетрадошек» проявляется в типичном наборе духовных стихов, сопутствующих жанрах, выборе заглавий, допустимых формах записи (с разделением на строки или без него), графических элементах и т. д. На сегодняшний день с этой точки зрения полнее всего рассмотрены рукописные традиции Смоленщины [Ивашина 2009: 115–119; Панова, Теплова 2020: 5–6] и еланско-терсянского украинского анклава в Нижнем Поволжье [Левкиевская 2023: 252–255]. В этой статье мы также сфокусируемся на особенностях письменного бытования духовных стихов и охарактеризуем поминальные тетради, принадлежащие одной из традиций Среднего Урала. Она сформировалась в Северном Прикамье, в зоне активных русско-коми-пермяцких контактов. Усложненная природа этой традиции делает ее особенно интересной для исследования, так как позволяет выявить некоторые дополнительные явления, возникающие в контактных зонах.

Ареал и материал исследования

Духовные стихи зафиксированы в различных частях Пермского края. Самый известный специалистам ареал — территория старообрядцев Верхнего Камья (см. о ней: [Никитина 1982: 112–121; 1993: 253–254; 2013; Поздеева 2007] и др.). Существует, однако, и другой очаг интенсивного бы-

⁵ Но они становятся основными, когда духовные стихи перестают петь, см. об одной из таких ситуаций: [Фадеева 2004: 369–374].

тования жанра. Он включает граничащие друг с другом Юрлинский и Кочёвский районы Коми-Пермяцкого округа. Традиция эта не упоминается в обобщающих работах о духовных стихах, что несколько неожиданно, поскольку она до сих пор является живой, а часть собранных материалов опубликована. Стихи русских-юрлинцев включены в три сборника [Бахматов и др. 2003: 150–206; 2008: 371–418], в том числе с нотацией [Успенская 2009]⁶. Издание русскоязычного религиозного фольклора кочёвских коми-пермяков представляет собой подборку текстов, в основном извлеченных из рукописных тетрадей [Четина, Роготнев 2010: 189–223]⁷; в 2023 г. появилась нотированная публикация пяти звучащих кочёвских духовных стихов [Жуланова 2023: 237–244].

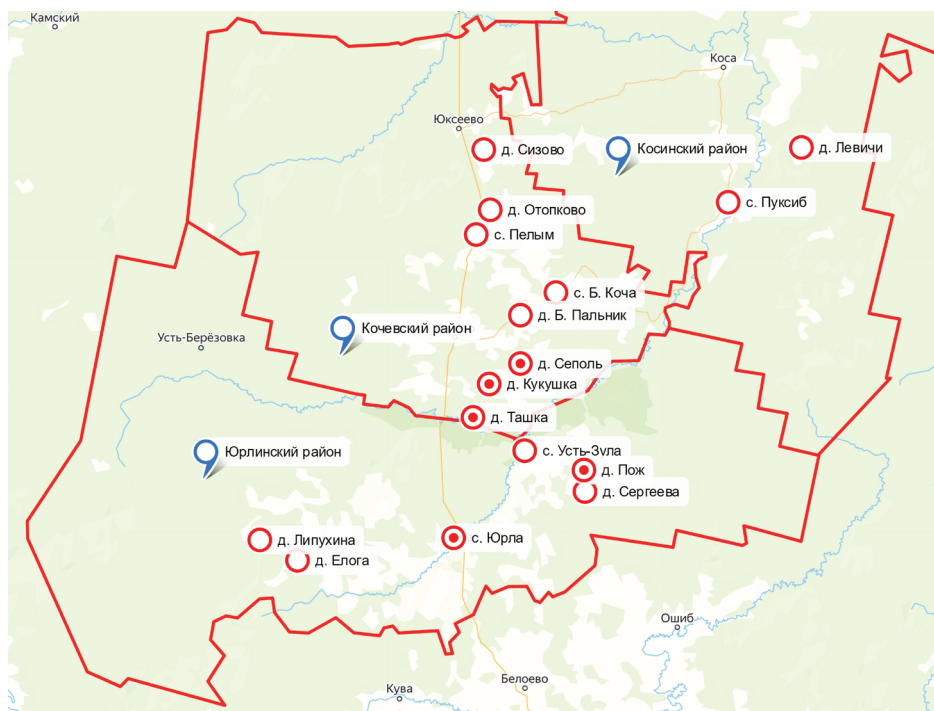
Кратко охарактеризуем ареал распространения интересующей нас традиции (см. ил. 1). На формирование юрлинско-кочёвского пограничья как особой контактной зоны повлиял ряд факторов. Русские заселили эту территорию в XVII–XVIII вв. Компактно разместившись на территории современного Юрлинского района, они оказались в окружении инокультурных и иноязычных соседей-автохтонов — южных и северных коми-пермяков. «Островное» положение превращает сохранение архаичных культурно-языковых элементов в способ самоидентификации (при неизбежной интерференции соседствующих культур) [Плотникова 2016: 5–14; Левкиевская 2019: 518–520]. Все это справедливо и по отношению к русским-юрлинцам, с той оговоркой, что в их случае традиция культурного и языкового меньшинства была авторитетной и активно заимствовалась коми-пермяцким окружением [Черных 2013]. Заимствования эти, однако, распределялись неравномерно. Этномузыковед Н. И. Жуланова обнаружила, что фольклорные и обрядовые элементы мигрировали лишь в одну сторону — с юга на север, от русских-юрлинцев к кочёвским коми-пермякам, в то время как на южной границе «русского острова» этот процесс почти не развивался⁸. В результате при наличии четкого этнического и языкового рубежа «культурная граница» между юрлинцами и кочёвцами оказалась размыта: «Ряд деревень юрлинско-кочёвского пограничья (Усть-Зулинский с/совет Юрлинского района и Сепольский с/совет Кочёвского района) вместе образуют <...> переходную зону, где различия между репертуаром и стилем коми-пермяцких и русских носителей совсем незначительны» [Жуланова 1995: 82–83]. Выявленная тенденция

⁶ В сборник 2003 г. включено 35 текстов, в сборник 2008 г. — 45 записей юрлинских духовных стихов (новых и публикуемых повторно), некоторые из них отнесены составителями к причетам; в издании 2009 г. приведен 21 стих.

⁷ Письменную форму бытования имеет 21 из 25 опубликованных стихов.

⁸ Причины носили социально-экономический характер: южные (иньвенские) коми-пермяки были крепостными, тогда как юрлинцы и кочёвцы — государственными крестьянами, смешанные браки между ними не имели препятствий. Кроме того, Кочёвская и Юрлинская волости входили в один уезд — Чердынский [Бахматов и др. 2003: 6].

распространяется и на духовные стихи, бытующие здесь исключительно на русском языке в устной и письменной формах⁹.



Ил. 1. Ареал функционирования рукописных поминальных тетрадей

Fig. 1. Area of functioning of handwritten memorial notebooks

Важным фактором, способствующим развитию и сохранению этого жанра, является влияние старообрядческой культуры. На интересующей нас территории оно тоже ощутимо. В конце XIX в. в трех русских волостях — Юрлинской, Усть-Зулинской и Юмской — вместе с православными проживали единоверцы и старообрядцы [Бахматов и др. 2003: 13–14; Голева 2019]. Сегодня в Юрлинском районе сохраняется небольшой куст

⁹ В 2000-е годы Е. М. Четина и И. Ю. Роготнев зафиксировали бытование циклов духовных стихов в ряде сел и деревень Кочёвского района (Отопково, Пелым, Кочёво, Кышка, Сеполь, Кукушка, русская деревня Ташка; две последних деревни, расположенные ближе всего к границе с русским Юрлинским районом, специалисты считают основным «перевалочным» пунктом, через который русскоязычные духовные стихи распространялись среди северных коми-пермяков). Выяснилось, что по мере продвижения на север традиция подвергается редукции: в рукописных тетрадях из д. Отопково содержится уже меньше стихов, чем непосредственно на границе районов, в том числе отсутствует принципиально значимый для местной поминальной обрядности стих на сбор «котомочки» для умершего, которую подают как милостыню в 40-й день со дня смерти человека [Четина, Роготнев 2010: 216–217].

деревень (с центром в д. Дубровке), жители которых идентифицируют себя как староверов. В Кочёвском районе *кержаками* считали жителей Кукушки, Сеполя и других деревень, часть сведений о проживании здесь старообрядцев и единоверцев подтверждается документально [Голева 2019: 50, 53]. В целом же «старообрядческий след» в разной мере виден на территории практически всего Юрлинского и значительной части Кочёвского районов.

Развитую рукописную традицию исследователи обычно связывают именно с влиянием старообрядческой культуры, представители которой отличались более высокой степенью грамотности и нередко владели религиозными книгами, в том числе сборниками духовных стихов [Ипполитова 2008: 81; Рожкова 2012: 288]. Однако применительно к обследованной нами территории это утверждение оказывается несколько проблематичным. Ни в известных нам публикациях¹⁰, ни в наших полевых материалах пока не обнаружено упоминаний о том, что в юрлинско-кочёвском пограничье бытовали старообрядческие стихарники. Более того, именно в старообрядческом кусте юрлинских деревень отсутствует практика записи духовных стихов в тетради: там они продолжают исполняться по памяти. Хотя количество письменных собраний, выявленных в разных частях двух районов, заметно различается, эта разница, по-видимому, не связана напрямую с влиянием старообрядчества и имеет другую причину¹¹.

Наши полевые исследования, проведенные в Коми-Пермяцком округе в 2022–2023 гг., подтвердили наблюдения Н. И. Жулановой о характере распространения русскоязычного фольклора на юрлинско-кочёвском пограничье, а также позволили выяснить актуальное состояние похоронно-поминального фольклора. Специальное внимание было уделено функционированию рукописных поминальных тетрадей. Сбор сведений о них осуществляется сотрудниками Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Пермского государственного национального исследовательского университета с 2013 г., к настоящему времени в архиве содержатся фотокопии 29 рукописных собраний (тетрадей и разрозненных записей)¹². Из них 10 собраний относится к традиции юрлинцев, 17 — кочёвцев, еще два выявлено у косинских коми-пермяков. Общий корпус рукописных духовных стихов включает более 440 текстов.

Исследуя паралитургическую традицию украинского анклава в Саратовской области, Е. Е. Левкиевская [2018 и др.] использует для обозна-

¹⁰ Исследования начала 1980-х годов не выявили на этой территории никаких печатных и рукописных старообрядческих книг [Жуланова 2023: 228].

¹¹ Предполагается, что традиция коми-пермяцкого внебогослужебного пения могла быть связана с влиянием женского монастыря, существовавшего в с. Большая Коча [Жуланова 2023: 218]. Монастырь действительно мог сыграть свою роль в распространении религиозного фольклора. Однако нужно заметить, что очаг наиболее интенсивного функционирования духовных стихов располагается на 20 км южнее — в деревнях и селах на границе районов.

¹² Учесть все тетради с духовными стихами, имеющиеся в конкретном семейном архиве, не всегда возможно. Часть записей может храниться на отдельных листах. Поэтому мы считаем за одно собрание все письменные тексты, принадлежащие одному владельцу.

чения рукописных сборников с духовными стихами и молитвами вернакулярный термин «отпевальная» *тетрадь*. Характер юрлинско-кочёвской традиции заставил нас искать альтернативное обозначение. По отношению к домашней литии и панихиде здесь не используется термин *отпевание*, а тетради не именуются *отпевальными*; считается, что собственно церковное отпевание нельзя заменить, поэтому его стараются осуществить хотя бы заочно — иногда спустя значительное время после погребения. Стихи сейчас не исполняются во время бдения над умершим. Они звучат в день похорон и затем гораздо более активно исполняются в ходе обрядов поминального цикла. По этой причине мы называем используемые здесь рукописные тетради поминальными.

В ряде сел и деревень, где имелись или все еще имеются рукописные сборники, традиция пения духовных стихов постепенно угасает (таковы коми-пермяцкие деревни Кукушка, Кышка, Большой Пальник, русские село Усть-Зула, деревни Дубровка и Васькова) либо совсем исчезла (русская деревня Ташка). Действующие микролокальные центры бытования народной религиозной поэзии не всегда одновременно являются очагами функционирования рукописных тетрадей. Неожиданно для нас письменные формы не обнаружили в старообрядческом кусте деревень, где группа пожилых женщин до недавнего времени исполняла полный цикл песенного похоронно-поминального фольклора; в русской деревне Пож, известной своим обширным и устойчивым репертуаром, выявлена пока лишь одна активно используемая тетрадь.

Полевой выезд 2023 г. позволил охватить более 20 населенных пунктов¹³ и обнаружить актуальные центры рукописной традиции: на русской территории это с. Юрла, на коми-пермяцкой — с. Большая Коча, деревни Отопково и Сеполь (в двух последних письменные формы стихов бытуют особенно интенсивно). Были также уточнены границы ареала. На сегодняшний день севернее кочёвского с. Юкеево традиция исполнения стихов затухает или отсутствует. Значимые элементы похоронно-поминального обряда, которые ими обслуживаются (сбор на 40-й день со дня смерти «котомочки» для умершего), там редуцируются или исчезают. Нет их и в соседнем Косинском районе, где в рукописной форме бытуют фольклоризованные поминальные молитвы, а стихи представлены буквально единичными текстами позднего происхождения.

Сформированная в результате выездов коллекция — интереснейший материал для исследования. Но поскольку проанализировать весь корпус сразу не представляется возможным, в этой статье мы сосредоточились на «контрольной» его части — пяти рукописных собраниях, включающих

¹³ Кроме авторов статьи в полевом выезде 2023 г. участвовали Е. М. Матвеева, Ю. А. Шкураток, М. А. Брюханова, А. В. Королёв, Е. В. Юсупова, А. А. Коровушкина, Т. В. Напольских. Значительную помощь в организации полевых исследований оказали Н. И. Чугайнова (с. Кочёво), А. И. Теплоухова и И. В. Гагарин (с. Большая Коча), А. Ю. и С. А. Пятковские (с. Юрла), Л. И. Федосеева (с. Пуксиб), которым мы выражаем самую искреннюю благодарность.

102 духовных стиха¹⁴. Одно из них обнаружено в с. Юрла (микроочаг на русской территории), остальные четыре происходят из деревень, образующих наиболее вероятный в прошлом канал распространения традиции от русских к коми-пермякам: русская деревня Пож в Юрлинском районе — русская деревня Ташка в Кочёвском районе — коми-пермяцкая деревня Сеполь (все три относились к Усть-Зулинской волости и к началу XX в. составляли приход храма в с. Усть-Зула) — коми-пермяцкая деревня Кукушка (входила в соседнюю Кочёвскую волость). Выбранные нами для анализа рукописные тетради принадлежат бывшим или действующим ритуальным специалистам¹⁵, так что их содержание обусловлено прежде всего нуждами похоронно-поминального обряда. От владельцев записаны подробные комментарии об использовании тетрадей и включенных в них текстов.

Происхождение, жанровый состав и использование поминальных тетрадей

Русские-юрлинцы обозначают песни религиозного содержания словом *стих*, мн. ч. *стихи* («Первый стих поем мы “За спасибо”, как усопший обращается к родне своей»; «Стихи же трудно петь. Их вытягивать надо!», д. Пож), реже — *духовные стихи* (д. Ташка)¹⁶. У кочёвских коми-пермяков названием служит русское заимствование *стик*, мн. ч. *стиккез*; в речи на русском языке — *стик*, *стих*, мн. ч. *стики*, *стихи* («“Спасибо вам, родные, помянули вы меня” — поют, когда у умершего день рождения. <...> Это стик, а не молитва»; «У меня записаны эти, стики, вот», д. Кукушка), некоторые из произведений пожилые исполнительницы считают молитвами («“Ино, Господи, прости же, ино, Господи, прости”. [Соб.: Это молитва или стих?] А почему не молитва? Молитва», д. Кукушка)¹⁷. У юрлинцев исполнение духовных стихов называется *стихárничать*, *стихáрить* [Подюков и др. 2020: 220]. Типичность этих жанровых обозначений подтверждают надписи на обложках рукописных тетрадей: рус. «Стихи божественные» (д. Ташка), «Стихи (с поминок)», «Стихи и молитвы» (д. Сергеева); коми-перм. «Молитвы. Стихи» (д. Сеполь), «Молитвы» (с. Пелым). Собственные названия могут иметь разделы рукописных сборников: «Стихи»

¹⁴ Часть исследователей отделяет от «старших» (эпических) и «младших» («покаянных», «поминальных») стихов новые и новейшие (в том числе авторские) произведения для духовного внебогослужебного пения, которые предлагают называть религиозными песнями [Сверлова 2006: 11; Чадаева 2018: 145; Панова, Теплова 2020: 4, 6]. Мы используем понятие «духовные стихи» как наиболее общее и применимое ко всем этим разновидностям.

¹⁵ По этой причине из подробного анализа исключены два собрания, обнаруженные в 2013 г. в с. Усть-Зула: географически оно является частью интересующего нас «транзитного пути», но тетради не принадлежат ритуальным специалистам. Пожилая жительница, которая на момент обследования Усть-Зулы выполняла эту функцию, исполняла стихи по памяти (см. о ней: [Королёва, Тихонова 2023]).

¹⁶ Название «духовные стихи» появилось, возможно, под влиянием общения с исследователями-фольклористами, а также сборников юрлинского фольклора, вышедших 15–20 лет назад.

¹⁷ Ср. данные в [Жуланова 2023: 222].

(с. Усть-Зула), «Духовные стихи» (д. Пож), «Религиозные стихи» (д. Сергеева). Лексема *стих* часто фигурирует в названиях конкретных произведений (см. об этом далее).

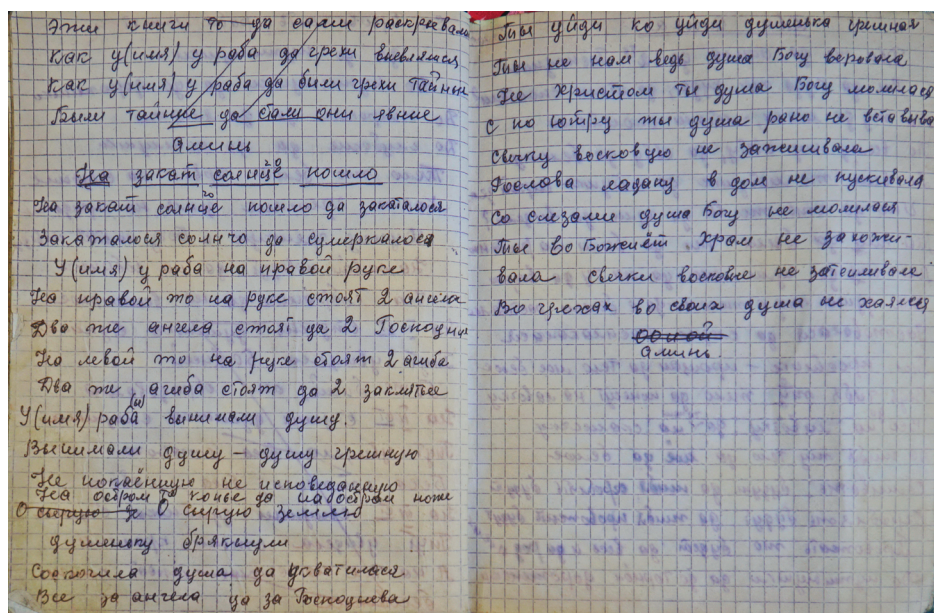
Первая из поминальных тетрадей происходит из с. Юрла, ее владелица — РИТ, 1941 г. р., православная¹⁸; на момент знакомства с собирателями в 2014 г. односельчане и жители окрестных деревень часто приглашали ее на похороны и поминки. В своей практике кроме тонкой тетради РИТ использует печатный молитвослов с «Молитвами утренними», которые во время домашнего моления предшествуют духовным стихам и перемежаются ими. Печатные и рукописные молитвы, как и некоторые стихи, пронумерованы, что позволяет женщине соблюдать порядок их исполнения. Всего в тетради РИТ содержится 18 духовных стихов (сюжеты семи из них обнаруживаются в других анализируемых здесь собраниях)¹⁹. Эти стихи переписаны у односельчанки, которая, в свою очередь, в начале 2000-х годов переняла их предположительно из с. Усть-Зула: «А она не знаю, откуда училась. <...> Скорее всего, от бабушек в Зуле, наверное. Она зулинская родиной-то» [РИТ]. Кроме стихов рукописная тетрадь включает набор молитв, в основном поминальных, часть которых значительно фольклоризована (в их основе — тропарь на Вселенскую поминальную субботу, фрагменты панихиды, «Молитва о всех умерших», «Молитва в день рождения» и др.).

Вторая тетрадь (см. ил. 2) включает тексты, бытующие в микролокальной традиции юрлинской деревни Пож, которая, наряду с Юрлой и Усть-Зулой, считается историческим центром распространения русской традиции эпического пения [Жуланова 2001: 6]. Сборник включает 11 сюжетов (семь совпадают со стихами из прочих собраний). Репертуар пожинских песенниц и ритуальных специалистов до сих пор содержит «старшие» духовные стихи, в других местах все больше вытесняемые поздними силлабо-тоническими произведениями. Тетрадь принадлежит ВПС, 1949 г. р., активной участнице фольклорного коллектива «Калинушка» и одновременно *учёной* (этот диалектный обрядовый термин обозначает ритуального специалиста, способного «читать по книге» Псалтирь, литию, панихиду). Общая тетрадь с записями досталась ей от старшей *учёной* АМП, 1937 г. р., которая более 20 лет «читала» по умершим, а также стояла у истоков «Калинушки». Совмещение концертной и обрядовой деятельности привело к созданию собрания, имеющего специфическую прагматику: в него включены местные песни (календарно приуроченные, свадебные, плясовые и др., всего около 50) для разучивания с ансамблем. Раздел «Ду-

¹⁸ РИТ родилась в д. Панькова (13 км от Юрлы), которая вместе с Дубровкой, Васьковой, Зарубиной и Подкиной относится к старообрядческому кусту деревень [Голева 2019: 56]. По воспоминаниям рассказчицы, когда-то в Паньковой жили *кержаки* и *мирские* (исповедующие официальное православие). Семья РИТ была «мирской», при этом в детстве ее крестила дома *бабушка-монашка* из старообрядческой д. Васькова.

¹⁹ Мы включаем в подсчет важный для юрлинско-кочёвского пограничья групповой причет с устойчивым текстом «Ты прости-ка, прощай...» (см. № 11). Другие тексты этого жанра почти никогда не попадают в рукописные тетради.

ховные стихи» помещен в конце репертуарного сборника, что нетипично для юрлинско-кочёвской традиции, где религиозные тексты почти никогда не смешиваются с «обычными» песнями.



Ил. 2. Страницы тетради из д. Позж

Fig. 2. Notebook pages from the village Pozh

Третье рукописное собрание принадлежит жительнице русской деревни Ташка ЛВК, 1955 г. р. Хотя сегодня деревня входит в состав Кочёвского района, она является частью юрлинского «русского острова». По воспоминаниям жителей, раньше на престольные праздники в Ташку приходили жители соседних русских и смешанных деревень Сальниково, Боголюбово, Уржа. На церковных праздниках было место и духовным стихам:

Придут в гости-то, кто кому родня, там и сидели. Соберутся бабушки-те, сидят да поют. Они стихи пели, стихи, но, эти бабушки-те, которые соблюдали <...>. Старинные, без гармошки, без всего пели [песни] и стихи. <...> Хорошо тянули стихи они, много, а шас ведь не знаем стихи-те [ЛВК].

Их наша собеседница переписала у пожилых родственников и односельчанок, но, поскольку не освоила манеру исполнения, то в ходе обряда просто зачитывает тексты по тетрадам. Собрание ЛВК включает два рукописных сборника. Духовные стихи выделены в отдельную тонкую тетрадь под названием «Стихи божественные», она насчитывает 14 текстов (из них с другими записями «контрольного» корпуса совпадает 10). В толстой тетради содержатся лишь два духовных стиха, основное ее со-

держание составляют религиозные тексты других жанров: «Канон за еди-но умершего»²⁰; раздел с молитвами («Воскрестная молитва», «Живые помощи», «Молитва для детей от уроков» (заговор), «Молитва утренняя», «Вечерняя молитва»); помянник с именами покойных родственников «Родные умершие»; «Канон за умерших общих»; «Исповедание грехов перед Духовным отцом» (подобные тексты встречаются и в других тетра-дах из нашей коллекции); молитвы на разные случаи жизни («За здраве моих детей», «Молитва от пьянок») и заговоры. Дополнительно к тетрадам ЛВК использует печатный молитвослов.

Четвертая тетрадь происходит из коми-пермяцкой деревни Сеполь Кочёвского района. Ее владелицу ТИЧ, 1939 г. р., местные жители ува-жительно называют *богомолкой*. Отойдя от активной обрядовой деятель-ности, она подготовила себе замену — группу женщин, продолжающих поддерживать вернакулярный похоронно-поминальный обряд. Все они владеют рукописными тетрадями, содержание которых в той или иной мере восходит к собранию ТИЧ, второму по величине в нашей коллекции (эту тетрадь как по-своему уникальную выделяют и другие исследовате-ли [Жуланова 2023: 229–231]). По словам собеседницы, ее приобщение к обрядовой деятельности началось рано, в 17–19 лет, благодаря *боговер-ной* бабушке и другим пожилым женщинам. Записывать молитвы и стихи ТИЧ начала самостоятельно, чтоб лучше запомнить:

Поют сами. Хочешь схватывай, хочешь нет. А я потихоньку всё, где-то вот напишу, где-то приду домой да напишу, тогда память-то еще ведь была. Вот так я всё схватывала [ТИЧ].

Ее рукописная тетрадь имеет сложную структуру: она открывается раз-делом «Поминальник» с начальными молитвами, далее следуют «Утрен-ние молитвы»; в отдельный раздел выделены 23 духовных стиха, частично пронумерованных; за ними следует «Акафист за усопших», после кото-рого записано 11 духовных стихов и несколько молитв. Еще два стиха со-держатся на вложенном в тетрадь листе. Таким образом, собрание ТИЧ насчитывает 36 текстов духовных стихов (20 из них имеют параллели в других анализируемых тетрадах). Значительная часть текстов, в основном современных, переписана владелицей из разных источников «про запас»: к некоторым из них она подобрала мотив и стала исполнять в ходе обряда, прочие в свободное время читает «для себя»²¹.

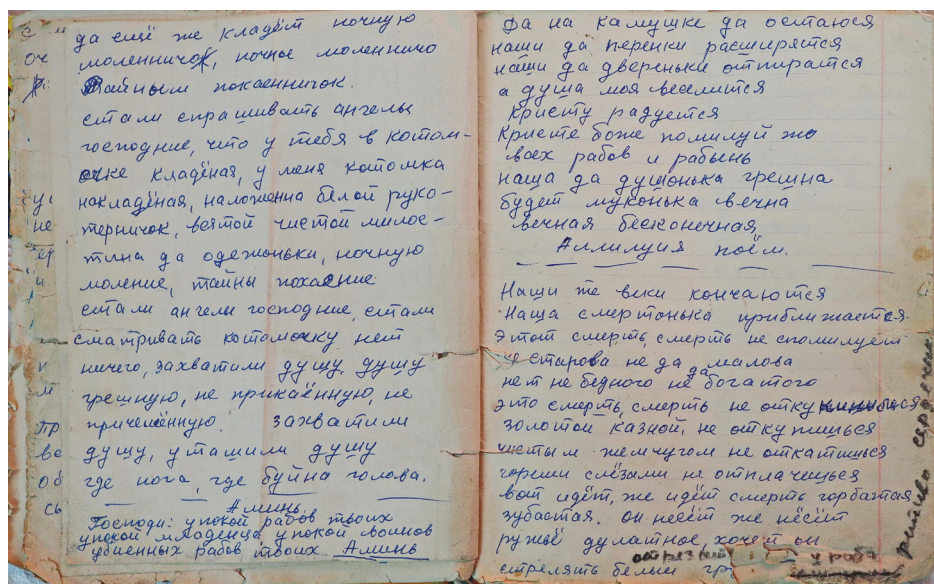
Пятая тетрадь хранится в д. Кукушка Кочёвского района (см. ил. 3)²². Это еще одна деревня, обладающая яркой микролокальной фольклорной традицией. Тетрадь является частью объемного рукописного собрания,

²⁰ Здесь и далее при цитировании сохраняется авторское написание.

²¹ По сообщению Н. И. Жулановой, у ТИЧ хранятся еще две тонких тетради со стихами, полученные от родственницы из д. Кукушка [Жуланова 2023: 230]. С ними нам ознакомиться не удалось.

²² Выражаем признательность этнографу А. В. Черных, этномузыкологам Н. Г. Ко-жановой и О. С. Сивкову за возможность ознакомиться с фотокопиями этой тетради и использовать их в исследовании.

принадлежащего ДВА, 1936 г. р., в прошлом активной участнице этнографического ансамбля «Кукушка». Кроме записей религиозных текстов собрание включает три репертуарных песенника — тетради с частушками, лирическими и свадебными песнями на русском и коми-пермяцком языках (всего более 80 песенных текстов). В отличие от песенников, созданных хозяйкой, сборник духовных стихов достался ей уже в готовом виде от первой руководительницы ансамбля ТРВ, 1926 г. р. (см. о ней: [Жуланова 2023: 228]). Тетрадь является примером моножанрового сборника: она содержит 23 духовных стиха (18 из которых совпадают с сюжетами анализируемого «контрольного» корпуса). На момент нашей беседы в 2022 г. ДВА из-за преклонного возраста уже не посещала похороны и поминки, тем не менее хорошо помнила каждый духовный стих и его место в обряде. По ее сообщению, некоторые из произведений существуют в Кукушке лишь в рукописном виде и не исполняются как песни. Любопытно, что распечатанные фотокопии тетрадей ДВА хранятся у более молодой жительницы деревни, ТИП, 1954 г. р., которая не является ритуальным специалистом, но проявляет интерес к похоронно-поминальной обрядности и обрядовой поэзии. Стихи она не поет, а использует как чтение «для души».



Ил. 3. Страницы тетради из д. Кукушка

Fig. 3. Notebook pages from the village Kukushka

Все эти примеры нужны, чтобы, с одной стороны, дать более четкое представление о некоторых особенностях юрлинско-кочёвских поминальных тетрадей, а с другой — показать, как в них проявляются тенденции, лучше заметные на широком материале. Большая часть рукописных собраний включает в себя не только духовные стихи, но и молитвенные

тексты, иногда в значительном количестве; под несколькими обложками встречаются заговоры. В известном нам виде такие тетради сложились в условиях недоступности печатных молитвословов и, по-видимому, были призваны компенсировать их отсутствие. Иногда рукописное собрание включает две-три тетради, где в одних численно преобладают стихи, а в других — молитвы (рус.: села Юрла, Усть-Зула, деревни Сергеева и Липухина; коми-перм.: с. Пелым). Подобные комбинированные собрания (молитвослов + сборник стихов) встречаются как у русских, так и у коми-пермяков.

На коми-пермяцкой территории обнаруживаются также отдельные моножанровые собрания, включающие только духовные стихи (в тетради могут быть вложены листы с единичными молитвами) (села Сеполь, Большая Коча, деревни Кукушка, Сизово, Отопково). Учитывая, что во всех тетрадях тексты записаны письменными буквами с ориентацией на современную орфографию, можно полагать, что моделью для таких сборников послужили не стихарники, а рукописные песенники советского времени. Стихи собраны в отдельные тетради по причине их принадлежности к религиозно-обрядовой сфере и наличия более высокого статуса, чем у обычных песен. Кроме того, использовать специальные «тетрадошки» в ходе ритуала удобнее, чем песенники со смешанным составом.

Выявлено несколько случаев окказиональных сочетаний жанров. В одной из русских тетрадей стихам предшествуют хозяйственные советы; несколько стихов включено в песенник с традиционными местными песнями (с. Усть-Зула). В собрании из пос. Усть-Пышья духовные стихи вообще отсутствуют, вместо них перед началом трапезы на 40-й день читался длинный апокриф «Сон Богородицы». В кочёвской тетради из д. Большой Пальник собрание молитв и стихов открывает уникальный список почитаемых мест и престольных праздников, которые нужно называть во время коми-пермяцкого гадального обряда *черёшлан*. Заметным своеобразием отличается рукописная традиция кочёвской деревни Отопково, расположенной в северо-восточной части района в некоторой изоляции. Кроме отсутствия важного стиха на сбор «котомочки» она выделяется тем, что включает в основном позднейшие стихи. В состав большинства тетрадей входят развернутые поминальные списки с именами умерших родственников (помянники), что на других территориях встречается не так последовательно.

Количество рукописных собраний, обнаруженных у русских-юрлинцев и кочёвских коми-пермяков, не равно: в Кочёвском районе их в полтора раза больше (10 и 17 соответственно). Причина более интенсивного бытования поминальных тетрадей на этой территории неясна. Возможно, отчасти она связана с тем, что взаимодействие русских и коми-пермяков с русскоязычным религиозным фольклором асимметрично: юрлинцы остаются в стихии родного языка, тогда как кочёвцы оказываются в ситуации языкового и фольклорного билингвизма. Вплоть до конца 1990-х — начала 2000-х годов были живы пожилые коми-пермячки, неуверенно владевшие

русской речью. При этом поминальные стихи и молитвы на чужом для них языке считались важной частью обряда²³. Для лучшего запоминания и передачи сакрализованных текстов коми-пермяцкие ритуальные специалисты могли записывать их несколько чаще, чем русские, для которых смысл похоронно-поминальной поэзии был более понятным.

Набор и количество стихов, которые встречаются в юрлинских и кочёвских поминальных тетрадах, тоже имеют различия. Большинство русских собраний содержит как «старшие», так и новые духовные стихи. За редким исключением число их колеблется от 10 до 20 произведений, в основном традиционных для этой территории. По сравнению с юрлинскими тетрадами некоторые кочёвские сборники заметно объемнее, они включают от двух до четырех и более десятков текстов. Расширение состава происходит за счет новых и новейших стихов, возникших уже в XX в. и переписанных из газет, журналов и других источников. Значительная часть таких произведений не поется, а существует лишь в письменном виде.

Функционирование рукописных тетрадей способствует более активной коммуникации внутри местных сообществ: вовлеченные в обрядовую деятельность переписывают стихи друг у друга либо просят записать / подарить нужный им текст (см. подробнее: [Мельников 2022: 75, 82]). Об этом, в частности, свидетельствуют листы с записями, сделанными другим почерком. Предметом своеобразного дарообмена может стать не только отдельный стих, но и вся рукописная поминальная тетрадь: ее передают родственнице (чаще дочери) либо более молодому ритуальному специалисту, который может активно ею пользоваться. В коми-пермяцком с. Большая Коча зафиксирован случай, когда пустая общая тетрадь стала подарком бабушке от внучки, снабдившей свой дар специальной надписью («Бабушка в этом тетраде 96 листов, пиши сюда всё что хочешь, молитвы, стихи, рассказы и многое, многое и с Днем рождения (написано печатными буквами. — С. К., М. Т.)...»). Владелица переписала туда часть духовных стихов из своей старой тетрадки.

Сюжетный состав, композиция и рамочные элементы рукописных тетрадей

Специфика локальной рукописной традиции проявляется в наборе наиболее типичных сюжетов, которые обнаруживаются в поминальных тетрадах²⁴. Этот набор не является точной проекцией популярных «звучащих» стихов: несколько произведений, которые поются (или до недавнего

²³ По замечанию Н. И. Жулановой, этот жанр — значимая часть двуязычного коми-пермяцкого фольклора, которая, однако, «не понята, недооценена, не принята до конца» теми исследователями, кто склонен видеть в ней лишь «чужеродное» заимствование [Жуланова 2016: 242, 247].

²⁴ На этом этапе у нас нет задачи сопоставить юрлинско-кочёвские духовные стихи с данными других регионов. Очевидно, что ряд сюжетов имеет широкое распространение и встречается в сборниках, репрезентирующих фольклорные традиции Русского Севера, Поволжья, Вятки, Южного Урала. Обнаруживаются и ожидаемые пересечения с репертуаром старообрядцев Верхотурья.

времени пелись) на похоронах и поминках в целом ряде сел и деревень, в «контрольных» собраниях встречаются лишь однократно²⁵. Иначе говоря, «ядро» рукописной традиции не вполне совпадает с «ядром» устной.

Из 102 текстов, входящих в пять рассматриваемых собраний, одновременно и в русской, и в коми-пермяцкой традициях представлены 18 произведений. Далее приводится инципитный список этих сюжетов. Инципит представляет собой первую строчку стиха (мы приводим ее в литературном написании); если в научной традиции принято другое название, оно указывается рядом в квадратных скобках. Далее в круглых скобках приводятся населенные пункты, в тетрадах из которых обнаруживается произведение, с указанием количества вариантов. После знака «+» приведены названия прочих сел и деревень, в рукописных собраниях из которых имеются эти сюжеты (без указания на число). Там, где это возможно, кратко описан обрядовый контекст исполнения²⁶. Стихи с наибольшим количеством вариантов, встретившихся в обеих традициях в «контрольном» корпусе, приведены в начале списка, с наименьшим — в конце.

1. «У (имярека) сегодня праздничек...» (рус.: Юрла 1, Ташка 1 + Усть-Зула, Липухина; коми-перм.: Кукушка 3, Сеполь 1 + Большая Коча). В местной традиции обычно называется «Класть/клади котомочку», «На котомочку». Во всех обследованных нами населенных пунктах юрлинско-кочёвского пограничья этот духовный стих исполняется только во время сбора милостыни («котомочки») на 39-й или 40-й дни после смерти. В стихе перечисляется набор предметов, которые нужно положить в мешочек, вручаемый затем ритуальному заместителю умершего. В разных микролокальных традициях этот перечень варьируется. В рукописной форме встречаются развернутые варианты стиха, редко исполняемые вслух; они заканчиваются описанием наказания, которому подвергается душа, в чьей котомке не оказалось свеч, ладана, «ночного моления» (поскольку родные не провели обряд так, как нужно) [Четина, Роготнев 2010: 221–222].

2. «Ах вы, ангелы, вы Господние...» [«Расставание души с телом»] (рус.: Юрла 1, Пож 2, Ташка 1 + Сергеева; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь). В Юрле исполняется в день похорон до выноса гроба [РИТ]. В д. Пож поется в любой поминальный день после трапезы, когда хозяева подали милостыню тем, кто молился и пел:

²⁵ Таков, к примеру, старший эпический стих «У отца-то, отца было у Владимира...» (см. о нем: [Жуланова 2001]), «Про монаха» («Как во поле при долине...»), поминальный стих «Дорогие мои детоньки...» (благодарность от лица умершего за поминальное застолье, в юрлинской традиции обычно называется «За спасибо»), «Поминайте меня, родные» и др. Не попали в список некоторые новейшие стихи, получившие популярность сравнительно недавно. Таков «Стих о матери» («Ты спишь, наша милая мама...»), который теперь исполняется почти повсеместно, но обычно не поется, а зачитывается вслух.

²⁶ Мы принимали во внимание только ту информацию, которую наши собеседники сообщали в контексте разговора о рукописных тетрадах; сведения из прочих интервью и публикаций здесь не учитываются.

ВПС: Вообще-то это после обеда вот на всех поминках так и поется. <...> Вот мы поем перво, например, спели мы «За спасибо»-то. Потом из-за стола-то вышли и нам милостинки подают. И вот после этой милостинки мы начинаем «Два-те ангела». А потом уже все последующие петь.

Соб.: За милостинки поете «Два ангела»?

ВПС: Вот за милостинки споем.

3. «Хожу, хожу я вокруг дома...» (рус.: Юрла 1, Ташка 1 + Усть-Зула; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1 + Б. Пальник, Большая Коча, Отопково, Пуксиб, Левичи). Исполняется на 40-й день после поминальной трапезы (с. Юрла [РИТ], д. Кукушка [ВАП]). В тетради из д. Отопково есть письменное указание, что стих поется также на *годиниы*. В тетради из Юрлы сюжет контаминируется с другим стихом (где душа просит ангелов отпустить ее на поминки), служа его продолжением.

4. «Ой вы, братья мои, братчики милые...» [«На белом свете человек как трава растет»] (рус.: Пож 1; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 2 + Большая Коча). В Юрле исполняется в день похорон перед выносом гроба [РИТ]; в Поже — в сходной ситуации: «Вот если в гробу лежит, то у нас другой стих есть, в гробу-ту лежит покойник-от. [Поет.] <...> Люди проходят, прощаются, мы это поем сидим» [ВПС]. В Кукушке раньше исполнялся во время ночного бдения возле умершего:

Соб.: А пели когда?

ВАП: А это когда, наверно, еще покойник-то дома. Когда ведь умрет, дак собираются и долго ночь ночуют, и всё поют, стихи поют и поют.

Соб.: Это можно было петь даже и ночью?

ВАП: Ну, наверно, но я знаю, что певали. Вот бабушка-та у нас умерла, она боговерующая была дак. Отец-то привозил с Сеполя бабушек старых, ну, с которыми она зналась.

5. «...Ой вы, ангелы, да ангелы Господние, / Отпустите меня да попрощатися...»²⁷ [«Ты земля ли, земля-матушка...»] (рус.: Юрла 1; коми-перм.: Сеполь 2, Кукушка 1). В Юрле исполняется на любых поминках после трапезы [РИТ]. В Кукушке стих поется на 40-й день.

6. «Пресвятая Елена, она ходила по всему белу свету...» [«Шла Елена по дорожке»] (рус.: Юрла 1 + Елога; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 2). В Юрле поется на похоронах и поминках [РИТ]; в Кукушке уже не исполняется в обрядовой ситуации, но хозяйка поминальной тетради иногда поет его для себя: «Это тоже не поют, но я это так-то знаю... А вот с кем поешь? Не с кем! <...> Одна когда лежу вечером дак, иногда пою тоже» [ДВА].

7. «Для всех солнце светит, а для меня уж нет...» (рус.: Ташка 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1 + Пе-

²⁷ Зачин этого стиха существенно варьируется, поэтому в качестве инципита приводятся первые сходные во всех вариантах строчки.

лым, Большая Коча, Отопково, Сизово, Пуксиб, Левичи). Владелица тетради из д. Кукушка слышала этот духовный стих на похоронах в с. Кочёво, где он исполнялся при выносе гроба [ВАП].

8. «Было счастье мое, улетело далеко...» (рус.: Пож 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1 + Большая Коча). В д. Пож исполняется на 40-й день после проводов души:

А ето мы ее поем, когда уже домой ийти. Последнюю самую.
Вот уже отобедали. Стихи попели. А потом, если сорочины,
душу проводили. Снова за стол садимся после души. И после
души тожнё один стих поем, вот этот поем [ВПС].

9. «Ох вы, вдовушки честные, благоверные...» (рус.: Пож 1 + Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1). В Юрле исполняется в день похорон до выноса гроба [РИТ]; в Кукушке зафиксирована только письменная форма [ДВА; ВАП; НДП].

10. «Скорбь страшна и смерть ужасна...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 2 + Кукушка). Не имеет строгой приуроченности к обряду²⁸.

11. «Ты прости-ка, прощай...» (рус.: Юрла 1 + Усть-Зула; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь, Большая Коча, Сизово). Групповой причет с устойчивым текстом, который носители традиции нередко относят к стихам²⁹. В Юрле исполняется в день похорон при выносе гроба: «Соб.: А гроб когда выносят, не поют “Ты прости-ка”? РИТ: Поют. Когда выносят, мы поем, значит, там “Прощается со светлой горенкой...”»³⁰.

12. «Ох и грешная моя душенька, / Ино кто же моей душе поможет...» (рус.: Юрла 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1). В Юрле исполняется на любых поминках индивидуального цикла сразу после трапезы [РИТ].

13. «Сели пёвцы за трапёзу...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь, Пелым, Большая Коча). В Кукушке исполняется во время любых поминок сразу после трапезы [ВАП].

14. «Ты куда идешь, скажи мне, странник...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1 + Кукушка). Не имеет строгой обрядовой приуроченности. Опубликован вариант этого стиха из рукописной тетради д. Сеполь; авторы указывают, что там он исполняется на похоронах по дороге

²⁸ В традиции юрлинско-кочёвского пограничья стихи, не имеющие четкого места в обряде, исполняются после поминальной трапезы.

²⁹ В селах и деревнях юрлинско-кочёвского пограничья, где традиция не редуцировалась, произведение входит в число обязательных произведений похоронно-поминальной поэзии, поэтому мы оставляем его в списке, несмотря на принадлежность к другому жанру.

³⁰ В большинстве обследованных нами населенных пунктов исполняется дважды: 1) на похоронах во время прощания с покойным и выносе гроба из дома и 2) на 40-й день, когда провожают из дома заместителя умершего с «котомкой». В символическом плане вторые проводы являются повторением первых, что и маркируется этим причетом.

на кладбище. В тетради из кочёвской деревни Пелым рядом с этим стихом на полях есть приписка: «на провожанье сороковой день» [Четина, Роготнев 2010: 209, 220–221].

15. «Слава Богу за все...» (рус.: Юрла 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь, Пелым, Б. Пальник, Большая Коча, Отопково). В Кукушке исполняется после поминальной трапезы на 9-й и 40-й дни [ВАП; НДП].

16. «Скоро, скоро день прекрасный...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1 + Кукушка, Пелым, Большая Коча). Не имеет строгой обрядовой приуроченности.

17. «С другом я вчера сидел...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1). Не имеет строгой обрядовой приуроченности.

18. «Исус Христос выходил из храма...» [«Христос с учениками из храма выходит», современный стих протоиерея Николая Гурьянова] (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1). По-видимому, произведение не поется, существует только в рукописном виде.

Обращают на себя внимание многочисленные схождения в рукописном репертуаре коми-пермяцкой д. Сеполь и русской д. Ташка: совпадает восемь сюжетов, причем часть из них отсутствует в других русских тетрадах из «контрольной» группы (№ 10, 14, 16–18). Это говорит о том, что между Сеполем и Ташкой имеются достаточно тесные связи. Совпадения можно объяснить либо прямой коммуникацией (владелица одного сборника переписала их у хозяйки другого), либо существованием на этой территории иного рукописного собрания, к которому восходят тексты из сепольской и ташкинской тетрадей.

При всей тщательности, с которой мы попытались выделить сюжеты, составляющие ядро юрлинско-кочёвской рукописной традиции, и установить число их вариантов, нужно признать, что наши подсчеты несколько условны. Основная трудность заключается в том, что листы тетрадей становятся «полем» интенсивных межтекстовых взаимодействий, приводящих к возникновению разнообразных контаминаций. Более или менее развернутые фрагменты лиро-эпических поминальных стихов могут «кочевать» из текста в текст. Ситуацию осложняет наличие у одного сюжета нескольких разных зачинов. Так, зачин «У раба божьего сегодня праздник...» (обязательный для стиха на сбор «котомочки» (№ 1)) в юрлинской тетради продолжается популярным стихом «Хожу, хожу я вокруг дома...» (№ 3)³¹. Несколько зачинов имеет и стих «Ах вы, ангелы, вы Господние...»

³¹ Владелица тетради объясняет эту странность тем, что юрлинские ритуальные специалисты фактически объединяют в одно произведение два разных духовных стиха: «...ой вы, ангелы, да ангелы Господние, / отпустите меня да попрощатися...» (№ 5), который исполняется на любые поминки, и «Хожу, хожу я вокруг дома...» (№ 3), исполняемый исключительно на 40 дней: «Соб.: А вот вы сейчас спели два стиха? Или у вас один стих? РИТ: Да, он как один, но там две части. И вторая часть, она более... Соб.: “Хожу-хожу я вокруг дома...” РИТ: Это у нас как бы одна. Мы поем это всё заодно. А вот только если в сорочины, да, мы поем <...> вот досюда. <...> А потом сразу продолжаем: “40 дней душа заждалась, все заставушки прошла”».

(о расставании души и тела, № 2)). Если у какого-то из вариантов утрачивается мелодия, современные исполнительницы не всегда понимают, чем один записанный стих отличается от другого:

Соб.: А «Два голубя»?

ВПС: Вот это я не знаю, мы не пели. Это чё она [первая хозяйка тетради] написала? [Соб. цитирует текст.] <...> Дак это в «Двух ангелах». Ето она почё тут написала? Оно же в «Двух ангелах» поется! На корочке она написала, ну. «Видно, тело понесут на лавочку...» Это из «Двух ангелов», там оно есть.

Образ ангелов появляется и в других сюжетах: они приходят за душой, которая просит отсрочку, чтоб помолиться/попроситься (в другой версии просит отпустить ее на поминки, № 5); ангелы вынимают грешную душу и прогоняют ее от себя («На закат солнце пошло...»); смерть вынимает душу, а ангелы отводят ее в тесную келью; они проводят грешную душу мимо рая и бросают в ад, и т. д.

Некоторой неожиданностью для нас стали повторы произведений внутри одного и того же собрания. Как видно из списка инципитов, встречаются не только двух-, но и трехкратно записанные тексты, представляющие собой один сюжет. Так, в тетрадь из д. Кукушка трижды включен стих «Класть котомочку» (№ 1). Его варианты расположены в разных частях тетради, в том числе в самом начале и в самом конце сборника. Набор перечисляемых предметов в них может почти отсутствовать (как в первом варианте) или расширяться. Третий вариант наиболее полный: кроме перечисления необходимых вещей в нем присутствует упоминание о наказании для души, чья котомка оказалась пустая. Произведения, которые исполняются редко или не исполняются совсем, встречаются в тетрадях практически в неизменном виде, а число их вариантов меньше, чем у тех стихов, которые поются.

Большинство сюжетов в том или ином виде отражает религиозно-мифологические представления о загробных странствиях души (№ 1–3, 5) и наказании за прегрешения (№ 16, 17), изображает коммуникацию между живыми и мертвыми (№ 3, 7). Как замечают авторы монографии «Русские в Коми-Пермяцком округе», бытующие на территории юрлинско-кочёвского пограничья духовные стихи служат для выражения не столько религиозного переживания, сколько чувства «живой связи с предками, неразрывного духовного родства с ними в обряде» [Бахматов и др. 2008: 372]. Эту связь усиливают обязательные и факультативные произведения, придающие обрядовым действиям адресность: стихи с упоминанием родителей (№ 8), друга (№ 17), сестер, братьев, соседей (№ 4) позволяют собравшимся на поминки людям соотнести текст с конкретным умершим, выразить скорбь о его утрате. Это особенно актуально в ситуации, когда уже почти не исполняются импровизированные причитания.

В тех случаях, когда стихи являются составной частью более крупных полижанровых сборников, их расположение относительно других жанров обусловлено ходом похоронно-поминального обряда. В большинстве

случаев раздел со стихами идет после молитв, а заговоры (если они есть) помещаются в конце, поскольку не читаются в ситуации похорон и поминок. При этом порядок расположения самих духовных стихов почти всегда случаен и не совпадает с их реальным местом в обряде³². В отдельных тетрадах для упорядочивания записей и более быстрой ориентации служит нумерация обязательных для исполнения текстов (с. Юрла, д. Сеполь).

Особый интерес представляют заглавия стихов, которые им дают владельцы тетрадей. Названия и другие рамочные компоненты становятся результатом (а в случае механического переписывания из другого источника — предметом) определенной метарефлексии о своей традиции. Анализ этих элементов позволяет понять взгляд «изнутри»: как входящие в собрания тексты, и в частности духовные стихи, осмысляются теми, кто их исполняет, что считается достойным письменной фиксации, какие формы и способы записи являются конвенциональными.

Замечено, что при переписывании духовных текстов их книжные названия могут заменяться обиходными [Никитина 1982: 121]. В анализируемых поминальных тетрадах названия молитв обычно более каноничны и устойчивы (в чем можно увидеть влияние печатных молитвословов): «Молитва о умерших» (с. Юрла), «Канон за едино умершего» (д. Ташка), «Акафист за усопших» (д. Сеполь) и мн. др. В отличие от них, заголовки духовных стихов и их заключительные формулы более вариативны. В описываемых нами тетрадах названия есть практически у всех духовных стихов (исключение составляет тетрадь из д. Кукушка, где половина заглавий отсутствует, но компенсируется графически). С формальной точки зрения, заголовки служат разделителем текстов: он выносится на середину строки, в большинстве случаев пишется с заглавной буквы, в некоторых случаях выделяется цветным карандашом или чернилами (д. Сеполь), подчеркивается одной или двумя горизонтальными линиями (с. Юрла, деревни Пож, Сергеева, Ташка, Сеполь). В тетради из д. Сеполь графически выделяется первая строчка, которая таким образом становится одновременно и заглавием. В тетради из Кукушки, где часть стихов не имеет названия, разделителем служит горизонтальная прерывистая линия, проходящая через всю страницу. Оформление заголовков, как и тетрадей в целом, лаконично: оно не предполагает активного использования цветных чернил и фломастеров, аппликации или рисунки тоже отсутствуют.

Заглавия духовных стихов не имеют строгой привязки к определенному сюжету. Так, один и тот же духовный стих «Хожу, хожу я вокруг дома...» (№ 2) имеет в тетрадах разные названия: рус.: «Стих 2» и «40 дней» (с. Юрла), «Стих» (д. Ташка); коми-перм.: «на сорочины» (д. Кукушка), «Святая молитва» (д. Сеполь и Большой Пальник), «Молитва» (д. Отопково) и др.

³² Показательно, что варианты одного и того же стиха могут как располагаться подряд, так и разделяться другими текстами.

Предварительно можно выделить четыре наиболее типичные и устойчивые модели образования заголовков.

1. По жанру (как он понимается в традиции): «Стих» / «стих» (в собрании из с. Юрла встречается четырежды, из д. Ташка — трижды, по пять раз — в тетради из д. Кукушка и собраниях из д. Отопково), в том числе в словосочетаниях: «Стих умершего», «Стих о маме», «Стих боже, боже мой» (с. Юрла), «Стих Владычица», «Стих Странник», «Стих. Конец света», «Стих по умершим» (д. Ташка), «Стих умершим» (д. Кукушка). Названия со словом *стих* / *стихи* наиболее частотны и в остальных тетрадях из нашей коллекции: «Застольный стих» (с. Юрла), «Прощальный стих» (д. Липухина), «Стих мама», «Стих “господний”» (д. Кукушка), «Стих на поминку» (д. Сеполь), «Стих умерших после еды», «Поминание. Стих», «Стих матери», «Стих. на 40 день» (с. Большая Коча), «Стих (на 40 дней)», «Стих (помянуть)», «Стих (маме)», «Прощальный стих родной матери», «Стих-песня», «Стихи за упокой» (д. Отопково). В тетради из с. Большая Коча трижды встречается вариант, отражающий коми-пермяцкое произношение: «Стик». В тетрадях из д. Кукушка и Сеполь несколько раз появляется название «Стишок» (в том числе в словосочетании: «О маме стишок»). В русских тетрадях эта лексема зафиксирована однократно: «Молитва-стишок» (д. Липухина). В рукописном собрании из д. Отопково один раз встречается название «Стихи (знать наизусть)» применительно к молитве («Упокой, Господи, души усопших раб Твоих...»).

Значительно реже в заглавии используется иное жанровое обозначение: «Молитва» («Поминайте меня родные...», д. Сеполь и Отопково), в том числе в словосочетаниях: «Молитва грешницы» (д. Сергеева), «Святая молитва» (д. Сеполь), «Молитва на 40 дней» (д. Отопково). Причиной могут быть присутствие в тетрадях молитв как таковых, религиозная тематика и общий контекст исполнения двух этих жанров.

2. По основным персонажам (обычно названным в первых строчках): «Вдовьюшки-вдовы», «Два ангела», «Два голубя» (д. Пож), «Рабы» (д. Кукушка), «Странник» (д. Сергеева, Сеполь).

3. По месту в обряде: «40 дней» (с. Юрла, дважды), «На сорочины» / «на сорочины» (с. Юрла, д. Кукушка), «За упокой» («Для всех солнце светит...») (д. Сергеева), «За гробный», «Прощаюстя» (sic!) (д. Ташка), «Прощальное», «Класть котомочку», «моют и одевают» (д. Кукушка), «После еды» (д. Сеполь). В некоторых случаях название по форме представляет собой инструкцию: «читать на кладбище» («Низкий поклон тебе, мама родная...», д. Отопково). Ситуация исполнения может указываться в подзаголовке: «Сегодня праздничек» (собрание «котомки») (д. Сеполь).

4) По первому слову/строчке (либо по ключевому слову первой строки): «Судьба» (д. Пож), «Шла Елена по дорожке» (с. Юрла), «Совстречалось несчастье со мной» (д. Сергеева), «Трапеза» (д. Ташка), «Скорбь» (д. Кукушка), «спородиле меня матушка земля» (д. Сеполь), «ой» (д. Кукушка).

Разнообразны и заключительные формулы духовных стихов, маркирующие конец произведения, в том числе визуально. В тетради из русской деревни Сергеева после некоторых стихов указано, от кого и когда записан текст: «(напела Тоисева Кс. Пет. 26 сент. 1992 г.)», — однако это окказиональный случай. Обычно в качестве окончания употребляются слова *Аминь* (д. Пож, Сеполь, Кукушка) и *Конец* (д. Ташка), а также фраза *Аллилуйя, Аллилуйя слава тебе боже наш* (с. Юрла). Обычно в одной тетради используется какая-то одна заключительная формула. Как и заголовок, она пишется с новой строки, сдвигается вправо или выносится на середину. Встречается написание как с заглавной, так и со строчной буквы, в конце часто стоит точка. В тетради из д. Сеполь финальное *Аминь* подчеркивается одной или двумя линиями. Происхождение заключительных слов-формул, очевидно, можно свести к двум основным источникам: светским песенникам, тексты которых нередко завершаются словом *конец* (подобная тенденция прослеживается в рукописных репертуарных песенниках из д. Пож и Кукушка), и печатным молитвословам, где молитвы завершает *аминь*³³. Развернутая формула с *аллилуйя* — типичный элемент богослужебных текстов. Она также встречается в публикациях и рукописных текстах духовных стихов из других регионов, где служит рефреном, разделяющим строфы, или стоит в самом конце [Косятова 2012: 26; Юровская 2014: 287].

Большинство духовных стихов из анализируемого корпуса записаны в столбик. В юрлинских тетрадах вертикальная организация текста выдержана более последовательно: в тетради из д. Пож так записаны все стихи, в с. Юрла от нее отступает один стих из 18 («У ... сегодня праздничек [приписка сверху: «2 р[аза]»] да невеселый день. У ... душа на могилочке поскакивает, она поскакивает, она попрыгивает. Ждет пождет она своих [приписка сверху: «2 р[аза]»] Ангелов, своих Господних же» и т. д.). В д. Ташка в строку записан один из 14 стихов, еще четыре имеют смешанное написание. Количество «рассыпавшихся» стихов несколько увеличивается в коми-пермяцких собраниях. Фактически организация по горизонтали (в строку, как в прозе) становится здесь одним из двух конвенциональных способов записи поэтических текстов. В тетради из д. Сеполь таким образом представлено 7 из 36, в Кукушке — 10 из 23 произведений. Учет остальных собраний из нашей коллекции показывает, что чаще это происходит с традиционными стихами, не имеющими рифмы. По-видимому, в таких случаях пишущие хуже улавливают границы строк. Еще одним фактором может быть соседство с молитвами, которые представляют собой ритмизованную прозу и записываются в строку. Примечательно, что в собрании из д. Отопково обнаружено обратное влияние: хозяйка одной из тетрадей делает попытку записать в столбик не только стихи, но и некоторые молитвы, например:

³³ Слово *аминь* встречается также в конце заговоров, где играет роль закрепки. В рукописных сборниках заговоры иногда соседствуют с духовными стихами, хотя в юрлинско-кочёвском ареале это случается не слишком часто.

Спаси Господи, люди твоя
и благослови
Достояние твоё победы
православным
Христианом на сопротивный
даруя [и т. д.].

Наконец, хотя бы краткого упоминания заслуживают фразы-комментарии и исправления, сделанные в сборниках владельцами. Приписки располагаются между строк или на полях, при этом добавленные слова или строки выделяются более ярко — часто чернилами другого цвета, очевидно, чтобы дополненную или исправленную запись можно было сразу заметить. Комментарии к текстам также ориентированы прежде всего на исполнителя: они служат напомним о последовательности («Перед едой читается “Отче наш”» (д. Сеполь); «начинать поминки этой песней первой» (д. Отопково); «и так петь про детей, соседей и т. д.» (с. Юрла)), указывают на количество повторов слова или строки при пении. Из пяти основных собраний больше всего развернутых комментариев содержит собрание из Юрлы. Печатный молитвослов и тетрадь с молитвами и духовными стихами служат хозяйке своеобразной «партитурой» похоронно-поминального обряда, а комментарии, с одной стороны, помогают ориентироваться сразу в нескольких источниках («№ 18 на 2 листа впереди тетр», «№ 15 в кн. стр 14 и № 16 стр 28»), а с другой — указывают на действия, к которым приурочен текст («Выйдя из-за стола: Благодарим тебя ... за столько вкусный и насыщенный обед. Пусть это будет у тебя на престоле»; к тексту «Дорогие мои детоньки...»: «за столом»; к тексту «Святой божий...»: «покадить стол»).

Исправления содержат все пять описываемых нами тетрадей. В них встречаются вставки или, напротив, изъятие из текста отдельных слов или строк, перемена их местами, исправление грамматических ошибок, описок, замена написанного на слух орфографически правильным вариантом и наоборот. Показательные «фонетические» исправления содержатся в тетради из д. Пож: здесь сталкиваются литературная и диалектная норма, в частности чоканье, которое до сих пор сохраняется в некоторых песнях, исполняемых пожилыми женщинами. Так, в названии стиха «На закат солнце пошло» и в его первой строке над словом «солнце» содержится приписка «чо», указывающая на принятое для этого стиха произношение (показательно, что помета восстанавливает более старую диалектную норму: [сонч'о]). Исправления вносятся как владельцами поминальных тетрадей, так и другими людьми, о чем можно судить по различию почерков. Наличие правки говорит о том, что тексты в тетрадях не мыслятся как нечто неизменное и могут подвергаться своеобразному «коллективному контролю».

* * *

Значимость элементов письменной формы не превращает рукописные сборники духовных стихов в письменный фольклор как таковой [Бахтин 1996], но до какой-то степени сдвигает их в эту область. К наблюдениям о письменных и устных формах бытования применимы рассуждения польского этнолингвиста Ежи Бартминьского об оппозиции «фольклорный (устный) — литературный (письменный)». Не отказываясь от привычной дихотомии, ученый предлагает смотреть на нее как на два полюса, к которым тяготеют конкретные произведения/высказывания, и допускает существование «смешанных и переходных текстов». В некоторых случаях канал ретрансляции может легко меняться, что приводит к возникновению вторично устных или вторично письменных форм [Бартминьский 2005: 387–388]. Также представляется интересным парадоксальное, на первый взгляд, утверждение ученого о синкретичности и «театральности» письменной речи: в ней «с языковым кодом взаимодействуют элементы графические и пластические (начертания букв, иллюстрации к тексту, формат и внешний вид книги и т. п.)», которые выступают своего рода аналогом/компенсацией жестов и мимики, сопровождающих устное исполнение [Там же: 385].

Любая рукописная тетрадь несет на себе отпечаток человеческой личности: в количестве стихов, расположении текста, начертании букв, типе графических элементов проявляются характер, темперамент, а зачастую и творческое начало ее создателя. Однако возможности научного анализа таких индивидуальных черт, кажется, очень невелики. Значительно лучше инструментарий фольклористики и филологии позволяет уловить региональные (или более широко распространенные) особенности рукописных поминальных тетрадей. Многие из отмеченных нами черт встречаются на других территориях. Они касаются функционирования (дарение записей более молодым ритуальным специалистам), жанрового состава (молитвы и заговоры как наиболее типичный «конвой» духовных стихов), допустимости записи поэтического/песенного текста в строку, передачи диалектных особенностей и т. п. Региональная специфика отчетливее всего проявляется в наборе сюжетов, составляющих «ядро» традиции, наиболее типичных названиях духовных стихов, принятых в том или ином сообществе, и стилевых доминантах их визуального оформления.

Выше все перечисленные параметры были охарактеризованы применительно к юрлинско-кочёвской рукописной традиции. Существенная ее особенность заключается в том, что она возникает на пересечении двух культур и двух языков. При всем сходстве поминальных тетрадей, функционирующих на русской и коми-пермяцкой территориях, отдельные их черты не совпадают (пусть различия чаще носят количественный, а не качественный характер). Думается, что как типичные, так и уникальные особенности юрлинских и кочёвских «тетрадошек» могут проявиться более рельефно, после того как окажутся подробно описаны современные рукописные традиции, бытующие в других регионах.

Список владельцев рукописных тетрадей и рассказчиков

- АМП — жен., 1937 г. р., русская, стояла у истоков ансамбля «Калинушка», д. Пож Юрлинского р-на. Соб. Е. М. Четина, С. Ю. Королёва, 2014 г.
- ВАП — жен., 1946 г. р., коми-пермячка, участница ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Тихонова, 2022 г.
- ВПС — жен., 1949 г. р., русская, участница ансамбля «Калинушка», д. Пож Юрлинского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2023 г.
- ДВА — жен., 1936 г. р., коми-пермячка., в прошлом участница ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Тихонова, 2022 г.
- ЛВК — жен., 1955 г. р., русская, д. Ташка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2022 г.
- НДП — жен., 1940 г. р., коми-пермячка, участница ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Тихонова, 2022 г.
- РИТ — жен., 1941 г. р., русская, род. в д. Панькова, проживает в с. Юрла. Соб. С. Ю. Королёва, Е. М. Четина, 2014 г.
- ТИП — жен., 1954 г. р., коми-пермячка, выполняет функции церковной старосты, д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2022 г.
- ТИЧ — жен., 1939 г. р., коми-пермячка, д. Сеполь Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2022 г.
- ТРВ — жен., 1926 г. р., коми-пермячка, стояла у истоков ансамбля «Кукушка», проживала в д. Кукушка Кочёвского р-на; первая владелица тетради ДВА.

Литература

- Бартми́нский 2005 — *Бартми́нский Е.* Оппозиция «устный — письменный» и современный фольклор // Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Сост. и отв. ред. С. М. Толстая; Пер. с пол. М.: Индрик, 2005. С. 382–392.
- Бахматов и др. 2003 — Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. / А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2003.
- Бахматов и др. 2008 — Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: От и До, 2008.
- Бахтин 1996 — *Бахтин В. С.* Реальность письменного фольклора // Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-х — 1990-х годов: Статьи и материалы / Отв. ред. М. А. Лобанов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 151–159.
- Воронцова 2015 — *Воронцова Е. В.* Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. ... канд. философ. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2015.
- Голева 2019 — *Голева Т. Г.* Старообрядцы на территории Коми-Пермяцкого округа // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2019. № 1. С. 46–60. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.04>.
- Данченкова 2003 — *Данченкова Н. Ю.* Деревенский обычай «ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры: Образы. Обычаи. Художественная практика / Отв. ред. Н. Ю. Данченкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. С. 173–225.

- Жимулева 2008 — *Жимулева Е. И.* Православные песнопения в народных похоронно-поминальных обрядах (на материале сибирской традиции) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 138–142.
- Жуланова 1995 — *Жуланова Н. И.* Юрлинцы: русский «остров» или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого автономного округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении / Сост. Т. С. Шенталинская; Отв. ред. А. С. Каргин. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 1995. С. 77–88.
- Жуланова 2001 — *Жуланова Н. И.* «У отца да было у Владимира»: духовные стихи деревни Пож // Вестник Российского фольклорного союза. 2001. № 1. С. 4–7.
- Жуланова 2016 — *Жуланова Н. И.* Двуязычие в вокальном фольклоре коми-пермяков // Вопросы музыковедения: Теория. История. Методика. Вып. 9 / Отв. ред. Л. С. Бахши. М.: Моск. гос. ин-т музыки им. А. Г. Шнитке, 2016. С. 241–248.
- Жуланова 2023 — *Жуланова Н. И.* Духовные стихи и молитвы в народной культуре коми-пермяков // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева и Ю. М. Шеваренкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 215–249.
- Ивашина 2009 — *Ивашина О. В.* Духовные стихи на страницах рукописных тетрадей (к проблеме соотношения устного и письменного в фольклоре) // К. В. Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии / Ред.-сост. Е. В. Битерякова. М.: Моск. консерватория, 2009. С. 112–122.
- Ипполитова 2008 — *Ипполитова А. Б.* Религиозные стихи: рукописная традиция // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 80–88.
- Карвале́йру 2012 — *Карвале́йру А. М.* Читалки // Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь / И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин и др. Т. 2. М.: Индрик, 2012. С. 559–602.
- Королёва, Тихонова 2023 — *Королёва С. Ю., Тихонова М. А.* Похоронно-поминальный обряд и роль сельского ритуального специалиста у русских-юрлинцев // Традиционная культура. Т. 24. № 1. 2023. С. 110–121. <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.010>.
- Косятова 2012 — *Косятова С. С.* Русские народные духовные стихи Калужско-Брянского пограничья: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. М., 2012.
- Кувшинская, Заикина 2022 — *Кувшинская Ю. М., Заикина А. А.* Народные паралитургические традиции в Мантуровском районе Костромской области: практики и тексты // Живая старина. 2022. № 4. С. 6–12.
- Кувшинская, Заикина 2023 — *Кувшинская Ю. М., Заикина А. А.* Рукописная традиция и народная литургическая практика в Мантуровском районе Костромской области // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева и Ю. М. Шеваренкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 271–301.
- Кулев, Балакшина 2000 — Праздники и обряды Череповецкого района. Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. Вологда: [б. и.], 2000.
- Левкиевская 2018 — *Левкиевская Е. Е.* «Отпевальные» тетради украинцев Самойловского района: жанровый состав и пути формирования // Живая старина. 2018. № 1. С. 22–25.
- Левкиевская 2019 — *Левкиевская Е. Е.* Украинские анклавы на территории России: к проблеме исследования локальных традиций // III Всероссийский конгресс фольклористов. Т. 4 / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М.: [б. и.], 2019. С. 518–530.

- Левкиевская 2020 — *Левкиевская Е. Е.* Биографии религиозных специалистов в межпоколенной передаче культурной информации // «Осколки» в традиции / Сост. и ред. Е. Е. Левкиевская, О. Б. Христофорова, Н. В. Петров. М.: Неолит, 2020. С. 215–245.
- Левкиевская 2023 — *Левкиевская Е. Е.* Церковнославянские богослужебные тексты в структуре народного «отпевания» // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева и Ю. М. Шеваренкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 250–270.
- Мельников 2022 — *Мельников И. А.* Сборники духовных стихов староверов и православных в XX–XXI вв.: от текста-подарка к тексту-копии // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 5. № 2. 2022. С. 73–85. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-2-73-85>.
- Мороз 2022 — *Мороз А. Б.* Старообрядческий сборник духовных стихов и выписок из с. Троица Каргопольского района: состав, структура, идеология // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 44. № 5. 2022. С. 75–84. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.790>.
- Мурашова 2005 — *Мурашова Н. С.* Типы сборников духовных стихов, распространенных в старообрядческой среде: по материалам экспедиционных исследований // Старообрядчество: история, культура, современность. Т. 2 / [Ред. В. И. Осипов и др.]. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2005. С. 241–248.
- Мурашова 2020 — *Мурашова Н. С.* Старообрядческий духовный стих в контексте культурно-исторической эволюции внебогослужебного духовного пения: Дис. ... д-ра культурологии / Новосибирский гос. пед. ун-т. Т. 1. Новосибирск, 2020.
- Никитина 1982 — *Никитина С. Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.) / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 91–126.
- Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Духовные стихи в современной старообрядческой культуре: место, функции, семантика // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Междунар. съезд славистов: Доклады российской делегации / [Отв. ред. Г. Г. Литаврин]. М.: Наука, 1993. С. 247–259.
- Никитина 2013 — *Никитина С. Е.* Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М.: Ин-т Наследия, 2013.
- Никитина 2014 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое самосознание. 2-е изд. М.: Ленанд, 2014.
- Панова, Теплова 2020 — *Панова Е. А., Теплова И. Б.* Духовные, поминальные стихи и религиозные песни в народной традиции Кардымовского района Смоленской области. СПб.; Саратов: Амирит, 2020.
- Пашина 2008 — *Пашина О. А.* «Святые» в русской деревне как социальный институт // Живая старина. 2008. № 4. С. 39–42.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Индрик, 2016.
- Подюков и др. 2020 — Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / Подюков И. А., Королёва С. Ю., Пантелеева Л. М., Хоробрых С. В. СПб.: Маматов, 2020.
- Поздеева 2007 — *Поздеева И. В.* Кому повем печаль мою... // Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхоямья / Под ред. И. В. Поздеевой. М.: Данилов ставропигальный мужской монастырь, 2007. С. 13–35.
- Потехина и др. 2010 — *Потехина Е., Ницевич А., Аугустяк А.* Старообрядческие духовные стихи из рукописной тетради Елены Петровны Дикопольской //

- Staroobrzędowcy za granicą: Historia. Religia. Język. Kultura / Pod red. M. Głuszkowskiego, S. Grzybowskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2010. S. 209–222.
- Прокуратова 2018 — *Прокуратова М. А.* Духовные стихи на евангельские сюжеты в рукописной традиции крестьян Верхней Вычегды // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 12. Ч. 3. С. 458–461. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.7>.
- Рожкова 2012 — *Рожкова Т. И.* «Душа с телом расставалась...» Духовные стихи в традиции горнозаводских сёл Южного Урала // *Русский мир. Пространство и время русской культуры.* № 7. 2012. С. 379–409.
- Сверлова 2006 — *Сверлова Е. Л.* Погребальные духовные стихи Саратовского Поволжья как открытая полистилевая жанровая система: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова. Саратов, 2006.
- Сигарева 2018 — *Сигарева М. Н.* Рукописные сборники духовных стихов как способ хранения и передачи фольклорного текста (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций по Алтаю) // *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств).* 2018. № 3(17). С. 117–121.
- Твердохлеб 2017 — *Твердохлеб Н. В.* Драматургия погребального обряда и духовные стихи с. Корнеевка Краснопартизанского района и с. Свердлово Калининского района Саратовской области // *Фольклор Большой Волги: Сб. науч. ст. / Сост. В. Е. Добровольская и др. М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. С. 160–178.*
- Успенская 2009 — Духовные стихи Пермского края / Сост. Н. Н. Успенская. Екатеринбург: Свердловский обл. Дом фольклора, 2009.
- Фадеева 2004 — Религиозные стихи / [Сост. Л. В. Фадеева] // *Традиционная культура Гороховецкого края: В 2 т. Т. 2 / [Сост. А. Н. Иванов, А. С. Каргин]. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2004. С. 369–440, 575–583.*
- Храмова 2008 — Духовные стихи и канты / Сост. Н. Б. Храмова // *Религиозный фольклор в архиве Центра фольклора ННГУ: указатель сюжетов / Под общ. ред. К. Е. Кореповой; Сост. Ю. М. Шеваренкова, Н. Б. Храмова, О. В. Макаревич. Н. Новгород: [б. и.], 2008. С. 49–238.*
- Чадаева 2018 — *Чадаева Д. М.* Погребальные духовные стихи с. Большие Копены Лысогорского района Саратовской области // *Межрегиональные Пименовские чтения.* № 15. 2018. С. 144–151.
- Черных 2013 — *Черных А. В.* Русский «остров» в коми-пермяцком окружении в Пермском крае России // *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe / Pod red. E. Nowieckiej, M. Głuszkowskiego. Toruń: Eikon Studio, 2013. S. 173–184.*
- Четина, Роготнев 2010 — *Четина Е. М., Роготнев И. Ю.* Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь: [Изд-во Перм. гос. ун-та], 2010.
- Чувьуров 2003 — *Чувьуров А. А.* Духовные стихи в культуре коми-зырян: локальные традиции // *Рябининские чтения — 2003 / [Отв. ред. Т. Г. Иванова]. Петрозаводск: Музей-заповедник «Киж», 2003. [Сетевая версия]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/32.html?ysclid=lnvp5dixm0986012816>.*
- Юровская 2017 — На древах-та сидят да птички райския...: Духовные стихи горнозаводских сёл Челябинской области: Хрестоматия: Учеб.-практ. пособие / Запись, нотирование, сост., вступ. ст. и коммент. О. Л. Юровской. Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2017.
- Юровская 2022 — *Юровская О. Л.* Духовные стихи в песенной традиции калужских и пензенских переселенцев Челябинской области. Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2022.

Leete, Koosa 2023 — Leete A., Koosa P. The return of the Russian Orthodox Church to Komi rural communities // *Sibirica*. Vol. 22. No. 2. 2023. P. 1–29. <https://doi.org/10.3167/sib.2023.220201>.

References

- Bakhmatov, A. A., Podiukov, I. A., Khorobrykh, S. V., & Chernykh, A. V. (2003). *Iurlinskii kraj: Traditsionnaia kul'tura russkikh kontsa XIX–XX vv.* [Yurlinsky region: Traditional culture of Russians of the late 19th–20th centuries]. Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Bakhmatov, A. A., Goleva, T. G., Podiukov, I. A., & Chernykh, A. V. (2008). *Russkie v Komi-Permiatskom okruge: obriadnost' i fol'klor* [Russians in the Komi-Permyak district: ritual and folklore]. Ot i Do. (In Russian).
- Bakhtin, V. S. (1996). Real'nost' pis'mennogo fol'klora [The reality of written folklore]. In M. A. Lobanov (Ed.). *Ekspeditsionnye otkrytiia poslednikh let. Narodnaia muzyka, slovesnost', obriady v zapisiakh 1970-kh — 1990-kh godov: Stat'i i materialy* (pp. 151–159). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Bartmiński, J. (1989). Opozycja ustności i literackości a współczesny folklor. *Literatura Ludowa*, 1989(1), 3–12. (In Polish).
- Chadaeva, D. M. (2018). Pogrebal'nye dukhovnye stikhi s. Bol'shie Kopeny Lysogorskogo raiona Saratovskoi oblasti [Funeral spiritual verses of the village of Bolshye Kopena of the Lysogorsky district of the Saratov region]. *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniia*, 15, 144–151. (In Russian).
- Chernykh, A. V. (2013). Russkii “ostrov” v komi-permiatskom okruzhении v Permskom krae Rossii. [Russian “island” in the Komi-Permyak environment in the Perm Region of Russia]. In E. Nowiecka, & M. Głuszkowski (Eds.). *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe* (pp. 173–184). Eikon Studio. (In Russian).
- Chetina, E. M., & Rogotnev, I. Iu. (2010). *Simvolicheskie real'nosti Parmy: Ocherki traditsionnoi kul'tury Permskogo kraia* [Symbolic realities of Parma: Essays on the traditional culture of the Perm Region] (n. e.). (In Russian).
- Chuv'uiurov, A. A. (2003). Dukhovnye stikhi v kul'ture komi-zyrian: lokal'nye traditsii [Spiritual verses in the Komi-Zyryan culture: local traditions]. In T. G. Ivanova (Ed.). *Riabininskie chteniia — 2003. Muzei-zapovednik “Kizhi”* (web version). <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/32.html?ysclid=lnvp5dixm0986012816>. (In Russian).
- Danchenkova, N. Iu. (2003). Derevenskii obychai “khodit' po pokoiniku”. Mirskaia pravoslavnaia traditsiia molenii ob umershikh (Vladimirskaia oblast') [The village custom of “walking for the dead”. The secular Orthodox tradition of prayers for the dead (Vladimir region)]. In N. Iu. Danchenkova (Ed.). *Religiozniy opyt narodnoi kul'tury: Obrazy. Obychai. Khudozhestvennaia praktika* (pp. 173–225). Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russian).
- Fadeeva, L. V. (Compl.) (2004). Religioznye stikhi [Religious poems]. In A. N. Ivanov, & A. S. Kargin (Eds.). *Traditsionnaia kul'tura Gorokhovetskogo kraia* (Vol. 2, pp. 469–440, 575–583). Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. (In Russian).
- Goleva, T. G. (2019). Staroobriady na territorii Komi-Permiatskogo okruga [Old Believers on the territory of the Komi-Permyak district]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriia. Filosofiia. Pravo*, 1, 46–60. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.04>. (In Russian).
- Ippolitova, A. B. (2008). Religioznye stikhi: rukopisnaia traditsiia [Religious poems: handwritten tradition]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2008(3), 80–88. (In Russian).
- Iurovskaia, O. L. (Record, Notification, Ed., Intro. and Comments) (2017). *Na drevakh-ta sidiat da ptichki raiskiia...: Dukhovnye stikhi gornozavodskikh sel Cheliabinskoi oblasti: Khrestomatiia: Ucheb.-prakt. posobie* [Birds of paradise are sitting on the trees...: Spiritual

- verses of mining villages of the Chelyabinsk region: Reading book: Educational and practical guide]. *IuUrGII im. P. I. Chaikovskogo*. (In Russian).
- Iurovskaia, O. L. (2022). *Dukhovnye stikhi v pesennoi traditsii kaluzhskikh i penzenskikh peregelyentsev Cheliabinskoi oblasti* [Spiritual verses in the song tradition of Kaluga and Penza resettlers of the Chelyabinsk region]. *IuUrGII im. P. I. Chaikovskogo*. (In Russian).
- Ivashina, O. V. (2009). Dukhovnye stikhi na stranitsakh rukopisnykh tetradei (k probleme sootnosheniia ustnogo i pis'mennogo v fol'klore) [Spiritual verses on the pages of handwritten notebooks (on the problem of the correlation of oral and written in folklore)]. In E. V. Biteriakova (Ed.). *K. V. Kvitka i aktual'nye problemy etnomuzykologii* (pp. 112–122). Moskovskaia konservatoriia. (In Russian).
- Karvaleiru, A. M. (2012). Chitalki [Readers]. In I. S. Kyzlasova (Sleptsova), A. P. Lipatova, M. G. Matlin et al. *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'ianovskogo Prisur'ia: Emodialektnyi slovar'*, (Vol. 2, pp. 559–602). Indrik. (In Russian).
- Khramova, N. B. (Compl.) (2008). Dukhovnye stikhi i kanty [Spiritual verses and chants]. In K. E. Korepova (Ed.). *Religiozni fol'klor v arkhive Tsentra fol'klora NNGU: ukazatel' siuzhetov* (pp. 49–238) (n. e.). (In Russian).
- Korolyova, S. Iu., & Tikhonova, M. A. (2023). Pokhoronno-pominal'nyi obriad i rol' sel'skogo ritual'nogo spetsialista u russkikh-iurlintsev [Funeral and memorial rite and the role of a rural ritual specialist among group of Russians-yurlians]. *Traditsionnaia kul'tura*, 24(1), 110–121. <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.010>. (In Russian).
- Kosiatova, S. S. (2012). *Russkie narodnye dukhovnye stikhi Kaluzhsko-Brianskogo pogranich'ia* [Russian folk spiritual poems of the Kaluga-Bryansk borderland] (Abstract of the Cand. Sci. (Art Studies) Dissertation, Tchaikovsky Moscow State Conservatory). (In Russian).
- Kulev, A. V. & Balakshina, S. R. (Eds.). (2000). *Prazdniki i obriady Cherepovetskogo raiona. Kalendarnye prazdniki i obriady. Pokhoronno-pominal'nye obriady* [Holidays and rituals of the Cherepovets region. Calendar holidays and rituals. Funeral and memorial rites] (n. e.). (In Russian).
- Kuvshinskaia, Iu. M. & Zaikina, A. A. (2022). Narodnye paraliturgicheskie traditsii v Manturovskom raione Kostromskoi oblasti: praktiki i teksty [Folk paraliturgical traditions in the Manturovsky district of the Kostroma region: practices and texts]. *Zhivaia starina*, 2022(4), 6–12. (In Russian).
- Kuvshinskaia Iu. M. & Zaikina A. A. (2023). Rukopisnaia traditsiia i narodnaia liturgicheskaia praktika v Manturovskom raione Kostromskoi oblasti [Manuscript tradition and folk liturgical practice in the Manturovo district of the Kostroma region]. In L. V. Fadeeva, & Iu. M. Shevarenkova (Eds.). *Nardnaia religioznost' v svete fol'klora* (pp. 271–301). Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russian).
- Leete, A., & Koosa, P. (2023). The return of the Russian Orthodox Church to Komi rural communities. *Sibirica*, 22(2), 1–29. <https://doi.org/10.3167/sib.2023.220201>.
- Levkievskaia, E. E. (2018). “Otepal'nye” tetradi ukraintsev Samoilovskogo raiona: zhanrovyi sostav i puti formirovaniia [“Funeral” notebooks of Ukrainians of Samoylovsky district: genre composition and ways of formation]. *Zhivaia starina*, 2018(1), 22–25. (In Russian).
- Levkievskaia, E. E. (2019). Ukrainskie anklavy na territorii Rossii: k probleme issledovaniia lokal'nykh traditsii [Ukrainian enclaves on the territory of Russia: on the problem of studying local traditions]. In V. E. Dobrovol'skaia, & A. B. Ippolitova (Eds.). *III Vserossiiskii kongress fol'kloristov* (Vol. 4, pp. 518–530) (n. e.). (In Russian).
- Levkievskaia, E. E. (2020). Biografii religioznykh spetsialistov v mezhpokolennoi peregache kul'turnoi informatsii [Biographies of religious specialists in the intergenerational transmission of cultural information]. In E. E. Levkievskaia, O. B. Khristoforova, & N. V. Petrov (Eds.). *“Oskolki” v traditsii* (pp. 215–245). Neolit. (In Russian).
- Levkievskaia, E. E. (2023). Tserkovnoslavianskie bogoslužebnye teksty v strukture narodnogo “otpevaniia” [Church Slavonic liturgical texts in the structure of the folk “funeral

- service”]. In L. V. Fadeeva, & Iu. M. Shevarenkova (Eds.). *Narodnaia religioznost' v svete fol'klora* (pp. 250–270). Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russian).
- Melnikov, I. A. (2022). Sborniki dukhovnykh stikhov staroverov i pravoslavnykh v XX–XXI vv.: ot teksta-podarka k tekstu-kopii [Miscellanies of Old Believers and Orthodox spiritual verses in 20th–21st centuries: from a gift text to a copy text]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 5(2), 73–85. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-2-73-85>. (In Russian).
- Moroz, A. B. (2022). Staroobriadcheskii sbornik dukhovnykh stikhov i vypisok iz s. Troitsa Kargopol'skogo raiona: sostav, struktura, ideologiya [Old Believers' collection of spiritual songs and church books extracts from the village of Troitsa, Kargopol District: composition, structure, ideology]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 44(5), 75–84. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.790>. (In Russian).
- Murashova, N. S. (2005). Tipy sbornikov dukhovnykh stikhov, rasprostranennykh v staroobriadcheskoi srede: po materialam ekspeditsionnykh issledovaniy [Types of collections of spiritual verses widespread in the Old Believer environment: based on materials from expeditionary research]. In V. I. Osipov et al. (Eds.). *Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'* (Vol. 2, pp. 241–248). Muzei istorii i kul'tury staroobriadchestva. (In Russian).
- Murashova, N. S. (2020). *Staroobriadcheskii dukhovnyi stikh v kontekste kul'turno-istoricheskoi evoliutsii vnebogosluzhebного dukhovnogo peniia* [The Old Believer spiritual verse in the context of the cultural and historical evolution of extra-liturgical spiritual singing] (Dr. Sci. (Cultural Studies) Dissertation, Novosibirsk State Pedagogical University). (In Russian).
- Nikitina, S. E. (1982). Ustnaia traditsiia v narodnoi kul'ture russkogo naseleniia Verkhokam'ia [Oral tradition in the folk culture of the Russian population of Verkhokamy]. In I. D. Koval'chenko (Ed.). *Russkie pis'mennye i ustnye traditsii i dukhovnaia kul'tura (po materialam arkheograficheskikh ekspeditsii MGU 1966–1980 gg.)* (pp. 91–126). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Nikitina, S. E. (1993). Dukhovnye stikhi v sovremennoi staroobriadcheskoi kul'ture: mesto, funktsii, semantika [Spiritual verses in modern Old Believer culture: place, functions, semantics]. In G. G. Litavrin (Ed.). *Istoriia, kul'tura, etnografiia i fol'klor slavianskikh narodov. XI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Doklady rossiiskoi delegatsii* (pp. 247–259). Nauka. (In Russian).
- Nikitina, S. E. (2013). *Konfessional'nye kul'tury v ikh territorial'nykh variantakh (problemy sinkhronnogo opisanii)* [Confessional cultures in their territorial variants (problems of synchronous description)]. Institut Naslediia. (In Russian).
- Nikitina, S. E. (2014). *Ustnaia narodnaia kul'tura i iazykovoe samosoznanie* [Oral folk culture and linguistic identity] (2nd ed.). Lenand. (In Russian).
- Panova, E. A. & Teplova, I. B. (2020). *Dukhovnye, pominal'nye stikhi i religioznye pesni v narodnoi traditsii Kardymovskogo raiona Smolenskoii oblasti* [Spiritual, memorial verses and religious songs in the folk tradition of the Kardymovsky district of the Smolensk region]. Amirit. (In Russian).
- Pashina, O. A. (2008). “Sviatye” v russkoi derevne kak sotsial'nyi institut [“Saints” in the Russian countryside as a social institution]. *Zhivaia starina*, 2008(4), 39–42. (In Russian).
- Plotnikova, A. A. (2016) *Slavianskie ostrovnye arealy: arkhaiskaia i innovatsiia* [Slavic island areas: archaic and innovative]. Indrik. (In Russian).
- Podiukov, I. A., Korolyova, S. Yu., Panteleeva, L. M., & Khorobrykh, S. V. (2020). *Slovar' mortal'noi leksiki, frazeologii i simvoliki russkikh govorov Prikam'ia* [Dictionary of mortal lexis, phraseology, and symbolism of Russian dialects of the Kama region]. Mamatov. (In Russian).

- Potekhina, E., Nitsevich, A., & Augustiak, A. (2010). Staroobriadcheskie dukhovnye stikhi iz rukopisnoi tetradi Eleny Petrovny Dikopol'skoi [Old Believer spiritual verses from the handwritten notebook of Elena Petrovna Dikopolskaya]. In M. Głuszkowski, & S. Grzybowski (Eds.). *Staroobrzędowcy za granicą: Historia. Religia. Język. Kultura* (pp. 209–222). Wydawnictwo Naukowe UMK. (In Russian).
- Pozdeeva, I. V. (2007). Komu povem pechal' moi... [To whom will I tell my sadness...]. In I. V. Pozdeeva (Ed.) *Komu povem pechal' moi: Dukhovnye stikhi Verkhokam'ia* (pp. 13–35). Danilovskii stavropigal'nyi muzhskoi monastyr'. (In Russian).
- Rozhkova, T. I. (2012). “Dusha s telom rasstavalasia...” Dukhovnye stikhi v traditsii gornozavodskikh sel Iuzhnogo Urala [“Soul and body parted...” Spiritual verses in the traditions of mining villages of the Southern Urals]. *Russkii mir. Prostranstvo i vremia russkoi kul'tury*, 7, 379–409. (In Russian).
- Prokuratova, M. A. (2018). Dukhovnye stikhi na evangel'skie siuzhety v rukopisnoi traditsii krest'ian Verkhnei Vychegdy [Spiritual verses of Evangelic stories in Upper Vychegda peasants' manuscript tradition]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018(12, pt. 3), 458–461. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.7>. (In Russian).
- Sigareva, M. N. (2018). Rukopisnye sborniki dukhovnykh stikhov kak sposob khraneniia i peredachi fol'klornogo teksta (po materialam fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsii po Altaiu) [Handwritten spiritual verses books as a way of a folklore texts preservation and transfer (based on materials of folk and ethnographic expeditions round of the Altai territory)]. *Uchenye zapiski (Altaiskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury i iskusstv)*, 2018(3, no. 17), 117–121. (In Russian).
- Sverlova, E. L. (2006). *Pogrebal'nye dukhovnye stikhi Saratovskogo Povolzh'ia kak otkrytaia polistilevaia zhanrovaia sistema* [Funeral spiritual verses of the Saratov Volga Region as an open polystyle Genre System] (Abstract of the Cand. Sci. (Art Studies) Dissertation, Saratov State Conservatoire). (In Russian).
- Tverdokhleby, N. V. (2017). Dramaturgiia pogrebal'nogo obriada i dukhovnye stikhi Saratovskoi oblasti [Dramaturgy of the funeral rite and spiritual poems of Saratov region]. In V. E. Dobrovolskaya et al. (Eds.). *Fol'klor Bol'shoi Volgi: Sbornik nauchnykh statei* (pp. 160–178). ROSKUL'TPROEKT. (In Russian).
- Uspenskaia, N. N. (Ed.) (2009). *Dukhovnye stikhi Permskogo kraia* [Spiritual verses of the Perm Region]. Sverdlovskii oblastnoi Dom fol'klora. (In Russian).
- Vorontsova, E. V. (2015). *Sovremennoe bytovanie dukhovnykh stikhov v srede staroobriadtssev (po materialam polevykh issledovaniy na Viatke)* [The modern existence of spiritual verses among the Old Believers (based on the materials of field research in Vyatka)] (Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation, Lomonosov Moscow State University). (In Russian).
- Zhimuleva, E. I. (2008). Pravoslavnye pesnopeniia v narodnykh pokhoronno-pominal'nykh obriadakh (na materiale sibirskoi traditsii) [Orthodox chants in folk funeral and memorial rites (based on the material of the Siberian tradition)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2008(4), 138–142. (In Russian).
- Zhulanova, N. I. (1995). Iurlintsy: russkii “ostrov” ili kontaktная zona? (O muzykal'nom fol'klоре i traditsionnoi kul'ture russkogo naseleniia Komi-Permiatskogo avtonomnogo okruga) [Yurlians: Russian “island” or contact zone? (About musical folklore and traditional culture of the Russian population of the Komi-Permyak Autonomous District)]. In T. S. Shentalinskaia, & A. S. Kargin (Eds.). *Sokhranenie i vozrozhdenie fol'klornykh traditsii, Vol. 6: Russkii fol'klor v inokul'turnom okruzhении* (pp. 77–88). Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. (In Russian).
- Zhulanova, N. I. (2001). “U ottsa da bylo u Vladimira”: dukhovnye stikhi derevni Pozh [“Father Vladimir had”: spiritual verses of the village of Pozh] *Vestnik Rossiiskogo fol'klornogo soiuza*, 2001(1), 4–7. (In Russian).
- Zhulanova N. I. (2016). Dvuiazychie v vokal'nom fol'klоре komi-permiakov [Bilingualism in the vocal folklore of the Komi-Permyaks]. In L. S. Bakshi (Ed.). *Voprosy muzykoznanii:*

Teoriia. Istoriia. Metodika (Vol. 9, pp. 241–248). Moskovskii gosudarstvennyi institut muzyki imeni A. G. Shnitke. (In Russian).

Zhulanova, N. I. (2023). *Dukhovnye stikhi i molitvy v narodnoi kul'ture komi-permiakov* [Spiritual verses and prayers in the folk culture of the Komi-Permyaks]. In L. V. Fadeeva, & Iu. M. Shevarenkova (Eds.). *Narodnaia religioznost' v svete fol'klora* (pp. 215–249). Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Светлана Юрьевна Королёва

кандидат филологических наук
исполнитель проекта, Отдел
реализации внебюджетных проектов,
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва,
Ленинский пр-т, д. 32А
✉ petel@yandex.ru

**Маргарита Александровна
Тихонова**

исполнитель проекта, Отдел
реализации внебюджетных проектов,
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва,
Ленинский пр-т, д. 32А
✉ novatikho@gmail.com

Information about the authors

Svetlana Yu. Korolyova

Cand. Sci. (Philology)
Project Implementer, Department for
the Implementation of Extra-Budgetary
Projects, Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32A
✉ petel@yandex.ru

Margarita A. Tikhonova

Project Implementer, Department for
the Implementation of Extra-Budgetary
Projects, Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32A
✉ novatikho@gmail.com

Г. Г. Гиздатов<https://orcid.org/0000-0002-6014-4183>✉ gizdatovgazinur@gmail.com✉ gizdat@mail.ru

Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана
(Казахстан, Алматы)

ИГРОВОЕ ПОЛЕ ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ «ПОСЛЕДНЕГО АВАНГАРДИСТА» СЕРГЕЯ МАСЛОВА

Аннотация. В статье исследуются формы и функции текста в художественной практике представителя актуального искусства в Казахстане С. Н. Маслова (1952–2002). Текстocентричность и литературоцентричность как универсальные свойства позднесоветской и постсоветской визуальной культуры впервые анализируются на текстовом материале представителя художественного поставангарда в Казахстане. Тексты, производимые казахстанским автором в различных модификациях актуального искусства, были хронологически разными: они появлялись до, во время и после создания визуального образа. Выделяется такая форма творчества Маслова, как создание не столько произведения-результата, сколько произведения-процесса, с обязательным авторским манипулированием текстом в пространстве и времени, когда художественная практика превращается на глазах зрителей (читателей) в многослойную игру. В качестве результата исследования представлено, как Маслову удалось уловить и передать посредством текста, который он впитал в сюжет своих художественных акций, главное в деталях постсоветского существования и быта, а потом и трансформировать их в эстетику абсурда. Показано, что одним из способов реализации этого стало использование эстетики массмедийных форм текста: традиционного письма, бюрократической инструкции и гороскопа, а также формы фантастического романа. Арт-практика С. Н. Маслова отразила свойственный ему хронологически ограниченный литературоцентризм с одновременным выходом художника в своих последних текстовых работах на особенности современной дигитальной арт-среды.

Ключевые слова: авангард, литературоцентричность, перформативный текст, перформанс, поставангард, постмодернизм, семиотический анализ, текст, эстетика

Для цитирования: Гиздатов Г. Г. Игровое поле текста в художественной практике «последнего авангардиста» Сергея Маслова // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 163–177.

Поступило 29 декабря 2023 г.; принято 11 июня 2024 г.

G. G. Gizdatov

<https://orcid.org/0000-0002-6014-4183>

✉ gizdatovgazinur@gmail.com

✉ gizdat@mail.ru

Kazakh Ablai Khan University
of International Relations and World Languages
(Kazakhstan, Almaty)

THE PLAYING FIELD OF THE TEXT IN THE ART- PRACTICE OF THE “LAST AVANT-GARDE ARTIST”, SERGEI MASLOV

Abstract. The article examines the forms and functions of the text in the artistic practice of S. N. Maslov (1952–2002), a representative of contemporary art in Kazakhstan. Based on the material of the artistic avant-garde in Kazakhstan, text-centricity and literature-centricity as universal properties of late Soviet and post-Soviet visual culture are analyzed for the first time. The texts created by the Kazakhstani author in various modifications of contemporary art were chronologically different: they appeared before, during and after the creation of the visual image. The features identified in the article include the creation by this post-avant-garde author not so much of a work-result, but more of a work-process, with the author's obligatory manipulation of the text in space and time, when artistic practice turns into a multilayered game in front of the audience (readers). The article presents how Sergei Maslov managed to capture and convey through the text, woven by him into the plot of his artistic actions, the main issues in the specifics of post-Soviet existence and daily life, and then to transform them into the aesthetics of absurdity. One of these ways, as shown in the article, was the use of the aesthetics of mass media forms of the text: traditional writing, bureaucratic instructions and the horoscope, as well as the form of a multimedia novel. The art practice of S. N. Maslov reflected his characteristic literary centrism with the simultaneous access of this artist and performer to the features of the modern digital artistic environment.

Keywords: aesthetics, avant-garde, literature-centricity, performance, performative text, post-avant-garde, postmodernism, semiotic analysis, text

To cite this article: Gizdatov, G. G. (2024). The playing field of the text in the art-practice of the “last avant-garde artist”, Sergei Maslov. *Shagi / Steps*, 10(3), 163–177. (In Russian).

Received December 29, 2023; accepted June 11 2024

В эстетике актуального искусства (contemporary art) конца XX — начала XXI в. текст занимает особое место: нередко он дополнительно включается в арт-объекты, но большей частью именно он их прямо создает. Особый интерес при семиотическом анализе представляют те случаи, когда текстовые образчики рождают свой смысл вместе с визуальной идеей в заданной точке времени, что можно назвать созданием дискурса. Тексточентричность и производная от нее литературочентричность как универсальные свойства постсоветской визуальной культуры впервые выявляются в статье на материале творчества казахстанского художника, перформансиста, автора литературных текстов Сергея Николаевича Маслова (1952–2002).

Необходимо дать краткие пояснения о С. Н. Маслове. Профессиональное, еще больше идейное становление художника и литератора, родившегося в Самаре, но учившегося и прожившего большую часть жизни в Алматы, пришлось на середину 1970-х — конец 1990-х годов. Для советского и постсоветского интеллигента, к которым он себя относил, это особый период не только в искусстве, но и в самой социальной жизни. «Я принадлежу к последнему поколению авангардистов СССР, которое не думало, что оно будет последним», — так определял свое место в искусстве Сергей Маслов [2022: 71]. Заметим, что слово *авангард* употреблено им здесь только для обозначения своего разрыва с общепринятой художественной традицией. Понятия *авангард*, *поставангард*, *постмодернизм* в искусствоведческих и филологических исследованиях получили вполне определенную трактовку. В нашей статье методологически значима следующая установка: «Одним из наиболее распространенных принципов определения специфики искусства постмодернизма является подход к нему как к своеобразному художественному коду, т. е. своду правил организации «текста» художественного произведения» [Ильин 2001: 215]. По многим основаниям, как это будет показано дальше, художественная практика С. Н. Маслова хронологически вписывается в период становления поставангарда и самое главное — созвучна эстетике постмодернизма. Его художественная и литературные практики соотносятся с идеологией постмодернизма, в которой текст не отображает реальность, а творит ее [Руднев 2017: 483 (ст. «Постмодернизм»)].

Уже в наше время Маслова принято относить к основоположникам современного искусства Казахстана [Кобжанова 2012: 130]. Из биографических данных целесообразно также указать, что алматинский художник сначала в 1988–1991 гг. преподавал живопись в художественном колледже, потом был лидером художественной группы «Ночной трамвай» (1989–1994 гг.), иронично развивавшей в Казахстане направление ориентального мистицизма, наконец, с 1995 г. и до ухода из жизни последовала работа в галерее «Вояджер», в том числе сторожем при ней. В последние пять лет жизни были лекции, публикации в газетах и немногочисленные выставки. Следует заметить, что если его картины, а также некоторые художественные акции были хотя бы с относительной полнотой перечисле-

лены в искусствоведческих работах и каталогах, то другие сохранившиеся авторские тексты, включенные в контекст той или иной акции, инсталляции, перформанса, а также роман «Звездные кочевники», по сути, стали известны (точнее о них напомнили) только в 2021–2022 гг. В эти годы благодаря усилиям коллег-художников Елены и Виктора Воробьевых была проведена выставка «Ловец снов», а также опубликованы и /или переизданы основные тексты самого художника [Маслов 2021a; 2021b; 2022]. На сегодняшний день литературные тексты Маслова формально не собраны в некую единую книгу, они фрагментарно представлены в каталогах персональных и коллективных выставок и в книге «Здесь был Маслов» [Маслов 2004].

«К середине 90-х годов прошлого века в казахстанском искусстве сложился совсем небольшой кружок людей, которых журналисты и коллеги называли то радикальными художниками, то концептуалистами, то авангардистами, а то и просто не совсем нормальными людьми, склонными к эпатажу», — указывает исследовательница недавней казахстанской арт-истории [Ибраева 2014: 9]. Отнесение творчества Сергея Маслова к несколько запоздалому и оригинальному проявлению поставангарда в Казахстане справедливо с тем уточнением, что его художественная практика действительно превращалась в игру в разных ее дискурсивных модификациях. В свое время казахстанский автор несколько эпатажно заявлял: «Мне заниматься чистым концептуализмом сегодня скучно, а чисто живописной или пластической проблемой наивно» [Маслов 2022: 87]. Но Сергей Маслов, несмотря на отрицание своих связей с концептуализмом, наиболее близок именно к нему. В своей арт- и литературной практике он так же, как и московские концептуалисты, работает с двумя «языками»: «В основе искусства концептуализма лежит наложение двух языков — затертого совкового языка-объекта и авангардного метаязыка, описывающего этот совковый язык-реальность» [Руднев 2017: 286 (ст. «Концептуализм»)]. Концепция художественного авангарда Сергея Маслова в своих стратегиях и реальной практике близка к тому, как, с какими медиа и с какими установками создавал свои работы поэт и художник Дмитрий Пригов (1940–2007). Литературоцентричность неофициальной советской культуры, в том числе в ее приложении к этому представителю московского концептуализма, рассмотрена в работах [Липовецкий, Кукулин 2022; Ямпольский 2016]. Целесообразно будет указать, что казахстанского автора трудно отнести к продолжателям, тем более к многочисленным эпигонам Д. А. Пригова. Но, естественно, необходимо согласиться с очевидным: «Быть концептуалистом совершенно не равнозначно существованию в качестве импрессиониста или социалистического реалиста. Дело в том, что концептуализм существует сам по себе на едва уловимой грани между реализмом и номинализмом. Ведь именно в концептуализме индивидуальное и материальные вещи исчезают, а их место занимают понятия, идеи, концепты» [Ямпольский 2016: 6].

К объединяющей художественной стратегии двух авторов и созвучных текстовых проектов, которые были ими подготовлены, следует отнести создание ими не произведения-результата, а произведения-процесса, когда благодаря манипуляциям и действиям с текстом в пространстве и времени художественная практика превращается в игру. Картины, тексты и художественный акционизм и Пригова, и Маслова отличаются индивидуальным своеобразием, но столь же очевидны схожие принципы идеологического и эстетического осмысления своего времени: «В качестве главного объекта Приговым избран символический порядок советской, а затем и русской культуры, который он одновременно обнажает и разрушает» [Липовецкий, Кукулин 2022: 11]. Так же как у Пригова, в творчестве Маслова отражена фактура 1990-х, но в той же мере казахстанский художник много говорит о самом себе, точнее о своем направлении, в котором становилась принципиально важной риторика прямого социального высказывания и очевидна деконструкция советского языка.

В концепции художественного поставангарда Сергея Маслова, в его провокативных акциях и перформансах человек предстал одновременно как нечто биологическое и социокультурное. Ирония и стеб в акциях, визуальном творчестве и вербальных текстах Маслова сами являются способом восприятия действительности, они же свидетельствуют о мучительном поиске нового языка для описания происходящего. Абсурд для него — игровое поле, которое и есть его жизненное пространство и время, ставшие искусством в его реальности. Следует заметить, что в казахстанской социокультурной практике интермедиальные эксперименты не только Сергея Маслова (1952–2002), но и Ербола Мельдибекова (род. 1964) и Зияхана Шайгельдинова — Шай-Зия (1956–2000) стали единственными художественными концепциями, в которых осмыслялась советскость-постсоветскость как идеологический и культурный принцип жизнеустройства [Гиздатов и др. 2023: 37]. При этом в текстах, сопровождавших эти интермедиальные эксперименты, была избрана стратегия, позволяющая, на взгляд самих художников, уцелеть в наступающей постсоветской неопределенности, — эстетика абсурда, в которой происходили трансформации деталей постсоветского существования в нечто большее.

Самое главное — провокативные жесты-перформансы этого автора-художника позволяли преодолевать (или создавали такое впечатление для зрителя и читателя) физическое и символическое давление Власти. Сергею Маслову удалось уловить и передать посредством текста, который он вплетал в сюжет своих художественных акций, главное в постсоветском существовании и быте, а потом трансформировать это в эстетику абсурда. (Под перформативными текстами в данном случае имеются в виду все виды текстов, сопровождающие художественные акции, перформансы и другие виды актуального искусства.) Следует заметить, что для многих форм позднесоветского перформанса всегда были характерны мультимедиальность и интертекстуальность (прямое или опосредованное включение «чужих» текстов), которые в равной мере присутствуют и в практи-

ке Сергея Маслова. Но из всех казахстанских, в том числе современных художников, он наиболее интертекстуален, он больше всех работал напрямую с текстом, сопровождавшим, дополнявшим его изобразительное творчество и художественные акции. Одна из его персональных выставок так и называлась — «Маслов рядом с искусством, около литературы» [Маслов 2022: 92]. Кстати, в его творчестве книга могла стать визуальным знаком, сохраняя лишь условную вербальную семантику. Такова его «Инаконабула» (объект, сшитый художником из собственных работ), многообещающе обозначенная как «Книга живописи, канувшей в забвение 2001»:

Надо сделать книгу красивым артефактом, настоящим произведением визуального искусства, тогда сохранится и информация, ею заложенная. Наша книга станет чемоданом с двойным дном, жуком в муравейнике. Мы вырвем книгу из лап энтропии, и она вновь станет свидетельством торжества человеческого духа над силами хаоса [Маслов 2021b: 109].

Существование и проявление текста как медиаисточника в перформансах и акциях Сергея Маслова стало значимым способом выражения авторской идеи. Причем в его арт-практике встречаются обе возможные формы: 1) текст готовится перформансистом заранее и 2) текст создается в процессе перформанса, усложняя или изменяя задуманный сюжет. Если в первом случае текст как объект статичен, то во втором он сам является действием, на котором основываются идея и композиция художественной акции. Причем реальную грань между его текстами порой провести сложно: где именно пародия, где больше языковой эксперимент или даже соц-артистский манифест, или же собственно концептуальный жест. Но перформативный текст Сергея Маслова «работает» с идеологией и эстетикой постмодернизма: «Смысл постмодернистского опуса во многом определяется присущим ему пафосом критики “медиа”. Особую роль в формировании языка постмодерна, по признанию всех теоретиков, занимавшихся этой проблемой, играют масс-медиа — средства массовой информации, мистифицирующие массовое сознание, манипулирующие им, порождая в изобилии мифы и иллюзии — все то, что определяется как “ложное сознание”» [Ильин 1996: 219].

Пожалуй, все же самым частотным в его арт-практике стало использование эстетики письма как медиального средства. Письма у Сергея Маслова выступают как универсальные способы погружения в пространство и время. Тексты, производимые им в рамках актуального искусства, были хронологически разными: они появлялись до, во время и после создания визуального образа; создавались и самим художником, и другими персонажами и возможными участниками действия, задуманными автором-акционистом. Так, его акция «Братство художников» (1997), организованная перед приездом московских кураторов на арт-семинар Art Discourse-97 в Алматы, приобрела после его действий с текстом искомую помощь:

Одному человеку трудно отыскать нужные слова. Я решил обратиться за помощью к народу. Дал в газету «Караван» объявления о знакомстве от имени В. Мизиано, Л. Бредихиной, О. Кулика и А. Якимовича. Пришло много писем. Ими я украшу комнату моих любимых. Как Ван Гог — комнаты Гогена [Маслов 1998а: 100].

Акция включала следующие последовательные этапы: подготовка писем, публикация их в казахстанской газете, сбор ответов, размещение полученных ответов на стенах комнаты, видеофиксация реакции адресатов. По свидетельству самого художника, таким способом он попытался создать сообщество близких по духу людей, живущих в едином творческом пространстве. Он получал ответы, в которых люди пытались объяснить в любви своим адресатам, ни о чем пока не подозревающим. Письма были разными, в том числе содержащими личные истории, например:

Здравствуй Александр! (письмо адресовано А. Якимовичу. — Г. Г.) Ты моя вторая половинка. О себе: Наталья 40-160-58. Жильем обеспечена, материально — слабая сторона. Александр, можно мы встретимся и погуляем где-нибудь по скверу и ты мне расскажешь о себе, пожалуйста очень тебя прошу. Мы долго-долго будем разговаривать. Ты очень серьезный человек и для общения ты мне нужен. Целую. После 19.00 До свидания Наталья [Там же: 99].

Параллельно Маслов вел дневник наблюдений:

Получили большую партию новых писем. Расклад такой: Бредихина — 37, Якимович-Балабанов — 19, Кулик — 18, Мизиано — тоже 18, но для него письма длинные, много трагических. Пишут о смерти детей и одиночестве, но есть и веселые, много рассуждений о любви и искусстве. Юферова сказала, что считает мою акцию аморальной, предлагает письменно ответить каждому автору письма и извиниться. Новые письма получать отказывается. Осипов тоже отказывается поучать письма для О. Кулика, сказал, что мои действия квалифицирует как сатанизм [Там же: 101].

Эти письма, размещенные на стенде, были показаны московским гостям и участникам семинара. В акции трагическое соседствовало с комическим, но некоторым адресатам многое не понравилось. Сам же автор акции замечал:

Москвичи радовались как дети — читали, смеялись, комментировали, ели арбузы. Рассказывали случаи [Маслов 1998а: 101].

Пространство и время в этой художественной акции Сергея Маслова оказались преодоленными именно за счет семиотических возможностей текста, который создавал декларируемое им братство до акции и после нее, но результатом стало несостоявшееся единство. Текст в этом случае воспринимается не только как жест, который у этого автора всегда проек-

тивен, Маслов здесь сознательно, как и в рамках визуального искусства, играет с этой проективностью.

Описания Масловым собственных проектов сами стали имеющими литературную ценность текстами, в которых он тоже манипулирует с интертекстом, причем именно с тем жанром, который в конкретное время являлся популярным в массовой культуре. Так, его художественную акцию «Рисунки для Демиурга», проведенную во время одного из арт-семинаров, кураторы и слушатели приняли всерьез именно из-за предварительного текста-введения. (Впоследствии он писал: «Я сделал это! Мне удалось уболтать около трех десятков искусствоведов, художников и студентов выехать на четверо суток в горы под предлогом проведения там семинара по радикальному искусству» [Маслов 1998b: 105].) Этот текст художника был полностью выдержан в духе и стилистике Карлоса Кастанеды, которым тогда многие были увлечены:

Темная, страшная, ужасная, беспощадная ночь каждый день спускается на мир. Она очень древняя, она почти ничто, но из нее родилось все и все станет ею. Она старше Света и Мира. Страх входит в нас, когда мы соприкасаемся с ночью. День прост и беспечно иллюзорен, и глуп. Ночью происходит невозможное, ночь рационально непредсказуема. Ночь поменяет наш мир, там девушки красивы и доступны, там можно заблудиться, там другой ландшафт и другие деревья. Все другое. Мрачная и таинственная, она пугает меня с рождения. Холодный пот выступает на моем лбу, когда я догадываюсь, что придет ночь, беззвучно и неотвратно [Маслов 1998b: 104].

То, что некоторые искусствоведы характеризуют в творчестве Сергея Маслова как эзотеризм [Улько 2022: 9], на самом деле оказывается лишь игрой в рамках предлагаемой массмедийной формы. В введении к акции «Рисунки для Демиурга» художник писал:

Я разгадал сущность и смысл человеческой жизни. Она знак, иероглиф непостижимого текста. Я нарисую светом символ этого знака. Для понимающего будет достаточно. Мы пойдем длинной цепочкой. Затылок в затылок. У каждого в руке будет фонарь. Для тех, кто пойдет на это страшное, таинственное и романтическое приключение типа нашей жизни, повороты судьбы будут казаться случайными, а смысл и финал они не поймут. И не стоит говорить им правды. Познание увеличивает скорбь. Я знаю, как их увлечь [Маслов 1998b: 103].

На мой взгляд, в этом случае мы имеем дело с талантливым проявлением того, что в современных антропологических исследованиях объясняется следующим образом: «...самозванство предстает болевой точкой современной культуры и персонологии. В условиях массовой культуры проблема личности заключается в том, чтобы реализоваться как некоему бренду — в буквальном смысле. На первый план выходит выбор проек-

та, автором которого является сам человек. Причем речь идет о довольно конкретной технологии разработки и реализации такого проекта, включающей выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации» [Тесля и др. 2022: 264–265]. Ироничная словесная игра Маслова в этом (и не только в этом) случае может быть воспринята как искреннее художническое миссионерство: «А потом мы уедем, и все канет в забвение, и будет казаться, что все происходило не с нами или не происходило вообще» [Маслов 1998b: 104].

Маслов часто использовал форму и штампы многих популярных массмедийных текстов (инструкций, традиционных писем, гороскопов), пародийно эксплуатируя их внешнюю поучительность и простоту. Во всех этих случаях была явственна сама задумка обнажить и сделать гротескными дискурсивные механизмы массмедийного текста:

Скорпион (23.10–22.11) корнями врос в земную жизнь и, в то же время, впился, как клещ, в невидимый мир. Отсюда его постоянное напряжение, неудовлетворенность, тревоги. Чтобы добиться успехов в контемпорари арт, ему необходимо пройти через символическую смерть определенных привычек из прошлого. Среди людей, рожденных под этим знаком, много святых и грешников. Они могут сотрудничать в КНБ (Комитет национальной безопасности Республики Казахстан. — *Г. Г.*) и стучать на своих собратьев-художников, исключительно из тяги к шпионскому промыслу [Маслов 2022: 161].

Практика Маслова обнажает воспроизводство массмедийной формы, но имеет мало отношения к буквальному смыслу текстов соответствующих жанров; столь же очевидно присвоение им пустых форм постсоветской культуры. Именно таким образом была устроена художественная акция «Моя Уитни» (1998), созданная в рамках радикального искусства и сугубо масловского черного юмора. Акция открывалась «смертью» героя и предварялась некрологом «Роковой кумир», распространявшимся как фрагмент газетной статьи:

На даче растет старое дерево орех, под которым Сереженька еще маленьким любил играть. Оно и стало его последней опорой перед тем, как художник накинуд на шею веревку. Перед смертью он крепко зажал в кулаке маленький портрет Уитни. Его так и не смогли вынуть из сведенной судорогой руки, вместе с ним он лежал в гробу... Десятки человек: женщины, девушки, даже юноши, только-только достигшие того возраста, когда смерть перестаёт казаться просто абстракцией, плакали навзрыд. Не плакал только Сережа Маслов. Он лежал в гробу, и внутренний, уже нездешний, свет озарял его прекрасное одухотворенное лицо [Маслов 2022: 57].

Себя Маслов тоже помещает в разыгрываемое им действие. Ситуация акции разворачивалась в обратном порядке: вслед за некрологом была

представлена серия «наивных» писем от художника к певице Уитни Хьюстон:

Я попробовал рассказать историю светлой бескорыстной любви знаменитой певицы и безвестного художника, историю их интимных переживаний и жертвенности. Эту историю можно прочитать как трагедию маленького человека, не добившегося ничего в жизни, а можно как гимн прекрасной и возвышенной любви [Маслов 2022: 56].

По сути, Масловым была разыграна ситуация создания литературного текста: «Всякий личностно ориентированный текст, будь то мемуары, или письма, или, тем более, некое лирическое целое, отчуждает реальную и собственную личность биографического лица до статуса автора» [Силантьев 2016: 344]. В имитируемых письмах между певицей и художником воссоздавалась та самая нужная автору повышенная доверительность, с которой он играет для своих возможных зрителей и читателей. Сочетание штампов и искренности рождает одновременно комический эффект и трогательный сюжет, в котором коллаж из мировых и «местечковых» новостей смотрелся одновременно комично и литературно продуманным:

Милый Сережа! Так приятно было получить от Вас письмо. Я раньше даже никогда не слышала о существовании такой страны как Казахстан. Я долго искала переводчика, чтобы перевести письмо с казахского, но потом оказалось, что письмо написано по-русски. А я не люблю белых мужчин. Они угнетали моих предков. Били их, эксплуатировали, насиловали наших матерей и дочерей. Ну как я после этого отдамся Вам? Что скажут мои родственники? Хотя, конечно, предложение очень заманчивое. Но вообще-то я замужем, у меня даже есть ребенок. Но мой муж ведет себя безнравственно, постоянно путается с молодыми <...> Так хочется ему отомстить. Поэтому Ваше письмо может оказаться очень кстати. Но, как я узнаю Вас? Пришлите хотя бы фотографию. Целую. Ваша Уитни.

P. S. Я слушала, в вашей стране проводится много фестивалей и конкурсов. Не могли бы вы помочь мне попасть в конкурсную программу «Азия Дауысы» или «Сезон Востока» [Маслов 2022: 59].

Среди текстов Сергея Маслова есть и такие, которые могли бы претендовать на роль манифеста своего времени. Так, перформанс «Инструкция по выживанию для граждан бывшего СССР» (1997; воссоздан в 2022 г. на выставке памяти художника «Ловец снов»; см. также публикацию в [Рыжкина и др. 2019: 25–26]) состоял из последовательности действий: юноша на возвышении в окружении гламурно одетых людей в кичливом интерьере пел итальянские арии. Потом доставал пачку листовок с инструкциями и швырял ее вниз. Под продолжающуюся мелодию люди ловили и читали инструкции. Положения инструкций были нарочито бытовыми, но сатирически описывали абсурд жизни. В них предлагался «альтернативный»

вид существования в условиях нищеты, дефицита, тотального воровства, а мелкие детали постсоветского быта трансформированы в глобальный абсурд. Но за обыгрываемыми в стиле канцелярской инструкции установками столь же очевиден по-прежнему советский человек, преодолевающий уже позднесоветскую данность посредством эстетики абсурда:

Не спешите расставаться с заваркой. Попив чай, аккуратно соберите заварку в чистую посудину, залейте холодной водой и прокипятите часа два-три, предварительно положив туда чистую тряпочку. Когда у вас не будет денег на заварку, вы сможете отрывать кусочки тряпочки и сосать [Маслов 2022: 125].

В этих иронических текстах разрушаются этикетные границы стереотипной вежливости, обнажается гипернормализованность бюрократического языка. Как результат вежливость оказывается встроенной в систему пустотного языка культуры. Во всех этих случаях явственна сама задумка обнажить и сделать гротескными дискурсивные механизмы массмедийного или канцелярского текста.

Радикальная игра с языком в творчестве Сергея Маслова привела к попытке создать цельный литературный текст. Речь идет о его незавершенном романе «Звездные кочевники», фрагментарно представленном в социальных сетях в 2002 г. и целиком опубликованном только в 2021 г. [Маслов 2021a]. По свидетельству коллег Маслова, «...задумано было повествование, рассказывающее о множественном, непредсказуемом, противоречивом человеке или даже человечестве, квинтэссенцией которого и послужили личности казахстанских художников» [Ибраева 2021: 12]. Роман «Звездные кочевники» — это незавершенный литературно-художественный эксперимент с фантастическим сюжетом, сопровождаемый рисунками и комментариями от автора. В нем Маслов ломает рамки языка в попытке приблизиться к стилю космического мачизма, но также пытается сломать и рамки традиционного сюжета, что приближает его текст к эстетике киномонтажа. Композиционно роман предполагался как система гиперссылок, с включением официальных биографий, сплетен, диалогов, слухов, интервью, т. е. полностью в духе Маршалла Маклюэна [2017] включал в себя все возможные реальные и фальсифицируемые формы проявления массовой культуры по отношению к героям романа. Текст предварялся аннотацией от автора, в которой он раскрывает сюжет будущего произведения. Роман был провокативен в подаче персонажей: в нем в звездно-эротическое путешествие отправляются друзья-художники самого Сергея Маслова, многие из которых сами до сих пор являются представителями актуального искусства. Сюжет погружен в воображаемую жизнь при полете на звездолете. Автор описывал в аннотации роман следующим образом:

Внешне это выглядит как текст авантюрно-приключенческого фантастического романа с большим количеством дополнений и комментариев <...> В дополнениях к роману, которые будут за-

нимать от половины до двух третей всего текста, предполагается дать разноразличные характеристики художников. В одном случае это будет текст, напоминающий справки в каталогах. В другом случае это будет текст, напоминающий рассказы или описания случаев, которые происходили с художником. В третьем случае это будут пространственные интервью, которые раскроют эстетическую позицию художника, обоснуют метаморфозы творческого пути и сегодняшние устремления в искусстве [Маслов 2021а: 23–24].

Даже по незавершенному тексту можно увидеть иронию над штампами позднесоветской фантастики:

Я только что проснулся. Дождь пидорасит уже седьмой день. Эта Проксима Центавра уже достала. Хочется вернуться домой, полежать в сене, понюхать запахи. Встал, пошёл в центр. Возле электронной аптеки стоял прикольный звездолет. Решил показаться. Открыл дверь, застрелил водителя и выкинул неуклюжее тело на тротуар. Сиденья мягкие, удобные. Машина легко оторвалась от земли. Я летел специально низко, чтобы ощущение скорости было острее. На вираже решил попробовать боковую пушку. С одного удара замочил гуманоида, сосущего алкоголь из пластиковой банки, сидя на скамейке, и взмыл в стратосферу [Маслов 2021а: 30].

Думается, этот текст требует дополнительного и отдельного разбора. При этом очевидна попытка автора кадрировать события в тексте, как изображение в кино.

В эстетике позднесоветского поставангарда, к которому относится творчество Сергея Маслова, очевидна попытка работать с массмедийными формами текста. В казахстанской литературной практике XX в. зафиксирована только одна попытка так работать с интертекстами своего времени, речь идет о казахстанском художнике Павле Залыцмане (1912–1985), чье литературное творчество стало известным только в начале XXI в. [Гиздатов 2023]. В свою очередь, тексты Маслова в значительной мере отразили иронию над культурной сентиментализацией позднесоветских и постсоветских текстов 1990-х годов. В разные моменты жизни и творчества одни художественные стратегии работы с текстом выходили у него на первый план, другие исчезали из его практики. В его текстах и художественных акциях явственна попытка преодолеть травматический опыт советского времени, многое определено тем временем, в котором он жил. В творческих исканиях Маслова проглядывается новая поэтика, созвучная уже с современным вплетением в художественную эстетику искусственного интеллекта (в первую очередь это относится к его роману «Звездные кочевники»). Творчество Сергея Маслова, хотя уже прошло двадцать лет после его преждевременного ухода из жизни, остается актуально в своем культурном трансфере с текстом и в работе с ним в разных медиа.

Источники

- Маслов 2004 — Здесь был Маслов: Сб. произведений Сергея Маслова. 1952–2022: Живопись, рисунки, тексты, проекты, интервью / Сост. Е. Воробьева и др. Алматы: Вояджер, 2004.
- Маслов 1998a — *Маслов С.* Братство художников 1998 // Art Discourse-97: Семинар по теории и практике современного искусства / Сост. И. Юферова. Алматы: [APN group], 1998. С. 99–101.
- Маслов 1998b — *Маслов С.* Рисунки для Демиурга // Art Discourse-97: Семинар по теории и практике современного искусства / Сост. И. Юферова. Алматы: [APN group], 1998. С. 102–105.
- Маслов 2021a — *Маслов С.* Звёздные кочевники. Алматы: Aspan Gallery, 2021.
- Маслов 2021b — Маслов: [Сб. текстов о Сергее Маслове]. 2-е изд., доп. / Сост. Е. и В. Воробьевы. Алматы: Aspan Gallery, 2021.
- Маслов 2022 — *Маслов С.* Ловец снов: Каталог выставки / Сост. Е. и В. Воробьевы. Алматы: Aspan Gallery, 2022.

Литература

- Гиздатов 2023 — *Гиздатов Г.* «Остаточные смыслы» и эстетика интермедиальности в романе Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» // Quaestio Rossica. Т. 11. № 4. 2023. С. 1432–1444. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.4.856>.
- Гиздатов и др. 2023 — *Гиздатов Г. Г., Буренина-Петрова О. Д., Сопиева Б. А.* Культура как текст и проект в постсоветском дискурсе (на примере Казахстана) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. Вып. 1(35). С. 30–47. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-1-30-47>.
- Ибраева 2021 — *Ибраева В.* Как тебе такое, Илон Маск // Маслов С. Звёздные кочевники. Алматы: Aspan Gallery, 2021. С. 9–18.
- Ибраева 2014 — *Ибраева В.* Искусство Казахстана: Постсоветский период. Алматы: Тонкая грань, 2014.
- Ильин 1996 — *Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Intrada, 1996.
- Ильин 2001 — *Ильин И. П.* Постмодернизм: Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН; INTRADA, 2001.
- Кобжанова 2012 — *Кобжанова С. Ж.* Мировые художественные традиции в развитии живописи Казахстана (1930–1980-е годы). Алматы: Гос. музей искусств РК им. А. Кастеева, 2012.
- Липовецкий, Кукулин 2022 — *Липовецкий М., Кукулин И.* Партизанский логос: Проект Дмитрия Александровича Пригова. М.: Нов. лит. обозрение, 2022.
- Маклюэн 2017 — *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. 4-е изд. М.: Кучково поле, 2017.
- Руднев 2017 — *Руднев В.* Энциклопедический словарь культуры XX века. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017.
- Рыжкина и др. 2019 — Neon Paradise / Artbook: Культура потребления и повседневности в работах современных казахстанских художников с 1981 по 2019 г. / Сост. Г. Рыжкина и др. Алматы: [Magnum], 2019.
- Силантьев 2016 — *Силантьев И. В.* Трансферные дискурсивные взаимодействия и механизмы взаимного перевода от языка науки к языку искусства // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: Коллективная монография / Отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 334–353.

- Тесля и др. 2022 — Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования: Монография / Под ред. А. А. Тесля, С. Т. Золяна, Г. Л. Тульчинского. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022.
- Улько 2022 — Улько А. Эзотерический мир Сергея Маслова // Маслов С. Ловец снов: Каталог выставки / Сост. Е. и. В. Воробьевы. Алматы: Aspan Gallery, 2022. С. 8–33.
- Ямпольский 2016 — Ямпольский М. Пригов: Очерки художественного номинализма. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

References

- Gizdatov, G. (2023). “Ostatochnye smysly” i estetika intermedial’nosti v romane Pavla Zal’tsmiana “Sredniaia Aziia v Srednie veka” [“Residual meanings” and the aesthetic of intermediality in Pavel Saltzman’s Central Asia in the Middle Ages]. *Quaestio Rossica*, 11(4), 1432–1444. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.4.856>. (In Russian).
- Gizdatov, G. G., Burenina-Petrova, O. P., & Sopieva, B. A. (2023). Kul’tura kak tekst i proekt v postsovetском дискурсе (na primere Kazakhstana) [Culture as a text and a project in the post-Soviet discourse (by the example of Kazakhstan)]. *ПРАΞИМА: Problemy vizual’noi semiotiki*, 2023(1, no. 35), 30–47. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-1-30-47> (In Russian).
- Iampol’skii, M. (2016). *Prigov: Ocherki khudozhestvennogo nominalizma* [Prigov: Essays on artistic nominalism]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Ibraeva, V. (2014). *Iskusstvo Kazakhstana: Postsovetskii period* [Art of Kazakhstan: Post-Soviet period]. Tonkaia gran’. (In Russian).
- Ibraeva, V. (2021). Kak tebe takoe, Elon Mask [How do you like this, Elon Musk]. In S. Maslov. *Zvezdnye kochevniki* (pp. 9–18). Aspan Gallery. (In Russian).
- Il’in, I. (1996). *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Intrada. (In Russian).
- Il’in, I. P. (2001). *Postmodernizm: Slovar’ terminov* [Postmodernism: Glossary of terms]. INION RAN; INTRADA. (In Russian).
- Kobzhanova, S. Zh. (2012). *Mirovye khudozhestvennye traditsii v razvitiі zhivopisi Kazakhstana (1930–1980-e gody)* [World artistic traditions in the development of painting in Kazakhstan (1930–1980s)]. Gosudarstvennyi muzei iskusstv RK im. A. Kasteeva. (In Russian).
- Lipovetskii, M., & Kukulin, I. (2011). *Partizanskii logos: Proekt Dmitriya Aleksandrovicha Prigova* [Partisan logos: Project of Dmitry Aleksandrovich Prigov]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- McLuhan, H. M. (1964). *Understanding media: The extensions of man*. McGraw-Hill.
- Rudnev, V. (2017). *Entsiklopedicheskii slovar’ kul’tury XX veka* [Encyclopedic dictionary of 20th century culture]. Azbuka; Azbuka-Attikus. (In Russian).
- Ryzhkina, G. et al. (Eds.). *Neon Paradise / Artbook/ Kul’tura potrebleniia i povsednevnosti v rabotakh sovremennykh kazakhstanskikh khudozhnikov s 1981 po 2019 g.* [Neon Paradise / Artbook / Culture of consumption and everyday life in the works of contemporary Kazakhstan artists from 1981 to 2019]. Magnum. (In Russian).
- Silant’ev, I. V. (2016). Transferynye diskursnye vzaimodeistviia i mekhanizmy vzaimnogo perevoda ot iazyka nauki k iazyku iskusstva [Transfer discourse interactions and mechanisms of mutual translation from the language of science to the language of art]. In V. V. Feshchenko (Ed.). *Lingvistika i semiotika kul’turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii: Kollektivnaia monografiia* (pp. 334–353). Kul’turnaia revoliutsiia. (In Russian).

- Teslia, A. A., Zolian, S. T., & Tul'chinskii, G. L. (2022). *Identichnosti: semiotika reprezentatsii i pragmatika pozitsionirovaniia: Monografiia* [Identities: semiotics of representation and pragmatics of positioning: Monograph]. Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta. (In Russian).
- Ul'ko, A. (2022). Ezotericheskii mir Sergeia Maslova [The esoteric world of Sergei Maslov]. In E. & V. Vorob'evs (Eds.). *Maslov S. Lovets snov: Katalog vystavki* (pp. 8–33). Aspan Gallery. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Газинур Габдуллавич Гиздатов

доктор филологических наук
профессор, кафедра международных
коммуникаций, Казахский
университет международных
отношений и мировых языков имени
Абылай хана

Казахстан, 050022, Алматы,
ул. Мұратбаева, д. 200

✉ gizdatovgazinur@gmail.com

✉ gizdat@mail.ru

Information about the author

Gazinur G. Gizdatov

Dr. Sci. (Philology)

Professor, Department of International
Communications, Kazakh Ablai Khan
University of International Relations
and World Languages
Kazakhstan, 050022, Almaty, Muratbaev
Str., 200

✉ gizdatovgazinur@gmail.com

✉ gizdat@mail.ru

Е. И. Вожик^а<https://orcid.org/0000-0002-9310-6597>✉ e.vozhik@yandex.ru**Р. А. Лисюков**^а<https://orcid.org/0000-0002-3359-9262>✉ romanlisyukov@gmail.com^а *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)*

ТЕМАТИКА ФЕЛЬЕТОНОВ О НОВОМ ПОЭТЕ И ЕЕ ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье описывается тематический репертуар фельетонов о Новом Поэте, публиковавшихся в журнале «Современник» в 1847–1862 гг., и изменения, которые претерпевает их тематика с течением времени. Результаты анализа тематического содержания фельетонов о Новом Поэте демонстрируют, что создатели этой литературной маски (И. И. Панаев и другие авторы), хорошо представляя себе актуальную традицию фельетонного повествования и отправляясь от установки на ее реализацию, с течением времени отходят от конвенциональных, жанрово обусловленных механизмов выбора фельетонной тематики, адаптируя заметки о Новом Поэте к событиям современности. Фельетонисты «Современника» стремятся выработать идеал литератора, репрезентирующего проект новой литературы в период «мрачного семилетия», и активного члена гражданского общества эпохи Великих реформ — человека, знакомого с текущими общественными полемиками. Кроме того, Панаев и его соавторы делают ставку на постепенное расширение тематического разнообразия фельетона. В числе основных методов, которые применяются авторами статьи для анализа тематики фельетонов о Новом Поэте, — структурное тематическое моделирование, служащее выделению в фельетонах широких предметно-семантических полей, а также оценка показателей информационной энтропии, свидетельствующих о степени тематического разнообразия фельетонов.

Ключевые слова: фельетон, Новый Поэт, И. И. Панаев, «Современник», жанровая эволюция, редакционная политика журнала, тематическое разнообразие, структурное тематическое моделирование, байесовская (линейная) регрессия

Благодарности. Авторы статьи выражают признательность К. А. Маслинскому за помощь в разработке дизайна исследования и статистических моделей для анализа данных, Б. В. Орехову — за содействие в подготовке текстов для исследовательского корпуса, участникам семинаров А. Ю. Балакина и К. Ю. Зубкова, а также рецензенту статьи — за содержательные предложения и комментарии, позволившие существенно доработать это исследование.

Для цитирования: Вожжик Е. И., Лисиуков Р. А. Тематика фельетонов о Новом Поэте и ее диахронические трансформации // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 178–206.

Поступило 19 января 2024 г.; принято 23 июня 2024 г.

Shagi / Steps. Vol. 10. No. 3. 2024
Articles

E. I. Vozhik^a

<https://orcid.org/0000-0002-9310-6597>

✉ e.vozhik@yandex.ru

R. A. Lisiukov^a

<https://orcid.org/0000-0002-3359-9262>

✉ romanlisiukov@gmail.com

^a *Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg)*

THEMATIC REPERTOIRE OF FEUILLETONS ABOUT THE NEW POET AND ITS DIACHRONIC TRANSFORMATIONS

Abstract. The article discusses the thematic range of feuilletons featuring the New Poet published in the *Sovremennik* magazine between 1847 and 1862, as well as the changes in their thematics over time. An analysis of the content of these feuilletons shows that their authors, including Ivan Panaev, were well aware of the existing tradition of the feuilleton genre and at first adhered to its conventions. However, over time, they moved away from conventional, genre-specific approaches to selecting feuilleton topics and adapted the notes about the New Poet to current events. The feuilleton authors of *Sovremennik* sought to develop an idealized image of a writer who represented the project of a new literature during the last years of the reign of Nicholas I, as who was an active member of society during the Great Reforms era — a person familiar with contemporary public debates. In addition, Panaev and his co-authors rely on the gradual expansion of the thematic diversity in the feuilleton genre, trying to orient the reader in a larger context of events and perspectives. The main methods used in the article are structural topic modeling, which highlights broad subject-semantic fields, as well as assessment of information entropy that indicates the degree of diversity in the feuilleton themes.

Keywords: feuilleton, New Poet, Ivan Panaev, *Sovremennik*, genre evolution, editorial policy, thematic diversity, structural topic modeling, Bayesian (linear) regression

Acknowledgements. The authors express their gratitude to Kirill Maslinsky for assistance with developing the research design and statistical models for data analysis. They also thank Boris Orekhov for his help in preparing texts for the research corpus. The authors extend their thanks to the participants of seminars led by Alexey Balakin and Kirill Zubkov, as well as to the reviewer of the article, for their conceptual suggestions and insightful comments, which have made it possible to significantly refine this paper.

To cite this article: Vozhik, E. I., & Lisiukov, R. A. (2024). Thematic repertoire of feuilletons about the New Poet and its diachronic transformations. *Shagi / Steps*, 10(3), 178–206. (In Russian).

Received January 19, 2024; accepted June 23, 2024

*Он всю литературу мечтает превратить
в живую, легкую болтовню,
без всякого внутреннего содержания...
[Панаев 1852a: 284]*

В декабрьском номере журнала «Современник» за 1852 г. была опубликована первая статья М. В. Авдеева из серии фельетонов о петербургской жизни, написанных им от лица «пустого» человека. Выбор этого необычного определения, данного им фельетонному повествователю, литератор объясняет так:

В самом деле, как назвать человека, который берет на себя обязанность писать о новостях, веселостях и удовольствиях, — одним словом, писать вещь <...> самую пустую! Теперь понятно вам будет, отчего фельетон до сих пор не удавался у нас: его не поручали пустым людям, а больше всего господам сочинителям... [Авдеев 1852: 260].

Авдеев был едва ли не единственным среди своих современников, кто использовал эпитет *пустой* по отношению к фельетону не как ругательство, но в качестве дифференциального признака жанра — тем самым попытавшись создать для этого слова новую, неотрицательную коннотацию. Противопоставляя фельетонистов «господам сочинителям», Авдеев апеллировал к влиятельной традиции описания фельетонных произведений, в соответствии с которой последним предъявлялись те же требования, что стояли и перед собственно литературой. Почти обязательной частью этой описательной конвенции было указание на «бессодержательность» и «бессмысленность» фельетона. Приведем несколько примеров, сходным образом воспроизводящих эту риторiku.

...все преклонились перед золотым тельцом в образе фельетона, забыв свое высокое призвание писателей, свою ответственность перед судом общественным, забыв служение искусству истинному. Слово человеческое превратилось наконец в игривую болтовню, в суетное щегольство, в пустые, красивые или громкие фразы! [Панаев 1852b: 241].

...фельетон <...> изгнал прежний способ говорить дело или не говорить ничего, когда не о чем было говорить... [Журналистика 1854: 94].

...опытный фельетонист, садясь писать, соображает вперед, сколько столбцов он должен заготовить. <...> Если в его писанье нет никакого смысла — это неважно, потому что всегда найдутся читатели, которые не погнушаются ничем печатным... [Шелгунов 1861: 208–209].

Отсутствие у фельетона «смысла» нередко связывалось и с тематической бессодержательностью произведений этого жанра — с предельной узостью тематического репертуара или, напротив, с неопределенностью его границ: фельетон, по выражению Авдеева, повествует «о новостях, веселостях и удовольствиях» или, в доведенной до логического предела формулировке этой мысли, «обо всем» (ср. в «Литературной газете»: фельетон рассказывает «о всех возможных и невозможных новостях, обо всем и чаще всего ни о чем, <...> какого труда стоит состряпать <...> этот литературный винегрет» [Петербургские письма 1847: 383]).

Генерализующие суждения о тематике фельетонов встречаются и в научной литературе, посвященной общим вопросам жанра или анализу отдельных фельетонных произведений. Пристальным интересом к журнальной и газетной прозе отмечены труды представителей формальной школы и близких ей исследователей, касающиеся вопросов тематики фельетона в связи с анализом его композиции, способов связанности компонентов — «городских нравов», «городского пейзажа», «собственных настроений» — «в тематическом узоре фельетонов» [Комарович 1930: 97]. Современные исследователи склонны проводить связь между нарративными принципами фельетона и его прагматикой: так, составители сборника материалов полемики между журналами «Современник» и «Москвитянин» описывают фельетон в качестве новой формы литературной критики [Вдовин, Зубков 2015: 10–11]. Таким образом, собственно тематика фельетонов оказывается на периферии внимания исследователей жанра.

Подобный способ писать о фельетоне, как кажется, может быть объяснен особенностями его внутреннего устройства, затрудняющими ответ на «школьный» вопрос, о чем говорится в тексте: фельетонным произведениям свойственны отсутствие центрального объекта повествования, стремительный, часто немотивированный переход от одной темы к другой, сложное сочетание элементов факта и вымысла, иносказательность, перформативность (см.: [Тынянов, Казанский 1927]).

Вместе с тем специальное изучение тематического репертуара фельетонных произведений позволило бы уточнить представление об этом жанре, а также дать предварительный ответ на вопрос, что значит быть «бессодержательным» на языке литературной критики XIX в. и как эта влиятельная риторическая традиция соотносится с тематикой конкретных образцов жанра фельетона. Так, можно с уверенностью говорить о том, что фельетонная «бессодержательность» вариативна и не исчерпывается хроникой городских происшествий, — как же в таком случае она может быть определена? Мы попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к количественным методам оценки тематики литературного произведения.

Одним из основных методов, используемых нами в этом исследовании, является структурное тематическое моделирование. Алгоритм расчета тематической модели позволяет сгруппировать в тематические блоки группы слов, которые встречаются друг с другом в одном контексте и нередко соотносятся с определенной предметной областью. Применение структурной тематической модели позволяет описать не только общую эволюцию тематики набора текстов, но и изменение пропорций тем в отдельно взятых текстовых документах (подробное описание технологии и возможностей тематического моделирования см. в [Roberts et al. 2019: 1–3]). В числе наиболее известных работ о применении тематической модели к текстам литературных произведений — [Jockers 2013; Schöch 2017] и мн. др.; см. также пример использования этого метода для анализа русскоязычной литературы: [Лейбов, Орехов 2022].

Использование тематической модели для анализа содержания фельетонов имеет и другие основания. В то время как писатели, упрекающие фельетоны в бессодержательности, исходят из представления о литературных конвенциях, относящихся к «высокому» уровню семантической структуры текста (идейная составляющая, сюжет, композиция, прагматика и т. д.), тематическая модель работает с «низкоуровневой» — лексической — стороной содержания. Таким образом, использование модели позволяет выделить в фельетонах широкие предметно-семантические поля и обнаружить закономерности, которые оказываются менее заметны при попытке описать тематику произведений этого жанра традиционным способом, обычно используемым критиками и исследователями.

Количественная оценка тематики фельетонов будет проводиться нами на материале корпуса фельетонных «писем» и заметок о Новом Поэте, публиковавшихся на страницах журнала «Современник» с 1847 по 1862 г.¹

¹ Корпус, метаданные к нему, код для воспроизведения исследования, а также графики размещены в Репозитории открытых данных по русской литературе и фольклору и доступны по ссылке: <https://doi.org/10.31860/openlit-2024.4-R006>. Опишем процедуру подготовки корпуса. Текст отсканированных фельетонов «Современника» был распознан с использованием OCR; дореволюционная орфография преобразована в современную (модуль `Prereform2modern` на Python). С помощью программы `MyStem` был проведен морфологический анализ текста с применением контекстного снятия омонимии. Тексты фельетонов были разделены на фрагменты по 500 слов и знаков препинания. Из полученных фрагментов были удалены все части речи, кроме

Одним из создателей литературной маски Нового Поэта, прочно ассоциировавшейся как с «Современником», так и с жанром фельетона, был И. И. Панаев, «фельетонный беллетрист» [Трубачев 1889: 160], написавший для журнала — единолично, а также в соавторстве с Н. А. Некрасовым и некоторыми другими литераторами², — 129 фельетонов, решительно опередив всех фельетонистов «Современника». С конца 1852 г. Панаев, став штатным фельетонистом «Современника» и публикуясь почти в каждом номере журнала, постепенно усиливает свои позиции в нем и выступает одной из ключевых фигур журнальных споров [Вдовин и др. 2015: 629–630].

Несмотря на то что Панаев и сам обличал «игривую болтовню» и «суетное щегольство» фельетонной литературы (см. выше), фельетоны о Новом Поэте не раз получали аналогичные упреки со стороны журнальных оппонентов. Так, Б. Н. Алмазов в фельетоне «Стихотворения Эраста Благонравова» порицал Нового Поэта и представляемый его фельетонами «Современник» за отсутствие почтительной серьезности в рассуждениях об искусстве, за потакание «вкусам большинства, толпы» [Алмазов 1851: 268]. Позднее, в 1854 г., анонимный обозреватель «Отечественных записок», осуждая «Современник» за то, что тот «старался сделать всю русскую литературу одним бесконечным фельетоном», в сущности свел содержание журнала к фельетонам о Новом Поэте и Иногородном Подписчике [Журналистика 1854: 94], а Г. З. Елисеев — уже в 1861 г. — отметит, что все современные фельетонисты «исписались»: «...ни одного фельетона нельзя в руки взять <...> До того все это пусто и бессодержательно» [Елисеев 1861: 333].

Один из главных авторов «Современника», единомышленник Некрасова, профессиональный журналист и литературный рутинер, Панаев не выработал последовательной литературно-публицистической программы. Тем не менее писатель хорошо понимал логику развития журналистики в условиях «мрачного семилетия» и пореформенной эпохи: вместе с Некрасовым он последовательно проводил в журнал материалы, обеспечивавшие ему широкую популярность и определявшие направление его развития (см.: [Шашкова 2007: 13–14; Вдовин 2011: 102; Макеев 2017: 207–214]). Все это позволяет говорить о том, что панаевский фельетон репрезентативен относительно фельетонных произведений, публиковавшихся на страницах «Современника» в 1840–1860-е годы, и непротиворечиво соотносится с программой журнала в целом.

именных (существительных, прилагательных) и близких им по значению глагольных частей речи (причастий). Также были удалены заглавия фельетонов, знаки препинания, числа, леммы, 1) состоящие из одного-двух символов, с высокой вероятностью распознанные OCR неверно, 2) употребляющиеся только в одном фрагменте, а также 3) встречающиеся в 50% или большей доле фрагментов и потому малоинформативные с точки зрения интерпретации тем.

² Об участии отдельных литераторов в создании журнальной маски Нового Поэта см.: [Мельгунов 1986].

Среди фельетонов о Новом Поэте выделяются два различающихся тематикой цикла статей. В 1851–1855 гг. Панаев с соавторами издают «Заметки Нового Поэта о русской журналистике», являющиеся продолжением разрозненных «писем» Нового Поэта в редакцию журнала, а с конца 1855 г. публикуют фельетоны под общим заглавием «Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта». Фельетон Панаева о Петербурге никогда не становился объектом исследовательского внимания: во второй половине 1850-х годов лицо обновленного «Современника» определяют статьи представителей социально-демократической идеологии — панаевские же заметки о Петербурге представляются инвариантом городского репортажного фельетона, посвященного изображению повседневной жизни столицы и типологическому описанию ее обитателей (см. характерный пример подобного осмысления «Петербургской жизни»: [Беллетристика 1889: 135]). Вместе с тем в заметках о Петербурге Панаев обращается к вопросам, несомненно выходящим за обозначенные в заглавии фельетона предметно-тематические рамки.

Представляется весьма вероятным, что изменения, которые претерпевает тематический репертуар фельетонов о Новом Поэте, свидетельствуют о работе Панаева и других авторов с жанровой традицией фельетона и могут быть связаны как с переменами в редакционной политике журнала, так и — опосредованно — с важнейшими событиями политической и общественной жизни Российской империи (ужесточение цензуры в эпоху «мрачного семилетия», Крымская война, смена царствования, либерализация внутренней политики, подготовка и проведение Великих реформ). Допустимо также предположить, что изменения в тематическом репертуаре фельетонов о Новом Поэте происходили на двух уровнях: с одной стороны, их тематика с течением времени претерпела качественные изменения, с другой — стала более разнообразной в количественном отношении.

Тематический репертуар фельетонов о Новом Поэте

*...останемся поневоле летописцами пошлостей
нашей современной узенькой среды...*
[Панаев 1860а: 112]

Процедура тематического моделирования включает этап подбора оптимального количества тем (значения параметра модели k), которые будут выделены моделью; в выборе значения этого параметра мы опирались не только на количественные оценки моделей с разным показателем k (см.: [Mimno et al. 2011: 265; Wallach et al. 2009: 1109; Taddy 2012: 1188]), но и на качественную оценку результатов их работы, т. е. учитывали возможность определить содержание рядов лексем, выделяемых моделями с разным k , по прочтении репрезентативных для той или иной темы фрагментов. Таким образом мы проанализировали результаты работы моделей с k от 5 до 25, имеющих самые высокие количественные

оценки, и выбрали две из них — со значениями параметра k , равными 20 и 11. В то время как модель, выделяющая в корпусе 20 тем (М-20), позволяет более нюансированно описать тематический репертуар фельетонов о Новом Поэте в целом, модель с показателем k , равным 11 (М-11), используется нами для того, чтобы делать выводы о динамике тем во времени и их пропорциональном соотношении в пределах одного фельетонного произведения: каждой из тем в М-11 отводится более заметный, чем в М-20, объем в корпусе.

Опишем тематический репертуар фельетонов о Новом Поэте, обратившись к результатам работы модели М-20. За порядковым номером темы следуют слова, наиболее вероятные для нее. После косой черты приведены слова, выделенные с помощью метрики FREX, которая учитывает не только характерность, но и эксклюзивность слова для текстов, репрезентирующих ту или иную тему. Для каждой из тем кратко охарактеризованы несколько выделенных моделью фельетонных отрывков. Темы следуют в порядке уменьшения их пропорции в корпусе.

(1) *журнал, литература, статья, русский, литературный, литератор, новый / журналист, критика, фельетон, отечественный, статейка, современник, литература*³ (журналистика; журнальные полемики; издатели, редакторы, критики, читатели; литературные произведения, публикуемые на страницах журналов; журнальные жанры): репрезентирует тему вымышленный диалог между журналистами и таинственным незнакомцем, требующим от них добросовестности, знания дела, мысли о пользе, приносимой читателям (1851, 12)⁴; показательными оказываются ответ критикам «Отечественных записок», упрекающим Нового Поэта в чрезмерной приверженности фельетону (1854, 10), а также суждения о критической манере О. И. Сенковского, заслужившего любовь читателей остроумными шутками и блестящими парадоксами (1852, 6).

(2) *друг, слово, время, жизнь, мысль, господин, литература / авторитет, джентльмен, добролюбов, белинский, поколение, либеральный, увлечение* (политические взгляды, идеология; личностные качества; гражданский долг, общественная польза): тема представлена фрагментами, содержанием которых является критика умеренно-либеральных взглядов в лице знакомого Новому Поэту джентльмена (1859, 8), пустословного красноречия в рассуждениях покровителя наук о просвещении (1861, 12), сословных предрассудков, заботы о личном благополучии и отрицания духа времени с вопросом об улучшении жизни низших сословий (1859, 1).

³ В результате машинной обработки все слова приведены к начальной форме и унифицированному (нижнему) регистру написания.

⁴ Фельетоны о Новом Поэте обозначены здесь единообразно: в скобках приведены год издания журнала и номер выпуска, где был опубликован текст фельетона.

(3) *рука, дом, деньги, комната, глаз, большой, господин / швейцар, луиза, карлыч, иногородный, ковер, мебель, лестница* (женщины, любовные связи, брак; имущественный вопрос): в числе фрагментов, выделяемых моделью, рассказ об убранстве дома богатого чиновника (1856, 5), о предприимчивости петербургской камелии, живущей за счет покровителей (1856, 8), а также фрагмент вымышленной повести, описывающей встречу барыни и офицера в дорожной избе (1856, 2).

(4) *роль, сцена, театр, артист, публика, талант, пьеса / роль, мартынов, сценический, актер, ристори, самойлов, пьеса* (драматическое искусство; опера; русский и европейский театр; драматические писатели и пьесы для чтения; гастроли, бенефисы; сценическое мастерство отдельных артистов): репрезентативными для темы являются отрывки о постановке «Свадьбы Кречинского» на сцене Александринского театра и о драматическом таланте актеров В. В. Самойлова и П. М. Садовского (1856, 6), а также об оперном репертуаре петербургских театров (оперы Россини, Беллини, Вебера, Верди и др.) и артистах, известных столичной публике (Ристори, Тамберлик, Кальцолари и др.) (1861, 2; 1861, 9; 1856, 11).

(5) *поэт, стих, стихотворение, поэзия, душа, жизнь, сердце / стихотворение, щербина, яго, снобс, око, проза, поэзия* (высокая поэзия; стихотворное искусство; традиционно поэтическая образная система): темой объединяются стихотворные отрывки — пародийные стихи Нового Поэта (1847, 1), фрагменты «драматической грезы» «Доминикино Фети, или Непризнанный гений» (1847, 2) — и, например, портрет персонажа-романтика, напоминающего «то Ленского, то принца Гамлета» (1855, 5).

(6) *дама, господин, супруга, глаз, рука, женщина, лицо / дама, супруг, туалет, супруга, статский, шляпка, рысак* (светская жизнь; аристократическое общество; загородные выезды и гулянья; наряды и туалеты): наилучшим образом тему репрезентует сцена с участием военных, статских, дам и франтов, описывающая празднование Троицына дня в Екатерингофе (1857, 7), а также беседа фельетонных персонажей (Нового Поэта, иногороднего читателя и господина с нахальным носом) о петербургских дамах (1856, 2).

(7) *автор, повесть, произведение, гоголь, лицо, рассказ, роман / леночка, повесть, гоголь, автор, крестовский, период, биограф* (критические разборы современных произведений: вопросы развития сюжета, формирования образов персонажей, стилистические решения и т. п.; писательская манера того или иного автора): тематическое сходство имеют фрагменты фельетонов, посвященные разбору повестей Е. Данковского «Горбун» (1855, 4), И. С. Тургенева «Яков Пасынков» (1855, 5), В. Крестовского (Н. Д. Хвошинской) «Фразы» (1855, 9)

или полемике с С. С. Дудышкиным о таланте Н. В. Гоголя (1854, 12).

(8) *год, издание, журнал, русский, новый, статья, сочинение / статистический, издание, спб, пересылка, редактор, том, периодический* (сообщения о начале, возобновлении, прекращении разного рода изданий с указанием места, времени, периодичности их выхода, имен редакторов и издателей; краткая характеристика содержания, направленности, программы этих изданий): наиболее широко тема представлена в фельетонах конца 1850-х — начала 1860-х годов, заключающих в себе материалы библиографической рубрики (1861, 1; 1860, 2; 1861, 8).

(9) *превосходительство, господин, генерал, начальник, год, иваныч, дело / максим, превосходительство, иваныч, благонамеренный, начальник, мандарин, нравственность* (государственная служба, делопроизводство, чины; государственные деятели, высокопоставленные и рядовые чиновники; начальство и подчиненные): о содержании темы свидетельствует рассказ о лучших качествах государственных людей и о сэре Роберте Пиле, являющемся их воплощением (1857, 8), очерк жизни петербургского генерала, знакомого Новому Поэту (1857, 11), а также «грёза» о китайских мандаринах (1859, 1).

(10) *петербург, клуб, петербургский, большой, дом, новый, год / клуб, приз, речной, дворец, петергофский, иллюминация, петергоф* (Петербург и пригороды; повседневная жизнь города и его обитателей; архитектура; скачки; клубная жизнь): тему характеризует описание иллюминации по случаю коронации Александра II (1856, 9), новых городских и загородных построек (частные дома на Сергиевской, Моховой, Литейной и других улицах, дворцы великих князей Михаила и Николая Николаевичей) и рассуждения о росте цен на квартиры (1858, 10).

(11) *сад, день, дача, деревня, солнце, лес, природа / речка, солнце, снег, луг, весна, лес, воздух* (природа; загородные поездки; дачи, летний отдых): тема определяется развернутыми описаниями красот Валаама (1856, 7), видов Галерной гавани (1856, 10), оранжерей Ботанического сада (1859, 6).

(12) *общество, член, комитет, собрание, дело, время, совет / акционер, правление, комитет, протокол, заседание, председатель, член* (общественные объединения; акционерные компании; уставы): тема представлена отрывком о дебатах, состоявшихся на собрании общества петербургских водопроводов (1860, 4), пересказом статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей» с жалобами на неудовлетворительный ход промышленных акционерных компаний и на всевластие директоров и членов правлений обществ (1860, 2) или выписками из протоколов заседаний комитета общества для пособия нуждающимся литераторам (1860, 8).

(13) *дочь, дом, отец, ребенок, мать, бабушка, сын / бабушка, тая, матрена, фрол, аннушка, дочь, мать* (семейные связи; домашний быт, женские занятия; сватовство и женитьба): высокая концентрация характерных для этой темы слов содержится в пересказе сентиментальной исторической повести «История о российском дворянине Фроле Скобееве...» (1853, 3) или повествовании о жизни бедного семейства из Галерной гавани (1856, 10).

(14) *картина, художник, выставка, академия, искусство, год, произведение / севастьянов, рисовальный, художество, выставка, академия, академический, живопись* (живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство, предметы старины, фотография; художественные выставки, картинные галереи, частные коллекции, аукционы; живописная манера того или иного художника): для темы оказываются показательными отрывки, посвященные описанию выставки в пользу бедных художников (1861, 3), обсуждению художественной манеры К. П. Брюллова, А. Риделя и П. Делароша (1861, 4) или фотографической натуралистичности жанровых картин А. Попова (1861, 9).

(15) *концерт, петербург, пари́ж, театр, балет, петербургский, новый / концерт, балет, балаган, танцовщица, весельчак, фокусник, пассаж* (развлечения и увеселения, доступные жителям российских и европейских столиц; концерты, публичные представления, танцевальные номера, живые картины, лекции): в числе репрезентирующих тему фрагментов появляются рассказы о приезде в Петербург А. Г. Рубинштейна и о всеобщем оживлении, вызванном этим событием (1860, 3), о публичных лекциях С. С. Куторги (1856, 4) или вечерах магии (1859, 3).

(16) *граф, княгиня, графиня, комедия, женщина, слово, вечер / шульц, графиня, глинка, княгиня, граф, маска, маскарад* (светская жизнь; аристократическое общество; рауты, приемы, балы, маскарады; салонные беседы; любовные связи): модель указывает на тематическую близость французского фельетона о «маскарадном приключении» (1853, 6) и отрывков «драматической пословицы» Нового Поэта о княгине и графе, искусно ведущих салонную беседу (1851, 9).

(17) *князь, федоровна, шарлота, время, день, дело, слово / зорин, вахтанг, яковлев, шарлота, федоровна, никитич, дареджан* (высокородные особы; стихотворные подношения; исторические анекдоты): фрагменты, отобранные моделью для этой темы, имеют преимущественно стилистические сходства; в их числе оказываются анекдоты о князе Г. А. Потемкине (1853, 4), о чтении «Илиады» Н. И. Гнедичем (1854, 8), о встречах Ф. В. Ростопчина с А. В. Суворовым и императором Павлом I (1854, 8), а также переложение драмы Я. П. Полонского о грузинской царице Дареджане (1852, 5).

(18) *господин, петр, васильич, дело, петрович, день, хозяин / васильич, дюма, амстердам, петр, верфь, плотник, взятка* (торговля, судоходство; сделки, денежный вопрос; европейские путешествия): среди фрагментов, репрезентирующих эту тему, моделью выделяются отрывки из «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова (1855, 3) или анекдот о графе Альфреде д'Орсе, сумевшем выйти из затруднительного материального положения.

(19) *братец, друг, лиловый, пюсовый, желудок, дело, искренность / лиловый, пюсовый, расстегай, гаврюша, желудок, искренность, братец* (приятельские, фамильярно-дружеские отношения): в качестве одного из наиболее репрезентативных для этой темы фельетонов модель выделяет описание приятельской беседы Нового Поэта с издателем «Современника» перед началом маскарада в доме петербургского Монте-Кристо (1852, 1), а также фельетонный драматический этюд «Расстегай» (1851, 6), главными героями которого являются приятели Лиловый и Пюсовый, пародирующие персонажей пьесы А. Н. Островского.

(20) *университет, студент, шамиль, русский, год, время, казанский / шамиль, аул, студент, университет, аландский, казанский, имам* (путешествия по неевропейской части света; наука, образование; Кавказская война): моделью выделяются отрывок из письма П. П. Семенова, члена Русского Географического общества, о путешествии по Средней Азии (1857, 3), пересказ статьи А. Л. Зиссермана о взятии аула Гуниб и пленении Шамиля (1859, 10) или заметки об ученых трудах П. И. Севастьянова и о выставках собранной им коллекции снимков и копий с священных предметов и рукописей афонских монастырей (1859, 3).

На графике 1 представлено распределение пропорций описанных выше тем в корпусе фельетонов о Новом Поэте.

Согласно приведенной на графике 1 диаграмме, наиболее значимый объем в корпусе занимают два предметно-семантических поля: одно из них характеризует группа тем, связанных с литературой (1, 5, 7, 8) и искусством (4, 14, 15), другое же — темы, описывающие взаимодействие в различных социальных группах, будь то семья, бомонд, круг людей, объединяемых дружескими или профессиональными интересами, клубное собрание или акционерное общество (6, 10, 12, 13, 16, 19). Не менее значимой для фельетонов о Новом Поэте оказывается тема, определяемая рассуждениями об общественной пользе и качествах личности, способной эту пользу приносить (2), — т. е. дискурс, в рамках которого вырабатывается идеал журналиста и гражданина. В «Заметках о русской журналистике» Панаев характеризует образ литератора будущего, занятого не мелочными спорами с журнальными оппонентами, но просвещением читательской аудитории, воспитанием в ней «верного и тонкого» вкуса, «самой горячей любви к искусству» [Панаев 1852а: 283], а в фельетонах

о Петербурге проводит идею о необходимости воспитания литератора-интеллектуала и общественного деятеля, хорошо знакомого с «духом времени» и стремящегося к «улучшению человеческого быта» [Панаев 1860b: 404].



График 1. Пропорции тем в корпусе фельетонов о Новом Поэте

Chart 1. Topic proportions in the corpus of feuilletons about the New Poet

Анализ совместно встречающихся в корпусе слов позволяет установить внутри предметно-семантических полей разницу между речевыми регистрами, к которым обращается фельетонист в тематически однородных рассуждениях: например, модель различает замечания о журнальных полемиках (1) и критические высказывания об отдельных литературных произведениях, публикующихся на страницах журналов (7), или разводит описания семейно-бытовых сцен из жизни городских обывателей (13) и любовных коллизий внутри привилегированного сословия (3).

Последовательное знакомство с репрезентативными для каждой темы фрагментами позволяет обнаружить, что разность речевых регистров — а следовательно, и тематическая разность — в случае фельетонов о Новом Поэте создается не столько за счет языковой игры или смены повествова-

тельной манеры внутри перволичного высказывания, сколько посредством присвоения себе «чужого» слова, включения в фельетонное повествование цитат, пересказа литературных произведений, новостной хроники, а также актуальных событий. Показательна в этом смысле вариативность употребления личных имен: у одних тем в числе наиболее частотных слов встречаются фамилии реальных исторических лиц или современников (2), у других — уменьшительные производные от личных имен (19) или отчества, используемые в официальном обращении (9).

Иными словами, тематическая модель косвенно свидетельствует о свойственном фельетону отсутствии эстетической автономии: предметом его изображения является внеположная самоценным литературным построениям действительность — то, что сам Новый Поэт называет «современной узенькой средой», — частью которой может становиться в том числе современный литературный процесс (о проблеме вымысла в связи с жанром романа-фельетона см.: [Thorstensson 2020]).

Качественные изменения тематики фельетонов о Новом Поэте

*Но куда это мы забрались, выбившись
из скромной колеи нашего фельетона?*
[Макаров, Ушинский 1853: 239]

Обратимся к диахроническому анализу тематики фельетонов о Новом Поэте на данных модели М-11. Для удобства представления тем на графиках каждая из них условно обозначается словом или словосочетанием, дающим представление о ее содержании; эти условные обозначения выделены при описании тем полужирным шрифтом. После тире приведены номера тем модели М-20, соответствующие темам модели М-11.

(1) светская жизнь: *дама, господин, рука, глаз, голова, минута, лицо, женщина, князь, княгиня* — 3, 6, 16, 17.

(2) журналистика: *журнал, русский, литература, статья, литературный, год, новый, записка, поэт, отечественный* — 1, 8.

(3) общественная польза: *друг, жизнь, слово, господин, время, дело, мысль, приятель, общество, глаз* — 2.

(4) Петербург: *петербург, клуб, петербургский, большой, день, дом, сад, дорога, год, вода* — 10, 11.

(5) общественная жизнь: *общество, год, издание, член, русский, время, новый, собрание, часть, петербург* — 8, 12, 20.

(6) критика: *автор, повесть, произведение, жизнь, лицо, роман, слово, гоголь, рассказ, талант* — 7.

(7) театр: *театр, роль, сцена, артист, публика, опера, талант, русский, пьеса, комедия* — 4, 15.

(8) поэзия: *стих, поэт, душа, стихотворение, князь, поэзия, сердце, слово, время, день* — 5, 17.

(9) семейные и имущественные связи: *дом, деньги, год, жена, дочь, отец, день, дело, ребенок, сын* — 3, 13, 19.

(10) служебные связи: *превосходительство, господин, дело, время, молодой, генерал, год, лицо, начальник, значительный* — 9, 18.

(11) живопись: *картина, художник, искусство, произведение, выставка, русский, дюма, художественный, господин, париж* — 14.

Модель, используемая для описания качественных изменений, которые претерпевает тематический репертуар фельетонов о Новом Поэте, включает две переменные: одна из них соответствует году публикации фельетона, другая — пропорции той или иной темы в его фрагменте. Связь между этими двумя переменными оценивается нами с помощью линейной регрессии и описывается кривой линией⁵.

На графиках 2–5, построенных с использованием данных модели⁶, отражена переориентация Панаева с «журнального» фельетона эпохи «застоя» на фельетон «петербургский», связанная с перераспределением сфер ответственности между авторами «Современника» после обновления политического режима и окончания Крымской войны. Вместе с тем внимания заслуживают и изменения, которые происходят в тематике фельетонов о русской журналистике и петербургской жизни в отдельности.

График 2 ожидаемо демонстрирует уменьшение пропорций тем, связанных с литературой, и постепенный рост интереса к театральной, музыкальной, художественной жизни ко второй половине 1850-х годов, когда Панаев обращается к обозрению петербургской современности. Более значимым, однако, оказывается характер связи между темами журналистики и критики, с одной стороны, и темой поэзии, с другой: в первой половине 1850-х годов они противопоставляются друг другу

⁵ Пропорция темы может принимать отрицательные значения: расчет формы кривой не учитывает природу данных, описываемых линией. В таких случаях следует считать, что пропорция темы близка к нулю или равна ему. Для некоторых фельетонов оценка средних значений расходится с реальными средними значениями — они отмечены на графиках точками, которые имеют форму, соответствующую форме паттерна той или иной кривой. На аккуратность оценки среднего для данных 1849–1850 гг. предположительно влияет относительно малое количество фельетонов, написанных за это время (три и пять фельетонных фрагментов соответственно).

⁶ Вертикальной пунктирной линией на графиках 2–5 отмечена граница между фельетонами о русской журналистике и заметками о петербургской жизни.

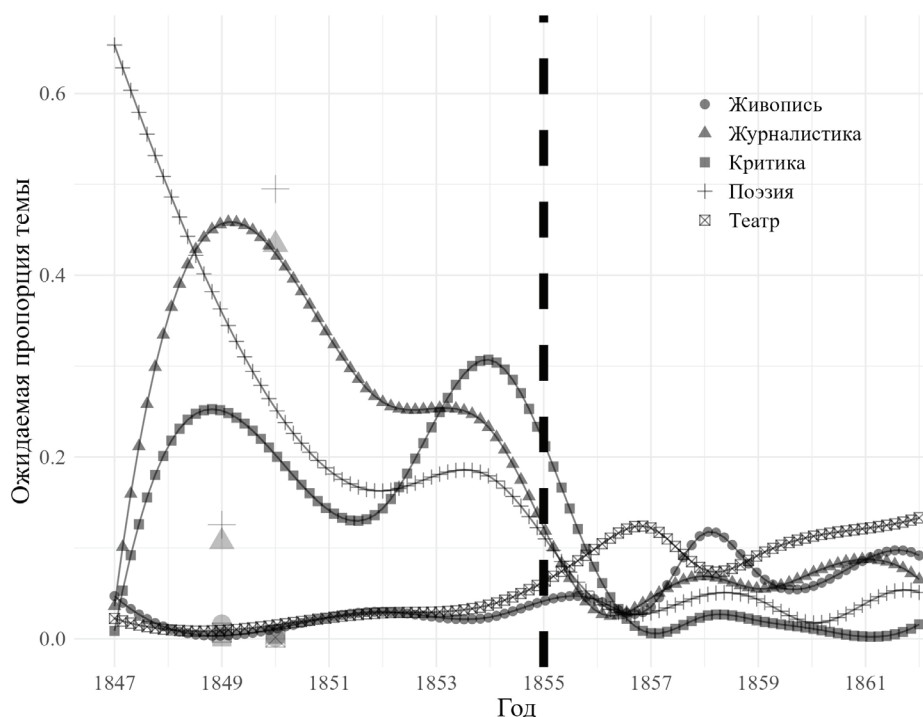


График 2. Динамика пропорций тем, связанных с литературой и искусством, во времени

Chart 2. Temporal changes of proportions of topics related to literature and other arts

как составляющие дихотомии профессионального писательства и искусства. Постепенно фельетон о Новом Поэте, задуманный Панаевым и Некрасовым как площадка для публикации стихотворных пародий на современную поэзию [Ипатова 2020], переориентируется на освещение текущих журнальных полемика и анализ литературных произведений. Вместе с тем и доля обращений к «журнальной» теме, которую Панаев раскрывает на рубеже 1840–1850-х годов, со временем снижается: споры с журнальными оппонентами занимают фельетониста все меньше — и он обращается к темам, которые условно связываются нами с изображением светской жизни и семейно-имущественных отношений (см. график 3).

Среди тем, к которым Панаев обращается преимущественно во второй период творчества, выделяются темы, пиковые значения которых приходятся на 1856–1858 гг. (график 3), и темы, показатели которых достигают максимума в 1860–1861 гг. (график 4). К числу первых относятся темы светской жизни, а также семейных, дружеских и служебных связей, а к числу вторых — характеризующие общественную жизнь, вопросы общественного благополучия и обустройства городского быта.

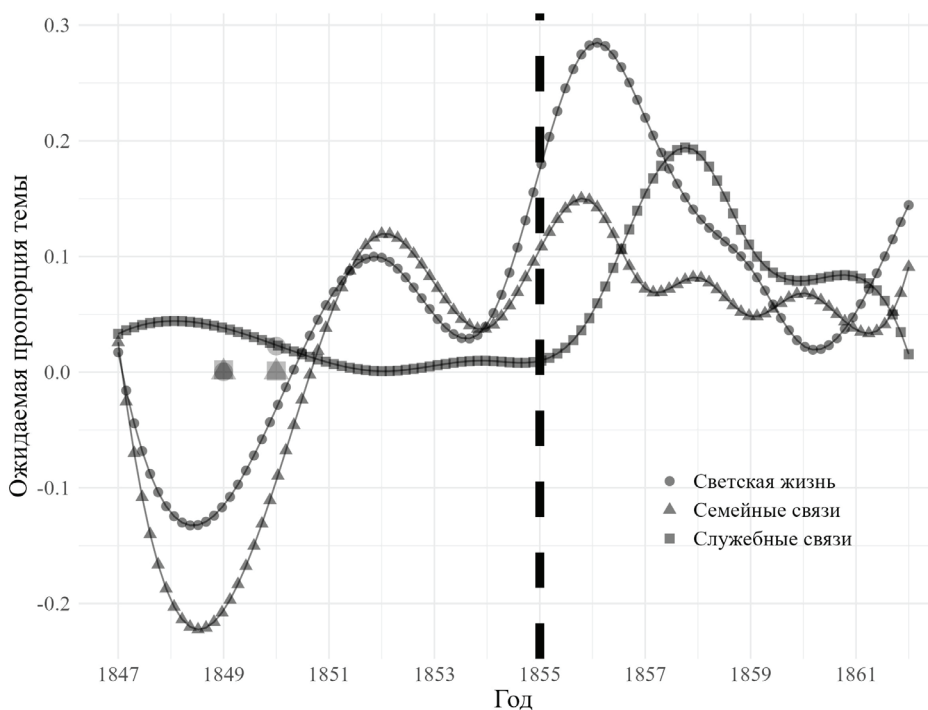


График 3. Динамика пропорций тем, пиковые значения которых приходятся на 1856–1858 гг., во времени

Chart 3. Temporal changes of proportions of topics that peak at 1856–1858

Создавая «Петербургские заметки», Панаев не ограничивается темами, характерными для «светского», ориентированного на французские газетные хроники фельетона, хотя в первой статье нового цикла прямо заявляет о своем намерении следовать этой традиции фельетонного повествования (см.: «Я хочу познакомить вас, мой читатель, со всеми <...> его (Петербурга. — *Е. В., Р. Л.*) новостями, сплетнями и толками, с его обычаями, привычками и нравами» [Панаев 1855: 245]). Так, Новый Поэт не только регистрирует перемещения по городскому пространству и за его пределами, описывая архитектурный облик Петербурга и ведя хронику городских событий («забав и увеселений»), но и — преимущественно — рассуждает о различных формах организации, объединения людей, союзах (патриотическое общество, общество поощрения художников, общество садоводства и др.), что согласуется с характерным для этого периода представлением о литературе как о выразительнице общественных явлений, установкой «Современника» на «серьезность» проводимого им направления.

Графики 2–4 демонстрируют одну и ту же тенденцию: приступая к развертыванию магистральной для цикла фельетонов темы, Панаев целена-

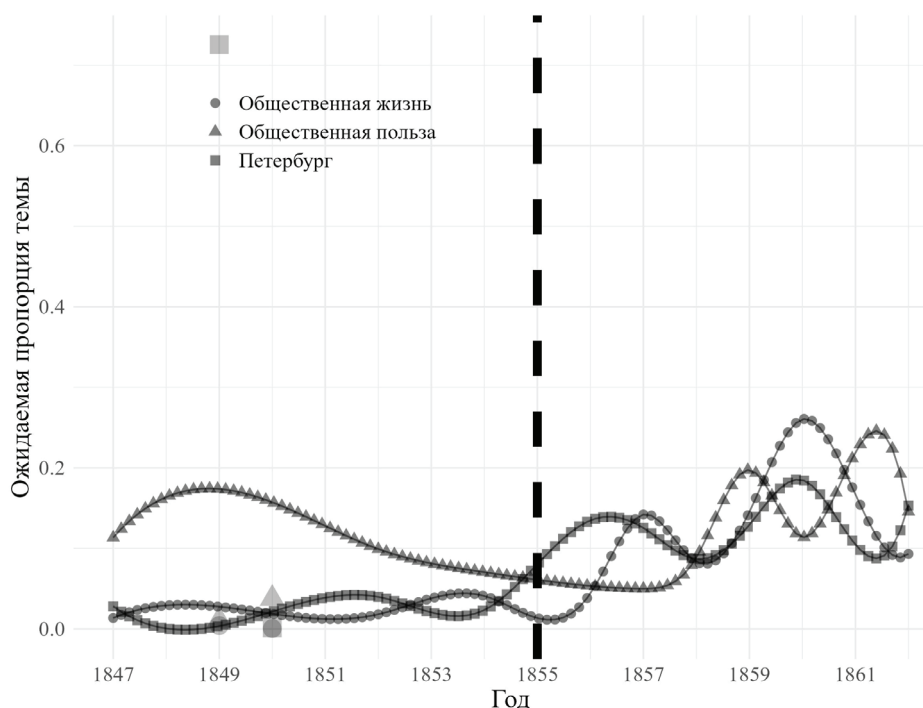


График 4. Динамика пропорций тем, пиковые значения которых приходятся на 1860–1861 гг., во времени

Chart 4. Temporal changes of proportions of topics that peak at 1860–1861

правленно развивает ее, а затем постепенно расширяет круг освещаемых им вопросов. Тенденции, иллюстрируемые графиками, могут быть осмыслены как репрезентация механизма обращения к жанровой традиции фельетона и последующего отступления от нее под влиянием процессов, происходящих на рубеже 1850–1860-х годов в гражданском обществе и отражающихся в редакционной политике «Современника». Эти наблюдения могут быть дополнены сведениями диаграммы⁷, представляющей тематический состав 129 фельетонов о Новом Поэте, каждый из которых обозначен здесь вертикальной линией; длина раскрашенной области равна доле той или иной темы в фельетоне (см. график 5).

Диаграмма также свидетельствует о том, что темам, почти не представленным в корпусе «журнальных» фельетонов Нового Поэта (1847–1855), отводится больший объем в фельетонах о петербургской жизни (1855–1862). Можно сказать, таким образом, что со временем фельетон Панаева становится более разнообразным в тематическом отношении. В следующем разделе мы попробуем количественно оценить степень тематического разнообразия фельетонов о Новом Поэте.

⁷ Диаграмма доступна по ссылке: <https://doi.org/10.31860/openlit-2024.4-R006>.

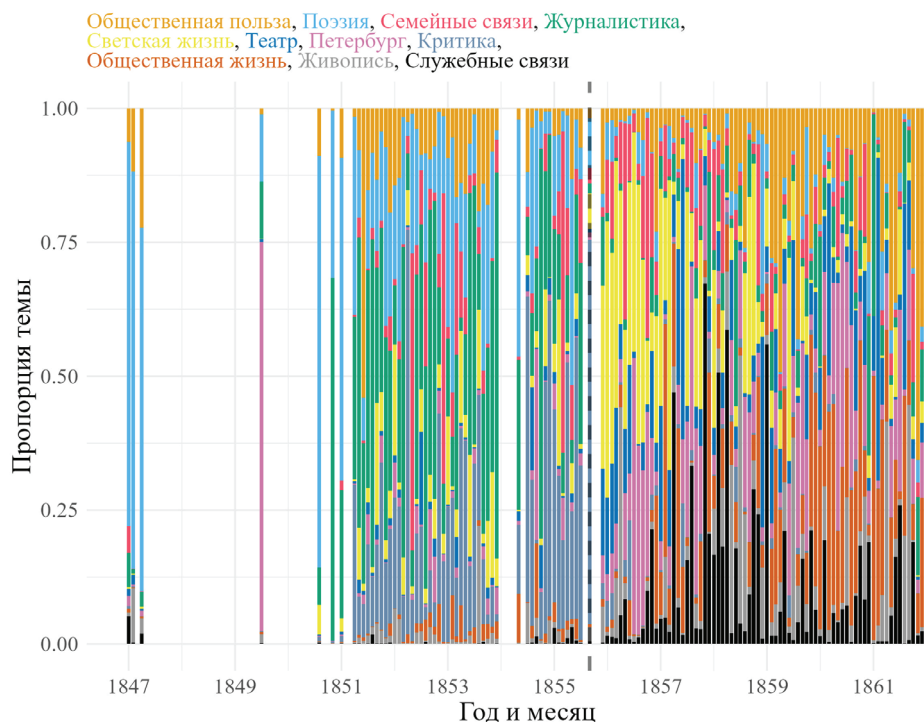


График 5. Распределение пропорций тем в фельетонах о Новом Поэте

Chart 5. Distribution of proportions of topics in feuilletons about the New Poet

Количественные изменения тематики фельетонов о Новом Поэте

*Удивительная, нестерпимая привычка
перебегать от одного предмета к другому!*
[Дружинин 1849: 155]

Одним из ключевых факторов, которые влияют на тематическое разнообразие фельетона, следует признать его длину — величину непостоянную⁸ и потому важную для оценки его содержания и прагматики. В случае фельетонов о Новом Поэте можно говорить о том, что с 1856 г. они становятся длиннее, начинают занимать в «Современнике» более заметное положение: так, медианная длина фельетонов о журналистике составляет 16 страниц, в то время как этот же показатель у «Петербургских заметок» равен 26⁹. Кроме того, тематическая вариативность фельетона

⁸ Так, один из ранних фельетонов о Новом Поэте (1850, № 8) занимает всего две страницы, в то время как фельетон Дружинина об Иване Чернокнижникове, опубликованный в том же номере «Современника», превышает 80 страниц.

⁹ Эти данные коррелируют с показателями соотношения длины отдельных фельетонных произведений о Новом Поэте и журнальных выпусков целиком (коэффициент

может определяться и тематикой цикла, к которому он относится: естественно предположить, что перемена общего заглавия фельетонов о Новом Поэте свидетельствует о трансформации содержательных установок Панаева и его соавторов.

Наконец, судить о тематическом разнообразии фельетона позволяют показатели информационной энтропии: более вариативным в тематическом отношении будет считаться текст, в котором принимает высокие значения энтропия распределения тем¹⁰. Формула, примененная нами для подсчета энтропии, представлена в приложении 1. Для того чтобы проверить независимость результата от параметров отдельной модели при оценке энтропии, мы рассчитали ее показатели на данных обеих структурных тематических моделей, использованных нами ранее (М-11 и М-20), и убедились в том, что выводы, которые были сделаны по результатам анализа данных, сгенерированных тематической моделью на 11 тем, справедливы и для модели с k , равным 20.

Для начала мы построили двухпеременную модель для оценки связи между показателями стандартизированной энтропии и стандартизированной длиной фельетона, а затем усложнили модель, включив в нее третью переменную, соответствующую тематике цикла, в который входит фельетонное произведение; формулы обеих моделей представлены в приложениях 2 и 3¹¹. Оценка связей между указанными здесь переменными на данных моделей М-11 и М-20 была проведена с помощью байесовской линейной регрессии.

Согласно оценке модели, описывающей тематическое разнообразие фельетона его длиной (см. приложение 4), эффект длины фельетона на показатели его энтропии положительный, а потому можно утверждать, что с увеличением длины фельетона растет и его тематическое разнообразие. Для валидации работы этой модели, включающей две переменные, мы также проверили, учитывает ли она вариативность тематического разнообразия фельетона при разной длине текста.

корреляции равен 0,74, т. е. близок к максимально возможному ее значению). Сведения об объеме номеров «Современника» получены из указателя содержания журнала, составленного В. Э. Боградом [1959].

¹⁰ Тематическое моделирование как способ оценки пропорций тем в текстовом документе подвергается критике (см.: [Shadrova 2021: 12–16]). Энтропия, имея опосредованное отношение к тематике текста, также является абстрактной и шумной мерой тематического разнообразия. Чтобы убедиться в справедливости расчетов энтропии для фельетонов о Новом Поэте, мы сопоставили фрагменты с высокими и низкими показателями энтропии, просмотрев эти тексты *de visu*. Дополнительной валидации метода оценки тематического разнообразия через меру энтропии может и должно быть посвящено отдельное исследование.

¹¹ Сопоставляя друг с другом результаты работы моделей с двумя и тремя переменными, мы опирались на информационный критерий Ватанабе — Акаике (WAIC), который оценивает зависимость предсказательной устойчивости модели от выборки данных. Так, согласно подсчетам WAIC, модель, объясняющая тематическое разнообразие длиной фельетона и тематикой цикла, может считаться более точной в предсказаниях тематического разнообразия фельетонного произведения.

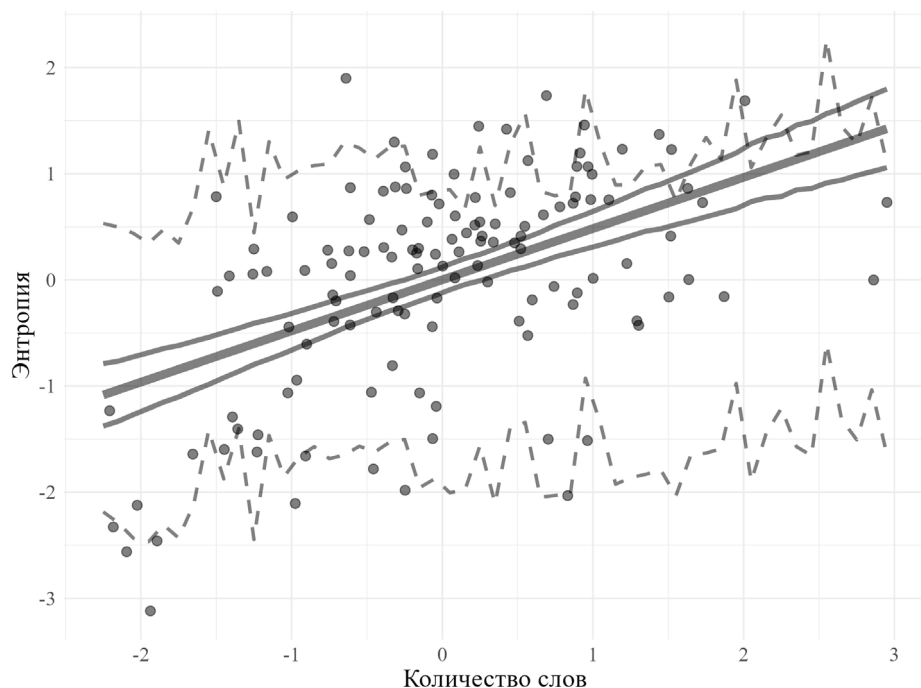


График 6. Распределение энтропии и ее средних значений в соотношении с длиной фельетонов

Chart 6. Distributions of entropy and its mean for different values of feuilletons' length

График 6 описывает распределение средней энтропии для значений количества слов в фельетоне, а также распределение энтропии в этом же промежутке значений. Сплошная полужирная линия обозначает среднее значение средней энтропии для соответствующего значения количества слов, а сплошные тонкие линии обозначают верхнюю и нижнюю границы большинства значений, которые может принимать средняя энтропия. Пунктирные же линии обозначают интервал, в котором, согласно оценке модели, могут находиться действительные значения энтропии распределения тем в фельетонах. Фельетоны обозначены здесь точками. Хотя фельетоны с одинаковым количеством слов могут иметь разные показатели энтропии, оценки среднего значения средней энтропии распределения тем в фельетонах демонстрируют, что положительная зависимость тематического разнообразия фельетона от его длины наблюдается при любых значениях последней.

Проверим гипотезу о том, что смена тематики с журналистики на петербургскую жизнь также положительно влияет на тематическое разнообразие фельетонов о Новом Поэте. Результаты работы трехпеременной модели (см. приложение 5) свидетельствуют, что при средней длине фельетона среднее значение энтропии для фельетонов о журналистике в большинстве случаев ниже среднего значения энтропии распределения

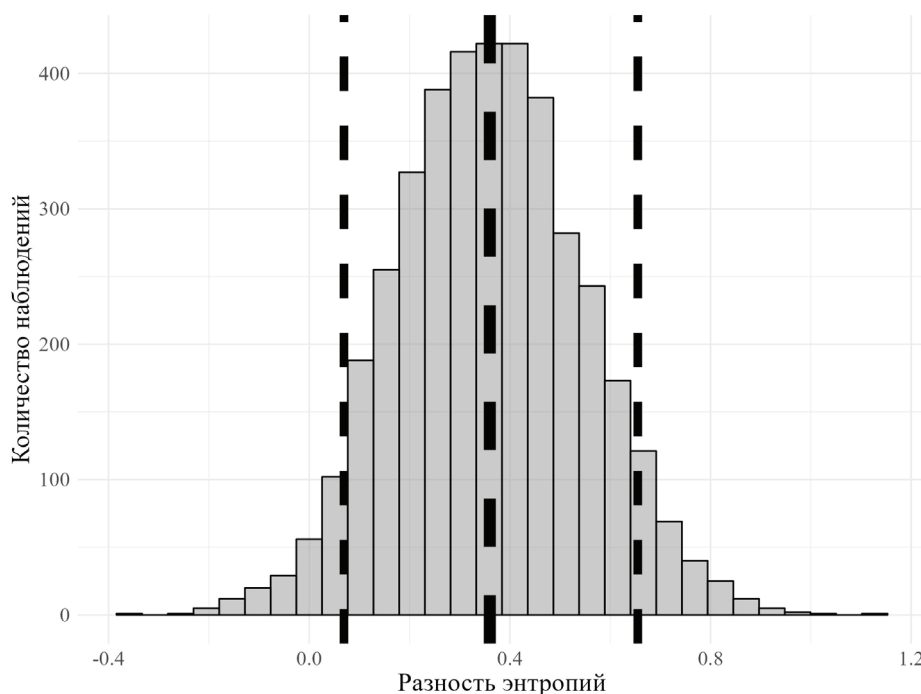


График 7. Распределение разности энтропий фельетонов, относящихся к разным циклам

Chart 7. Distribution of differences between entropies of feuilletons included in different cycles

тем в статьях о петербургской жизни. Таким образом, можно утверждать, что принадлежность к одному из двух циклов, хотя и в меньшей степени, чем длина фельетона, влияет на его тематическое разнообразие. Этот результат визуализирован на графике 7, описывающем распределение разницы в показателях энтропии для двух фельетонных циклов. Здесь представлены значения, которые были получены в результате вычитания из показателей энтропии для «петербургских» фельетонов о Новом Поэте показателей энтропии для фельетонов о журналистике. Положительные значения принимает не только средняя разница между показателями энтропии, обозначенная здесь полужирной пунктирной линией, но и большинство значений разницы между ними (см. положения тонких пунктирных линий), что свидетельствует о более высоком, относительно «журнальных» фельетонов, тематическом разнообразии большинства «Заметок о петербургской жизни».

С одной стороны, это означает, что жанр «городского» фельетона оказывается более гибким в отношении тематического содержания: рассказ о жизни Петербурга дает фельетонисту возможность затронуть множество тем, с городскими событиями напрямую не связанных. С другой стороны, установка Панаева на диверсификацию содержания фельетонов о Новом

Поэте, выявляемая за счет роста их тематического разнообразия, может согласовываться с общим направлением развития журналистики в эпоху Великих реформ. Так, современная исследовательница указывает на ключевую для этого времени роль газетного фельетона, выступающего в роли навигатора по популярной культуре и образца мнения, высказываемого в публичном поле [Dianina 2003]. Представляется, что «Петербургские заметки» реализуют эту же установку: относительное тематическое разнообразие «городского» фельетона о Новом Поэте косвенно свидетельствует о намерении Панаева ориентировать читателя в расширившемся пространстве событий и точек зрения.

* * *

Таким образом, фельетонная «бессодержательность» может высказать немало содержательного об особенностях работы Панаева и его соавторов с жанровой традицией, а также о соотношении тематической изменчивости фельетонов о Новом Поэте с событиями общественно-политической жизни Российской империи в 1850–1860-е годы и с идеологическим направлением «Современника». Используя разные способы количественной оценки содержания фельетонов о Новом Поэте, мы получили возможность конкретизировать и квантифицировать характер ее вариативности.

Так, результаты анализа тематического содержания двух фельетонных циклов о Новом Поэте демонстрируют, что Панаев, хорошо представляя себе актуальную традицию фельетонного повествования (описание «забав и увеселений») и отправляясь от установки на ее реализацию, с течением времени отходит от конвенциональных, жанрово обусловленных механизмов выбора фельетонной тематики, адаптируя заметки о Новом Поэте к событиям современности. Фельетонист, с одной стороны, стремится выработать идеал литератора, репрезентирующего проект новой литературы в период «мрачного семилетия», и активного члена гражданского общества эпохи Великих реформ — человека, знакомого с текущими общественными полемиками. С другой стороны, Панаев делает ставку на постепенное расширение тематического разнообразия фельетона. В прямую связь с этими процессами может быть поставлена редакционная политика «Современника» второй половины 1850-х — начала 1860-х годов: толстые журналы, стоящие после окончания Крымской войны на грани разорения, должны были обеспечивать читателям разнообразие актуальных, вызывающих живой интерес материалов.

Критический дискурс, складывающийся вокруг фельетона в 1850–1860-е годы, а также стратегии описания, к которым прибегает сам Панаев в попытке охарактеризовать отличительное качество собственных фельетонов, таким образом, отстают от реальной фельетонной практики, имеющей мало общего с «болтовней» «без всякого внутреннего содержания».

Приложения

Приложение 1

Формула для оценки тематического разнообразия фельетонных произведений (информационной энтропии):

$$H(x) = - \sum_{i=1}^n p_i \log(p_i)$$

где x — распределение пропорций тем в фельетоне, p_i — пропорция темы i в распределении x , а n — количество тем в фельетоне, равное значению параметра k тематической модели.

Приложение 2

Формула модели, объясняющей тематическое разнообразие фельетона его длиной, а также априорные распределения переменных этой модели:

$$\begin{aligned} D_i &\sim N(\mu_i, \sigma) \\ \mu_i &= \alpha + \beta_L L_i \\ \alpha &\sim N(0, 1) \\ \beta_L &\sim N(0, 0.333) \\ \sigma &\sim \text{Exp}(1) \end{aligned}$$

где D_i — стандартизированная энтропия распределения тем в фельетоне i , μ_i — среднее арифметическое стандартизированной энтропии распределения тем в фельетоне i , σ — стандартное отклонение стандартизированной энтропии, α — среднее арифметическое стандартизированной энтропии распределения тем в фельетоне средней длины, β_L — эффект стандартизированного количества слов в фельетоне, выраженного L_i — стандартизированным количеством слов в фельетоне i , — на среднее арифметическое стандартизированной энтропии распределения тем в фельетоне средней длины.

Приложение 3

Формула модели, объясняющей тематическое разнообразие фельетона его длиной и принадлежностью к одному из двух циклов, а также априорные распределения переменных этой модели:

$$\begin{aligned} D_i &\sim N(\mu_i, \sigma) \\ \mu_i &= \alpha_{\text{Topic}[i]} + \beta_L L_i \\ \beta_L &\sim N(0, 0.333) \\ \alpha_{\text{Topic}} &\sim N(0, 1) \\ \sigma &\sim \text{Exp}(1) \end{aligned}$$

где D_i — стандартизированная энтропия распределения тем в фельетоне i , μ_i — среднее арифметическое стандартизированной энтропии распределения тем в фельетоне i , σ — стандартное отклонение стандартизированной энтропии, β_L — эффект стандартизированного количества слов в фельетоне, выраженного L_i — стандартизированным количеством слов в фельетоне i , — на среднее арифметическое стандартизированной энтропии распределения тем в фельетоне средней длины, $\alpha_{Topic[i]}$ — среднее арифметическое стандартизированной энтропии распределения тем в фельетонах о журналистике и петербургской жизни по отдельности.

Приложение 4

Регрессионная таблица. Модель, описывающая тематическое разнообразие фельетона его длиной.

М-11					М-20				
	Среднее	Ст. отклонение	5,5%	94,5%		Среднее	Ст. отклонение	5,5%	94,5%
α	0	0,08	-0,12	0,12	α	0	0,07	-0,12	0,11
β	0,48	0,07	0,36	0,6	β	0,54	0,07	0,44	0,66
σ	0,87	0,06	0,79	0,97	σ	0,83	0,05	0,75	0,92

Приложение 5

Регрессионная таблица. Модель, описывающая тематическое разнообразие фельетона его длиной и принадлежностью к одному из двух циклов.

М-11					М-20				
	Среднее	Ст. отклонение	5,5%	94,5%		Среднее	Ст. отклонение	5,5%	94,5%
$\alpha_{\text{Журналистика}}$	-0,21	0,13	-0,42	0	$\alpha_{\text{Журналистика}}$	-0,21	0,13	-0,42	-0,01
$\alpha_{\text{Петербургская жизнь}}$	0,15	0,11	-0,02	0,33	$\alpha_{\text{Петербургская жизнь}}$	0,16	0,11	-0,01	0,33
β	0,38	0,09	0,24	0,52	β	0,43	0,09	0,29	0,57
σ	0,87	0,05	0,78	0,96	σ	0,82	0,05	0,75	0,91

Источники

Авдеев 1852 — [Авдеев М. В.] Письма «пустого человека» в провинцию о петербургской жизни // Современник. 1852. № 12. Отд. 6. С. 257–267.

Алмазов 1851 — [Алмазов Б. Н.] Стихотворения Эраста Благодного // Москвитин. 1851. № 19–20. С. 265–293.

Беллетристика 1889 — [Без подписи.] Беллетристика // Русская мысль. 1889. Кн. 4. С. 133–148.

Боград 1959 — Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1959.

Дружинин 1849 — [Дружинин А. В.] Письма Иногороднего Подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. 1849. № 4. Отд. 6. С. 153–177.

- Елисеев 1861 — [Елисеев Г. З.] Внутреннее обозрение // Современник. 1861. № 10. Отд. 2. С. 333–354.
- Журналистика 1854 — [Без подписи.] Журналистика // Отечественные записки. 1854. № 8. Отд. 4. С. 89–124.
- Макаров, Ушинский 1853 — [Макаров Н. Я., Ушинский К. Д.] Иностранные известия // Современник. 1853. Отд. 6. № 8. С. 209–241.
- Панаев 1852a — [Панаев И. И.] Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1852. № 2. Отд. 6. С. 280–297.
- Панаев 1852b — [Панаев И. И.] Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русского фельетона // Современник. 1852. № 10. Отд. 6. С. 239–255.
- Панаев 1855 — [Панаев И. И.] Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1855. № 12. Отд. 2. С. 235–268.
- Панаев 1860a — [Панаев И. И.] Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1860. № 7. Отд. 2. С. 111–146.
- Панаев 1860b — [Панаев И. И.] Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1860. № 12. Отд. 2. С. 383–407.
- Петербургские письма 1847 — [Без подписи.] Петербургские письма // Литературная газета. 1847. 12 июня, № 24. С. 383–384.
- Трубачев 1889 — Трубачев С. С. Фельетонный беллетрист (По поводу полного собрания сочинений И. И. Панаева) // Исторический вестник. 1889. № 4. С. 160–173.
- Шелгунов 1861 — [Шелгунов Н. В.] Литературные рабочие // Современник. 1861. № 10. Отд. 2. С. 189–210.

Литература

- Вдовин 2011 — Вдовин А. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов: [Дис. ... д-ра философии / Тартуский ун-т]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011.
- Вдовин, Зубков 2015 — Вдовин А. В., Зубков К. Ю. «Спор Петербурга с Москвою». Литературная полемика первой половины 1850-х годов // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 7–33.
- Вдовин и др. 2015 — «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Ипатова 2020 — Ипатова С. А. Об одной стихотворной пародии Нового Поэта (И. И. Панаева) на Фета (1847) // Русская литература. 2020. № 4. С. 21–31. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2020-4-21-31>.
- Комарович 1930 — Комарович В. Л. Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны сороковых годов: Журнальная и газетная проза И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева / Ред. Ю. Г. Оксмана. М.; Л.: Academia, 1930. С. 89–124.
- Лейбов, Орехов 2022 — Лейбов Р., Орехов Б. В. Между политикой и поэтикой: топика Крыма в современной русскоязычной наивной лирике // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 205–232. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-205-232>.
- Макеев 2017 — Макеев М. С. Николай Некрасов. М.: Мол. гвардия, 2017.
- Мельгунов 1986 — Мельгунов Б. В. Некрасов, Панаев — Новый поэт (к истории создания журнальной маски) // Русская литература. 1986. № 3. С. 153–169.

- Тынянов, Казанский 1927 — Вопросы современной поэтики. Фельетон: Сб. ст. / Под ред. Ю. Н. Тынянова, Б. В. Казанского. Л.: Academia, 1927.
- Шашкова 2007 — *Шашкова Е. В.* Журнально-критическая деятельность И. И. Панаева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2007.
- Dianina 2003 — *Dianina K.* The feuilleton: An everyday guide to public culture in the age of the Great Reforms // *The Slavic and East European Journal*. Vol. 47. No. 2. 2003. P. 187–210. <https://doi.org/10.2307/3219943>.
- Jockers 2013 — *Jockers M. L.* Macroanalysis: Digital methods and literary history. Urbana: Univ. of Illinois Press, 2013.
- Mimno et al. 2011 — *Mimno D., Wallach H. M., Talley E., Leenders M., McCallum A.* Optimizing semantic coherence in topic models // EMNLP 2011: Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing: Proceedings of the conference. [Edinburgh]: [Association for Computational Linguistics], 2011. P. 262–272.
- Roberts et al. 2019 — *Roberts M. E., Stewart B. M., Tingley D.* STM: An R package for structural topic models // *Journal of Statistical Software*. Vol. 91. No. 2. 2019. P. 1–40. <https://doi.org/10.18637/jss.v091.i02>.
- Schöch 2017 — *Schöch Ch.* Topic modeling genre: An exploration of French classical and Enlightenment drama // *Digital Humanities Quarterly*. Vol. 11. No. 2. URL: <https://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/11/2/000291/000291.html>.
- Shadrova 2021 — *Shadrova A.* Topic models do not model topics: epistemological remarks and steps towards best practices // *Journal of Data Mining and Digital Humanities*. 2021. P. 1–28. <https://doi.org/10.46298/jdmdh.7595>.
- Taddy 2012 — *Taddy M. A.* On estimation and selection for topic models // PMLR. Vol. 22: Artificial Intelligence and Statistics, 21–23 April 2012, La Palma, Canary Islands / Ed. by N. D. Lawrence, M. Girolami. [Cambridge, MA]: PMLR, 2012. P. 1184–1193.
- Thorstensson 2020 — *Thorstensson V.* “All sorts” of fires: Suvorin’s roman-feuilleton *Vsiazkie* and the Russian polemical novel of the 1860s // *Russian Literature*. Vol. 113. 2020. P. 61–86. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.04.005>.
- Wallach et al. 2009 — *Wallach H. M., Murray I., Salakhutdinov R., Mimno D.* Evaluation methods for topic models // ICML 2009: Proceedings, Twenty-Sixth Annual International Conference on Machine Learning / Ed. by L. Bottou, M. Littman. Madison: [n. p.], 2009. P. 1105–1112. <https://doi.org/10.1145/1553374.1553515>.

References

- Dianina, K. (2003). The feuilleton: An everyday guide to public culture in the age of the Great Reforms. *The Slavic and East European Journal*, 47(2), 187–210. <https://doi.org/10.2307/3219943>.
- Ipatova, S. A. (2020). Ob odnoi stikhotvornoi parodii Novogo Poeta (I. I. Panaeva) na Feta (1847) [Concerning a parody of Fet by the *New Poet* (I. I. Panayev) (1847)]. *Russkaja literatura*, 2020(4), 21–31. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2020-4-21-31>. (In Russian).
- Jockers, M. L. (2013). *Macroanalysis: Digital methods and literary history*. Univ. of Illinois Press.
- Komarovich, V. L. (1930). Peterburgskie fel’etony Dostoevskogo [Petersburg feuilletons by Dostoevsky]. In Iu. G. Oksman (Ed.). *Fel’etony sorokovykh godov. Zhurnal’naia i gazetnaia proza I. A. Goncharova, F. M. Dostoevskogo, I. S. Turgeneva* (pp. 89–124). Academia. (In Russian).
- Leibov, R., & Orekhov, B. V. (2022). Mezhdru politikoi i poetikoi: topika Kryma v sovremennoi russkoiazychnoi naivnoi lirike [Between politics and poetics: Topics of the Crimea in contemporary Russian-speaking naïve poems]. *Shagi / Steps*, 8(2), 205–232. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-205-232>. (In Russian).

- Makeev, M. S. (2017). *Nikolai Nekrasov* [Nikolay Nekrasov]. Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Mel'gunov, B. V. (1986). Nekrasov, Panaev — *Novyi poet* (k istorii sozdaniia zhurnal'noi maski) [Nekrasov, Panaev — *The New Poet* (on the history of the creation of a magazine mask)]. *Russkaia literatura*, 1986(3), 153–169. (In Russian).
- Mimno, D., & Wallach, H. M., & Talley, E., & Leenders, M., & McCallum, A. (2011). Optimizing Semantic Coherence in Topic Models. In *EMNLP 2011: Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing: Proceedings of the conference* (pp. 262–272) (n. p.).
- Roberts, M. E., Stewart, B. M., & Tingley, D. (2019). STM: An R package for structural topic models. *Journal of Statistical Software*, 91(2), 1–40. <https://doi.org/10.18637/jss.v091.i02>.
- Schöch, Ch. (2017). Topic modeling genre: An exploration of French classical and Enlightenment drama. *Digital Humanities Quarterly*, 11(2). <https://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/11/2/000291/000291.html>.
- Shadrova, A. (2021). Topic models do not model topics: epistemological remarks and steps towards best practices. *Journal of Data Mining and Digital Humanities*, 1–28. <https://doi.org/10.46298/jdmdh.7595>.
- Shashkova, E. V. (2007). Zhurnal'no-kriticheskaia deiatel'nost' I. I. Panaeva [Journal-critical career of I. I. Panaev]. (Cand. Sci. (Philology) Thesis, Saint Petersburg State University). (In Russian).
- Taddy, M. A. (2012). On estimation and selection for topic models. In N. D. Lawrence, & M. Girolami (Eds.). *PMLR. Vol. 22: Artificial Intelligence and Statistics, 21–23 April 2012, La Palma, Canary Islands* (pp. 1184–1193). PMLR.
- Thorstensson, V. (2020). “All sorts” of fires: Suvorin's roman-feuilleton *Vsiakie* and the Russian polemical novel of the 1860s. *Russian Literature*, 113, 61–86. <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.04.005>.
- Tynianov, Iu. N., & Kazanskii, B. V. (Eds.) (1927). *Voprosy sovremennoi poetiki. Fel'eton: Sbornik statei* [Questions of modern poetics. Feuilleton: Collection of articles]. Academia. (In Russian).
- Vdovin, A. V. (2011). *Kontsept “glava literatury” v russkoi kritike 1830–1860-kh godov* [The concept of “head of literature” in Russian criticism of the 1830s–1860s] (PhD Diss., Tartu Univ.). Tartu Ülikooli Kirjastus. (In Russian).
- Vdovin, A. V., & Zubkov, K. Iu. (2015). “Spor Peterburga s Moskvoiu”. Literaturnaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov [“The dispute between St. Petersburg and Moscow”. Literary polemics of the first half of the 1850s.]. In A. V. Vdovin, K. Iu. Zubkov, & A. S. Fedotov (Eds.). “*Sovremennik*” protiv “*Moskvitianina*”: *Literaturno-kriticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov* (pp. 7–33). Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Vdovin, A. V., Zubkov, K. Iu., & Fedotov, A. S. (Eds.) (2015). “*Sovremennik*” protiv “*Moskvitianina*”. *Literaturno-kriticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov* [“Sovremennik” versus “Moskvityanin”: Literary-critical polemics of the first half of the 1850s]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Wallach, H. M., Murray, I., Salakhutdinov, R., & Mimno, D. (2009). Evaluation methods for topic models. In L. Bottou, & M. Littman (Eds.). *ICML 2009: Proceedings, Twenty-Sixth Annual International Conference on Machine Learning* (pp. 1105–1112) (n. p.). <https://doi.org/10.1145/1553374.1553515>.

* * *

Информация об авторах

Екатерина Игоревна Вожик

аспирантка, младший научный сотрудник, Лаборатория цифровых исследований литературы и фольклора, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4

✉ e.vozhik@yandex.ru

Роман Александрович Лисиюков

старший лаборант-исследователь, Лаборатория цифровых исследований литературы и фольклора, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4

✉ romanlisyukov@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina I. Vozhik

Graduate Student, Junior Researcher, Laboratory for Digital Research in Literature and Folklore, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, Saint Petersburg, Makarova Emb., 4

✉ e.vozhik@yandex.ru

Roman A. Lisiukov

Senior Research Assistant, Laboratory for Digital Research in Literature and Folklore, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences

Russia, 199034, Saint Petersburg, Makarova Emb., 4

✉ romanlisyukov@gmail.com

Ф. Н. Двинятин^a<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>✉ f.dvinyatin@spbu.ru**Б. В. Ковалев**^{ab}<https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>✉ bkovalev@yandex.ru^a Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)^b Союз писателей Санкт-Петербурга
(Россия, Санкт-Петербург)

«СИРИН НЕ УСТУПАЕТ ЛЕОНОВУ»: МЕТОД DELTA ДЛЯ СТИЛЕМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКИХ РОМАНОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. В статье анализируются стилистические особенности русскоязычных романов Набокова в контексте русской межвоенной прозы. Основным методом является Delta Бёрроуза — один из наиболее надежных стилеметрических инструментов, позволяющих сравнивать тексты между собой на основании распределения наиболее частотных служебных слов. Также для классификации текстов применяются методы SVM и KNN. В исследовании ставятся две цели: 1) осуществить первичную кластеризацию стилей ведущих русских прозаиков межвоенной эпохи, а также выяснить место среди них стиля Набокова (Сирина) при помощи современных алгоритмов; 2) испытать эти алгоритмы на способность информативно и адекватно решать поставленные задачи стилистического распределения и на согласованность результатов. Выясняется, что стилистически близкими к романам Набокова являются тексты Леонова, Газданова и Грина. Особенно отчетливое сходство обнаруживается между поздними романами Набокова, «Скутаревским» Леонова и «Вечером у Клэр» Газданова. Восемь русскоязычных романов Набокова делятся на две группы. Первая — «Машенька», «Защита Лужина», «Король, дама, валет», «Подвиг», «Камера обскура». Вторая — романы 1930-х годов «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар».

Ключевые слова: В. Набоков, Г. Газданов, Л. Леонов, межвоенная проза, стилеметрия, Stylo, Delta, цифровая филология

Благодарности. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 95434615.

Для цитирования: Двинятин Ф. Н., Ковалев Б. В. «Сирин не уступает Леонову»: метод Delta для стилеметрического анализа русских романов межвоенного периода // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 207–229.

Поступило 5 февраля 2024 г.; принято 4 июня 2024 г.

F. N. Dviniatin^a

<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>

✉ f.dvinyatin@spbu.ru

B. V. Kovalev^{ab}

<https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>

✉ bukovalev@yandex.ru

^a St. Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

^b Writers' Union of St. Petersburg
(Russia, Saint Petersburg)

“SIRIN IS NOT INFERIOR TO LEONOV”: BURROWS’S DELTA FOR STYLOMETRIC ANALYSIS OF RUSSIAN NOVELS OF THE INTERWAR PERIOD

Abstract. The article analyzes the stylistic features of Nabokov’s Russian-language novels in the context of Russian interwar prose. The main method is Burrows’s Delta — one of the most reliable stylometric tools that allows comparing texts with each other based on the distribution of the most frequent function words. In addition, SVM and KNN methods are also used to classify texts. The study has two objectives: 1) to carry out a primary clustering of the styles of leading Russian prose writers of a certain era, and also, through the use of modern algorithms, to determine the place among them of the style of Nabokov (Sirin); 2) to test these algorithms for their ability to informatively and adequately solve the tasks of stylistic distribution and for the consistency of the results. It turns out that stylistically close to Nabokov’s novels are the texts of Leonov, Gazdanov and Grin. A particularly clear similarity is found between Nabokov’s late novels, Leonov’s *Skutarevsky* and Gazdanov’s *An Evening with Claire*. Nabokov’s eight Russian-language novels are divided into two groups. The first consists of *Mashenka*, *The Defense*, *King*, *Queen*, *Knave*, *Glory*, *Laughter in the Dark*. The second is made up of the novels of the 1930s: *Despair*, *Invitation to a Beheading*, *The Gift*.

Keywords: V. Nabokov, G. Gazdanov, L. Leonov, interwar prose, stylometry, Stylo, Delta, digital philology

Acknowledgements. The authors acknowledge the support of Saint Petersburg State University for research project № 95434615.

To cite this article: Dviniatin, F. N., & Kovalev, B. V. (2024). “Sirin is not inferior to Leonov”: Burrows’s Delta for stylometric analysis of Russian novels of the interwar period. *Shagi / Steps*, 10(3), 207–229. (In Russian).

Received February 5, 2024; accepted June 4, 2024



Введение

Стилистический анализ — сложная и многомерная процедура. Необходимо выбрать методологию — одну из множества существующих или комбинацию нескольких. Следует решить, будет ли изучаться текст сплошь, как стилистически отмеченный в каждой точке, или только некоторые, привилегированные в стилистическом отношении, его компоненты (и тогда какие?). Наряду с этим нужно решить, будут ли рассматриваться выборочные фрагменты или весь массив изучаемых текстов. В идее стиля при самых разных ее пониманиях заключена идея отличия или различия (один стиль отличается от другого, стили различаются между собой — о стилях и говорят для того, чтобы констатировать эти отличия или различия), и поэтому практически обязательны сопоставления авторов друг с другом и всех их, вместе или по отдельности, — с языковой картиной эпохи. Таким образом, даже при традиционном филологическом подходе исследование стиля принадлежит пограничью между «пристальным» филологическим чтением и более обзорным подходом. Но когда речь идет о многих авторах и текстах, подключение количественных подходов даже не столько желательно, сколько насущно. Это было ясно и несколько десятилетий назад, и тем более сегодня — в свете прогресса квантитативных и компьютерных методов.

У нашего исследования две цели. Первая — осуществить первичную кластеризацию стилей ведущих русских прозаиков определенной эпохи, а также выяснить место среди них стиля Набокова (Сирина), вокруг которого в первую очередь строится исследование. Для этого используются наиболее надежные на сегодняшний день компьютерные методы, и прежде всего Delta Бёрроуза. Другая цель — испытать эти алгоритмы, во-первых, на согласованность результатов (результаты применения различных алгоритмов могут оказаться солидарными, либо противоречащими друг другу, либо взаимодополняющими), во-вторых — на способность информативно и адекватно решать поставленные задачи стилистического распределения.

Метод

Для решения исследовательских задач была избрана Delta Бёрроуза [Burrows 2002]. Этот метод получил значительное распространение в зарубежной филологии (в первую очередь в сфере цифровой текстологии) и с некоторых пор активно применяется отечественными исследователями.

Метод основан на предположении, что распределение наиболее частотных слов в текстах того или иного автора не является случайным, а служит отображением индивидуального авторского стиля. Существенно, что значительная доля самой частотной лексики приходится на служебные слова — предлоги, союзы, местоимения и пр., — которые не связаны с тематикой текста. Вычисления проводятся следующим образом. Для каждого текста в анализируемом корпусе берется некоторое количество

наиболее частотных слов и далее сравниваются их частотности, представленные как меры *z-scores*, т. е. стандартизированные оценки, показывающие разброс значений относительно средних. *Z-score* вычисляется по следующей формуле:

$$z\left(f_i(D_1)\right)=\frac{f_i(D_1)-\mu_i}{\sigma_i}. \#(1)$$

где $f_i(D_1)$ — частота слова в тексте D_1 , μ_i — средняя частота слова по выборке, а σ_i — стандартное отклонение этой частоты. Соответственно, мера Delta представляет собой сумму взятых по модулю разниц между мерами *z-scores* у двух сравниваемых текстов, поделенную на количество слов:

$$\Delta_{Bur}=\frac{1}{n}\sum_{i=1}^n|z_i(D_1)-z_i(D_2)|. \#(2)$$

где n — общее количество слов, i — конкретное слово, а D_1 и D_2 — сравниваемые тексты.

Как видим, Delta измеряет относительные частоты, что позволяет сравнивать между собой тексты разной длины. На основании подсчетов вычисляется расстояние между изучаемыми текстами: для текстов, которые написаны разными авторами, оно оказывается больше, чем для текстов, сочиненных одним автором.

Delta с успехом применяется в рамках цифровой текстологии, решая задачи атрибуции. Метод был испытан многими западными филологами на материале разных языков: английского [Gladwin et al. 2017; Hoover 2004] немецкого [Jannidis, Lauer 2014], арабского [Al-Falahni et al. 2015], испанского [Calvo Tello 2019; Hernández-Lorenzo, Byszuk 2023].

Некоторое время назад Delta стала активно использоваться и в русскоязычном научном пространстве: атрибутировались романы Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» [Мамаев и др. 2018], письма Берии [Петров и др. 2019]. Кроме того, Delta применялась для атрибуции романа «Тихий Дон» [Великанова, Орехов 2019; Iosifyan, Vlasov 2020; Маслинский 2022], метод проверялся на корпусе древнегреческих текстов [Алиева 2022a; 2022b]; анализировались тексты и переводы В. Набокова [Орехов 2021] и различные переводы «Илиады» на русский язык [Орехов 2020].

Для нас также существенно то, что Delta используется не только в рамках цифровой текстологии, но и для анализа стилистических перемен в творчестве одного или нескольких авторов [Calvo Tello 2019; Алиева 2022b; Ковалев 2023; Skorinkin, Orekhov 2023]. Delta может показать раз-

личия не только между текстами принципиально разных писателей, но и между текстами одного автора, написанными в разный период времени.

Delta служит средством иерархической кластеризации стилей. Мы можем принять ее работу с большим или меньшим доверием, но она делает именно это. Можно сказать, что при обращении к Delta на первый план в определении стиля выходит его отношение к другим соотносимым стилям (по принципу «стиль — это то, что отличается от других стилей, и одним из них он ближе, а от других дальше»), а на задний план отходят сущностные признаки стиля. В то же время — и в этом своего рода парадокс — Delta иерархически кластеризирует именно те стили, о которых мы знаем из читательских впечатлений и/или историко-литературной оценки и/или поэтологического анализа. Описывать их методами различной точности и полноты можно без всякого обращения к Delta или другому алгоритму, выполняющему те же задачи, но иерархическая кластеризация стилей осуществляется именно Delta. Примечательно, что эта кластеризация носит топологический характер (по понятным причинам скорее плоскостной, чем собственно пространственный).

Формирование корпуса

Отбор авторов и текстов задавался прежде всего двумя критериями:

1) хронологическим: тексты должны быть написаны не ранее 1920-х и не позднее конца 1940-х годов;

2) жанровым; для корректного анализа при помощи Delta необходимо соблюдать требование жанровой¹ гомогенности — в этом исследовании мы сосредоточились на крупной художественной прозе.

В результате корпус состоит из следующих текстов:

- Русскоязычные романы В. Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Подвиг», «Приглашение на казнь», «Отчаяние», «Дар»;
- «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова» К. Вагинова;
- «Вечер у Клэр», «Призрак Александра Вольфа» Г. Газданова;
- «Военная тайна», «Судьба барабанщика» А. Гайдара;
- «Бегущая по волнам», «Блестящий мир» А. Грина;
- «Дом в Пасси», «Золотой узор» Б. Зайцева;
- «Голубая книга», «Сентиментальные повести» М. Зощенко;
- «Двенадцать стульев», «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова;
- «Белеет парус одинокий», «Время, вперед» В. Катаева;
- «Барсуки», «Скутаревский» Л. Леонова;
- «Зависть», «Три толстяка» Ю. Олеши;

¹ Для Delta нет существенной разницы между большой повестью и коротким романом, однако, к примеру, драмы и романы одного и того же автора будут «восприняты» программой как тексты совершенно разные по стилю; поэтому в рамках одного замера нежелательно смешение рассказов и романов.

- «Голый год», «Красное дерево» Б. Пильняка;
- «Петр Первый», «Хождение по мукам»² А. Н. Толстого;
- «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова;
- «Братья», «Города и годы» К. Федина.

При подборе авторов и текстов мы исходили из общей установки и дополнительных принципов ее корректировки. «Нулевая» составная часть общей установки была в том, что замеры носят неизбежно предварительный характер и могут — а отчасти и должны — корректироваться, причем как в ходе самого данного исследования, так и после его завершения, в последующих обращениях к материалу. Поэтому цель сразу составить идеальный корпус авторов и текстов не ставилась, а всяческие дополнения и новые замеры если и не приветствовались, то считались вполне законными. Все это нужно учитывать при оценке дальнейшего. Собственно, общая установка состояла в том, что в корпус должны войти произведения наиболее значительных, по данным усредненных критических оценок и вхождений в «каноны» разных типов, авторов выбранной эпохи, при этом авторы должны быть в достаточной степени разнообразны — в пределах общих черт романного письма этих лет. От каждого из авторов изначально предполагалось брать по два произведения: два, а не одно, чтобы всегда контролировать, видит ли алгоритм общность стиля одного автора; два, а не три или больше — чтобы не перегружать формируемый корпус.

При этом с самого начала предполагалось, что Набоков, центральный для исследования автор, будет представлен всеми восемью русскими романами. Общий объем произведений в корпусе изначально хотелось сохранить равным приблизительно полусотне — это означало выбор примерно двух десятков авторов; причем, чтобы оставить резерв для новых подключений, сперва можно было не выбирать полностью этот примерно пятидесятитекстовый объем. Уже на этом этапе некоторые авторы отпадали по хронологическим или стилистическим основаниям, таким как слишком резкие отличия, могущие увести алгоритм от выявления более тонких сходств и различий.

Основных причин для отказа было три: неточное совпадение поколения-эпохи, жанра, проблемы с текстологией.

Так, из авторов первого ряда были не включены те, которые в значительной степени состоялись в предыдущий период: это прежде всего Горький и Бунин (в отличие от Куприна представленные в эти годы некоторыми главными своими текстами); при этом старшее поколение диаспоры представлено Зайцевым, а также Шмелевым³. В корпусе нет Шолохова: исследование его текстов методом Delta уже проводилось [Великанова, Орехов 2019; Маслинский 2022], объем «Тихого Дона» и некоторая вну-

² «Хождение по мукам» было разбито на три единицы в соответствии с частями романа.

³ В специальном исследовании, проводившемся практически синхронно с этим на материале исторических романов, богато представлены и тексты Алданова.

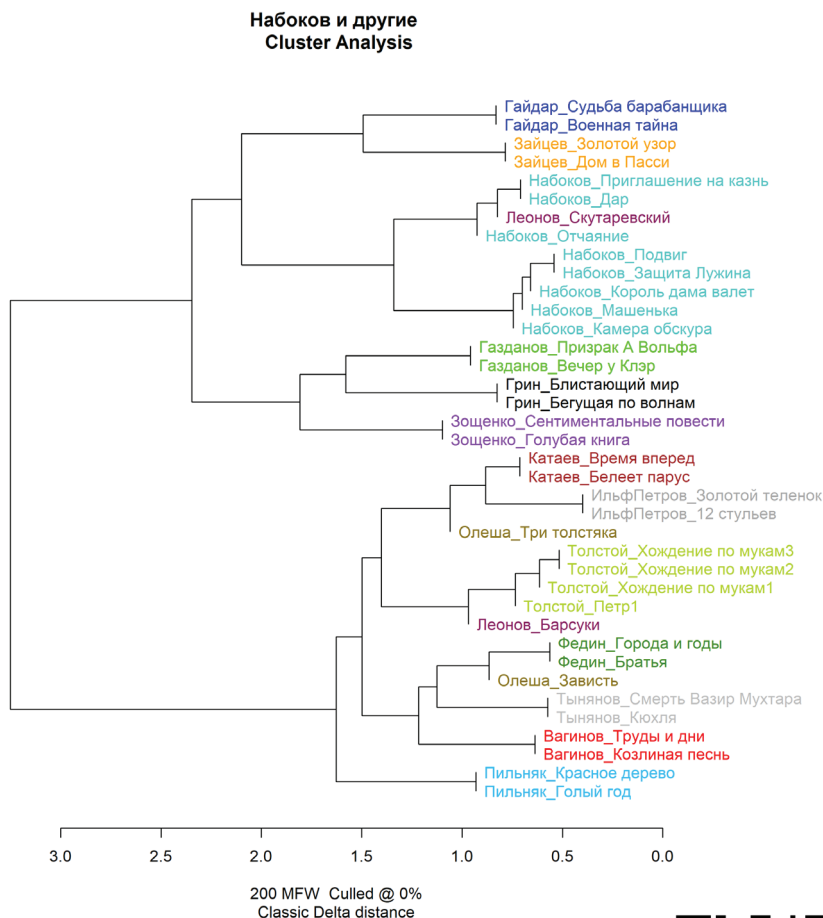
тренняя разнородность текста (эволюция стиля и различные по жанровой специфике фрагменты) могли оттянуть на себя слишком много внимания. По схожим причинам нет и Булгакова — в первую очередь из-за текстологических проблем⁴. Бабель не представлен как автор преимущественно малой прозы; в случае с Зощенко это препятствие в большей степени устранимо. Здесь необходимо повторить то, что уже сказано о возможности перепроверки результатов: добавить в корпус Бунина и/или Шолохова, Булгакова, Бабеля и др. при необходимости несложно. Проза советских авторов подбиралась так, чтобы при опоре на лучшие образцы представить разные тенденции: более традиционную и более обновленную (сказ, орнаментальность и т. д.), городскую, «интеллигентскую» и также народную; более «системную», представленную печатающимися авторами, тесно связанными с публичным литературным процессом, и более «частную», ту, что пишется «в стол», в условиях некоторой изоляции; московскую, петроградскую и одесскую и др.

Постановка эксперимента

Эксперименты были реализованы при помощи пакета Stylo [Eder et al. 2016] в программной среде R. На первом этапе мы провели серию опытов с частотным словарем объемом 100, 200, 300, 400, 500 слов (англ. *most frequent words*, далее — *mfw*) — стандарт для такого рода исследований. Использовалась стандартная процедура токенизации и нормализации токенов в пакете Stylo, лемматизация не проводилась. В современной стилиметрии вкупе с Delta используются и алгоритмы кластеризации, позволяющие представить результаты в виде дендрограммы — что выгодно отличается от традиционных таблиц наглядностью изображения. В нашем исследовании кластеры формировались по методу Варда: стилистически похожие тексты располагаются на одной «ветви» (ил. 1).

Для корректного прочтения дендрограмм мы предлагаем ввести два разграничения. С одной стороны, чтение предлагаемых схем «справа» или «слева» (в том виде, в котором они тут приведены), т. е. от самой дробной группировки к самой общей и, соответственно, наоборот, от самой общей к самой дробной; с другой стороны, осмысление итогов кластеризации без обращения к историко-литературной интерпретации (как простого понимания того, «что хочет сказать алгоритм») — и осмысление уже с подключением того, что известно за пределами данного эксперимента, т. е. закономерностей литературного процесса и представлений о стилистической эволюции, сформированных десятилетиями классических филологических наблюдений.

⁴ «На грани приемлемого» для данного исследования был и роман «Хождение по мукам» — из-за многочисленных и разновременных авторских переделок текста, а также долгой работы над полным текстом. Однако окончательная авторская версия существует, а хронологический разброс нейтрализован отдельным введением в исследование трех частей романа.



Ил. 1. Иерархическая кластеризация, визуализирующая расстояние Delta для анализируемых текстов. 200 mfw

Fig. 1. Hierarchical clustering visualizing Delta distance for analyzed texts 200 mfw



Итак, что дает чтение справа этой дендрограммы (38 текстов, 15 авторов — где Ильф и Петров, конечно, считаются одним автором)? Главный результат состоит в том, что тексты 12 авторов из 15 оказались на одной большой ветви; кроме того, с прибавлением одного текста другого автора на одной ветви оказались все тексты Набокова. Два исключения — Леонов и Олеша. Таким образом, можно сказать, что в явно преобладающем количестве случаев алгоритм считывает авторский сигнал — условимся здесь и далее называть так совокупность индивидуальных стилистических характеристик, выявляемую алгоритмом. Поскольку принадлежность текстов одному автору является единственным фактическим и объективным параметром, по которому можно проверить адекватность кластери-

зации, это положение дел важно: на этом этапе у нас есть 13 случаев, когда алгоритм, не знающий внешних историко-литературных обстоятельств, предлагает кластеризацию, соответствующую им, и два случая парадоксального отклонения.

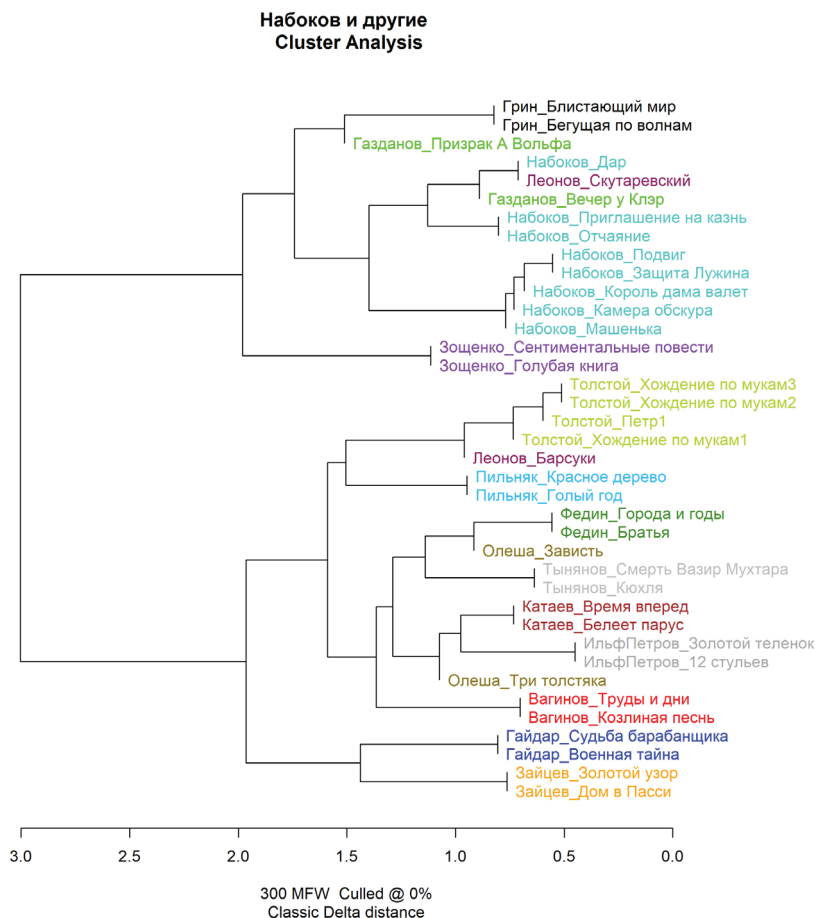
На следующем этапе (все еще чтение справа) можно проследить, как алгоритм группирует авторов и тексты по два: кому и чему он находит ближайших соседей. Здесь можно несколько уточнить констатацию из предыдущего абзаца, сказав, что 33 из 38 текстов алгоритм сближает прежде всего с текстами тех же авторов. Как же дело обстоит с самими авторами? Первичные сближения здесь таковы: для Катаева ближайшие — Ильф и Петров, для Ильфа и Петрова — Катаев; для Газданова Грин, для Грина Газданов; для Гайдара Зайцев и для Зайцева Гайдар. Это все случаи, когда один автор ближайшим образом соединен с другим, и они словно символизируют результаты разной степени «интуитивности»: более чем ожидаемое (Катаев — Ильф и Петров), совершенно неожиданное (Гайдар — Зайцев) и среднее (Грин — Газданов).

Для дальнейших констатаций нужны элементы чтения слева или полностью такое чтение слева. Мы обнаруживаем еще относительно компактную группу: к Газданову и Грину прибавляется Зощенко (простая группировка трех авторов); к Катаеву и Ильфу — Петрову примыкают «Три толстяка» Олеси (сложность здесь в том, что Олеша — «разъятый» автор, в том смысле, что алгоритм распределяет его тексты по разным ветвям); Толстой объединяется с «Барсуками» Леонова (Леонов — тоже «разъятый» автор); Федин — с «Завистью» Олеси, а Набоков — со «Скутаревским» Леонова. При этом если сближенные с двумя романами Олеси по отдельности Федин и Катаев — Ильф и Петров отдалены друг от друга в средней мере, то сближенные по отдельности с двумя романами Леонова Набоков и Толстой разведены алгоритмом достаточно решительно — как, разумеется, и сами романы Леонова. Федину и «Зависти» ближе всего Тынянов, им и Тынянову — Вагинов. Совершенно особняком стоит в этой схеме Пильняк.

При чтении слева первое ветвление выделяет, естественно, две группы. Назовем одну очень условно «набоковской» по нашему основному автору, другую — «одесско-фединской». «Набоковская» ветвится на уже описанные группы Газданов — Грин — Зощенко и Гайдар — Зайцев — Набоков + «Скутаревский». Во второй группе сразу отделяется Пильняк, ему противопоставлены все остальные. Эти «остальные» делятся на кластеры Федин — Тынянов — Вагинов — «Зависть» и Катаев — Ильф и Петров — «Три толстяка» — Толстой — «Барсуки».

Казус Леонова и Газданова

Примечательно, что в экспериментах на 300–500 mfw роман Газданова «Вечер у Клэр» атрибутируется позднему Набокову (ил. 2).



Ил. 2. Иерархическая кластеризация, визуализирующая расстояние Delta для анализируемых текстов. 300 mfw

Fig. 2. Hierarchical clustering visualizing Delta distance for analyzed texts. 300 mfw



Как видим, к Набокову, помимо «Скутаревского», прибавился «Вечер у Клэр». Зощенко теперь отдельный автор «набоковской» ветви, более тесная его связь именно с Грином и Газдановым преодолевается. Пильняк, напротив, уже не читается как отдельный в рамках второй ветви автор, а «переезжает» к Толстому и «Барсукам». Гайдар и Зайцев перемещаются из «набоковской» ветви, сильно поредевшей, в другую, но в ней отделяются от всех остальных первыми.

На этом этапе мы решили воспользоваться функцией `size.penalize`. Обычно она используется для проверки эффективности метода на отрывках разной длины при работе с различными классификаторами — в том числе и с Delta. Механизм ее работы таков: из текста извлекаются слу-

чайные выборки всё возрастающей длины, а затем они сравниваются с обучающей выборкой для классификации с применением заданного количества частотных слов (в нашем случае — 100, 200 и 500 mfw). Для каждого отрывка проводится сто итераций. Однако для нас важна не только оценка точности метода: функция также предоставляет матрицы смещения, позволяющие понять, между какими авторами происходит путаница и, следовательно, стилистические признаки каких писателей настолько близки, что представляются проблемными для однозначной атрибуции.

Анализ матриц смещения для романов «Скутаревский» и «Барсуки» показал, что Delta «путает» «Скутаревского» с текстами Набокова. При частотном словаре объемом 500 mfw роман атрибутируется Набокову на любом отрезке от 5000 до 10 000 слов в ста случаях из ста; при 200 mfw показатель колеблется от 73 (5000 слов) до 93 (10 000 слов). В этой связи нельзя не вспомнить слова Ходасевича, который при сопоставлении эмигрантской и советской литератур заявил, что «по объему дарования Сирий не уступает Леонову или Федину» (цит. по: [Мельников, Коростелев 2000: 98]. В какой-то степени Delta подтверждает справедливость этого сравнения — используя лишь распределение служебных частей речи. «Барсуки» же атрибутируются Толстому: при 100 mfw показатель колеблется от 64 до 78; при 200 mfw — от 82 до 92; при 500 mfw — от 94 до 99.

«Выделяемость» текстов Набокова и Леонова мотивируется и на языковом уровне. Оба в целом чужды той в самом широком смысле южной речевой основе, которая, возможно, сказывается в словесных предпочтениях многих крупнейших прозаиков этой (межвоенной) и предыдущей (рубеж XIX и XX вв., начало XX в.) эпохи (Чехова, Бунина, Булгакова, Платонова, Катаева, Олеси, Шолохова), хотя это и не абсолютно: преобладание *глядеть* над *смотреть*, типичное у «южных» авторов (детство и юность которых прошли в таких регионах и городах, как Приазовье, Черноземье, Дон, Киев, Одесса), характерно и для Леонова.

В употреблении наиболее частых предлогов и союзов обоим авторам свойственна нейтральность: например, для Булгакова характерна повышенная частотность предлога *в* (3,4% в общем словаре по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) против 2,8–2,9% у Набокова и Леонова и 3% в среднем по корпусу за десятилетие), для Андрея Белого — «с» (1,5% против 1,3%), Шолохова — *на* (2,1% против среднего 1,6–1,7%); с другой стороны, у Белого мало *на* (1,3%), у Шолохова — *в* (2,4%) и у Платонова — *с* (0,8%), а Набоков и Леонов нейтральны по всем трем предлогам. У Булгакова и Платонова много союзов *и* (а у Шолохова мало), у Шолохова и Платонова много *а*, Набоков и Леонов вновь нейтральны.

Разумеется, различия, биографические и внутритекстовые, очевидны: участие Леонова в событиях Гражданской войны, несомненная включенность в процессы развития советской литературы и идейная и стилиевая ориентация на Достоевского — это все то, чего у Набокова нет.

Однако показатели матриц смещения «Вечера у Клэр» еще радикальнее (табл. 1):

Таблица 1 / Table 1

Показатели матриц смешения романа «Вечер у Клэр»
Confusion matrices of *An Evening with Claire*

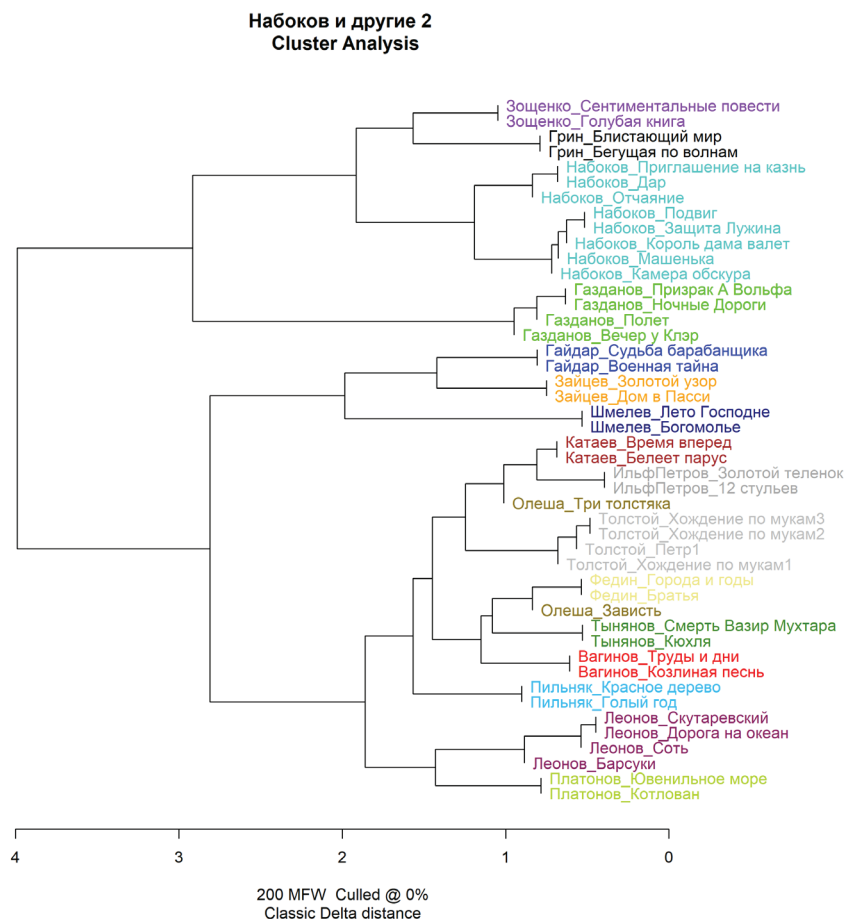
	100 mfw			200 mfw			500 mfw		
	5000	7000	10000	5000	7000	10000	5000	7000	10000
Набоков	86	88	94	95	97	98	99	100	100
Газданов	4	5	1	5	3	2	1	0	0
Леонов	10	7	5	0	0	0	0	0	0

Сближение Набокова с Газдановым, как кажется, требует объяснений в наименьшей степени. Их часто сопоставляют из-за общих черт [Шульман 2000; Кибальник 2002; 2012], таких как принадлежность к определенному поколению, к диаспоре, артистизм, преобладающий жанр короткого, отточенного, стилистически сдержанного романа, собранного вокруг центрального героя и неразветвленной фабулы. На фоне сходства заметны различия, но это не повод пренебрегать сходствами. На книжной полке героя «Тяжелого дыма» соседствуют «Вечер у Клэр» и «Защита Лужина» (а также «Двенадцать стульев»):

Тут был и случайный хлам (больше всего), и учебники по политической экономии (я хотел совсем другое, но отец настоял на своем); были и любимые, в разное время потрафившие душе, книги, «Шатер» и «Сестра моя жизнь», «Вечер у Клэр» <...>, «Защита Лужина» и «Двенадцать стульев»... (цит. по НКРЯ).

При всей очевидности сближения его нельзя игнорировать. Поэтому далее мы решили провести дополнительный эксперимент, добавив в корпус тексты Л. Леонова «Соть» и «Дорога на океан», а вместе с тем иные тексты Г. Газданова: «Полет», «Ночные дороги». Цель — проверить, повлияет ли увеличение количества текстов авторов, один из текстов которого атрибутировался «не по адресу», к воссоединению текстов этих авторов на одной ветви. Также в качестве сопоставительного материала были включены тексты А. Платонова («Котлован», «Ювенильное море») и И. Шмелева («Лето Господне» и «Богомолье»). Результаты представлены на ил. 3.

Тексты Леонова и Газданова «воссоединились». Теперь в корпусе 46 единиц, это почти тот предел, который был определен в начале исследования. На этот раз алгоритм считывает авторский сигнал в 16 из 17 случаев, и только «Зависть» и «Трех толстяков» продолжает рассматривать как фактически принадлежащих разным авторам, что, в целом, объяснимо в свете жанровых различий текстов. Введенный в корпус на этом этапе Шмелев примыкает к паре Зайцева (что само по



Ил. 3. Иерархическая кластеризация, визуализирующая расстояние Delta для анализируемых текстов. 200 mfw

Fig. 3. Hierarchical clustering visualizing Delta distance for analyzed texts. 200 mfw



себе ожидаемо) и Гайдара (по-прежнему интригует близость последнего с Зайцевым, а теперь и со Шмелевым). Пять (четыре плюс одна, ранее всего отделяющаяся от наиболее нагруженной) групп таковы: Набоков — Грин — Зощенко; Газданов; Шмелев — Зайцев — Гайдар; Леонов — Платонов; прочие (Пильняк внутри этой группы стоит особняком; к «одесситам» примыкает Толстой; кроме того, Федин — Тынянов — Вагинов — «Зависть»).

При помощи функции `size.penalize` мы вычислили средний показатель точности атрибуции «Скутаревского» и «Барсуков» — 1. Выравнивается и показатель «Вечера у Клэр», хотя и не столь радикально (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Средние показатели успешной атрибуции («Вечер у Клэр»)
Accuracy scores (*An Evening with Claire*)

	5000	6000	7000	8000	9000	10000
100 mfw	0,80	0,72	0,88	0,91	0,90	0,96
200 mfw	0,57	0,50	0,63	0,62	0,58	0,63
500 mfw	0,45	0,52	0,63	0,57	0,56	0,67

Изменились и показатели матриц смещения (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Показатели матриц смещения романа «Вечер у Клэр»
(расширенный корпус)
Confusion matrices of *An Evening with Claire*
(extended corpus)

	100 mfw			200 mfw			500 mfw		
	5000	7000	10000	5000	7000	10000	5000	7000	10000
Набоков	13	11	2	41	36	37	55	37	33
Газданов	80	88	96	57	63	63	45	63	67
Леонов	7	1	2	2	1	0	0	0	0

Средний показатель успешной атрибуции других романов Газданова колеблется между 0,99 и 1.

В целом, можно говорить о том, что роман «Вечер у Клэр» является наиболее стилистически схожим с русскоязычными романами Набокова из всех ранних романов Газданова. Даже при включении в выборку большего количества текстов Газданова Delta выявляет «набоковский след» в «Вечере у Клэр»⁵. Это контрастирует с тем, что мы видим в случае Леоно-

⁵ Примечательно, что С. А. Кибальник говорит об акцентированной связи «Вечера у Клэр» с «Подлинной жизнью Себастьяна Найта»: «Газданов одним из первых в русской эмиграции начал осмысление своего внутреннего транскультурного опыта и создал особую транскультурную поэтику. На этой поэтике в значительной степени построена, как и «Вечер у Клэр», газдановская «История одного путешествия», которая буквально подготовила «Подлинную жизнь Себастьяна Найта» <...> автор в этом романе как бы раздваивается на двух главных героев: Володю и его старшего родного брата Николая (имена взяты из «автобиографической трилогии» Толстого, которая является одним из претекстов обоих романов)» [Кибальник 2011: 37].

ва: после добавления его текстов в корпус показатели набоковского следа в «Скутаревском» снизились до нуля.

Итак, поскольку здесь представлены данные нескольких замеров, необходимо обобщить, какие итоги кластеризации являются неизменными, а какие меняются в зависимости от сдвига условий эксперимента. Из 17 авторов, включая двух, добавленных на заключительном этапе, 13 группировались только компактно — их тексты не смешивались с чужими и не относились в разные части схемы; исключения — Набоков, Леонов, Газданов, Олеша (последний, и только он, — во всех замерах). Всегда в одной из двух главных ветвей были Грин — Газданов — Зошенко — Набоков, всегда в другой главной ветви — Катаев — Ильф и Петров — Олеша — Толстой — Федин — Тынянов — Вагинов — Пильняк; перемещались в другую из двух главных ветвей Гайдар — Зайцев; присутствовал в обеих ветвях Леонов. Всегда рядом были Катаев — Ильф и Петров — «Три толстяка», Федин — Тынянов — «Зависть» и Гайдар — Зайцев (но Гайдар и Зайцев, оставшись вместе, переместились в другую главную ветвь). Внутри второй ветви меняли ближайшее соседство Толстой (вначале с «одесситами», потом с Пильняком и «Барсуками», потом опять с «одесситами»), Вагинов и Пильняк плавно колеблются между отделенностью и отдаленными примыканиями во второй ветви. Леонов, разделенный вначале между Набоковым и Толстым, на втором этапе объединяется с Платоновым. Выделяются асимметрии между рассеиванием авторов, малых групп и больших групп: Олеша разделен, но «Зависть» всегда рядом со стабильной парой Федин — Тынянов, а «Три толстяка» с такой же связкой Катаева, Ильфа и Петрова; Гайдар и Зайцев вместе, но меняют соседство (стоит напомнить, во второй ветви они всегда отделяются в первую очередь, так что это фактически отдельная группа).

Возможно, эти различия и асимметрии в замерах позволяют говорить о неких «посредничествах». Леонов оказывается своеобразным «посредником» между Набоковым, Толстым и Платоновым (к Набокову притягивается «интеллигентский» «Скутаревский»), Олеша — между группой Катаева, Ильфа и Петрова и связкой Федин — Тынянов. Через Зайцева и Гайдара протягивается отделенная связка Набокова, Газданова, Грина, Зошенко со второй ветвью⁶. Все это, как кажется, не контринтуитивно. Олеша смыкает традицию «южной школы» и линию «Серапионов», близких опоязовцам. Леонов, начинавший с прозы, пронизанной сказом, орнаментальностью и почвенным натурализмом, в «Скутаревском» присоединяется к традиции артистического, психологически насыщенного романа о герое из интеллигентной среды, используя при этом язык богатый

⁶ Между Набоковым и Грином обнаруживаются схождения в фабулистике и композиции новелл, включая схемы и мотивы кажимости, заблуждения, обмана, безумия, общее внимание к показательным претекстам, таким как рассказ Амброза Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей», использование таких вымышленных топонимов для дистопических городов, как *Лисс* и *Фиальта*. Такие рассказы, как «Мат в три хода» и «*Terra incognita*» расширяют область сближения, отнюдь ее не исчерпывая. О связи Набокова и Грина см.: [Толстая 2021].

и образный, но в целом сдержанный — точки сближения с Набоковым очевидны. Связь автора еще чеховско-бунинской плеяды как с Набоковым и Газдановым, так и с авторами вроде Толстого, Федина и «бунинца» Катаева тоже сама по себе не удивительна.

Два периода русскоязычного Набокова

При проведении экспериментов мы обратили внимание на одну константу — регулярную дифференциацию романов Набокова на две группы. Первая состоит из ранних текстов «Машенька», «Защита Лужина», «Король, дама, валет», «Подвиг», «Камера обскура». Вторая — из романов 1930-х годов «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар».

Аналогичные данные фигурируют и в статье Орехова [2021], однако мы решили уточнить результаты — и приняли решение обратиться к ряду классификаторов, которыми располагает пакет Stylo: Delta, KNN и SVM.

Метод k-ближайших соседей (KNN; англ. k-nearest neighbors) основывается на оценивании сходства объектов и относит атрибутируемый объект к тому классу, к которому принадлежит и большинство его ближайших соседей. Метод опорных векторов (SVM; англ. support vector machine), разработанный В. Н. Вапником [1979], зиждется на том, что алгоритм создает гиперплоскость, которая оптимальным способом разделяет данные на классы. Векторы, расположенные с одной «стороны» гиперплоскости, относятся к одному классу, а расположенные с другой — к другому.

В обучающий корпус мы поместили ранние романы «Машенька», «Защита Лужина», «Король, дама, валет» и поздние «Дар» и «Приглашение на казнь». В тестовый корпус были включены тексты «Подвиг» и «Отчаяние» как атрибутируемые и «Камера обскура» как сопоставительный. Эксперименты проводились с частотным словарем объемом 100, 200, 300 mfw.

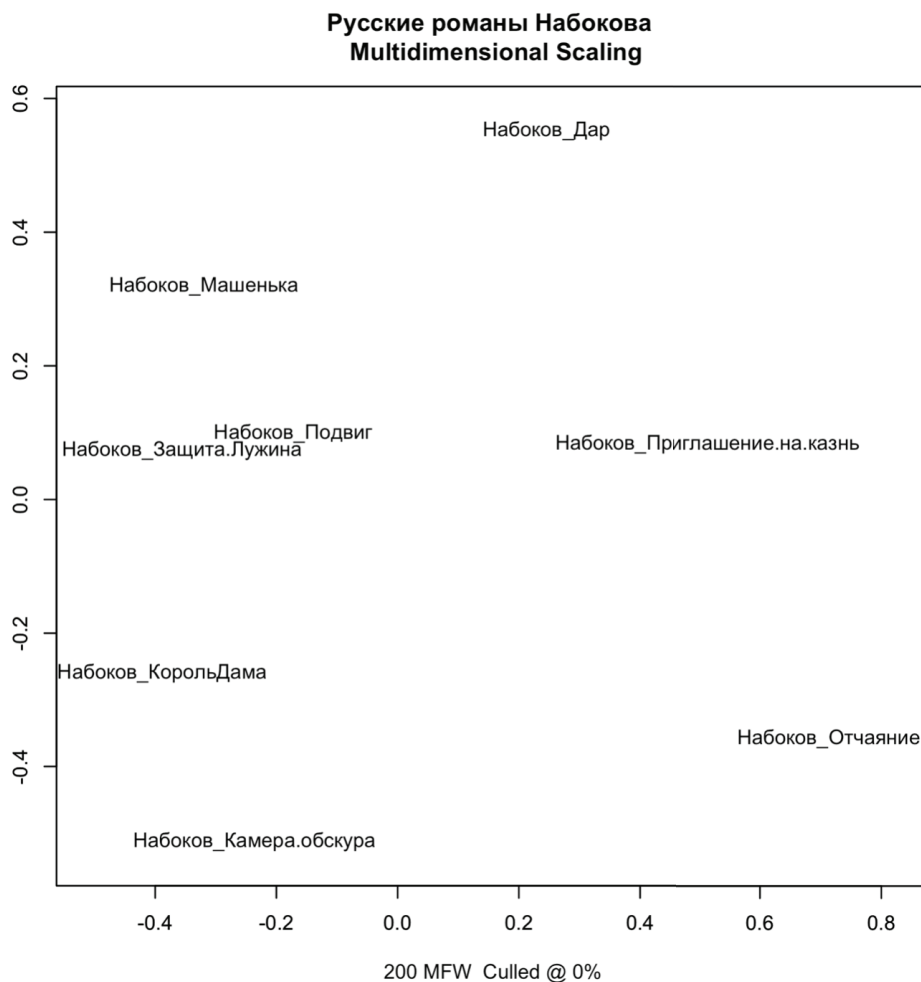
В результате были получены идентичные результаты: каждый классификатор при каждом объеме слов отнес «Подвиг» к первой группе, а «Отчаяние» — ко второй.

Аналогичные результаты были получены и при атрибуции текстов «Приглашение на казнь» (вторая группа) и «Король, дама, валет» (первая).

Особенно наглядно разделение романов Набокова на две группы видно при многомерном шкалировании (ил. 4).

Деление восьми русских романов Набокова на эти группы сохраняется при использовании целого ряда классификаторов. Мы полагаем, что этому можно отыскать мотивировки и на уровне традиционного литературоведческого анализа.

Хотя в пяти романах первой группы различаются и среда действия (три романа из «русского цикла» и два немецких), и контур фабулы (адюльтер и преступление как фабульная основа немецких, использующих топику жанровой литературы и /или раннего кинематографа, чего почти совершенно нет в «Машеньке», «Защите Лужина» и «Подвиге»), общая простота и некоторая стертость языковой ткани и микропоэтики играет свою роль.



Ил. 4. Многомерное шкалирование русскоязычных романов Набокова
200 mfw

Fig. 4. Multidimensional scaling of Nabokov's Russian novels. 200 mfw



В трех других романах существенно возрастают количество и функциональная нагруженность звуковых повторов и каламбуров, парадоксальных описаний и усложненных метафор, не прямой, иронической речи персонажей и повествователя, игры с претекстами, языковой и нарративной многослойности. «Умышленное», полное двусмысленностей и пародийности повествование сближает их с поздними русскими рассказами Набокова и с двумя шедеврами его драматургии, «Событием» и «Изобретением Вальса». Все перечисленное не примыкает непосредственно к тем лексическими предпочтениям, которые отслеживает использованный алго-

ритм, однако было бы естественно предполагать, что общая перестройка слога сказалась и в сдвиге словоупотребления. Можно с некоторой осторожностью заключить, что по сравнению с «Отчаянием», «Приглашением на казнь» и «Даром» (главным воплощением поздней манеры русского Набокова) пять первых романов выглядят образцами более прямого и прозрачного, однонаправленного и «реалистического» повествования (реалистического, конечно, только при сопоставлении с тремя другими романами).

Заключение

Мы можем сгруппировать основные итоги и выводы по четырем направлениям.

1. Осуществлена кластеризация авторов и стилей. В предложенном материале выделяются несколько центров притяжения. Во-первых, это Набоков, Газданов, Грин, рядом с ними Зощенко. Во-вторых, это Федин и Тынянов, далее Катаев, Ильф и Петров, и между этими двумя группами Олеша. В-третьих, это Гайдар и Зайцев, к которым присоединяется Шмелев. Какие черты словоупотребления и стиля Гайдара сближают его со Шмелевым и Зайцевым, двумя православными авторами, сформировавшимися задолго до революции, позднее творчество которых приходится на годы жизни в диаспоре, сказать пока сложно; в любом случае от всех советских авторов Гайдар здесь далек. При последнем, самом надежном замере сгруппировались — и это, пожалуй, в-четвертых — Леонов и Платонов. Три последние группы различаются между собой меньше, чем все они в совокупности с первой (иначе: из четырех групп трем другим резче всего противопоставлена первая). К той же большой ветви прибавляются Толстой, Тынянов и Пильняк, не имеющие устойчивых и надежных близких соседств. Разрушатся ли или укрепятся эти линии («иностранная», «одесско-серапионовская», «советско-почвенная» и «православно-гайдаровская») при прибавлении нового материала, могут выяснить новые исследования.

2. Еще раз проверен алгоритм. Он определил 16 из 17 авторских сигналов и выдал решения большей и меньшей степени понятности по дальнейшей кластеризации авторов, что позволяет говорить о достаточно высокой степени его надежности. Стоит учитывать, что речь идет о словоупотреблении и о том, что может быть отражено в словоупотреблении, хотя непосредственно к нему не относится (синтаксис в наборе наиболее частых союзов, коммуникативная перспектива в относительной частотности местоимений и т. д.). Другие характеристики текста могут изучаться другими способами, в том числе автоматическими; стоит скорее удивляться тому, как многое видит этот инструмент, основанный всего лишь на простом количественном сопоставлении словоформ.

3. Значимые как на методологическом, так и на собственно стилистическом уровне результаты получены при определенном ранжировании стилистически схожих текстов. Анализируя триаду Леонов — Газданов —

Набоков, мы обнаружили, что на малом корпусе «Скутаревский» квалифицируется как стилистически схожий с поздними русскими романами Набокова; на расширенном же корпусе Delta перестает констатировать их фундаментальное сходство. Этот результат вписывается в общую тенденцию подобного рода исследований: авторский сигнал оказывается сильнее иных факторов, это всегда показатель «первого порядка». Иное — в случае с «Вечером у Клэр» Газданова. Даже при эксперименте на расширенном корпусе Delta отмечает сходство этого романа с текстами Набокова, что, как мы предполагаем, подтверждает при помощи статистических методов идею о том, что «Вечер у Клэр» и в целом творческий корпус Газданова стилистически ближе к романам Сирина, нежели «Скутаревский» и другие тексты Леонова.

4. Наконец, не стоит забывать, что обычно Delta используется для атрибуции и близких ей задач. Здесь она применена в рамках сопоставительно-стилевого исследования. Для относительно новых задач, может быть, потребуются новые условия использования алгоритма: возможно, новые требования к количеству сопоставляемых авторов, текстов одного автора, к жанровому и хронологическому разбросу, к самому количеству координируемых замеров. Предлагаемая работа может рассматриваться как один из первых, все еще экспериментальных примеров собственно стилистического применения метода Delta.

Литература

- Алиева 2022a — *Алиева О. В.* Delta Берроуза для древнегреческих авторов: опыт применения // *ΣΧΟΛΗ*. Vol. 16. No. 2. 2022. С. 693–705. <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2022-16-2-693-705>.
- Алиева 2022b — *Алиева О. В.* Опыт измерения стилистической однородности методом Delta на материале Платоновского корпуса // *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории*. Т. 25. 2022. С. 19–37. https://doi.org/10.53084/22209050_2022_25_19.
- Вапник 1979 — *Вапник В. Н.* Восстановление зависимостей по эмпирическим данным. М.: Наука, 1979.
- Великанова, Орехов 2019 — *Великанова Н. П., Орехов Б. В.* Цифровая текстология: атрибуция текста на примере романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // *Мир Шолохова*. 2019. № 1. С. 70–82.
- Кибальник 2002 — *Кибальник С. А.* Газданов и Набоков // *Русская литература*. 2002. № 3. С. 22–41.
- Кибальник 2011 — *Кибальник С. А.* Набоков и Газданов. (О романе Набокова «Полонная жизнь Себастьяна Найта») // *Новый филологический вестник*. 2011. № 1(16). С. 36–46.
- Кибальник 2012 — *Кибальник С. А.* Псевдоединство младоэмигрантов: Гайто Газданов и Владимир Набоков // *Вопросы литературы*. 2012. № 1. С. 276–287.
- Ковалев 2023 — *Ковалев Б. В.* Delta и «бум»: романы Марио Варгаса Льюиса через призму стилистической // *Литература двух Америк*. № 15. 2023. С. 116–141. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-116-141>.
- Мамаев и др. 2018 — *Мамаев Н. К., Марусенко М. А., Пиотровская К. Р., Ронжин А. Л.* Метод Дельты Берроуза для определения авторства анонимных и псевдоаноним-

- ных литературных произведений на русском языке // Proceedings of the R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics. Saint Petersburg, Russia, November 27, 2017 / Ed. by A. Ronzhin, T. Noskova, A. Karpov. [Б. м.]: [б. и.], 2018. С. 107–119 [в электрон. версии паг. отдельная]. (CEUR Workshop Proceedings; Vol. 2233). URL: https://ceur-ws.org/Vol-2233/Paper_9.pdf.
- Маслинский 2022 — *Маслинский К. А.* Уточненная цифровая текстология: еще раз к вопросу об авторстве романа «Тихий Дон» // Русская литература. 2022. № 1. С. 247–254. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2022-1-247-254>.
- Мельников, Коростелев 2000 — Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова; Сост., подгот. текста Н. Г. Мельникова, О. А. Коростелева. М.: Нов. лит. обозрение, 2000.
- Орехов 2020 — *Орехов Б. В.* «Илиада» Е. И. Кострова и «Илиада» А. И. Любжина: стилиметрический аспект // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Т. 21. 2020. С. 282–296.
- Орехов 2021 — *Орехов Б. В.* Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилиметрии // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 200–213. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_3_200.
- Петров и др. 2019 — *Петров В. В., Марусенко М. А., Пиотровская К. Р., Маньяс И. Н., Мамаев Н. К.* Об авторстве «писем Берии из заточения» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 10. № 3. 2019. С. 586–605. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.313>.
- Толстая 2021 — *Толстая Е. Д.* Атака на невыразимое: Набоков и Грин // Набоков и современники: Историко-литературный альманах. № 1 / Отв. ред. Т. О. Пономарева, О. Ю. Сконечная. СПб.: Симпозиум, 2021. С. 288–309.
- Шульман 2000 — *Шульман М. Ю.* Газданов и Набоков // Возвращение Гайто Газданова: Науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения / Сост. М. А. Васильева. М.: Рус. путь, 2000. С. 15–24.
- Al-Falahni et al. 2015 — *Al-Falahni A., Bellafkin M., Romdani M., Al-Serem M.* Authorship attribution in Arabic poetry // 2015 10th International Conference on Intelligent Systems: Theories and Applications (SITA). October 20–21, 2015, Rabat, Morocco. ENSIAS, Rabat, Morocco. [N. p.]: [n. e.], 2015. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7358411>. <https://doi.org/10.1109/SITA.2015.7358411>.
- Burrows 2002 — *Burrows J.* ‘Delta’: A measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // Literary and Linguistic Computing. Vol. 17. No. 3. 2002. P. 267–287. <https://doi.org/10.1093/lc/17.3.267>.
- Calvo Tello 2019 — *Calvo Tello J.* Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels // Romanische Studien. 2019. Beihefte 6. P. 151–163.
- Eder et al. 2016 — *Eder M., Rybicki J., Kestemont M.* Stylometry with R: A package for computational text analysis // The R Journal. Vol. 8. No. 1. 2016. P. 107–121.
- Gladwin et al. 2017 — *Gladwin A. A. G., Lavin M. J., Look D. M.* Stylometry and collaborative authorship: Eddy, Lovecraft, and ‘The Loved Dead’ // Digital Scholarship in the Humanities. Vol. 32. No. 1. 2017. P. 123–140. <https://doi.org/10.1093/lc/fqv026>.
- Hernández-Lorenzo, Byszuk 2023 — *Hernández-Lorenzo L., Byszuk J.* Challenging stylometry: The authorship of the baroque play *La Segunda Celestina* // Digital Scholarship in the Humanities. Vol. 38. No. 2. 2023. P. 544–558. <https://doi.org/10.1093/lc/fqac063>.
- Hoover 2004 — *Hoover D. L.* Testing Burrows’s Delta // Literary and Linguistic Computing. Vol. 19. No. 4. 2004. P. 453–475.
- Iosifyan, Vlasov 2020 — *Iosifyan M., Vlasov I.* And Quiet Flows the Don: The Sholokhov–Kryukov authorship debate // Digital Scholarship in the Humanities. Vol. 35. No. 2. 2020. P. 307–318. <https://doi.org/10.1093/lc/fqz017>.

- Jannidis, Lauer 2014 — Jannidis F., Lauer G. Burrows's Delta and its use in German literary history // *Distant readings: Topologies of German culture in the long nineteenth century* / Ed. by M. Erlin, L. Tatlock. Rochester: Camden House, 2014. P. 29–54.
- Skorinkin, Orekhov 2023 — Skorinkin D., Orekhov B. Hacking stylometry with multiple voices: Imaginary writers can override authorial signal in Delta // *Digital Scholarship in the Humanities*. Vol. 38. No. 3. 2023. P. 1246–1266. <https://doi.org/10.1093/lc/fqad012>.

References

- Al-Falahni, A., Bellafkin, M., Romdani M., & Al-Serem, M. (2015). Authorship attribution in Arabic poetry. In *2015 10th International Conference on Intelligent Systems: Theories and Applications (SITA). October 20–21, 2015, Rabat, Morocco. ENSIAS, Rabat, Morocco* (n. e.). <https://ieeexplore.ieee.org/document/7358411>. <https://doi.org/10.1109/SITA.2015.7358411>.
- Alieva, O. V. (2022a). Del'ta Berrouza dlia drevnegrecheskikh avtorov: opyt primeneniia [Testing Burrows' Delta on Ancient Greek authors]. *Shole*, 16(2), 693–705. <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2022-16-2-693-705>. (In Russian).
- Alieva, O. V. (2022b). Opyt izmereniia stilisticheskoi odnorodnosti metodom Delta na materiale Platonovskogo korpusa [Measuring stylistic homogeneity with Burrows' Delta: An experiment with Corpus Platonicum]. *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*, 25, 19–37. https://doi.org/10.53084/22209050_2022_25_19. (In Russian).
- Burrows, J. (2002). 'Delta': A measure of stylistic difference and a guide to likely authorship. *Literary and Linguistic Computing*, 17(3), 267–287. <https://doi.org/10.1093/lc/17.3.267>.
- Calvo Tello, J. (2019). Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels. *Romanische Studien*, 2019(Supplement 6), 151–163.
- Eder, M., Rybicki, J., & Kestemont, M. (2016). Stylometry with R: A package for computational text analysis. *The R Journal*, 8(1), 107–121.
- Gladwin, A. A. G., Lavin, M. J., & Look, D. M. (2017). Stylometry and collaborative authorship: Eddy, Lovecraft, and 'The Loved Dead'. *Digital Scholarship in the Humanities*, 32(1), 123–140. <https://doi.org/10.1093/lc/fqv026>.
- Hernández-Lorenzo, L., & Byszuk, J. (2023). Challenging stylometry: The authorship of the baroque play *La Segunda Celestina*. *Digital Scholarship in the Humanities*, 38(2), 544–558. <https://doi.org/10.1093/lc/fqac063>.
- Hoover, D. L. (2004). Testing Burrows's Delta. *Literary and Linguistic Computing*, 19(4), 453–475.
- Iosifyan, M., & Vlasov, I. (2020). And Quiet Flows the Don: The Sholokhov–Kryukov authorship debate. *Digital Scholarship in the Humanities*, 35(2), 307–318. <https://doi.org/10.1093/lc/fqz017>.
- Jannidis, F., & Lauer, G. (2014). Burrows's Delta and its use in German literary history. In M. Erlin, & L. Tatlock (Eds.). *Distant readings: Topologies of German culture in the long nineteenth century* (pp. 29–54). Camden House.
- Kibal'nik, S. A. (2002). Gazdanov i Nabokov [Gazdanov and Nabokov]. *Russkaia literatura*, 2002(3), 22–41. (In Russian).
- Kibal'nik, S. A. (2011). Nabokov i Gazdanov. (O romane Nabokova "Podlinnaia zhizn' Sebast'iana Naita") [Vladimir Nabokov and Gaito Gazdanov (on V. Nabokov's novel *The Real Life of Sebastian Knight*)]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2011(1, no. 16), 36–46. (In Russian).
- Kibal'nik, S. A. (2012). Psevdoedinstvo mladoemigrantov: Gaito Gazdanov i Vladimir Nabokov [Pseudo-unity of the Young Émigrés: Vladimir Nabokov and Gaito Gazdanov]. *Voprosy literatury*, 2012(1), 276–287 (In Russian).

- Kovalev, B. V. (2023) Delta i “bum”: romany Mario Vargasa L’osy cherez prizmu stilemetrii. [Delta and “boom”: Novels of Mario Vargas Llosa through the prism of stylometry]. *Literatura dvukh Amerik*, 15, 116–141. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-116-141>. (In Russian).
- Mamaev, N., Marusenko, M., Piotrowska, X., Ronzhin, A. (2018). Metod Del’ty Berrouza dlia opredeleniia avtorstva anonimnykh i psevdonimnykh literaturnykh proizvedenii na russkom iazyke [Burrows’s Delta for authorship attribution of Russian literary texts]. In A. Ronzhin, T. Noskova, & A. Karpov (Eds.). *Proceedings of the R. Piotrowski’s Readings in Language Engineering and Applied Linguistics. Saint Petersburg, Russia, November 27, 2017* (pp. 107–119, separate pagination in Web paper) (n. p.). https://ceur-ws.org/Vol-2233/Paper_9.pdf. (In Russian).
- Maslinsky, K. A. (2022). Utochnennaia tsifrovaia tekstologii: eshche raz k voprosu ob avtorstve romana “Tikhii Don” [Refined digital textual criticism: More on the question of authorship of the novel *Quiet Flows The Don*]. *Russkaia literatura*, 2022(1), 247–254. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2022-1-247-254>. (In Russian).
- Mel’nikov, N. G., & Korostev, O. A. (Eds.) (2000). *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvy, esse, parodii* [Classic without re-touching. Literary world about the work of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Orekhov, B. V. (2020). “Iliada” E. I. Kostrova i “Iliada” A. I. Liubzhina: stilemetricheskii aspekt [Iliad by Kostrov and Iliad by Lyubzhin: the stylometry case]. *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*, 21, 282–296. (In Russian).
- Orekhov, B. V. (2021). Tekst i perevod Vladimira Nabokova cherez prizmu stilemetrii [Text and translation by Vladimir Nabokov through the prism of Stylometry]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2021(3, no. 58), 200–213. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_3_200. (In Russian).
- Petrov, V. V., Marusenko, M. A., Piotrovskaya, K. R., Man’ias, I. N., & Mamaev, N. K. (2019). Ob avtorstve “pisem Berii iz zatoceniia” [On the authorship of ‘Beria’s Letters from imprisonment’]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 10(3), 586–605. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.313>. (In Russian).
- Shul’man, M. Iu. Gazdanov i Nabokov [Gazdanov and Nabokov]. In M. A. Vasil’eva (Ed.). *Vozvrashchenie Gaito Gazdanova: Nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 95-letiiu so dnia rozhdeniia* (pp. 15–24). Russkii put’. (In Russian).
- Skorinkin, D., & Orekhov, B. (2023). Hacking stylometry with multiple voices: Imaginary writers can override authorial signal in Delta. *Digital Scholarship in the Humanities*, 38(3), 1246–1266. <https://doi.org/10.1093/lhc/fqad012>.
- Tolstoy, H. D. (2021). Ataka na nevyrazimoe: Nabokov i Grin [An attack at the unexpressible: Grin and Nabokov]. In T. O. Ponomareva, & O. Iu. Skonechnaia (Eds.). *Nabokov i sovremenniki. Istoriko-literaturnyi al’manah* (Vol. 1, pp. 288–309). (In Russian).
- Vapnik, V. N. (1979). *Vosstanovlenie zavisimostei po empiricheskim dannym* [Recovery of dependencies based on empirical data]. Nauka. (In Russian).
- Velikanova, N. P., & Orekhov, B. V. (2019). Tsifrovaia tekstologii: atributsiia teksta na primere romana M. A. Sholokhova “Tikhii Don” [Digital textual criticism: text attribution on the example of the novel by M. A. Sholokhov *And Quiet Flows the Don*]. *Mir Sholokhova*, 2019(1), 70–82. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Федор Никитич Двинятин

кандидат филологических наук
доцент, кафедра русского
языка, Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
✉ f.dvinyatin@spbu.ru

Борис Вадимович Ковалев

ассистент, кафедра романской
филологии, Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
член Союза писателей Санкт-
Петербурга
✉ bvkovaliev@yandex.ru

Information about the authors

Fyodor N. Dviniatin

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Department
of Russian Language, St. Petersburg
State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Universitetskaya Emb., 7–9
✉ f.dvinyatin@spbu.ru

Boris V. Kovalev

Assistant, Department
of Romance Philology
Russia, 199034, St. Petersburg,
Universitetskaya Emb., 7–9
Member of the Writers' Union
of St. Petersburg
✉ bvkovaliev@yandex.ru

Е. Л. Березович^a

<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

✉ berezovich@yandex.ru

О. Д. Сурикова^{ab}

<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

✉ surok62@mail.ru

^a Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)

^b Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)

DEUS EX NOMINE: ЕЩЕ РАЗ О ЯЗЫКОВОМ МИФЕ И НАИВНОЙ РЕЛИГИИ

Аннотация. В статье на материале русской культурно-языковой традиции анализируется явление, при котором тот или иной мифологический персонаж ранее не существовал в системе верований, а был порожден языковым знаком или фрагментом текста. По своей природе имена изучаемых персонажей восходят к вербальным знакам двух типов: 1) имена персонажей, образованные от узуальных единиц лексической системы — нарицательных слов (*родимчик* ‘припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания’ > персонаж *Родька*) или имен собственных (лес *Хемерово* в Архангельской области, топоним > лесной *Хемеровский*); 2) имена персонажей, имеющие текстовую природу, — это конструкции, синтагмы, которые существуют как взаимосвязанное целое только в составе «материнского» текста, а затем «мигрируют» за его пределы (*Лель*, *Илия* < песенные припевы *алё-ле, ай люли*). Для возникновения нового персонажа требуется два стимула — собственно языковой (наличие имени, которое «ищет» себе план содержания) и культурный (семиотически насыщенный контекст: ситуация, связанная с опасностью, запретом, предзнаменованием, агрессией, магическими практиками). Комбинация этих стимулов встречается нередко, поэтому мифологическому номинативному фонду практически гарантировано постоянное обновление. Авторы показывают, что творение персонажей на основе языковых стимулов в рамках кабинетной мифологии реализует те же механизмы, что и в рамках «простонародной» традиции.

Ключевые слова: русская лингвокультурная традиция; ономастика; мифология; кабинетная мифология; народное христианство; фольклор; этнолингвистика; имя мифологического персонажа

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России».

Авторы благодарят Т. В. Володину, В. В. Напольских, И. А. Седакову за ценные консультации.

Для цитирования: Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Deus ex nomine: еще раз о языковом мифе и наивной религии // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 230–265.

Поступило 29 января 2024 г.; принято 16 июня 2024 г.

Shagi / Steps. Vol. 10. No. 3. 2024
Articles

E. L. Berezovich^a

<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

✉ berezovich@yandex.ru

O. D. Surikova^{ab}

<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

✉ surok62@mail.ru

^a Ural Federal University

named after the First President of Russia B. B. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

^b V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

DEUS EX NOMINE: ONCE MORE ON THE LANGUAGE MYTH AND NAÏVE RELIGION

Abstract. This article draws upon the material of Russian cultural and linguistic tradition and analyses one particular phenomenon. In this phenomenon, a mythological character never existed in the folk belief system, but rather was generated by a linguistic sign or a text fragment. By their nature, the names of the characters studied in this paper derive from two types of verbal signs: 1) character names formed from regular lexical units — common nouns (*родѹмчик*, *rodŭmchik* ‘a seizure accompanied by convulsions and loss of consciousness’ > a character named *Родѹка*, *Rod’ka*) or proper nouns (the forest *Хѹмерово*, *Khémerovo* in the Arkhangelsk region > the forest spirit *Хѹмеровскѹй*, *Khémerovskii*); 2) character names that have a textual nature. The latter are constructions, or syntagms, that exist as an interconnected whole only within their “parent” text and then “migrate” outside it (*Лель* (*Lel’*), *Илия* (*Iliia*) < song refrains *алѹ-ле, ай люлю* (*alio-le, ai liuli*)). For a new character to appear, two stimuli are required: a linguistic stimulus proper (the existence of a name that “seeks” a content plane) and a cultural stimulus (a semiotically intense context: a situation associated with danger, prohibition, omen, aggression, magical practices). These stimuli are often combined, so the mythological nominative fund is almost guaranteed to renew constantly. The authors demonstrate that when “armchair” mythologists create characters

based on linguistic stimuli, the same mechanisms are at work as those that function in “simple” folk tradition.

Keywords: Russian linguistic-cultural tradition, onomastics, mythology, armchair mythology, folk Christianity, folklore, ethnolinguistics, the name of a mythological character

Acknowledgements. The grant of Russian Science Foundation No. 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia* (<https://rscf.ru/project/23-18-00439>) is gratefully acknowledged.

The authors are deeply grateful to Tatyana V. Volodina, Vladimir V. Napol'skikh, Irina A. Sedakova for valuable consultations.

To cite this article: Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2024). Deus ex nomine: Once more on the language myth and naïve religion. *Shagi / Steps*, 10(3), 230–265. (In Russian).

Received January 29, 2024; accepted June 16, 2024

Более полутора веков филологи, религиоведы и культурологи обсуждают знаменитый тезис Макса Мюллера о «мифологии как неизбежной болезни языка» (см.: [Мюллер 2022: 177]) и языковом источнике мифов. Он привлекает своей провокационностью, хотя ясно, что взаимоотношения языка и мифа следует рассматривать двусторонне, ср.: «...рядом с мифическими идеями, в которых речь следовала за воображением, есть и такие, в которых речь шла впереди, а воображение следовало по проложенному ею пути. Оба эти действия слишком совпадают в своих результатах, чтобы можно было вполне отделить их, но тем не менее их следует различать, насколько это возможно» [Тайлор 1989: 138]. По сути, перед нами частный случай теории лингвистической относительности Сепира и Уорфа: при всем понимании того, что язык может как отражать явления внеязыковой культуры, так и порождать их, второй путь видится более редким и даже эксклюзивным, диковинным — и каждый более или менее убедительный случай требует каталогизации и обсуждения, особенно если речь идет о продуцировании мифологических представлений «на почве» языка.

В этой статье мы вновь обратимся к вопросу о создании языковых мифов — таких культурных текстов («свернутых» до одного знака или «развернутых» в виде произведения фольклора или литературы), которые порождены самой языковой системой (или же при ее решающем участии) и не являются отражением внеязыковой действительности. Подробнее об этом явлении и о факторах (гносеологических, собственно лингвистических, прагматических), ему способствующих, см.: [Березович 2007: 494–500].

Сама возможность творения мифов динамично развивающейся языковой системой — один из важнейших факторов эволюции и живого развития мифологии. При этом народная религия нередко видится носителями

и даже исследователями как застывший конструкт, раз и навсегда сформировавшийся в жестких рамках когда-то в неопределенном прошлом (предположительно очень далеком) и освященный авторитетом этого прошлого. Блюстители «народной старины» часто отрицают возможность любых новаций в религиозно-мифологической системе, и такой мифологический пуризм имеет понятные основания: чтобы наивное сознание признало влияние народной религии и мифологии на культурно-языковую картину мира, образ жизни и психологию сообщества, этой системе должен быть присвоен непререкаемый авторитет, статус скрижали, завета, заповеди — чего-то возникшего в незапамятные времена и неизменно-го. Такое отношение к мифологии само по себе мифологично.

Мы хотим еще раз продемонстрировать, что религиозно-мифологическая система — это не застывший конструкт, а живой организм, развивающийся и пополняющийся новыми персонажами и представлениями (как минимум — оттенками представлений и вариантами персонажей). Речь не будет идти о культурном механизме, хорошо описанном фольклористами и этнографами, когда источником новаций становятся реалии или деятели (чаще всего политические) последних столетий. Будет показано, что система может питаться внутренними ресурсами, используя старые (той или иной глубины архаичности) мотивы, сюжетные связи и персонажные типы, — и как на этой базе возникают новые фольклорно-этнографические факты¹. Разумеется, для возникновения новых феноменов на базе старых религиозно-мифологических представлений нужен некий стимул — в нашем случае, как уже говорилось, в качестве такого стимула выступает языковой знак. Материалом станет русская культурно-языковая традиция преимущественно в ее народно-диалектном варианте. В качестве основного источника материала привлекаются данные, опубликованные в диалектных словарях русского языка (зафиксированные во второй половине XIX — начале XXI в.), но главным образом — полевые материалы Топонимической экспедиции Уральского федерального университета по Русскому Северу, Уралу и Поволжью, в работе которой авторы много лет принимают участие (время фиксации — конец XX — начало XXI в.).

Еще один пласт материала, используемого в статье, кажется парадоксально противопоставленным первому (в рамках оппозиции крестьянской и элитарной культуры). Это данные так называемой кабинетной мифологии: построения исследователей (этнографов, фольклористов, лингвистов), которые занимаются реконструкцией системы народной демонимии и теонимии и допускают при этом произвольные толкования,

¹ В таком случае, кстати, несостоятельным оказывается строгое противопоставление «старого» и «нового» фольклора, на котором настаивают некоторые исследователи: «новые» феномены могут появляться в русле старой системы представлений и фактически неотличимы от «старых» культурных фактов — если не проводить специальных исследовательских процедур по хронологизации. Это значит, что для традиции новационные феномены имеют не меньший вес и значимость, чем феномены старые, и не отличаются от последних по существу, так как репрезентируют ту же самую систему представлений.

не верифицируемые аутентичным материалом. Столкновение столь разных данных предпринимается для того, чтоб продемонстрировать сходство механизмов, лежащих в основе языкового мифотворчества. Некоторые кабинетные мифы родились столетия назад, другие — порождение нашего времени. Они обсуждались в трудах ряда специалистов (см., к примеру: [Журавлев 2000; 2005; Зубов 1995; Левкиевская 2002; Топорков 2019]), но, несмотря на высокий уровень критических исследований и их убедительность, ряд авторов упорствует в утверждении старых фантомов или же пропагандирует новые.

Итак, будет проанализирована следующая модель: новационный феномен в религиозно-мифологической системе — персонаж с приписываемыми ему действиями, свойствами «характера», чертами внешности, представлениями о времени его появления и пр. — ранее не существовал (представления о нем не фиксировались, он не является вариантом другого — известного — персонажа), а был порожден культурно-языковым знаком или фрагментом текста.

Механизм создания подобного мифа в общих чертах таков. Существует комплекс представлений о каком-либо явлении, с которым связано восприятие и переживание чего-либо иррационального, сверхъестественного, имеющего повышенную степень экспрессии (и даже несущего возможность аффективного взрыва), а также опасности, запрета, предзнаменования (нередко недоброго), коммуникативной агрессии и пр. С этими представлениями соотносится определенное имя или текст (например, формула проклятия), которые характеризуются «семиотической напряженностью», соответствующей напряженности самой переживаемой ситуации.

В семиотически напряженный контекст могут попасть разные по своей природе и по статусу вербальные факты. Это могут быть слова или конструкции, которые обозначают первоначально отнюдь не персонажа, а, к примеру, таящую опасность ландшафтную реалию, сакральный предмет (икону), вредоносную природную стихию, болезнь и пр. Но напряженность ищет себе еще «субъектного» выхода: должен появиться субъект действия, являющийся его причиной, персонаж (тот, кто вызывает болезнь, тот, кто может наказать, и т. п.), который получает имя. Таким образом, слово или вербальный ряд в контексте семиотической напряженности переосмысливается как обозначение существа, способного действовать, помещается в новые синтаксические обстоятельства, где начинает называть действующего субъекта с определенным именем. Затем это новое существо — сразу же названное (т. е. сначала названное, а затем ставшее существом) — как бы приобретает плоть и кровь: имя начинает фигурировать в новых текстах, в том числе относящихся к другому жанру (или в новом семиотическом контексте), лексическая сочетаемость расширяется, новому персонажу приписываются некие свойства, сконструированные на основе фонетических сближений или культурных аллюзий (главное из этих свойств, которое может остаться единственным, — спо-

способность действовать). Так собственно языковой факт выходит за пределы языка и обретает «надстройку» из коллективных представлений, т. е. перемещается в сферу мифологии.

По своей природе (происхождению) имена изучаемых персонажей восходят к вербальным знакам двух типов:

- «языковые» имена — они образованы от узуальных слов, зафиксированных в лексической системе языка;
- «текстовые» имена — они ведут свое происхождение из текста (как правило, фольклорного).

Рассмотрим последовательно оба типа.

1. Имена персонажей, образованные от узуальных единиц лексической системы

В качестве производящих основ здесь могут выступать апеллятивы или имена собственные, относящиеся к разным разрядам: топонимы (имена географических объектов), хрононимы (имена календарных дат), агониимы (имена святых), названия икон и др.

1.1. Имена персонажей, восходящие к онимам

Топоним → имя мифологического персонажа

Представления о мифологических существах могут возникать на основе имен географических объектов, т. е. топонимов. Неоднократно засвидетельствованы ситуации, когда от топонима образуется имя «гения места» (*genius loci*). Тенденция давать названия мифологическим персонажам по месту их обитания сильна, в частности, на Русском Севере (см.: [Черепанова 1983]). При этом речь обычно идет об опасных локусах — как правило, удаленных от поселения, воспринимающихся как страшные, «нечистые», «чужие». Персонаж, связанный с таким локусом, придумывается для того, чтоб оповестить об опасности, запретить посещение этого места². Тем самым выполняется условие «семиотической напряженности», необходимое для стимуляции номинативной активности имени.

▪ **Зарянка.** Около деревни Домань в Макарьевском районе Костромской области протекает небольшая речка *Зарянка*, впадающая в озеро Сосновское. Название речки, как утверждают местные жители, возможно, связано с тем, что она течет с запада на восток, т. е. в ту сторону, откуда встает солнце, навстречу заре. Но с топонимом связывались и представления о русалке по имени *Зарянка*, которая сидит на мысу в том месте, где речка впадает в озеро, и расчесывает волосы: «Рано утром сидит, в четыре утра. Не ходи, говорили, на озеро, Зарянка уташит!» [ЛКТЭ]. Таким образом, *Зарянкой*

² Есть случаи, когда персонаж охраняет сокровища, которые таятся, к примеру, в горе, но и тогда он служит источником опасности для некоторых посетителей. Так появилось имя девки *Азовки*, живущей на уральской горе *Азов* (подробнее см.: [Березович 2023: 8]).

пугали детей, чтоб они не ходили без присмотра к воде; от имени реки образовано имя персонажа, который начинает действовать (может утащить).

▪ *Пáтромиха, Чудница, Кóленьга, Уханý, Вóюшко, Хéмеровский*. Рассмотрим группу случаев, когда «оживающие» топонимы обозначают удаленные от населенного пункта лесные или болотистые места, пугающие или представляющие потенциальную опасность (там можно заблудиться, пропасть, утонуть). Согласно верованиям жителей Вельского района Архангельской области, на болоте *Пáтрома* обитает персонаж по имени *Пáтромиха*; ее характеризуют иногда как «белую бабу» [ЛКТЭ]. Жители Верхнетоемского района Архангельской области считают, что в лесу *Чудницы* проживает существо по имени *Чудница* [Там же], при этом название леса образовано от арх. *чудница* ‘охотничья тропа; лыжня’ [КСГРС], испытавшего притяжение к общенар. *чудо* ‘сверхъестественное явление; крайне маловероятное событие’, что помогло появлению мифонима. Жители Верховажского района Вологодской области думают, что у лесной реки *Кóленьга* есть мифическая хозяйка по имени *Кóленьга* [Там же]. По рассказам жителей Грязовецкого района Вологодской области, в лесу *Уханýха* живут существа по имени *Уханý*, пугающие людей [Там же]. В последнем случае немаловажно притяжение к глаголу *ухать* ‘издавать громкий, резкий звук; громко и отрывисто вскрикивать’, который обозначает в том числе крик филина, звуковой эффект эха, а также звуки, издаваемые нечистой силой.

Похожий факт, в основе которого лежит страх перед громкими звуками, эхом в лесу, записан в Няндомском районе Архангельской области. В связи с названием ручья *Вóешный*³ информанты отмечают: «На Вóешном Ручье Вóюшко воет» [КСГРС]. Жители Онежского района Архангельской области считают, что в лесу *Хéмерово* водится существо по «фамилии» *Хéмеровский*, сбивающее с дороги тех, кто пришел в лес: «Страшное место, там, говорили, Хемеровский водит»; «Лесное там место, вот, говорили, Хемеровский там водит. Из Верховья мужик утерялся молодой, ни следа не нашли. Куда ушёл? А другого нашли на болоте, уже труп, вот Хемеровский-то водил» [Там же].

Хрононим → имя мифологического персонажа

Названия календарных дат порождают имена мифологических персонажей очень часто. Это объясняется в первую очередь тем, что многие русские народные хрононимы имеют отагионимное происхождение, а словообразовательная деривация может быть выражена не только эксплицитно, но и имплицитно (*Ильýн день, Ильýнский день, Ильýн праздник* ‘2 августа по новому стилю’ // *Илья, Илья Прорóк* ‘то же’). Последний случай особенно наглядно проявляет «персонажность», изначально заложенную в хронониме. Ср. рассуждения С. М. Толстой о «характерной для традиционного

³ Название не связано с русским глаголом *выть*, а является словом субстратного (финно-угорского) происхождения [Матвеев 2001: 259].

сознания антропоморфизации календарного времени, персонификации дней (праздников) и отождествлении дня и его мифологического патрона, демонологизации персонифицированных праздников» [Толстая 2005: 383]. Такая персонификация имеет разнообразные проявления; ср. хотя бы некоторые глагольные конструкции, отмеченные в костромских полевых материалах [ЛКТЭ], которые описывают действия Ильи: ‘о громе, грозе в Ильин день’ — *Илья и Петр расстаются, Илья едет (проехал, уезжает), Илья катается по небу, Илья Пророк в колеснице по небу (каменью) ездит (едет, проехал), Илья Пророк прокатился на колесах, Илья Пророк катается на серебряной карете (тучах, коляске, колеснице, огненной колеснице)*; ‘о дождях после Ильина дня’ — *Илья Пророк на-пророчит*; ‘о похолодании после Ильина дня’ — *Илья хвост обмочил, Илья льдинку в воду опустил, Илья в речку напíсал*; ‘о сокращении светлого времени суток после Ильина дня’ — *Илья Пророк два часа уволок*; ‘об исчезновении комаров после Ильина дня’ — *Илья комаров убил* и т. д. [Там же]; некоторые из этих и подобные выражения на других территориях зафиксированы в [Атрошенко и др. 2015: 191–192]. Разумеется, «персонифицированный день» не равен персонажу-святому, которому он обязан своим именем: он наследует смысловой объем хрононима, в который входит комплекс поверий и примет, связанных именно с календарной датой, представления о совершаемых ритуальных действиях и пр. (а не с фактами о святом из апокрифов, житий), — поэтому, конечно, Илья Пророк, который убивает комаров, оправляется в реке и пр., не тождествен библейскому пророку Илии, жившему при царе Ахаве (о подобной «квазиагиографии», возникающей в числе прочего на основе народноэтимологических сближений типа «Варвара варит, Герман гремит», писали А. Б. Мороз [2007], М. В. Ясинская [2003] и др.). Но этот персонифицированный образ «светит отраженным светом», за ним еще не стоит новый мифологический персонаж: скажем, грани образа персонифицированного Ильина дня трудно сложить воедино. Новый персонаж может возникнуть на базе календарных запретов, в текстах примет, быличек, поверий и пр. При этом в его образе могут воплощаться, например, последствия нарушенного календарного запрета (т. е. соответствующие наказания), а сам персонаж станет своего рода «тезкой» святого, в честь которого названа календарная дата. Посмотрим, как это происходит.

▪ **Варвѣрка, Пятница.** Имя великомученицы Варвары Илиопольской (Никомидийской) легло в основу хрононима *Варварин день* (17.12 по н. ст.) [Атрошенко и др. 2015: 60]. Считается, что в этот день ударяют сильные морозы, появляется лед и устанавливается санный путь, увеличивается длительность светового дня. Эти представления отражены в поговорках типа прикам. *Варвара мостит* ‘о появлении льда’, нижегор. *Варвара ночи украла, дня притачала* ‘об удлинении светового дня’ [Там же]. С Варвариным днем связаны не только метеорологические приметы, но и социокультурные запреты: так, 17 декабря и в последующие дни запрещалось прясть лен или шерсть. Этот запрет был известен не только русским, но и

другим славянам: к примеру, белорусы в Брестской области считали, что прясть в этот день нельзя, «бо вонá [вмц Варвара] вэртёнами замучэна» [Толстая 2005: 42]. На базе этого запрета и возникает новый мифологический персонаж, ассоциированный с Варвариним днем, но уже жестко к этой дате не прикрепленный: в Подмоскowie рассказывают о существе по имени *Варварка*, которое появляется, если прясть лен или шерсть в те дни, когда это запрещено, — «Ежели прясть на Святки, так Варварка придёт»; «Ежели что затеешь в праздник, тётка моя всегда ругается: “Грех... Смотри, Варварка придёт”» [Атрошенко и др. 2015: 61]. В контекстах не уточняется, что произойдет с нарушительницей запрета, если к ней придет *Варварка*, но, очевидно, появление этого персонажа должно вызывать страх. Интересен похожий по культурной мотивировке женский мифологический персонаж по имени *Пятница*, о котором рассказывают в Ленском районе Архангельской области: «Девки на Рябове кортомили [снимали] избу, бывали посидёнки. <...> Сели прясти раз в пятницу каку-то после Паски. Только сели на копылья, а незамогли, руки у них как немые. Не шелохнутся, незамогли. Зашла в избу баба. Босая, рубаха у её наполовину, рукава-те недопряжены. Глаза и рот зашиты, нитки торчат. А в руках верётна. Давай девок верётнами тыкать. Наказала их, что пряли-то. Это была сама Пятница» [ЭМТЭ]⁴.

▪ *Ив́ан По́стной, Капу́стник Ив́ан*. 11 сентября по н. ст. православной Церковью отмечается Усекновение главы Иоанна Предтечи. С этим днем в народной культуре связан запрет на сбор и употребление любых круглых овощей (капусты, картошки, брюквы и др.), поскольку своей формой они напоминают отрубленную голову Крестителя (реальная мотивация запрета — необходимость успеть запасти овощи на зиму до этой даты, вызванная погодными условиями). Кроме того, поскольку день усекновения главы Иоанна Крестителя — дата кровавая и трагическая, за неделю до 11 сентября ряд региональных культурных традиций предписывает начало строгого поста, предполагающего в числе прочего отказ от красных ягод, напоминающих кровь [Атрошенко и др. 2015: 174], так что этот день получает в народном календаре наименования типа *Ив́ан-Пост*, *Ив́ан-Посты́тель*, *Ив́ан По́стный* [Там же]. На базе народного хрононима и запрета на работу в огороде 11 сентября на Среднем Урале возникают представления об отдельном мифологическом существе по имени *Ив́ан По́стной* — это огородный дух, который наказывает за появление там в запретное время [ДСРГСУ: 207]. Аналогичный огородный дух известен и в Архангельской области: «Иван Постной <...>, когда брюква поспеваёт. Тожо, детей-то не пускают в огород, что говорят: “Иван Постный голову отрежет”. Пугали детей-то, чтобы не лезли в огород» [Мороз 2007: 65]. Представления об *Иване Постном* могут выходить за рамки вербальных предписаний — и

⁴ Сходный образ отмечен у южных славян: в болгарских и македонских балладах фигурирует существо по имени *святая Неделя*. Она окровавлена, у нее исколото тело, разорвана одежда. Эти черты облика отражают последствия нарушения запрета шить, резать и пр. по воскресеньям (см. об этом сюжете: [Седакова 2008]).

он опредмечивается как персонаж осеннего ряженья: «В огороде-то Иван Постной, не ходите. Ребятишек пугать — какая-нибудь старушка нарядится, шубу навыворот наденет, вот и Иван Постной» [ДСРГСУ: 207]. На Среднем Урале известен также «синонимичный» персонаж — *Капу́стник Ив́ан* [Там же: 226]: это тоже огородный дух, которым пугали осенью, а имя его отсылает, с одной стороны, к главному блюду поста — капусте, а с другой — к запрету собирать и есть круглую и большую (похожую на голову) капусту 11 сентября.

▪ *Семі́к* и *Семичі́ха*. Таким образом, хрононим может «оживать» не только в верованиях, но и зримо представлять как персонаж ряженья. Приведем еще один пример. Как известно, у русских четверг перед Троицей повсеместно называется *Семі́к*. В Нижегородской области словом *Семі́к* и производным от него феминитивом *Семичі́ха* зовут мужского и женского персонажей ряженья в этот день: «В Семик <...> кто-либо из девушек наряжался Семичихой. Рядили Семика (парень наряжался стариком) и Семичиху (девушка наряжалась в старуху)»; «Ходили по домам собирать продукты для яичницы, водили Семика и Семичиху (женщина переодевалась в мужчину, мужчина — в женщину)» [Атрошенко и др. 2015: 392]⁵.

Название иконы → имя мифологического персонажа

▪ *Я́йтра*. Как известно, в русской православной традиции (разумеется, не только в ней) особую роль играет культ Богородицы. Неудивительно, что именно названия богородичных икон и черты связанного с ними культа становятся базой для возникновения новых мифологических существ. При этом ситуация семиотической напряженности разворачивается в ином, чем это обсуждалось прежде, ракурсе: в данном случае точнее было

⁵ Типологически значимый факт, подтверждающий устойчивость обсуждаемого механизма, описан в статье В. В. Напольских, посвященной обрядности красноуфимских удмуртов [Напольских 2019: 142]. Через марийское посредство ими были заимствованы черты русской святочной обрядности. Как и русские, красноуфимские удмурты 13 января отмечают середину Святков. В русском народном календаре 14 января называется *Васі́льев день*, *Васі́лий Вели́кий*, а канун этого праздника — *Васі́льев вечер*. У марийцев вечер 13 января обозначается с помощью полукальки: *Basil kuŷuza* — «Василий владыка» (где *Basil* < рус. *Василий*), у красноуфимских удмуртов — с помощью заимствования из марийского: *βašilʹ kuŷuža*; при этом язычники-удмурты ничего не знают о христианском святом и православном дне его поминовения. 13 января красноуфимские удмурты ходят в баню, совершают моление, едят ритуальные блины с маслом и устраивают ряженье, один из персонажей которого обозначается тем же словом, что и весь праздник, — *βašilʹ kuŷuža* («Василий владыка»): «Вечером из дома в дом передвигалась команда человек в десять и более взрослых женатых мужчин в масках медведя, лошади, гуся, в вывернутой одежде и т. п. Один из них изображал старика *βašilʹ kuŷuža*» [Там же]. Ряженные во главе с *βašilʹ kuŷuža* обходили дома, где их ждали дети. Девочки должны были показать, как они умеют прыгать, а мальчики — плести лапти. Если дети не справлялись с задачей, *βašilʹ kuŷuža* пугал их: *niša koškot tone, lāmāje bāčkalom, kulod!* («Утащим тебя, в снег выкинем, умрешь!»), *húlešti lāktimā, tone no nuom!* («Мы из леса пришли и тебя унесем!») [Там же]. Вновь перед нами ситуация семиотической напряженности, формирующаяся страхом перед ряженными, которые не только изображали персонажей низшей демонологии, но и демонизировались как отдельные существа.

бы употребить термин *семиотическая насыщенность*. В богородичных сюжетах основная интрига, стимул — не страх и не запрет, а прецедентный культурный текст — апокрифический мотив странствий Богородицы, широко растиражированный в народной христианской традиции, или же предания о явлениях богородичных икон, иными словами, позднейшая культурная «надстройка» евангельского образа.

Один из наиболее распространенных типов изображения Богоматери с младенцем Иисусом Христом в православной иконописной традиции — Одигитрия (< греч. Οδηγήτρια): для этого иконописного типа характерно фронтальное поясное изображение Богородицы, указывающей рукой на Иисуса. К этому типу относятся такие широко почитаемые в России иконы, как Тихвинская, Смоленская, Казанская, Грузинская, Иверская, Пименовская, Троеручица, Страстная, Ченстоховская и др. Во имя Богоматери Одигитрии освящены многие храмы и названы монастыри, в числе которых — Арсениево-Маслянская Одигитриевская мужская пустынь (Новая пустынь Пресвятой Богородицы Одигитрии новоявленной, что во мхах) в 40 км от Вологды, основанная, по преданию, на месте явления иконы Одигитрии близ реки Масляной [Македонская б. д.]. Легенда о явлении иконы, привязанная к конкретному месту, как это часто бывает, в народном сознании «размылась», потеряла конкретную топонимическую привязку, а кроме того, испытала влияние мотива странствий Богородицы. В результате в разных деревнях Вологодского района Вологодской области рассказывают о святых местах (источниках с целебной водой, камнях, излечивающих недуги, и пр.), получивших свои особые свойства, потому что рядом с ними прошла некая *Яйтра*, в имени которой читается трансформация названия иконы *Одигитрия*. В некоторых случаях *Яитру* идентифицируют с Богородицей («Она шла, Яитра, Божья Мать, так на камешке следочки от ладошек остались, около Святого Колодчика» [ЛКТЭ]); в других случаях считают отдельной святой: «Яитра была, она святая. Ходила по нашей земле. Где пройдет, там святые камни находили» [Там же].

1.2. Имена персонажей, образованные от нарицательных слов

Имена интересующих нас персонажей могут быть созданы (точнее, воссозданы) и на основе созвучия с апеллятивами (обычно глаголами или существительными). В таком случае мы чаще всего получаем квазиантропонимы, формально совпадающие с узуальным именем человека, но — в отличие от последнего — наделенные внутренней формой, которая обгрызается с помощью языковой игры.

▪ **Родька.** Пример описан в [Березович, Рут 2016: 89–90]. В общенародном русском языке известно эвфемистическое название детской болезни *родимчик* ‘припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания’. Это обозначение фигурирует в сочетаниях типа *родимчик взял, родимчик бьёт*, где болезнь персонифицируется, ей приписывается статус активного деятеля. В Костромской области записаны выражения

Родька пришёл, Родя взял, обозначающие такой припадок, при этом болезнь названа посредством созвучного квазиантропонима *Родька, Родя* (совпадающего с уменьшительными формами имени *Родион*): «Ребёнок капризничает сильно, катается даже, бьётся на полу — дак *Родька пришёл*, Родион — имя, Родька» [ЛКТЭ]. *Родька* покидает пределы «материнского» фразеологизма и попадает в тексты угроз, обращенных к детям (т. е. в семиотически напряженные контексты), где сочетаемость этого имени расширяется, фиксируя представления о новом антропоморфном персонаже: «Ну, реви-реви, за углом Родька стоит, придёт, тебя заберёт»; «Родя придёт по тебя. Так детишкам говорили»; «Родька придёт и заберёт тебя. Видно, страшилище было».

▪ *Баба Липа*. На основе слов гнезда *леп-/лип-* (*лепить, липкий* и т. п.) в костромских говорах сформировалось сочетание *баба Липа* ‘снеговик, снежная баба’ [ЛКТЭ]. Компонент *Липа* совпадает с уменьшительной формой имени *Олимпиада* (в просторечии — *Липиада*) [Петровский 1980: 213]. Этому персонажу приписывалось действие, названное созвучным глаголом *лепить*, который появляется в качестве контекстного соседа квазиантропонима в тексте запрета. Так, если на улице был сильный мороз, то детей не пускали гулять, угрожая: «Мороз сильный, нас на улицу не пускали, говорили: “Баба Липа глаз залипит”» [ЛКТЭ]. Таким образом, для создания мифологического персонажа в рамках описываемой модели выполняются два базовых условия: имя появляется в условиях языковой игры и фигурирует в семиотически напряженном контексте (в тексте запрета).

▪ *Домна, Устíнья, Сусýй*. Сразу несколько персонажей вызваны к жизни другими запретами — «печными» или «банными». Это запреты на посещение бани после захода солнца и на выпускание жара из печи или бани, что может повлечь за собой угар, охлаждение помещения, неразумную трату дров и пр. Запреты иллюстрируются персонажами с «человеческими» именами. Частично материал был описан в статье К. А. Бормотовой и Я. В. Мальковой [2016: 48] — сотрудников Топонимической экспедиции Уральского университета, которая пополнила материал за время, прошедшее с момента написания этого текста. Приведем более полную сумму данных.

В костромских говорах мифическое существо, вызывающее банный угар или пригорание пищи в печи, может называться с помощью квазиантропонима *Домна*, созвучного с апеллятивами *дым, дымно* ‘о большом количестве дыма’ и «восстановленного» на основе соответствующего личного имени. *Домна* якобы *ступает, заходит, забегают* в помещение вместе с *дымом*: «Домна забежала, дыму-то, дыму-то»; «Не ходи в баню, туда Домна зашла. Детей пугали, чтоб не шли, когда угар»; «Сожгала кастрюльку, Домна-то зашла»; «Домна ступила — открой двери-те» [ЛКТЭ].

В архангельских и костромских говорах бытуют также выражения, обрисовывающие сценарий появления в бане существа по имени *Устíнья* (квазиантропоним, созвучный *сты(ну)ть, высты(ну)ть*), которое вызы-

вает охлаждение печи: арх. *Усти́нья (Устя) зашла*: «Баню топишь, Устинья в баню зашла — оно истопилось, остыло. Долго в баню не идёшь, так вот Устинью запустишь» [КСГРС]; арх. *Усти́нья забралась*: «В баню Устинья забралась, и выстыла баня. И протопилась плохо — все заодно тут»; арх. *Усти́нью запустить* «Что в баню не идешь? Устинью, что ли, хочешь запустить в баню-то?» [Там же]; костр. *Усти́нья выпарилась*: «Как остыло, в ей [бане] Устинья выпарилась» [ЛКТЭ]. Это имя встречается и вне устойчивых выражений: костр. «Устинья, уж жары нет в бане»; «Устинья у тебя в бане, в доме-то, холодно» [Там же].

Наконец, преждевременное остывание печи может иронически представляться как результат действий проникшего внутрь существа, которое там переночевало или испражнилось. Это персонаж, обозначенный с помощью квазиантропонима *Сысой (Сусуй, Сысуй)*, совпадающего с народной формой календарного имени *Сисой* и созвучного просторечному глаголу *ссать*. Согласно весьма физиологичной картинке, рисуемой костромской фразеологией, *Сусуй* проникает в печь и может там *нассать, набздеть, насрать*, потушив таким образом огонь: «Сысой нассал в печито, чего испекотся?»; «Плохо протопила, в печи у меня Сусуй набздел, холодно, значит, и печка черная»; «Когда баню проворонишь, остынет, говорят, Сусуй набздел»; «Пирог-то будут печь, а жару-то нет. Скажут: “В печке-то Сусуй ночевал”. Или “Сусуй набздел”. Сусуй — это кто-то вроде домового»; «Суп варили в горшках. Горшок с утра до вечера стоит, томится. Выташат горшок, а он не горячий. Печку плохо протопили. Ну, скажут, Сусуй ночевал. Сусуй — как холод какой. Буди, с сосульками связано» [ЛКТЭ]. Эти выражения не отмечены, кажется, словарями, кроме двух фиксаций в [СРНГ (42): 305, 313]: бурят. *сусой* ‘нетопленный (о печи)’: «Не печет, товды сусой», вят. «В ночь-то ровно Сусуй набздел ‘знач. (?)’». Последняя фиксация содержит ошибку, поскольку в первоисточнике (труде Д. К. Зеленина) дается такая запись: «“В пече-то ровно Сусуй набздел” — мало тепла». Не давая никаких иных пояснений, автор пишет, что «крестьяне ужасно не любят давать своим детям имя Сысой» [Зеленин 1903: 154]. Надо думать, нелюбовь крестьян к этому имени объясняется его фонетической экспрессией, что усиливает версию о притяжении *Сысой* ↔ *ссать, сосать*⁶.

Но указанная фонетическая реакция здесь, кажется, не единственная. Интересно вят. *сусуй* ‘домовой’ (без контекстов) [СЭСВГ: 1114], а также свидетельство Д. К. Зеленина: «Севернорусские говорят об еще одном духе, живущем в самой печи, и называют его *сусуй, сысой*, если это и не сам домовый, то нечто с ним сходное» [Зеленин 1991: 412]⁷. Эти факты

⁶ Богатая фоносемантика комплекса *сус-* чувствуется в словах типа влад. *сусáнда* ‘о неопрятном, грязном человеке’, свердл. *суса* ‘грязный, бедно одетый человек’ [СРНГ (42): 293, 294], перекликающихся семантически с интересующим нас обозначением «печного существа».

⁷ Этот факт нельзя считать хорошо зафиксированным: в [СЭСВГ] он приводится без контекстов, а Зеленин, вероятно, апеллирует к своим же вятским записям (приводившимся нами выше).

свидетельствуют в пользу возможности притяжения *сусёдка*⁸ ‘домовой’ ↔ *Сусуй*, а точнее, эвфемизации демоники *сусёдка*, осуществляемой по характерной модели — аттракции к имени собственному. Это построение поддерживается наличием костромского фразеологизма *сусёдушко* (*колдун*) *ночевал* ‘об остывшей печи’ [ЛКТЭ], где *сусёдушко* выступает как точная замена *Сусуя*.

Есть еще один парадоксальный (на первый взгляд) вариант реализации аттрактивных процессов — взаимодействие *Исус* ↔ *Сусуй*, которое демонстрирует ярчайшую профанизацию сакральной семантики, являющуюся тем не менее вполне вероятной. В костромских и вологодских говорах бытует выражение *Исус ночевал* (*бывал, заночевал, побывал, прошёл, спал*) ‘о хлебе со вздувшейся, поднявшейся коркой’ [ЛКТЭ; КСГРС] — и здесь не приходится сомневаться, что имя героя возникло не в результате вторичных притяжений. Это доказывается хотя бы наличием таких параллелей, как перм. *Христос ночевал* ‘о хлебе со вздувшейся верхней коркой’ [Подюков 1991: 40], влад. *Христос ночевал* ‘знач. (?)’: «В куличе Христос ночевал: он пустой» [СРНГ (52): 64], где отражен мотив странничества Христа, весьма популярный для русской диалектной фразеологии (так, И. В. Родионова выделяет на диалектном материале конкретизирующие его мотивы обуви, ночевки, постели, посоха Христа [Родионова 2000: 164–165]).

Итак, имя *Сусуя*, забравшегося в печь, порождено мощным морфосемантическим полем. Глагольный актант (*сать*) выглядит самым сильным участником процессов аттракции, но «аккомпанемент» других актантов тоже надо учесть, поскольку слова с экспрессивной семантикой нередко появляются на пересечении нескольких лексических (фоносимволических) импульсов.

2. Имена персонажей, имеющие текстовую природу

Эти имена ведут свое происхождение из текста, как правило фольклорного. Первоначально они не имеют никакого отношения к собственным именам, а представляют собой конструкции, синтагмы, которые существуют как взаимосвязанное целое только в составе «материнского» текста; реже это одно слово, которое занимает в «материнском» тексте ключевую позицию. Конструкция или слово способны мигрировать за пределы текста или жанра (нередко вследствие особой экспрессии, частой повторяемости и пр.), меняя свою синтаксическую и номинативную сущность, превращаясь в имя мифологического персонажа. В качестве примеров рассмотрим имена, возникшие на базе заговоров, проклятий и народных песен.

▪ **Бадйй.** В русском языке есть конструкция *дай Бог* (также в форме с инверсией: *Бог дай*) — первоначально обращение к Богу, которое имеет

⁸ Слово *сусёдка(а)* ‘домовой’ само по себе является эвфемизмом (а для названий мифологических персонажей такая «цепная» эвфемизация характерна) и имеет широкую географию, в том числе вятскую [СРНГ (42): 295–296].

смысл «Пусть будет так». Эта конструкция может приобретать смысл пожелания зла кому-либо, проклятия: *Бог дай тебе провалиться!* Формула *Бог дай* в подобных текстах может подвергаться синтаксическому сращению, морфологической транспозиции и фонетическому стяжению: енис. *Бодай те провалиться*, смол., тамб., ворон. *Богдай⁹ тебя (тебе)*, ворон., смол., тамб., енис. *Бодай тебе* [СРНГ (3): 47, 54] и др. Одновременно происходит вторичное притяжение к *бодать* ‘колоть рогами’, которое хорошо семантически вписывается в круг слов, являющихся предикатами злопожеланий; это особенно чувствуется в проклятиях типа краснояр. *Хвороба тебя бодай* [СРГЦРКК (5): 56] и др. На следующем этапе преобразований слово *бодай* из глагола в повелительном наклонении становится существительным, подлежащим: волгогр. *Забери тебя бодай* [Мокиенко, Никитина 2013: 49], орл. *Бодай тебя раздери* [Зубова 2016: 9]. Таким образом возникает некое существо, способное самостоятельно действовать. Это существо может покинуть тексты злопожеланий и перейти в тексты другого жанра — угроз (это сопровождается дальнейшей деэтимологизацией): влг. *бадя, бадя, бадяй* ‘мифическое существо, которым пугали детей’: «Раньше детей бадей пугали: “Бадя тебя унесет”, а никто его не видел»; «Вот бадя придет и заберёт тебя»; «“Бадяй придёт, в сумку тебя посадит”», — детей пугали, кто не слушался» [СГРС (1): 39–40]; «Не реви, бадяй заберет» [СРГК (1): 28]. Более того, *бадя* встречается вне устойчивых фольклорных формул: влг. *бадя, бадя* ‘инвалид, калека’: «А то бадей какого-то инвалида назовут, вот как бадя идёт»; «Такой у нас был бадя безрукой и немой, ходит да говорит “мня-мня-мня”. Как скажешь, что бадя идёт, так все ребята разбегутся» [Там же: 39]. *Бадя* попадает в литературу по мифологии [Власова 2008: 28; Черепанова 1996: 165] как отдельный мифологический персонаж, ср.: «...бадай, бадя, бадяй, бадяйка — страшилище, которым пугают детей. <...> Облик бадяя расплывчат и таинствен. Это некто ужасный, часто — немой, безрукий, иногда — хромым. Он похищает детей» [Власова 2008: 28]. Деэтимологизация слова достигает при этом высшей степени, поэтому в авторитетном этимологическом словаре А. Е. Аникина при словах *бадя, бадя, бадяй* находим: «Неясно. Вероятно, заимствование» [Аникин 2007– (2): 48].

▪ **Желва́к.** Еще один показательный случай (тоже из проклятий) — арх. *желва́к* ‘представитель нечистой силы’ (пример описан нами в статье [Березович, Сурикова 2018: 104]). Это ключевое слово проклятия стало именем персонажа. Первоначально *желва́к* в говорах Русского Севера называет нарыв, фурункул; это слово и его фонетико-словообразовательные варианты постоянно употребляются в составе проклятий и другого рода экспрессивных выражений типа олон. *Желва́к тебе в горло*, перм. *Желва́к тебе в рот*. Постепенно значение слова *желва́к* в инвективах размывается и генерализируется до самого общего смысла «вредоносный деятель» — так возникают тексты типа арх. *Понеси тебя желва́к*, где *желвак* воспри-

⁹ Ср. также блр. *Багдай ты акалеў* «Чтоб ты околел» и т. п. [Грынблат, Фядосік 1979: 202].

нимается как одушевленный персонаж и функционально эквивалентен черту или лешему. Уже на базе таких инвектив желвак создает собственную мифологию, выходя за пределы проклятий, ср. арх. «Йесли человек не закрылся, йево желвак унести можэт. Унесёт йего жылвак, йесли не закрылся от чёрной силы»; «Ф самом Йемецке ходят, там какой желваг бродит»; «Нецистого желваком зовём, цтобы цёрт не говорить» [Там же].

■ **Лихорадки.** Широко известно, что болезни часто представляются носителям традиционной культуры в персонифицированном виде, и восточнославянская (в частности, русская) культурно-языковая традиция здесь не исключение (см.: [Виноградова 2000] и др.). Выводы о демонической природе болезни этнографы и фольклористы делают, как правило, с опорой на корпус текстов, где болезнь упоминается. Но следует помнить, что болезнь в традиционной культуре — нередко табуированное явление, которое не будет обсуждаться носителями традиции «всуе», поэтому названия и образы болезней закреплены за текстами конкретных фольклорно-речевых жанров: чаще всего это лечебные заговоры (т. е. тексты, направленные на изгнание болезни) и проклятья (т. е. тексты, призванные наслать болезнь на неприятеля) — сакральные речевые акты, затрагивающие сферу потустороннего, запретного, опасного, построенные в соответствии с принципами вербальной магии и потому характеризующиеся высочайшей степенью семиотической напряженности. И в заговорах, и в проклятиях описывается деструктивно воздействующий на человека субъект (болезнь, дух болезни), при этом способ этого воздействия обязательно должен быть охарактеризован — таков канон вербальной магии.

Поэтому проклятья часто строятся по схеме «глагол деструкции в роли сказуемого + производное от глагола деструкции существительное (часто окказиональное) в роли подлежащего» — таким образом достигается лаконичность в описании основного способа воздействия болезни на человека, см.: яросл. *Трясу́чка* [лихорадка] *тебя истрясси*, ср.-урал. *Секун* [острая боль] *тебя засеки* (см.: [Березович, Сурикова 2019]). Эта модель особенно продуктивна, поскольку она поддерживается языковой техникой: отглагольная («симптоматическая») номинация вообще характерна для восточнославянской лексики болезней¹⁰ (ср. *провал* ‘чирей’ < *прова́лится*, *вэред* ‘гнойник’ < *вреді́ть*, *колота́* ‘острая боль’ < *коло́ть*, *щепота́* ‘боль’ < *щипа́ть*, *нары́в* < *нарыва́ть* и мн. др.).

Для заговоров тоже характерно употребление отглагольных названий болезни по основному симптому, очень часто окказиональных (см., например, названия детской бессонницы в текстах этого жанра: *щекоту́ха* ‘женское демоническое существо, щекочущее ребенку подошвы, отчего тот не спит и кричит’ < *щекота́ть*, *беспоко́юца* < *беспоко́иться*, *кри́кса-варáкса* < *крича́ть*, *ревун* < *реве́ть*, *вопун* < *вопи́ть*, *крикли́вец* < *крича́ть*, *плаксíвец* < *пла́кать* [Юдин 2001: 79]). Но в заговорах механизм «симп-

¹⁰ Об этой и других мотивационных моделях, в рамках которых образуются названия болезней в русском языке (в этимологическом аспекте), см., например: [Меркулова 1969; 1972].

томатической» номинации становится еще более наглядным благодаря свойственной этому жанру организации текста в виде перечней. В них, с одной стороны, возникают длинные ряды глаголов деструкции, описывающие симптомы — то, как болезнь вредит человеку — какое действие она осуществляет или какое действие осуществляет человек под ее воздействием (ср. яросл. «Тут тебе не воевать, костей и грудей ее не ломать, крови ее не разливать, головы ее не мучить и лица не изменять»; черниг. «голові не боліты, шуму не шуметы, мозку не кружиты, сердца не тошниты, грудей не стисняты, пить и есть не запрешаты, криви не разжигаты, кости не ломиты, не сушиты, не печалиты, у болезнь и досаду не приводиты, от сна не разбужати, а живота не здувати, и носа не закрывати, и диханія не прекращаты» [Агапкина 2010: 114]). С другой стороны, появляются ряды существительных, называющих саму эту болезнь, ср., например, в ярославском заговоре от лихорадки — варианте Сисиниевой молитвы: «...попрошу угодничка Господня Сихеня явитися ко мне рабу имярек отогнать от меня, раба, наступающих на меня двенадцать дев царя Ирода дочек нечестивых: Трясовицу [< *трясті*], Огневицу, Ледяницу, Гнетицу [< *гнесті*], Хрипицу [< *хрипѣть*], Глушицу [< *глушіть*], Ломовицу [< *ломать*], Пухловицу [< *пұхнуть*], Желтовицу, Коркотицу [< диал. *коркотать* 'кашлять']...» [Там же: 538].

Так в семиотически напряженном тексте возникает актер — деятельный субъект (в общем-то, дух болезни, демон). Он с самого начала анимирован, персонифицирован — но не в системе коллективных представлений (мифологии), а на стыке жанровых требований и языковой техники, и только затем, вероятно, его образ обрastaет подробностями (иначе говоря, представления о демонах болезней, вероятно, не равны представлениям о лешем или домовом — мифологических персонажах, не «произрастающих» из языка и текста).

Весьма показателен случай с разработкой сюжета Сисиниевой легенды в восточнославянских заговорах (устных и письменных). Персонифицированные лихорадки, называемые *сестрами* и *дочерьми Ирода* и получающие в пределах текста «симптоматические» имена, описываются следующим нелестным образом: «и босы, и простоволосы, и беззастяжны, и безпоясы», «черные, косматые, толстоволосые», «косые, хромые, кривые, убогие», «некрещенные, косматые, косолапые» и мн. др. [Агапкина 2010: 558]. Н. И. Толстой подчеркивает, что «симптоматические» имена лихорадок встречаются только в заговорах, это доказывает, что образ лихорадки относится к книжно-апокрифическому слою русской демонологии [Толстой 2022: 284]. Еще одно доказательство жанровой привязки демонической лихорадки — отсутствие этого образа в славянских быличках, обрядах и поверьях [Там же].

Но отсутствие межжанровой миграции в пределах славянского фольклорного континуума вовсе не значит прекращение дальнейшей мифологизации персонажа в других социокультурных стратах или у соседних

народов. Так, литературная традиция тоже может служить делу популяризации мифологических представлений. В стихотворении Афанасия Фета «Лихорадка» воспроизводится фрагмент Сисиниевой молитвы, касающийся лихорадок: «Что за шутки спозаранок! / Уж поверь моим словам: / Сестры, девять лихоманок, / Часто ходят по ночам. / Вишь, нелегкая их носит / Сонных в губы целовать! Всякой болести напросит, / И пойдет тебя трепать». Кроме того, известна мокшанская сказка «Лихорадка» о напряженном противостоянии охотника и двенадцати девушек-лихорадок [Маскаев и др. 1966: 190–191]. Здесь демоны-лихорадки, образ которых наверняка был заимствован из заговорной традиции русских соседей¹¹, утверждаются в статусе мифологических персонажей, переходя в нарративный жанр — сказку. Так демон болезни, сформированный на языковой базе, подпитанный книжно-апокрифическим сюжетом, мигрируя в инокультурную традицию, наконец становится полноценным персонажем¹².

Если предыдущие примеры возникли в народной речи, то последующие — в рамках «кабинетной» мифологии, которая, как говорилось выше, реализует те же механизмы порождения мифов.

▪ *Лель, Илья*. Начнем с широко известного в славянской фольклористике примера. Имя *Лель*, *Леля* трактуется как название славянского божества брака, солнца, любви и т. п., нередко в паре с другими персонажами — *Полелем*, *Ладой*. «Обожествление» Леля — один из старейших мифов славистики, который встречается еще в трудах польских историографов XV–XVI вв. (Я. Длугоша, М. Бельского, М. Кромера, М. Стрыйковского и др.). Этот миф был активен и в русской науке XVIII–XIX вв. (см., напри-

¹¹ Усиление контактов мокши с русскими и начало христианизации датируются началом XVI в. Заимствование же фрагментов или целых текстов устных заговоров у иноязычных соседей вполне обычно, ср. мордовский заговор с включением русских имен: «Abendröte Ofina, Morgenröte Mafina, Erdgeist Katefina, gebt Hilfe, Genesung!» («Вечерняя заря Орина, утренняя заря Марина, дух земли Катерина, подай помощи в выздоровлении») [Narva 1952: 176]. Источник этого ономастического ряда несомненен: это русские заговоры с перечнями поименованных антропоморфизированных природных сил типа *утренняя заря Марья*, *вечерняя Маремьяна*; *утренняя Мария*, *вечерняя Катерина* и т. п. (см.: [Юдин 1997, Index]).

¹² Этот пример заимствования и дальнейшей трансформации персонажа из книжной традиции соседнего народа, исповедующего иную религию, не единственный. Приведем интересную параллель, описанную В. В. Напольских [2018: 514]. В заговорах чувашей (в основном исповедующих христианство) известен персонаж по имени *Aşaratman karčäk* («старуха Ажабатман»): это существо, вылечивающее от недугов, является из-за морей, рек и гор, оседлав белого коня, надев белую накидку; у него серебряные распущенные волосы, один глаз, один зуб [Егоров 2018: 111]. В. В. Напольских пишет, что языковой исток имени этого персонажа — фонетически (закономерно) преобразованная синтагма из двух священных для мусульман имен: жены и дочери пророка Мухаммеда, соответственно *Айши* и *Фатимы* (они встречаются и в татарских заговорах). Таким образом, механизм возникновения мифологического персонажа тот же: сначала есть сакральное слово (возможно, даже лишенное внутренней формы), функционирующее в семиотически напряженном тексте (молитва, заговор), затем оно превращается в оним, который приобретает свойства предикативности; наконец, этот образ «надстраивается» мифологическими представлениями.

мер: [Сумцов 1881: 46–48; Фаминцын 1884: 18, 259] и др.) и, как ни странно, поддерживается (несмотря на серьезную критику) столетие и более спустя ([Кондратьева 1983: 66; Рыбаков 2013: 424–426] и др.). Образ Леля встречается и в художественной литературе: из наиболее известных примеров следует назвать поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», Адама Мицкевича «Пан Тадеуш»¹³, пьесу «Снегурочка» А. Н. Островского.

Откуда возник этот персонаж? *Лель* и аналогичные по звуковому облику сочетания фигурируют в припевах песен (обычно свадебных) всех трех групп славянских народов (например, рус. «Ой лелю, молодая, ой лелю», серб. «Краљу, светли краљу, лельо», польск. «Dzi-dzi, lelia» и т. д.). «Кабинетные» специалисты склонны реконструировать в *лелю* форму звательного падежа от **Лель*, т. е. обращение к персонажу с этим именем. История подобных построений рассмотрена Любинко Раденковичем; он же раскритиковал их с позиций филологической науки нового времени, основываясь главным образом на сербском материале [Раденковић 1999: 4–5]. Одним из первых подобный анализ осуществил А. А. Потебня¹⁴, который назвал мифы о боге Леле «учеными сказками» и указал на то, что песенные слова *лель*, *лелю* «наши предшественники слишком поспешно возвели в значение собственного имени божества брака, солнца и пр.» [Потебня 1883: 17, 20]. «Лель, как имя божества, навязанного безвкусицею XVIII в. даже Пушкину <...>, есть не факт, а очень шаткая догадка» [Там же: 16–17]. Перед нами не обращение к божеству, а песенные припевы: как указывает Н. И. Толстой, припевы *алё-ле*, *ай люли*, *люли-люли*, *лелею* и пр. восходят к возгласу *аллилуйя* (< греч. ἁλληλούϊα < др.-евр. *hallēlū-jāh* «хвалите Господа»), употребляемому в церковных обрядах [Толстой 1995: 100]. Если говорить о семиотической напряженности, то она создается в данном случае особой экспрессией текста: в интерпретирующем сознании эти фрагменты содержат обращение к божеству, где конативная магия достигает апогея.

Нам бы не стоило, возможно, пространно об этом писать, если б не тот факт, что филологически нерелевантное «обоожествление» слов из припева очень популярно по сей день. К примеру, с завидной регулярностью (вплоть до 2023 г.) в России переиздается книга Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян», которая может сбить с толку читателя внешними приметами авторитетности¹⁵. Автор посвящает *Леле* (в ж. р.) и *Ладе* боль-

¹³ Приведем цитату из польского текста Мицкевича, который в меньшей степени на слуху у нашего читателя, чем тексты Пушкина и Островского: «Kastor z bratem Polluksem jaśnieli na czele, Zwańi niegdyś u Sławian Lele i Polele» («Кастор с братом Поллуксом виднелись на небе, Звались когда-то у славян Лель и Полель»).

¹⁴ См. также работы Е. В. Аничкова, А. Брюкнера, Н. М. Гальковского и др.

¹⁵ Авторитетность подкрепляется в числе прочего включением в серию «Древняя Русь: Духовная культура и государственность», финансовой поддержкой Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России», аннотацией к [Рыбаков 2013], где указано, что «книга принадлежит перу выдающегося историка и археолога, знатока культуры древней и средневековой Руси акад. Б. А. Рыбакова, основоположника отечественной школы медиевистов, и является первым томом его фундаментального исследования

шой раздел [Рыбаков 2013: 409–436], решительно отстаивает их место на вершине славянского пантеона¹⁶, описывает «девичий весенний праздник ляльник¹⁷, когда избранную Лялей (Лелей) девушку сажали на дерновую скамью и исполняли вокруг нее ряд весенних заклинательных обрядов» [Там же: 327], и даже «овеществляет» соответствующий культ, приводя фотографию, на которой изображено «место языческого святилища Лады и Лели»¹⁸ [Там же: 300].

Показательно, что в унисон с «кабинетной» традицией, в недрах которой родилось указанное божество, работает народная традиция, создающая персонажа из звукокомплекса, фигурирующего в песенном припеве. Так, в ходе работы на северо-востоке Костромской области мы записывали тексты подблюдных песен *илий*, которые исполнялись в Святки: «Ворожили: кто кольцо соймёт с руки, кто денежку, кто брошку. Илия называли: “Ходит старушка по середи, На старушке халат. На халате сто заплат. В каждой заплате денежка”. Это к богатству. А кому попадёт: “На новый год — сосновый гроб”»; «До Крещения гадали, пели илию: “Идет коровушка из лесу, со всем молоцком да с приполоцком!” Кому так споют — родит, значит» [ЛКТЭ]. Народное название *илии* песни получили по концевому (реже начальному) слову рефрена: «— Что ныне у нас? — Страшные вечера, илия-илия! Страшные вечера Васильевские, Крещенские» [Там же]¹⁹; подобные названия заимствованы фольклористикой, использующей для обозначения этого типа песен термины *илейные песни* [Иванова 2021], *илейки* [Болонев и др. 1997: 37–38] и т. п.

Если просмотреть тексты подблюдных песен, записанных в разных русских регионах, то нетрудно выстроить обширный вариантный ряд, в который встают слова *или(е)я*, *или(е)ю*, *илею*: *илялю*, *иляля*, *лилею*, *ой люли-люли*, *ляв-ляв-ляв*, *лады*, *ой ладо*, *дай ладо ле* и пр.²⁰ Ясно, что при выходе за пределы подблюдных песен и обращении к другим фольклорным

по истории зарождения и развития язычества древнейшего славяно-русского этноса». Книга, судя по данным РИНЦ, широко цитируется (в том числе в вузовских учебниках).

¹⁶ Ср., к примеру: «...из многообразного общеславянского фольклорного материала вычленяются две мифологические фигуры: Лада — великая богиня весенне-летнего плодородия и покровительница свадеб, брачной жизни — и ее дочь (?) — Леля, Лёля, Ляля, олицетворяющая весну, весеннюю зелень, расцвет обновленной природы» [Рыбаков 2013: 426].

¹⁷ Кажется, слова *ляльник* нет ни в одном лингвистическом или фольклорном источнике, который пользуется аутентичным и задокументированным материалом.

¹⁸ На размытом снимке видна монастырская ограда, а читатель должен верить, что на ее месте находились идолы трех божеств — Лады, Лели, Ежи [Рыбаков 2013: 298].

¹⁹ См. также другие варианты: вят. «Греблась, греблась курочка у царя под окном, / Выгребла курочка злат перстенок. / С этим колечком венчаться и обручаться. Илея» [Иванова 2021: 327]; костр. «Семеры штаны, / И подколеночки голы. / Это сбудется / Да не минуется. / Илею!» [Кравцов, Кулагина 1987: 26]; костр. «Во поле березонька не старится, / все кужливится. / Илия!» [Жекулина, Розов 1989: 97] и пр.

²⁰ Показательно, что жанр таких песен может получить местное название не только по слову *илии*, но и по другим словам припева, распространенным на той или иной территории. Скажем, если *иле(и)и* имеют географию «вят., костр., перм.», то *лады* — «новг.» [Сатыренко 2017: 26].

жанрам этот ряд расширяется еще больше — и, конечно, его элементы сливаются с теми рефренными словами, о которых речь шла выше (типа *лелю*). В некоторых текстах из припева «вычленяется» персонаж, который приобретает имя *Илия* (*Илья*) и начинает действовать: костр. «Ходит Илия по полю, / Суслончики считает. / Илия-илия!»; «Нынче у нас Страшные вечера, илия, / Страшные вечера, Крёщенский, илия. / Ходит Илья по полю, илия, / Считает Илья суслончиков, илия, / На первой полоске сто суслонов, илия, / На второй-то полоске — тысяча, илия, / На третьей полоске — сметы нет, илия. / Кому эта песенка достанется, илия, / Тому сбудется, спаянется, илия, / Тому жить бы богато, ходить хорошо, илия» [ЛКТЭ]. Думается, имя персонажа восходит к двум источникам: здесь не только «оживший» припев, но и отсылка к Илье-пророку, который в народной традиции славян воспринимался как покровитель урожая и плодородия, повелитель грома и дождя, что поддерживается, конечно, празднованием Ильина дня (2 августа по н. ст.) [Белова 1999: 405]²¹. Аналогично трактует подобные факты А. Сатыренко, делая выводы на вятском материале: «Многие исполнители связывают это название [*илия*] с именем Ильи-пророка, упоминаемого в одной из главных песен гадания: *Ходит Илья-пророк по полюшку / Да считает суслончики. Илея* (хорошая). На вопрос собирателя, почему так назывались песни, исполнители часто отвечали примерно так: “Илея — потому что Илья-пророк, святитель”» [Сатыренко 1995: 56]. Показательно и то, что в некоторых песнях *Илью* заменяют *Никола* и *Кузьма-Демьян*, ср.: «Ходи Никола по полю, стави суслоны по ряду»; «Ходит Кузьма-Демьян по полю, считает Кузьма-Демьян копёшечки...» [Сатыренко 2017: 93–94].

О вторичности притяжения песенного припева к имени Ильи-пророка писал еще Д. К. Зеленин: «...название песен *Илея* явилось, вероятно, лишь путем позднейшего применения к имени пророка; произошло же оно от припева песен: *й-ле-лю <...>*, *и-ля-ля, иляю <...>*, каким припевом сопровождается каждый стих этих песен. В центральных уездах В.[ятской] губ.[ернии] и теперь еще выражаются: пойдёте девушки *петь иляю*, пойдёте *играть илялей*» [Зеленин 1903: 63]. Но тем не менее и в этом случае песенные слова проникли в кабинетную мифологию, обаяние которой подчинило себе даже таких выдающихся исследователей, как Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, выстроивших отношения между словом из припева и именем персонажа в противоположном (нежели Д. К. Зеленин, чью точку зрения мы разделяем) направлении: «...персонаж с именем Ильи в календарных песнях сохраняет явные семантические связи с героем основного мифа. Трансформацией последнего *Илья* может считаться и

²¹ О том, что народное сознание «оживляет» Илию в период засухи и даже помешает его на землю, говорят и тексты легенд, ср.: «Был неверный царь Вал, язычник. Засуха у них случилась. Вот звали они дождь, а пришёл огонь. Звали — не дозволились. А Илия позвал — и дождь им пошёл... Вдова убирала дрова. Илия пришёл: “Напой меня, хочу я пить. И краюху хлеба захвати”. Она ему: “Муки у меня горсть и масла немного”. Дала ему. А он: “Не умалится у тебя ничего”. А у другой вдовы Илия сына воскресил» [Савельева, Новикова 2001: 43].

в вырожденных случаях, где его имя превращается в припев междометийного характера (ср. *Илия, Илею, Иляля; Ляв, ляв, ляв; Лилею* и т. д.), который в некоторых своих вариантах близок к корню *vel²²» [Иванов, Топоров 1975: 60].

▪ **Зюзя.** Яркий пример кабинетного творения персонажа на языковой основе — божество *Зюзя*. Этот факт удобно рассмотреть после *Леля*, поскольку он тоже имеет фоносимволическую природу: забегая вперед, укажем, что перед нами экспрессивное междометное изображение мороза, превратившееся в имя бога. Остановимся на нем подробнее, потому что он не так известен, как многие другие.

«Обожествление» *Зюзи* встречается как в трудах исследователей XIX в. (П. Древлянского, А. Н. Афанасьева, А. Киркора и др.), так и в последующей традиции, вплоть до современности (несмотря на высказываемую иногда здравую и серьезную критику, ср. наиболее аргументированный разбор в [Левкиевская 2002: 340–344]²³).

Вот цитата из А. Киркора:

В мистериях, рассказываемых во время представлений с козю, важную роль играет бог зимы, Зюзя. Белорусс его хорошо знает. Он сед, с длинною бороною, с босыми ногами, в белой шубе, без шапки, с железною булавою. Чтобы его задобрить, чтобы не был лют, ему оставляют кутьи, а еще чаще хозяин первую ложку кутьи бросает за окно, приговаривая: «мороз, ходзи куцью есьци». Особенно накануне Нового года ему откладывают кутьи в особую миску и оставляют ее на ночь на столе, уверяя, что Зюзя придет «куцьи поесць». Большую часть зимы проводит он в лесу, но иногда посещает и деревни, а каждое его появление предвещает жестокую стужу. Когда Зюзя рассердится, он ударяет своей булавою в пень — и пошли трескучие морозы» [Киркор 1882: 253].

Зюзя как «бог зимы, холода» (или, более скромно, «персонаж мифологии») попал и в некоторые современные исследования по фольклору и мифологии всех трех восточнославянских традиций (особенно белорусской), в том числе в энциклопедии, считающиеся серьезными и фундаментальными [Васілевіч 2005b; Зайкоўскі, Санько 2011; Войтович 2002: 321; Грушко, Медведев 1995: 53–55²⁴], и др. Более того, Зюзя активно

²² Ср. также выкладки о происхождении самого имени *Илья*: «...имя Ильи могло восприниматься как результат табуированной трансформации имени, образованного от корня *vel, *vol (ср. *ѣлс* ‘черт’, от *Велес*, с заменой *v* на *j*). Как подтверждение такой возможности можно рассматривать данные, относящиеся к животным мотивам в связи с Ильей, ср.: *На Ильин день скота не выгоняют в поле*, а также поверье, согласно которому в Ильин день гады выходят наружу и их в этот день избивают палками» [Иванов, Топоров 1975: 57].

²³ Мы в целом согласны с Е. Е. Левкиевской, но обращаемся снова к этому вопросу, чтобы изложить дополнительную лингвистическую аргументацию.

²⁴ Труд Грушко и Медведева, к сожалению, рекомендован в качестве учебного пособия для средних школ и высших учебных заведений.

«опредмечивается»: его рисуют художники, ему (в «ипостаси» Зюзи Поозерского) построили резиденцию, куда возят экскурсии²⁵, и т. п.

Мотивация имени видится некоторым авторам «прозрачной» [Зайкоўскі, Санько 2011]: оно связано с такими белорусскими словами, как *зюзець, азызнуць* ‘мерзнуть, замерзать’, а на более глубоком уровне реконструкции соотносится с блр. *Жыж, Жыжа, Жыжаль*²⁶ и лит. *žiūžė* ‘огонь’, в основе которых признак «печения, обжигания», ср. блр. *жыжкі* ‘обжигающий (про огонь, крапиву и т. д.)’. Сравнение *как зюзя*, вероятно, стало связываться с горькими пьяницами из-за подобия их красных носов красному носу Зюзи [Там же].

Эти построения видятся типичным языковым мифом — и вот аргументация.

Рассматривая блр. *зюзя* ‘холод’, авторы [ЭСБМ (3): 354] отмечают, что это слово принадлежит детской речи и может быть объяснено как онома-топия или оформление под детскую фонетику блр. *сююжа* ‘стужа’. Действительно, с момента выхода этого тома ЭСБМ (1985) появилось еще несколько белорусских диалектных словарей, но во всех словарях (и старых, и новых) при интересующих нас словах *зюзя, зюзька, зюзюк, зюзечка* и т. п. ‘мороз, холод’ стоит помета «детское» или «в разговоре с детьми»; иллюстративные контексты весьма однотипны; большинство сводится к инвариантной формулировке запрета «Не ходи на улицу: там холодно (*зюзя*)»²⁷, что можно трактовать как классическое проявление уже обсуждавшейся «семиотической напряженности». Аналогичные примеры отмечаются в русских (юго-западных) и украинских говорах²⁸. При этом изучаемое слово не встречается на месте слов *мороз, холод* и т. п. ни в «бытовых» повествовательных контекстах (**Стояли сильные зюзи; *На следующей неделе обещают зюзю*), ни в текстах фольклорных жанров²⁹. Думается, неслучай-

²⁵ См., например, об экскурсионной программе «В гостях у Зюзи» (URL: https://ekskursii.by/?Dostoprimechatelnosti_Belarusi=17957_V_gostyah_u_Zyuzi).

²⁶ Обозначения огня пишутся авторами с прописной буквы, поскольку они тоже представляются именами персонажа «божественной природы», ср. *Жыжаль, Жыж, Зніч* ‘бог огня’ [Васілевіч 2005а].

²⁷ Ср. брест. «На гульцы мы сёння ны підэм, там страшна зюзя» [Клундук 2010: 64]; «Зюзя на дворэ» [Ляшкевіч 2004: 16]; «Давай будом опранацца, дочэнька, бо на дворэ зюзя» Пашкевіч 2008: 19]; голел. «А на вуліцы зюзя, сыноч» [Анічэнка 1976: 185]; могилев. «Ні чыпай пальцым лёду, ато зюзька ‘тмарозіць»»; «Ня йдзі на двор, там зюзька»; «Зюзюк укуся, ня йдзі з хаты!»; «Ня высувай ручкі, бо зюзюк змарозы!» [Бялькевіч 1970: 212]; минск. «На двор ня йдзі: зюзька» [КСЧ: 123]; минск. «Зюзя маленькаму хлопчыку» [Станкевіч 1989: 473]; без указания места: «Нейдзі на двор, на дворе зюзька, зюзечка» [Носович 1870: 223]; гродн. «Ні ачыняй, дзетачка, дзверы, там зюзя, прастудзісса» [Цыхун 1993: 63]; туров. «Не йдзі босенькі, бо на дворыку зюзя» [ТС (2): 170] и пр.

²⁸ Ср. рус. смол. «На дворе зюзинька, спрячь ручки» [СРНГ (12): 43], курск. «Гулять не пойдём: там зюзя — холодно, мокро» [Хильманович 2017: 112], зап.-брян. «Не йди на двор! Там зюзя» [Расторгуев 1973: 124], укр. полес. «Не» йди, Бориску, в сіни, там з’уз’а, буде“ш кашл’ати» [Аркушин 2000 (1): 195] и др.

²⁹ Разумеется, трудно утверждать это категорично, но нами просмотрены большие массивы восточнославянских фольклорных текстов разных жанров по ключевому слову *зюзя*.

но в процитированной выше энциклопедической статье «Зюзя» осуществлена подмена: приведен контекст со словом *мороз* («Мороз, ходи куцью есьци»), а не *зюзя*. Таким образом, формула запрета «Не ходи на улицу: там зюзя» стала «материнской» речевой конструкцией для названия из-учаемого персонажа.

Что касается звукосимволической мотивации слова, то *зюзю*, как указывает Ж. Колева-Златева, можно вписать в круг созвучных славянских звукосимволических (отчасти звукоподражательных) слов, обозначающих прерывистые движения (дрожь, трепетание, брызги), дрожащие и трепещущие предметы, а также холод, ср. укр. *дю-дя* ‘холод’, болг. диал. *дзе-дз-экам*, *зин-з-икам*, *дзин-дз-икам*, *дзин-дзир-икам* ‘дрожать от холода’, *дзё-дзер* ‘испуг’, *зё-з-на* ‘дрожать от холода’, н.-луж. *dy-d-otaś* ‘трястись, дрожать’ и др. [Колева-Златева 2008: 207]. Сюда можно добавить также польск. *ziziu* ‘детск. холодно’ [Karłowicz et al. (8): 510], рус. курск. *зюка* ‘холодно’ [СРНГ (12): 43], прост. *замерз как цуцик* и пр. Вспоминается, что для изображения состояния дрожи от холода носитель русского языка использует такой игровой прием: он мелко трясет руками, часто произнося «д-д-д» (реже «з-з-з»); носитель белорусского языка, кажется, чаще использует «з-з-з» (к сожалению, такие междометные реакции не фиксируются словарями, поэтому мы можем опираться только на субъективные высказывания говорящих, являющихся носителями языка). Таким образом, свистящие (реже взрывные) звуки, особенно удвоенные, в сочетании с гласными переднего ряда создают образ температурных ощущений через двигательные и звуковые реакции. Сказанное объясняет и другую смысловую доминанту слов на *зюз-* — «жидкостную»: во всех трех восточнославянских языках слова на *зюз-* имеют значения ‘мокрый, вымокший’ (= дрожащий от холодной воды), ‘пьющий’, ‘пьяный’ и т. п. (ср. один из самых известных примеров употребления слов такого рода у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Он отличился, смело в грязь / С коня калмыцкого сваясь, / Как зюзя пьяный, и французам / Достался в плен»).

Есть и моменты, дополняющие нарисованную картину. Так, слова, включающие в свой состав свистящие звуки, в том числе сочетания на *зюз-*, *зю-*, вообще имеют мощный звукоподражательный потенциал, ср. ситуации, когда они используются в звукоизобразительной лексике широкого смыслового диапазона: прост. *сюсюкать*, морд. *зюзюкать* ‘уговаривать кого-то, говорить кому-либо нежности’ [СРГМ (1): 310], томск. *зю-зю* ‘имитация скрежета’ [Гордеева и др. 2006: 355], пск. *зюк* ‘обозначает звук от сильного удара, стук, хлоп’ [ПОС (13): 127], влг. *зюзандать* ‘невнятно говорить’ [СГРС (4): 293], блр. прост. *зюзюкаць*, *зюкаць* ‘разговаривать, болтать’ и пр. О звукоподражательной экспрессии подобных слов говорят и широкие варианты ряды, ср. рус. без указания места *назюзиться*, *назезюлиться*, *назюкатся*, *насуслиться*, *насосаться* ‘напиться допьяна’ [Даль 1903–1909 (2): 1090]. Важно и то, что удвоенные свистящие активно используются в «детском» языке (языке, обращенном к детям) не только в рамках «морозной темы», но и вне ее, ср. рус. петерб. *зюзинька*

‘ласкательное название ребенка’ [СРНГ (12): 43], пск. *зюзюлька* ‘маленькая игрушка’ [Там же], польск. *zizi* ‘звукосочетание в колыбельных’: «Śpij, synku, zizi, w pokoju» [Karłowicz et al. (8): 510] и т. п.³⁰

Итак, *зюзя* имеет фоносимволическую мотивацию (вероятно, из ономастопоэтического 3-3-3, изображающего дрожь от холода) и является типичным словом детской речи. Кабинетная фантазия превращает его в бога зимы, покровителя вьюг и метелей и даже — новый поворот! — в бога пьянства³¹.

* * *

Представленная в этой статье классификация случаев не претендует на полноту: мы описали только несколько примеров из множества. Для нас важнее другое: описанный феномен не является случайным, эксклюзивным, а носит системный характер. Разнообразие примеров — доказательство масштабности изучаемого явления, которое состоит в создании нового, ранее не существовавшего мифологического персонажа на базе языкового знака (чаще всего ономастического) и с использованием ресурсов, уже существующих в системе коллективных представлений. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что разные примеры различаются в плане окказиональности/закономерности: допустим, появление имен «гениев места» (*Коленьга*, *Патромиха* и пр.) представляется более закономерным, чем создание обозначений *Бадя* или *Яитры*. Эта закономерность обусловлена тем, что «гениев места» множество, а, предположим, персонажи на месте «ходящих икон» куда более редки. Но если конкретный персонаж может казаться возникшим окказионально, то при попадании в обширный ряд других «оживающих» явлений он обретает предопределенность. Для возникновения нового персонажа требуется два стимула — собственно языковой (наличие имени, которое ищет себе план содержания) и внеязыковой (семиотически насыщенный контекст: ситуация, связанная с опасностью, запретом, предзнаменованием, агрессией, магическими практиками и пр.). Указанные стимулы нередко комбинируются в культурно-языковой практике, поэтому «перевоспроизведение», постоянное обновление мифологического фонда, живая пульсация того или иного фрагмента религиозно-мифологической системы практически гарантированы, — и языковой знак становится как причиной, так и индикатором этих процессов.

³⁰ Показательно, что в комиксах, мемах и эмодзи, изображающих сон, для передачи его звукового сопровождения рисуют утроенную графему «z».

³¹ Ср.: «Слово *зюзя* в составе сравнения — бывшее имя древнего бога пьянства, который у русских превратился в имя христианского святого *Зосимы*. Возможно, имя *Зосимы* было близко по звучанию к одному из имен этого бога, которых было несколько: *Бубилос*, *Рагута* и др. Значения и форма имен *Зюзя* и *Зосима* затем сместились, но первоначальным смыслом оборота *как зюзя* было “пьян как бог”» [Бирих и др. 2005: 261 (со ссылкой на: Романов В. Словарь своеобразных слов в народном говоре Усъянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии. 1928. Рукопись)].

Особо стоит выделить фактор опасности, сопровождаемой переживанием страха, и — как следствие — наложение запрета на источник опасности, что может сопровождаться его мифологизацией. О мифологизации страха в фольклоре и вообще в традиционной культуре не раз говорилось в литературе (см., к примеру: [Веселова, Мариничева 2010; Лоскутова 2020; Петров, Пулькин 2023; Сапожникова 2008] и др.). К указанным общим факторам в ряде случаев могут добавляться показательные конкретизации, касающиеся разных сторон ситуации номинации. Среди них, к примеру, учет адресата номинации: неслучайно опредмечивание источника опасности нередко встречается в детской речи (вследствие конкретности и образности мышления ребенка причина опасности преподносится ему в персонифицированном виде *Бадя*, *Зюзи* и пр.). Что касается объекта номинации, то и здесь есть свои закономерности. Так, показательно, что из разных метеорологических феноменов чаще опредмечивается мороз: у него наиболее мгновенные и зримые проявления (в том числе антропоморфные «фигуры замерзания»).

Важно то, что при создании персонажей народная языковая фантазия и «элитарная» (кабинетная) идут сходными путями. Разумеется, между ними есть существенное различие, пролегающее в области внеязыковых причин мифотворчества: кабинетная мифология не вдохновляется ситуацией опасности, агрессии и пр.; чаще всего она идеологически ангажирована — скажем, необходимостью воссоздать славянский пантеон богов как одно из проявлений «национальной идеи» в сфере культуры (в качестве примера можно привести описанную нами недавно ситуацию с персонажем по имени *Карачун*, к которому обращались многие представители кабинетной науки на протяжении длительного времени, видя в нем божество [Березович, Сурикова 2023: 223–229]). Более частное различие коренится в области языковой техники: кабинетная мифология не затрагивает «прозрачные» случаи, когда имя реализует продуктивную модель словообразования (*Хемерово* → *Хемеровский*); ее сфера приложения — «темные» факты, требующие реконструкции с гипотетически восстанавливаемыми промежуточными звеньями (*Лель*, *Илия*, *Зюзя*).

Источники

- Аникин 2007 — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1—. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007—.
- Анічэнка 1976 — Анічэнка У. Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства. 1976. Вып. 4. С. 134–272.
- Аркушин 2000 — Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок: У 2 т. Ред.-вид. відд. «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2000.
- Атрошенко и др. 2015 — Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь: этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.
- Бялькевіч 1970 — Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск: [б. и.], 1970.

- Бирих и др. 2005 — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; АСТ Люкс, 2005.
- Болонев и др. 1997 — *Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры* / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск: Наука, 1997.
- Власова 2008 — *Власова М.* Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Гордеева и др. 2006 — *Гордеева О. И., Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В.* Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. Т. 1: А — З. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006.
- Грынблат, Фядосік 1979 — *Выслоўі* / Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата; Рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Навука, 1979.
- Даль 1903–1909 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. / Под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.
- ДСРГСУ — *Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения* / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.
- Жекулина, Розов 1989 — *Обрядовая поэзия* / Сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989.
- Зубова 2016 — *Зубова Ж. А.* Словарь устойчивых сочетаний орловских говоров. Ч. 1. Орел: Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2016.
- Киркор 1882 — *Киркор А.* Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 3. Ч. 2: Белорусское Полесье. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882.
- Клундук 2010 — *Клундук С. С.* Слова да слова — будзе мова: Дыялектны слоўнік в. Фядоры. Брэст: Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, 2010.
- Кравцов, Кулагина 1987 — *Славянский фольклор: Тексты* / Сост. Н. И. Кравцов, А. В. Кулагина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- КСГРС — *картотека «Словаря говоров Русского Севера»* (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- КСЧ — *Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны* / Улаж. М. Шатэрнік; пад рэд. М. Я. Байкова і Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Менск: [б. м.], 1929.
- ЛКТЭ — *лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета* (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Ляшкевіч 2004 — *Ляшкевіч І.* Альпенскі дыялектны слоўнік. Альпень-Берасьце: Бібліятэка Старога Гораду, 2004.
- Македонская б. д. — *Македонская Н. М.* Арсениево-Маслянская Одитриевская мужская пустынь // Православные приходы и монастыри Севера. [Б. д.]. URL: <http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=318>.
- Маскаев и др. 1966 — *Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8 т. Т. 3. Ч. 1: Мокшанские сказки* / Сост., предисл. и примеч. А. И. Маскаева; Под общ. ред. В. Я. Евсеева; Науч. ред. морд. текстов К. Т. Самородов. Саранск: [б. и.], 1966.
- Мокиенко, Никитина 2013 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.
- Носович 1870 — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия: В 2 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1870.

- Пашкевіч 2008 — *Пашкевіч М. І.* Рубельскі лексіка-фразеалагічны слоўнік. Брэст: Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, 2008.
- Петровский 1980 — *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М.: Рус. яз., 1980.
- Подюков 1991 — *Подюков И. А.* Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Редкол.: Б. А. Ларин и др. Вып. 1—4. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та / СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967—.
- Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск: Наука і тэхніка, 1973.
- Савельева, Новикова 2001 — «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...»: Старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент. О. А. Савельевой, Л. Н. Новиковой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1—4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1994—2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: В 2 ч. / Отв. ред. Р. В. Семенкова. СПб.: Наука, 2013.
- СРГЦРКК — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: В 5 т. / Ред. О. В. Фельде (Борхвальдт), С. П. Васильева. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003—2011.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23—42), С. А. Мызников (вып. 43—). М.; Л./СПб.: Наука, 1965—.
- Станкевіч 1989 — *Станкевич Я.* Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь. New York: Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation, 1989.
- СЭСВГ — Сетевой электронный словарь вятских говоров. URL: <https://govori.vyatsu.ru>. [Создан на основе: Тематический словарь вятских говоров / Отв. ред. З. В. Сметанина. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013].
- ТС — Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Уклад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982—1987.
- Хильманович 2017 — *Хильманович Г. И.* Словарь курских народных говоров. Бирск: [б. и.], 2017.
- Цыхун 1993 — *Цыхун А. П.* Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну). Гродна: [Гродз. дзярж. ун-т], 1993.
- ЭМТЭ — этнографические материалы Топонимической экспедиции Уральского университета (хранятся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. Г. А. Цыхун. Т. 1—4. Мінск: Навука і тэхніка, 1978—.
- Karłowicz et al. 1900—1927 — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego: 8 t. Warszawa: Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900—1927.

Литература

- Агапкина 2010 — *Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.
- Белова 1999 — *Белова О. В.* Илья св. // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 405–407.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
- Березович 2023 — *Березович Е. Л.* Мотив восклицания, зова, отклика в топонимии и топонимических преданиях // Живая старина. 2023. № 4. С. 5–9.
- Березович, Рут 2016 — *Березович Е. Л., Рут М. Э.* Заметки на полях экспедиционных блокнотов (Волго-Двинское междуречье) // Финно-угорская мозаика: Сб. ст. к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен / Отв. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Ка-рел. науч. центр РАН, 2016. С. 80–91. (STUDIA NORDICA; 1).
- Березович, Сурикова 2018 — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава проклятий: Категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111. <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042>.
- Березович, Сурикова 2019 — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Названия болезней в русских проклятиях // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова / Под ред. А. Ф. Журавлева, Ф. Б. Успенского. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 2019. С. 110–140. <https://doi.org/10.31168/2658-3372.2019.2.9>.
- Березович, Сурикова 2023 — *Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Кто такой восточнославянский *Карачун*? (Слово, имя, персонаж) // Вопросы ономастики. Т. 20. № 2. 2023. С. 193–246. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.021.
- Бормотова, Малькова 2016 — *Бормотова К. А., Малькова Я. В.* Образы божественной и нечистой силы во фразеологии Вологодско-Костромского пограничья // Живая старина. 2016. № 2. С. 46–48.
- Васілевіч 2005a — *Васілевіч У. А.* Жыжаль // Беларускі фальклор: Энцыкл. / Гл. ред. Г. П. Пашкоў. Мінск: Беларус. энцыклапедыя, 2005. Т. 1. С. 496.
- Васілевіч 2005b — *Васілевіч У. А.* Зюзя // Беларускі фальклор: Энцыкл. / Гл. ред. Г. П. Пашкоў. Мінск: Беларус. энцыклапедыя, 2005. Т. 1. С. 554.
- Веселова, Мариничева 2010 — *Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю.* «Жаба тебе в рот» и «фига в кармане»: фантомы страха в пространстве колдовства // Пространство колдовства / Сост. О. Б. Христофорова; Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2010. С. 156–170.
- Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.
- Войтович 2002 — *Войтович В.* Українська міфологія. Київ: Либідь, 2002.
- Грушко, Медведев 1995 — *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский купец; Братья славяне, 1995.
- Егоров 2018 — *Чувашская мифология: Этнограф. справочник* / Науч. ред. Д. В. Егоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018.
- Журавлев 2000 — *Журавлев А. Ф.* Наивная этимология и «кабинетная мифология» (Из наблюдений над мифологизмом А. Н. Афанасьева) // Этимология. 1997–1999 / Под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М.: Наука, 2000. С. 45–58.
- Журавлев 2005 — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф: Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005.

- Зайкоўскі, Санько 2011 — *Зайкоўскі Э., Санько С.* Зюзя // Мифалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / Навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск: Беларусь, 2011. С. 196.
- Зеленин 1903 — *Зеленин Д.* Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. (Сб. Отд-я рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук; Т. 76. № 2).
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной. М.: Наука, 1991.
- Зубов 1995 — *Зубов Н. И.* Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. 1995. № 3. С. 46–48.
- Иванов, Топоров 1975 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970) / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 44–76.
- Иванова 2021 — *Иванова А. А.* Подблюдные гадания Вятского края: традиция и современность (к вопросу об эвристическом потенциале синхронно-функционального метода П. Г. Богатырева) // Наука о фольклоре в XX веке: Традиция и метод: материалы науч. чтений, посвящ. 125-летию П. Г. Богатырева / Сост. и науч. ред. С. В. Алпатов, С. П. Сорокина, Л. В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2021. С. 312–328.
- Колева-Златева 2008 — *Колева-Златева Ж.* Славянская лексика звуко-символического происхождения. Дебрецен: DE BTK Szlavisztikai Intézet, 2008.
- Кондратьева 1983 — *Кондратьева Т. Н.* Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983.
- Левкиевская 2002 — *Левкиевская Е. Е.* Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подгот. А. Л. Топорков и др. М.: Науч. изд. центр «Ладомир», 2002. С. 311–351.
- Лоскутова 2020 — *Лоскутова Д. Н.* Испуг в традиционных представлениях крестьян Тамбовской области // Живая старина. 2020. № 4. С. 27–31.
- Матвеев 2001 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Меркулова 1969 — *Меркулова В. А.* Народные названия болезней — I (на материале русского языка) // Этимология. 1967 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1969. С. 158–172.
- Меркулова 1972 — *Меркулова В. А.* Народные названия болезней — II (на материале русского языка) // Этимология. 1970 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1972. С. 143–205.
- Мороз 2007 — *Мороз А. Б.* Народный календарь и квазиагиография // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 59–66.
- Мюллер 2022 — *Мюллер Ф. М.* Введение в науку о религии: четыре лекции, прочитанные в Королевском институте в феврале-марте 1870 года / Пер. с англ. и примеч. Е. С. Элбакян; Под общ. ред. А. Н. Красникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2022.
- Напольских 2018 — *Напольских В. В.* Очерки по этнической истории. 2-е изд. Казань: Издат. дом. «Казанская недвижимость», 2018.
- Напольских 2019 — *Напольских В. В.* Календарные обряды и обрядовая терминология красноуфимских удмуртов // Linguistica Uralica. Vol. 55. No. 2. 2019. P. 139–151. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2019.2.05>.

- Петров, Пулькин 2023 — *Петров А. М., Пулькин М. В.* Страх в фольклоре: источники, общественная роль, способы преодоления // Традиционная культура. Т. 24. № 3. 2023. С. 77–89. <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.3.006>.
- Потебня 1883 — *Потебня А. А.* Объяснение малорусских и сродных народных песен. Т. 1. Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1883.
- Раденковић 1999 — *Раденковић Љ.* Припеви «ладо» и «лељо» у народним песмама источне и јужне Србије // Етно-културолошки зборник. Књ. 5. 1999. С. 1–6.
- Родионова 2000 — *Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.
- Рыбаков 2013 — *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Академ. проект, 2013.
- Сапожникова 2008 — *Сапожникова И. В.* К вопросу о сущности страха в мифологическом мышлении // Известия Российского государственного педагогического университета. № 78. 2008. С. 12–19.
- Сатыренко 1995 — *Сатыренко А. С.* Подблюдные гадания в Вятском крае (По материалам фольклорных экспедиций МГУ) // Живая старина. 1995. № 2. С. 56–57.
- Сатыренко 2017 — *Сатыренко А. С.* Поэтика подблюдных гаданий. М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2017.
- Седакова 2008 — *Седакова И. А.* Страдания св. Недели в народных балладах болгар и македонцев: этнолингвистика и фольклорная поэтика // Этнолингвистика проучавања српског и других словенских језика: У част академика Светлане Толстој / Уред. П. Пипер, Љ. Раденковић. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 375–384.
- Сумцов 1881 — *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков: Тип. И. В. Попова, 1881.
- Тайлор 1989 — *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура / Пер. с англ. Д. А. Коропчевского. М.: Политиздат, 1989.
- Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Аллилуйя // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 100–102.
- Толстой 2022 — *Н. Т. [Толстой Н. И.].* Лихорадки // Славянская мифология: Энцикл. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. 2-е изд., испр. и доп. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 284.
- Топорков 2019 — *Топорков А. Л.* Кабинетная мифология // Славянская мифология: Энцикл. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. 2-е изд., испр. и доп. М.: Междунар. отношения, 2019. С. 214.
- Фаминцын 1884 — *Фаминцын А. С.* Божества древних славян. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1884.
- Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
- Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
- Юдин 1997 — *Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М.: [МОНФ], 1997.
- Юдин 2001 — *Юдин А. В.* Персонифицированные болезни и способы борьбы с ними в народной культуре восточных славян // Studia Litteraria Polono-Slavica. Vol. 6. 2001. S. 75–85.

Ясинская 2003 — Ясинская М. В. «Варвара варит, Герман гремит»: народно-этимологическая интерпретация имен святых // Живая старина. 2003. № 3. С. 5–7.

Harva 1952 — Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1952.

References

- Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [East Slavic healing charms in a comparative aspect: Their plots and image of the world]. Indrik. (In Russian).
- Belova, O. V. (1999). *Il'ia sv.* [St. Elijah]. In N. I. Tolstoy (Ed.). *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* (Vol. 2, pp. 405–407). Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and traditional culture: Studies in ethnolinguistics]. Indrik. (In Russian).
- Berezovich, E. L. (2023). Motiv vosklitsaniia, zova, otklika v toponimii i toponimicheskikh predaniiakh [The motif of exclamation, summoning, and responding to a summons in toponymy and toponymic legends]. *Zhivaia starina*, 2023(4), 5–9. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Rut, M. E. (2016). Zametki na poliakh ekspeditsionnykh bloknotov (Volgo-Dvinskoe mezhdurech'e) [On the margins of expedition notebooks (the Volga-Dvina interfluvium)]. In O. P. Ilukha (Ed.). *Finno-ugorskaia mozaika: Sbornik statei k iubileiu Irmu Ivanovny Mullonen* (pp. 80–91). Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2018). K rekonstruktsii leksicheskogo sostava prokلياتi: Kategorii aktora i osobennosti ee realizatsii v tekstakh (na materiale russkikh narodnykh govorov) [Reconstructing the lexicon of imprecations: The category of actor and peculiarities of its textual implementation (with special reference to Russian dialectal vocabulary)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2018(3), 89–111. <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042>. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2019). Nazvaniia boleznei v russkikh prokلياتiakh [Names of diseases in Russian imprecations]. In A. F. Zhuravlev, & F. B. Uspenskij (Eds.). *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Slavistika. Indoevropistika. Kul'turologiia: K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Vladimira Nikolaevicha Toporova* (pp. 110–140). [Institut slavianovedeniia RAN]. <https://doi.org/10.31168/2658-3372.2019.2.9>. (In Russian).
- Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2023). Kto takoi vostochnoslavianskii Karachun? (Slovo, imia, personazh) [Who is the East Slavic Karachun? (Word, name, character)]. *Voprosy onomastiki*, 20(2), 193–246. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.021. (In Russian).
- Bormotova, K. A., & Mal'kova, Ia. V. (2016). Obrazy bozhestvennoi i nechistoi sily vo frazeologii Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ia [The images of divine and evil powers in the phraseology of the Vologda-Kostroma border]. *Zhivaia starina*, 2016(2), 46–48. (In Russian).
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa* [The mythological vocabulary of the Russian North]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
- Cherepanova, O. A. (Ed.). (1996). *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa* [Mythological tales and legends of the Russian North]. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Egorov, D. V. (Ed.). (2018). *Chuvashskaia mifologiia: Etnograficheskii spravochnik* [Chuvash mythology: An ethnographic reference work]. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

- Famintsyn, A. S. (1884). *Bozhestva drevnikh slavian* [The deities of the ancient Slavic peoples]. Tipografiia E. Arngol'da. (In Russian).
- Grushko, E. A., & Medvedev, Iu. M. (1995). *Slovar' slavianskoi mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Russkii kupets; Brat'ia slaviane. (In Russian).
- Harva, U. (1952). *Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen*. Suomalainen Tiedeakatemia.
- Ivanov, Viach. Vs., & Toporov, V. N. (1975). Invariant i transformatsii v mifologicheskikh i fol'klornykh tekstakh [The invariant and transformations in mythological and folklore texts]. In E. M. Meletinskii, & S. Yu. Nekliudov (Eds.). *Tipologicheskie issledovaniia po fol'kloru: Sbornik statei pamiati Vladimira Iakovlevicha Proppa (1895–1970)* (pp. 44–76). Nauka. (In Russian).
- Ivanova, A. A. (2021). Podbliudnye gadaniia Viatskogo kraia: traditsiia i sovremennost' (k voprosu ob evristicheskom potentsiale sinkhronno-funktsional'nogo metoda P. G. Bogatyreva) [Christmas fortunetelling in the Viatka Region: Tradition and modernity (more on the heuristic potential of P. G. Bogatyrev's synchronic-functional method)]. In S. V. Alpatov, S. P. Sorokina, & L. V. Fadeeva (Eds.). *Nauka o fol'klоре v XX veke: Traditsiia i metod: materialy nauch. chtenii, posviashch. 125-letiiu P. G. Bogatyreva* (pp. 312–328). Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russian).
- Koleva-Zlateva, Zh. (2008). *Slavianskaia leksika zvukosimvolicheskogo proiskhozhdeniia* [Slavic vocabulary originating from sound symbolism]. DE BTK Szlavisztikai Intézet. (In Russian).
- Kondrat'eva, T. N. (1983). *Metamorfozy sobstvennogo imeni: Opyt slovaria* [Metamorphoses of the proper noun: Compiling a dictionary]. Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian).
- Levkievskaiia, E. E. (2002). Mekhanizmy sozdaniia mifologicheskikh fantomov v “Belorusskikh narodnykh predaniakh” P. Drevlianskogo [The mechanisms of creating mythological phantoms in P. Drevliansky's “Belorussian Folk Legends”]. In A. L. Toporkov et al. (Eds.). *Rukopisi, kotorykh ne bylo: Poddelki v oblasti slavianskogo fol'klora* (pp. 311–351). Nauchno-izdatel'ski tsentr “Ladomir”. (In Russian).
- Loskutova, D. N. (2020). Ispug v traditsionnykh predstavleniiakh krest'ian Tambovskoi oblasti [Fright in the traditional ideas of peasants in the Tambov Region]. *Zhivaia starina*, 2020(4), 27–31. (In Russian).
- Matveev, A. K. (2001). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North] (Pt. 1). Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).
- Merkulova, V. A. (1969). Narodnye nazvaniia boleznei — I (na materiale russkogo iazyka) [Folk names of illnesses — I (based on the Russian linguistic material)]. In O. N. Trubachev (Ed.). *Etimologiya. 1967* (pp. 158–172). Nauka. (In Russian).
- Merkulova, V. A. (1972). Narodnye nazvaniia boleznei — II (na materiale russkogo iazyka) [Folk names of illnesses — II (based on the Russian linguistic material)]. In O. N. Trubachev (Ed.). *Etimologiya. 1970* (pp. 143–205). Nauka. (In Russian).
- Moroz, A. B. (2007). Narodnyi kalendar' i kvaziagiografiia [Folk calendar and quasi-hagiography]. *Voprosy onomastiki*, 2007(4), 59–66. (In Russian).
- Müller, F. M. (1882). *Introduction to the science of religion: Four lectures delivered at the Royal Institution in February and May, 1870*. Longmans; Green.
- Napol'skikh, V. V. (2018). *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Sketches on ethnic history] (2nd ed.). Izdatel'skii dom “Kazanskaia nedvizhimost'”. (In Russian).
- Napol'skikh, V. V. (2019). Kalendarnye obriady i obriadovaia terminologiya krasnoufimskikh udmurtov [Calendar rites and the respective terminology of Krasnoufimsk Udmurts]. *Linguistica Uralica*, 55(2). 139–151. <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2019.2.05> (In Russian).
- Petrov, A. M., & Pulkin, M. V. (2023). Strakh v fol'klоре: istochniki, obshchestvennaia rol', sposoby preodoleniia [Fear in folklore: Sources, social function, ways it is overcome].

- Traditsionnaia kul'tura*, 24(3), 77–89. <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.006>. (In Russian).
- Potebnia, A. A. (1883). *Ob"iasnenie malorusskikh i srodnykh narodnykh pesen* [Explaining folk songs of Little Russia and cognate folk songs] (Vol. 1). Tipografiia M. Zemkevicha i V. Noakovskogo. (In Russian).
- Radenković, Lj. (1999). Pripevi “lado” i “leljo” u narodnim pesmama istočne i južne Srbije [Refrains *lado* and *le'lo* in the folk songs of East and South Serbia]. *Etno-kulturološki zbornik*, 5, 1–6. (In Serbian).
- Rodionova, I. V. (2000). *Imena bibleisko-khristianskoi traditsii v russkikh narodnykh govorakh* [Names from the Biblical and Christian tradition in Russian folk dialects] (Dr. Sci. (Philology), Ural State University). (In Russian).
- Rybakov, B. A. (2013). *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism among the Ancient Slavic peoples]. Akademicheskii proekt. (In Russian).
- Sapozhnikova, I. (2008). K voprosu o sushchnosti strakha v mifologicheskom myshlenii [Essence of the image of fear in primitive mentality]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 78, 12–19. (In Russian).
- Satyrenko, A. S. (1995). Podbliudnye gadaniia v Viatskom krae (Po materialam fol'klornykh ekspeditsii MGU) [Christmas fortunetelling in the Vyatka Region (based on the materials collected by the MSU folklore expedition)]. *Zhivaia starina*, 1995(2), 56–57. (In Russian).
- Satyrenko, A. S. (2017). *Poetika podbliudnykh gadanii* [The poetics of Christmas fortunetelling]. Institut obshchegumanitarnykh issledovani. (In Russian).
- Sedakova, I. A. (2008). Stradaniiia sv. Nedeli v narodnykh balladakh bolgar i makedontsev: etnolingvistika i fol'klornaia poetika [St. Nedelya's sufferings in the Bulgarian and Macedonian folk ballads: Ethnolinguistics and folklore poetics]. In P. Piper, & Lj. Radenković (Eds.). *Etnolingvistička proučavanja srpskog i drugih slovenskih jezika: U čast akademika Svetlane Tolstoj* (pp. 375–384). SANU, Odeljenje jezika i književnosti. (In Russian).
- Sumtsov, N. F. (1881). *O svadebnykh obriadakh, preimushchestvenno russkikh* [On wedding rites, mostly Russian]. Tipografiia I. V. Popova. (In Russian).
- Tolstaia, S. M. (2005). *Poleskii narodnyi kalendar'* [The Polesia folk calendar]. Indrik. (In Russian).
- Tolstoy, N. I. (1995). Alliluiia [Alleluiah]. In N. I. Tolstoy (Ed.). *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* (Vol. 1, pp. 100–102). Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).
- Tolstoy, N. I. (2022). Likhoradki [Fever]. In S. M. Tolstaia (Ed.). *Slavianskaia mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* (p. 284) (2nd ed., enl. and augm.). Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).
- Toporkov, A. L. (2019). Kabinetnaia mifologiya [Armchair mythology]. In S. M. Tolstaia (Ed.). *Slavianskaia mifologiya: entsiklopedicheskii slovar'* (2nd ed., p. 214). Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).
- Tylor, E. B. (1871). *Primitive culture*. Murray.
- Vasilevich, U. A. (2005a). Zhyzhal' [Zhyzhal']. In G. P. Pashkou (Ed.), *Belaruski fal'klor: Entsylapediia* (Vol. 1, p. 496). Belarускаia entsyklapedyia. (In Belarusian).
- Vasilevich, U. A. (2005b). Ziuzia [Ziuzia]. In G. P. Pashkou (Ed.), *Belaruski fal'klor: Entsylapediia* (Vol. 1, p. 554). Belarускаia entsyklapedyia. (In Belarusian).
- Veselova, I. S., & Marinicheva, Iu. Iu. (2010). “Zhaba tebe v rot” i “figa v karmane”: fantomy strakha v prostranstve koldovstva [“A toad in your mouth” and “a fig in one's pocket”: Phantoms of fear in the magic space]. In O. B. Khristoforova, & S. Yu. Nekliudov (Eds.). *Prostranstvo koldovstva* (pp. 156–170). RGGU. (In Russian).

- Vinogradova, L. N. (2000). *Narodnaia demonologii i mifo-ritual'naia traditsiia slavian* [Folk demonology and mythological ritual tradition of the Slavic peoples]. Indrik. (In Russian).
- Voitovich, V. (2002). *Ukraïns'ka mifologii* [Ukrainian mythology]. Lybid'. (In Ukrainian).
- Yasinskaya, M. V. (2003). "Varvara varit, German gremit": narodno-etimologicheskaia interpretatsiia imen sviatykh ["Varvara brews, German rattles": The interpretation of the saints' names in folk etymology]. *Zhivaia starina*, 2003(3), 5–7. (In Russian).
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov: Imena sobstvennye v russkom magicheskoi fol'klore* [The onomasticon of the Russian charms: Proper names in Russian magic folklore]. [MONF]. (In Russian).
- Yudin, A. V. (2001). Personifitsirovannye bolezni i sposoby bor'by s nimi v narodnoi kul'ture vostochnykh slavian [Personified illnesses and ways to heal them in the East Slavic peoples' folk culture]. *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6, 75–85. (In Russian).
- Zaikoŭski, E., & San'ko, S. (2011). Ziuzia [Ziuzia]. In T. Valodzina, & S. San'ko (Eds.). *Mifalogiia belarusai: Entsylapedichny sloŭnik*. (p. 196). Belarus'. (In Belarusian).
- Zelenin, D. K. (1903). *Otchet o dialektologicheskoi poezdke v Viatskuiu guberniiu* [A report on a dialectological trip to the Viatka Province]. Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian).
- Zelenin, D. K. (1991). *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [East Slavic ethnography]. Nauka. (In Russian).
- Zhuravlev, A. F. (2000). Naivnaia etimologii i "kabinetnaia mifologii" (Iz nabliudenii nad mifologizmom A. N. Afanas'eva) [Naïve Etymology and "armchair mythology" (based on some observations of A. N. Afanas'ev's mythology)]. In Zh. Zh. Varbot et al. (Eds.). *Etimologii. 1997–1999* (pp. 45–58). Nauka. (In Russian).
- Zhuravlev, A. F. (2005). *Iazyk i mif: Lingvisticheskii kommentarii k trudu A. N. Afanas'eva "Poeticheskie vozreniia slavian na prirodu"* [Language and myth: A linguistic commentary to A. N. Afanas'ev's "Slavic Peoples' Poetic View on Nature"]. Indrik. (In Russian).
- Zubov, N. I. (1995). Nauchnye fantomy slavianskogo Olimpa [Scholarly phantoms of the Slavic Olympus]. *Zhivaia starina*, 1995(3), 46–48. (In Russian).

* * *

Информация об авторах Information about the authors

Елена Львовна Березович

доктор филологических наук, чл.-кор.
РАН

заведующая кафедрой русского
языка, общего языкознания и речевой
коммуникации, филологический
факультет, Уральский федеральный
университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина
Россия, 620000, Екатеринбург, пр-т
Ленина, д. 51

✉ berezovich@yandex.ru

Elena L. Berezovich

Dr. Sci. (Philology), Corresponding
Member of the Russian Academy
of Sciences

Head of the Department of Russian
Language, General Linguistics and
Verbal Communication, Faculty
of Philology, Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. B. Yeltsin
Russia, 620000, Ekaterinburg, Prospekt
Lenina, 51

✉ berezovich@yandex.ru

Олеся Дмитриевна Сурикова

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
топонимическая лаборатория,
кафедра русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации,
филологический факультет,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина*

*Россия, 620000, Екатеринбург,
пр-т Ленина, д. 51*

*научный сотрудник, отдел
диалектологии и лингвогеографии,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 121019, Москва, Волхонка,
д. 18/2*

✉ surok62@mail.ru

Olesya D. Surikova

Cand. Sci. (Philology)

*Senior Researcher, Toponymic Laboratory
of the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal
Communication, Faculty of Philology,
Ural Federal University named after
the First President of Russia B. B. Yeltsin
Russia, 620000, Ekaterinburg, Prospekt
Lenina, 51*

*Research Fellow, Department
of Dialectology and Linguistic Geography,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 121019, Moscow, Volkhonka Str.,
18/2*

✉ surok62@mail.ru

В. А. Коршунков

<https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

✉ vla_kor@mail.ru

*Вятский государственный университет
(Россия, Киров)*

ЛЕСКОВ И ЛАТЫНЬ

Аннотация. В статье отмечен интерес Лескова к русской старине, церковной повседневности и жизни духовенства. Фамилии, характерные для русского духовенства XVIII–XIX вв., часто образовывались от греческих, латинских и церковнославянских терминов. Для Лескова подбор той или иной фамилии персонажу его прозы был весьма важен. В статье рассматриваются некоторые антропонимы из хроники Н. С. Лескова «Соборяне». Предлагается уточненное объяснение происхождения и смысла «искусственных», церковных фамилий, образованных от латинских терминов: *Бенефактов* (*Бенефисов*) и *Препотенский* (*Омнепотенский*). Рассмотрены также эпизоды из «Мелочей архиерейской жизни» (а именно реплики митрополита Киевского Филарета), «На ножках», «Владычный суд» и некоторых других произведений. Обращено внимание, что Лесков был самоучкой («автодидактом»): он поступил в гимназию задолго до масштабного насаждения классического образования, учился плохо и гимназию не окончил, по латыни отличных оценок не имел, в университет не поступил. Делается вывод, что в произведениях Лескова имеются случаи не вполне удовлетворительного понимания латинской лексики и грамматики. Лесков латынью не интересовался и не очень хорошо ее понимал.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Николай Лесков, хроника «Соборяне», духовенство в Российской империи, латинский язык, Россия и античность, образование в России, русские антропонимы, повседневная жизнь

Для цитирования: Коршунков В. А. Лесков и латынь // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 266–285.

Поступило 17 апреля 2024 г.; принято 5 июля 2024 г.

V. A. Korshunkov

<https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

✉ vla_kor@mail.ru

Vyatka State University (Russia, Kirov)

LESKOV AND LATIN

Abstract. In this paper the constant interest of the writer Nikolai Leskov in Russian antiquity, church everyday life, and the life of clergy is noted. Church surnames, characteristic of the Russian clergy in the 18th–19th centuries, were often formed from Greek, Latin, and Church Slavonic terms. The choice of a surname or name for a character of his prose was very important for Leskov: he himself often paid attention to this issue and the heroes of his works talk about it. In modern literary studies, many scholars discuss onomastics in Leskov's texts, but such an aspect as the Latin language (and related classical antiquity) in Leskov's writings is rarely touched upon. This paper deals with anthroponymy of the chronicle *The Cathedral Folk* by Leskov. A more precise explanation of the origin and meaning of the “artificial” ecclesiastical surnames of some characters (Benefaktov, Benefisov, Prepotensky, Omnepotensky) is offered. One episode about Philaret, Metropolitan of Kiev, and his Latin words from Leskov's ‘Trifles from the Life of Archbishops’ is considered. Some episodes of other works by Leskov are also considered (including *At Daggers Drawn* and *Episcopal Justice*). It is noted that Leskov was an “autodidact”: he entered the gymnasium long before the large-scale introduction of classical education in Russia, studied poorly and did not graduate from the gymnasium. He did not have excellent grades in Latin and did not enter the university. It is concluded that there are cases of misunderstanding of Latin vocabulary and grammar in Leskov's works. He was not interested in Latin and had a poor understanding of this language.

Keywords: Russian 19th century literature, Nikolai Leskov, chronicle *The Cathedral Folk*, clergy in the Russian Empire, Latin, Russia and classical antiquity, education in Russia, Russian anthroponymy, everyday life

To cite this article: Korshunkov, V. A. (2024). Leskov and Latin. *Shagi / Steps*, 10(3), 266–285. (In Russian).

Received April 17, 2023; accepted July 5, 2024

Проблематика

Николай Семенович Лесков в последние десятилетия представляется все более значимым писателем — признанным русским классиком (в прежнее время «прозёванным» литературоведами). Теперь он ставится в один ряд с самыми крупными мастерами отечественной литературы.

Отец Лескова был выходцем из духовного сословия и окончил семинарию. Сам Лесков постоянно интересовался жизнью духовенства и немало об этом написал [Łukaszewicz 2019]. Его творчество будоражило церковную общественность, вызывая разнообразные и зачастую противоположные отклики. Многие видели в нем проповедника тех или иных религиозных идей, противника либо помощника Церкви [Данилова 2009]. В персонаже его романа «Некуда» (1864) Розанове усматривают автобиографические черты (см., например: [Семенов 1981: 42; Горелов 1987: 124; Кучерская 2021: 208–212, 220–221]), а фамилия *Розанов* — типичная священническая [Унбегаун 1989: 175]. Хотя Лесков, будучи дворянином, не принадлежал к духовному сословию, «но в облике его и круге интересов все-таки жили неистребимые поповские черты» [Кучерская 2021: 6, см. также: 458].

Характерной чертой русского духовенства XVIII–XIX вв. было знание классических языков — древнегреческого и латыни. Это основные языки христианского богослужения. Их, наряду с церковнославянским, основательно изучали в духовных училищах, семинариях и академиях¹. Французский, а также немецкий, иногда итальянский и английский в тогдашней России были важной частью аристократической и чиновничьей образованности. Латынь являлась прибавкой желательной, но необязательной. В противовес этому знанием латыни (как и греческого) могла гордиться по крайней мере часть духовенства, наиболее образованная, которая воспринимала классическое образование как своего рода корпоративный признак [Коршунков 2023b].

Прежде всего здесь будет обращено внимание на «искусственные» фамилии некоторых героев хроники Лескова «Соборяне», а конкретно — на те из них, которые произведены от латинских терминов. Кроме того, будут проанализированы эпизоды из «Мелочей архиерейской жизни», романа «На ножах», рассказа «Владычный суд» и других произведений.

В современном литературоведении ономастикой в текстах Лескова интересуются многие ученые (хотя и считается, что имена собственные в произведениях других известных писателей того времени изучены лучше [Фомин 2004: 116]). Что же до латинского языка и неразрывно связанной с ним классической древности, то эти аспекты затрагиваются редко. В справочной книге «Древние языки в русской исторической прозе XIX

¹ О значении классических языков и античности в Российской империи см.: [Wes 1992; Кнабе 2000; Фролов 2006; Позднев 2022]. О роли древнегреческого и латинского языков в жизни российских священнослужителей см.: [Коршунков 2022: 334–401].

века» [Сорочан, Варзонин 2013] среди нескольких десятков авторов Лескова нет — очевидно, потому, что отнесение некоторых его произведений к исторической прозе может вызвать вопросы. Но и в подготовленной под руководством тех же филологов коллективной монографии «Древние языки в русской литературе XIX века» [Варзонин, Сорочан 2015] его нет тоже. А рассмотрение «античных мотивов» у Лескова сводится к анализу сюжетов раннехристианских легенд, которые он перерабатывал [Столярова, Успенская 1999], более же общая постановка вопроса об отношении Лескова к античности обычно не касается того, насколько он владел латинским языком и мог его использовать [Шелаева 2006; Кучерская 2012]. Притом М. А. Кучерская полагала, что гимназическое обучение повлияло на интерес Лескова к античности: «Представляется, что именно это “неоконченное, среднее” образование Лескова определило его отношения с античностью на долгие годы...», ведь он «изучал древние языки и читал античных классиков в оригинале» [Кучерская 2012] (хотя древнегреческий он там, кажется, не проходил). В своем обстоятельном жизнеописании Лескова Кучерская высказывала предположение, что «как раз с латынью дела у Николая обстояли не так уж плохо»: поначалу ему ставили «четверки», потом «тройки», но даже такое на фоне имевшихся «единиц» и «двоек» по другим предметам выглядело прилично [Кучерская 2021: 142]. Да, «кол» по алгебре и «пара» по немецкому — это провал (недаром Лесков становился второгодником!), но следует ли из этого, что в языке, не менее трудном, чем немецкий, он разбирался хорошо?.. В его цикле рассказов-анекдотов «Заметки неизвестного» (1884) речь идет о церковной среде. «Замечательно, однако, что при избытке церковно-славянской [sic!] лексики здесь практически отсутствуют латинские слова и выражения...», и это потому, что не бурсацким жаргоном или семинарской латынью прикрыта духовная пустота, а благочестиво звучащими славянизмами [Кучерская, Лифшиц 2020: 197, 206]. Мудреными латинизмами тоже можно что угодно прикрыть, если латынью манипулировать умело. Если владеть ею по-настоящему.

Изучая и комментируя фамилии персонажей и латинские цитаты у Лескова, придется указать на не вполне верное восприятие им латинских лексики и грамматики. Это позволит уточнить уровень усвоения Лесковым латыни как важнейшей составной части гуманитарной образованности и выяснить, до какой степени он мог ее понимать, толковать и насколько свободно в ней ориентировался.

Соборяне

Фамилия писателя, происходившая, как он сам помнил, от села Лески Орловской губернии [Лесков 1958а: 7–8]² (сейчас — в Навлинском районе Брянской области), встречается среди духовенства. Иной раз церковное начальство переименовывало ее на латинский манер (от существительного

² Ср. похожую фамилию *Кустов* — от топонима *Кусты* (в Осинском уезде Пермской губернии в начале XX в. было две деревни — Кусты и Малые Кусты).

silva ‘лес’), и тогда какой-либо семинарист Лесков или Дубровский преобразался в Сильвина, Сильвинского, Сильванова, Сильвановского [Шереметевский 1908 (2): 254]. Эти *Сильвин*, *Сильвинский* и т. п. — типичные для духовенства «искусственные» фамилии. Впрочем, когда Лесков хотел скрыть свою фамилию, то обычно подписывался вовсе не Сильвинским, а Стебническим (происхождение такого псевдонима не вполне ясно [Кучерская 2021: 138]).

Одно из основных произведений Лескова — хроника «Соборяне» — о духовенстве. Этот текст он готовил долго, с середины 1860-х до 1872 г., и не раз перестраивал. Если бы они были полностью завершены, каждый из них мог бы стать отдельной, самостоятельной книгой.

В центре повествования у Лескова — трое соборян, т. е. священнослужителей из собора в уездном Старгороде: протоиерей Савелий Туберозов, священник Захария Бенефактов, дьякон Ахилла Десницын. И у всех — фамилии «искусственные»: у священников — латинского происхождения, у дьякона — церковнославянского.

Главный герой хроники «Соборяне» — Савелий Туберозов. Обрисовывая своего персонажа, Лесков обращался к «глубинным пластам семейной памяти» [Майорова, Шульга 1997: 31]. Действительно, этот образ православного священнослужителя создавался под впечатлением от предков автора — иереев. По его собственным словам, первоначальный импульс повествованию о Туберозове дали воспоминания о деде-священнике Дмитрие Лескове [Лесков 1958а: 15]³.

Фамилия *Туберозов* — «искусственная», типичная священническая, от названия душистого цветка туберозы (латин. *tuberosa*). Среди русского духовенства XVIII–XIX вв. «цветочные» фамилии были в большом распространении [Унбегаун 1989: 174–175].

Фамилия второго священника — *Бенефактов*. Ее смысл очевиден при переводе с латыни: *bene* ‘хорошо’, ‘благо-’ и *facio* ‘делаю, совершаю’; прочие основные формы: *feci*, *factum*, *facere*. Немало церковных фамилий включало в себя латинский корень *ben/bon* (от этого корня происходит существительное *bonum* ‘добро’ и прилагательное *bonus* ‘хороший, добрый’) либо греческий корень *eu* с тем же значением. Имея в виду соответствующие греческие и латинские слова, церковное руководство могло переводить их на русский или церковнославянский. *Бенефактов* оказы-

³ Впрочем, А. Н. Лесков, сын писателя и его биограф, отмечал значительное различие между литературным протоиереем Туберозовым и реальным человеком — скромным сельским священником Дмитрием Лесковым [Лесков 1984 (1): 47]. Однако мнение того, кто создал этого персонажа, пожалуй, важнее. К тому же суждение сына вряд ли противоположно замечанию отца: от импульса, общего контура повествования до его конечного осуществления было очень далеко. Описывая своего протопопу, Лесков изначально вдохновлялся личностью протопопу Аввакума, но в итоге отсылок к мятежному старообрядцу в хронике почти вовсе не осталось: нет ни упоминания имени, ни цитат из его книги [Серман 1958], и литературоведам приходится выявлять указания на Аввакума разве что по некоторым деталям повествования (см., например: [Столярова 1978: 96–98, 100–101, 103, 118; Кучерская 2021: 300]). Так что в итоге разница между Туберозовым и реальным Дмитрием Лесковым могла стать весьма значительной.

вается в одном ряду с параллельными «искусственными» фамилиями *Евпрактов* и *Добродеев*.

Первоначально же этот персонаж именовался *Бенефисовым* [Майорова, Шульга 1997: 154–155, 159, 210]. В задуманном Лесковым образе пожилого скромного попики не было ничего от шумной театральности, а сама такая фамилия не принадлежит к числу явно церковных, так что последовавшая ее корректировка вполне объяснима. Странно, что Лескову вообще пришла мысль ее использовать.

Слово *бенефис* встречается у Лескова в рассказе «Кадетский монастырь» (1880), где говорилось о «преподавании религиозных предметов» умным и добрым архимандритом: «Эти уроки были наш бенефис — наш праздник» [Лесков 1957b: 344], и рассказе «Совместители» (1884): «...они вдвоем заживут в мире и согласии <...> и возьмут с жизни на свой бенефис прехорошую срывку» (т. е. взятку) [Лесков 1958d: 425]. Еще три примера из текстов Лескова замечены Национальным корпусом русского языка⁴: в романе «На ножах» (1871), очерке «Борьба за преобладание (1820–1840)» (1882) и рассказе «Антука» (1888). В романе Лесков употребил это слово в прямом значении (театральный спектакль) — там речь идет о драме, сочиненной для бенефиса. В остальных четырех случаях — в переносном значении (празднество, устроенное специально для кого-то, в пользу кого-то)⁵. Если понимать бенефис в первую очередь как праздник, а не театральное зрелище, тогда *Бенефисов* становится равнозначным *Праздникову*, а такая фамилия хорошо известна. Но этот персонаж из «Соборян» и не театрален, и не праздничен...

Неужели Лесков счел фамилию *Бенефисов* подходящей для какого-нибудь благонамеренного семинариста и образованной от латинского слова? Именно так судила специалистка по ономастике в хронике «Соборяне» В. В. Вязовская, автор монографии на эту тему, кандидатской диссертации, многих статей и докладов. Она полагала, что это типичная для духовенства фамилия, от латинского существительного, означающего ‘благодаяние’ (правда, в своей книге она приводила не существительное, а однокоренное наречие) [Вязовская 2007: 61–62]. Но *бенефис* в русском языке — слово французского происхождения (*bénéfice*), которое действительно восходит к латинскому *beneficium* ‘благодаяние, милость, услуга’ [Dauzat et al. 1964: 82; Дворецкий 1976: 129; Аникин 2009: 95]. Сам Лесков в одном рассказе из цикла «Заметки неизвестного» (1884) с юмором писал о священнике, который когда-то французский в семинарии преподавал «и еще малость помнил, только произносил французские слова на латыньский штиль, и *ле*, *ля* в разговоре не знал ставить» (здесь и далее курсив автора. — В. К.) [Лесков 1958b: 336]. Если бы «искусственную» фамилию нужно было произвести непосредственно от латинского *beneficium*, то получилось бы: отец Захария *Бенефициев*, но уж никак не *Бенефисов*.

⁴ URL: <https://ruscorpora.ru>.

⁵ Ср. толкование в словаре В. И. Даля: «Зрелище, представление в пользу одного из участвующих» [Даль 1956: 81].

Омнепотенский (Препотенский)

Отрицательный персонаж хроники «Соборяне», противостоявший Туберозову, — учитель Препотенский. В первых вариантах текста он прозывался *Омнепотенским* [Майорова, Шульга 1997]. Этот Омнепотенский (Препотенский) — сын просвирни, отец его — священник, т. е. сам он по происхождению — духовного звания и даже в семинарии выучился. Но в попы не пошел, порвав с религией.

Фамилия *Омнепотенский* сконструирована по образцу церковных. Латинское *omnis* — одно из самых расхожих латинских слов, оно означает ‘весь; всякий’. А второй корень напоминает причастие настоящего времени действительного залога *potens* ‘сильный, могучий’. *Omnipotens* ‘Всемогуший’ — традиционный эпитет Бога. «Вездесущий и всеисполняющий» — так, в соответствии со словами молитвы, назвал Бога протоиерей Туберозов в своих записках — «демикотоновой книге» [Лесков 1957d: 37].

Вот разве что буква *e* в такой фамилии не может появиться — только *и*. Надо: *Омнипотенский*. Соединительная гласная *e* присуща русскому языку: *солнцеворот, птицефабрика, писчебумажный* и т. д. Но не латинскому.

Итак, *Омнепотенский* — от *omnipotens*, сложного слова, т. е. образованного сложением двух корней. В сложных латинских словах из-за специфики ударения и ослабления неударяемых гласных всякая гласная конечного слога первого корня (гласная, которая попадала на стык двух корней), если она была краткой, переходила в краткую *i*. Краткая *i* — «в полном смысле латинская “соединительная гласная”...» [Линдсей 1948: 149]. Даже если первый корень заканчивался согласным, то в сложном слове он получал *i* [Соболевский 2003: 124].

Omnipotens с буквой *i* в сложном слове — типичный пример этого правила латинского словосложения. Могла ли появиться в слове *omnis* буква *e*? Да, но разве что во множественном числе: *omnes* (без *i*, с окончанием *-es*) — это форма именительного и винительного падежей (номинатива и аккузатива) множественного числа, мужского и женского рода. Для словообразования, т. е. для появления слов типа *omnipotens*, такая падежная форма не имеет значения. Однако слово *omnes* (именительный падеж, множественного числа, женского рода, т. е. «все; всякие») запоминали, пожалуй, все студенты, да и многие гимназисты: оно звучит в студенческом гимне «Гаудеамус». Там, посередине текста, среди прочих здравниц возглашается и такая:

Vivant omnes virgines,
Faciles, formosae!
(Да здравствуют все девушки,
Ласковые, красивые!)

Если в памяти засели эти строки, а не правила латинского склонения и словообразования, то тогда и мог появиться нелепый *Омнепотенский* вместо полагавшегося *Омнипотенского*. По подсчетам Томаса Ээкмана, в

произведениях Лескова зарубежные песни упоминаются четыре раза, из них дважды — как раз «Гаудеамус» [Еекман 1986: 297]. В рассказе «Овцебык» (1862) сказано от первого лица:

...меня поучили в гимназии, потом отвезли за шестьсот верст в университетский город, где я выучился петь одну латинскую песню, прочитал кое-что из Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и Бабефа и во всеоружии моих знаний возвратился к своим ларам и пенатам [Лесков 1956: 64].

Эта латинская песня — несомненно, «Гаудеамус», полагал биограф Лескова Хью Маклин [McLean 1977: 43].

В рассказе Лескова «Владычный суд» (1876), где речь шла о хорошо известном ему Киеве 1850-х годов, упоминается городская усадьба польских графов Браницких: «...там в одном из флигелей жил постоянно какой-то “пленипотент” Браницких, тоже, разумеется, “пан”...» [Лесков 1957а: 120]. В комментариях к собранию сочинений указано, что *пленипотент* значит «полный властелин» [Там же: 633]. В другом собрании сочинений комментарий точнее: «(от лат. *plenus* — полный и *potentia* — власть) — полновластный (иронически), т. е. управляющий» [Лесков 1989: 427]. «Полновластный» — это если переводить с латинского, хотя уместнее было бы дать перевод с польского (*plenipotent*): именно в этот язык было заимствовано латинское слово, получившее значение ‘доверенное лицо, уполномоченный’ [Гессен, Стыпула 1980 (2): 48]. Польское *plenipotent* восходит к латинскому *plenipotens* ‘весьма могущественный; могучий, властный’. Важно, что *plenipotens* — сложное слово, такое же по структуре, как *omnipotens*. И в нем на стыке корней — закономерная *i*. В этом случае у Лескова не было шанса ошибиться в соединительной гласной, и понятно почему: в тогдашнем Киеве такой термин воспринимался как полонизм, а не латинизм. Как и большинству киевлян, Лескову польский язык был знаком лучше латинского. Характерно, что в рассказе «Владычный суд» главный персонаж, еврей-переплетчик, постоянно именуется «интролигатором». Это тоже польское слово латинского происхождения (*introligator* ‘переплетчик’), русской речи чуждое [Гессен, Стыпула 1980 (1): 279; ср.: Михельсон 1994: 379].

В итоговом тексте («Соборяне») *Омнепотенский* стал *Препотенским*: появилась латинская приставка *prae-*, несколько сходная по значению с *omnis*: *praeipotens* значит ‘могучий, могущественный’, причем более, чем просто *potens* [Дворецкий 1976: 800]. С другой стороны, эта латинская приставка созвучна славянской *пре-* (да и по смыслу ей соответствует). Изменившись, фамилия отрицательного персонажа зазвучала в контексте русской речи курьезно⁶.

⁶ Это усматривал И. Г. Добродомов: «Фамилия Препотенский — иронический намек на подвижнический труд героев разночинной демократической литературы. <...> Фамилия иронически передает цену усилий, прилагаемых ее носителем в достижении своих целей» [Добродомов 2015: 468–469]. То же суждение приведено в примечании к

Если конструировать «искусственные» фамилии с латинским корнем, означающим могущество, то правильнее было бы и в русском написании сохранять последний звук основы *t*, который проявляется в косвенных падежах: *potens* — *potentis* — *potenti* и т. д. Тогда мог бы возникнуть *Омнипотентский* (*Препотентский*). Известно, однако, что фамилии духовенства в таких случаях образовывались как от основы косвенных падежей латинского или греческого слова, так и от основы именительного падежа (номинатива).

«Автодидакт без образования»

Уже на примере как бы церковной фамилии *Бенефисов* можно было заподозрить, что у Лескова случались трудности с пониманием латыни. Фамилия *Омнепотенский*, составленная вопреки правилам латинского языка, подтверждает такую догадку. Если невразумительный до смешного *Бенефисов* в конце концов превратился под пером Лескова во вполне подходящего *Бенефактова*, то не столь заметный *Омнепотенский* таким и остался.

Как все это можно объяснить? По авторитетному суждению его сына и биографа, Лесков в гимназии г. Орла учился плохо и недоучился, по латыни отличных оценок не имел, в университет не поступил, всю жизнь страдал от этого и называл себя самоучкой [Лесков 1984 (1): 110, 117–118, 121–125]. Сохранившиеся в архиве г. Орла «журналы об успехах и поведении учеников гимназии» в целом подтверждают это [Алексина 2000: 280, 291]. Поступил он в Орловскую гимназию в 1841 г., и уроки латыни у Лескова и его одноклассников проходили задолго до того, как с середины 1860-х годов в гимназиях началось внедрение классического образования (затем, в начале 1870-х, усилившееся). Интересно, что во многом автобиографический герой романа «Некуда» врач Розанов, согласно сюжету, писал диссертацию...

Хью Маклин называл Лескова «автодидактом без образования» (the ineducable autodidact), т. е. самоучкой. Он полагал, что Лесков, подобно пушкинскому Онегину, «знал довольно по-латыни, чтоб эпитафьи разбирать», даже мог как-то применять свои познания, однако древнегреческий язык, по-видимому, не учил вовсе и уж ни в коей мере не был похож на филолога-классика [McLean 1977: 28–29, 565]. Томас Ээкман (вообще-то высоко оценивавший образованность, приобретенную самим Лесковым вне школы) считал, что с античными писателями тот познакомился по русским переводам [Eekman 1986: 296].

Возвращаясь к «Гаудеамусу», можно утверждать: хотя Лесков, в отличие от персонажа рассказа «Овцебык», в университете не обучался, но студенческий гимн, разумеется, знал.

изданию «Соборян» в новом полном собрании сочинений Лескова, где Добродомов был лингвистическим консультантом [Лесков 2021: 641]. Т. Б. Ильинская также видела в этой фамилии отсылку к выражениям вроде «в поте лица своего» [Лесков 2018: 182].

«Избиению нет конца»?

В одном из самых первых рассказов Лескова «Погасшее дело» (затем, в переработанном виде рассказ стал называться «Засуха»), напечатанном в 1862 г., была сценка, когда двое сыновей сельского священника, «семинаристов», поздно вечером твердили уроки. Один

...вырубал: «*Homo improbus aliquando dolenter flagitiorum suorum recordabitur*», а другой залихватно зубрил: «По-латини Номо, человек, сие звучит энергично, твердо, но грубо; а по-французски человек *л'ом* — это мягко, гибко и нежно» [Лесков 1996: 112].

Потом второй стал заучивать «себе на сон грядущий: *батю бато* — бить палкою; *батю бато* — бить палкою; *батю бато* — бить палкою» [Там же]⁷.

М. А. Кучерская верно определила здесь латинский глагол *battuo* или *batuo* (в одной из основных форм, которую тоже требовалось выучить, — *battui* либо *batui*). Две формы этого глагола подряд — *batui*, *batuo* — означают ‘я избил’, ‘я избиваю’. Кучерская рассуждала:

Но в таком порядке спряжения глаголов не учат. Можно, конечно, предположить, что Лесков к тому времени, когда писал рассказ, подзабыл гимназические уроки. Но как раз с латынью дела у Николая обстояли не так уж плохо <...> Если предположить, что латынь Лесков знал прилично, то форма «*батю бато*», то есть «избивал избиваю», использована им в рассказе совершенно сознательно. Смысл <...> прост и печален: избивению нет конца. Человека (*Homo*) в России били и бьют. Для усиления эффекта Лесков не только трижды устами гимназиста повторяет эту формулу, но и добавляет ей выразительности, переводя ее как «бить палкою», хотя в значении глагола *battere* никакой палки нет — это просто «бить». Возможно, повлияло тут и французское «*bâton*» («палка»), но Лескову эта палка необходима... [Кучерская 2021: 141–142].

Так «латынь внезапно оказывается языком описания российского бытия» [Там же: 142].

Предположение, что Лесков хорошо разбирался в латыни и не мог ее подзабыть, — не более чем догадка, вызванная уважением к писателю. Приведенные здесь наблюдения такого не подтверждают.

Вообще же глагол *batuo* встречается нечасто. У него три основные формы, по порядку: *batuo*, *batui*, *batuere*. Если уж бурсаку задали его выучить, то в том доме должно было раздаваться не «*батю бато*» и даже не «*батуи*, *батуо*», а «*батуо*, *батуи*, *батуэрэ*». Вероятно, здесь Лесков и вправду припомнил свои гимназические уроки, а точнее перемены, когда мог звучать этот простенький школьный каламбур. В нем латинское произношение весьма приблизительное и только два из трех необходимых слов, да и те

⁷ Привожу латинскую фразу с исправлением в пятом слове (в оригинале *flagieiorum*).

переставлены. Видимо, школярам уже то было смешно, что говорящий как бы лупит батю (папашу? батюшку-законоучителя?). Если в памяти намертво застревают подростковые словесные шуточки, это не значит, будто ты хорошо учился в гимназии.

Назидательная латинская цитата, которую в этой сценке твердил другой семинарист, — довольно редкая. Она выстроена в форме афоризма на основе фразы из «Речей» Цицерона. В переводе: «Негодный человек когда-нибудь станет сожалеть о своих дурных поступках». Фраза не принадлежит к числу тех расхожих, что у многих на памяти, зато фигурирует в тогдашнем учебном пособии для гимназий [Белюстин 1839: 11]. В рассказе «Пугало» (1885), написанном от первого лица по воспоминаниям детства, Лесков упоминал дьяконского сына Аполлинария Ивановича, бывшего семинариста, который учил мальчика «латинским склонениям и вообще приготавливал к тому, чтобы я мог на следующий год поступить в первый класс орловской гимназии не совершенным дикарем, которого способны удивить латинская грамматика Белюстина и французская — Ломонда» [Лесков 1958с: 23]. Латинская фраза из учебника Белюстина Лескову в память врезалась.

Регла и окоlesiца

В книге М. А. Кучерской разбираются «языческие» обряды, колоритно обрисованные Лесковым в последней части романа «На ножах» (1871): добывание «живого огня» и «опахивание». Она писала: «Одним из самых забавных эпизодов “огничанья” становится камлание... с выкрикиванием абракадабры, стилизованной под заклинание...» [Кучерская 2021: 313]. У Лескова «главарь», раскачиваясь, впадал в «шаманский азарт» и выкликал:

Вертодуб! Вертогор! Трескун! Полоскун! Бодняк! Регла! Авсень! Таусень! Ух, бух, бух, бух! Слышу соломенный дух! Стой, стой! Два супостата, Смерть и Живот, борются и огнем мигают! [Лесков 2004: 703].

В современных комментариях к роману сказано, что тут «стилизация народных призываний-заклинаний, в которой наряду с употребляемыми в народных заклинаниях выкриканиями и именами встречаются сочиненные Лесковым» [Лесков 2004: 893]. Кучерская, ссылаясь на это, расценивала перечень волшебных словес подобным же образом:

Это довольно дикая смесь имен Вертодуба, Вертогора, Трескуна с бодняком⁸ — обрядовым бревном, сжигаемым обычно под Рождество; последнее у Лескова появилось явно по ассоциации с сосновым и липовым бревнами, которые должны вспыхнуть. <...> Скорее всего, сочиняя все это, Лесков отчаянно веселился, осо-

⁸ Этнографы чаще используют иную форму этого слова: *бодняк*.

бенно приставив к Трескуну Полоскуна и вставив не идущую к делу Реглу (вероятно, от латинского *regula*, то есть «правило», «норма»). Утопить «правило» в околесице — очень по-лесковски [Кучерская 2021: 313–314].

Такого рода заклинания, имена «языческих божеств», перечни заповедных и заговорных слов были в большом распространении в литературе XVIII–XIX вв. Чаще всего они составлялись, конструировались, выстраивались (из фрагментов фольклорных текстов различных жанров и неверных прочтений в старых рукописях) самими авторами, не слишком заботившимися об историко-этнографической достоверности своих писаний. И. П. Сахаров (1807–1863) выдавал тексты-абракадабры за «чародейные песни» русалок и «солнцевых дев», «шабашные песни ведьм» и др. [Сахаров 1885b: 98–103]. «Ух, бух, бух, бух! Слышу соломенный дух!» в романе Лескова — это слова русалок, о которых Сахаров писал, что они на Троицкой неделе, в Клепальную субботу «бегают по ржам, бьют в ладоши и распевают: “бух, бух! соломенный дух! меня мати породила не крещену положила”» [Сахаров 1885a: 196]. В известной книге малоизвестного литератора М. М. Забылина такая же, как у Сахарова, реплика русалок дана с указанием: «по мнению малороссов» (и вместо *меня* у него — украинское *мене*) [Забылин 1880: 61] (то же: [Коринфский 1995: 261]). Кажется, современные исследователи невысоко оценивают достоверность этой русалочьей песни. Но даже если полагать, будто литераторам XIX в. удалось записать фольклорный текст, то у Лескова нелепость: при добывании «живого огня» где-то на Орловщине шаманствующий в лесу заклинатель выкрикивает заветные словеса украинских полевых мавок-русалок.

В народных заговорах и вправду приводились выразительные имена двенадцати лихорадок: Трясовица, Огневица, Пухлея, Желтея и т. п. А у Забылина фольклорные наименования этих демонических существ продолжены такой несуразной чередой: «Дида, Лада, Омуга, Утеха, Персанда» [Забылин 1880: 269]⁹.

⁹ Живописуя опахивание и совмещенное с ним добывание «живого огня», Лесков мог опираться на старинный лечебник «Прохладный вертоград», статью И. П. Сахарова «Опахиванье, или изгнание Коровьей Смерти, и несколько слов о Волосе, скотием боге» и на известную книгу А. Н. Афанасьева [Ким 2019: 18–19, 21]. У Афанасьева опахивание предстает поистине языческим действием, в духе «чародейных песен» русалок и «солнцевых дев» [Афанасьев 1994 (1): 565–573], а объяснение ритуала таково: «Как эмблема небесной грозы, побивающей нечистую силу и освобождающей из-под ее власти небесные стада, опахиванье должно прогнать Моровую Язву, преградить ей путь страхом Перуновых ударов» [Там же: 565]. Сахаров сообщал об опахивании также в своих «Сказаниях русского народа», где приводил длинную «опахивательную песню» [Сахаров 1885a: 27–29], которая является конструкцией, созданной им на основе реальных обрядовых песен с добавлением некоторых фрагментов из фольклорных текстов иных жанров, а также из сочинений самого Сахарова [Топорков 2022]. Действие этих эпизодов романа «На ножах», очевидно, происходит на родной и хорошо знакомой Лескову Орловщине. Однако в отличие от двух других уроженцев Орловской губернии — А. А. Фета и И. А. Бунина, изображавших опахивание в достаточной мере достоверно [Коршунков 2023a], Лесков вряд ли припоминал какие-либо собственные впечатления. Он перелагал вычитанное и фантазировал, преувеличивая дремучую архаичность и «язычество». Тем не менее высказывалось суждение о

Столь же достоверна и Регла... Конечно, это не латинское существительное *regula* («брусок, планка; линейка; норма, критерий, правило, принцип» [Дворецкий 1976: 864]). Это именно языческое божество! В летописных источниках наряду с прочими почитавшимися в Киеве князем Владимиром богами упомянут Семаргл (Симаргл), о котором ученые впоследствии много спорили. Древнерусские книжники иногда записывали: «Сем» (вариант: «Сим») и «Регл». О нем (или о них), собственно, ничего не известно, помимо маловразумительных упоминаний в источниках. Некоторые исследователи тоже усматривали тут не единую сущность, а пару божеств (или пару обожествлявшихся персонажей не столь высокого ранга) (см.: [Васильев 1999: 97–200])¹⁰.

В случае с Реглой Лесков имел в виду не латинизм, не регламентацию посреди околесицы, а обломок язычества в народном обряде XIX в. Для него был характерен интерес не столько к античности или западной, латинской образованности, сколько к родной старине.

Божественная наука

Учитывая оплошности Лескова в понимании латыни, придется вернуться к догадке, высказанной мною несколько лет назад. Сейчас ее можно проверить.

В книге очерков Лескова «Мелочи архиерейской жизни» (1878) повествовалось о митрополите Киевском и Галицком Филарете (в миру Ф. Г. Амфитеатрове, 1779–1857). Лесков хорошо знал Киев и его обитателей [Кучерская 2021: 60–82]. Кроме того, Филарет тоже был уроженцем Орловщины, Лесков называл его земляком [Лесков 1957а: 130]. Он не раз становился героем прозы Лескова, который описывал его с самым теплым чувством [Кучерская 2021: 40].

В «Мелочах архиерейской жизни» говорилось, что Филарет, человек высокообразованный, ездил в университет на защиты диссертаций. Правда, на одном юридическом диспуте митрополиту пришлось выслушивать о правах детей, прижитых в браках законных и незаконных. Он был сконфужен: «...я монах, а только и слышу *connubium* да *concubinatum*. Не надо было звать меня» [Лесков 1957с: 458, примеч. 1]. Приблизительное значение двух этих латинских терминов — в законном и незаконном браке. Точнее, так: *connubium* (чаще *conubium*¹¹) — это брак как гражданское

том, что это описание у Лескова не сводится к переложению тогдашних публикаций и потому может иметь этнографическую ценность [Горелов 1988: 197].

¹⁰ Интересно, что более века назад А. Л. Погодин предлагал в начертанных подряд загадочных Семе и Регле видеть греческое словосочетание, где второе слово — искаженное латинское *regulus* ‘царек, правитель’, однокоренное с *regula*. У него выходило, что это не теонимы, а «памятник на могиле правителя» в Херсонесе (Корсун). Экзотическое предположение Погодина не было поддержано (см.: [Фасмер 1996: 622; Васильев 1999: 101]).

¹¹ Согласно данным проекта «Perseus Digital Library» (URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper>), вариант *connubium* в текстах на латыни встречается 13 раз, а вариант *conubium* — 34 раза.

установление; любовная связь [Дворецкий 1976: 257]. А предполагаемое существительное 2-го склонения *concubinatum* обычно не использовалось, вместо него имелось существительное 4-го склонения *concubinatus* ‘внебрачное сожительство, конкубинат’ [Там же: 226]. Форма *concubinatum* у второго из этих терминов допустима, но тогда это винительный падеж (аккузатив), единственного числа. Допустимо думать, что Филарет (в передаче Лескова) поставил оба слова в форму винительного падежа, единственного числа; в этом случае и должно быть окончание *-um*. Но все же это маловероятно: в таких оборотах речи используются слова в именительном падеже. Скорее всего, тут еще одна небольшая оплошность в латыни.

Лесков продолжал:

Впрочем, из всех так называемых «светских» наук мне известно определительное отношение митрополита Филарета только к медицине. Тяжко страдая мочевыми припадками, он беспрестанно нуждался в помощи врача 3-го и, получив облегчение от припадка, говорил со вздохом:

— Медицина — божественная наука [Лесков 1957с: 458, примеч. 1].

Мысль Лескова в этом отрывке перетекает от университетских диссертаций по юриспруденции к иной науке — медицине. Можно предположить, что при этом Лесков переходил от латинских юридических терминов к еще одному латинскому выражению. В старинных университетах на соседних факультетах изучали и теологию, и медицину. Там называли богословие «*divina studia*» — «божественное знание». Про обучение на теологическом факультете говорили: «*divina discere*» («изучать божественное»). Так что «божественной наукой» вообще-то именовали богословие. Вероятно, Филарет имел это в виду, переадресовав высокопарные слова о богословии еще одной почтенной и полезной науке — медицинской.

Иначе говоря, благодарная реплика Филарета о медицине может быть переводом с латинского. По-латыни все три слова звучат рифмованно: «*Medicina — disciplina divina*». Даже если заменить существительное *disciplina* ‘учение, обучение, образование; наука’ на *doctrina* ‘наука; обучение; образованность’ или на *scientia* ‘учение, наука’, даже если добавить на вторую позицию в этой фразе глагол-связку *est* — рифмовка и афористичность сохранятся [Коршунков 2022: 350–352].

В 1828 или 1829 г. Филарет, тогда еще архиепископ Казанский, писал своему старому товарищу, епископу Вятскому Кириллу (впоследствии тот стал архиепископом Подольским): «А при взаимной любви можно легко сносить и случающиеся прискорбия — ибо знаете пословицу — *Sine dolore non vivitur in amore*» [Малов 1876: 39]. Это цитата из трактата Фомы Кемпийского. В переводе К. П. Победоносцева она по-русски звучит так: «...не живет любовь без скорби» [Фома Кемпийский 1993: 124], а если буквально — «Не живется в любви без печали». Она не принадлежит к числу популярных афоризмов. Филарет уместно использовал латинскую фразу

христианского автора XV в., а не какого-либо античного мудреца. И фраза это опять-таки рифмованная.

Но все же латинские афоризмы о божественной науке медицине неизвестны: кажется, они не зафиксированы в источниках и справочной литературе. Возможность того, что Филарет переформулировал по-русски некое латинское рифмованное выражение, существует, но доказательств тому нет — это лишь догадка. И в любом случае автор «Мелочей архиерейской жизни» едва ли имел в виду русскую переделку латинского афоризма. В отличие от киевского митрополита, который должен был из-за своих образования и звания прямо-таки сродниться с латынью, Лесков едва ли впитал классический язык древних римлян и западных христиан настолько глубоко, чтобы, мысля и формулируя по-латински, легко опознавать в русской речи латинизмы-кальки.

Лесков был обращен преимущественно к российскому прошлому. Латынью он не интересовался и не слишком хорошо ее понимал. Вряд ли имеет смысл выискивание у него скрытых латинизмов.

Источники

- Афанасьев 1994 — *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М.: Индрик, 1994.
- Белюстин 1839 — Латинская хрестоматия для средних и высших классов гимназий, из латинских классических авторов, с пояснениями на труднейшие места текста, выбранная Н. Белюстиным ... Ч. 1. Кн. 1: Prosa. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1839.
- Забылин 1880 — Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М.: Изд. книгопродавца М. Березина, 1880.
- Коринфский 1995 — *Коринфский А. А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск: Русич, 1995.
- Лесков 1956 — *Лесков Н. С.* Овцебык // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. С. 31–95.
- Лесков 1957a — *Лесков Н. С.* Владычный суд: Быль (Из недавних воспоминаний) // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 88–145.
- Лесков 1957b — *Лесков Н. С.* Кадетский монастырь // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 315–347.
- Лесков 1957c — *Лесков Н. С.* Мелочи архиерейской жизни // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 398–538.
- Лесков 1957d — *Лесков Н. С.* Соборяне: Хроника // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 5–319.
- Лесков 1958a — *Лесков Н. С.* Автобиографическая заметка // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 7–15.
- Лесков 1958b — *Лесков Н. С.* Заметки неизвестного // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 322–398.
- Лесков 1958c — *Лесков Н. С.* Пугало // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 5–54.
- Лесков 1958d — *Лесков Н. С.* Совместители: Буколическая повесть на исторической основе // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 399–431.

- Лесков 1984 — *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и не-семейным записям и по памятям: В 2 т. М.: Худ. лит., 1984.
- Лесков 1989 — *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1989.
- Лесков 1996 — *Лесков Н. С.* Засуха // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. М.: Терра, 1996. С. 103–120.
- Лесков 2004 — *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Терра — Книжный клуб, 2004.
- Лесков 2018 — *Лесков Н. С.* Соборяне: Хроника: Роман в пяти частях / Ст. и коммент. Т. Б. Ильинской. Кн. 2: Статьи, комментарий. СПб.: Пушкинский Дом, 2018.
- Лесков 2021 — *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. М.: Книжный клуб Книго-век, 2021.
- Малов 1876 — Материалы для истории Русской Церкви: Письма высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского и Галицкого, к Кириллу, архиепископу Подольскому / [Предисл. свящ. Е. Малова]. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1876.
- Сахаров 1885a — Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1885.
- Сахаров 1885b — Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1885.
- Фома Кемпийский 1993 — *Фома Кемпийский.* О подражании Христу / Пер. с лат. К. П. Победоносцева. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1993.
- Шереметевский 1908 — *Шереметевский В.* Фамильные прозвища великорусского духовенства в XVIII и XIX столетиях // Русский архив. 1908. № 1. С. 75–97; № 2. С. 251–273.

Словари

- Аникин 2009 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Гессен, Стыпула 1980 — *Гессен Д., Стыпула Р.* Большой польско-русский словарь: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз.; Варшава: Ведза повшехна, 1980.
- Даль 1956 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных языков, 1956.
- Дворецкий 1976 — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1976.
- Михельсон 1994 — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний. Т. 1. М.: Рус. словари, 1994.
- Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стер. Т. 3. СПб.: Терра — Азбука, 1996.
- Dauzat et al. 1964 — *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris: Librairie Larousse, 1964.

Литература

- Алексина 2000 — *Алексина Р. М.* Новое о детских и юношеских годах Лескова: По материалам орловских архивов // Литературное наследство. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 2 / Отв. ред. К. П. Богаевская и др. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 273–294.
- Варзони́н, Сороча́н 2015 — Древние языки в русской литературе XIX века: Монография / Под ред. Ю. Н. Варзони́на, А. Ю. Сороча́на. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015.

- Васильев 1999 — *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. М.: Индрик, 1999.
- Вязовская 2007 — *Вязовская В. В.* Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне». Воронеж: Науч. кн., 2007.
- Горелов 1987 — *Горелов А. А.* Н. С. Лесков // Русская литература и фольклор (Конец XIX в.) / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1987. С. 57—168.
- Горелов 1988 — *Горелов А. А.* Н. С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988.
- Данилова 2009 — *Данилова Н. Ю.* Творчество Н. С. Лескова в оценке русской церковной критики XIX — начала XX вв. // История и культура. № 7. 2009. С. 210—225.
- Добродомов 2015 — *Добродомов И. Г.* Этимологические экскурсы в филологических дисциплинах // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования / Отв. ред. В. М. Кириллин. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 454—472.
- Ким 2019 — *Ким Ю. Л.* Репрезентация народной религиозности в романе Н. С. Лескова «На ножах»: Выпускная квалификационная работа / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2019. URL: <https://www.hse.ru/ba/philology/students/diplomas/296280110>.
- Кнабе 2000 — *Кнабе Г. С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: [Программа-конспект лекционного курса]. М.: Рос. гос. гума[ни]т. ун-т, 2000.
- Коршунков 2022 — *Коршунков В. А.* Греколатиника: Классика в отражениях. 2-е изд., перераб. М.: Неолит, 2022.
- Коршунков 2023a — *Коршунков В. А.* А. А. Фет, И. А. Бунин и Коровья Смерть: Обряд опахивания в Орловской губернии (этнографические и зооантропологические аспекты) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 3(100). С. 30—33. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-100-3-30-33>.
- Коршунков 2023b — *Коршунков В. А.* Латинская песня в романе И. Т. Калашникова «Камчадалка» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. Т. 20. Вып. 1. С. 140—146. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2023-20-1-140-146>.
- Кучерская 2012 — *Кучерская М.* Школьная классика и высокая античность у Н. С. Лескова // Высшая школа экономики. [2012]. URL: [https://www.hse.ru/data/2012/05/31/1252356199/Лесков и античность.docx](https://www.hse.ru/data/2012/05/31/1252356199/Лесков%20и%20античность.docx).
- Кучерская 2021 — *Кучерская М.* Лесков: Прозёванный гений. 2-е изд., испр. М.: Мол. гвардия, 2021.
- Кучерская, Лифшиц 2020 — *Кучерская М. А., Лифшиц А. Л.* Н. С. Лесков о риторике ханжества: Цикл «Заметки неизвестного» // Slověne. Vol. 9. No. 2. 2020. С. 192—209. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2020.9.2.10>.
- Линдсей 1948 — *Линдсей В. М.* Краткая историческая грамматика латинского языка / Пер. и доп. А. Ф. Петровского. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1948.
- Майорова, Шульга 1997 — *Божедомы: Повесть лет временных.* Рукописная редакция хроники «Соборяне» / Вступ. ст. О. Е. Майоровой; Публ. О. Е. Майоровой, Е. Б. Шульги; Коммент. Е. Б. Шульги // Литературное наследство. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 1 / Отв. ред. К. П. Богаевская и др. М.: Наследие, 1997. С. 21—235.
- Позднев 2022 — *Петр Великий и античность: Рецепция античного наследия в петровскую эпоху* / Под общ. ред. М. М. Позднева. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022.
- Семенов 1981 — *Семенов В.* Николай Лесков: Время и книги. М.: Современник, 1981.

- Серман 1958 — *Серман И. З.* Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14 / Отв. ред. В. И. Малышев. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 404–407.
- Соболевский 2003 — *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и синтаксис. М.: Лист Нью, 2003.
- Сорочан, Варзонин 2013 — Древние языки в русской исторической прозе XIX века: Материалы к справочнику / Сост. А. Ю. Сорочан; [Предисл. Ю. Н. Варзониной]. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2013.
- Столярова 1978 — *Столярова И. В.* В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова). Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978.
- Столярова, Успенская 1999 — *Столярова И. В., Успенская А. В.* Античные мотивы в ранних сочинениях Н. С. Лескова // Взаимосвязи и взаимовлияние русской и европейской литератур: Материалы Междунар. науч. конф., С.-Петербург / Отв. ред. С. И. Богданов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 322–327.
- Топорков 2022 — *Топорков А. Л.* Опыт прочтения одного «парафольклорного» текста из «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова // *Studia Litterarum*. Т. 7. № 3. 2022. С. 298–321. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-298-321>.
- Унбегаун 1989 — *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
- Фомин 2004 — *Фомин А. А.* Литературная ономастика в России: Итоги и перспективы // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 108–120.
- Фролов 2006 — *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Гуманитарная акад., 2006.
- Шелаева 2006 — *Шелаева А. А.* Н. С. Лесков и античность (К вопросу о месте писателя в русской культуре конца XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. Вып. 1. С. 89–99.
- Eekman 1986 — *Eekman Th.* Об источниках и типах стиля Н. С. Лескова // *Revue des études slaves*. Т. 58. Fasc. 3. 1986. P. 293–306. <https://doi.org/10.3406/slave.1986.5556>.
- Łukaszewicz 2019 — *Łukaszewicz M.* «Я не враг церкви, а ее друг... и уверенный православный»: Церковная проблематика в публицистике Николая Лескова. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019.
- McLean 1977 — *McLean H.* Nikolai Leskov: The man and his work. London; Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1977.
- Wes 1992 — *Wes M. A.* Classics in Russia 1700–1855: Between two bronze horsemen. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill, 1992.

References

- Aleksina, R. M. (2000). Novoe o detskikh i iunosheskich godakh Leskova: Po materialam orlovskikh arkhivov [New information about Leskov's childhood and youth: based on materials from the Oryol archives]. In K. P. Bogaevskaia et al. (Eds.). *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 101, Pt., 2, pp. 273–294). IMLI RAN; Nasledie. (In Russian).
- Danilova, N. Iu. (2009). Tvorchestvo N. S. Leskova v otsenke russkoi tserkovnoi kritiki XIX — nachala XX vv. [Leskov's creative work as reviewed in the 19th and early 20th centuries by the Russian church]. *Istoriia i kul'tura*, 7, 210–225. (In Russian).
- Dobrodomov, I. G. (2015). Etimologicheskie ekskursy v filologicheskikh distsiplinakh [Etymological excursions in philological disciplines]. In V. M. Kirillin (Ed.). *Drevniaia Rus': Prostranstvo knizhnogo slova. Istoriko-filologicheskie issledovaniia* (pp. 454–472). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Eekman, Th. (1986). Ob istochnikakh i tipakh stilii N. S. Leskova [About the sources and types of style of N. S. Leskov]. *Revue des études slaves*, 58(3), 293–306. <https://doi.org/10.3406/slave.1986.5556>. (In Russian).

- Fomin, A. A. (2004). Literaturnaia onomastika v Rossii: Itogi i perspektivy [Literary onomastics in Russia: Results and prospects]. *Voprosy onomastiki*, 2024(1), 108–120. (In Russian).
- Frolov, E. D. (2006). *Russkaia nauka ob antichnosti: Istoriograficheskie ocherki* [Russian science of antiquity: historiographical essays]. (2nd ed., corr. and enl.) Humanitarian Academy. Gumanitarnaia akademiia. (In Russian).
- Gorelov, A. A. (1987). N. S. Leskov [N. S. Leskov]. In A. A. Gorelov, (Ed). *Russkaia literatura i fol'klor (Konets XIX v.)* (pp. 57–168). Nauka. (In Russian).
- Gorelov, A. A. (1988). *N. S. Leskov i narodnaia kul'tura* [N. S. Leskov and folk culture]. Nauka. (In Russian).
- Kim, Iu. L. (2019). *Reprezentatsiia narodnoi religioznosti v romane N. S. Leskova "Na nozhakh"* [Representation of folk religiosity in the novel by N. S. Leskov "At Daggers Drawn"] (Graduation qualification work, National Research University Higher School of Economics). <https://www.hse.ru/ba/philology/students/diplomas/296280110>. (In Russian).
- Knabe, G. S. (2000). *Russkaia antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediiia v kul'ture Rossii* [Russian antiquity: Content, role and fate of the ancient heritage in the culture of Russia]. Rossiisk. gos. guma[ni]t. un-t. (In Russian).
- Korshunkov, V. A. (2022). *Grekolatinika: Klassika v otrazheniiakh* [Graecolatinica: The classics as reflected in Russian and Western culture] (2nd ed., rev.). Neolit. (In Russian).
- Korshunkov, V. A. (2023a). A. A. Fet, I. A. Bunin i Korov'ia Smert': Obriadi opakhivaniia v Orlovskoi gubernii (Etnograficheskie i zooantropologicheskie aspekty) [Afanasy Fet, Ivan Bunin, and the Cow Death: The ploughing rite in the Oryol province (Ethnographic and zooanthropological aspects)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023(3, no. 100), 30–33. <https://doi.org/10.33979/1998-2720-2023-100-3-30-33>. (In Russian).
- Korshunkov, V. A. (2023b). Latinskaiia pesnia v romane I. T. Kalashnikova "Kamchadalka" [Latin song in the novel "Kamchadalka" by I. T. Kalashnikov]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 20(1), 140–146. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2023-20-1-140-146>. (In Russian).
- Kucherskaia, M. (2012). Shkol'naia klassika i vysokaia antichnost' u N. S. Leskova [School classics and high classical antiquity by N. S. Leskov]. *Vysshaia shkola ekonomiki*. [https://www.hse.ru/data/2012/05/31/1252356199/Лесков и античность.docx](https://www.hse.ru/data/2012/05/31/1252356199/Лесков%20и%20античность.docx). (In Russian).
- Kucherskaia, M. (2021). *Leskov: Prozevannyi genii* [Leskov: Overlooked genius] (2nd ed., rev.). Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Kucherskaya, M. A., & Lifshits, A. L. (2020). N. S. Leskov o ritorike khazhestva: Tsikl "Zametki neizvestnogo" [N. A. Leskov on sanctimonious rhetoric: *The Notes of the Unknown Series*], *Slověne*, 9(2), 192–209. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2020.9.2.10>. (In Russian).
- Lindsay, W. M. (1915). *A short historical Latin grammar*. Clarendon Press.
- Łukaszewicz, M. (2019). "Ja ne vrag tserkvi, a ee drug... i uverennyi pravoslavnyi": Tserkovnaia problematika v publitsistike Nikolaia Leskova ["I am not an enemy of the church, but its friend... and a confident Orthodox Christian": Church issues in the journalism of Nikolai Leskov]. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. (In Russian).
- Maierova, O. E., & Shul'ga, E. B. (Intro., Publ., Notes) (1997). Bozhedomu: Povest' let vremennykh. Rukopisnaia redaktsiia khroniki "Soboriane" [Bozhedomu: A Tale of Bygone Years. Manuscript redaction of the chronicle "The Cathedral Folk"]. In K. P. Bogaevskaia et al. (Eds.). *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 101, Pt. 1, pp. 21–235). Nasledie. (In Russian).
- McLean, H. (1977). *Nikolai Leskov: The man and his art*. Harvard Univ. Press.
- Pozdnev, M. M. (Ed.) (2022). *Petr Velikii i antichnost': Retseptsii antichnogo naslediiia v petrovskuiu epokhu* [Peter the Great and antiquity: Reception of the ancient heritage in the era of Peter the Great]. Izdatel'sko-poligraficheskaiia assotsiatsiia vysshikh uchebnykh zavedenii. (In Russian).

- Semenov, V. (1981). *Nikolai Leskov: Vremia i knigi* [Nikolai Leskov: Time and books]. Sovremennik. (In Russian).
- Serman, I. Z. (1958). Protopop Avvakum v tvorchestve N. S. Leskova [Archpriest Avvakum in the works of N. S. Leskov]. In V. I. Malyshev (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 14, pp. 404–407). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Shelaeva, A. A. (2006). N. S. Leskov i antichnost' (*K voprosu o meste pisatel'ia v russkoi kul'ture kontsa XIX v.*) [N. S. Leskov and classical antiquity (On the question of the writer's place in Russian culture of the late 19th century)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii*, 2006(1), 89–99. (In Russian).
- Sobolevskii, S. I. (2003). *Grammatika latinskogo iazyka. Teoreticheskaia chast': Morfologiia i sintaksis* [Latin grammar. Theoretical part: Morphology and syntax]. List N'iu. (In Russian).
- Sorochan, A. Iu. (Ed.), & Iu. N. Varzonin (Intro.) (2013). *Drevnie iazyki v russkoi istoricheskoi proze XIX veka: Materialy k spravochniku* [Ancient languages in Russian historical prose of the 19th century: Materials for a reference work]. Izdatel'stvo Mariny Batasovoi. (In Russian).
- Stoliarova, I. V. (1978). *V poiskakh ideala (Tvorchestvo N. S. Leskova)* [In search of an ideal (Creativity of N. S. Leskov)]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
- Stoliarova, I. V., & Uspenskaia, A. V. (1997). Antichnye motivy v rannikh sochineniakh N. S. Leskova [Classical antiquity motifs in the early works of N. S. Leskov]. In S. I. Bogdanov (Ed.). *Vzaimosviazi i vzaimovliianie russkoi i evropeiskoi literatury: Materialy. Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 322–327). Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Toporkov, A. L. (2022). Opyt prochteniiia odnogo “parafol'klornogo” teksta iz “Skazanii russkogo naroda” I. P. Sakharova [The experience of reading the “parafolklore” text from I. P. Sakharov's “Tales of the Russian People”]. *Studia Litterarum*, 7(3), 298–321. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-298-321>. (In Russian).
- Unbegaun, B. O. (1972). *Russian surnames*. Oxford Univ. Press.
- Varzonin, Iu. N., & Sorochan, A. Iu. (Eds.) (2015). *Drevnie iazyki v russkoi literature XIX veka: Monografiia* [Ancient languages in Russian literature of the 19th century: Monograph]. Izdatel'stvo Mariny Batasovoi. (In Russian).
- Vasilev, M. A. (1999). *Iazychestvo vostochnykh slavian nakanune kreshcheniia Rusi. Religiozno-mifologicheskoe vzaimodeistvie s iranskim mirom* [Paganism of the Eastern Slavs on the eve of the baptism of Rus'. Religious and mythological interaction with the Iranian world]. Indrik. (In Russian).
- Viazovskaia, V. V. (2007). *Onomastika romana N. S. Leskova “Soboriane”* [Onomastics of N. S. Leskov's novel ‘The Cathedral Folk’]. Nauchnaia kniga. (In Russian).
- Wes, M. A. (1992). *Classics in Russia 1700–1855: Between two bronze horsemen*. E. J. Brill.

* * *

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Коршунков

кандидат исторических наук
доцент, кафедра истории
и политических наук, Вятский
государственный университет
Россия, 610000, Киров, ул. Московская,
д. 36

✉ vla_kor@mail.ru

Information about the author

Vladimir A. Korshunkov

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Department
of History and Political Sciences, Vyatka
State University
Russia, 610000, Kirov, Moskovskaya Str.,
36

✉ vla_kor@mail.ru

И. В. Тресорукова<https://orcid.org/0000-0001-8899-5716>✉ itresir@mail.ru

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

ПРОМЕТЕЙ, ГЕРАКЛ, ИКАР И ДРУГИЕ: ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ МИФОНИМОВ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются особенности актуализации мифонимов — имен собственных (ИС) персонифицированных образов древнегреческой мифологии — как прецедентных имен (ПИ) и компонентов в составе фразеологических единиц (ФЕ) в новогреческом языке. В течение тысячелетий мифонимы претерпели ряд изменений, расширив свою семантическую структуру. Актуальность данной работы обусловлена тем, что исследуемый материал служит ключом к более ясному пониманию национальной языковой картины мира носителя греческого языка и осознанию того, как древнегреческая мифология актуализируется в современном греческом языке. Цель исследования — выявление дополнительных смыслов, которые формируются при актуализации мифонимов как ПИ в дискурсивном пространстве новогреческой культуры. Результатом интеграции мифонимов в современный дискурс греческого языка является семантическая деривация, при которой ИС становятся именами нарицательными, а ФЕ приобретают прецедентный характер, становясь прецедентными высказываниями. Полученные результаты показывают, что самыми частотными параметрами для создания прецедентности мифонимов являются поведение, черты характера и внешность персонажей, создающие метафорический перенос и формирующие ПИ. Проведенный анализ расширяет представление о механизмах использования мифонимов как ПИ в новогреческом языке и является первым шагом для создания словаря прецедентных имен на материале греческого языка.

Ключевые слова: прецедентность, мифонимы, новогреческий язык, фразеология, семантическая деривация, терминологические номинации, метафорический перенос

Для цитирования: Тресорукова И. В. Прометей, Геракл, Икар и другие: прецедентность мифонимов в новогреческом языке // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 286–299.

Поступило 21 января 2024 г.; принято 30 июня 2024 г.

PROMETHEUS, HERCULES, ICARUS, ETC.: ABOUT PRECEDENT NOUNS-MYTHONYMS IN THE MODERN GREEK LANGUAGE

Abstract. The article deals with some linguistic aspects of the functioning of Greek mythological proper names (gods, heroes etc.), which became precedent nouns-mythonyms in the Modern Greek language, expanding their semantic structure. Over the course of millennia, mythonyms underwent a number of semantic changes and expanded their meanings; in this regard, the relevance of our research is due to the fact that analysis of precedent mythonyms serves as the key to a clearer understanding of the national linguistic picture of the world of a native Greek speaker and of the meaning and influence of ancient Greek mythology in Modern Greek. The purpose of the study is to identify the additional meanings formed during the actualization of mythonyms as precedent proper names in the discursive field of Modern Greek culture. Semantic derivation is the way of mythonyms' integration into the discourse of the Modern Greek language, and proper names become common nouns because of their precedential character. The results show that the most frequent parameters for the transformation of mythonyms into precedent names are behavior, character and appearance of the hero or goddess, and these main features create metaphoric transfer and create the precedential character. The analysis expands the understanding of how semantic transformation forms the field of mythonyms' precedentiality in Modern Greek; thus, we take the first step to create a dictionary of precedentiality based on the Greek language.

Keywords: precedent nouns, mythonyms, Modern Greek language, phrasology, semantic derivation, terminological nominations, metaphoric transfer

To cite this article: Tresorukova, I. V. (2024). Prometheus, Hercules, Icarus, etc.: About precedent nouns-mythonyms in the modern Greek language. *Shagi/Steps*, 10(3), 286–299. (In Russian).

Received January 21, 2024; accepted June 30, 2024

В языке любого народа важную когнитивную роль играют прецедентные фразы и имена, представляющие собой элементы прецедентных феноменов. В этом свете интересно рассмотреть вопрос функционирования прецедентных имен как свободных единиц речи, с одной стороны, и элементов фразеологических единиц (ФЕ), с другой стороны, на материале новогреческого языка. Е. А. Беспалова пишет: «Антропонимический компонент в составе ФЕ позволяет идентифицировать, актуализировать породившую его прецедентную ситуацию» [Беспалова 2021: 19]; таким образом в сознании носителя языка порождаются некая известная ситуация или событие, которые позволяют провести параллель между существующей ситуацией и известными носителю прецедентными феноменами, сопоставить их и сделать соответствующие выводы. Кроме того, в ФЕ с ономастическим компонентом «находят свое отражение этнопсихологические особенности носителя языка, чем и обусловлен отбор имен собственных в процессе образования ФЕ» [Колодочкина 2004: 168]. Как отмечал автор данной статьи [Тресорукова 2019: 103], в новогреческом языке сохранилось много ФЕ с ономастическим компонентом, которые ведут свое происхождение из древнегреческой мифологии, библейских текстов, иных исторических или церковных текстов, и именно эти ФЕ представляют собой особую категорию, не являясь продуктом устной традиции (см. также: [Ανδριώτης 1957: 4]). В греческом языке онимы в свободном употреблении или в составе ФЕ оставались практически неизменными на протяжении тысячелетней традиции и могут использоваться как в буквальном смысле (в текстах мифологического, исторического богословского и пр. характера), так и метафорически, перейдя в категорию прецедентных имен (ПИ). В данном исследовании представлен анализ мифонимов как прецедентных имен (отдельных лексем, и структурных элементов ФЕ) в современном греческом языке. Подобный анализ на материале греческого языка до сих пор не проводился; в греческом научном мире практически не существует исследований мифонимов именно с точки зрения прецедентности. В ходе проведенного анализа применялись методы полевых исследований¹, наблюдения, сплошной выборки, количественного и контекстуального анализа корпусов текстов греческого языка, классификации и систематизации выявленных ПИ, происходящих из греческой мифологической традиции. Данное исследование является первым шагом к созданию словаря прецедентных имен на материале греческого языка.

¹ Полевое исследование проведено в 2019–2022 гг. автором статьи при сотрудничестве с лингвистической лабораторией SynMorfosis Университета имени Демокрита (Греция, Фракия) и представляло собой анкетирование носителей греческого языка. В нем приняли участие 150 человек в возрасте от 20 до 50 лет, большинство респондентов имеют высшее образование. Участникам были предложены различные контексты (всего 62, по количеству выявленных мифонимов), содержащие ПИ-мифонимы, и задан вопрос о буквальности или метафоричности использования конкретного мифонима. В результате был вычленен 31 мифоним, который употребляется в качестве ПИ в греческом дискурсе.

На основе проведенного анализа корпусов текстов новогреческого языка [ЕΘΕΓ, eTenTen]² и сборников фразеологизмов [Λουπάσης 2003; Μιχαλόπουλος, Κιουρτσή-Μιχαλοπούλου 2004; Παλαζαφεΐρη 1995]³ нами были вычленены 31 уникальный ПИ-мифоним и 25 прецедентных высказываний в виде ФЕ (ПВ-ФЕ). Следует отметить, что все эти ПИ и ПВ-ФЕ являются продуктами переработки мифологических текстов, что позволяет выделить различные категории имен собственных (ИС), которые используются как ПИ в том или ином дискурсе или являются частью ПВ-ФЕ.

1

Понятие прецедентности введено в российскую лингвистику Ю. Н. Карауловым, который отмечает, что «при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется так или иначе весь прецедентный текст, т. е. приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использования в дискурсе по разным своим параметрам» [Караулов 2007: 218–219]. По замечанию Д. В. Гудкова, прецедентные феномены отражают в коллективном сознании прецеденты в широком смысле этого слова [Гудков 2020: 23]. Прецедентным именем, в свою очередь, является «индивидуальное имя, сказанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Захаренко и др. 1997: 83–84].

Таким образом, прецедентное имя является своеобразным символом, обладающим набором определенных характеристик (см. подробнее: [Караулов 2007: 185]). У ПИ, как правило, есть определенная структура, в центре которой — ядро с дифференциальными признаками, такими как внешность, характер носителя имени, прецедентная ситуация, а периферия состоит из так называемых атрибутов (см. подробнее: [Колодочкина 2004: 89; Гудков 1994: 23]). При этом атрибуты — это не простой набор определенных характеристик, они являются сложно организованной структурой, формирующей прецедентность (ср. мысль Ю. Д. Апресяна: «Лексическое или грамматическое значение — это не простая совокуп-

² Корпус ЕΘΕΓ содержит 97 млн слов из литературных текстов и публикаций СМИ; корпусы eTenTen2014, eTenTen2019 из группы корпусов GreekWeb (eTenTen) содержат соответственно 1 671 692 845 и 2 342 091 029 слов и представляют собой коллекции текстов, опубликованных в Сети в 2014 и 2019 гг. Более подробно о группе корпусов TenTen см.: TenTen Corpus Family (URL: <https://www.sketchengine.eu/documentation/tenten-corpora>), eTenTen: Corpus of the GreekWeb (URL: <https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus>).

³ В сборниках фразеологизмов, содержащих соответственно 542, 472 и 380 ФЕ, представлены различные типы ФЕ с описанием их использования в речи без четкого деления по категориям или типам ФЕ.

ность признаков, а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис» [Апресян 1995: 465]).

Основным источником ПИ является культурный фонд, как интернациональный (античная история, мифология, библейские сюжеты), так и национальный (национальная история, литература, искусство, фольклор и пр.). В случае ПИ-мифонимов источником являются мифы как тексты культуры, которые содержат известные и узнаваемые сюжеты.

Использование имен древнегреческих мифологических персонажей, божеств, богов и героев основано на актуализации дифференциальных признаков и атрибутов, которые являются неотъемлемой частью этих персонажей (например, огонь, который принес людям Прометей, или молнии в руках у Зевса и т. п.) и актуализируются в литературном тексте как аллегории, отдельные мотивы и развернутые метафоры, тем самым вызывая у реципиента текста определенные ассоциации. В силу прецедентности автору не требуется давать дополнительные пояснения или комментировать приведенный им мифологический образ.

Греческая исследовательница София Мармарииду [Marmaridou 2014: 73] отмечает, что ИС, переходящие в разряд ПИ, отображаются в письменных текстах со строчной буквы и могут употребляться как с определенным, так и с неопределенным артиклем, при этом определенный артикль все еще отсылает к первоначальному употреблению ПИ как ИС, а неопределенный усиливает прецедентный характер конкретного ПИ. Это нашло подтверждение и при корпусном анализе текстов. Ср., например:

(1) Και θα μπεις στον κόσμο της ψηφιακής τηλεόρασης να δεις την εθνική ομάδα με τα μετάλλια στις αποσκευές της, υπερήφανα νέα παιδιά, τον σύγχρονο ηρακλή ή τη νέα άρτεμις και δεν ξέρω εγώ τι άλλο⁴. (И ты войдешь в мир цифрового телевидения, посмотришь на национальную сборную с медалями в чемоданах, на гордую молодежь, на нового геракла или на новую арте-миду и бог знает на кого еще.)

В примере 1 ИС Ηρακλής ‘Геракл’ и Άρτεμις ‘Артемида’ написаны со строчной буквы, сохраняют определенный артикль, но сопровождаются уточняющим качественным прилагательным νέο ‘новый’ / νέα ‘новая’, что придает ИС прецедентный характер.

(2) Αν παρασυρθούμε ασυλλόγιστα από σύγχρονες Κασσάνδρες σε ελληνικές πλατείες Ταχρίρ, θα αλληλοσφαχτούμε και πάλι. (Давайте безрассудно перейдем от современных Кассандр к греческим площадям Тахир⁵.)

⁴ elTenTen14, <http://xamenos.wordpress.com/category/caracodelaresistencia>.

⁵ elTenTen14, <http://panta.pblogs.gr/2009/10/perimenontas-to-telos-toy-kosmoy.html>. В данном фрагменте, с одной стороны, происходит отсылка к древнегреческой прорицательнице Кассандре, которая всегда возвещала бедствия, а с другой — упоминается площадь Тахир в центре Каира, на которой происходили столкновения протестующих с властями.

В примере 2 ИС Κασσάνδρα ‘Кассандра’ употребляется в форме мн. ч. (Κασσάνδρες); стоит отметить, что в качестве ПИ это ИС употребляется чаще всего именно в такой форме (примерно 76% от всех рассмотренных примеров в корпусах текстов).

2

Как было отмечено выше, ПИ являются развернутыми метафорами, так как структура их семантического поля содержит различные дифференциальные признаки и атрибуты, к которым относятся: 1) характер и поведение и 2) облик, одежда; именно эти признаки и атрибуты создают значение ПИ. Это позволяет нам разделить их на группы по отдельным признакам, поскольку общепринятое переносное значение ПИ чаще всего формируется на основе определенного дифференциального признака, связанного с определенной чертой характера или поведением мифологического антропоморфного или тератоморфного персонажа. Например, смелость, отвага, дерзость воплощаются в ПИ *Геракл*, *Икар*, *Прометей*:

(3) Μπροστά σε ένα ενθουσιώδες κοινό που συγκεντρώθηκε από νωρίς το απόγευμα της Παρασκευής στον Κεράβολα Ηρακλείου πραγματοποιήθηκαν τα αποκαλυπτήρια της προτομής του θρυλικού Ρώσου που από πολλούς έχει χαρακτηριστεί «σύγχρονος ίκαρος» και «Κολόμβος του διαστήματος»⁶. (На глазах у воодушевленной публики, собравшейся ранним пятничным вечером в Каравола Ираклиона, прошло открытие бюста легендарного россиянина, которого многие называли «современным икаром» и «Колумбом космоса».)

(4) Δικαιώνεται, λοιπόν, η θέση κατά της διεθνούς επέμβασης και υπέρ της πολιτικής λύσης του Συριακού. Οι διεθνείς οργανισμοί και κυβερνήσεις όφειλαν να είναι προμηθεείς και όχι επιμηθείς⁷. (Таким образом, оправдано возражение против международного вмешательства и в защиту политического решения сирийского вопроса. Международные организации и правительства должны были бы действовать как Прометеи, а не как Эпиметеи.)

В примере 4 противопоставление родных братьев Прометея и Эпиметея аллегорически описывает трусость (при помощи ПИ *Эпиметей*), проявленную политиками в решении определенного вопроса, в то время как им следовало бы действовать дерзко и решительно, подобно Прометею.

Значение ФЕ с компонентом ПИ также формируется на основании исходной прецедентной ситуации, где в значении ПИ выделяется наиболее представительный, яркий дифференциальный признак, например, сме-

⁶ elTenTen19, <http://www.ellada-russia.gr/print/7470>.

⁷ elTenTen19, <http://mariayannakaki.gr/μαρια-γιαννακάκη-ενημερωση/ομιλιες?start=30>.

лость и дерзость Икара, воплощенные в ФЕ Ικάρειο πνεύμα ‘дух Икара’ (пример 5):

(5) Είχε Ικάρειο πνεύμα μέσα του ο Χριστόδουλος. Πετούσε πάνω από τα ευτελή και τους ευτελείς σαν τον βασιλικό αιτό. Εκάλυπτε τους πάντες με την καλλιφωνία του, την πολυγλωσσία του, την πολυγλωσσία του, με το ιλαρό φως του προσώπου του⁸. (У Христодула был дух Икара. Он парил над ничтожествами и ничтожными подобно царскому орлу. Он покрывал всех своим благовестным гласом, энциклопедичностью своих знаний, своим красноречием, а лицо его освещалось светом лампы.)

ΠΙ Ηρακλής ‘Геракл’ олицетворяет силу и решительность:

(6) Θέλουμε έναν Χριστό να διώξει τους εμπόρους από τους ναούς και έναν Ηρακλή να καθαρίσει τους στάβλους του Αυγεία⁹. (Нам нужны Христос, чтобы изгнать торговцев из храмов, и Геракл, чтобы очистить Авгиевы конюшни.)

В примере 6 ΠΙ-мифоним применен наряду с ΠΙ-теонимом, при этом употреблен неопределенный артикль (έναν Χριστό, έναν Ηρακλή), подчеркивающий прецедентный характер данных ИС. Также стоит отметить, что ΠΙ Ηρακλής весьма часто упоминается в едином контексте с ФЕ στάβλοι του Αυγεία ‘Авгиевы конюшни’ и Λέρναια Ύδρα ‘Лернейская гидра’, что отсылает к соответствующим мифам, содержание которых стало прецедентным.

Кроме того, при анализе были выявлены обозначающие мифологических персонажей ИС Κρόνος ‘Крон’ и Νάρκισσος ‘Нарцисс’ как ΠΙ. Ср., например:

(7) Έστω και τώρα, με επτά μήνες καθυστέρηση, ας συμπεριφερθεί ως δήμαρχος και όχι ως Κρόνος που τρώει τα παιδιά του¹⁰. (Пусть хотя бы сейчас, с задержкой в семь месяцев, он поведет себя как мэр, а не как Крон, пожирающий своих детей.)

В примере 7 имя Κρόνος ‘Крон’ (в мифологии отец Зевса, пожирающий своих детей) используется для обозначения политика, чье поведение представляет опасность для окружающих. При этом в ΠΒ-ФЕ ο επί Κρόνου βίος ‘при Кроне жизнь’ (пример 8) ΠΙ Κρόνος маркирует конкретный период времени, «золотой век» в истории человечества, метафорически отсылая к мирной и счастливой жизни в прошлом:

(8) Γεγονότα που δημιούργησαν ένα τεράστιο ιδεολογικό κενό στις περισσότερες χώρες του κόσμου, καθ’ όσον οι περίφημες θεωρίες

⁸ elTenTen14, http://www.faneromenihol.gr/index.php?option=com_content&view=article&id=1058:2011-10-16-16-13-54&catid=106:2011-11-08-08-28-24&Itemid=187.

⁹ elTenTen14, <http://www.eyedoll.gr/nginx/article/1144/λαός-που-εκτροχιάστηκε-στο-παλαιοφάρσαλο>.

¹⁰ elTenTen14, <http://www.e-peraia.gr/index.asp?Action=5&NewsID=694>.

για τα «χαρούμενα αύριο» και τον «επί Κρόνου βίο», που θα μοίραζαν ο κομμουνισμός και οι συναφείς με αυτόν θεωρίες, είχαν πάει περίπατο¹¹. (Эти события создали огромную идеологическую лагуну в большинстве стран мира, так как были позабыты знаменитые идеи о «радостном завтрашнем дне» и «эпохе золотого века» (букв. «при Кроне жизни». — *И. Т.*), которые были свойственны коммунизму и насаждались в связанных с ним теориях.)

ΠΙ Νάρκισσος ‘Нарцисс’ обозначает эгоиста, который не замечает ничего и никого вокруг себя (пример 9):

(9) Αν ένα παιδί μεγαλώσει με την ψευδαίσθηση ότι οι άλλοι δεν έχουν αξία και ότι δεν πρέπει να παίζεις με κανόνες, θα επωφεληθεί από αυτό, προς μεγάλη ζημιά δική του αλλά και των άλλων, γιατί καλλιεργείται ένας νάρκισσος, που θα κάνει κακό στους άλλους και στον εαυτό του¹². (Если ребенок растет с ложным ощущением, что все вокруг не имеют никакой ценности и что он не обязан играть по правилам, он воспользуется этим к величайшей для себя и других беде, поскольку выросший нарцисс причинит вред и другим, и самому себе.)

Гораздо реже в качестве дифференциального признака ΠΙ выступают физические качества мифологического персонажа. В результате анализа выявлены только два таких ΠΙ: Άδωνις ‘Адонис’ (пример 10) и Ανταίος ‘Антей’ (пример 11), первый из которых обозначает красивого молодого человека, а второй — очень сильного мужчину:

(10) Μα είχα πρόσωπο γλυκό κι ήμουν ωραίος σαν Άδωνις¹³. (Но у меня было милое личико, я был красив как Адонис.)

(11) Ο Ανταίος είναι τελικά αυτός που κατέβασε την πινακοθήκη¹⁴. (В результате Антеем был тот, кто снял все картины в галерее.)

Из женских ИС, употребляемых в качестве ΠΙ, чаще всего встречаются Πηνελόπη ‘Пенелопа’, обозначающая верную супругу, Κασσάνδρα ‘Кассандра’ как предвестница беды (чаще всего в форме мн. ч., например, в таких контекстах, как σύγχρονες Κασσάνδρες της οικονομίας¹⁵ — «современные Кассандры от экономики») и Μήδεια ‘Медея’ как мать, убивающая своих невинных детей (пример 12):

¹¹ ΕΘΕΓ, <https://www.ebdomi.com>.

¹² elTenTen19, <http://www.bookbar.gr/νίκος-σιδέρης-ψυχίατρος-συγγραφέας-η-2/uncategorized>.

¹³ elTenTen2014, https://www.efsyn.gr/stiles/triti-matia/16293_zimies-poy-einai-na-ginoyn.

¹⁴ elTenTen14, http://pistos-petra.blogspot.gr/2013/08/blog-post_5253.html.

¹⁵ elTenTen14, <http://panta.pblogs.gr/2009/10/perimenontas-to-telos-toy-kosmoy.html>. См. также примеч. 5.

(12) Στα χέρια της αστυνομίας η σύγχρονη Μήδεια που σκότωσε στο ξύλο το μωρό της¹⁶. (Полиция задержала современную Меду, которая до смерти забила своего ребенка.)

ΠΙ Πηνελόπη чаще всего употребляется в составе ΦΕ μνηστήρες της Πηνελόπης ‘женихи Пенелопы’, что отсылает нас к мифологическому сюжету о женихах Пенелопы, верной супруги Одиссея. Прецедентным признаком данного ΦΕ является ненасытное стремление «женихов Пенелопы» разграбить имущество Одиссея (пример 13):

(13) Τελικά πόσες συμμορίες έχει αυτό το ΚΚΕ τέλος πάντων; Πόσοι είναι οι μνηστήρες της Πηνελόπης; Τι θα γινόταν αν κέρδιζε η πρώτη συμμορία της πατσαβούρας; Πόλεμο μεταξύ των συμμοριών του ΚΚΕ θα είχαμε; Καιρός δεν είναι να βγει η κυρία Αλέκα Παπαρήγα να μας πει τι θέλει τελικά¹⁷; (Так сколько же бандитских шаек в КПП (Коммунистической партии Греции. — *И. Т.*)? Сколько женихов Пенелопы? И что может случиться, если победит первая шайка этой паршивки? У нас будет война между бандами КПП? Не пора ли госпоже Папариге выйти и сказать нам, чего же она добивается?)

Имя богини Афины (Αθηνά) используется в качестве компонента-мифонима в ΠΒ-ΦΕ συν Αθηνά και χείρα κίνει — букв. «с Афиной и рукой двигай» (ср. рус. «На Бога надейся, а сам не плошай»), где Афина означает метафизическую высшую божественную силу (пример 14):

(14) Ο δρόμος για τον θεό είναι ο θεός. Δεν είπα φυσικά ότι εμείς δεν χρειάζεται να κάνουμε τίποτε και ότι θα τα κάνει όλα ο θεός. Συν Αθηνά και χείρα κίνει¹⁸. (Путь к богу это и есть сам бог. Естественно, я не имею в виду, что нам не нужно ничего делать и что все сделает бог. На бога надейся, а сам не плошай (букв. «с Афиной и рукой двигай». — *И. Т.*.)

ИС божеств или героев используются в качестве ΠΙ не только для характеристики качеств или внешности живых существ; часто имена мифологических персонажей обозначают различные явления или состояния природы, переходя практически в разряд ИН. Так, имя гиганта Энкелада (Εγκέλαδος) употребляется для обозначения землетрясения (пример 15):

(15) Ο Εγκέλαδος ξύπνησε χθες τους κατοίκους της ακριτικής Γαύδου καθώς στις 6:27 το πρωί σημειώθηκε ισχυρός σεισμός μεγέθους 5,6 βαθμών (mb) της κλίμακας Ρίχτερ¹⁹. (Энкелад (т. е. землетрясение. — *И. Т.*) разбудил вчера жителей пограничного

¹⁶ elTenTen14, <http://zwpallini.gr/didimotixo-mana-xilokopise-mexri-thanatou-to-mwro-tis>.

¹⁷ elTenTen14, <http://ellinessouidias.wordpress.com/2011/03/29/oi-zihtoules-tou-stalinihou-ke-sti-sou>.

¹⁸ elTenTen19, http://www.esoterica.gr/forums/topic.asp?TOPIC_ID=9906&whichpage=25&ARCHIVE=.

¹⁹ elTenTen14, <http://www.dimokratis-chania.gr/?m=20120913>.

острова Гавдос, когда утром началось сильное землетрясение 5,6 балла по шкале Рихтера.)

Имя исторического персонажа Эфиальта (Εφιάλτης), «прославившегося» тем, что во время битвы спартанцев и персов в Фермопильском ущелье он провел персов в тыл спартанцев, превратилось в ИН *εφιάλτης*, обозначающее кошмар или ужасный сон (пример 16):

(16) Η Ευρώπη μπλορεί να δοκιμάζεται από άλλα και ποικίλα δεινά, αλλά δεν αντιμετωπίζει τον εφιάλτη του πολέμου²⁰. (Европа может страдать от иных многочисленных бед, но она не сталкивается с кошмаром войны.)

ИС *Λαίλαπα* ‘Лелапа’, в мифе относящееся к собаке царя Кефала, которую подарили ему боги и которая всегда догоняла свою жертву во время охоты, стало использоваться как ИН для обозначения быстрого развития каких-либо неблагоприятных событий, приводящих к катастрофе. В результате сплошной выборки были вычленены такие устойчивые словосочетания, как *λαίλαπα της κρίσης* (букв. «лелапа кризиса»), *λαίλαπα της ανάπτυξης* (букв. «лелапа развития»), *λαίλαπα του ναζισμού* (букв. «лелапа нацизма») и самое частотное — *πύρινη λαίλαπα* (лави́на пожара, которую невозможно остановить) (пример 17):

(17) 80 και πλέον άνθρωποι ζώες χάθηκαν από την πύρινη λαίλαπα του περασμένου καλοκαιριού, πολύ μεγάλο τμήμα του φυσικού μας πλούτου κάηκε ολοσχερώς με αρνητικές περιβαλλοντικές συνέπειες²¹. (Более 80 человек погибли в лавине пожара прошлым летом, значительная часть наших природных богатств полностью сгорела, что привело к неблагоприятным последствиям для окружающей среды.)

ПИ *Λερναία Ύδρα* ‘Лернейская гидра’ употребляется для обозначения препятствий, трудностей и проблем (пример 18):

(18) Φίλες και φίλοι, σκεφτείτε με τι έχουμε να παλέψουμε <...> Έχουμε να παλέψουμε με μια Λερναία Ύδρα, συνεχώς υπάρχει ένα νέο κεφάλι με ένα τεράστιο πρόβλημα. Πρέπει να στηρίξουμε τη χώρα, να αναλάβουμε πολιτικό κόστος²². (Дорогие друзья, подумайте над тем, с чем нам предстоит сражаться. <...> Нам предстоит сражаться с Лернейской гидрой, у которой постоянно образуется новая голова, представляющая собой огромную проблему. Нам нужно поддержать страну и заплатить за политические издержки.)

²⁰ elTenTen19, <http://www.vlioras.gr/Philologia/Composition/EE.htm>.

²¹ elTenTen19, <http://www.tzakri.gr/index.php?lang=gr&com=content&id=357>.

²² elTenTen, <https://www.evenizelos.gr/speeches/conferences-events/384-conferencespech2014/4650-2014-10-18-14-13-23.html>.

ИС Χίμαιρα²³ ‘Химера’, пройдя этап превращения в ПИ, стало употребляться как ИН для обозначения чего-то невероятного, невиданного, призрачного и неестественного (ср. рус. *химера*) (пример 19):

(19) Οι θέσεις του Σόϊμπλε περί δημοσιονομικής σταθεροποίησης η οποία θα στηρίξει την ανάπτυξη είναι απλώς μία χίμαιρα. (Позиция Шойбле по вопросу налоговой стабильности, которая станет поддержкой для экономического роста, является всего лишь химерой.)

ПВ-ФЕ μεταξύ Σκύλλας και Χάρυβδης ‘между Сциллой и Харибдой’ используется для обозначения опасностей, ожидающих одновременно с двух сторон, при этом ИС-компоненты ФЕ могут употребляться в едином контексте как отдельные ПИ:

(20) Μπορεί να γλιτώσεις από τον πόλεμο, από τη Μεσόγειο και από τον διακινητή, αλλά η Σκύλλα της ακροδεξιάς και η Χάρυβδη του φιλελευθερισμού — θεραπευτίδα των Μ. Κ. Ο. αποτελεί εμπόδιο μάλλον απροσπλάστο²⁴. (Ты можешь спастись от войны, спастись из Средиземного моря и из лап торговцев людьми, но Сцилла ультраправых и Харибда либерализма, стоящая на службе у НКО, являются непреодолимыми препятствиями.)

Стоит также отметить, что мифонимы вошли в терминологическую сферу греческого языка, став космонимами (ср., например, названия планет Солнечной системы Ерμής ‘Гермес’ = рус. *Меркурий*, Αφροδίτη ‘Афродита’ = рус. *Венера*, Άρης ‘Арес’ = рус. *Марс* — или небесных тел: так, Ήλιος ‘Солнце’ отсылает к имени солярного бога Гелиоса (Ήλιος), ουρανός ‘небо’ — к имени титана Урана) или, пройдя процесс апелляции, — терминами в области различных наук, таких как химия (ср. ήλιος ‘гелий’ от ИС Ήλιος ‘Гелиос’, ουράνιο ‘химический элемент уран’ от Ουρανός ‘Уран’²⁵), ботаника (νάρκισσος ‘нарцисс’ от ИС Νάρκισσος) и пр. Терминологические ПИ-мифонимы активно используются в новогреческом языке, пройдя фильтр западноевропейских языков (ср., например, др.-греч. Οὐρανός > лат. *Uranus* > англ. *Uran* ‘планета Уран’; англ. *Uranium* и новогреч. ουράνιο, см. выше).

* * *

Мифология на протяжении долгих столетий оказывала влияние на словарный состав европейских языков и на его развитие. Это более чем справедливо и для греческого языка, где целый ряд мифологических ИС

²³ Стоит отметить, что в ходе проведенного полевого исследования (см. примеч. 1) было выявлено, что всего 20% опрошенных обладают знанием об исходном значении таких ИН, как Εφιάλης, Λαίλαπα и Χίμαιρα. Это позволяет сделать вывод о стертом значении этих существительных как ИС и об их полном переходе в разряд ИН.

²⁴ ΕΘΕΓ, <https://eretikos.gr/fragilemag>.

²⁵ Более подробно см.: [Мурысов 2015: 955].

превратился в ПИ в силу определенных специфических изменений в семантике.

В новогреческом языке мифонимы-ПИ и ПВ-ФЕ с компонентами-мифонимами представляют собой обширный материал для исследования и позволяют выявить особенности в развитии прецедентности ИС в национальной языковой картине мира. Полученные данные позволяют сделать выводы о доминирующем признаке употребления ПИ-мифонимов в различных контекстах (например, черта характера, ср. *Ηρακλής*, *Μήδεια* и пр.), о формировании отдельных апеллятивов (*εγκέλαδος*, *λαίλαπα*). Стоит также отметить, что ПИ *Σκύλλα*, *Χάρυβδη* могут употребляться свободно в едином контексте (см. пример 20) или же оставаться частью ФЕ *μεταξύ Σκύλλας και Χάρυβδης*.

В данной статье были рассмотрены только те мифонимы-ПИ и ПВ-ФЕ, которые прошли семантическую деривацию в новогреческом дискурсе. Перспективным в этом свете представляются дальнейший анализ мифонимов-ПИ и ФЕ с компонентом-мифонимом, а также разработка структуры семантических полей ФЕ на базе изучения развития прецедентного и фразеологического значений этих языковых единиц.

Источники

- Λουπάσης 2003 — Λουπάσης Γ. Ι. Ετιδράσεις της εκκλησιαστικής φρασεολογίας στη νεοελληνική γλώσσα. Αθήνα: Σμίλη, 2003.
- Μιχαλόπουλος, Κιουρτσή-Μιχαλοπούλου 2004 — Μιχαλόπουλος Ν. Α., Κιουρτσή-Μιχαλοπούλου Α. Χ. Εράνισμα: Βιβλικές και εκκλησιαστικές φράσεις και λέξεις στην νεοελληνική γλώσσα. Καβάλα: Γραφικές Τέχνες «Μέλισσα», 2004.
- Παπαξαφείρη 1995 — Παπαξαφείρη Ι. Ρήσεις, γνωμικά, φράσεις από τις γραφές. Αθήνα: Σμίλη, 1995.

Сокращения

- elTenTen14 — Greek Web2014 (elTenTen14) URL: <https://www.sketchengine.eu/eltentengreek-corpus>.
- elTenTen19 — GreekWeb2019 (elTenTen19). URL: <https://www.sketchengine.eu/eltentengreek-corpus>.
- ΕΘΕΓ — Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας. URL: <http://hnc.ilsp.gr>.

Литература

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. С. 466–483.
- Беспалова 2021 — Беспалова Е. А. Ономастические фразеологизмы, основанные на прецедентной ситуации, в современных медиатекстах // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. Т. 11. № 1. 2021. С. 17–29.
- Гудков 1994 — Гудков Д. Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1994. № 6. С. 34–35.

- Гудков 2020 — Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020.
- Захаренко и др. 1997 — Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып. 1 / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. С. 82–103.
- Караулов 2007 — Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2007.
- Колодочкина 2004 — Колодочкина Е. В. Ономастические фразеологизмы во французском и русском языках // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 168–173.
- Мурясов 2015 — Мурясов Р. З. Мифонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. Т. 20. № 3. 2015. С. 952–956.
- Тресорукова 2019 — Тресорукова И. В. Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира // Rhema. Рема. 2019. № 3. С. 101–114. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-3-101-114>.
- Marmaridou 2013 — Marmaridou S. Towards a constructional account of indefinite uses of proper names in Modern Greek // Major trends in theoretical and applied linguistics: Selected papers from the 20th International Symposium on Theoretical and Applied Linguistics. Vol. 1 / Ed. by N. Lavidas, Th. Alexiou, A. M. Sougari. London: Versita de Gruyter, 2014. P. 67–98. <https://doi.org/10.2478/9788376560762.p13>.
- Ανδριώτης 1957 — Ανδριώτης Ν. Ρ. Ἀντίστοιχα ἐκφραστικά μέσα τῆς ἀρχαίας καὶ τῆς νέας Ἑλληνικῆς // Ἑλληνικά. Т. 15^{ος}. 1957. Σ. 1–25.

References

- Andriōtēs, N. P. (1957). Antistoicha ekfrastika mesa tēs archaias kai tēs neas hellēnikēs [Certain expressive instruments in the Ancient and Modern Greek language]. *Hellenika*, 15, 1–25. (In Greek).
- Apresyan, Yu. D. (1995). O iazyke tolkovanii i semanticheskikh primitivakh [About the language of hermeneutics and semantics primitives]. In Yu. D. Apresyan. *Izbrannye trudy, Vol. 2: Integral'noe opisaniye iazyka i sistemnaia leksikografiya* (pp. 466–483). Shkola “Iazyki russkoi kul'tury”. (In Russian).
- Bespalova, E. A. (2021). Onomasticheskie frazeologizmy, osnovannye na pretsedentnoi situatsii, v sovremennykh mediatekstkakh [The usage of phraseological units with onomastic components, based on a precedent situation in modern media texts]. *Proceedings of the Southwest State University. Ser. Linguistics and Pedagogy*, 11(1), 17–29. (In Russian).
- Gudkov, D. B. (1994). Struktura i funktsionirovaniye dvustoronnikh imen (k voprosu o vzaimodeistvii iazyka i kul'tury [Structure and function of bilateral nouns (on the question of interrelation between language and culture)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 1994(6), 34–35. (In Russian).
- Gudkov, D. B. (2020). *Pretsedentnoe imia i problemy pretsedentnosti* [Precedent noun and problems of precedentality]. LENAND. (In Russian).
- Karauulov, Yu. N. (2007). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and language personality] (6th ed.). LKI. (In Russian).
- Kolodochkina, E. V. (2004). Onomasticheskie frazeologizmy vo frantsuzskom i russkom iazykakh [Onomastic phraseological units in French and Russian languages]. In V. N. Teliia (Ed.). *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh* (pp. 168–173). Iazyki slaviansloi kul'tury. (In Russian).
- Marmaridou, S. (2013). Towards a constructional account of indefinite uses of proper names in Modern Greek. In N. Lavidas, Th. Alexiou, & A. M. Sougari (Eds.). *Major trends in theoretical and applied linguistics: Selected papers from the 20th International Symposium on*

- Theoretical and Applied Linguistics* (Vol. 1, pp. 67–98). Versita de Gruyter. <https://doi.org/10.2478/9788376560762.p13>.
- Muriasov, R. Z. (2015). Mifonimy v sisteme iazyka [Mythonyms in the language system]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 20(3), 952–956. (In Russian).
- Tresorukova, I. V. (2019). Bibleiskie imena sobstvennye v grecheskoi frazeologicheskoi kartine mira [Biblionyms in the Greek phraseological picture of the world]. *Rhema. Rema*, 2019(3), 101–114. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-3-101-114>. (In Russian).
- Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., & Bagaeva, D. V. (1997). Pretsedentnoe imia i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvolы pretsedentnykh fenomenov [A precedent name and a precedent statement as symbols of precedent phenomena]. In V. V. Krasnykh, & A. I. Izotov (Eds.). *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: Sbornik statei* (Vol. 1, pp. 82–103). Filologiya. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Ирина Витальевна Тресорукова

кандидат филологических наук
доцент, кафедра византийской
и новогреческой филологии,
филологический факультет,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119899, ГСП-1, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51
✉ itresir@mail.ru

Information about the author

Irina V. Tresorukova

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Department
of Byzantine and Modern Greek Studies,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow
State University
Russia, 119899, GSP-1, Moscow,
Leninskie Gory, 1, Bld. 51
✉ itresir@mail.ru

Т. Н. Гончарова

<https://orcid.org/0000-0002-9342-7139>

✉ t.goncharova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)

«СТЕНЬКА РАЗИН» ПРОСПЕРА МЕРИМЕ: КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Аннотация. Исторический очерк «Стенька Разин» Проспера Мериме (1-е изд. 1861) никогда не переводился на русский язык. Долгое время его считали сокращенным переводом на французский монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858). Тем не менее сопоставительный анализ обоих текстов убеждает в том, что очерк французского писателя имеет самостоятельную историческую и литературную ценность. В отличие от Костомарова, который воссоздал широкую картину народного бунта, в центре повествования Мериме — фигура казачьего атамана. В публикации представлен перевод (по французскому изданию 1865 г.) третьей главы очерка Мериме. В ней рассказывается о Персидском походе «воровских казаков» (1668–1669), за которым последовало их триумфальное возвращение на Дон с богатой добычей. Успешный исход грабительских налетов, как и щедрость лихого атамана, способствовали росту его авторитета среди бедноты, привлекая к нему все больше и больше сторонников. В целом, события, изложенные в третьей главе, предстают как подготовка кульминационного этапа разинского движения, который пришелся на 1670–1671 гг.

Ключевые слова: П. Мериме, Н. И. Костомаров, Стенька Разин, Персидский поход, атаман, «воровские казаки», перевод

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00615, <https://rscf.ru/project/23-28-00615>.

Для цитирования: Гончарова Т. Н. «Стенька Разин» Проспера Мериме: комментированный перевод третьей главы // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 300–319.

Поступило 14 февраля 2024 г.; принято 21 мая 2024 г.

T. N. Goncharova

<https://orcid.org/0000-0002-9342-7139>

✉ t.goncharova@spbu.ru

Saint-Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)

“STENKA RAZIN” BY PROSPER MÉRIMÉE: A COMMENTED TRANSLATION OF THE THIRD CHAPTER

Abstract. The historical essay “Stenka Razin” by Prosper Mérimée (first published in 1861) has never been translated into Russian. It was long considered an abridged translation into French of N. I. Kostomarov’s monograph *The Revolt of Stenka Razin* (1858). Yet, comparing both texts, one must recognize the real historical and literary originality of the French writer. Unlike Kostomarov, who gives a broad picture of a popular revolt, Mérimée’s narrative is centered on the figure of the Cossack ataman. The fragment translated here, based on the French edition of 1865, is the third chapter of the essay. It tells of the Persian campaign of the “raiding Cossacks” (1668–1669), followed by their triumphant return to the Don with rich booty. The central part of this chapter deals with the legend of the captive Persian princess, whom Razin allegedly threw into the waters of the Volga River. Mérimée, following Kostomarov, provides various explanations for this cruel action by the ataman, which looks senseless only at first glance. The successful outcome of the Cossack robber raids, as well as the generosity of the dashing ataman, contributed to the growth of his authority among the poor, and attracted more and more supporters to his army. In general, the events described in the third chapter appear as preparation for the culminating stage of the Razin movement, which occurred in 1670–1671.

Keywords. P. Mérimée, N. I. Kostomarov, Stenka Razin, Persian campaign, ataman, “raiding Cossacks”, translation

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00615, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00615>.

To cite this article: Goncharova, T. N. (2024). “Stenka Razin” by Prosper Mérimée: A commented translation of the third chapter. *Shagi / Steps*, 10(3), 300–319. (In Russian).

Received February 14, 2024; accepted May 21, 2024

Французский мастер новеллы Проспер Мериме (1803–1870) проявлял большой интерес к истории России, в своих занятиях которой более всего внимания уделял казачеству. Его очерк «Бунт Стеньки Разина»¹, впервые опубликованный в «Journal des savants» в 1861 г., впоследствии переиздавался лишь однажды — в сборнике «Казачьи былые времена» 1865 г. еще при жизни автора [Mérimée 1861; 1865]. К этому времени Мериме имел уже десятилетний опыт изучения русского языка и являлся автором нескольких французских переводов А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя [Darcos 1998: 294–297]. На русский язык упомянутый очерк никогда не переводился, вероятно, потому что долгое время его считали сокращенным переводом на французский одноименной монографии Н. И. Костомарова, увидевшей свет в «Отечественных записках» в 1858 г. Популярность, которую снискал этот исторический труд, имела следствием его издание отдельной книгой в 1859 г. [Костомаров 1858; 1859].

Предположительно библиофил С. А. Соболевский, с которым П. Мериме состоял в дружеских отношениях, стал тем информатором, от которого писатель узнал о труде Н. И. Костомарова, вдохновившем его на создание собственного очерка о донском казаке Степане Разине (ок. 1630–1671), предводителе одного из наиболее крупных народных движений «Бунташного века» [Cadot 2004: 125]. Мериме нисколько не скрывал тот факт, что его очерк не является самостоятельным историческим исследованием. Напротив, его первоначальную журнальную публикацию предваряло указание как на вышеупомянутую работу Костомарова, так и на французское репринтное издание анонимного «Сообщения касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» (Париж, 1672) [Relation 1856]. Автор «Сообщения», судя по всему голландец, находившийся в Москве «по крайней мере в первой половине 1671 г.», дал достаточно точное изложение основной канвы событий с опорой на правительственные документы, слухи и собственные наблюдения [Маньков 1968: 88]. Н. И. Костомаров активно использовал «Сообщение», о чем свидетельствуют многократные его упоминания в кратких ссылках на источники, которыми он сопровождал свое исследование [Костомаров 1859: 162, 179–180, 211 и др.].

В первых абзацах своего очерка П. Мериме дал высокую оценку работе выдающегося русского историка, отметив ее драматический накал, силу и яркость изложения, верность исторической правде. «Он старательно собрал не только все печатные и рукописные источники, обнаруженные в библиотеках и архивах России, но и местные предания и даже народные песни, которые зачастую лучше официальных свидетельств создают представление о чувствах и страстях народных масс». Многочисленные диало-

¹ Название очерка Мериме для журнальной публикации было написано на кириллице, однако в него вкралась опечатка: «Вунть Стеньки Разина» [Mérimée 1861: 389]. Вероятно, подмена буквы *Б* латинской *B* произошла при наборе текста в типографии. При этом указанную опечатку нельзя назвать совершенно случайной, так как обе буквы читаются одинаково.

ги, по мнению писателя, привнесли в повествование дополнительный колорит. «Продуманное и умелое использование этих прикрас нисколько не вредит истине...», — утверждал он [Mérimee 1865: 296–297]. В сущности, «Бунт Стеньки Разина» в полной мере отвечал представлению Мериме о том, каким должен быть исторический труд, несмотря на дополнительные усилия, которые потребовались от него для постижения смысла казачьих слов, таких как *дуванить* ‘распределять награбленное среди казаков’ или *ясырь* ‘военная добыча’.

Возглавленное С. Разиным народное движение, охватившее обширные территории Придонья, Поволжья, Прикаспия с 1667 по 1671 г., вызвало определенный резонанс в Европе, породив ряд публикаций иностранцев, современников и очевидцев этих событий, в частности, упомянутое выше «Сообщение» [Маньков 1968]. Тем не менее очерк Мериме начинается с констатации: «Имя Стеньки Разина почти неизвестно во Франции» [Mérimee 1865: 295]. Действительно, к середине XIX в. из казачьих предводителей там знали в основном гетмана Войска Запорожского Ивана Мазепу (1639–1709) — героя поэм Дж. Байрона, В. Гюго, картин Т. Жерико, Э. Делакруа, Т. Шассерио, О. Верне, Л. Буланже. Проспер Мериме и сам посвятил ему несколько абзацев своей статьи «Украинские казаки и их последние атаманы» (1855) [Гончарова 2023: 37–38]. Но более всего внимания он уделил в ней фигуре гетмана Богдана Хмельницкого (ок. 1595–1657), поднявшего запорожских казаков на вооруженное восстание против Речи Посполитой в 1648–1654 гг. Таким образом, взявшись за написание очерка о Стеньке Разине, Мериме был полон стремления познакомить французского читателя с еще одним незаурядным персонажем российской истории.

Феномен казачьей вольницы, по собственному признанию писателя, вызывал его восхищение [Гончарова 2023: 31]. Герои многих его новелл выдают в нем интерес к надменным и своенравным характерам, способным на жестокие поступки. Стенька Разин, которого Мериме характеризовал как «революционного бандита XVII в.», «коммуниста, социалиста и варвара», воспринимался им как подлинное воплощение бунтарского начала [Darcos 1998: 408]. Первоначальное название очерка Мериме было идентично названию монографии Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Причина в том, что этот очерк создавался для старейшего периодического издания Франции — «Journal des savants», редакторская политика которого состояла в публикации рефератов на книги и статьи французских и иностранных авторов. Однако Мериме в силу масштаба своего писательского таланта и погруженности в тему создал нечто большее, нежели реферат-конспект монографии в привычном понимании. Его подход к информации был сродни подходу историка. Положив в основу своей работы текст Костомарова в качестве первоисточника, он с использованием других доступных ему материалов, прежде всего упомянутого выше «Сообщения», создал собственное произведение, написанное в жанре исторического очерка. Впоследствии, включив его в сборник «Казаки былых времен»,

Мериме счел нужным опустить слово «бунт» из его названия [Mérimée 1865: 295]. В отличие от Костомарова, создавшего широкую картину разинского движения, Мериме тем самым хотел подчеркнуть, что в центре его работы — личность мятежного атамана. Как последователь традиции французской литературы, которая восходит к Вольтеру, П. Мериме славился умением выражать свои мысли коротко и емко. Неудивительно поэтому, что маститый новеллист избрал жанр исторического очерка для рассказа о С. Разине. При одинаковом книжном формате *in octavo* повествование Костомарова в три раза превосходит по объему очерк французского писателя [Костомаров 1859; Mérimée 1865].

В соответствии с вышесказанным Мериме не ограничился сокращенным переводом на французский монографии русского историка. Сопоставительный анализ обоих текстов убеждает в том, что очерк «Стенька Разин» имеет самостоятельную историческую и литературную ценность. Вдохновившись исследованием Костомарова, Мериме свободно переложил его для французского читателя. В этой связи стоит отметить, что Н. И. Костомаров также создал исторический портрет Стеньки Разина, который вошел в состав пятого выпуска «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (Санкт-Петербург, 1874) [Костомаров 1991]. В отличие от знаменитого новеллиста, историк в ходе работы над ним строго придерживался текста своей монографии, сжато пересказав его. Третья глава в изложении Мериме начинается рассказом о Каспийском походе казачьей ватаги Степана Разина во владения персидского шаха с марта 1668 г. по конец августа 1669 г. Совершая грабительские налеты на торговые суда, города и селения, разинцы чинили разорение в приморских провинциях Персии, в состав которой тогда входила «не только территория нынешнего Ирана, но и Азербайджана, Армении, Грузии, Туркменистана, Афганистана, Ирака, Восточной Турции, Кувейта, Бахрейна, часть Пакистана, юг Узбекистана, восток Сирии и даже крайний юг России (Дербент)» [Чертанов 2016: 88]. Много мусульман было перебито и захвачено в плен для обмена на христиан либо продажи в рабство. Персидский поход явился заключительным этапом похода «за зипунами», т. е. за добычей, который начался в мае 1667 г. нападениями «воровских казаков» на идущие вверх и вниз по Волге караваны купеческих судов.

Это было время, когда донские казаки перестали получать в достаточном количестве субсидии деньгами, воинскими припасами и зерном из Москвы. Андрусовское перемирие положило конец русско-польской войне (1654–1667), оставив казаков невостребованными на военной службе. Государственная казна была истощена тринадцатью годами военных действий. Неурожай способствовал обострению ситуации с нехваткой продовольствия, как и прибытие на Дон тысяч беглых крестьян, спасавшихся от закрепощения по Соборному уложению 1649 г. Пополнив ряды беднейших казаков (голутвенных людей), они влились в отряды, с которыми Разин переправился с Дона на Волгу для того, чтобы промышлять разбоем

как верным способом не только прокормить своих приверженцев, но и снискать себе славу и деньги.

Спустившись на стругах до Астрахани, «воровские казаки» вышли в Каспийское море, захватили Яицкий городок, где провели зиму 1667–1668 гг., после чего отправились в Персидский поход, о котором имеется очень мало достоверных сведений [Никитин 2017: 35]. Известно, однако, что он продолжался более года, позволив казакам вернуться с богатой добычей. Дорогие персидские ткани, золотые кольца и драгоценные камни стали наживкой для астраханских воевод, побудив их в обмен на щедрые подарки выдать Разину государеву милостивую грамоту и пропустить его казаков вверх по Волге к Дону. Получив прощение, Разин не сдержал данное им обещание впредь беспрекословно подчиняться верховной власти царя Алексея Михайловича (1645–1676) и его ставленников. После своего возвращения в октябре 1669 г. на «тихий Дон» он принялся готовиться к еще более масштабному походу. Вопреки обычаю, Разин не распустил свое войско, численность которого неуклонно росла за счет новых сторонников, привлеченных как его удачей в борьбе против «нехристей», так и его щедростью по отношению к обездоленным. Третья глава заканчивается констатацией того, что посулы Разина освободить простой люд «от ярма и рабства боярского» дошли до Москвы, где вызвали беспокойство властей предрежащих. В целом, изложенные в ней события предстают как подготовка кульминационного этапа разинского движения 1670–1671 гг., когда оно приобрело ярко выраженный социальный подтекст, подпитываемый стремлением распространить казачьи порядки на всю Россию.

Воспоминания об удалом атамане Степане Разине остались жить в народе, слагавшем о нем песни и предания, в которых ему приписывались магические способности. Испытывая большой интерес к фольклору, Мериме переложил в изящной прозе собранные Костомаровым песни. Стоит отметить, что писатель никогда не делал стихотворных переводов. Даже поэма «Цыганы» и лирические стихотворения А. С. Пушкина «Гусар», «Анчар», «Кромешник», «Пророк» были переведены им в прозе [Шульц 1880: 3, 16–17, 47]. К слову, А. С. Пушкин создал поэтический цикл «Песни о Стеньке Разине» (1824–1826), который оставался неопубликованным вплоть до 1881 г. по причине цензурного запрета. Вошедшие в него три стихотворения были настолько проникнуты народным духом, что знаток творчества поэта Б. Л. Модзалевский ошибочно принял их за записи песенного фольклора [Березкина 1999: 176, 178, 184–185].

Центральную часть третьей главы очерка П. Мериме занимает рассказ о злодейском утоплении взятой в плен «персидской княжны», совершенном Стенькой Разиным по прибытии из Каспийского похода в Астрахань. Вслед за Н. И. Костомаровым, писатель не ставил под сомнение правдивость свидетельства Я. Я. Стрёмса, мемуариста — выдававшего себя за очевидца жестокой расправы атамана со своей любовницей [Стрёмс 1935: 201]. Однако обстоятельное исследование казачьих обычаев и преданий позволило современным разиноведам усомниться как в существовании

«персидской княжны», так и в самом факте ее утопления в Волге [Королев 2004; Неклюдов 2016]. Как убедительно показал С. Ю. Неклюдов, в процессе своего бытования легенда о принесенном Разиным жертвоприношении водяному духу прошла через разные этапы трансформации, одним из которых стала запись Костомаровым услышанной им версии «при собирании фольклорно-этнографических материалов во время саратовской ссылки 1848–1856 гг.» [Неклюдов 2016: 195]. Эта версия, помещенная в «Бунте Стеньки Разина» в добавление к пересказу свидетельства Стрёйса, была воспроизведена П. Мериме, хотя и не дословно [Костомаров 1859: 96; Mérimée 1865: 329]. Предание о Девичьем кургане — еще одна «уникальная фольклорная версия» легенды, записанная соотечественником Мериме, а также его собратом по перу Александром Дюма (1802–1870), совершившим путешествие по России и Кавказу в период с июня 1858 г. по март 1859 г. [Неклюдов 2016: 210–230]. Учитывая интерес Мериме к России, можно предположить, что он не мог пройти мимо путевых впечатлений А. Дюма, издания которых пользовались большим успехом среди читателей. Тем не менее к настоящему времени нам не удалось обнаружить в обширной переписке Мериме, относящейся к периоду созревания замысла его очерка о Стеньке Разине, какого-либо отклика на предание о Девичьем кургане в изложении А. Дюма.

В процессе перевода на французский язык народных песен о Стеньке Разине Мериме сталкивался с определенными сложностями, которые старался преодолеть с помощью своих русских друзей. Вот что он писал по этому поводу П.-А. Лебрэну, директору «*Journal des savants*»: «Терзаюсь сомнениями относительно смысла казачьего четверостишия; никто не смог мне его объяснить. Впрочем, разве имеет значение неверное толкование, которое может выявить только казак, а много ли у Вас подписчиков на берегах Волги и Дона?» [Darcos 1998: 409]. В подтверждение этим сомнениям писателя в ходе работы над переводом третьей главы нами было выявлено искажение смысла последнего четверостишия песни «Уж вы, горы, мои горы!», которое отмечено в соответствующем примечании.

Добавим также, что Мериме вносил в свой очерк понятия, привычные для французского кругозора, но отсутствующие в монографии Костомарова в силу их чужеродности для русского культурного сознания. В третьей главе обращает на себя внимание использование слов *aventuriers*, *corsaires*, *flibustiers* (соответственно ‘искатели приключений’, ‘корсары’, ‘флибустьеры’) применительно к казачьей ватаге, промышлявшей разбоем на Волге и Каспии, и непосредственно к Степану Разину. Грабительские походы Разина тем самым ассоциировались с морским разбоем XVII в. в Карибском море, о котором французский читатель имел весьма хорошее представление благодаря парижскому двухтомному изданию книги А. Эксквемелина «Пираты Америки» (1686). Сам Мериме признавался в одной из своих более ранних работ в том, что видит много общего между флибустьерами и казаками, чья «энергия в борьбе против целого общества» вызывала у него невольное восхищение [Гончарова 2023: 31].

При переводе на русский язык упомянутых выше понятий использовались слова, принятые в отечественной историографии разинского движения, — *удальцы, разбойники, морские разбойники, грабители*.

Приведенный здесь перевод третьей главы исторического очерка П. Мериме «Стенька Разин» осуществлен по французскому изданию 1865 г. [Mérimée, 1865: 316–334]. Два примечания, которыми сопровождал свой текст Мериме, помещены внизу соответствующей страницы. Остальные постраничные примечания составлены переводчиком для пояснения или дополнения содержания очерка.

III

23 марта 1668 года разбойники пустились в плавание по Каспийскому морю. Количество и мощь их судов неизвестны. В большинстве своем это были худо-бедно оснащенные струги. На них имелось несколько бронзовых пушек или скорее фальконетов. При этом абсолютно все, от капитана до простого казака, были воспламенены воинственным или религиозным энтузиазмом. Большинство из них война с мусульманами воспринималась как возможность искупления незначительных предосудительных поступков, совершенных по отношению к соотечественникам на Волге и Яике. Они верили в удачу своего предводителя, и ни предстоящие тяготы, ни жестокие лишения не могли отбить у них охоту участвовать в походе. Все лето и частично осень 1668 года прошли в набегах на западное побережье Каспийского моря, от Дагестана вплоть до территории южнее Баку. Опережая быстротой своих перемещений молву об их разбойничьих подвигах, они высаживались на берег, нападали на города и села, грабили их, а затем сжигали. Не найдя ничего стоящего, похищали людей для продажи в рабство. То сгибаясь под тяжестью богатой наживы, то спасаясь от яростного преследования воинственных племен, они добирались до своих судов и, отплыв подальше, начинали все сызнова. Порой во дворце посаженного на цепь или убитого персидского князя они затевали долгие разгульные пиры, а на следующий день пили только соленую воду и ели баланду из проса. С наступлением холодов Стенька принялся искать место для зимовки. Он обосновался на маленьком острове, названном русскими Свиным (*Свиной острог*)², соорудил вокруг рвы и палисады и разместил своих людей в шалашах из глины и камышей. Но и тогда он не тратил попусту время, обменивая пленных мусульман на попавших в рабство христиан. За трех или четырех христиан он отдавал, как говорят, только одного мусульманина. Этот обмен пришелся как нельзя кстати для того, чтобы пополнить его отряды, сильно поредевшие из-за болезней и сражений, и его слава от этого приумножилась. Разбойник прослыл крестоносцем, героическим воителем за веру. По России тогда прокатилась молва, что царь не имеет на Каспийском море судов для защиты своих подданных от неверных, в то время как бравый атаман в скором времени разобьет оковы пленников, наго-

² Предположительно Свиной остров, на котором обосновались казаки, находился «южнее Баку, недалеко от реки Куры». Совсем крошечный («длина — 0,9 км, ширина — 0,4 км»), он получил свое название из-за обитавших там кабанов. Позднее назван Дуваным в память о пребывании там казаков [Чертанов 2016: 107].

няя страх на варваров даже в их крепостях. Новая успешная вылазка вознесла Стеньку на вершину славы. Зимой по приказу шаха³ для истребления грабителей были снаряжены шестнадцать боевых кораблей с примерно четырьмя тысячами воинов на борту⁴. Флотилию возглавил Менеды-хан⁵, и поскольку он верил в то, что стоит ему лишь показать себя, как победа будет одержана, он взял с собой часть своей семьи, сына и дочь редкой красоты, в чем вскоре раскаялся. Персы потерпели разгромное поражение: тринадцать из их кораблей были захвачены⁶. Менеды-хану удалось бежать, но в руки к Стеньке попали его сын и дочь, с которыми разбойник поступил так же, как герои Гомера поступали со своими пленниками⁷.

Есаул, иными словами поручик Стеньки, которого казачьи поэты называют Ильей Муромцем⁸, кажется, немало способствовал наряду со своим предводителем этой победе. Как гласит народная молва, в ее достижении большую роль снова сыграла магия: «По морю Синему, по морю Хвалынскому (Каспийское море) плывет “Сокол”, легкий корабль. Вот уж тринадцать лет не бросал он якорь, тринадцать лет не подходил к крутому берегу, не видал золотой песок. Его бока крепки, как у дикого быка⁹, от носа до кормы изгибаются, как змея. Атаманом там — сам Стенька Разин, есаулом — Илья Муромец¹⁰. На Муромце темно-желтый кафтан, на том кафтане золотые пуговицы, а на каждой пуговице (выгравировано) по свирепому льву. Вот напали на

³ Шах Персии Сефи II Солейман (1666–1694) из династии Сефевидов [Никитин 2017: 30].

⁴ П. Мериме не указывает источник своих сведений, которые совпадают с информацией, приводимой Н. И. Костомаровым, только в отношении числа воинов на борту персидской флотилии. Костомаров писал, что в распоряжении персиян было «семьдесят судов; в них, по известию современников, было 3700 или 4000 персиян и наемных горных черкес» [Костомаров 1859: 75]. В других работах встречается упоминание о 50 судах персидской флотилии [Никитин 2017: 31].

⁵ Имеется в виду Мамеды-хан, наместник Астрабада, который фигурирует в тексте Н. И. Костомарова под именем Менеды-хана [Чертанов 2016: 108].

⁶ Н. И. Костомаров не приводит количество захваченных персидских легких судов, указывая на то, что «только три струга убежали с несчастным ханом» [Костомаров 1859: 76].

⁷ В поэме «Илиада», насыщенной сценами сражений между троянцами и ахейцами, захваченные в плен девушки и мальчики (мужчины предпочитали биться до последнего) попадали в рабство. Пленные девушки зачастую становились наложницами. Пленного сына Мамеды-хана звали Шабын-Дебеем, по свидетельству ряда исторических источников, в то время как «наличие у него сестры не подтверждается никакими документами...» [Неклюдов 2016: 190].

⁸ У Н. И. Костомарова есаулом Стеньки значится Ивашка Чернойрец [Костомаров 1859: 58]. Мериме не приводит настоящего имени есаула, довольствуясь устной традицией народной песни, в которой он зовется, как былинный богатырь, Ильей Муромцем.

⁹ Не знаю, правильно ли я перевел этот весьма непонятный текст:

И бока-то сведены по-туриному,

А нос да корма по-змеиному...

Слово *по-туриному*, как мне кажется, произошло от *тур*, дикий бык, зубр, но могло образоваться и от глагола *турить*, гнать; тогда его смысл такой: борта прочно подогнаны для быстрого плавания. — *Примеч. П. Мериме.*

¹⁰ Илья Муромец, или Илья из Муромы, — герой многих народных легенд. Это крестьянин колоссальной силы, лукавый, хитрый, обжора и пьяница, как типичный русский мужик. — *Примеч. П. Мериме.*

“Сокол” разбойники с проклятыми татарами и персами. Хотят они захватить, хотят разграбить “Сокол”, хотят взять в плен Илью Муромца. На верхней палубе стоит Илья Муромец, проводит он своей тросточкой по пуговицам, вспыхнули огнем его пуговицы, зарычали львы. Ах! Какой же страх охватил проклятых татар! В ужасе бросились они в Синее море!»¹¹

После победы, за которую Стеньке пришлось дорого заплатить потерей его казачьей элиты, он решил, что для него настало время вернуться в Россию и сыграть там более достойную роль, нежели роль морского разбойника. Он сделал себе имя; набрав вдоволь золота и трофеев, победив правителя, чей флаг до тех пор в одиночку реял над Каспийским морем, ему теперь хотелось показаться народу в роли мстителя за угнетенных. Итак, Стенька решил воротиться как можно скорее к Войску Донскому и привлечь его на свою сторону.

Чтобы добраться до берегов Дона, удалыцы могли выбрать один из двух возможных путей: подняться по Волге, по которой они спустились в предыдущем году (однако в таком случае им пришлось бы пройти мимо Астрахани), либо же по Куме, судоходной в то время, по свидетельствам современников, после чего войти в Маныч, один из донских притоков. Разумеется, в последнем случае им пришлось бы не раз волочить свои струги по земле. Кроме того, им недоставало запасов провизии для перехода через пустынную местность. Взвесив все за и против, они устремились к Волге. Они понимали, что воевода спросит с них сполна за все их подвиги; однако они также знали, что простонародье и стрельцы были на их стороне, что московское правительство не решится строго наказать казаков, возвращающихся с победой и к тому же связанных с Войском Донским; наконец, — и это было главным аргументом — они были достаточно богаты, чтобы подкупить тех, кто попытался бы помешать им пройти по Волге. В самом деле, у астраханских воевод, привычных к зрелищу возвращающихся из похода казаков, всегда имелись в запасе готовые милостивые грамоты для продажи.

При входе в один из рукавов дельты Волги казачья флотилия обнаружила учуг¹², принадлежавший астраханскому митрополиту¹³. В это время у казаков заканчивались припасы; к тому же их сражения с неверными, казалось, давали им право не ограничивать себя в пользовании имуществом Церкви. Посему они набрали рыбы, икры и орудий лова, которые могли им пригодиться. Взамен высадили на берег нескольких из освобожденных христианских пленников, которым отдали священные сосуды и другую церковную утварь, в свое время похищенную мусульманами и обнаруженную в ходе одного из грабежей, — таково было представление казаков о праве. Они собирались уже отправиться вверх по Волге, как вдруг им сообщили о появлении двух персидских бус, одна из которых перевозила товары, принадлежавшие частным лицам, а другая — подарки шаха русскому царю. Казаки немедленно вернулись

¹¹ П. Мериме перелагает в прозе народную песню «Уж как по морю, по морю синему» [Костомаров 1859: 76–77].

¹² Учуг — «преграда с сетями, устанавливаемая поперек реки для ловли рыбы» [Ушаков 1935–1940 (4): 1042].

¹³ Митрополит Астраханский и Терский Иосиф (1597–1671). Н. И. Костомаров подробно описал его мученическую гибель от хозяйничавших в Астрахани казаков под командованием Васьки Уса 11 мая 1671 г. [Костомаров 1859: 188–210].

в море и ограбили бусы. Оказавшихся на них стрельцов и других пассажиров они высадили на берег, оставив себе только сына персидского торговца, за которого потребовали с только что ограбленных ими людей выкуп в пять тысяч рублей.

Оба этих преступления не казались Стеньке достаточно серьезными, чтобы повлиять на ход его будущих переговоров с воеводой князем Прозоровским¹⁴. У того на самом деле были милостивые грамоты, однако получить их можно было только на его условиях. Демонстрируя непоколебимую самоуверенность, Стенька бросил якорь возле Астрахани, вышел на берег под приветственные крики народа и в знак верности властям оставил свой *бунчук* в приказной избе. *Бунчук* представлял собой копье¹⁵ с привязанным к его концу лошадиным хвостом и был символом власти атамана. Передавая его в руки властей, казак совершал акт подчинения и поклонения царю. Начались переговоры, в которых обе стороны выказали необыкновенную учтивость; в перерывах устраивались праздники и пиры. Воевода требовал: 1) чтобы казаки отдали ему свои морские струги в обмен на речные, которые он выдаст им для того, чтобы они смогли подняться по Волге; 2) чтобы они передали ему свои пушки; 3) чтобы они выдали властям находившихся у них на борту стрельцов-дезертиров и персидских пленных, взятых во время плавания в дельте Волги, вместе с их имуществом; 4) чтобы Стенька и его ватага заявили о своей покорности и поклялись впредь жить мирно.

Относительно последнего требования никаких сложностей не возникало. Стенька готов был поклясться в чем угодно. Струги ему теперь были без надобности, и он соглашался оставить их воеводе. Он также соглашался уступить те пушки, которые захватил на Волге и в Яицкой крепости, однако хотел оставить себе остальные, которые, по его словам, являлись его собственностью; тем более что они могли ему пригодиться при переходе через степи между Волгой и сторожевыми постами Дона, если на него напали бы кочевники — ногайцы и калмыки. Стенька категорически отказывался отдать мусульманских пленнх и их товары: по законам войны они были его собственностью; кроме того, он не понимал, о каких беглых стрельцах шла речь: с ним были только свободные казаки¹⁶. На предложение воеводы осмотреть его судовые команды атаман вспылел, закричал о посягательстве на привилегии Войска Донского и о попытке получить от него уступки, о которых ничего не говорилось в милостивых грамотах.

¹⁴ Князь Иван Семенович Прозоровский (ок. 1618–1670) получил назначение первым воеводой в Астрахань в июле 1667 г., вторым стал его брат Михаил. Защищая Астрахань, был ранен бунтовщиками, после чего С. Разин сбросил его с церковной колокольни 22 июня 1670 г. [Mérimee 1865: 343–345].

¹⁵ Слово тюркского происхождения; первоначально *бунчук* — украшение из конских или волчьих хвостов для специального копья, ставшего символом воинской и публичной власти у азиатских кочевников [Худяков 2012: 23]. Впоследствии на протяжении XV–XVIII вв. бунчук использовался «как знак власти у турецких пашей, польских и украинских гетманов и атаманов русского казачьего войска» и представлял собой «длинное древко», на верхний конец которого крепился шар или острие копья, пряди из конских волос и кисти [Прохоров 1993: 176].

¹⁶ Донские казаки, многие из которых сами происходили из беглых, придерживались принципа «С Дону выдачи нет» [Никитин 2017: 19].

Спор был долгим и оживленным, но завершился соглашением сторон. Атаман был щедр, а воевода жаден. Уже получив богатые дары, князь Прозоровский обратил внимание на великолепную шубу на плечах Стеньки и, не колеблясь, попросил ее себе, намекая, что обладает влиянием в Москве. «Бери, — сказал Стенька, накинув шубу на плечи воеводы, — только не поднимай шума!»¹⁷ Они сошлись на том, что Стенька передаст столько судов и пушек, сколько сочтет нужным, и его беспрепятственно пропустят дальше по реке, не выдвигая никаких дополнительных требований. Персидским торговцам воевода посоветовал выкупить захваченные разбойником товары и даже выставил собственной заслугой то, с какой готовностью казаки продавали награбленное, стремясь поскорее выручить деньги.

Такая сделка, бывшая обычным делом по тем временам¹⁸, показалась казачьим бардам недостаточно поэтичной для того, чтобы занять место среди их песен. По их толкованию, Стенька снова прибегнул к магии для того, чтобы избежать происков воеводы:

«Уж вы, горы, мои любезные горы! Раз вы так хотите, горы, мы расположимся лагерем у вашего подножия. У нас нет желания оставаться здесь ни год, ни даже пять дней: мы останемся на одну ночку и не сомкнем глаз на всем ее протяжении. Зарядим проворно наши ружья для того, чтобы проникнуть глубокой ночью в Астрахань, большой город, поскольку никто нас не видел, никто нас не слышал. Но воевода астраханский их видел, их слышал. Воевода отдает распоряжение зарядить сорок пушек и выстрелить в Стеньку Разина. — Ваши пушки меня не настигнут, ваши ружья меня не поймают. Словить меня, если будет мое желание, может только Маша, прекрасная дочь Астрахани. Маша спускается к кромке воды, машет своим шелковым платком. Она опустила шелковый платок в воду. Она обольстила Стеньку Разина, она будет его хозяйкой, она его пригласила. В ее доме накрыт стол; для чествования гостя выставлены пиво, медовуха; она наливает ему, чтобы он напился допьяна. Она укладывает его на свою кровать и отправляется предупредить власть. Тут же прибывают солдаты, молодые и красивые солдаты, которые сковывают ему ноги, руки надежными железными оковами. Они поместили Стеньку в маленькую железную клетку. Три дня его возят по Астрахани, три дня его морят голодом. Наконец Стенька просит у них всего лишь стакан воды для того, чтобы выпить глоток и вернуться в свою клетку: он вернулся в клетку, и вот он на Волге!»¹⁹

¹⁷ Н. И. Костомаров указал источником своих сведений о соболиной шубе С. Разина, нехотя отданной с плеча астраханскому губернатору, отрывок из хронографа И. И. Аверина, опубликованный в «Московитянине» за 1841 г. Историк отметил изобилие в нем анахронизмов, хотя и не ставил под сомнение содержащуюся в нем информацию [Костомаров 1859: 89–90]. Интересно в этой связи отметить, что вторая песня разинского цикла А. С. Пушкина «Ходил Стенька Разин в Астрахань-город торговать товаром» была создана на основе сказания о Стенькиной шубе, услышанного поэтом на псковской земле во время его ссылки в Михайловском 1824–1826 гг., до публикации хронографа Аверина [Березкина 1999: 183].

¹⁸ В изложении Н. И. Костомарова при заключении указанной сделки С. Разину сопутствовала удача. «Необыкновенная сила воли, все преклонявшая перед Стенькою и даровавшая ему звание волшебника, покорила ему и воевод» [Костомаров 1859: 88]. Мериме толковал сделку на более обыденном уровне.

¹⁹ П. Мериме перелагает в прозе народную песню «Уж вы, горы, мои горы!» [Костомаров 1859: 90–91].

Последний пассаж нуждается в комментарии для тех, кто не занимался изучением магических обрядов. Следует знать, что ни один чародей не сможет сотворить чудо, если не будет иметь под рукой первичной материи для своего колдовства. Казак хочет сбежать из тюрьмы на Волгу. Он просит стакан воды, который ему опрометчиво приносят. Он ныряет в этот стакан, само собой уменьшившись в размерах, исчезает и оказывается на Волге, куда впадают все воды Астрахани²⁰.

Роскошь, щедрость, широкие жесты атамана привели в восторг жителей Астрахани. Снасти на его струге были свиты из шелка, а паруса пошиты из дорогих персидских тканей. Его казаки вальяжно прохаживались по улицам в бархатных одеждах с золотыми цепочками на шее и драгоценными камнями на шапках. Стенька был обходителен со всеми, особенно с бедняками, и раздавал золото пригоршнями. Когда он сходил на берег, народ падал перед ним на колени и величал его не иначе как *батюшкой*, так вассал называет своего сюзерена.

Однако иногда героическая маска, которую надевал на себя Стенька Разин, спадала, и под ней обнаруживалось истинное лицо свирепого бандита. Я уже писал о том, что на его струге была дочь персидского адмирала, а у азиатов так много смирения, что единственной целью этой молодой женщины стало понравиться повелителю, которого ей определила война. До сел с пленницей хорошо обращались. Незадолго до отплытия к верховьям Волги атаман пировал с ней и несколькими командирами своего войска. Вероятно, ужин несколько затянулся, и большая часть пирующих захмелела. Стенька внезапно поднялся и, опершись на борт своего струга, любовался течением реки. «Ах, Волга-матушка! — воскликнул он. — Прекрасная река, милая моя, ты дала мне золота, серебра и другого добра; как добрая мать, наделила меня славой и богатством, но ничего еще не получила от меня взамен! Но погоди...». При этих словах он хватает пленницу и бросает ее в реку. Свидетель случившегося, голландец²¹, заметил, что на ней в это время было множество драгоценных камней значительной стоимости, которые Стенька не потрудился с нее снять. Г-н Костомаров задается вопросом, был ли этот жестокий поступок вызван опьянением, или же Стенька, переняв суровость запорожских казаков, изгонявших женщин из своих лагерей, хотел продемонстрировать своему отряду, что готов пожертвовать любовью ради инте-

²⁰ Последние две строки народной песни после того, как Стенька попросил у сороживших его солдат стакан воды, в прозаическом переводе Мериме звучат иначе. Вместо песенного «Он во клетке окатился — / И на Волге очутился» [Костомаров 1859: 91] Разин просит стакан воды, возвращается в клетку и оказывается на Волге. Очевидно, здесь Мериме смешивает глаголы *окатиться* (т. е. облиться) и *оказаться*, из-за чего несколько искажается смысл исходного текста: если в тексте песни Стенька обливается водой из стакана, то в переложении Мериме он уменьшается в размерах и ныряет в стакан.

²¹ Вероятно, речь идет о Яне Янсене Стрёйсе (1630–1694), который с 1668 по 1670 г. служил парусным мастером в России. Свидетель движения Степана Разина, он после возвращения в Голландию издал в Амстердаме свои записки «Три путешествия» (1676), которые имели большой успех и были переведены на несколько языков [Стрёйс 1935: 24, 201]. Н. И. Костомаров неоднократно ссылался на записки Я. Я. Стрёйса в «Бунте Стеньки Разина».

ресов братства²². Немного спустя один из его казаков, который ввел в соблазн местную женщину, был утоплен по приказу Стеньки, а женщина — повешена за ноги. У запорожских казаков взять женщину с собой в поход считалось преступлением, которое каралось смертью. Наконец, еще одним возможным объяснением этого неистового поступка может быть вера Стеньки в какой-нибудь языческий обычай и желание принести искупительную жертву матери Волге, которую он считал божеством.

Гибель бедной пленницы, хорошо задокументированная голландским путешественником, находившимся тогда в Астрахани²³, приобрела в народных сказаниях магический ореол, которым окутаны все действия Стеньки. Уже не Волга, а Каспийское море принимает жертву. Стенька плывет по морю на своей чудесной кошме²⁴ с казаками и персидской княжной. Поднимаются волны, море угрожает поглотить их. «Море злится на нас из-за этой женщины», — говорят казаки. Стенька бросает ее в волны, и буря сразу утихает²⁵.

Прощаясь со Стенькой, астраханский воевода посоветовал ему для порядка вести себя более осмотрительно и не принимать к себе в войско царских подданных — одним словом, не компрометировать ни его, ни себя самого. Для большей надежности Стеньку должен был сопровождать до границы казачьих земель московский служилый²⁶. Несмотря на присутствие надзира-

²² У Н. И. Костомарова ничего не говорится о том, что Разин перенял запорожский обычай изгонять женщин из своих лагерей. Он писал лишь о том, что «Стенька, как видно, завел у себя запорожский обычай: считать непозволительное обращение с женщиной поступком, достойным смерти» [Костомаров 1859: 94–95]. Мериме, как и Костомаров, сосредоточил внимание на поиске объяснения жестокому поступку Разина, тогда как большинство современных исследователей считает историю с утоплением персидской княжны «абсолютно недостоверной» [Никитин 2017: 35].

²³ См. примеч. 21.

²⁴ В толковом словаре Д. Н. Ушакова приводятся два значения слова *кошма*: «1) большой кусок войлока; 2) многоярдный плот из мелкого леса (на Волге)» [Ушаков 1935–1940 (1): 1493]. По-видимому, в данном случае слово кошма используется в первом значении войлока из овечьей или верблюжьей шерсти, имевшего распространение у скотоводческих народов Средней Азии, так как «по одной из легенд, Разин привез из Персии волшебный ковер» [Королев 2004]. Надо полагать, что под «чудесной кошмой» Разина подразумевается войлочный ковер.

²⁵ Мериме пересказывает в свободной форме народное сказание, записанное Н. И. Костомаровым. «В русском фольклоре песня на этот сюжет неизвестна. Народные предания о расправе Разина с любовницей носят легендарно-сказочный характер» [Березкина 1999: 179]. Гибель персидской княжны стала источником вдохновения для А. С. Пушкина при создании песни «Как по Волге реке, по широкой» (1826) из разинского цикла. Песня «Из-за острова на стрежень» (1883) на слова Д. Н. Садовникова, самым известным исполнителем которой был Ф. И. Шаляпин, очень быстро снижала репутацию народной.

²⁶ В оригинале «un officier moscovite» [Mérimée 1865: 329]. Мериме употребляет обобщенное выражение, которое мы посчитали необходимым перевести так же обобщенно «московский служилый», в то время как у Костомарова речь идет о *жильце*: «Четвертого сентября воеводы отправили казаков на Дон <...> их провожать должен был жилец Леонтий Плохово до Царицына, а от Царицына до Паншина отряд из пятидесяти стрельцов» [Костомаров 1859: 96]. Имеется в виду Леонтий Богданович Плохово, которому было поручено следить, «чтобы они (казаки), идучи Волгой, никакого дурна не учинили бы» [Половцов 1896–1918 (14): 128]. Жильцы как «чиновно-статусная группа Государева двора во 2-й трети 16 — нач. 18 вв.» представляли собой низшую прослойку московских чинов. В жильцы шли, как правило, молодые люди, средний

ля, Стенька продолжал принимать к себе беглых крепостных и дезертировавших солдат. На упреки служилого он отвечал, что казаки никогда не выдают тех, кто просит у них убежища. По прибытии в Царицын Стенька встретил некоторых из своих товарищей, приехавших с берегов Дона за солью. Они пожаловались ему на бесчинства воеводы. Стенька вступился за них и, уже изображая из себя освободителя, пригрозил воеводе²⁷ страшной карой, если впредь тот осмелится притеснять казаков. Повод не заставил себя ждать. Как известно, казаки, опасаясь собственной невозддержанности, никогда не брали с собой в походы крепких напитков, а по возвращении вознаграждали себя за это продолжительными кутежами. Страшась, как бы пьянство не спровоцировало разбойников на совершение насильственных действий, царицынский воевода по их прибытии вдвое поднял цены на водку в надежде на то, что казаки поскупятся и не станут напиваться допьяна, — по крайней мере так он ответил на их жалобы, — однако Стенька не дал себя провести²⁸. Он сошел на берег, выбил дверь приказной избы и, вероятно, расправился бы с воеводой, если бы тот вовремя не спрятался. Устав от бесплодных поисков, Стенька велел сбить замок с дверей тюрьмы, выпустил заключенных на волю, и казаки, пьяные и ободренные примером атамана, разграбили два торговых судна. Капитан одного из них, везший царские грамоты астраханскому воеводе, запротестовал и показал свои бумаги. Казаки расхохотались ему в лицо и разорвали грамоты в клочья.

Когда вести об этих насилиях дошли до Астрахани, князь Прозоровский отправил к Стеньке немецкого капитана, уполномоченного потребовать возмещения убытков под страхом царской немилости. «Скажи своему воеводе, — ответил Стенька, — что я не боюсь ни его, ни более могущественного, чем он. Мы еще увидимся и сведем счеты. Сейчас он задирает нос и пытается обращаться со мной как с холопом — со мной, вольным человеком от рождения; но я сильнее его, и однажды он это поймет».

Такие речи нравились толпе. Оскорбляя и унижая гордецов, атаман выступал в роли посланного небом заступника крепостных. Сравнивая свои убожество и нищету с казачьей отвагой и вольностью, они говорили себе, что для того, чтобы стать казаком, достаточно подпоясаться саблей и пожелать ему

возраст которых составлял 26 лет, выходцы из титулованной и нетитулованной знати. «В круг обязанностей жильцов входило постоянное пребывание при царском дворе (от 40 и более жильцов, составляя одну из групп служителей-охранников, жили во дворце; отсюда и название этой группы), служба в приказах и различных дворцовых ведомствах. Их часто использовали как царских гонцов, они выполняли отдельные административные и дипломатические поручения, но не занимали заметных постоянных должностей» [Осипов 2004–2017 (10): 90]. Стремясь к тому, чтобы сделать свой текст как можно более доступным для французского читателя, Мериме, в отличие от Костомарова, старался не употреблять русские термины XVII в.

²⁷ Андрей Деметьевич Унковский, московский дворянин, воевода в Царицыне с 1666 по 1669 г. [Клушин 2015: 23].

²⁸ «Испытывая давнюю неприязнь к воеводе Андрею Унковскому, который притеснял приезжавших в Царицын “для всяких покупок” казаков и постоянно информировал Москву об обстановке на Дону, атаман был взбешен еще и тем, что, рассчитывая поживиться за казачий счет, Унковский распорядился продавать вино за двойную цену» [Никитин 2017: 36].

воспользоваться. Где бы ни проходили разбойники, они разбрасывали семена бунта, которые вскоре должны были взойти.

Наконец Стенька перебрался с Волги на берега Дона. Вместо того чтобы отправиться в Черкасск, столицу казачества, где жила его жена с семьей, он остановился на маленьком острове Кагальник на Дону, укрепил его рвами и частоколами и построил хижины. Его войско насчитывало тогда около 1500 человек, однако по истечении месяца оно почти удвоилось²⁹. Всю зиму Стенька оставался на острове, делая вид, что помышляет лишь о мирном существовании, которое позволит ему пожинать плоды своих трудов. Несмотря на почитание со стороны его соратников, казалось, что он отрекся от своего атаманского звания, жил как простой казак, обходительный со всеми, милосердный к обездоленным и всегда готовый поделиться своими богатствами со старыми товарищами. Бедные благословляли его. Однако те, кто приезжал издалека посмотреть на отважного разбойника, слава о котором гремела по всем станицам, пересказывали его желчные речи о боярах и царских приближенных. По его словам, они принуждали царя и разоряли народ ради собственного обогащения³⁰. Он не щадил и своего крестного отца, атамана Яковлева³¹, и обвинял его в том, что тот по любому поводу поступает в интересах и жертвует старинными привилегиями Войска Донского³². Недовольные, *голытьба*, стекались на его остров. Стенька радушно принимал всех, но ни с кем не делился планами, которые, возможно, составлялись у него в голове. Нравы его ватаги, которая в прошлом так легко шла на грабеж,

²⁹ Н. И. Костомаров писал по этому поводу с опорой на «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина» (М., 1857) следующее: «Когда он (Разин. — Т. Г.) пришел из Царицына, войско его состояло из полутора тысячи, а через месяц, как доносили посылаемые царицынским воеводою, у него было две тысячи семьсот человек» [Костомаров 1859: 102].

³⁰ «Легко было возмутить народ ненавистью к боярам и чиновным людям; легко было поднять и рабов против господ. Но было трудно поколебать в массе русского народа уважение к царской особе. Стенька <...> решил прикрыться сам личиною этого уважения» [Костомаров 1859: 145]. Следуя этой логике, Разин связывал с боярской «изменой» кончину царицы Марии Ильиничны Милославской (1624–1669), царевича Алексея (1654–1670), наследника престола, и царевича Симеона (1665–1669) [Никитин 2017: 43].

³¹ Корнилий Яковлевич Яковлев (ум. 1680), именуемый Корнило Яковлев, войсковой атаман на Дону. Его резиденцией был г. Черкасск (совр. станица Старочеркасская). Принадлежа к домовитым казакам, Корнило Яковлев старался удержать го-лытьбу от разбойных действий. Ему удалось воспрепятствовать намерению Степана Разина «поплыть по Азовскому морю и пошарпать турецкие берега». Однако в апреле 1667 г. Разину удалось обмануть его бдительность, отплыв со своей ватагой на стругах вверх по Дону в поисках славы и денег [Костомаров 1859: 53–54; Mérimée 1865: 308].

³² Войско Донское возникло в середине XVI в. как «вольная республиканская колония» русских людей с твердым и свободолюбивым характером, которые «не желали мириться с государственными и социально-экономическими порядками Московского царства». После Смутного времени на смену союзным отношениям Донской республики с Россией пришли отношения вассалитета, «когда колония сохраняет и развивает свое народоправство, но вступает добровольно в регулярные сношения с метрополией, оказывая ей военную помощь, получая за то постоянную субсидию (“жалованье”）」 (1614–1671). Начало царствования Алексея Михайловича ознаменовалось попытками московского правительства умалить права казачьего круга [Сватиков 2023: 13–14, 99–101].

со временем изменились. Теперь Стенькины казаки выказывали почтение к перекупщикам, ехавшим торговать в Черкасск, и если и останавливали их, то только затем, чтобы купить за наличные их товар. За короткое время Стеньке удалось основать новую столицу, соперничавшую с Черкасском. Против старого атамана восставал новый.

Перед религией Стенька испытывал не больший пиетет, чем перед властями. Когда при пожаре сгорело несколько церквей, стали собирать пожертвования на их восстановление. Зная о Стенькиной щедрости, к нему обратились в надежде на обильную милостыню, однако получили только отказ. «На что нужны церкви? — говорил Стенька. — К чему попы? Ах! Неужели чтобы венчать народ? Я покажу вам, как надо венчаться. Пусть молодые возьмутся за руки да пропляшут вокруг вербы — вот и весь обряд». Авторитет Стеньки был столь высок, что эта ритуальная пляска, позаимствованная из фольклора финских язычников, часто практиковалась казаками и считалась вполне законной, что вызывает удивление, принимая во внимание большую набожность русского народа³³.

Тем временем имя Стеньки уже было известно в Москве, и о нем начинали говорить со смесью любопытства и беспокойства. Астраханского воеводу упрекали в том, что он дал дорогу разбойникам. Он должен был их остановить, писали ему, отобрать у них добычу и в наказание за их злодеяния зачислить в московские стрельцы³⁴. Этот совет или приказ был получен с некоторым опозданием. От посланных на Дон лазутчиков приходили только неясные сведения: те либо не решались ехать в Кагальник, либо же им не удавалось разгадать планы Стеньки. Из их слов выходило, что атаман, похоже, отказался от прежней разбойничьей жизни, но пользовался огромной популярностью и имел склонность ею злоупотреблять.

Перевод с французского Т. Н. Гончаровой

Источники

Костомаров 1858 — *Костомаров Н.* Бунт Стеньки Разина // Отечественные записки. Т. 121. 1858. Кн. 11. С. 289–346; Кн. 12. С. 531–586.

Костомаров 1859 — *Костомаров Н.* Бунт Стеньки Разина. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859.

³³ В начале 1670 г. в Черкасске произошел сильнейший пожар, в ходе которого сгорел Воскресенский войсковой собор на майдане. На созванном по этому поводу казачьем кругу Степан Разин усомнился в необходимости восстановления собора. «Некоторые историки на основании этого считают возможным причислить Разина к “беспоповцам” — одному из течений старообрядчества, но в данном случае, вероятнее всего, просто сказалась приверженность мятежного атамана языческим традициям, сохранявшаяся в народе еще не одно столетие» [Никитин 2017: 40].

³⁴ В монографии Н. И. Костомарова приведена цитата из царского послания воеводам Астрахани, из которого следовало, что «воеводы не поняли смысла милостивой грамоты, посланной для вручения казакам». Истинный смысл заключался в том, чтобы «отпустить казаков с моря на Дон, а не из Астрахани Волгою». К тому же, милостивая грамота давалась только на тот случай, когда их нельзя было бы поймать и отправить на стрелецкую службу [Костомаров 1859: 104–105].

- Костомаров 1991 — *Костомаров Н. И.* Стенька Разин // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. [Репринтное воспроизведение 1-го изд.]. Кн. 2. М.: Книга, 1991. С. 325–344.
- Маньков 1968 — Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. Л.: Наука, 1968.
- Стрѣйс 1935 — *Стрѣйс Я.* Три путешествия / Пер. Э. Бородиной; Ред. А. Морозова. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935.
- Mérimée 1861 — *Mérimée P.* Бунт Стеньки Разина // *Journal des savants*. Juillet 1861. P. 389–420.
- Mérimée 1865 — *Mérimée P.* Stenka Razine // *Mérimée P. Les Cosaques d'autrefois*. 2e éd. Paris: Michel Lévy frères, 1865. P. 295–369.
- Relation 1856 — Relation des particularités de la rebellion de Stenko-Razin contre le grand-duc de Moscovie. Épisode de l'histoire de Russie du XVIIe siècle précédé d'une introduction et d'un glossaire par le prince Augustin Galitzin. Paris: J. Techener, 1856.

Словари

- Осипов 2016 — Большая Российская энциклопедия: В 35 т. / Председ. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов [и др.]. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2004–2017.
- Половцов 1896–1918 — Русский биографический словарь: В 25 т. / Под набл. ... А. А. Половцова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918.
- Прохоров 1993 — Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993.
- Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка: в 4 томах / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Литература

- Березкина 1999 — *Березкина С. В.* Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А. С. Пушкина // Русский фольклор. [Вып.] 30: Материалы и исследования / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. С. 176–185.
- Гончарова 2023 — *Гончарова Т. Н.* Когда Крымская война знакомит французов с украинскими казаками: исторический очерк П. Мериме // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Т. 23. № 1. 2023. С. 26–46.
- Клушин 2015 — *Клушин А. А.* Царицынские воеводы, коменданты и городничие (1589–1862) // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Вып. 8 / [Ред.-изд. Е. В. Астафьев]. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2015. С. 14–46.
- Королев 2004 — *Королев В. Н.* Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 2. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. С. 82–120. [Цит. по републ. на: Раздорский этнографический музей-заповедник. URL: <http://museum-razdory.ru/images/donka-037.pdf>].
- Неклюдов 2016 — *Неклюдов С. Ю.* Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016.
- Никитин 2017 — *Никитин Н. И.* Разинское движение: взгляд из XXI в. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2017.
- Сватиков 2023 — *Сватиков С. Г.* Россия и Дон. История донского казачества: 1549–1917: Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. М.: Центрполиграф, 2023.

- Худяков 2012 — Худяков Ю. В. Копье и стрела как символы воинской и государственной власти у древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 20–26.
- Чертанов 2016 — Чертанов М. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 2016.
- Шульц 1880 — Шульц В. К. А. С. Пушкин в переводе французских писателей. СПб.: Тип. В. И. Грацианского, 1880.
- Cadot 2004 — Cadot M. Mérimée s'est-il intéressé à l'Ukraine? // Littératures. № 51. 2004. P. 117–128.
- Darcos 1998 — Darcos X. Prosper Mérimée. Paris: Flammarion, 1998.

References

- Berezkina, S. V. (1999). Istoriko-fol'klornye istochniki "Pesni o Sten'ke Razine" A. S. Pushkina [Historical and folklore sources of "Songs about Stenka Razin" by A. S. Pushkin]. In A. N. Rozov (Ed.). *Russkii fol'klor, Vol. 30: Materialy i issledovaniia* (pp. 176–185). Nauka. (In Russian).
- Cadot, M. (2004). Mérimée s'est-il intéressé à l'Ukraine? *Littératures*, 51, 117–128.
- Chertanov, M. (2016). *Stepan Razin*. Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Darcos, X. (1998). *Prosper Mérimée*. Flammarion.
- Goncharova, T. N. (2023). Kogda Krymskaia voina znakomit frantsuzov s ukrainskimi kazakami: istoricheskii ocherk P. Merime [How the French public got acquainted with the Ukrainian Cossacks at the time of the Crimean War: A historical essay by P. Mérimée]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*, 23(1), 26–46. (In Russian).
- Khudyakov, Yu. V. (2012). Kop'e i strela kak simvol'y voinskoi i gosudarstvennoi vlasti u drevnikh i srednevekovykh nomadov Tsentral'noi Azii [A spear and an arrow as symbols of military and state power in ancient and medieval nomads of Central Asia]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7, 20–26. (In Russian).
- Klushin, A. A. (2015). Tsaritsynskie voevody, komendanty i gorodnichie (1589–1862) [Tsaritsyn governors, commandants and mayors (1589–1862)]. In E. V. Astaf'ev (Ed.). *Nizhne-Volzhskii istoricheskii sbornik tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva* (Vol. 8, pp. 14–46). Izd-vo TsGO. (In Russian).
- Korolev, V. N. (2004). Utopil li Sten'ka Razin kniazheni? (Iz istorii kazach'ikh nraov i obychaev) [Did Stenka Razin drown the princess? (From the history of Cossack morals and customs)]. In *Istoriko-kul'turnye i prirodnye issledovaniia na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeia-zapovednika* (Vol. 2, pp. 82–120). UPTs "Nabla" IuRGU (NPI). (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2016). *Legenda o Razine: persidskaia kniazheni i drugie shizhet'y* [The legend of Razin: The Persian princess and other stories]. Indrik. (In Russian).
- Nikitin, N. I. (2017). *Razinskoe dvizhenie: vzgliad iz XXI v.* [The Razin movement: A view from the 21st century]. Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).
- Shul'ts, V. K. (1880). *A. S. Pushkin v perevode frantsuzskikh pisatelei* [A. S. Pushkin translated by French writers]. Tipografiia V. I. Gratsianskogo. (In Russian).
- Svatikov, S. G. (2023). *Rossii i Don. Istoriia donsogo kazachestva: 1549–1917: Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenii na Donu* [Russia and the Don. History of the Don Cossacks: 1549–1917: Research on the history of State and administrative law and political movements on the Don]. Tsentrpoligraf. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Гончарова

*кандидат исторических наук
доцент, кафедра истории Нового
и новейшего времени, Институт
истории, Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5*

✉ t.goncharova@spbu.ru

Information about the author

Tatiana N. Goncharova

*Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department
of Modern and Contemporary History,
Institute of History, Saint-Petersburg
State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Mendeleevskaya Line, 5*

✉ t.goncharova@spbu.ru

Е. Н. Строганова

<https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

✉ enstraganova@yandex.ru

Государственный мемориальный музей-заповедник
Д. И. Менделеева и А. А. Блока (Россия, Солнечногорск)

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ ИЗ АЛЬБОМА СЕМЬИ АЛЯБЬЕВЫХ

Аннотация. В отделе рукописных фондов Государственного литературного музея хранится рукописный альбом из семьи Алябьевых, который, возможно, принадлежал Наталии Павловне Хвощинской, в замужестве Алябьевой. Но также вероятно, что первой владелицей альбома была Екатерина Авраамовна Хвощинская, в замужестве Акинфова, чья внучка стала женой Б. И. Алябьева. И Н. П. Алябьева, и Е. А. Акинфова поддерживали отношения со своей кузиной, писательницей Надеждой Дмитриевной Хвощинской, чья проза, подписанная псевдонимом *В. Крестовский*, уже в середине XIX в. пользовалась широкой известностью. Во вступительной части рассматривается история взаимоотношений писательницы с каждой из кузин и гипотетически устанавливается владельческая принадлежность альбома. В 1857 г. Н. Д. Хвощинская записала в этот альбом 22 своих стихотворения 1848–1852 гг. под общим заголовком «Из стихотворений Надежды Дмитриевны Хвощинской». Поэзия Хвощинской, вопреки неосновательному мнению о ней как о стороннице «чистого искусства», проникнута гражданскими настроениями. В отличие от большинства поэтесс, ее интересовали проблемы социального и философского порядка, и нередко она говорила от лица коллективного «мы», подразумевая людей своего поколения, чья зрелость пришлась на 1850-е годы. Некоторые из переписанных текстов ранее были опубликованы, но девять стихотворений, особенно ярко выражавших общественные идеалы автора и ее неизменный интерес к европейским политическим процессам, не могли быть напечатаны в свое время. Эти никогда прежде не публиковавшиеся стихотворения вошли в предлагаемую подборку.

Ключевые слова: альбом, Н. Д. Хвощинская, кузины, история отношений, эпистолярный, неопубликованные стихи, общественные идеалы, люди 1850-х годов

Благодарности. Искренне благодарю Елену Иосифовну Погорельскую, старшего научного сотрудника ИМЛИ РАН, за помощь и содействие в работе.

Для цитирования: Строганова Е. Н. Неопубликованные стихотворения Н. Д. Хвощинской из альбома семьи Алябьевых // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 320–345.

Поступило 7 декабря 2023 г.; принято 14 июля 2024 г.

E. N. Stroganova

<https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

✉ enstroganova@yandex.ru

State Memorial Museum-Reserve of D. Mendeleev and A. Blok
(Russia, Solnechnogorsk)

UNPUBLISHED POEMS BY N. D. KHVOSHCHINSKAYA FROM AN ALBUM OF THE ALYABYEV FAMILY

Abstract. The Department of Manuscript Collections of the State Literary Museum holds a handwritten album from the Alyabyev family that may have belonged to Natalia Pavlovna Khvoshchinskaya, Alyabyev's wife. But it is also quite likely that the first owner of the album was Ekaterina Avraamovna Khvoshchinskaya, married to Akinfov, whose granddaughter became the wife of B. I. Alyabyev. Both N. P. Alyabyeva and E. A. Akinfova maintained relations with their cousin, the writer Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya, whose prose, signed with the pseudonym *V. Krestovsky*, was already famous in the middle of the 19th century. The introductory part examines the history of the writer's relationship with each of her cousins and hypothetically establishes the ownership of the album. In 1857 N. D. Khvoshchinskaya recorded 22 of her poems from 1848–1852 in this album under the general heading "From the poems of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya". Khvoshchinskaya's poetry, contrary to the unfounded opinion of her as a supporter of "pure art," is imbued with civic sentiments. Unlike most poetesses, she was interested in social and philosophical problems, and she often spoke on behalf of the collective "we", that is people of her generation, whose maturity occurred in the 1850s. Some of the rewritten texts had previously been published, but nine poems, which particularly clearly expressed the author's social ideals and her abiding interest in European political processes, could not be published at the time. These never-before-published poems are included in this selection.

Keywords. album, N. D. Khvoshchinskaya, cousins, history of relations, epistolary, unpublished poems, social ideals, people of the 1850s

Acknowledgements. I sincerely thank Elena Iosifovna Pogorelskaya, senior researcher at the IMLI RAS, for her assistance in the work.

To cite this article: Stroganova, E. N. (2024). Unpublished poems by N. D. Khvoshchinskaya from an album of the Alyabyev family. *Shagi / Steps*, 10(3), 320–345. (In Russian).

Received December 7, 2023; accepted July 14, 2024

В отделе рукописных фондов Государственного литературного музея хранится архив малоизвестного литератора конца XIX — начала XX в. Бориса Ивановича Алябьева. Настоящая публикация посвящена одному из экспонатов этой коллекции — рукописному альбому, находившемуся в числе других семейных реликвий в родовом имении Братиловое Владимирской губернии. Альбом, переданный в музей в 1950 г. дочерью Алябьева М. Б. Абрамовой, особенно интересен блоком стихотворений Н. Д. Хвошинской (1821¹–1889), чья проза, подписанная именем *В. Крестовский* (с 1869 г. *В. Крестовский-псевдоним* [Строганова 2011]) уже в 1850-е годы пользовалась широкой известностью. Однако начинала она свою литературную деятельность как поэтесса. В 1842–1856 гг. ее стихотворения, подписанные полным именем или инициалами *Н. Х.*, печатались в «Сыне Отечества», «Иллюстрированном листке» (позже — «Иллюстрации»), «Литературной газете», «Пантеоне», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» и др., но основная часть поэтического наследия писательницы осталась неопубликованной. В апреле 1857 г. она собственноручно записала в братиловский альбом 22 своих стихотворения под общим заголовком «Из стихотворений Надежды Дмитриевны Хвошинской». Чтобы понять появление этого автографа, необходимо обратиться к семейной истории Хвошинских — Алябьевых — Акинфовых.

Б. И. Алябьев принадлежал к старинному дворянскому роду², имена представителей которого известны в истории русской культуры — в частности, имя признанной красавицы пушкинского времени Александры Васильевны Алябьевой, в замужестве Киреевой. В 1854 г. ее брат Иван Васильевич, в то время титулярный советник, чиновник по особым поручениям при Московском почтамте [Адрес-календарь 1851: 213; 1852: 210; 1853: 213], женился на Наталии Павловне Хвошинской (до 1834–1911), дочери генерал-лейтенанта Павла Кесаревича Хвошинского. От этого брака родилось пятеро детей³, младшим из которых был Борис. В 1883 г. он женился на своей четвероюродной племяннице Марии Владимировне Акинфовой, которая была воспитана бабушкой — Екатериной Авраамовной (Абрамовной), урожденной Хвошинской (1820–1888)⁴. Мария, дочь ее единственного сына Владимира⁵, в начале 1900-х годов бросила мужа и, «поддержанная своими beaux-frères'ами — принцами Лейхтенбергскими, отстаивала свою свободу» от него [Осоргин 2009: 588–589]. Есть сведения о том, что в 1908 г. супруги развелись⁶, но после смерти мужа М. В. Алябьева оставалась хозяйкой име-

¹ О дате рождения Н. Д. Хвошинской см.: [Строганова 2021].

² Об истории рода Алябьевых см.: [Алябьев 2014].

³ Василий (25.12.1855–16.04.1859), Екатерина, в замужестве Зборомирская (11.02.1857–1932), Федор (5.06.1858–16.05.1859), Мария (до 1859 — после 1911) и Борис (24.07.1860–1.02.1919).

⁴ В 1838–1840 гг. фрейлина императрицы Александры Федоровны, в 1839–1840 гг. значилась «в отпуску» [Месяцеслов 1838: 43; 1839: 40; 1840: 40].

⁵ Владимир Николаевич Акинфов (1841–1914), владимирский вице-губернатор, симбирский губернатор.

⁶ См. базу данных «Rodovid» (URL: <https://ru.rodovid.org/wk/Семья:186450>) и «My heritage» (URL: https://www.myheritage.com/names/борис_альябьев?lang=RU).

ния. Таким образом, хранившийся в Братилове альбом мог принадлежать как Наталье Павловне, так и Екатерине Авраамовне, чьи отцы приходились друг другу двоюродными братьями: Павел (1790—1852) был вторым из четырех сыновей рязанского помещика Кесаря Дмитриевича Хвошинского, Авраам⁷ (1793—1860) — сыном Петра Дмитриевича Хвошинского.

Все сыновья К. Д. Хвошинского участвовали в Отечественной войне 1812 г., но судьбы их сложились по-разному. Павел начал свой воинский путь в петербургском ополчении в чине подпоручика. В 1825 г. он был полковником лейб-гвардии Московского полка и 14 декабря, находясь на Сенатской площади, старался отговорить солдат от выступления, за что подвергся нападению Д. А. Щепина-Ростовского⁸. Как пишет составитель «Истории лейб-гвардии Московского полка» Н. С. Пестриков, Хвошинский пытался вразумить восставших офицеров словами: «“Что вы делаете? <...> срам на Россию, а потом (указывая на солдат) и этих несчастных погубите”. Подбежал Щепин и, видя, что все остановились, не говоря ни слова, ударил полковника Хвошинского саблей по голове, разрубил козырек и сделал незначительную рану на лбу» [Пестриков 1904: 27]. Как и другие офицеры, проявившие верность Николаю Павловичу, Хвошинский был вознагражден: 25 декабря 1825 г. получил звание флигель-адъютанта и до 1832 г. оставался офицером свиты [Скалон 1908: 327—331]. В 1834—1842 гг. он был первым директором Полоцкого кадетского корпуса, впоследствии служил в Главном управлении военно-учебных заведений [Адрес-календарь 1850: 1]. Его семья принадлежала к аристократическим кругам Петербурга: супруга Варвара Александровна, подобно другим высокопоставленным дамам, занималась благотворительностью и была попечительницей Введенского приюта [Там же: 32], единственная дочь Наталия в 1848—1853 гг., до своего замужества, состояла во фрейлинской свите императрицы [Адрес-календарь 1848: 15; 1850: 15; 1851: 15; 1852: 16; 1853: 16]. И. В. Алябьев, став зятем покойного к тому времени Хвошинского, получил звание камер-юнкера и чин коллежского асессора [Адрес-календарь 1855: 9]⁹. П. К. Хвошинский никогда не порывал связей с рязанскими родственниками, в том числе с семьей своего младшего бра-

⁷ В биографических материалах встречаются разные варианты написания имени: *Авраам, Аврам, Абрам*; то же и в отчествах детей.

⁸ В ходе следствия Щепин-Ростовский показал, что Александр Бестужев «рубил полк[овника] Хвошинского», сам же он «раз ударил [его] по руке в пылу не помня себя» [Покровский 1925: 402]. В записке о «подробных действиях» Щепина-Ростовского эпизод с Хвошинским изложен следующим образом: «Полковник Хвошинский, когда упрекал Бестужевых за беспорядок и остановил в воротах нижних чинов, что увидя, Щепин нанес ему саблею три кровавые раны» [Там же: 412].

⁹ В 1856—1864 гг. Алябьев на службе не значился, но в электронном «Справочнике метрических записей архивов Санкт-Петербурга» (редакция 2023 г.) имеется запись о рождении в 1860 г. его сына Бориса и указан социальный статус отца: «камер-юнкер, коллежский советник» (URL: https://forum.vgd.ru/post/3866/104590/1.htm?a=stdforum_view&o). В 1865—1875 гг. чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, в 1877 г. значился сверхштатным сотрудником; дослужился до чина действительного статского советника [Трегубов 1905: 7].

та Дмитрия Кесаревича. Он был восприемником его единственного сына Кесаря [Дело 1796. Л. 26], который в 1836—1842 гг. воспитывался в Полочком кадетском корпусе.

Гораздо меньше сведений сохранилось об Аврааме Петровиче Хвошинском, имевшем придворное звание камер-юнкера. Женился он на Софии Михайловне Горчаковой, сестре А. М. Горчакова (лицейского соученика А. С. Пушкина), будущего светлейшего князя и канцлера. Незадолго до замужества Софии Михайловны ее отец писал сыну: «...я очень рад, что она за него выходит, он истенно хороший очень человек и по всем отношениям и наружности кажетца должна быть щастлива» [Переписка 2008: 309]. Хвошинские поселились в Москве, в собственном доме на Садовом кольце, недалеко от Сухаревой башни. Судя по всему, это был счастливый союз, и после ранней смерти супруги в 1836 г. А. П. Хвошинский в новый брак не вступал. Имея значительное состояние, он охотно помогал своим близким. Когда в 1826 г. А. М. Горчаков «сделал долг чести» и оказался в отчаянном положении, то с просьбой о помощи он адресовался к сестре и ее мужу: «Я вверяюсь чести вашего супруга, и пусть она подскажет ему как действовать. Он не окажет услугу неблагодарному, и мне не хватит лет на земле, чтобы выразить ему свою признательность» [Там же: 316]. Хвошинский не обманул его ожиданий и «протянул руку помощи». Очень щедр он был к семье своего рязанского кузена Дмитрия Кесаревича, несправедливо обвиненного в 1832 г. и в течение 10 с лишним лет, пока длилось следствие, потерявшего все свое имущество.⁺ Авраам Петрович купил Хвошинским дом в Рязани и в 1836—1843 гг. оплачивал воспитание их средней дочери Софьи в московском училище Ордена святой Екатерины [Хвошинская 1892: iv].

Дочери столичных Хвошинских поддерживали отношения со своими провинциальными кузинами-писательницами Надеждой и Софьей¹⁰.

О Наталье Павловне Хвошинской почти не сохранилось сведений в общедоступных источниках, за исключением упоминаний в «Адрес-календарях» и информации о том, что после смерти мужа она «жила в “крайней бедности” исключительно на пенсию государственного казначейства» [Попова 2002: 154]. Дети, видимо, не могли оказать ей необходимой поддержки, в частности, сын Борис, по словам М. М. Осоргина, под началом которого он служил в Гродно в 1902—1905 гг., был «по уши запутавшийся человек в долгах» [Осоргин 2009: 588]. О более раннем периоде жизни Н. П. Алябьевой мы располагаем лишь сведениями субъективного порядка в переписке Н. Д. Хвошинской с Ольгой Алексеевной Киреевой, в замужестве Новиковой (см.: [Дмитриев, Майорова 1999]) — племянницей И. В. Алябьева.

Вполне определенно о знакомстве кузин можно говорить с 1852 г., когда писательница впервые побывала в Петербурге. В письмах Хвошинской конца 1850-х — середины 1870-х годов, адресованных Новиковой, немало

¹⁰ С. Д. Хвошинская (1824/1825—1865) пользовалась псевдонимом *И. Весеньев* (Ив. Весеньев).

упоминаний об их родственнице/свойственнице, отношения с которой со временем претерпели изменения, что очень заметно на уровне ее именований. До июня 1866 г. Алябьева упоминается только как «Наташа». Петербургская кузина вела рассеянную светскую жизнь и не баловала провинциальных родственников известиями о себе. Хвошинская нередко спрашивает Новикову: «где наша Наташа?», «что она?», сообщает, что та редко пишет или не пишет вовсе [Розенхольм, Хогенбом 2001: 84, 117, 130]. Она сочувственно отзывается о Наташе, характеризуя ее отношения с матерью:

Очень хорошо, что тетка выздоравливает. Для Наташи это была бы потеря, которой важности она и сама не воображает. Тетка не только для нее любящая мать, но самый преданный ей человек на свете, преданный безусловно, без разбора; это редкость и в матери. <...> Я не могу иначе вообразить их, как вдвоем, и твердо уверена, что минуты, когда из-за лампы Наташа оглядывается на свою мать, — ее лучшие, истинные минуты [Письма 1864—1868. Л. 51 об.]¹¹.

Понимая недостатки «Наташи», Хвошинская не акцентировалась на них: «...если на Наташу глядеть прямо, не преувеличивая ни достоинств, ни недостатков, то можно найти в ней еще многие черты, на которых сойдемься» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 141]. Будучи в Петербурге осенью 1860 г., она часто навещала Наташу. И в 1864 г., живя три месяца в столице, Надежда и Софья постоянно общались с кузиной.

В августе 1865 г. Софья Дмитриевна умерла, и это стало настоящей трагедией для ее старшей сестры, которую стремились утешить столичные родственники и друзья. Собиралась приехать и Н. П. Алябьева: «Наташа писала, что придет в сентябре, но погода такая ужасная, что вряд ли она тронется» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 157]. Наташа не приехала, а Надежда Дмитриевна, спасаясь от беспрдельной тоски и душевного одиночества, через несколько недель после смерти сестры вышла замуж за молодого уездного врача Ивана Ивановича Зайончковского. Осенью она с мужем переехала из Рязани в Петербург, где прожила почти год, так или иначе соприкасаясь с Наташей: «Сегодня на минуту сбегаю к Наташе часов в пять, если успею»; «...я сейчас иду к Наташе и посижу у нее»; «Была ты вчера у Наташи?»; «Что Наташа? Была ли ты у нее?» [Письма 1864—1868. Л. 107, 126, 150, 199] и др.

Но в 1866 г. на «святой неделе»¹² [Письма 1864—1868. Л. 208] произошел конфликт, определивший перелом в отношениях, и с этого времени принципиально изменяются эпистолярные именованья Н. П. Алябьевой: в единичных случаях «кузина», в основном же — «Алябьева», «мадам Алябьева» («М-м Алябьева», «Мд Алябьева», «madame Алябьева») и «Наталя Павловна». Неизвестно, что стало непосредственным поводом, но причина в целом понятна. Хвошинская, человек демократических убеждений,

¹¹ Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с современными нормами.

¹² В 1866 г. Пасхальная неделя приходилась на 1—8 апреля.

прямой и честный по натуре, всегда скептически воспринимала светские связи и отношения: «...у вас в свете все возможно. Вы говорите между собой так много и так тонко, что сами, не чувствуя, договариваетесь до “худого слова”» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 139]. И хотя до какого-то времени она снисходила к светской ограниченности самой Натальи Павловны и людей ее круга, но так не могло длиться вечно.

В письмах второй половины 1860-х — начала 1870-х годов появляются иронические суждения об Алябьевой как о «любопытнейшем субъекте», «любопытнейшем образчике ее породы» [Письма 1864—1868. Л. 221, 247 об.]. В 1871 г. Хвошинская язвительно замечает по поводу переезда семейства Алябьевых во Владимир и положения кузины в провинциальном обществе:

Ты меня утешила Натальей Павловной. Слава тебе Господи, пристроилась она, сия голубушка. А то-то, я думаю, откатывают ее провинциальные барыни! Не шути ими, бывают очень себе на уме и так-то понимают таких госпож, что те и не оглянутся. Я ведь не [одно слово нрзб.] верю поклонению града Владимира; это так думает она, так велено говорить Жану, а что есть на деле... [Письма 1869—1889. Л. 90].

Нравы провинциального бомонда Хвошинская знала не понаслышке; не случайно рецензенты отмечали убедительность ее отрицательных женских персонажей — провинциальных законодательниц, об одной из которых И. И. Панаев писал: «...это лицо живое, выхваченное из действительности...» [Панаев 1853: 88].

Очень резко неприятие кузины выразилось в письмах Хвошинской после появления нашумевшего романа П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» (1868). Как впоследствии вспоминал сам автор, «...в публике на роман взглянули как на то, что французы называют *un roman à clé*¹³, т. е. стали в нем искать разных петербургских личностей, в том числе и очень высокопоставленных» [Боборыкин 1965: 456]. Алябьевы увидели в героине романа сходство с Новиковой, которую это очень встревожило. Хвошинская реагировала на ситуацию по-своему, называя кузину «клеветницей и лгуньей»:

...чего ты боишься за своего брата? Что он побьет Петьку¹⁴? Да стоит ли руки марать? — Что он его вызовет? Кто же с ослами и свиньями выходит на поединок? — Что такое «вступить за тебя»? разве в пасквиле ты? Сходство находит Наталья Павловна и ее компания, — но разве это люди? — Вступить — значит, признать сходство и обидеться или дать Петькам и Натальям право думать, что они могут нас оскорбить. Слишком много чести для них... [Письма 1864—1868. Л. 241].

¹³ Роман с намеками (франц.).

¹⁴ Имеется в виду автор романа.

Алябьева предупреждала Новикову о некой «угрожающей неприятности» [Там же. Л. 245 об.], намекая на возможность печатной огласки. Хвошинская разубеждала ее:

У нас общество и не думает о литературе, а высший свет считает ее за ничто. Нынче ведь не 1860, когда он было вострепнулся и Мд Алябьева тоже стала считать во что-нибудь нашу братию. Свет Натальи Павловны радуется дряни, как забаве, а важности самому делу не придает никакой. — Если бы написали что-нибудь о ней, она бы ответила: «Je ne lis rien de russe, c'est au dessus de mon intelligence»¹⁵ [Там же. Л. 242–242 об.].

О неприятии кузины свидетельствуют и более поздние высказывания. В марте 1872 г. Хвошинская писала Новиковой:

Вот ты еще помнишь об Алябьевой!!! Да я же тебе раз написала, что я с подлецами не знаюсь, будь они мне отцы, дети, братья родные [Письма 1869–1889. Л. 104 об.].

В последний раз Хвошинская упомянула об Алябьевой в апреле 1874 г., говоря об одном из своих давних споров с Н. Ф. Щербиной:

Я, помнишь, ругалась с Щербиной за его резкие выходки и обличения пред обществом, нам чуждым, в салоне Мад. Алябьевой; но ругалась за то, что он выдавал своих — чужим [Там же. Л. 119].

Такой «чужой» Наталья Павловна, судя по всему, осталась для писательницы до конца жизни.

С Екатериной Авраамовной Хвошинской Надежда Дмитриевна познакомилась раньше — вероятно, в 1836 г., когда больше года жила в Москве в семье двоюродного дяди. Эта дата устанавливается на основании мемуарного свидетельства П. Д. Хвошинской, писавшей о том, что после отъезда в институт сестры Софьи Надежда очень скучала и мать отвезла ее в Москву:

Живя в семье дяди, с дочерью которого она была почти ровесница, любимая и обласканная всеми, она занималась французским языком с француженкой, жившей у них, итальянским — с кузиной, только что возвратившейся из заграницы... [Хвошинская 1892: iv].

Переписка с Е. А. Акинфовой, к сожалению, не сохранилась или пока не найдена, но, судя по всему, отношения между кузинами всегда оставались теплыми. После смерти Софьи Дмитриевны Акинфова приезжала на четыре дня в Рязань, чтобы разделить с сестрами их горе. Письма Хвошинской проливают свет на обстоятельства личной жизни Екатерины

¹⁵ «Я не читаю ничего русского, это выше моего понимания» (франц.; пер. Н. М. Сперанской).

Авраамовны, чей брак с Н. В. Акинфовым оказался неудачным. В 1870 г., обсуждая семейную ситуацию Новиковой, Хвощинская писала:

Как же ты не вызвала в себе всего своего мужества, всей решимости? Да велика ли решимость — бросить то, что гадко, противно и вместо его — взять счастье? Не бойся, люди не осудят, если будешь жить с сыном одна: ни одна живая и злейшая душа не осудила Катерины Аврамовны Акинфовой, когда она, двадцатилетняя красавица, бросила мужа и жила одна [Письма 1869–1889. Л. 60–61].

Не задался и брак сына Акинфовой Владимира Николаевича с Н. С. Анненковой, который после 17 лет совместной жизни завершился разводом. Н. С. Акинфова была скандально известна своей связью с двоюродным дедом мужа — престарелым князем А. М. Горчаковым и отношениями с герцогом Н. Лейхтенбергским, за которого вышла замуж после развода. Свое крайне неприязненное отношение к ней Хвощинская высказывала Е. А. Акинфовой:

Ведь это можно пускать к себе, только шадя Катерину Аврамовну. Конечно, за ней дипломаты бегают, но я знаю, как они за ней бегают, и выразила это Катерине Аврамовне. Она тебе рассказывала еще мало, что «все пристают к ней за одним и тем же», — она уверяла, что в Париже французы кричали ей, что со времен Лавальер Господь сотворил ее одну — и после закаялся. — ...Хорошо, если закаялся» [Письма 1864–1868. Л. 84 об. (письмо от 29 мая 1865 г.)].

В мемуарах М. Осоргина запечатлен внешний облик Екатерины Авраамовны второй половины 1870-х годов: «...очень высокая, прямая, седая, с очень тонкими красивыми чертами лица» [Осоргин 2009: 121]. Это словесное изображение вполне соответствует живописному портрету работы И. К. Макарова¹⁶. Мемуарист отмечает, что его сестра знала Катерину Авраамовну больше, чем он, и «говорила, что она исключительно ласкова и добра» [Там же: 122].

В 1857 г., которым датируется автограф Н. Д. Хвощинской, ее отношение к Алябьевой еще не переросло в резкое неприятие, но и до этого, как показывают некоторые высказывания, она критично оценивала личность кузины и круг ее общения. Отношения же с Е. А. Акинфовой на протяжении многих лет оставались дружескими и уважительными, и это наводит на мысль, что альбом принадлежал именно ей. Ситуацию с владельческой принадлежностью окончательно проясняют письма сестер Хвощинских к матери, хранящиеся в рязанских архивах.

Во второй половине 1850-х годов Е. А. Акинфова жила в Петербурге, так как ее сын учился в Александровском лицее. Из писем Надежды и Софьи к матери становится известно, что, находясь в Петербурге с января по

¹⁶ Об этом портрете, который ошибочно атрибутировался как изображение Н. Д. Хвощинской (в том числе и в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» [Егоров 2019, вклейка между с. 240–241]), см.: [Меркулова 2020].

август 1858 г., они жили у «Катеньки», которая, как пишет Софья Дмитриевна, «до того сошлась с нами, до того нам полюбилась, что <...> отпускать не хочет» [Хвошинская 1858–1859 (6413/16). Л. 1 об.]. В том же письме от 12 февраля она сообщает, что вместе с «Катенькой» была «у М-м Хвостовой, где встретилась с <...> двумя поэтами: печатным — Щербиной и непечатным — юношей Апухтиным» [Там же (6413/16). Л. 1]. Знакомство Акинфовой с Апухтиным надо отметить особо, так как ему принадлежит одно из сочинений в стихотворном блоке братиловского альбома. О том, что сестры гостили именно у Екатерины Авраамовны, свидетельствуют и упоминания в письме от 16 февраля о том, что Софья Дмитриевна посетила два концерта. Один — «благодаря Володе, которого отпустили из Лицея с тем, чтобы он был в концерте», но «ему только и хотелось, что остаться дома». А на концерт Филармонического общества в Придворной капелле ей отдала свой билет «Катенька, которая была нездорова» [Там же (6413/15). Л. 1]. Уезжая за границу в мае 1858 г., Е. А. Акинфова оставила сестер в своей квартире. 15 мая Софья Дмитриевна писала матери: «Катенька уезжает отсюда 19-го числа и предоставляет нам гостить здесь, потому что квартира остается за нею и люди здесь остаются» [Письмо 1858b. Л. 1]. Получив возможность распоряжаться квартирой и согласовав свои намерения с хозяйкой, старшие сестры решили вызвать в Петербург младшую — Прасковью Дмитриевну. 10 мая она сообщала матери, уехавшей в Киев:

...Катинька <...> предоставляет им весь дом к их услугам, и потому они остаются в Петербурге до конца июня и, представь себе мое удивление, что они и Катинька вызывают меня к себе... [Письмо 1858a. Л. 1].

Все эти сведения, собранные воедино, подтверждают гипотезу о том, что владелицей братиловского альбома была Е. А. Акинфова. Следует также учитывать и датированное 28 мая 1857 г. стихотворение Н. Д. Хвошинской «Владимиру Николаевичу Акинфову» с подзаголовком «Будущему хорошему человеку»¹⁷, которое убеждает, что она близко общалась с семьей Акинфовых не только в 1858 г., но и весной 1857 г.:

Свой путь кончаем мы, скорбя и утомляясь.
Мы видели трудов неконченных паденье...
Счастливыцы юные, другое поколение,
Надежда новая, не обманите нас!

Мир Божий нас страшил печалью и бедою.

¹⁷ Стихотворение было опубликовано в журнале «Русский архив» в 1909 г. с примечанием П. И. Бартенева о том, что оно «написано в тот самый день» когда В. Акинфов «докончил обучение свое в Александровском лицее» (1909. Кн. 1. Вып. 2. С. 285), но, как показывает эпистолярный Хвошинских, обучение продолжалось и в 1858 г. Кроме того, не совсем понятно, завершил ли Акинфов свое обучение, поскольку в «Памятной книжке лицеистов» его имя не значится [Памятная книжка 1911].

Стояла тьма над ним, и тьма еще стоит,
Счастливы юные, вам солнце заблистало,
И вы, нас вспомнивши, свершите начатое.

Благослови вас Бог! Рука с рукой вперед,
Все к свету! Он, Любовь, сойдет и в души ваши,
Счастливы юные, и на могилы наши
Прощенье с неба призовет.

По своему настроению это стихотворение очень характерно для Хвошинской, которую, в отличие от большинства поэтесс, интересовали проблемы социального и философского порядка. Нередко она говорила от лица коллективного «мы», подразумевая людей своего поколения, чья зрелость пришлось на 1850-е годы. К этому поколению Хвошинская относилась и себя: «Я ведь поколения 50-х гг.», — писала она М. К. Цебриковой (цит. по: [Цебрикова 1897: 4]). По мнению писательницы, литература не создала образа людей пятидесятых годов, характерными чертами которых она считала «тревогу недовольства» и страдание от сознания того, что «время и общество давали не то, что в самом деле необходимо душе и должно удовлетворять ее» [Крестовский 1860: 272]. Такого героя Хвошинская показала в романе «Встреча» (1860) в лице литератора Тарнеева, чьи творческие установки близки ее собственным: «...в своих произведениях он выражал то, что, что волновало его самого, что поражало его в жизни других» [Там же: 276].

Предвзятое отношение исследователей к литературной деятельности женщин нередко порождало недостоверные и противоречащие истине заявления. В частности, составитель сборника стихотворных пародий ничтоже сумняшеся причислил Хвошинскую к сторонникам «чистого искусства» [Морозов 1960: 777]. Однако ни ее проза, ни поэзия, ни публицистика не дают для этого никаких оснований. «Учителем» (с прописной буквы) она называла В. Г. Белинского и в своих литературно-критических статьях писала о социальной роли литературы, назначение которой видела в том, чтобы «указывать и защищать» [Поречников 1861: 125]. «Совестью века»¹⁸, — поэтом, выразившим настроения людей своего поколения, Хвошинская считала Н. Ф. Щербину. В переписке с ним она обсуждала темы, актуальные для ее поэзии, поэтому некоторые эпистолярные фрагменты могут служить комментарием к стихам. Так, она писала: «Поколение, к которому принадлежим мы с вами, слишком устало и настрадалось; наши младшие что-то холодны, — кроме исключений, конечно. В нашем — холодные были исключением» [Розенхольм, Хогенбом 2001: 28]. Неутешительными размышлениями о разности идеалов и стремлений своего и нынешнего поколений проникнуты многие ее стихи. В этом смысле оптимизм стихов, адресованных В. Н. Акинфову, можно считать исключением.

¹⁸ См. стихотворение Н. Ф. Щербины «Поэту» (1855): «О поэт! Ты — совесть века, / Лучший сын земли родной, / Цвет роскошный человека, / Человек передовой».

Говоря о поэзии Хвошинской, необходимо учитывать ее интерес к европейским движениям конца XVIII — второй половины XIX в. и свойственное ей, как и другим современникам, мифологизированное восприятие Французской революции 1789–1799 гг. [Чудинов 2007: 10–24], обостренное переживание революционных событий 1848 г. и неизменное внимание к последующим общественно-политическим процессам. В 1870 г. она писала Новиковой: «...ты в 1848 была младенец, а мне те годы тяжко достались» [Письма 1869–1889. Л. 69 об.]. Некоторые стихотворения 1848–1852 гг. были вдохновлены событиями во Франции, в любви к которой признавалась писательница: «Все ведь это из моего сокровища, из республики! Какая ни на есть, измучена, избита, больна, моя красавица, чудная, золотая — а жива!» [Там же. Л. 90]. Для лирического субъекта Хвошинской характерно именно такое ощущение своей причастности к общей жизни, хотя роль его сугубо созерцательная, а идеалы воспринимаются новым поколением как несбыточные мечты.

* * *

Артефакт, о котором идет речь, представляет собой альбом в твердом, сильно потертом переплете, обклеенном «мраморной» сине-черной бумагой, с красными кожаными уголками и корешком¹⁹. Он несистематически заполнялся разными лицами в 1850-е, в 1881, 1892–1895 гг. (записи по преимуществу не датированы) и неоднороден по содержанию. Многие листы остались чистыми²⁰, некоторые вырваны или обрезаны²¹, часть записей сделана на французском языке²², на листах 82, 83, 84 размещен гербарий²³. Наиболее интересна в этом альбоме небольшая по объему стихотворная часть, которая включает блок стихотворений Хвошинской, а также стихотворения других авторов: А. Н. Апухтина «Няня» (1855), неизвестного автора «XIX век» («Чуден наш век! Как цветок экзотичный...»), В. Р. Зотова «Сосна» (1843), А. С. Хомякова «России» (1854, озаглавлено «Не уклони сердца»), содержащее призыв к России осуществить свое великое призвание — принять участие в войне с Турцией, но прежде раскаяться и очиститься от грехов (распространялось в списках, впервые опубликовано в 1860 г.); четверостишие из стихотворения Н. В. Арсеньевой «Стыдись, о сын неблагодарный» — ответ Хомякову (озаглавлено «Стыд»; распространялось в списках, впервые опубликовано в 1888 г.); две строфы из стихотворения К. Ф. Рылеева «Видение. Ода на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года», которое содержало «урок» будущему царю; стихотворение А. А. Навроцкого «Памяти Царя-освободителя» (1881) [Сбор-

¹⁹ Размер альбома 22,2 × 18,9, объем 118 л., записи сделаны черными чернилами разной степени яркости.

²⁰ Незаполненные листы: нумерованный лист между л. 27–28, 33–34, 35–52, 57–79, 85–117.

²¹ Удаленные листы: между л. 18–19, 20–21, 24–25, 34–35, 56–57.

²² Французский текст: л. 28, 54–56 об., 80 об.–81, 118.

²³ Гербарий составлялся в 1892–1895 гг., в некоторых случаях отмечено время года и место сбора растений — с. Братилов.

ник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 1–32 об.]. Наряду со стихотворениями камерного характера в этой подборке есть и тексты патриотического содержания, отражающие настроения владелицы / владельцев, вполне естественные для людей их круга.

Общественными переживаниями совсем другого рода проникнуты 22 стихотворения Хвошинской 1848–1852 гг., открывающие альбом. Она указала выходные данные тринадцати опубликованных стихотворений, остальные же девять не могли быть обнародованы при жизни автора и впоследствии также не появлялись в печати²⁴ — они и составили предлагаемую ниже стихотворную подборку. Этот авторский автограф можно считать своего рода первой публикацией.

Все тексты проверены и исправлены по чистовому автографу, хранящемуся в РГАЛИ [Хвошинская 1836–1852], некоторые из них сопоставлены с черновиками [Хвошинская 1849–1854]. Стихотворения публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением характерных лексических особенностей оригинала.

* * *

То, что разрушили в жару и раздраженье,
Они хотят создать, борясь с судьбою злой.
Они шумят теперь. Мы, стоя в отдаленье,
Любуемся и смутой и борьбой.

Мы счастливы. У нас долг клятвы не нарушен.
На наших площадях не воеет нищета.
Раб не толкает нас; он кроток и послушен —
Что нам до злости иль стыда!

У нас отца с детьми цвета не разделяют,
Законом огражден семейный наш очаг.
Закон не покупной. У нас не отменяют,
Боясь неверности, присяг.

Мы счастливы. Хвала Создателю! К чему же
Мы радуемся так их битвам, их бедам
И рукоплещем их ошибкам? Если хуже
Другим везде — еще ли лучше нам?

Зачем мы, говоря об их нововведениях,
Благое прячем в тень и ставим зло на свет
В надежде ли, что нас несчастье их к спасенью
И к примиренью позовет?

²⁴ Стихотворение «Опять темно вдали...» с незначительными неточностями напечатано в воспоминаниях В. Р. Зотова [1890: 557].

Надежда страшная! Как бедствий надо много,
Обманов и тревог, потерь, бесславных дел,
Чтобы на их призыв кровавою дорогой
К ним примиритель полетел!

Мы милосердием хвалиться любим. Что же
Не пожелаем мы, чтобы из толков, смут
Порядок сам собой возник, чтобы дороже
Не стал им дорогой их труд?..

Мы счастливы. Еще наряд нам детский впору;
Другие выросли — он душит их, гнетет,
И старший не смешон, когда с тоской, с укором
Одежду узкую он рвет.

Смеяться нечего. Поучимся в молчанье,
Отдав добро и зло на Божий правый суд.
Здесь тайна есть. Всегда народные страданья
Зародыш блага берегут.

17 декабря 1848

[Сборник 1857—1858, 1881, 1894—1895. Л. 6 об.—7]

Исправлено по чистовому автографу: [Хвошинская 1836—1852. Л. 34 об.]. Сокращенный вариант стихотворения приведен в письме к Новиковой от 27 марта 1871 г. с комментарием: «Всегда так бывало. Мне пришлось в голову списать тебе стихи — любишь ты их или выносишь ли, когда они не из отличных? Эти писаны в 1848 и были кстати. Кое-что и теперь кстати. <...> Вот еще одно доказательство как выцветают вещи, написанные ради настоящей минуты: они требуют понимания и комментариев» [Письма 1869—1889. Л. 93 об.]. Вероятным поводом для написания стихотворения стали события 10 декабря 1848 г., когда президентом Франции был избран Шарль Луи Наполеон Бонапарт, впоследствии провозгласивший себя императором Наполеоном III.

* * *

Предвестник осени, холодный ветер шумит,
И ниву клонит дождь, и сбитый лист лежит...
Год, близок твой конец! Уже в дали туманной
Мелькает нам твой день последний, нежеланный.
В устах напрасная мольба: остановись!
Взгляни, как много дел, лишь только начались,
Дай нам подвинуть их, дай кончить начатое!
Немного, может быть, осталось за тобою
Годов других еще, а наш огромен труд!..
И за мольбой в душе сомнения встают:
Такой ли это труд, как тот, когда, молением
Внимая, Бог велел на ужас пораженья

Смотреть светилу дня, не отведя лучей,
И ночь ждала... Для нас, средь горя и скорбей,
Воззвание к времени — бесплодное воззвание!..
И делу тяжкому не видя окончания,
В грядущем на детей не смея уповать,
Чтоб начатое им с любовью передать, —
Мы гибнем, горестно твердя вопрос тревожный:
Увы, преступен труд иль только невозможен?..
1849

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 11 об.]

Исправлено по: [Хвошинская 1836–1852. Л. 37] — здесь указана точная дата написания: 23 июля 1849.

* * *

Что спрашивать — далеко ль, скоро ль? Будет,
Не завтра, так когда-нибудь,
Когда желанья все перезабудет
Усталая в желаньях грудь,
Придет, когда наскучит даже имя
Любви и прочего — всего,
О чем мы плачем так, когда вслед за другими
Мы рады будем гнать его.
Придет, когда мольбы и шепот страсти первой, —
Тот щебет ласточек сквозь сон, —
Тревожить будет нам натянутые нервы,
Как бесконечный глупый звон
Разбитых клавиатур²⁵ бездарной ученицы.
Придет, когда надоедят
Теперь любимые мечтанья, мысли, лица,
И годы всё охолодят,
Всё, даже искренность святую убеждений, —
И бросит мудрый наш разбор
Презренье прошлому, грядущему сомненье,
А настоящему укор.
Тогда придет она, возможность жизни полной,
Развития чувства, воли, сил...
Всего, что улеглось, — льдом скованные волны —
В ряды немых могил!..

14 мая 1850

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 13 об.]

Исправлено по: [Хвошинская 1836–1852. Л. 39].

²⁵ В автографе РГАЛИ: «фортепиан».

* * *

Когда пройдут года борьбы и испытаний, —
(А благ закон судьбы — они пройдут),
Когда другая цель, другие начинанья
Широкий мир займут
И счастье новое вам явится, потомки,
(Мы верим и теперь — придет оно)
И взор вы бросите на наших дел обломки,
Забытых, может быть, давно,
Затем что новое займет вас (мы не знаем,
Что вас займет), но счастливы вполне
Не тем, быть может, что теперь мы призываем
В глубоком нашем сне,
Не потревожьте нас насмешкой! не скажите,
Как говорят теперь в укор живым:
«Вы, души странные, без цели в тьме бежите
За странным знаменем своим».
Простите нам, когда ошиблись мы: густая
Завеса кроет все от смертных глаз;
Простите нам, когда вам, счастье замышляя,
Мы лучшими считали вас.
Мы поклонялись любви. Когда меж вами
Она жива, то в ней мы вами прощены,
А если нет, тогда ругайтесь над гробами:
Прощенье отвергаем мы...

13 марта 1852

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 6]

Исправлено по: [Хвощинская 1836–1852. Л. 41].

Надежда

В минуту скорбную, как первое сомненье
Закралось в ум его, а в тело чувство тленья,
И смертным человек назвался в первый раз,
И жизнь, полна тревог, как свиток развилась, —
Над долгим будущим, над мраком и могилой
Она взошла звездой, зажглась и засветила.

С тех пор прошли века. Мир позабыл о ней
В боготворении природы и страстей,
Средь рабства, роскоши, стена иль угнетая,
Свое грядущее в загадку облекая,
Неумолимый есть, он верил, властелин —
Судьба — и что он даст на день, на миг один,
Не может дольше быть — зло, благо неизбежно, —
И принимал дары, покорный безнадежно.
Томясь иль празднуя, считая каждый миг,

Боясь, что жизнь вспорхнет, а он не всех достиг
Тех радостей, что здесь даются в наслажденье,
Надежды он не звал: мечта — не утешенье.

Когда ж настали дни и Правда, вняв мольбам,
Свет пролила на тьму, дала значение снам,
Смирила радости, утешила страданье,
Дала цель подвигу, достоинству сознание,
Всем место указав и гордых низложив,
Подняв трепещущих и тех, кто пал служа,
Она сравнивала вновь весь мир, как в день творенья.
И, спутница любви, прощенья и терпенья,
Надежда чистая явилась, не звездой,
Как прежде дальнею, но другом и сестрой,
В ряды сынов земли она спокойно стала.
И торжество вдали в сиянье указала.

И обновленный мир сначала видел в ней
Награду в небесах за дни земных скорбей, —
Он прав был: много жертв в борьбе священной пали,
Но день торжеств взошел, минули дни печали,
И мир, восторженно назвав ее сестрой,
Ей в руку сильную вложил символ земной
Довольства, крепости, покоя и спасенья,
Своих грядущих слез ей вверил утешенье,
И вновь сквозь мрак и скорбь таинственным путем
Прошел вслед за своим таинственным вождем.

Настали дни трудов. На подвиги создания
Печать глубокого святого упования
Мир, занятый трудом, с любовью положил —
Он в настоящем дне грядущее любил:
Храм начиная, знал, что первое моленье
Придет в нем совершить другое поколение,
Науки первый звук воззвал из тьмы гробов,
Он завещал его сынам своих сынов
И, летопись чертя благоговейно, свято,
Дарил грядущему плод опыта богатый.
Надежду дальнюю небесной окрылил,
Ей в руки подал меч блестящий, положил
На грудь ей белый крест и вслед за ней толпами
Он полетел туда, где степью и скалами
Гробница Божия стоит ограждена...
Но там, в святой земле, земные племена
Свою небесную надежду схоронили,
Мечтою разума мысль неба заменили,
Свободой называли ее, и по земли
Свободы первый крик в восторге разнесли...

Свобода родилась от силы. Вдохновенье —
Надежды светлый луч — хранило мир в смятеньях
Средь новых мрачных дней в служении страстям.
Когда судилища, взывая к небесам,
Их правосудию уже не доверяли,
И, сами мстя за них, кляли и сожигали,
Когда неправдою и злобой осужден,
Не смея уповать на тихий смертный сон,
Молить прощения у Бога не дерзая,
Скорбя и о земле, и о блаженстве рая,
Несчастный умирал, — у дальних алтарей
Надежда теплилась. Стон пыток, звон цепей
Ее названием отрадным заглушались,
На зов ее и честь, и доблесть пробуждались,
И в час, как старый волхв, трусливою душой
Дрожа, загадывал в звездах во тьме ночной,
Она манила вдаль бесстрашных, призывая
К таинственной земле неведомого края.

У дальних берегов счастливый мореход
Бросает якорь свой на дно пустынных вод.
Как братья, чуждые друг другу с дня рожденья,
Два мира празднуют свое соединенье
И делят то, что есть. Коварством и борьбой
Берет сокровища брат старший и большой,
А юный, полный сил, прекрасный и покорный,
Внимает голосу ученья. Плодотворно
Восходят добрые и злые семена.
За правом следует раздел, раздор, война;
Познание богатств родной земли, их силы
Взрезает грудь земли до сердца, — из могилы
Выходит алчность, с ней неравный тяжкий труд;
Того, кто трудится, уж братом не зовут,
Свобода — общее святое достоянье —
Есть право для одних, а для других восстанье...

Свобода разума встает у алтарей,
Шумит, и смелый крик учений и страстей
Уж заглушает звук божественного слова.
Везде кипит борьба, и деятельность. Снова
Надежде человек значение и символ
Другие дал. За ней он жизнь свою прошел,
С ней покорил он мир. Свершив завоеванье,
Он обратил ее на разум и познание,
Свое прошедшее во тьме переследил,
Нашел забытое и тайны разъяснил.
Надежду призывал он — царь земли, владыка,
Чтоб помогла ему, и в подвиге великом,
Не изменив ему, сияющим челом
Она склонялася над тягостным трудом,

Слова всеильные и смелые шептала,
Когда кругом толпа безумная кричала,
Не признавая труд; она во мгле тюрьмы
Пред избранным, в кругах неуловимой тьмы
Чертила дивные страницы откровений...
И, вникнув в тайное, отвергнув лжи, сомненья,
Свободный человек ясней себя познал
И крепче волею, смелей желаньем стал.
Он понял, что он царь, что разуму природа
Подвластна, но, взойдя до темного исхода
К началу, — с горечью постигнул он вполне,
Что в мире власть его проходит как во сне,
Что благо, зло, труды — все тлеет средь забвенья,
И в книгах поспешил другому поколенью
Свои деяния и думы передать;
Уже не мыслил он дарить иль научать, —
Нет, он дрожал за жизнь, хотел ее границы
Раздвинуть, он излил на верные страницы
Свою последнюю надежду: он прожить
Надеялся еще хоть день один. Любить
Грядущего не мог он. Всякий лишь собою
Был занят, для себя трудился. И с землею
Холодной, где любви уж больше не расцвести,
Где слов признания уже не произнести
На дело общее, — надежда распрощалась...
Одна тень бледная, печальная осталась,
Чтоб утешать детей иль ободрять в грозу,
Иль чью-нибудь стереть безвестную слезу...

Разъединилось всё, и из людских сословий
Нашлись изгнанники по кодексу условий:
Необразованность их новою виной
Предстала с прежнею печальной нищетой;
В них угнетением надежду погубили.
Забыв о них, о всем, счастливыцы мира жили,
День за день празднуя. На мысли их, дела
Рука отчаянья тяжелая легла.
Все строилось для дня; когда же их забвенью
Встреможил помысел о смерти и рожденье,
Боясь предстать лицом пред мрачною Судьбой,
Все Случай назвали нелепый и пустой...
Клеймя несчастье презреньем, угнетая,
Святыню осмеяв, порок, стыд величая,
Отверженная мысль летела по земле...
Но благ отмститель Бог, — Он стер ее в крови...

Мы встали, смятые борьбою, потрясеньем,
Смущенные стыдом и памятью паденья.
Дух огненный, пройдя по миру, указал
Стремление новое... но из каких начал,

Какое счастье дать всей этой жажде счастья,
Чем вдохновить, к чему подвигнуть наши страсти?..
Уж все испытано, все пройдено для нас,
А просит нового всеобщий скорбный глас...
Не славы ль просит он? Увы, здесь все не вечно!
Познания? Жизнь кратка, познание бесконечно!
Любви? Без равенства нельзя вполне любить, —
Нельзя всех уравнивать, все братски разделить —
Наследство мало так, наследников так много.
Пред истиной не все то право, что убого...
Свободу ль мы зовем, мечтанье, имя, тень?
Мы знаем, что опять взойдет для мира день,
Когда страдание, оправившись от боли,
За прошлое свое отмстит опять неволей —
Лишь переменятся рабы. Мы жить спешим,
Чтобы скорей дожить до счастья, мы летим,
Мы ищем, роемся, мы строим, разрушаем,
Мы сомневаемся, мы верим, вопрошаем
Науку древнюю, и с воплем и в слезах
Перед религией мы падаем во прах
И молим имени и средств... умом, рукою
Готовы действовать... И с каждою зарею
Восходит черный дым вчерашнего труда
И наш насущный труд погибнет без плода,
И завтрашний умрет, по-прежнему бесплодный,
И тысячи сердец, великих, благородных,
Сойдут во гроб за ним, — пока с святых высот
Взгляд милосердия на землю не спадет,
И с ним уж не любовь, не мир, не вдохновенье,
А юность новая, жизнь, сила, обновление!..

Мы знаем — светлый дар на землю не слетит,
Но он готов для нас, мы знаем, где он скрыт.
Всей силою мольбы, страданья и печали
Мы кроткую сестру опять к себе призвали
И в новый образ, нам доступный, облекли
Надежду, спутницу тревог, трудов земли.
Теперь она — скелет. Смерть — тайны разрешение,
Познание, мир, любовь, покой и обновление.
Звезда, которую Любовь для нас зажгла,
К исходу темному опять нас привела.
Да будет так! Она недаром смерть, могилу
В минуту первого паденья осветила!

[Сборник 1857—1858, 1881, 1894—1895. Л. 14—17]

Исправлено по: [Хвошинская 1836—1852. Л. 35—36] — здесь указана точная дата написания: 28 января 1849 г.

* * *

Не упрекайте нас: заснули мы, но живы,
Недвижны, но рука по-прежнему сильна.
Бог ниспослал дождя: в пыли чернеет нива,
Но жатвой пышною еще взойдет она.

Не покорились мы презрению, не устали,
Благословение на подвиг все сошло.
Все цело — мысль, любовь, и память, и печали —
И в сердце с правдою не примирилось зло.

Мы ждем, как ждет река, окованная льдами,
Всему есть час, и ей придет когда-нибудь —
И напоит она и освежит волнами
Земли иссохнувшую грудь.

Не смейтесь, будто мы в испуге изменили:
Пред смертным вечному чужд и [нрзб.] страха,
Мы звали истину — вы ваш расчет творили,
Мечтали нашу жизнь, а ваше дело прах.

Не смейтесь, если мы с улыбкою и сами
Глядим на прошлое, на эти дни тревог,
Мы к свету шли во тьме безвестными путями,
Но в опыте сказал нам слово силы Бог.

Мы ждем, как ждет гроза, собираясь в небе ясном,
Еще незримая, спокойная; мы ждем...
И горе тем, кому предвестием напрасным
Ее далекий будет гром!

17 июля 1852

[Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895. Л. 17 об.]

* * *

Без ужаса смотрю вперед. Года пройдут.
Милей всего мне темный угол будет.
Какой-нибудь пустой и долгий труд,
Заботы тень поднимет и²⁶ разбудит,
Займет в душе то место, где, могуч
И полон силы, славы и видений,
Когда-то жил весь мир, светился луч
Надежды, и любви, и вдохновений.

Года пройдут. Мне будет странен шум,
Понятный прежде трепетному слуху,
Дел начатых, кипящих, смелых дум,

²⁶ Исправлено по черновому автографу: [Хвоцинская 1849–1854. Л. 8].

Далекий зов таинственного духа...
Придет ли ночь, спокойно я засну,
Молясь, чтоб Бог дожидаться дал рассвета,
Дал жизнь еще, и только жизнь одну,
Без ласк любви, без дружбы, без привета...

Без ужаса смотрю я вдаль... А были дни,
Грядущее мне душу возмущало,
Как призрак грозный... Призраки в тени,
Неясные, всегда страшат сначала,
Но ближе шаг, и тверды мы. Что год —
Утрата... к ним привыкнуть мы успели.
Весной боимся мы осенних непогод,
Но хлынул дождь — и не страшат метели...

Но что-нибудь переживает в нас...
Что прошлого останется со мною?
Мысль вечности в последний, смертный час
С какой последней свяжется мечтою?
О жизнь моя, припомнись мне сильней
И вызови мне образ светлый, яркий,
Чтоб, оставляя мир, душе моей
Еще раз вспыхнуть пламенно и жарко!..

9 августа 1852

[Сборник 1857—1858, 1881, 1894—1895. Л. 18—18 об.]

* * *

— Жди и надейся! — говорили
Нам мудрецы, — пусть счастье сон,
Примеры есть, что люди жили
Надеждой, что свершится он.
Пусть счастье далеко, — бывали
Примеры, люди ждали, ждали,
Стареясь горько каждый год,
Следили луч в дали туманной,
Твердя упорно, постоянно:
— Не нынче завтра, а придет...

Старинных правил много нами
Разбито, им и счет забыт, —
Но утешенье — жить мечтами
Еще незыблемо сидит.
Мы строги, точны — Бог то знает;
Теперь ребенок отвергает,
Пред чем благоговел старик.
Мы страшно счастье развенчали —
И ждем его, мы осмеяли
Мечты — и жизнь проводим в них...

Когда так грустно и так ясно
Мы видим чувства, мир, людей,
Чего еще нам ждать напрасно
Для жизни собственной своей?
Когда нет общих упований, —
О, на²⁷ утраты, на страданья
Спокойно бросим гордый взор,
И жизнь пройдем²⁸, не ожидая,
Чтоб не послать ей, умирая,
В прощанье горестный укор!..
*1 сентября 1852*²⁹

[Сборник 1857—1858, 1881, 1894—1895. Л. 9—9 об.]

* * *

Опять темно вдали, опять клубятся тучи,
Гроза... Господь войны, Бог крепкий и могучий,
Бог правый! молим мы не помощи от бед,
Не подкрепления, не чуда, не побед —
Чьи б ни были они — в них смерть и поражение..
Мы молим одного: спаси от униженья,
Избавь нас от стыда! внуши хоть одному
Быть верным до конца призванью своему,
Не изменить, не пасть из страха иль расчета,
Иль, как наемнику, тяжелую работу
Оставить утомясь! Великий, сильный Бог,
Опять восходят дни сомнений и тревог, —
Пошли хоть одного! пусть в эти дни без славы
Погибнет он средь нас, поверженный, но правый,
Но жизнь и смерть его нас с правдой примирит,
Примером будет нам и веру оживит,
Что Ты не до конца, хоть скорбны мы и пали,
Оставил этот мир смятений и печали!..
17 декабря 1851

[Сборник 1857—1858, 1881, 1894—1895. Л. 7]

Исправлено по чистовому автографу, датированному 7 декабря 1851 г. [Хвошинская 1849—1854. Л. 41]. Поводом для написания стихотворения стал государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г.: роспуск президентом Национального собрания, арест оппозиционеров и жестокое подавление протестов.

²⁷ Исправлено по черновому автографу: [Хвошинская 1849—1854. Л. 10].

²⁸ Исправлено по черновому автографу: [Хвошинская 1849—1854. Л. 10].

²⁹ В черновом автографе дата «15 октября 1852» [Хвошинская 1849—1854. Л. 10].

Источники

О п у б л и к о в а н н ы е

- Адрес-календарь 1848 — Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1848 год. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, 1848.
- Адрес-календарь 1850 — Адрес-календарь: Общий штат Российской империи. 1850. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1850.
- Адрес-календарь 1851 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1851. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1851.
- Адрес-календарь 1852 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1852. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1852.
- Адрес-календарь 1853 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1853.
- Адрес-календарь 1855 — Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1855. Ч. 1. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1855.
- Алябьев 2014 — Дворяне Алябьевы. Шестой век с Россией: [Интервью с А. Ю. Алябьевым] // Казань. 2014. № 7. URL: <http://kazan-journal.ru/news/mashina-vremeni/dvoryane-alyabevyi-shestoy-vek-s-rossiey>.
- Боборыкин 1965 — *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: в 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Э. Виленской, Л. Ройтберг. Т. 1. М.: Худ. лит., 1965.
- Дмитриев, Майорова 1999 — *Дмитриев В. Д., Майорова О. Е.* Новикова Ольга Алексеевна // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4 / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1999. С. 342—344.
- Зотов 1890 — *Зотов Вл.* Петербург в сороковых годах (Выдержки из автобиографических заметок) // Исторический вестник. Т. 60. № 6. 1890. С. 535—559.
- Крестовский 1860 — *Крестовский В.* [Хвошинская Н. Д.] Встреча // Отечественные записки. 1860. Кн. 4. С. 265—342.
- Месяцеслов 1838 — Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1838. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, [1838].
- Месяцеслов 1839 — Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1839. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, [1839].
- Месяцеслов 1840 — Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1840. Ч. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, [1840].
- Морозов 1960 — Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX века) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л.: Сов. писатель, 1960.
- Осоргин 2009 — *Осоргин М. М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861—1920. М.: Рос. Фонд Культуры [и др.], 2009.
- Памятная книжка 1911 — Памятная книжка лицеистов: Издание собрания курсовых представителей Императорского Александровского лицея. 1811—1911. СПб.: Тип. Мин. внутренних дел, 1911.
- Панаев 1853 — [Панаев И. И.] Заметки и размышления Нового Поэта о русской журналистике // Современник. Т. 49. № 7. 1853. С. 87—88.
- Переписка 2008 — Переписка князя А. М. Горчакова с родными и близкими. М.: Любимая Россия, 2008.
- Пестриков 1904 — История Лейб-гвардии Московского полка: В 2 т. / Сост. Н. С. Пестриков. Т. 2. СПб.: Тип. А. Бенке, [1904].
- Покровский 1925 — Восстание декабристов: Материалы. Т. 1 / Под ред. А. А. Покровского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.

- Попова 2002 — *Попова М. П.* «И поиск длится целый век...». Владимир: Нива, 2002.
- Поречников 1861 — *Поречников В.* [Хвошинская Н. Д.] Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо первое // Отечественные записки. 1861. № 12. С. 121–132.
- Розенхольм, Хогенбом 2001 — «Я живу от почты до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвошинской / Сост. А. Розенхольм, Х. Хогенбом. Fichtenwalde: F. K. Göpfert, 2001.
- Скалон 1908 — Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Гл. ред. Д. А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1908.
- Трегубов 1905 — Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии / Сост. М. И. Трегубов; Под ред. и с предисл. А. В. Селиванова. Владимир: Тип. Владимирского губ. правления, 1905.
- Хвошинская 1892 — [Хвошинская П. Д.] [Биография] // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним). Т. 1. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1892. С. i–xviii.
- Цебрикова 1897 — *Цебрикова М.* Очерк жизни Н. Д. Хвошинской-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима) // Мир Божий. 1897. № 12. С. 1–40.

Архивные

- Дело 1796 — Дело о дворянстве Кесаря Дмитриевича Хвошинского. 1796 // ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98.
- Письмо 1858а — [Письмо П. Д. Хвошинской матери]. 1858 // ГМЗЕ. Фонд Хвошинских. 6163. Р-526.
- Письмо 1858б — [Письмо С. Д. и Н. Д. Хвошинских матери]. 1858 // ГМЗЕ. Фонд Хвошинских. 6162/1. Р-524.
- Сборник 1857–1858, 1881, 1894–1895 — Сборник стихов разных авторов (заполнялся в три этапа). 1857–1858, 1881, 1894–1895 // ОРФ ГЛМ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 30.
- Письма 1864–1868 — Письма Хвошинской-Зайончковской Надежды Дмитриевны Новиковой Ольге Алексеевне. 1864–1868 // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 851.
- Письма 1869–1889 — Письма Хвошинской-Зайончковской Надежды Дмитриевны Новиковой Ольге Алексеевне. 1869–1889 // РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 852.
- Хвошинская 1836–1852 — *Хвошинская-Зайончковская Н. Д.* Стихотворения «Колокол», «Осеню», «На бале», «Что ты веешь ветер буйный», «Развалины», «Уйти из вечернего пира», «Есть цветы в лесах», «Горная роза», «Художнику» (К. П. Брюллову), и др., баллада «Бледная дева», поэмы «Джулио» и «Деревенский случай». 1836–1852 // РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3.
- Хвошинская 1849–1854 — *Хвошинская-Зайончковская Н. Д.* «Деревенский случай» IV часть, «Как дети мы начали скоро...», «Без ужаса смотрю вперед, года пройдут...», «Ветла раскинулась у каменной стены...», «Жди и надейся», «Что ж лучше...», «Горе целого мира волнует мне душу...», «Полвека. Вспомни». 1849–1854 // РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 4.
- Хвошинская 1858–1859 — Хвошинская Надежда Дмитриевна (1824–1889) // РИАМЗ. 6413/15; 6413/16. [1858–1859].

Сокращения

- ГАРО — Государственный архив Рязанской области.
- ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С. А. Есенина.
- ОРФ ГЛМ — Отдел редких фондов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственного литературного музея).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

Литература

- Егоров 2019 — Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 6 / Гл. ред. Б. Ф. Егоров. М.; СПб.: Большая рос. энциклопедия; Нестор-История, 2019.
- Меркулова 2020 — Меркулова Т. Н. Портрет работы И. К. Макарова из имения Братилово в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Русская усадьба: Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 26 (42) / Науч. ред.-сост. М. В. Нащокина. СПб.: Коло, 2020. С. 120–133.
- Строганова 2011 — Строганова Е. Н. По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвощинская, она же В. Крестовский // Долг и любовь: Сб. филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой: Статьи. Рецензии. Эссе. Публикации / [Сост. Ю. В. Шевчук, Н. Н. Мельникова]. М.: Кругъ, 2011. С. 173–182.
- Строганова 2021 — Строганова Е. Н. К 200-летию Надежды Дмитриевны Хвощинской: О дате рождения писательницы // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 113–120. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-2-113-120>.
- Чудинов 2007 — Чудинов А. В. Французская революция: История и мифы. М.: Наука, 2007.

References

- Chudinov, A. V. (2007). *Frantsuzskaia revoliutsiia: Istoriia i mify* [The French Revolution: History and myths]. Nauka. (In Russian).
- Egorov, B. F. (2019). *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary] (Vol. 6). Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Merkulova, T. N. (2020). Portret raboty I. K. Makarova iz imeniia Bratilovo v sobranii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika [Portrait by I. K. Makarov from the Bratilovo estate in the collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. In M. V. Nashchokina (Ed.). *Russkaia usad'ba: Sbornik Obshchestva izuchenii russkoi usad'by* (Vol. 26 (42), pp. 120–133). Kolo. (In Russian).
- Stroganova, E. N. (2011). Po povodu neudobnogo psevdonima: Nadezhda Khvoshchinskaya, ona zhe V. Krestovskii [Regarding an inconvenient pseudonym: Nadezhda Khvoshchinskaya, alias V. Krestovsky]. In Iu. V. Shevchuk, & N. N. Mel'nikova (Eds.). *Dolg i liubov': Sbornik filologicheskikh rabot v chest' 65-letia professora M. V. Mikhailovoi: Stat'i. Retsenzii. Esse. Publikatsii* (pp. 173–182). Krug''. (In Russian).
- Stroganova, E. N. (2021). K 200-letiiu Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoi: O date rozhdeniia pisatel'nitsy [To the 200th anniversary of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya: About the date of the writer's birth]. *Kul'tura i tekst*, 2021(45, no. 2), 113–120. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-2-113-120>. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Евгения Нахимовна Строганова
доктор филологических наук
профессор, научный сотрудник,
Государственный мемориальный музей-
заповедник Д. И. Менделеева
и А. А. Блока (Россия, Солнечногорск)
Россия, 141503, Московская область,
г. о. Солнечногорск, д. Тараканово, стр. 1
✉ enstroganova@yandex.ru

Information about the author

Evgeniya N. Stroganova
Dr. Sci. (Philology)
Professor, Research Fellow,
State Memorial Museum-Reserve of
D. Mendeleyev and A. Blok
Russia, 141503, Moscow Region,
Solnechnogorsk Urban District,
Tarakanovo Village, Bld. 1
✉ enstroganova@yandex.ru

В. А. Бондарев ^а

ORCID: 0000-0003-4558-3564

✉ vitalij-bondarev27@rambler.ru

О. И. Рудая ^а

ORCID: 0000-0001-8955-121X

✉ oiru2011@yandex.ru

^аДонской государственный технический университет
(Россия, Ростов-на-Дону)

«МНОГОУВАЖАЕМЫЙ РЕЙХСКАНЦЛЕР ГОСПОДИН ГИТЛЕР»: ОБ АНТИСОВЕТСКИХ НАСТРОЕНИЯХ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ СССР В 1932–1933 гг.

Аннотация. В статье анализируется оригинальный, впервые вводимый в научный оборот исторический документ — письмо советского немца Якова Мартинса, проживавшего в селе Великокняжеском Северо-Кавказского края РСФСР в начале 1930-х годов. Данное письмо было извлечено из докладной записки полномочного представителя ОГПУ Е. Г. Евдокимова «О политическом состоянии немецких колоний Северо-Кавказского края», адресованной начальнику политсектора ОГПУ А. М. Штейнгарту, датированной 15 декабря 1933 г. и хранящейся в Центре документации новейшей истории Ростовской области. Письмо Я. Мартинса представляет собой рассказ о катастрофической ситуации, сложившейся в советской деревне в период массового голода 1932–1933 гг. Оно было адресовано канцлеру Германии Адольфу Гитлеру, на поддержку которого надеялся автор, предлагавший организовать «переписку», чтобы «лучше ознакомиться» с работой социал-фашистов и начать совместную борьбу против коммунизма. Письмо Я. Мартинса прекрасно иллюстрирует общественные настроения части немецкого сообщества СССР в начале 1930-х годов и помогает лучше понять ответную реакцию его представителей на политику сталинского руководства в период модернизации.

Ключевые слова: ЦДНИРО, СССР, Северо-Кавказский край, Германия, голод 1932–1933 гг., советские немцы, А. Гитлер, Я. Мартинс

Для цитирования: Бондарев В. А., Рудая О. И. «Многоуважаемый Рейхсканцлер господин Гитлер»: об антисоветских настроениях в немецких колониях СССР в 1932–1933 гг. // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 346–352.

Поступило 7 декабря 2023 г.; принято 4 июня 2024 г.

V. A. Bondarev ^a

ORCID: 0000-0003-4558-3564

✉ vitalij-bondarev27@rambler.ru

O. I. Rudaya ^a

ORCID: 0000-0001-8955-121X

✉ oiru2011@yandex.ru

^a Don State Technical University
(Russia, Rostov-on-Don)

“DEAR REICH CHANCELLOR MR. HITLER”: ABOUT ANTI-SOVIET SENTIMENTS IN GERMAN COLONIES IN THE USSR IN 1932–1933

Abstract. The article analyzes an original historical document, a letter from a Soviet German, Jacob Martins, who lived in the village of Velikoknyazhesky in the North Caucasus Region of the RSFSR in the early 1930s. This letter, introduced into scholarly circulation for the first time, was extracted from “On the political state of the German colonies of the North Caucasus Region,” a memorandum by the plenipotentiary representative of the OGPU (the Joint State Political Directorate), E. G. Evdokimov, to the head of the political sector of OGPU, A. M. Shteyngart. Dated December 15, 1933, the memorandum is stored in the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region. The letter by J. Martins contains an account of the catastrophic situation in the Soviet countryside during the mass famine of 1932–1933. It was addressed to German Chancellor Adolf Hitler, whose support the author hoped for, who offered to organize a “correspondence” in order to “get better acquainted” with the work of the social fascists and begin a joint struggle against communism. J. Martins’ letter perfectly illustrates the public mood of part of the German community in the USSR in the early 1930s and helps to better understand the reaction of Soviet citizens to the policies of the Stalinist leadership during the period of modernization.

Keywords: Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region, USSR, North Caucasus Region, Germany, famine of 1932–1933, Soviet Germans, A. Hitler, J. Martins

To cite this article: Bondarev, V. A., & Rudaya, O. I. (2024). “Dear Reich Chancellor Mr. Hitler”: About anti-Soviet sentiments in German colonies in the USSR in 1932–1933. *Shagi / Steps*, 10(3), 346–352. (In Russian).

Received December 7, 2023; accepted June 4 2024

Одним из наиболее трагических событий советской истории является голод 1932–1933 гг. Данная проблематика на протяжении многих лет привлекает пристальное внимание ученых. Актуальным предметом исследования по-прежнему остается национальное измерение второго советского голода, от которого страдали представители самых разных народов СССР: русские, украинцы, немцы, казахи и т. д. Тщательные архивные изыскания позволяют не только расширить имеющиеся представления о национальных аспектах трагедии начала 1930-х годов, но и противодействовать многочисленным попыткам ее политизации или фальсификации.

Одним из наиболее пострадавших от голода регионов Советской России был Северо-Кавказский край, административные границы которого объединили территории, в настоящее время входящие в Ростовскую область (Ростов-на-Дону на момент создания документа был центром края), Краснодарский и Ставропольский края, а также в республики Северного Кавказа. Здесь проживали представители многих национальностей, в том числе советские немцы.

В Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) нами были обнаружены материалы о реакции немцев Северо-Кавказского края на голод 1932–1933 гг. Речь идет об обширной (более 20 страниц) докладной записке «О политическом состоянии немецких колоний Северо-Кавказского края»¹ полномочного представителя ОГПУ по данному региону Е. Г. Евдокимова начальнику краевого политсектора ОГПУ А. М. Штейнгарту, датированной 15 декабря 1933 г. В ней констатировалось, что после прихода к власти в Германии Национал-социалистической партии (НСДАП) Адольфа Гитлера в немецких общинах Северо-Кавказского края «отмечается значительный рост контрреволюционной активности кулацких, религиозно-сектантских элементов и националистической части сельской интеллигенции»². В представленных в записке высказываниях немцев отмечались не только их недовольство резким ухудшением своего материального положения во время коллективизации и голода 1932–1933 гг., но и надежда на агрессию нацистов, которые бы уничтожили СССР.

К записке прилагалось письмо одного из немецких колонистов Ставрополя, которое ее составители, очевидно, рассматривали в качестве наиболее характерного документа, повествующего о «контрреволюционных» настроениях части населения в период голода. Автором письма являлся некий Яков Мартинс, проживавший, согласно указанному адресу, в селе Великокняжеском (современное село Кочубеевское Ставропольского края). Получателем послания значился сам рейхсканцлер Гитлер! В оригинале письмо Я. Мартинса лидеру НСДАП было написано по-немецки. В архивном деле нет оригинального документа на немецком, но на странице с русским текстом специально указано: «перевод с немецко-

¹ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 51–73.

² ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 51.

го». По всей видимости, когда работники почты увидели, кому именно адресована корреспонденция, они сообщили о ней в компетентные органы. Письмо попало не к Гитлеру, а к сотрудникам ОГПУ, было переведено на русский язык и присоединено к докладной записке о политическом состоянии немецких колоний Северо-Кавказского края.

Содержание письма во многом аналогично посланиям других советских немцев, которые в условиях голода направляли просьбы о помощи своим родственникам за границей. В 1933 г. такие письма были широко использованы А. Гитлером и нацистской партией для организации в Германии антисоветской кампании под лозунгом «помощи страдающим в СССР братьям по крови» с целью увеличения собственного политического капитала [Кондрашин 2014: 258; Бондарев, Рудая 2021].

В своем послание Я. Мартинс писал о том, что в его селе ситуация с продуктами питания близка к катастрофической: жители вынуждены питаться «кормовым бураком», но даже этого не хватало. Несмотря на то что многие немцы получали заграничную помощь (небольшие продуктовые наборы или переводы в иностранной валюте), их положение было весьма тяжелым. Денежные переводы можно было реализовать лишь в магазинах Торгсина, но цены там все время росли. В итоге, по утверждениям Я. Мартинса, голод получил широкое распространение, смертность от него увеличивалась, и отчаявшиеся люди занимались трупоедством: «Много народа помирает из[-]за голода и дошло до того, что если в семье отец или ребенок помрет, то эта семья мясо этого мертвеца срезает и кушает».

Я. Мартинс совершенно верно указывал на одну из причин голода начала 1930-х годов. Это была налогово-заготовительная политика сталинского режима, изымавшего из коллективизированной деревни максимум произведенной продукции с целью использования ее в качестве источника валюты, необходимой для осуществления индустриализации страны: «Россия заставляет людей голодать потому, что [продает хлеб за границу за валюту] и за эту валюту за границей машины покупают, [а] народ вследствие этого вынужден у других государств просить помощь». Примечательно, что Я. Мартинс ни одним словом не характеризовал голод как целенаправленный геноцид советских немцев сталинским руководством, хотя подобные заявления уже звучали в то время. Это происходило в Польше, США и Канаде, где в среде украинской эмиграции возникли идеи об этноциде или геноциде украинцев в СССР [Кондрашин 2014: 265]. Так было и в Германии, где гитлеровские пропагандисты заявляли о сознательном «вымарывании голодом немецкого меньшинства» [Бабиченко 1995: 35] советского государства. Я. Мартинс же справедливо подчеркивал, что жертвой голодных бедствий в Северо-Кавказском крае являлся весь «народ», а не только немцы.

Исходя из текста послания, его автор был молодым человеком, поскольку он упоминает о «школе коммунистической молодежи», указывая ее в качестве адреса, на который ожидался ответ «господина Гитлера». Возможно, Я. Мартинс, как и подавляющее большинство молодежи в

СССР, был первоначально лоялен по отношению к советской власти, но трагические события 1932–1933 гг. сделали его непримиримым противником коммунистического режима. Об этом четко и недвусмысленно свидетельствует содержание письма. Я. Мартинс настойчиво предлагал А. Гитлеру свою помощь в борьбе с Советским Союзом: «Мы были бы рады, если бы мы здесь тоже так могли работать как вами возглавляемая [национал-социалистическая партия] <...> мы будем с большой радостью выполнять работу, которая будет вами на нас возложена». Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов предположение о том, что под именем молодого советского немца Якова Мартинса, учащегося школы коммунистической молодежи села Великокняжеского, могли скрываться иные люди, например, антисоветски настроенные немецкие колонисты. Однако чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходима дальнейшая работа в архивах.

В любом случае письмо Я. Мартинса было не случайно приложено к докладной записке ОГПУ о настроениях немецкого населения Северо-Кавказского края в условиях голода начала 1930-х годов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что антисоветские и прогитлеровские настроения получили довольно широкое распространение среди советских немцев. Сталинское руководство не могло игнорировать их, поскольку они стимулировали формирование «пятой колонны» и были способны спровоцировать коллаборационизм немецкого сообщества в случае гитлеровской агрессии. Правительство СССР на данные настроения отреагировало мероприятиями, носившими превентивный характер, — «немецкой» операцией НКВД 1937–1938 гг. и массовой депортацией советских немцев в 1941 г.

Письмо³ публикуется в авторской орфографии и пунктуации. В тех случаях, когда в нем встречаются сокращения или ошибки автора, в текст внесены наши дополнения и примечания.

* * *

Перевод с немецкого

Многоуважаемый Рейхсканцлер господин Гитлер.

Мы хотим вам немного осветить[,] как здесь в России обходятся с немцами и вообще с народом.

Много народа умирает из[-]за голода и дошло до того, что если в семье отец или ребенок помрет, то эта семья мясо этого мертвеца срезает и кушает.

Торгсин переполнен товарами[,] мукой и др. продуктами. Больше половины немцев получают помощь из[-]за границы и за эту поддержку очень мало получают [продуктов в Торгсине][,] потому что цены все время повышаются. Мука в Торгсине стоит 1 пуд 7 марок.

Россия имеет такую политику, каковую никакое государство не взяло на себя[,] и Россия заставляет людей голодать потому, что народ вследствие это-

³ ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 74.

го вынужден у других государств просить помощь и за эту валюту за границей машины покупают[,] только этим Россия хочет развить индустрию, но с такой политикой Россия далеко не уйдет (видимо, либо автор, либо переводчики перепутали фразы: следует читать «Россия заставляет людей голодать потому, что [продает хлеб за границу за валюту] и за эту валюту за границей машины покупают, [а] народ вследствие этого вынужден у других государств просить помощь». — В. Б., О. Р.). Этого не должно быть допущено другими государствами. Россия еще имеет запасы хлеба, но имеет политику людей заставлять голодать. Даже [расположенный в селе Великокняжеском индустриально-земледельческий] Техникум кормят кормовым бураком, и мы тоже уже давно кушаем кормовой бурак. Много школ закрывается потому, что даже кормовых бураков нет.

Наше мнение такое: чтобы другие страны такое положение дальше не допустили. Мы такого же мнения, [что] и «Вы» и всегда будем на Вашей стороне.

Мы были бы рады, если бы мы здесь тоже так могли работать[,] как вами возглавляемая партия они рабочие (так в тексте. — В. Б., О. Р.), но мы все это не можем сделать[, так как] даже если бы русская власть знала, что мы такое письмо вам пишем, так нас [с]разу бы арестовали и послали. Мы не знаем, как сделать, чтобы поступить в Вашу партию и вместе против коммунизма бороться. Было бы очень желательно, чтобы мы с вами имели переписку, чтобы с работой, которую проводят социал-фашисты, лучше ознакомиться.

Мы будем с большой радостью выполнять работу, которая будет вами на нас возложена.

Может быть, «господин Гитлер» может нам дать совет[,] как нам попасть в соц.[иал-]фашистскую партию для совместной работы.

Мы призываем всю соц.[иал-]фашистскую партию лучше бороться против коммунистической партии и нам помогать. Желаю Вам еще больше счастья и успеха в работе остается (так в тексте. — В. Б., О. Р.) приветствуйте ваших товарищей. Мой обратный адрес в Германии написал на письме. Прошу ответ.

Через турецкую границу мы бы перебрались, но мы тогда не знаем[,] как дальше. Без денег ничего нельзя начать. Большой привет Соц.[иал-]Ф.[ашистской] партии.

Отправитель: Село Великокняжеское, школа ком.[мунистической] молодежи

Яков Мартинс

Получатель: Берлин Рейхсканцлер[у] Гитлеру

Литература

Бабиченко 1995 — Бабиченко Л. Дипломатические игры // Волга. 1995. № 5–6. С. 35–38.

Бондарев, Рудая 2021 — Бондарев В.А., Рудая О.И. Внешнеполитические аспекты советского голода 1932–1933 годов // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 109–121. <https://doi.org/10.31857/S013038640016180-6>.

Кондрашин 2014 — Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: Полит. энциклопедия, 2014.

References

- Babichenko, L. (1995). Diplomatische igre [Diplomatic games]. *Volga*, 1995(5–6), 35–38. (In Russian).
- Bondarev, V. A., & Rudaia, O. I. (2021). Vneshnepoliticheskie aspekty sovetskogo goloda 1932–1933 godov [Foreign policy aspects of the Soviet famine of 1932–1933]. *Novaya i noveishaia istoriia*, 2021(4), 109–121. <https://doi.org/10.31857/S013038640016180-6>. (In Russian).
- Kondrashin, V. V. (2014). *Khlebozagotovitel'naia politika v gody pervoi piatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.)*. [Grain procurement policy during the First Five-year Plan and its results (1929–1933)]. *Politicheskaia entsiklopediia*. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Виталий Александрович Бондарев

доктор исторических наук
профессор, кафедра «История
и культурология», факультет
«Медиакоммуникации и
мультимедийные технологии»,
Донской государственный
технический университет
Россия, 344010, Ростов-на-Дону,
пл. Гагарина, д. 1
✉ vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Vitaly A. Bondarev

Dr. Sci. (History)
Professor, Department “History and
Cultural Science”, Faculty “Media
communications and multimedia
technologies”, Don State Technical
University
Russia, 344010 Rostov-on-Don, Gagarin
Sq., 1
✉ vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Ольга Ивановна Рудая

кандидат исторических наук
доцент, кафедра «История и
культурология», факультет
«Медиакоммуникации и
мультимедийные технологии»,
Донской государственный технический
университет
Россия, 344010, Ростов-на-Дону,
пл. Гагарина, д. 1
✉ oiru2011@yandex.ru

Olga I. Rudaya

Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department “History
and Cultural Science”, Faculty “Media
communications and multimedia
technologies”, Don State Technical
University
Russia, 344010 Rostov-on-Don, Gagarin
Sq., 1
✉ oiru2011@yandex.ru

В. А. Бондарев^а

<https://orcid.org/0000-0003-4558-3564>

✉ vitalij-bondarev27@rambler.ru

Ю. А. Булыгин^а

<https://orcid.org/0000-0001-5338-7382>

✉ youra.rgu@rambler.ru

^аДонской государственный технический университет
(Россия, Ростов-на-Дону)

«НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВСТУПИТЬ В ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД РАЙПРОКУРОР Т. ОНУШКО ОТВЕТИЛ ОТКАЗОМ...»

Аннотация. В статье вводится в научный оборот и анализируется оригинальный архивный документ из фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), предоставляющий информацию о малоизвестных и недостаточно изученных аспектах партизанского движения в СССР в годы Великой Отечественной войны. Это докладная записка «По вопросу о взаимоотношениях в руководстве Верхне-Донского района [Ростовской области]», адресованная первому секретарю Ростовского обкома ВКП(б) Б. А. Двинскому и составленная заместителем секретаря обкома Горшковым в начале декабря 1943 г. В докладной записке подробно повествуется об остром межличностном конфликте, разгоревшемся между руководящими работниками Верхне-Донского района Ростовской области в августе 1943 г. Первопричиной конфликта послужило нежелание районного прокурора Онушко вступить в формировавшийся из местных коммунистов партизанский отряд при приближении гитлеровских войск к Верхне-Донскому району летом 1942 г. Недостойное поведение Онушко вызвало критику других представителей районного руководства, за что прокурор пытался отомстить, используя служебное положение. Тем самым докладная записка Горшкова позволяет рассматривать партизанское движение в свете межличностных отношений, что создает возможности для более глубокого изучения настроений советских партизан, их конфликтов и контактов, повседневной жизни, и пр.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Б. А. Двинский, «закон о пяти колосках», партизанский отряд, партизанское движение, Ростовская область, «указ 7-8», ЦДНИРО

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01265.

Для цитирования: Бондарев В. А., Булыгин Ю. А. «На предложение вступить в партизанский отряд райпрокурор т. Онушко ответил отказом...» // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 353–363.

Поступило 13 февраля 2024 г.; принято 3 июня 2024 г.

V. A. Bondarev ^a

<https://orcid.org/0000-0003-4558-3564>

✉ vitalij-bondarev27@rambler.ru

Yu. A. Bulygin ^a

<https://orcid.org/0000-0001-5338-7382>

✉ youra.rgu@rambler.ru

^a Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don)

“WHEN ASKED TO JOIN THE PARTISAN DETACHMENT, THE DISTRICT PROSECUTOR, COMRADE ONUSHKO, REFUSED...”

Abstract. The publication contains an analysis of an original archival document from the collections of the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region. The document, introduced into scholarly circulation for the first time, provides information about little-known and insufficiently studied aspects of the partisan movement in the USSR during the Great Patriotic War. This is a memorandum, “On the issue of relationships in the leadership of the Upper-Don district [Rostov Region]”, addressed to B. A. Dvinsky, the first secretary of the Rostov regional committee of the All-Union Communist Party(Bolsheviks) and compiled by the deputy secretary of the regional committee, Gorshkov, in early December 1943. The report describes in detail the acute interpersonal conflict that flared up within the leadership of the Upper-Don district of the Rostov region in August 1943. The root cause of the conflict was the reluctance of the district prosecutor, Onushko, to join the partisan detachment formed from local communists when Nazi troops approached the Upper-Don region in the summer of 1942. Onushko’s inappropriate behavior provoked criticism from other members of the district leadership, for which the prosecutor tried to take revenge using his official position. Thus, Gorshkov’s memo allows us to consider the partisan movement in the light of interpersonal relationships, which creates opportunities for a more in-depth study of the moods of Soviet partisans, their conflicts and contacts, everyday life, etc.

Keywords: Great Patriotic War, B. A. Dvinsky, “the law of five ears of corn”, partisan detachment, partisan movement, Rostov Region, “decree 7-8”, Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 24-28-01265.

To cite this article: Bondarev, V. A., & Bulygin, Yu. A. (2024). “When asked to join the partisan detachment, the district prosecutor, comrade Onushko, refused...”. *Shagi / Steps*, 10(3), 353–363. (In Russian).

Received February 13, 2024; accepted June 3, 2024



Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны выступало одним из ярчайших свидетельств массового патриотизма граждан СССР и сыграло важную роль в отражении гитлеровской агрессии. В силу своего выдающегося значения деятельность партизан и подпольщиков на временно оккупированной гитлеровцами территории СССР подробно освещалась как в советской, так и в постсоветской историографии. Однако, несмотря на десятилетия научного осмысления партизанского движения, архивные изыскания постоянно приносят исследователям массу новых сведений о самых разных аспектах отмеченной проблематики. В ряде случаев хранящиеся в архивах документы повествуют о совершенно неожиданных нюансах, связанных с партизанским движением в годы Великой Отечественной войны. Один из таких документов был обнаружен нами в материалах Ростовского областного комитета компартии, хранящихся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ф. 9).

Материалы Ростовского обкома ВКП(б) содержат массив информации о формировании и боевой деятельности партизанских отрядов Дона, биографиях бойцов этих отрядов, оказании материальной помощи родственникам погибших партизан и подпольщиков и пр. Наряду с этим в архивных документах зафиксированы примеры уклонения отдельных донских коммунистов, которым надлежало принять участие в партизанском движении, от этой обязанности. Подобное малодушие закономерно провоцировало обструкцию со стороны их товарищей и порождало межличностные конфликты, иногда приобретавшие драматические формы.

Летом 1943 г. в Верхне-Донском районе Ростовской области разразился настолько острый конфликт, что на него был вынужден отреагировать Ростовский обком ВКП(б). В материалах обкома, посвященных разбору этого дела, обращает на себя внимание обилие документации правоохранительных органов — протоколов обысков, допросов и т. п. Документы свидетельствуют, что 7 августа 1943 г. с санкции прокурора Верхне-Донского района Онушко органами милиции было возбуждено уголовное дело против Власа Никифоровича Жукова и неких Сологуба, Горбачева и Романченко. Они обвинялись в расхищении социалистической собственности по постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., более известному как «указ 7-8», или «закон о пяти колосках» [Материалы 1944. Л. 124].

На первый взгляд, в самом факте возбуждения уголовного дела по «указу 7-8» не было ничего странного. Хотя данный нормативный акт широко применялся в 1930-е годы, став одним из знаковых символов эпохи «великого перелома», он не утратил силу и в 1943 г. С выдвинутым обвинением вполне коррелировала и должность обвиняемого В. Н. Жукова, который занимал пост директора Шумилинского совхоза. Странно другое, а именно должности обвиняемых Горбачева и Сологуба. Ибо первый из них являлся председателем Верхне-Донского райисполкома (РИК), а второй — не кем иным, как первым секретарем районного комитета ком-

партии! Другими словами, Горбачев возглавлял советский административный аппарат Верхне-Донского района, а Сологуб являлся высшим районным партийным функционером. Исходя из реалий политического устройства СССР, Сологуб управлял районом, был здесь первым лицом и занимал несравненно более высокое положение, чем районный прокурор Онушко. Выдвинуть обвинение против первого секретаря райкома компартии без санкции областного начальства — Ростовского обкома ВКП(б) — Онушко не имел права. Ростовский обком такой санкции прокурору не давал. Поскольку же Онушко посмел инициировать уголовное дело без спроса, партийное начальство в Ростове вскоре заинтересовалось этим вопиющим нарушением субординации.

В октябре 1943 г. на бюро Ростовского обкома ВКП(б) был специально рассмотрен вопрос «О взаимоотношениях в руководстве Верхне-Донского района». В район «для рассмотрения возникших взаимоотношений» был командирован заместитель секретаря обкома Горшков в сопровождении ответственных работников областной прокуратуры и НКВД [Материалы 1944. Л. 29]. Горшков прибыл в Верхне-Донской район в конце октября и приступил к выяснению обстоятельств дела. По итогам своей работы он составил докладную записку на имя первого секретаря Ростовского обкома ВКП(б) Б. А. Двинского, датированную 4 декабря 1943 г. [Там же. Л. 1–7]

В записке Горшков решительно оправдывал Горбачева и Сологуба, утверждая, что они и другие обвиняемые в расхищении социалистической собственности ничего противозаконного не совершали, а стали жертвой недоразумения. Не остановившись на этом, Горшков прямо обвинил прокурора Онушко и начальника райотдела милиции Солодского в шельмовании первых лиц Верхне-Донского района, «так как ведение следствия по первому секретарю райкома и председателю райисполкома без ведома Обкома партии иначе как шельмованием назвать нельзя».

Самое же любопытное в докладной записке Горшкова — то, в чем посланец обкома видел первопричину конфликтной ситуации в руководстве района. Ее Горшков усмотрел в событиях, имевших место за год до конфликта, — летом 1942 г.

Горшков указывал, что в июле 1942 г., когда во время наступления вермахта на Юге России «Верхне-Донской район оказался передним краем обороны», здесь началось формирование партизанского отряда «из передовых людей района». Предложение вступить в отряд получил и прокурор Онушко, но он отказался пойти в партизаны. Районный прокурор мотивировал свой отказ отсутствием необходимых документов (специально оформленного решения Верхне-Донского райкома компартии и соответствующего указания облпрокурора), но местные коммунисты «справедливо оценили поступок т. Онушко как трусость». Очевидно, верхнедонские партийцы открыто демонстрировали Онушко свое презрение и не собирались забывать о его малодушии. В июле 1943 г. на бюро Верхне-Донского райкома ВКП(б) была утверждена характеристика на Онушко,

в которой «наряду с положительными качествами работы» прокурора отмечались «его трусость и неустойчивость во время формирования партизанского отряда». Вероятно, Онушко, ознакомившись с неблагоприятной характеристикой, затаил злобу и решил отомстить своим недругам при первом удобном случае. По крайней мере Горшков именно так объяснял мотивы райпрокурора, утверждая, что «вот это[,] очевидно[,] и послужило началом похода [Онушко] против Сологуба и Горбачева».

Содержащиеся в деле материалы не позволяют с полной уверенностью говорить о том, чья версия событий была ближе к истине — Онушко или Горшкова. Зная о склонности многих советских и партийных чиновников использовать власть в личных целях (об этом свидетельствуют, например, материалы развернутых в конце 1930-х годов судебных процессов над наиболее одиозными начальниками районного уровня [Фицпатрик 1996: 387–415; 2001: 331–349]), вряд ли Сологуб и Горбачев были столь безгрешны, как утверждал Горшков. Вместе с тем нет оснований сомневаться в малодушии Онушко, поскольку он не был единственным коммунистом, демонстрировавшим недостойное поведение в условиях развертывания на Дону партизанского движения. В частности, в Кашарском районе, соседнем с Верхне-Донским, два местных коммуниста (один из которых являлся председателем райисполкома, а другой управлял колхозом) были оставлены в партизанском отряде, но ушли из него и сотрудничали с оккупантами [Протокол 1944. Л. 41 об.]. По всей видимости, Онушко показал себя летом 1942 г. далеко не с самой лучшей стороны и решил использовать властные полномочия для мести однопартийцам, упрекавшим его в трусости.

Посланец Ростовского обкома Горшков, очевидно, хорошо понимал пикантность ситуации. Уголовное преследование двух первых лиц Верхне-Донского района по «указу о пяти колосках» бросало тень и на Ростовский обком ВКП(б), ответственный за их назначение на должность. Горшков не мог поступить иначе, кроме как оправдать первого секретаря райкома и обвинить районного прокурора Онушко в самоуправстве и стремлении свести личные счеты. Выводы комиссии Горшкова легли в основу принятого в феврале 1944 г. постановления бюро Ростовского обкома компартии, согласно которому обвинение Сологуба и Горбачева по «указу 7-8» признавалось необоснованным и «тенденциозным» (хотя обком согласился с тем, что обвиняемые незаконно приобрели ткань в конторе Заготживсырья, не уплатив полностью всю сумму; за это им был объявлен выговор и возложено обязательство погасить задолженность). Одновременно отделу кадров обкома ВКП(б), облпрокурору и начальнику областного управления НКВД поручалось «рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшей работы» Онушко и Солодского в Верхне-Донском районе [Протокол 1944. Л. 23 об.—24]. Так областной центр затушил пламя ярко разгоревшегося в Верхне-Донском районе межличностного конфликта, причиной которого стало малодушие районного прокурора, отказавшегося вступить в партизанский отряд.

Документ [Материалы 1944. Л. 17] публикуется с сохранением орфографии и пунктуации. Наши поправки и дополнения приводятся в квадратных скобках; в случае необходимости текст снабжен примечаниями.

* * *

Секретарю Ростовского обкома ВКП(б) —
тов. Двинскому Б. А.

Докладная записка

по вопросу о взаимоотношениях в руководстве
Верхне-Донского района.

В соответствии с постановлением бюро Обкома ВКП(б) от 13 октября с. г. за № 322 § 33 мне совместно с представителями от Облпрокуратуры т. Островской и УНКВД РО т. Востриковым было поручено выехать в Верхне-Донской район для рассмотрения на месте вопроса о взаимоотношениях в руководстве В[.]-Донского района.

За время нашей работы в районе с 30.X — по 6.XI — с. г. установлено следующее:

Руководителям района, первому секретарю РК ВКП(б) тов. Сологуб, председателю РИКА т. Горбачеву и другим было предъявлено:

1. Обвинение, оформленное соответствующим делом производством следственных органов раймилиции и райпрокуратуры, по закону от 7 августа 1932 года.

2. Незаконное получение продуктов из Шумилинского сельпо.

3. Незаконное получение мануфактуры из конторы Заготживсырья.

Документальным разбором материалов, поступивших от Облмилиции и Облпрокуратуры, беседой с большой группой ответственных работников в районе и выездом членов комиссии в ряд хуторов района, установили следующее:

а) По первому обвинению руководителей райкома¹ Сологуб и Горбачева по статье от 7 августа 1932 г. обстоятельства дела фактически оказались следующими.

Товарищи Сологуб и Горбачев в июле месяце с. г. в соответствии с указанием Обкома ВКП(б) организовали продовольственную базу для партизанского формирования. С этой целью было поручено директору Шумилинского совхоза тов. Жукову, выделить одну тонну муки. Мука от совхоза была получена и доставлена в кладовую райвоенкомата, где и хранилась определенное время. В связи с изменением положения на фронте, — началось летнее наступление Красной Армии, — т. Сологуб в августе месяце предложил т. Жукову муку из кладовой райвоенкомата перевезти в кладовую совхоза. Когда т. Жуков прислал машину за мукой, то кладовая райвоенкомата была замкнута, поэтому в присутствии работников военкомата был вынут пробой² и мука в количестве 6 чувалов³ была перевезена на территорию совхоза.

¹ Так в документе; следует читать «руководителей района».

² *Пробой* — здесь: металлический штырь для навешивания замка (ср. [СРНГ (1998): 84]).

³ *Чувал* — большой мешок [СРДГ (3): 196].

К этому делу, не имеющему ничего предосудительного, примешался один момент. Во время возвращения семей из эвакуации, представители совхоза за Волгой приняли от семей Сологуба, Горбачева, Романченко и др. муку и сухари, с условием возврата этих продуктов на месте, т. е. в районе. Сделано это было потому, что семьям Горбачева, Сологуба и др. не на чем было везти свое имущество из эвакуации. Вот из этой[-]то тонны муки Жуков и выдал Сологубу и Горбачеву по причитающимся [им] 100 килограмм и худшей, чем была сдана.

При возврате из кладовой военкомата муки ее не хватало около 100 килограмм. Установить, куда она делась, не удалось, так как Романченко из района выбыл. Возможно ее взял Романченко, так как его семья также сдавала совхозу свою муку.

Директор совхоза т. Жуков должен был возвратить муку и сухари семьям товарищей Сологуб, Горбачева и других[,] и последние имели право эту муку взять и никаких проступков, наказание за которые предусмотрено законом от 7 августа 1932 года никто не совершал.

б) По второму обвинению, т. е. незаконное получение продуктов из Шумилинского сельпо.

В декабре месяце 1942 г.[,] по согласованию с т. т. Кипаренко и Майоровым, руководители Верхне-Донского района через тов. Горбачева получили из Шумилинского сельпо продуктов на 1650 руб. 05 коп. для отправки их эвакуированным семьям за Волгу. Тов. Горбачев эти продукты в январе месяце 1943 г. доставил всем семьям по принадлежности.

Получение продуктов в магазине, было оформлено соответствующими счетами, но деньги не были оплачены. В этом виноваты Горбачев и Сологуб.

в) По третьему обвинению — незаконное приобретение мануфактуры или разбазаривание её из конторы «Заготживсырьё».

В начале 1942 г. райконтора «Заготживсырьё» получила текстиль для стимулирования заготовки шерсти. В июльские дни 1942 г. руководители района сумели оставшуюся от реализации мануфактуру отправить за Волгу. В 1943 г. контора «Заготживсырьё» с ценностями возвратилась из эвакуации и из оставшейся мануфактуры по накладной № 564 от 22 апреля 1943 г. тов. Горбачев для себя и для тов. Сологуба купил мануфактуры на сумму 1170 рублей, 37 копеек. Деньги за мануфактуру ими были оплачены своевременно. Эти три факта и послужили основанием к тому, чтобы начальник районного отделения милиции Солодский и районный прокурор т. Онушко завели на т. Сологуба и т. Горбачева следственное дело, хотя санкции на привлечение Сологуба и Горбачева к ответственности по закону от 7 августа 1932 г. им никто не давал и тем более Обком ВКП(б). Получилось просто шельмование Сологуба и Горбачева, так как ведение следствия по первому секретарю райкома и председателю райисполкома без ведома Обкома партии иначе как шельмованием назвать нельзя.

Причиной к этому послужили дела июля 1942 г.

1. В июле 1942 г. когда Верхне-Донской район оказался передним краем обороны, а часть района была уже оккупирована немцами, перед руководителями района встал вопрос об окончательном оформлении партизанского отряда. Был организован индивидуальный отбор передовых людей района в партизанский отряд. На предложение вступить в партизанский отряд райпрокурор

т. Онушко ответил отказом, потому что якобы у него нет указания Облпрокурора и специального на это решения РК ВКП(б). Коммунисты Верхне-Донской районной партийной организации справедливо оценили поступок т. Онушко как трусость. Ясно, что это определило и отношение к нему товарищей.

2. Период июль — декабрь месяцы 1942 г. в условиях В[.]-Донского района требовал от всех ответственных работников[.] в том числе и от работников милиции и прокуратуры[.] напряженной работы, но последние работали кое-как, и районное партийное собрание в ноябре месяце [1942 г.] подвергло резкой критике работу раймилиции и райпрокуратуры. Выводов работники милиции и прокуратуры для себя из этого не сделали, и в декабре месяце 1942 г. бюро РК ВКП(б) вновь слушало вопрос о работе раймилиции и райпрокуратуры, так как состояние дел в районе требовал[о] улучшения работы этих организаций. Принятое решение бюро РК ВКП(б) вновь подвергло критике работу органов следствия и надзора и сделало ряд практических предложений по улучшению их работы.

3. В июле месяце 1943 г. бюро РК ВКП(б) должно было дать партхарактеристику т. Онушко. Характеристика была утверждена и в ней, наряду с положительными качествами работы т. Онушко была отмечена его трусость и неустойчивость во время формирования партизанского отряда. Вот это[.] очевидно[.] и послужило началом похода против Сологуба и Горбачева: сбора материалов и ведения по ним следствия. Даты начала всех этих обвинений берут своё начало с утверждения характеристики на т. Онушко.

а) Тов. Горбачев по накладной от сельпо получил продукты 21 января 1943 г. и только 13 [июля] с. г. т. Онушко об этом доносит в Облпрокуратуру, сообщая вместе с тем, что им производится по этому вопросу проверка.

б) Тов. Горбачев по расходному чеку № 464 от 22 апреля с. г. уплатил конторе «Заготживсырьё» за мануфактуру 1 170 рублей 37 копеек, а 13 июля т. Онушко сообщает Облпрокурору о разбазаривании мануфактуры Сологубом и Горбачевым.

в) Дело по обвинению т. Сологуб и Горбачева по закону от 7 августа 1932 г. начато производством 7 августа 1943 года, тогда как фонд был создан в начале июля месяца.

5. Дело[.] заведенное раймилицией и райпрокурором по обвинению тов. Сологуб и Горбачева в расхищении хлеба, было начато с целью компрометации районного руководства с нарушением всех правил, т. е. без санкции на этот счет со стороны областных организаций.

Хотя райпрокурор т. Онушко и нач. раймилиции т. Солодский пытались доказать, что они не знали о причастии к этому вопросу руководителей района, а завели дело в связи с поломкой замка (совхоз брал свою муку днем и у всех на глазах) и вывозом из кладовой райвоенкомата муки, но ход следствия указывает на другое. 9 августа прокурор т. Онушко сам лично допрашивал т. Жукова, директора Шумилинского совхоза. Из допроса было ясно видно, что инициаторами создания хлебного фонда были т. Сологуб и Горбачев, следовательно ведение данного дела нужно было бы приостановить и довести об этом до сведения областных организаций, однако 13 августа истребывается справка от командира партизанского формирования т. Тимошенко, т. е. следствие идет полным ходом уже 4 дня.

Следует отметить, что т. Акугинов[,] начальник 5 отделения ОБХСС УМ⁴ ст. лейтенант милиции[,] и т. Аганесов — зам. начальника УМ УНКВД РО[,] полковник милиции[,] не разобравшись с этим вопросом[,] не поставили Обком ВКП(б) в известность, а квалифицировали дело на первого секретаря РК ВКП(б) т. Сологуб и председателя райисполкома т. Горбачева [как] наказуемое по закону от 7 августа 1932 года и направили военному прокурору Ростовской области.

Надо отметить, что с начала августа с. г. т. Онушко порвал всякую связь с райкомом и райисполкомом, не заходит туда ни разу, объясняя это большой загруженностью в работе и советами Михаила Ивановича Калинина, о том, что когда нет дела, то нечего ходить по учреждениям, а нужно больше уплотнять свой рабочий день. И дел у райпрокурора к райкому партии не стало находить[ь]ся.

6. Тов. Солодский, как начальник раймилиции[,] работает сносно, но сильно скомпрометировал себя в районе частыми выпивками с кем угодно и сколько угодно, и бытовой распущенностью.

Несколько слов следует сказать и о других работниках райкома партии — т. т. Хрипункове и Курченко.

Тов. Хрипунков[,] третий секретарь РК ВКП(б)[,] пьянствует, в быту ведет себя распущен[н]о.

7. Тов. Курченко — 2-й секретарь РК ВКП(б) в работе мало инициативен, с ленцой. По своей политической и деловой грамотности он должен больше делать, а не быть в положении ожидающего указания и толчков из вне.

8. Тов. Горбачев — пред. РИКа допустил большую оплошность в том, что[,] взяв в магазине продукты в январе месяце с. г. на группу ответственных партийно-советских работников, до сих пор за них не расплатился. Виноват в этом и Сологуб, который должен был проследить за оплатой. За это им следует указать и крепко.

После ознакомления со всеми материалами по вопросу взаимоотношений в руководстве В[.]-Донского района нами было проведено совещание ответственных руководящих работников района.

Наши предложения по данному вопросу представлены в проекте постановления бюро Обкома ВКП(б).

Зам. секретаря Обкома ВКП(б) М. Горшков

Представитель Облпрокуратуры
помОблпрокурора Островская

Представитель УНКВД РО —
капитан госбезопасности Вострокнутов

4 декабря 1943 г.

⁴ УМ — управление милиции (по Верхне-Донскому району).

Источники

Протокол 1944 — Протокол № 348 заседания бюро [Ростовского] обкома ВКП(б). 16–23 февраля 1944 г. // ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. 75 л.

Материалы 1944 — Материалы к протоколу № 348 заседания бюро [Ростовского] обкома ВКП(б). 16–23 февраля 1944 г. Т. 2 // ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 439а. 188 л.

Сокращения

ЦДНИРО — Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Словари

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–.

СРДГ — Словарь русских донских говоров: В 3 т. / [Отв. ред. В. С. Овчинникова]. [Ростов-на-Дону]: Изд-во Ростовского ун-та, 1975–1976.

Литература

Фицпатрик 1996 — *Фицпатрик Ш.* Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. / [Пер. с англ.] // Судьбы российского крестьянства / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 387–415.

Фицпатрик 2001 — *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. [Л. Ю. Пантинной]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001.

References

Fitzpatrick, Sh. (1993). How the mice buried the cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian provinces. *Russian Review*, 52(3), 299–320.

Fitzpatrick, Sh. (1994). *Stalin's peasants: Resistance and survival in the Russian village after Collectivization*. Oxford Univ. Press.

* * *

Информация об авторах Information about the authors

Виталий Александрович Бондарев

доктор исторических наук
профессор, кафедра «История
и культурология», факультет
«Медиакоммуникации и
мультимедийные технологии»,
Донской государственный
технический университет
Россия, 344010, Ростов-на-Дону,
пл. Гагарина, д. 1
✉ vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Vitaly A. Bondarev

Dr. Sci. (History)
Professor, Department "History and
Cultural Science", Faculty "Media
communications and multimedia
technologies", Don State Technical
University
Russia, 344010 Rostov-on-Don, Gagarin
Sq., 1
✉ vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Юрий Александрович Булыгин

кандидат исторических наук

и. о. зав. кафедрой

«Общегуманитарные и

естественнонаучные дисциплины»,

факультет «Международный»,

Донской государственный

технический университет

Россия, 344010, Ростов-на-Дону,

пл. Гагарина, д. 1

✉ youra.rgu@rambler.ru

Yuri A. Bulygin

Cand. Sci. (History)

Head of the Department “General

Humanities and Natural Sciences”,

Faculty “International”, Don State

Technical University

Russia, 344010 Rostov-on-Don, Gagarin

Sq., 1

✉ youra.rgu@rambler.ru

С. В. Алпатов ^a

<https://orcid.org/0000-0003-2525-0287>
✉ alpserg@gmail.com

В. В. Нагорных ^a

<https://orcid.org/0000-0002-7120-7549>
✉ shmygleva.v@gmail.com

^a Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

«САМОСТОЯНЬЕ ЧЕЛОВЕКА»: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНОВ ЯЗЫКА И СМЕХА

Рецензия на: Козинцев А. Г. Язык — реальность — игра — смех: Антропологические фрагменты / [Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН]. — М.: Изд. Дом ЯСК, 2024. — 368 с. — (Разумное поведение и язык = Language and Reasoning).

Для цитирования: Алпатов С. В., Нагорных В. В. «Самостоянье человека»: актуальные проблемы коммуникативно-семиотической интерпретации феноменов языка и смеха // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 364–369.

Поступило 26 марта 2024 г.; принято 21 мая 2024 г.

S. V. Alpatov ^a

<https://orcid.org/0000-0003-2525-0287>
✉ alpserg@gmail.com

V. V. Nagornykh ^a

<https://orcid.org/0000-0002-7120-7549>
✉ shmygleva.v@gmail.com

^a Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

“HUMAN SELF-GROUNDING”: KEY PROBLEMS OF COMMUNICATIVE-SEMIOTIC INTERPRETATION OF THE PHENOMENA OF LANGUAGE AND LAUGHTER

A review of: Kozintsev, A. G. (2024). *Iazyk — real'nost' — igra — smekh: Antropologicheskie fragmenty* [Language — reality — game — laughter: Anthropological fragments]. Izdatel'skii dom IaSK. 368 pp. (In Russian).

To cite this review: Alpatov, S. V., & Nagornyykh, V. V. (2024). "Human self-grounding": Key problems of communicative-semiotic interpretation of the phenomena of language and laughter. *Shagi/Steps*, 10(3), 364–369. (In Russian).

Received March 26, 2024; accepted May 21 2024

Новая книга выдающегося российского антрополога Александра Григорьевича Козинцева занимает особое место в ряду его концептуальных текстов, посвященных двуединой биосоциальной сущности человека, связям праязыков, археологических культур и антропотипов, феноменам игры и смеха. Книга целенаправленно собрана из новых и ранее вышедших статей, рецензий и устных выступлений, в которых автор излагает собственное понимание специфики человеческой коммуникации, эволюционной истории речи, искусства и юмора в заочном диалоге с видными представителями современной психологии, лингвистики, культурологии, фольклористики: П. Буайе, У. Т. Фитчем, Я. Плампером, В. С. Фридманом, Т. А. Бернштам, А. С. Архиповой, В. Е. Добровольской (а «через их головы» — с Н. Хомским, С. Пинкером, Б. Ф. Поршневым, Л. С. Выготским, М. М. Бахтиным, З. Фрейдом, М. Моссом, Ч. Дарвином, М. Мюллером). Кроме того, мы получаем доступ к прямым эпистолярным диалогам автора с Г. Е. Крейдлиным, К. М. Шилихиной, В. А. Петровским, А. Крикманном.

Озвученные во введении черновые варианты заглавия книги «Удел человеческий» / «О человеческом состоянии», отсылающие к картине Рене Магритта «La condition humaine», готовят читателя к восприятию проблем происхождения человека как вида (глава 1), языка как семиотического рубикона (глава 2), а также аксиологии эмоций и свободы воли (глава 3) глазами современного антрополога.

Поступательное движение от одного раздела книги к другому обеспечивается регулярным возвращением к ключевым методологическим вопросам на новом материале и в связи с новыми прецедентными именами и теориями. Таковы глава четвертая «В чем (еще) был неправ Фрейд?» и глава пятая «Уничтожение содержания формой: от Шиллера до русского формализма», разделы главы седьмой, «Общая теория комического», — 7.1 «Кант и смех» и 7.2 «С. М. Эйзенштейн и теория комического», в которых лейтмотивом звучит мысль: «Смех настигает и нейтрализует серьезное отношение к предмету, каким бы оно ни было и где бы ни находилось — в сознании или в бессознательном» (с. 131).

Подтверждение ключевому тезису о том, что «комедия — квинтэссенция искусства, ибо она единственный вид искусства, способный уничтожать содержание формой не частично, а целиком и безоговорочно» (с. 136), А. Г. Козинцев находит в трудах мифологов и фольклористов — В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг, Е. М. Мелетинского, Ю. И. Юдина, Ю. Е. Березкина — об обрядовых корнях пародии, о мифопоэтическом

генезисе образов и мотивов сказки и анекдота исторической эпохи. Однако автор рецензируемой книги критически оценивает предположения о том, что сходство конкретных культурных феноменов (например, русского юродства и ритуальной клоунады североамериканских индейцев, палеоазиатской трикстериады и европейских сказок о хитрецах и дураках) объясняется универсальными свойствами человеческой психики и воспроизводит на современной почве древнейшие мыслительные законы и психологические свойства: «Очень вероятно, что фрагменты религиозных представлений сохранились благодаря исторической инерции в целом ряде традиций. Из того, что эти фрагменты представляют собой остатки религии ранних сапиенсов, вовсе не следует, что наше мышление адаптировано к условиям палеолита» (с. 33).

Наиболее глубоко, детально и с опорой на конкретные примеры данная проблематика обсуждается в главе шестой «Смех, плач и прочие паралингвистические знаки». Такие средства невербальной коммуникации, как смех, плач, зевота, понимаются А. Г. Козинцевым как формы «смещенной активности» в ситуациях, когда сильные мотивы конфликтуют между собой или не могут реализоваться по каким-либо иным причинам: «смех, плач и зевота стали эффективными механизмами защиты против стресса, вызванного речью и культурой. Временно подавляя речь и “отменяя” культуру, они предотвращали неврозы и обеспечивали социальное единство путем возврата с эволюционно нового речевого уровня общения на более древний и глубокий — бессознательный, доречевой уровень» (с. 164).

Дискутируя с положениями статьи Т. А. Бернштам «Феномен “смех-плач” в русской народно-православной культуре», А. Г. Козинцев переносит категории плача и смеха из сферы психологии чувств в область этологии общения. На тех же основаниях строится его критика фольклористической методологии описания феномена щекотки [Добровольская 2011]: «...щекотка, как показали психологи и этологи, имеет вполне реальную функцию, кстати, отнюдь не сводимую к физиологии, суеверия же меняются от одной культуры к другой, а кроме того, трансформируются со временем, иначе зачем было бы опрашивать деревенских старушек, а не, скажем, городскую молодежь? <...> нельзя не видеть, что цели и принципы у естественных наук и у фольклористики совершенно разные» (с. 172).

Радикальное противопоставление А. Г. Козинцевым фольклорных «представлений» о щекотке и антропологических «знаний» о психосоматической природе феномена, как кажется, может быть снято не только фактом эволюции груминга от вычесывания шерсти приматами (с. 164) до вернакулярной социальной коммуникации («Приходи, кума, попьем чайку, поищемся»), но и экспансией метафорических рядов «щекотанья / ласкотанья» (взаимно увязывающих человеческий либо демонический тактильный жест, укусы насекомых, птичье пение и эротическое чувство) из сферы быличек о ласках русалок и домовых, а также свадебной поэзии («Салавей калину щекотал, / А Михайлушка Марьюшку целавал») в область необрядовой лирики («Мухи-комары, они не дают девкам ночьку

спать»; «Муж недоросток») и нарративов о наказании неверных жен [Виноградова, Гура 2021]. Сходным образом густаторно-тактильная метафора («мед на ноже») служит основой для новеллистической репрезентации «щекотливых» отношений тещи и зятя [Alpatow, Kuzniecowa 2018].

В восьмой главе книги, «Жанры комического: трикстериада, (анти)паремия, анекдот, телешоу», ключевое понятие «антиреферентной функции юмора» рассматривается применительно к онтологической (врожденной, бессознательной, единой для всего человечества) знаковости смеха, с одной стороны, и к прагматике конкретных форм комизма эпохи постфольклора, с другой. Среди целого ряда тонких наблюдений и интерпретаций образно-мотивной структуры антипословиц, этнических анекдотов, политической сатиры обращает на себя внимание стратификация уровней развития детского юмора: «...в процессе взросления ребенок переходит от практических шалостей к словесным и все более цивилизованным способам обходить запрет. Финалом этого процесса являются анекдоты» (с. 224). Значимые результаты дает применение данной концептуальной схемы не только к анекдотическим сюжетам, деконструирующим культурные нормы, но и к эпическим контекстам, эти нормы моделирующим.

Если в сказках Старого и Нового Света на сюжет ATU 301 «Three Stolen Princesses» топос богатырского детства со стандартной формулой «кого за руку возьмет — руку долой, за ногу возьмет — нога долой» предвещает победоносную борьбу героя — медвежьего сына с монстрами [Thompson 1946: 33], то в былинах о Василии Буслаеве его бесчинное игровое поведение не находит оправдания («шуточки недобрые»), а его асоциальность подчеркнута возрастными рубежами в 7 и 17 лет:

Будет Василий семи годов,
 Стал он по городу похаживать,
 На княженецкий двор он загуливать,
 Стал шутить он, пошучивать.
 Шутить-то шуточки недобрые
 С боярскими детьми, с княженицкими:
 Которого дернет за руку — рука прочь,
 Которого за ногу — нога прочь.
 Двух-трех вместо столкнет — без души лежат
 <...>
 Тут честна вдова Мамелфа Тимофеевна
 Не пускает сына гулять во Новгород,
 Шутить шуточек недобрых.
 Будет Василий семнадцати лет...

[Былины 1986: 451–452]

Еще одним дискуссионным тезисом концепции юмора А. Г. Козинцева является противопоставление ритуального кошуинства (антиповедения) и сатиры (социальной критики): «Но кошуинство — не сатира, более того, она полярно противоположна сатире. Ясно, что сатирик должен испытывать неприязнь к объектам своей атаки. Юморист между тем вовсе не обязан

испытывать к объектам своего игрового нападения положительные чувства. Юмор освобождает нас от всяких обязательств и моральных установок — они лежат в совсем иной плоскости. Поэтому не играет особой роли, нравятся ли юмористу его объекты или нет. Этот вопрос столь же неуместен, как и вопрос о том, “нравились” ли людям традиционного общества божества, в которых они верили» (с. 306). Анализ паратеатральных феноменов советских первомайских действий (уличных шествий, клубных инсценировок, детских утренников) демонстрирует тот факт, что используемые в них визуальные, акциональные и вербальные формы *parodia sacra* могут выполнять в зависимости от ситуации как функцию антиклерикальной и антибуржуазной сатиры («Папа римский умер», «Похороны капитализма»), так и функцию гимна-славы (например, «тропари Красной Пасхи», «акафист Карлу Марксу») [Алпатов 2021]. Характерно, что ни разница целеполаганий не требует отчетливой семиотической дистрибуции, ни синкретизм пародийной формы не уничтожает конкретный функциональный посыл.

Суммируя краткие размышления над насыщенным текстом книги А. Г. Козинцева, выделим мысль, одушевляющую собранный им пазл субтекстов разных жанров: «Хотя об интенциях создателей мифов мы можем только догадываться, есть все основания полагать, что базовые свойства психики *Homo sapiens* универсальны и не зависят от эпох и традиций. Отношения между человеком и языком явно относятся к самым базовым свойствам. То же самое можно сказать про смех и юмор. Иное дело — культурные фильтры, модифицирующие проявления данных свойств. Они гораздо более этноспецифичны и изменчивы» (с. 254).

Предложенный автором антропологический подход позволяет включить в общее поле анализа и дискуссий явления, относящиеся к вполне самостоятельным, но отчетливо коррелирующим научным областям — приматологии и метафизике, лингвистике и этнологии, теоретической эстетике комического и коммуникативной прагматике цифрового глума. Тем важнее, что возникающий на перекрестье междисциплинарных линий предмет обсуждается А. Г. Козинцевым в формате методологического диалога и максимально четкого формулирования собственной позиции.

Источники

Былины 1986 — Былины: Сб. / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л.: Сов. писатель, 1986.

Литература

Алпатов 2021 — Алпатов С. В. Мотивы и образы народной смеховой культуры в топике советского карнавала 1920–1930-х гг. // Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О. В. Белова. М.: [б. и.], 2021. С. 223–248. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2021.14>.

Виноградова, Гура 2021 — Виноградова Л. Н., Гура А. В. Щекотка в свете славянской лексики и мифологии (полесские данные на общеславянском фоне) //

- Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 16. № 1–2. 2021. С. 7–38. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.01>.
- Добровольская 2011 — Добровольская В. Е. Щекотка: культурные смыслы и правила (по материалам Центральной России) // Антропологический форум. № 14. 2011. С. 268–289.
- Alpatow, Kuzniecowa 2018 — Alpatow S., Kuzniecowa O. «Мед на ноже»: казус из истории русской стихотворной топики XVII–XVIII вв. // *Slavia Orientalis*. Т. 67. № 2. 2018. С. 267–278.
- Thompson 1946 — Thompson S. *The folktale*. New York: The Dryden Press, 1946.

References

- Alpatov, S. V. (2021). Motivy i obrazy narodnoi smekhovoi kul'tury v topike sovetskogo kar-navala 1920–1930-kh gg. [Motives and images of folk laughter cultures as the common-places of the Soviet carnival of 1920–1930]. In O. V. Belova (Ed.). *Smekh i iumor v slavi-anskoj i evrejskoj kul'turnoi traditsii* (pp. 223–248) (n. e.). <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2021.14>. (In Russian).
- Alpatow, S., & Kuzniecowa, O. (2018). “Med na nozhe”: kazus iz istorii russkoi stikhotvornoj topiki XVII–XVIII vekov [“Like honey on a knife blade”: A case study on the Russian po-etical topoi of XVII–XVIII centuries]. *Slavia Orientalis*, 67(2), 267–278. (In Russian).
- Dobrovol'skaia, V. E. (2011). Shchekotka: kul'turnye smysly i pravila (po materialam Tsentral'noi Rossii) [Tickling: Cultural meanings and rules (based on materials from Central Russia)]. *Antropologicheskii forum*, 14, 268–289. (In Russian).
- Thompson, S. (1946). *The folktale*. The Dryden Press.
- Vinogradova, L. N., & Gura, A. V. (2021). Shchekotka v svete slavianskoi leksiki i mifologii (po-lesskie dannye na obshcheslavianskom fone) [Tickling in the light of Slavic vocabulary and mythology (Polesian data on a common Slavic background)]. *Slavianskii mir v tret'em tysiach-etii*, 16(1–2), 7–38. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.01>. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Сергей Викторович Алпатов

доктор филологических наук
заведующий кафедрой русского
устного народного творчества,
филологический факультет,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские
горы, д. 1
✉ alpserg@gmail.com

Вера Владимировна Нагорных

аспирантка, кафедра русского
устного народного творчества,
филологический факультет,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские
горы, д. 1
✉ shmygleva.v@gmail.com

Information about the authors

Sergey V. Alpatov

Dr. Sci. (Philology)
Head of the Folklore Department, Faculty
of Philology, Lomonosov Moscow State
University
Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1
✉ alpserg@gmail.com

Vera V. Nagornykh

Postgraduate Student, Folklore
Department, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
Russia, 119991, Moscow, Leninskie
Gory, 1
✉ shmygleva.v@gmail.com

Научный журнал
Peer-reviewed journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

Т. 10. № 3. 2024

Основан в мае 2015 г.

ISSN 2412—9410 (print)
ISSN 2782—1765 (online)

Адрес редакции: Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 9

Адрес издателя: Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82

Адрес типографии: ИД «Дело». Россия, 119234, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77—61736 от 07.05.2015,
выдано Роскомнадзором

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 15.09.2024

Дата выхода в свет: 30.09.2024

Формат 70×100/16

Объем 24 а. л.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Отпечатано в ИД «Дело»

Цена свободная